

Роберт Ладлэм

Ультиматум Борна

Пролог

Тьма опустилась на городок Манассас, штат Виргиния. Подлесок, окружающий поместье генерала Нормана Свайна, через который осторожно пробирался Борн, уже наполнился особыми, ночными звуками. Обеспокоенные его появлением чуткие птицы зашумели в темных ветвях над головой. Проснувшиеся вороны постарались перебудить всех, кого только можно, но, как ни странно, очень быстро успокоились, будто по приказу своего тайного начальника.

Манассас! Ключ был здесь! Ключ, отмыкающий двери в преисподнюю, в которой прячется Карлос, Шакал, наемный душегуб, жаждущий только одного: уничтожения Дэвида Вебба и его семьи... Вебб! Убирайся из моего тела, Дэвид, оставь меня в покое!— беззвучный крик рвался из горла Борна, сжимал его сердце. — Позволь мне быть беспощадным, хладнокровным убийцей, каким ты не сможешь стать никогда!

Борн занялся высокой изгородью из металлической сетки. С каждым щелчком кусачек он все больше и больше убеждался в том, что течение времени необратимо, и это более чем весомо подтверждалось учатившимся дыханием и ручейками пота на щеках и шее. Он всегда старался держать себя в хорошей физической форме, но как-никак ему уже пятьдесят. То, что давалось так легко в Париже лет тринадцать назад, когда, по приказу ЦРУ, он начал наступать на пятки Шакалу, теперь не повторить с прежним молодцеватым размахом. Но об этом можно подумать потом, сейчас не останавливаться, только вперед. Сегодня за ним стоят Мари и дети — жена Дэвида и дети Дэвида, — он не может позволить себе действовать не спеша! Дэвид Вебб должен испариться, оставив в его теле только опытного старого хищника — Джейсона Борна.

Итак, я внутри! Борн на секунду остановился, переводя дыхание и давая отдых напряженным мускулам. Он инстинктивно быстро проверил обеими руками снаряжение. Его оружие: автоматический пистолет, газовый пистолет с усыпляющими зарядами, бинокль ночного видения, нож в ножнах — все, что необходимо хищнику в стане врагов, которые должны вывести его на Шакала.

«Медуза»! Батальон отчаянных парней из Вьетнама, передвижение и действия которого никем не контролировались, замечательная коллекция убийц и отбросов общества, шнырявших по джунглям Юго-Восточной Азии, проводящих операции по приказам Генерального штаба в Сайгоне, сеющий

смерть отряд, принесший в Сайгон больше информации, чем все поисково-диверсионные группы, вместе взятые...

...Миновали годы. Ушедший из «Медузы» Дэвид Вебб сохранял Джейсона Борна только в виде посторонней, отстраненной от него самой фигуры в дальнем уголке памяти. Теперь он был обычным преподавателем, у него была другая жена и другие дети, другая жизнь. Другое прошлое. Старое прошлое вырвано с корнем и не должно возвращаться.

Генерал Норман Свайн занимал привилегированное положение в Генеральном штабе в Сайгоне. Он единолично держал связь с «Медузой», разрабатывал конкретные планы ее операций и поставлял в нее новых бойцов. Теперешняя «Медуза» обновилась: изменилась и увеличилась численность состава, снаряженного сверхсекретной экипировкой, воплощающей в себе последнее слово техники, и дьявольским вооружением. Она хитроумно вплелась щупальцами во все возможные сферы жизни, теперь уже выслеживая и уничтожая целые сегменты экономики множества стран ради выгоды одной-двух, без следов, без прошлого и настоящего, без истории. Основное финансирование действий «Медузы», по-прежнему почти никем не направляемых и не контролируемых, велось из мрачных источников, заложенных во времена кровавых юго-восточно-азиатских рейдов. Эта современная «Медуза» была мостиком Борна к Карлосу Шакалу. Наемный убийца вполне мог найти понимание и стать клиентом в стане других убийц, и теперь все они мечтали только об одном: о смерти Джейсона Борна. Да, так оно и было! И если это так, то Борн может спастись, только пошарив в тайниках генерала Свайна – главного интригана и сводника Пентагона, вечно трясущегося от волнения или страха человека с небольшой татуировкой на предплечье. Члена клана «Медузы».

Не издав ни единого звука, черный, хорошо натренированный доберман мощно, с треском проломился сквозь густую листву. Джейсон выхватил из пластиковой кобуры газовый пистолет, следя за оскаленной слюнявой пастью приближающегося пса. Собака явно собиралась вцепиться ему в пах. Борн выстрелил псу в голову, и через мгновение животное заснуло, на полном ходу повалившись на землю.

Теперь перережь ему горло! Ну давай! – беззвучно кричал Борн.

Нет, – возразила другая его половина – Дэвид Вебб. – Это не его вина, он только животное, его научили этому.

Прочь от меня, Дэвид Вебб!

Глава 1

Грохот музыки и толпы гуляющей публики заполняли от края до края Луна-парк в предместье Балтимора. Летний вечер был очень жарким, почти все лица и шеи были залиты потом, за исключением тех, которые принадлежали вскрикивающим от восторга и возбуждения посетителям, проносящимся по крутым поворотам «Опасных виражей» или издающим пронзительные вопли и поднимающим тучи брызг в оврагах «Американских горок». Разноцветное, неестественно восторженное мигание гирлянд из раскрашенных лампочек органично сливалось с металлической какофонией музыки, ревущей из многочисленных колоколообразных динамиков. Преимущественно звучали марши, на любой вкус, побыстрее и помедленнее. Палаточники монотонно и гнусаво расхваливали свой товар, стараясь перекричать окружающий грохот. Все действие сопровождалось треском разрывов бесконечных фейерверков в ночном небе, осыпающих ближайшее озеро каскадами сверкающих искр. Римские свечи старались вовсю, извергая изогнутые дугами потоки ослепительного, режущего глаза пламени.

Среди силомеров типа «Врежь-по-звоночку» мелькали искаженные лица мужчин с выступающими на напряженных шеях жилами, ищущих подтверждения своей силе и мужественности, обрушивающих тяжелые деревянные молоты на обманчиво легонькие планки аттракционов, упрямо отказывающихся послать маленькие красные шарики вверх к звонкам. Чаше всего горе-герои оставались ни с чем, что подтверждалось повсеместным выражением уныния и разочарования на многих лицах. Напротив, через дорогу, раздавались довольные и испуганные крики другой части страждущей публики, с отчаянным энтузиазмом сталкивающейся на маленьких электрических «Доджах», причем каждое столкновение с яркими соседними автомобильчиками вызывало всплеск вырывающейся наружу восторженной агрессии водителей, вероятно воображающих себя звездами экрана, так успешно и лихо избежавшими всех расставленных недругами ловушек. Яркая вывеска неподалеку, «Перестрелка в корале Крутых Парней», предполагала насыщенную старательным бабаханьем стычку, по сути не означающую ничего.

Далее по центральной аллее парка располагался наполненный призраками моментальных разящих смертей настоящий стрелковый зал, отвергающий глуповатое и скучноватое мелкокалиберное однообразие сельских празднеств и ярмарок штатов. Напротив, здесь был представлен небольшой, но любовно собранный и впечатляющий мирок наисовременнейших образцов наиболее смертоносного оружия. Имелся укороченный АКМ и пистолет-автомат «узи», можно было увидеть наземные пусковые установки и противотанковые базуки и, как венец всего, ужасающий вариант огнемёта, выпускающий в

данный момент, к счастью, только мощные слепящие струи света сквозь специально напущенные для этой цели клубы дыма. Здесь также кишели потные лица, источающие из пор кожи капли соленой влаги, скатывающейся вниз по вытаращенным восторженным глазам и далее, по вытягивающимся напряженным шеям, за шиворот. Мужья, жены, дети, их гротескные, перекрученные в толчее фигуры хватали, вертели, ощупывали и изучали оружие, как будто собираясь немедленно открыть огонь по врагам – все тем же женам, мужьям и детям. В 21.29 в Луна-парке под Балтимором окружающее пространство было втиснуто и замкнуто на одном бесконечном и бессмысленном зрелище, и главной темой его было насилие. Происходящее олицетворяло безжалостный и бессмысленный бой человека с самим собой и своими внутренними комплексами, главным из которых был, конечно, страх.

Стройная, худощавая фигура мужчины, сильно прихрамывающего и опирающегося на трость, продвигалась в толпе мимо павильона, где заведенные и азартные посетители метали дротики в надутые шары с намалеванными на них по трафарету лицами популярных личностей. Каждое удачное попадание сопровождалось сочным хлопком, что немедленно влекло за собой кучу яростных доводов за и против оседающего и испускающего дух жалкого остатка политического деятеля и обращений к их безжалостным палачам-метателям. Хромой человек прошел дальше сквозь толпящийся лабиринт гуляющих, внимательно посматривая по сторонам, будто разыскивая что-то в этой лихорадочной, суматошно перепутанной, незнакомой ему части города. Его куртка и спортивная рубашка с расстегнутым воротом были надеты с хорошо продуманной небрежностью. Причем создавалось впечатление, что изнуряющая жара не оказывает на него ни малейшего воздействия, а куртка имеет некий особый смысл.

Лицо мужчины было не лишено солидной приятности человека средних лет, но при этом изрезано хорошо заметными морщинами и отмечено глубокими тенями под глазами, явно являющимися результатом характера прожитых лет, а не их количества. Александр Конклин когда-то служил в ЦРУ в чине офицера и был секретным агентом, теперь ушедшим в отставку. Он ощутимо нервничал и просто излучал всей своей фигурой напряженное беспокойство. Ему ужасно не нравилось то, что события, подобного поворота которых он даже представить себе не мог, заставили его оказаться здесь.

Он не торопясь шел мимо широкого входа в стрелковый зал, когда, внезапно вздрогнув, впился взглядом в высокого лысого мужчину примерно одних с ним лет, в наброшенном на плечи легком пиджаке, рассматривающего бурлящую толпу у стойки с оружием. Итак, навстречу ему шел сам Моррис Панов! В чем дело? Конклин резко повернул голову направо, потом налево, бросая острые цепкие взгляды во все стороны и

рассматривая окружающие лица и фигуры. Он инстинктивно почувствовал, что за ним и приближающимся к нему психиатром сейчас следят.

Предупреждать и предостерегать Панова было уже поздно, но пока еще ничто не мешало им убраться отсюда! Бывший разведчик дотронулся до небольшой автоматической «беретты» в кобуре под курткой, с которой почти никогда не расставался, и неожиданно рванулся вперед напролом, захромав еще сильнее и устремив на толпу свою трость как таран. Не обращая внимания на то, что он ощутимо задевает коленные чашечки, вонзается в животы и груди женщин и тычет им в почки, он прорывался сквозь толпу до тех пор, пока ошеломленные прохожие не пришли в ярость и не обрушили на странного буяна всевозможные проклятья.

Тогда он, уже осторожно, как мог быстро, прошел вперед, почти врезался своим худощавым телом в изумленного врача и крикнул ему в лицо, стараясь перекричать шум топы:

– Что за черт, почему ты здесь?

– По той же причине, что и ты, я полагаю. Из-за Дэвида, или, может быть, лучше сказать Джейсона. Так он подписал свою телеграмму.

– Это ловушка!

Над окружающим их беспорядочным гомоном толпы прозвучал пронзительный крик. Конклин и Панов быстро и одновременно обернулись и посмотрели в сторону стрелкового зала в нескольких метрах от них. Крик доносился именно оттуда. Лицо тучной женщины, раненной выстрелом в горло, было искажено гримасой боли. Толпа немедленно пришла в движение. Конклин вертел головой в разные стороны, стараясь высмотреть стрелка, но паника была уже в самом разгаре. Он не видел ничего, кроме мечущихся спин. Тогда он решительно схватил Панова за рукав и увлек его сквозь поток несущихся обезумевших людей на другую сторону центральной аллеи и далее, сквозь уже спокойно прогуливающуюся публику к массивному силуэту «Опасных виражей» на окраине парка, к небольшой очереди отдыхающих, желающих покататься и собравшихся около будки кассира. В воздухе стоял оглушительный шум.

– Боже ты мой! – простонал Панов. – Это что же, предназначалось нам?

– Может быть, да... а может, и нет, – хрипло ответил бывший разведчик, с трудом переводя дыхание. В отдалении уже слышался вой сирен приближающихся машин «Скорой помощи».

– Ты сказал, что это ловушка?

– Мы получили от Дэвида телеграммы совершенно безумного содержания, подписанные именем, про которое он вот уже лет пять как забыл, – Джейсон Борн! Что мне при этом думать? Интересно, в твоей телеграмме он тоже просил тебя не звонить ему домой ни при каких обстоятельствах?

– Да, там это было.

– Тогда это точно ловушка... Мо, у тебя ноги получше, поэтому давай двигай отсюда. Проваливай отсюда, будто тебе перцу под хвост насыпали, и найди телефонную будку. Именно телефонную будку, платный телефон, чтобы не отследили!

– Зачем?

– Кто-то вышел на нас, доктор. Кто-то ищет Джейсона Борна, и это тот, кто следит за ним все последние годы, и он не успокоится до тех пор, пока не возьмет Борна на мушку... В свое время ты порядком покопался в его полуспятившей башке, пока я дергал все эти крысиные веревочки в Вашингтоне, чтобы вытащить его и Мари живыми из Гонконга. Но теперь нас нашли, похоже, игра пошла против правил, Мо. Они нашли тебя и меня! Мы единственные официально зарегистрированные связи, ведущие к Джейсону Борну, ни настоящее имя, ни место жительства которого никому не должны быть известны.

– Ты понимаешь, что это может означать, Алекс?

– Да, это так, черт его дерит, я все понимаю... Это Карлос. Шакал. Уноси ноги, доктор. Дозвонись до своего бывшего подопечного и посоветуй ему исчезнуть.

– А потом?

– У меня нет друзей, по крайней мере таких, которым я мог бы доверять. У тебя вроде их полно. Дай ему чье-нибудь имя, скажем, одного из твоих приятелей-медиков, которому без конца звонят пациенты, как тебе. Скажи Дэвиду, чтобы он связался с нами, когда будет в безопасности. Договорись о пароле.

– О пароле?

– Господи, Мо, пошевели мозгами! Вымышленное имя, Джонс или Смит...

– Очень часто встречается...

– Ну тогда Шикльгруббер или Гагарин, что тебе больше нравится! Лишь бы он дал о себе знать, где его искать и что с ним.

– Понял.

– Теперь сваливай отсюда, но не домой! Снимешь номер в отеле «Брукшильд» в Балтиморе на имя... Моррис, Филипп Моррис. Я свяжусь с тобой сам.

– А ты?

– Я выбрал самое неприятное... Со своей клюкой я собираюсь купить билет на эти дрянные горки. Никто не станет разыскивать там такого калеку, как я. Я их до чертиков боюсь, меня выворачивает от одного их вида, но наиболее логичным выходом из положения будет просидеть в этих долбаных вагончиках всю ночь. Давай, Мо, крути педали. Торопись.

Между холмами Нью-Гэмпшира по объездной дороге, ведущей на юг, в сторону Массачусетса, на большой скорости шла машина – вместительный фургон пикап. За рулем сидел долговязый мужчина с острыми чертами лица, напряженный, играющий желваками. Чистые светло-голубые глаза выражали свирепую, неистовую ярость. Позади него сидела необыкновенно привлекательная женщина, его жена. Ее каштаново-рыжие волосы переливались в мягком свете приборной доски. На руках она держала младенца – девочку восьми месяцев от роду. На втором переднем сиденье, заботливо укрытый пледом и предусмотрительно защищенный, на случай падения при резком торможении, съемными перильцами, спал второй ребенок, светлоголовый мальчик пяти лет.

Их отца звали Дэвид Вебб. В настоящее время он был профессором факультета востоковедения, а в прошлом – членом пресловутой таинственной «Медузы», можно сказать живой легендой – наемным убийцей Джейсоном Борном.

– Мы знали, что это когда-нибудь обязательно произойдет, – сказала Мари Сен-Жак Вебб, канадка по происхождению, экономист по образованию и, по стечению обстоятельств, спасительница Дэвида Вебба. – Это было лишь вопросом времени.

– Это ненормально, от этого просто можно сойти с ума, – ответил ей громким шепотом Дэвид Вебб, стараясь не разбудить детей. Даже шепот выдавал необычайное напряжение, охватившее его. – Все уже давно похоронено и забыто. Максимальная надежность архивов и все прочие заслоны. Каким же образом они вышли на Алекса и Мо?

– Пока мы еще не знаем этого, но Алекс уже начал разбираться с ситуацией. Лучше Алекса никто здесь не разберется, ты же сам говорил это.

– Он засветился, и теперь он все равно что покойник, – хмуро прервал ее Вебб.

– Еще рано так говорить, Дэвид. В своем деле он лучший во все времена. Это твои собственные слова.

– Он был таким когда-то, тринадцать лет назад, в Париже.

– Это потому, что ты тогда оказался лучше его...

– Вовсе нет! Тогда я не знал даже, кто я такой, а о сведениях, которыми располагал он, я и понятия не имел. Это он сделал из меня то, чем я был, можно сказать, что я жил по его сценарию. Сам я не смог бы ни черта... Он и сейчас лучший. Он спас нас с тобой тогда, в Гонконге.

– Значит, оба мы думаем одинаково. Следовательно, мы в хороших руках.

– Алекс – да. Но не Мо. Боже мой, можно считать, что этого прекрасного, милого человека уже нет. Они достанут его и прикончат.

– Он ничего им не скажет. Ляжет в могилу с закрытым ртом.

– Он ничего не сможет сделать. У него не будет такой возможности. Они накачают его амиталом до полубессознательного состояния и смогут записать на пленку хоть историю всей его жизни. А потом убьют его и придут за мной... за нами. Поэтому-то тебе и детям нужно уехать отсюда. Куда-нибудь на юг, на Карибы.

– Детей мы отправим, дорогой, но я останусь.

– Хватит, Мари. Не будем об этом. Мы уже обо всем договорились, когда родился Джеми. Потому-то мы забрались сюда, в эту медвежью дыру, со всеми потрохами и фактически купили душу твоего младшего братишки, чтобы он присматривал здесь за хозяйством... Он молодец, сработал на все сто. Сейчас благодаря ему мы имеем половину пая в процветающей гостинице, находившейся некогда в конце грязной проселочной дороги на богом забытом островке, о котором никто и не слышал до тех пор, пока здесь не высадились на гидроплане канадские промысловики.

– Джонни всегда был оборотистым парнем. Папа говорил, что он может всучить тебе занюханную телку под видом первоклассного бычка, да так ловко, что ты даже и не подумаешь о том, чтобы заглянуть ей под хвост.

– Просто он любит тебя и детей... Я рассчитываю на него, хоть он довольно дикий... так или иначе, я доверяю Джонни.

– Хоть ты и разбираешься в людях, но за дорогой все же надо следить. Ты только что проехал поворот к мотелю.

– Вот черт! – вполголоса выругался Вебб, тормозя машину и разворачиваясь назад. – Завтра! Ты, Джеми, Элисон и Джонни едете в аэропорт Логана. И вперед, на острова!

– Мы еще поговорим об этом, Дэвид.

– Не о чем говорить!

Вебб несколько раз глубоко вздохнул, стараясь взять себя в руки.

– Я уже бывал здесь, – добавил он тихо.

Мари посмотрела на мужа. Его на удивление спокойное лицо было покрыто глубокими тенями в тусклом свете приборной доски. То, что она увидела, испугало ее даже больше, чем близкий призрак Шакала. Вежливого, мягкого преподавателя здесь больше не было. Она снова смотрела на того человека, тень которого, как легкомысленно они считали, улетучилась из их жизни навсегда.

Глава 2

Сжав покрепче трость, Александр Конклин, прихрамывая, вошел в конференц-зал ЦРУ в Лэнгли, штат Виргиния. Он остановился неподалеку от длинного массивного стола, достаточно просторного для размещения тридцати человек. Сейчас за этим столом сидели только трое. Председательствовал седовласый Д.Ц.Р. 1, директор центральной разведки. Ни он, ни два его заместителя не выразили особого восторга при виде Конклина. Приветствия были официальными и холодновато-вежливыми. Вместо того чтобы подсесть к троице официальных лиц, Конклин выдвинул стул у дальнего конца стола и уселся на него, с громким стуком прислонив к столешнице свою трость.

– Приветствия окончены, переходим к делу, джентльмены?

– Мне кажется, вы сегодня не слишком-то любезны, а, мистер Конклин? – заметил директор.

– То, что я сейчас собираюсь сказать, вряд ли можно отнести к любезностям, сэр. А именно: мне хотелось бы знать, почему нарушены правила абсолютной секретности, параграф четыре-ноль, и был позволен доступ к информации с наивысшим уровнем защиты, что подвергло опасности жизни нескольких человек, в том числе и меня?

– Это очень грубое нарушение правил... ты понимаешь, о чем говоришь, Алекс? – взволнованно воскликнул один из заместителей.

– Грубое и непростительное! – добавил второй. – Подобного просто не могло произойти, и ты это знаешь.

– Это произошло, и теперь я ничего иного знать не хочу, но то, что это не лезет ни в какие ворота, вот с этим я согласен, – ядовито заметил Конклин. – Один из отсутствующих здесь людей, его жена и дети, гражданин этой страны, которой большая часть мира задолжала больше, чем способна когда-либо заплатить, должен бежать, прятаться, каждую секунду с ужасом понимая, что он и его семья теперь лишь мишени в тире. Мы дали ему слово, все мы, что ни одна страничка из этих документов не увидит свет до того дня, когда появится абсолютная уверенность, что наемный убийца Ильич Рамирес Санчес, известный также под кличкой Карлос, Шакал, умер... Я знаю, что вы мне можете сказать, я и сам не раз слышал те же сплетни, что и вы, может быть, из тех же, а может быть, из лучших источников, про то, что Шакал был убит или казнен там-то и там-то, но ни один из этих слухов, повторяю, ни один, не оказался подтвержденным неопровержимыми доказательствами. Теперь некая часть секретных данных, очень существенная и значимая часть, вышла наружу, и это сильно задевает меня, потому что там есть мое имя... Мое и доктора Панова, главного психолога по этому делу. Мы единственные, повторяю, единственные имеем выход на никому не известного ныне человека, бывшего когда-то Джейсоном Борном, и это направляет на нас первый удар Карлоса в затеянной им убийственной игре. Каким образом такие данные выплыли наружу? В соответствии с правилами, если кто-то желает получить доступ к какой-то части сведений подобного рода, хоть из Вашингтона, хоть из Государственной комиссии или Объединенного комитета, он должен пройти через кабинет директора и его главных аналитиков здесь, в Лэнгли. А они, в свою очередь, должны вникнуть во все детали запроса, и даже если они будут убеждены в его целесообразности, все равно остается еще один этап. Это я сам. Прежде чем доступ будет разрешен, необходимо связаться со мной, но в данном случае я был вне пределов досягаемости. Доктор Панов был доступен, и любой из нас отверг бы любой запрос... Таковы дела, джентльмены, и никто не разбирается в этих правилах глубже меня, потому что я был одним из тех, кто составлял их здесь же, в Лэнгли, потому что это место я знаю лучше всего, проработав двадцать восемь лет в сфере засекречивания информации. Эти правила были тем последним, чем я занимался, они были официально согласованы с президентом Соединенных Штатов и членами конгресса и прошли через комитеты по секретности и разведке в Белом доме и Сенате.

– Это уже тяжелая артиллерия, мистер Конклин, – покачал седой головой директор.

– Тяжелые времена заставили расчехлить стволы.

– Догадываюсь. Один из ваших залпов достал меня.

– Да, черт возьми! При всем при этом еще есть вопрос: кто несет ответственность за это? Я хочу знать, каким образом всплыла эта информация и, что более важно, кто получил к ней доступ?

Оба заместителя заговорили разом, настолько же раздраженно, как и Алекс, но были остановлены движением директорской руки с зажатой в ней трубкой.

– Притормозите-ка и осадите назад, мистер Конклин, – сказал директор, раскуривая трубку. – Вы, конечно, знакомы с моими заместителями, хотя мы с вами не встречались никогда, так?

– Да. Я вышел в отставку четыре с половиной года назад, а вы заняли должность через полгода после этого.

– И, как многие другие, что вполне оправданно, я думаю, вы считаете мое назначение следствием протекции, дружеских связей?

– Несомненно. Но меня это нисколько не беспокоит. Во всех отношениях. Вы кажетесь вполне квалифицированным в своем деле. Насколько я знаю, вы были адмиралом военно-морской разведки в Аннаполисе, человеком, далеким от политики, и по стечению обстоятельств попали в одно место службы с неким флотским полковником во время военных действий во Вьетнаме. Этот полковник впоследствии стал президентом. Другие ваши коллеги пришли и ушли, а вы остались. Вот видите, как все просто.

– Ну что же, спасибо. Но уж вам-то, я думаю, пришлось «потрудиться» с моими заместителями?

– Это уже в прошлом, но все равно я бы не сказал, что они были хорошими друзьями для агентов на местах, полевииков. Они аналитики, а не полевики. Этим все сказано.

– Это что, традиционная вражда или исконная антипатия?

– Конечно. Они занимаются анализом ситуации в тысячах миль от полевииков при помощи компьютеров, которые неизвестно кто программирует и на основании данных, о которых мы даже не имеем представления. Вы чертовски правы в том, что это исконная антипатия. Мы имеем дело с живыми людьми, а они нет. Они оперируют с маленькими зелеными буквами на экранах дисплеев и часто принимают решения такие, что лучше бы вообще не принимали никаких. Никогда.

– Людьми, особенно такими, как вы, нужно управлять! – воскликнул заместитель директора, сидящий справа. – Сколько раз, даже до сих пор, люди, думающие так же, как вы, портили общую картину. Отказывались воспринимать глобальную стратегию и смотрели только на самих себя.

– В таком случае вы должны посвящать нас в эту глобальную стратегию, по крайней мере вкратце или в большую ее часть, чтобы мы могли оценивать в своих действиях важное и второстепенное.

– Где предел этому посвящению, Алекс? – спросил заместитель слева. – Где то место, на котором мы должны сказать: «Дальше мы не можем продолжать, даже ради вашего спокойствия, извините – военная тайна»?..

– Не знаю, аналитики-то вы, а не я. Наверно, процесс должен быть поставлен на постепенную основу, идти от пункта к пункту и, конечно, с лучшей обратной связью, а то, когда я был агентом... Стоп. Минутку. Не я должен сейчас отвечать, а вы.

Алекс пристально посмотрел на директора.

– Очень тонко подмечено, сэр, но я не собираюсь менять основы основ, я здесь не для этого. Я всего лишь пришел узнать, кто и где добыл это и каким образом. Если вы колеблетесь с ответом, то я могу воспользоваться своим положением и обратиться в Белый дом или выше, на Капитолийский холм, и потом только наблюдать, как будут лететь головы... Так скажите, что мне делать?

– Я тоже не собираюсь менять порядок вещей, мистер Конклин, я всего лишь хотел внести немного ясности в вопрос. Вы негативно оцениваете старые методы и манеру действий моих коллег, но вводили ли они когда-нибудь вас в заблуждение, лгали ли они вам?

Алекс быстро взглянул на одного и другого заместителя:

– Единственный раз, когда они лгали, не был никак связан с моей агентурной деятельностью.

– Что за странный ответ?

– Вероятно, они не говорили вам об этом, хотя и должны были. Пять лет назад я был алкоголиком. Я и сейчас алкоголик, просто я больше не пью. Я раньше времени вышел на пенсию, и никто ничего мне при этом не сказал.

– К вашему сведению, все мои коллеги говорили мне, что вы были больны и по этой причине не могли выполнять обычный круг своих обязанностей в последний период службы.

Конклин снова изучил лица обоих заместителей, кивнул им и сказал:

– Благодарю тебя, Кассет, и тебя, Валентино, но этого делать не стоило. Я был пьяницей, и это не секретные сведения, независимо от того, связаны ли они со мной или нет. Глупее этого, по-моему, вы здесь еще ничего не делали.

– Мы хорошо знали про тебя и про Гонконг, где ты прекрасно и много поработал, Алекс, – мягко произнес мужчина по имени Кассет. – Нам не хотелось умалять твои заслуги.

– Ты был гвоздем у нас в заднице с тех пор, как я тебя помню, – добавил Валентино. – Но нам не хотелось трясти за порогом твоим грязным бельем.

– Ладно. Проехали. Вернемся к Джейсону Борну. Я здесь из-за него, черт побери, и именно поэтому радую ваш взгляд.

– Вы имеете некоторые профессиональные отличия от моих заместителей, но, думаю, не будете сомневаться в их достоинствах.

– Не в Кассете и Вале. В других – может быть, но не в них. Я только хотел сказать, что они делали свою работу, а я свою. Вина не в них, вина в системе, которая и предназначена для того, чтобы напускать туман. Но теперь это не так. Правила строги, недвусмысленны и абсолютны, и если я не в курсе того, что произошло, значит, правила нарушены и я введен в заблуждение, или, попросту говоря, я обманут. Повторяю. Как это случилось и кто получил доступ к информации?

– Я услышал от вас уже все, что хотел, – сказал директор, подвигая к себе телефон и снимая трубку. – Попросите, пожалуйста, мистера Де Соле подняться из холла в конференц-зал.

Директор осторожно положил трубку и посмотрел на Конклина:

– Кажется, вы знакомы с мистером Де Соле?

– Де Соле крот-молчун.

– Прошу прощения?

– Это старая здешняя шутка, – объяснил Кассет директору. – Стиви знает, где захоронены все тела, но ничего никому не говорит до тех пор, пока вы ему не покажете разрешение по форме ноль-четыре. Даже, наверно, самому господу богу и то не скажет.

– Я так это понимаю, что вы все, особенно мистер Конклин, считаете мистера Де Соле хорошим профессионалом?

– Да, я так считаю, – ответил Алекс. – Он скажет только то, что вам можно знать, но не более того. И он не соврет. Он обычно помалкивает, хотя может и сболтнуть кое-что, но не врет никогда.

– Это еще одна вещь, которую я хотел от вас услышать.

В дверь негромко постучали, и директор пригласил войти. В конференц-зале появился мужчина среднего роста, немного полноватый, в сильных

очках в стальной оправе, ощутимо увеличивающих его глаза. Обведя присутствующих за столом взглядом, человек не сразу заметил Александра Конклина, но, заметив, явно удивился. Направившись было в сторону директора и его заместителей, он резко изменил направление движения и пошел к стулу, на котором сидел бывший разведчик, придав лицу выражение приятного изумления:

– Рад видеть тебя, старик. Сколько лет... два или три года, если не ошибаюсь?

– Больше четырех, Стиви, – пожимая протянутую ему руку, ответил Конклин. – Ну, как поживаешь, анализатор аналитиков и главный манипулятор?

– Теперь особенно-то и анализировать нечего, не то что запереть. Белый дом пропускает все через свое сито, да и конгресс не лучше. Я и ползарплаты не отрабатываю, просто не говорю никому об этом.

– Ну, кое-что мы все-таки придерживаем для себя, не так ли? – прервал Де Соле директор с участливой улыбкой. – Уж в прежние времена – это точно, ты поработал за двоих.

– Ага. Думаю, вы правы. – Де Соле с улыбкой покачал головой, отпуская руку Конклина. – И тем не менее времена хранителей архивов и переездов с вооруженной охраной в подземные стальные сейфы прошли. Теперь все на компьютерах, даже фотографии. Одно сканирование документов чего стоит. Все над землей. Меня уже сто лет не возили в компании парней с автоматами в ожидании волнующего налета прекрасной Мата Хари. Я даже забыл, когда в последний раз держал в руках кейс с наручником на запястье.

– Так-то оно было вернее, – заметил Алекс.

– Жаль, внучатам нечего будет рассказать, старик... «Дедушка, а расскажи нам, как ты был шпионом?» – «Ну, разгадал сотен пять кроссвордов за последние пять лет службы, ребятки».

– Осторожнее, мистер Де Соле, – предостерегающе повысил голос директор, тихо посмеиваясь. – А то я начну думать, а не урезать ли вам ставку. Но, с другой стороны, вот так сразу мне вам не верится.

– Мне тоже, – сказал Конклин, пребывая в тихой ярости. – Это здорово подстроено, – добавил он, рассматривая пухлого аналитика.

– Похоже на обвинение, Алекс? – быстро спросил Де Соле. – Может, объяснишься?

– Ты знаешь, почему я здесь, так ведь?

– Я не знал, что это будешь именно ты.

– О да, я понимаю тебя. Ты целыми днями торчишь внизу в холле, в ожидании, когда тебя вызовут наверх?

– Мой кабинет внизу в холле. И даже еще немного ниже, должен отметить.

Конклин перевел взгляд на директора:

– Опять-таки очень тонкий ход, сэр. Собрать вместе трех человек, которым я, как вы полагаете, безоговорочно доверяю, для того чтобы избежать наружной огласки и не выносить сор из избы.

– Все так, мистер Конклин. Все, что вы сказали, – правда. Присядьте, пожалуйста, мистер Де Соле... Сюда, за наш край стола, так, чтобы наш бывший коллега хорошо нас видел и изучал выражение наших лиц, выслушивая наши же объяснения. Я правильно вас понял, мистер Конклин, это излюбленная тактика полевиков?

– Мне не в чем объясняться, черт побери, – раздраженно проронил аналитик, выдвигая для себя стул рядом с заместителем Кассетом. – Но в свете последних замечаний моего бывшего коллеги я хотел бы изучить его самого. Как ты, в порядке, Алекс?

– Он в порядке, – ответил заместитель, отзывающийся на имя Валентино. – Он просто лает на любую случайную тень, а в остальном все нормально.

– Эта информация не могла всплыть без разрешения или содействия одного из присутствующих здесь людей! – воскликнул Конклин.

– Какая информация? – удивился Де Соле, устремив на директора вопросительный взгляд неожиданно округлившихся под стеклами очков глаз.

– А, имеются в виду эти материалы высшей секретности, о которых шел разговор с утра?

Директор кивнул и перевел взгляд на Конклина:

– Вернемся к сегодняшнему утру... Семь часов назад, около девяти, мне позвонил Эдвард Мак-Алистер, бывший член Государственной комиссии и нынешний председатель Агентства национальной безопасности. Мне говорили, что мистер Мак-Алистер был с вами в Гонконге, это верно, мистер Конклин?

– Мистер Мак-Алистер был там с нами, – невыразительным голосом ответил Алекс. – Он прилетел туда инкогнито и работал вместе с Джейсоном Борном в Макао, где его чертовски неудачно подстрелили, да так, что он едва не умер. Он чрезвычайно умный и, может быть, один из храбрейших людей, которых я встречал в жизни.

– Он не вдавался в подробности и сказал только, что он был там, и просил меня перекроить свое дневное расписание, если будет нужно, но поставить встречу с вами пунктом номер один... Тяжелая артиллерия, мистер Конклин.

– Повторяю: для этого имелись веские причины.

– Допускаю это... Мистер Мак-Алистер охарактеризовал документы, которые вы имеете в виду, а именно – содержащие информацию об операции в Гонконге, как сверхсекретные. Я, в свою очередь, дал соответствующие указания мистеру Де Соле, и, думаю, он сможет рассказать вам то, что сумел выяснить.

– Эти документы никто не трогал, Алекс, – сказал Де Соле, мрачно глядя на Конклина. – До девяти тридцати сегодняшнего утра в течение четырех лет, пяти месяцев, двадцати одного дня, одиннадцати часов и сорока трех минут они оставались не востребованными. Этот отрезок времени и пространства был изъят из истории. Черная дыра. И причин для этого было предостаточно, не знаю, в курсе ты этого или нет, Алекс.

– Все, что касается этих документов, должно касаться и меня!

– Может быть, да, а может, и нет... – вежливо возразил Де Соле. – У тебя были некоторые проблемы, а мистер Панов не имеет опыта работы с секретными данными.

– Куда это ты клонишь, черт побери?

– К списку лиц, имеющих доступ к данным по Гонконгу, было добавлено третье имя... Эдвард Ньювингтон Мак-Алистер, по его собственному настоянию, в соответствии с официальными запросами президента и конгресса. Можешь сам проверить.

– О бог ты мой! – Конклин явно был в затруднении. – Когда я звонил ему прошлым вечером из Балтимора, он сказал, что то, что случилось, невозможно. Потом он добавил, чтобы я успокоился, и если нужно, он устроит пресс-конференцию... Господи, что происходит?

– Обещаю вам, что мы займемся проверкой, – сказал директор. – Но, прежде чем мы к ней приступим, вы должны принять решение, мистер Конклин. Видите ли, никто из нас не знает, что находится в этих сверхсекретных документах... Мы выяснили кое-что и, как правильно заметил мистер Кассет, поняли, что вы много поработали в Гонконге, но, в чем заключалась суть вашей работы, мы не знаем. До нас доходили слухи из дальневосточных источников, большая часть которых – несомненное преувеличение, и главное место в них было отведено вам и этому наемному убийце, Джейсону Борну. Теперь можно отметить очевидное несоответствие этих слухов, в которых

говорилося о том, что вы руководили захватом и ликвидацией убийцы по имени Борн, и произнесенной несколько минут назад вами в запале фразой «некий человек, известный ранее под именем Джейсон Борн», из чего можно сделать вывод, что этот человек жив и где-то скрывается. Выражаясь вашими терминами, мы были введены в заблуждение, по крайней мере я.

– Выходит, вы не смотрели в документы?

– Нет, – ответил Де Соле. – На этом настоял я. Знаешь ли ты это или нет, но каждое обращение к документам, относящимся к областям наивысшей секретности, автоматически регистрируется с пометкой конкретной даты и времени... Поскольку директор сообщил мне, что этими документами обеспокоено Агентство безопасности, я решил оставить все как есть. В них не заглядывали уже около пяти лет, никто не знает, что в них написано, и соответственно никто не выдавал информацию сторонним дурным людям, каким бы то ни было.

– Свой зад ты прикрываешь здорово, комар носа не подточит.

– А как же, Алекс. На этих документах стоит гриф Белого дома. Мы здесь живем тихо и спокойно, и у нас нет охоты ерошить кому бы там ни было перышки в Овальном кабинете. Сейчас там сидит новый человек, но бывший президент еще жив и очень, очень деятелен. Ничего не стоит получить от него необходимые консультации, так зачем нам рисковать?

Конклин медленно обвел взглядом лица сидящих перед ним людей. Наконец он негромко произнес:

– Получается, вы и в самом деле не в курсе тех событий?

– Да, это правда, Алекс, – ответил заместитель Кассет.

– Мы знаем только то, что ты сам нам сообщил, – добавил заместитель Валентино, позволяя себе слегка улыбнуться.

– Даю тебе слово, – поклялся Де Соле, глядя Конклину прямо в глаза чистым, ясным взором.

– Если вам нужна наша помощь, то мы должны знать еще что-то, кроме противоречивых слухов, – заключил директор, откидываясь на спинку кресла. – Не знаю, сможем ли мы вам помочь в принципе, но знаю точно, что наверняка ничего не сможем сделать, не имея никакой информации.

Алекс снова изучил лица сидящих перед ним людей. Его болезненные черты еще больше исказились, как будто принятие решения причиняло ему физические страдания.

– Я не смогу назвать вам имена, потому что дал слово. Может быть, позже назову, но не сейчас. В документах их нет, имеется только договоренность между мной и тем человеком в устной форме, в отношении которого я тоже дал слово. Остальное я вам расскажу, потому что мне нужна ваша помощь и я хочу, чтобы эти документы оставались по-прежнему неприкосновенными. С какого места мне начать?

– Наверно, с нашей встречи, – предложил директор. – В чем причина ее срочности?

– Хорошо, это не займет много времени.

Конклин несколько долгих секунд сосредоточенно рассматривал полированную поверхность стола прямо перед собой, затем крепко сжал рукоятку своей трости. После этого он поднял глаза и заговорил:

– Прошлым вечером была убита женщина в Луна-парке, неподалеку от Балтимора...

– Я читал про это в утренней «Пост», – перебил его Де Соле, кивнув.

– Я тоже читал про это, – добавил Кассет, не отрывая карих глаз от Алекса. – Это произошло перед стрелковым залом. Наверно, кто-то опустил ружье слишком низко.

– Я видел эту статью краем глаза и отнес произошедшее к ужасному несчастному случаю. – Валентино медленно покачал головой. – Но я так и не прочитал ее.

– Я работал сегодня утром с обычной пачкой газетных вырезок. Такого материала я не видел. Очевидно, секретарь не счел его заслуживающим особого внимания.

– Ты замешан в это, старик?

– Если бы меня там не было, то это можно было бы отнести к случайной жертве. Я имею в виду, если бы мы не были втянуты в это.

– Мы? – В голосе Кассета послышалась тревога.

– Моррис Панов и я получили одинаковые телеграммы от Джейсона Борна с просьбой быть вчера в двадцать один тридцать в Луна-парке. Дело было охарактеризовано как крайне срочное, и мы должны были встретиться с ним возле стрелкового зала, но не должны были ни при каких обстоятельствах звонить ему домой и сообщать об этом третьим лицам... И я, и Панов, независимо друг от друга, решили, что Джейсон не желает беспокоить жену и хочет сказать нам что-то лично, то, что она знать не должна... Мы приехали на место почти одновременно, но я увидел Панова первым и

сообразил, что дело нечисто и все специально организовано. С любой точки зрения, особенно с точки зрения Борна, мы должны были бы сперва переговорить друг с другом по телефону, но в телеграмме особо отмечалось, чтобы мы никуда не звонили. Все это было очень подозрительно, и я постарался сделать все возможное, чтобы убраться оттуда вместе с Пановым как можно быстрее. Все это смахивало на ловушку.

– Вас засекли, – сказал Кассет тоном, не допускающим возражений.

– Именно эта мысль и засела мне в голову, но, к счастью, со мной была моя старая добрая трость, годящаяся не только на то, чтобы поддерживать меня при ходьбе. Я перебил кучу подбородков и коленей, врезал по нескольким животам и сиськам, и мы успели смотаться оттуда, но эта бедная женщина была убита.

– Ну и что ты думаешь об этом? – спросил Валентино.

– Не знаю, Вал. Это была ловушка, без вопросов, но что это была за ловушка? Если то, о чем я подумал тогда и о чем продолжаю думать сейчас, верно, то вопрос в том, как снайпер мог промазать с такого расстояния? Выстрел был произведен слева и сверху от меня, не то чтобы я видел стрелка, но положение тела женщины и кровь на горле свидетельствовали о том, что пуля попала в нее сбоку, когда она поворачивалась. Выстрел не мог быть произведен из стрелкового зала, потому что оружие там закреплено цепочками, и к тому же размеры раны говорили о применении гораздо большего калибра, чем у всех этих пукалок в тире. Если бы убийца хотел снять меня или Мо Панова, то перекрестие его прицела не было бы так далеко от нас. Если только мои рассуждения верны.

– Да, мистер Конклин, думаю, верны, – сказал директор. – И ведут они к наемному убийце по кличке Шакал, не так ли?

– Карлос? – воскликнул Де Соле. – Ради бога, что Шакал мог иметь общего с убийством в Балтиморе?

– Джейсон Борн, – ответил Кассет.

– Да, я догадываюсь, просто это кажется несообразным. Борн был грязным бандитом, боевиком, привезенным из Азии в Европу для того, чтобы выманить на него Карлоса. Но эта операция провалилась. Как только что сказал господин директор, Борн вернулся обратно на Дальний Восток, где был убит четыре или пять лет назад. И все же Алекс говорит, что этот Борн еще жив и что он, Алекс, и еще кто-то по фамилии Панов получили от Борна телеграммы... Бога ради, объясните мне, чем связаны мертвый уголовник, самый неуловимый и опасный наемный убийца в мире и прошлый вечер?

– Ты недавно пришел, Стиви, – негромко заметил Кассет. – Очевидно, по словам Алекса, эти события имеют много общего.

– Тогда прошу объяснить подробнее.

– Думаю, вам следует повторить рассказ с начала, мистер Конклин, – попросил директор. – Кто такой Джейсон Борн?

– Хотя этот человек знаменит, на самом деле его никогда не существовало, – ответил бывший разведчик.

Глава 3

– Настоящий Джейсон Борн был сущим дерьмом, типичным параноиком, бродягой из Танзании, подрядившимся во Вьетнаме на одну операцию, суть которой до сих пор покрыта мраком. Банда, принявшая его, состояла из убийц, отщепенцев, контрабандистов и воров, преимущественно бежавших из тюрем, причем многие имели смертный приговор. Но им был знаком каждый дюйм джунглей Юго-Восточной Азии, и они действовали в тылу врага, слава богу, в нашу пользу.

– Это «Медуза», – прошептал Де Соле. – Все сведения о ней засекречены. Как в могиле. Они были похожи на животных, убивали поминутно и без причин и следствия. Кстати, эти дикари умыкнули миллионы долларов.

– Такой была большая их часть, но не все, – возразил Конклин. – Настоящий Борн абсолютно точно подходит под данное описание, а кроме того, он предал своих товарищей. Командир этого батальона смерти обнаружил Борна передающим по радиации сведения о дислокации «Медузы» северным вьетнамцам. Он пристрелил предателя на месте и бросил его тело гнить в болотах Танкуанга. Джейсон Борн исчез с лица земли.

– Но он появился вновь, так, мистер Конклин? – заметил директор, опираясь локтями на стол.

– Но в другом теле, – ответил Алекс, кивнув директору. – И для других целей. Человек, казнивший Борна в Танкуанге, взял его имя и согласился пройти подготовку для участия в операции под названием «Тредстоун-71». Так называлось здание в Нью-Йорке на семьдесят первой авеню, где этот человек прошел жесточайшую подготовку. На бумаге план предстоящей операции казался отличным. Но, как всякая бумажная стратегия, он провалился по причинам, которые никто не мог не то чтобы предсказать, но даже представить. После трех лет вживания в роль второго по величине наемного убийцы мирового класса и прибытия в Европу для того, чтобы, как верно заметил Стиви, вызвать Шакала из его норы на свет на его собственной территории, наш человек был ранен и потерял память. Он был найден

рыбаками полумертвым в Средиземном море и привезен ими в Порт-Нойра. Он не помнил о том, кто он и откуда. Очевидным было только то, что он мастер разнообразных боевых искусств, говорит на нескольких азиатских языках и, несомненно, высокообразованный человек. С помощью врача-англичанина, алкоголика, сбежавшего ото всех в Порт-Нойра, наш человек начал собирать по кусочкам свою жизнь и восстанавливать здоровье и психику. Это давалось ему дьявольски нелегко... и мы, кто заварил эту кашу, кто изобрел этого мифического Джейсона Борна, оказались здесь не у дел. Мы ничем не могли ему помочь. Не понимая до конца, что с ним происходит, мы решили, что БORN полностью изменился и на самом деле стал тем мифическим наемным убийцей, которого мы создали для охоты на Карлоса. Я сам пытался убить Борна в Париже, но он, хотя и мог отстрелить мне голову, не сделал этого. Ему удалось вернуться обратно лишь благодаря необыкновенному таланту одной канадки, которую он встретил в Цюрихе, которая теперь стала его женой. Эта леди была и есть самая сообразительная и умная женщина из всех, кого я встречал в жизни. И теперь ее, мужа и детей снова столкнули в кошмар, в котором они опять вынуждены бороться за свое существование.

Удивленно искривив аристократический рот и держа трубку на уровне груди, директор спросил:

– Итак, вы пытаетесь склонить нас к мысли, что убийца Джейсон БORN – это вымышленная фигура, уловка? Что он не совершал преступлений, не убивал, как это ему неоднократно приписывалось?

– Он убивал, но по нашему приказу или для того, чтобы выжить, но он никогда не был наемным убийцей. Этот миф был создан нами лишь с целью поимки или ликвидации Карлоса, Шакала.

– О боже! – воскликнул Кассет. – Но каким образом вам это удалось?

– Благодаря массовой дезинформации по всему Дальнему Востоку. Мы ждали любого более или менее громкого убийства, и Джейсон БORN немедленно вылетал на место его совершения, где бы это ни произошло: в Токио или Гонконге, Макао или Корею – словом, в любое место, и подделывал доказательства, переводя улики на себя самого, зарабатывая тем самым авторитет и превращаясь в легенду. Три года наш человек жил на дне, среди наркоманов, торговцев оружием, бандитов, ради одной-единственной цели: перебраться наконец в Европу и стать наживкой для Карлоса, начав отбивать у него хлеб в его исконной вотчине – Франции, Испании, Германии, Италии. Нужно было сорвать как можно больше контрактов Шакала, чтобы он высунулся на поверхность, ненадолго, ровно на столько, чтобы можно было успеть всадить ему пулю в голову.

Над столом повисло гнетущее, напряженное молчание. Де Соле прервал его первым, проговорив негромко, почти шепотом:

– Что же за человек он был, если согласился пойти на такое?

Конклин быстро взглянул на Стивена и ответил монотонным, почти безжизненным голосом:

– На такое мог пойти только тот, кому нечего терять, потому что он уже все потерял. Тот, кто постоянно находится под гнетом примитивного желания смерти, толкнувшего его в лапы «Медузы». Крушение всех надежд, жажда мщения и ненависть – вот что привело его туда.

Бывший разведчик замолчал, его страдание было очевидно.

– Алекс, – негромко позвал его Валентино. – Продолжай, пожалуйста. Ты не можешь сейчас прерваться, вот так, на полпути.

– Да, да, минутку. – Конклин несколько раз закрыл и открыл глаза, возвращаясь к действительности. – Я думал о том, насколько ужасным все это представляется ему сейчас, когда он вынужден возвращаться к забытому с таким трудом прошлому. Есть еще один горький эпизод, о котором я пока не упоминал.

– Что это? – спросил Кассет, наклоняясь вперед и не сводя глаз с Алекса.

– Когда-то, в начале Вьетнамской войны, один наш человек был молодым офицером из контингента американских войск в Пномпене. Он преподавал в местной школе и был женат на тайке, тоже учительнице. У них было двое детей, и они счастливо жили на берегу восхитительной реки... В одно ужасное утро его жена и дети купались в реке, и непонятно каким образом очутившийся там истребитель из Ханоя расстрелял их с бреющего полета. У нашего человека помутился рассудок от горя, он бросил все и поступил в Сайгоне в «Медузу». Все, что тогда ему было нужно, – это убивать. Он стал Дельтой Один, потому что имен в «Медузе» не признавали. В Сайгоне говорили, что лучшего командира разведывательно-диверсионного отряда у американцев не было за весь период войны. С этим соглашались как на нашей, так и на вражеской стороне.

– Таким образом, он способствовал дальнейшему кровопролитию? – спросил Валентино.

– Только в рамках получаемых из Сайгона приказов, не более. В душе он вел свою собственную войну, находя успокоение в ощущении постоянного смертельного риска пребывания за линией фронта, в тылу врага, и чем ближе к Ханю, тем лучше. Я думаю, он подсознательно постоянно искал пилота того истребителя, который убил его семью... Вот такой эпизод. Когда-то у

него была семья и были дети, и их убили у него на глазах. Теперь у него другая жена и другие дети, и на них охотится подбирающийся все ближе и ближе Шакал. Это может подвести к опасной черте и бросить его обратно в то безумие, в котором он когда-то пребывал... Будь оно все проклято!

Четверо мужчин за другим концом стола коротко и молча переглянулись, понимая эмоциональное состояние Конклина. Директор снова взял слово.

– Принимая во внимание расстановку событий во времени, – как можно мягче произнес он, – операция, связанная с Карлосом, имела место примерно десять лет назад, в то время как события в Гонконге происходили несколько позже. Были ли эти два периода связаны между собой? Не называя имен, не могли бы вы посвятить нас в то, что произошло в Гонконге?

Алекс сжал рукоятку своей трости так, что костяшки его пальцев побелели.

– То, что случилось в Гонконге, было наиболее грязной и отвратительной операцией из когда-либо задумываемых ЦРУ, о которой я когда-либо слышал. К моему глубокому удовлетворению, мы в Лэнгли не имели отношения к разработке этой операции, а ее мудрые авторы, я уверен, отправятся в ад. Все подробности этой операции я узнал уже позже, и от того, что узнал, меня едва не стошнило. Мак-Алистер тоже ненавидел все то, что происходило, но он был в этом дерьме с самого начала. Именно поэтому он сам захотел принять участие в этой операции, с риском для собственной жизни. В результате такого геройства его подстрелили около границы Китая и Макао. Но он не мог позволить себе умереть ради такой глобальной стратегии, от которой несло за милю дерьмом.

– Звучит словно обвинительное заключение, – сказал Кассет. – Но в чем заключалось дело?

– Наши люди организовали похищение жены Борна, женщины, выведшей его из амнезии и вернувшей к нормальной жизни. И они оставили след, заставивший Борна следовать за ними в Гонконг.

– Господи, но зачем? – удивленно воскликнул Валентино.

– Такова была стратегия, отлично разработанная, но по сути омерзительная... Я говорил вам, что «наемный убийца» Джейсон Борн превратился в Азии в легенду. Он, не оставив следов, исчез из Европы, но это несколько не уменьшило его славу на Дальнем Востоке. Однако внезапно в районе Макао начал действовать новый киллер. Он дал очередной толчок нашей легенде. Видите ли, он тоже называл себя Джейсоном Борном. Заказные убийства начались с новой силой. От одного до другого убийства проходили считанные дни, редко недели. Причем новый убийца перенял известный почерк Борна, что подняло на ноги всю полицию. Третий Борн

широко развернул свое дело, и было ясно, что он хорошо подготовился, заранее изучив манеры и приемы оригинала.

– И оптимальным противоядием против самозванца мог быть только настоящий Борн, ваш Борн, – заметил директор. – И лучшего способа, чем украсть его жену, для того чтобы заставить вашего Борна пуститься по следу, придумать ничего не сумели? Но почему? Почему Вашингтон был таким безжалостным и эгоистичным? Слава богу, что мы не участвовали в этом.

– Дела в тот период шли очень плохо. Среди клиентов псевдо-Борна оказался один военный психопат из Пекина, член гоминдановского правительства, страстно желавший превратить Дальний Восток в кровавую мясорубку. Он хотел разрушить англо-китайский договор по Гонконгу, захватить эту территорию, погрузив ее в хаос.

– Это означало бы войну, – тихо проронил Кассет. – Пекин нападает на Гонконг и оккупирует его. Всем пришлось бы выбирать себе свою сторону... Война.

– В ядерную эпоху, – добавил директор. – Насколько все далеко зашло, мистер Конклин?

– Вице-премьер Народной Республики был убит в результате покушения в Цзюлуэне. Самозванец оставил на месте преступления кровавую «визитную карточку» – «Джейсон Борн».

– О черт! Его нужно было остановить! – взорвался директор, крепко стиснув в кулаке трубку.

– Его остановили, – ответил Алекс, наконец оставив трость в покое. – Наш Джейсон Борн был единственным человеком, способным это сделать... Это все, что я могу вам рассказать. В заключение я хочу повторить, что этот человек, его жена и дети сейчас находятся в нашей стране, и Шакал охотится за ними. Карлос не остановится до тех пор, пока последний, единственный живой свидетель, способный опознать его, не умрет. Карлос жаждет мщения за Париж, Лондон, Рим, Мадрид, особенно за Париж, где мы подобрались к нему особенно близко. Кто-то смог что-то узнать. Где сейчас Карлос? Как он будет действовать? Кто является здесь его осведомителем? Возможно, у него есть человек в Вашингтоне, и он выследил меня и Панова оттуда.

Бывший разведчик снова ухватился за свою трость и устремил в окно пронзительный взгляд.

– Разве вы не понимаете, – негромко произнес он, как будто разговаривая с самим собой, – мы не имеем права позволить этому случиться. Господи, не дай этому случиться!

Сотрудники ЦРУ сочувственно молчали, глядя на Конклина. Затем, по-прежнему молча, они обменялись взглядами, и консенсус был достигнут – три пары глаз сошлись на Кассете, проработавшем с Конклином много лет. Он согласно кивнул, принимая их выбор, и сказал, обращаясь к Алексу:

– Я согласен с тем, что все здесь указывает на Карлоса, но, прежде чем мы приведем в действие машину в Европе, мы должны убедиться, что поступаем правильно. Мы не можем позволить себе ложную тревогу хотя бы потому, что этим покажем Шакалу наше слабое место, а именно Джейсона Борна. Тогда Шакал непременно нанесет туда свой удар. Судя по твоему рассказу, кроме провалившейся операции «Тредстоун-71», к Шакалу и его окружению не приближался ни один из наших агентов или субагентов в течение десятков лет.

Конклин неторопливо изучал задумчивое осунувшееся лицо Чарльза Кассета.

– Ты хочешь сказать, что если я не прав и это не Шакал, то своими действиями мы разбередим рану тринадцатилетней давности и спровоцируем его на нападение? Кроме всего прочего?

– Да, именно так.

– Я считаю тебя умным человеком, Чарльз, и это твое опасение довольно логично... но я был реальным исполнителем операций. Ты знаешь, это здорово оттачивает инстинкты.

– Безусловно, я доверяю твоим инстинктам больше, чем любому детектору лжи...

– Я тоже, – перебил их Валентино. – Конклин спасал наших людей в пяти или шести критических ситуациях, когда все показатели говорили, что он ошибался. Однако Чарли ставит вопрос о законности и целесообразности наших возможных действий. Предположим, что это не Карлос. В этом случае мы не только посылаем в Европу неверные указания – мы, что гораздо важнее, упускаем время!

– Оставим Европу в покое, – спокойно сказал Алекс, опять-таки будто сам себе. – По крайней мере пока. Откроем охоту здесь. Загоним этих сволочей в угол. Поймаем их и раздавим. Я буду их мишенью, и, когда они придут за мной, вы возьмете их.

– Необходимый для этого объем прикрытия, вас и доктора Панова, выходит за рамки моих возможностей, мистер Конклин, – твердо заявил директор.

– Можно работать и без прикрытия, сэр. – Алекс переводил взгляд от Кассета к Валентино. Внезапно он повысил голос: – Мы сможем провести

все спокойно и тихо, если вы двое будете слушаться меня и позволите мне заняться организацией дела.

– Мы находимся в несколько затруднительном положении, – заметил Кассет.
– Вообще-то это международное дело, но отвечаем за него мы. Надо бы привлечь к этому Бюро...

– Ни за что! – яростно выкрикнул Конклин. – Только те, кто находится в этой комнате, и все!

– Перестань, Алекс, – просительно произнес Валентино, покачивая головой.
– Ты в отставке. Ты не можешь тут командовать.

– Отлично! – Конклин уже не сдерживал себя. Поднимаясь со стула, он чуть не упал, но вовремя оперся о трость. – Следующая станция – Белый дом, кабинет некого председателя АНБ по имени Мак-Алистер!

– Сядьте! – приказал ему директор.

– Я в отставке! Вы не можете мной командовать!

– Я и не думал. Я просто беспокоюсь за ваши жизни. Насколько я понял, ваши рассуждения сводились к тому, что тот, кто стрелял в вас вчера вечером, промахнулся специально, выбрав жертвой первого попавшегося человека. Все это весьма противоречиво и основано лишь на том, что вам удалось скрыться в суматохе после выстрела. Но мои предположения...

– Мои предположения основаны на паре дюжин операций, в которых я принимал участие за время службы здесь, и в Отделе военно-морской разведки, и еще в местах, названия которых вы вряд ли сможете произнести, да и знать вам о них не нужно.

Руки директора лежали ровно на подлокотниках кресла, ладони крепко сжимали дерево. Голос его стал жестким, командным.

– К вашему сведению, мистер Конклин, я не являюсь каким-нибудь тепличным адмиралом из наследственного клана, по случайности поставленным руководить разведкой. Я достаточно долго прослужил во флоте, ходил на подлодках с диверсионными группами в Кесонг, а потом в Хайхонскую гавань. И я знал нескольких ублюдков из «Медузы». Я до сих пор не могу вспоминать о них без того, чтобы мой палец не начал чесаться, так сильно мне хочется всадить им пулю в голову! А теперь вы утверждаете, что вот есть один такой, пришедший из «Медузы», и что вы превратили его в «Джейсона Борна», и вы готовы голову себе свернуть, но вытащить его из-под огня Шакала... Давай начистоту, Алекс. Ты хочешь работать со мной?

Конклин медленно опустил обратно на стул. Его губы постепенно растянулись в улыбку.

– Я говорил вам, что без труда определил, кто вы такой, сэр. Тогда это была только интуиция, а теперь я знаю, на чем она была основана. Вы настоящий полевик... Я буду работать с вами.

– Отлично, – сказал директор. – Мы разрабатываем систему вашей охраны и будем уповать на господ в надежде, что ваше предположение, что вы с Пановым нужны им живыми, верно. Потому что все дыры я заткнуть все равно не смогу. Так что вам лучше с самого начала оценить степень риска.

– Я понимаю. Но две наживки в банке с пираньями лучше одной, поэтому я собираюсь позвать Мо Панова.

– Ты не можешь просить его принять участие в этой игре, – отрезал Кассет. – Он не наш человек. Почему ты так настойчиво добиваешься его участия?

– Именно потому, что он не наш человек. И мне лучше позвать именно его. Если я не сделаю этого, он запросто может подсыпать мне стрихнина в суп. Понимаете, он оказался в Гонконге почти по тем же причинам, что и я. Когда-то в Париже я чуть не застрелил своего лучшего друга, поскольку ошибочно считал, что тот предал нас, а в действительности он потерял память. Когда-то Моррис Панов, ведущий психиатр страны, врач, не выносящий всей этой столь популярной и модной тогда психиатрической чуши о подсознании и прочем, представил теорию о гипотетическом агенте, психически запрограммированном на сочетание определенных внешних факторов. Вообразите себе хитроумно законспирированного агента, эдакую ходячую бомбу с часовым механизмом, с особой программой в голове, готового к действию по внешнему сигналу в любое мгновение... Проводя в жизнь эту психиатрическую гипотезу, уже не гипотетический агент, а Джейсон Борн стал невинной жертвой правительственных опытов на нью-йоркской 71-й стрит. Когда пришло время бороться за психическое и физическое существование этого человека, Моррис Панов потребовал, чтобы возможность излечить сознание Борна была предоставлена ему. Он не мог простить себе содеянного. Скажите теперь, если бы вы были на месте Панова, то что бы вы сделали со мной, говори я вам то, что вы говорите мне?

– Подсунул бы тебе вместо таблеток от гриппа пакет со стрихнином, – ответил Де Соле. – А где сейчас Панов?

– В отеле «Брукшир», в Балтиморе, поселился там под именем Моррис, Филипп Моррис. Я звонил ему сегодня, он подцепил грипп.

– В таком случае приступаем к работе, – сказал директор, раскрывая перед собой широкий толстый блокнот в желтом переплете. – Между прочим,

Алекс, настоящие полевики за работой обычно забывают звания и чины. По-настоящему можно доверять только тому, кого ты называешь просто по имени. Ты, наверно, знаешь, что меня зовут Холланд, Питер Холланд. Отныне мы с тобой будем друг для друга Питер и Алекс. Идет?

– Идет, Питер. Ты, наверно, там, в своем флоте, был еще тем сукиным сыном?

– Ну уж коли оказался здесь, не в этом кресле, конечно, а в Лэнгли, то, наверно, разбирался кое в чем.

– Вот это настоящий полевик – наш человек, – удовлетворенно проворчал Конклин.

– Теперь, когда мы отбросили всю эту дипломатическую шелуху, мешающую работе, вам следует иметь в виду, что я еще и строгий и упрямый сукин сын. Алекс, я хотел бы подвести под это дело профессиональную основу, чтобы избежать эмоциональных срывов. Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Согласен, Питер, я тоже обычно работаю так. Посылки могут быть эмоциональными, но исполнение должно быть четким и строгим... Знаешь, ты, упрямый сукин сын, хоть я и не служил во флоте, но ведь я из Лэнгли, и это означает, что я – тоже профессионал.

Холланд усмехнулся. Эта улыбка могла принадлежать совсем молодому человеку, по ошибке природы убеленному сединами. Человеку, с удовольствием возвращающемуся в свою родную среду обитания, освободившемуся на время от гнетущих его условностей.

– Мы управимся с этим сами, – сказал директор и, отбросив последний налет начальственного имиджа, отложил в сторону трубку, вытащил из бокового кармана пиджака пачку сигарет, сунул одну в рот и аппетитно прикурил от зажигалки. После этого начал быстро писать в блокноте.

– Бюро мы посылаем ко всем чертям, – продолжил он, шурясь от сигаретного дыма. – Будем работать только с нашими людьми. Проверим под лупой каждую рожу, отирающуюся возле вас, Алекс.

Чарльз Кассет, стройный, всеми признанный наследник директорского кресла ЦРУ в Лэнгли, откинулся на спинку стула:

– Понять не могу, джентльмены, почему я сразу не догадался, что вы одного поля ягоды?

– Просто ты прирожденный аналитик, Чарли, вот и все, – ответил директор, не поднимая головы от блокнота.

Предстоящая операция вкратце сводилась к незаметному сопровождению двух свидетелей-приманок, при максимальном обеспечении их безопасности. Операция должна была раскрыть людей Шакала, действовавших около стрелкового зала и направивших телеграммы Алексу и Панову. Работая всю следующую ночь и большую часть дня, сотрудники ЦРУ в Лэнгли сформировали тщательно подобранную команду из восьми опытных агентов и строго вывели маршруты, по которым Конклин и Панов должны будут, вместе и по отдельности, передвигаться по городу в течение следующих двадцати четырех часов.

Все точки этих маршрутов прикрывались людьми из созданной бригады, перемещающимися по тем же маршрутам в соответствии со своим параллельным скользящим графиком. Необходимым условием плана являлось строгое соблюдение мест и времени заранее оговоренных randevu вооруженных агентов и двух добровольных приманок. Концы маршрутов упирались в Смитсоновский мемориал, в глухое и изолированное место, в ранний час следующего утра. Это место должно было стать *Dionaea muscipula*, растением-мухоловкой.

Конклин задержался на минуту в тесном, тускло освещенном подъезде своего дома и последний раз посмотрел на часы, с трудом разбирая в полутьме цифры. Было 2.35 утра. Он толкнул тяжелую тугую дверь и, прихрамывая, вышел на темную, совершенно безлюдную улицу. Следуя заранее оговоренному маршруту, он свернул налево и, не торопясь, пошел вдоль домов, прикидывая в уме темп своего движения. Он должен был подойти к первому перекрестку по возможности ближе к 2.38. Внезапно он насторожился. Справа, в темном, полукруглом, углубленном в стену дома дверном алькове он заметил едва различимую фигуру. Алекс автоматически сунул руку под куртку, взявшись за рукоятку своей «беретты». В их плане ничего не говорилось о человеке в этом месте улицы! Но так же внезапно он расслабился, разглядев этого человека, ощущая при этом смешанное чувство стыда и облегчения. Фигура в тени стены дома оказалась нищим стариком в потрепанной одежде, по всей видимости, одним из членов многочисленной армии городских бездомных. Алекс прошел мимо не останавливаясь. Дойдя до угла, он услышал за спиной тихий однократный щелчок пальцев. После этого он перешел через улицу и пошел по тротуару дальше, минуя переулок за переулком. В следующем переулке... Еще одна фигура! Еще один нищий старик. Почти та же потрепанная одежда. Человек повернулся к нему спиной и медленно растаял в темноте. Еще один бродяга, без дела слоняющийся по пустынным улицам каменных джунглей. В другое время Конклин не преминул бы догнать его и подать бедняге пару долларов, но не сейчас.

Впереди у него лежал еще большой кусок пути, и он должен был выдерживать график.

Моррис Панов подошел к перекрестку, обдумывая столь озадачивший его недавний телефонный разговор. Он ужасно нервничал и постоянно повторял про себя детали маршрута, по которому должен был следовать, испытывая при этом непреодолимое искушение взглянуть на часы, чтобы убедиться, что не опаздывает и не опережает график прохождения контрольных точек. Его заранее предупредили, чтобы на улице он не смотрел на часы. Неужели нельзя было дать им небольшой запас времени для каждого места встречи? Вообще на слух все разработанное расписание сегодняшних суток напоминало ему план вооруженного захвата города Вашингтона. Погрузившись в свои мысли, он продолжал идти, пересекая улицы, которые, как ему сказали, он должен был пересечь, надеясь, что невидимые внутренние часы помогут ему соблюдать нужную скорость. Несколько лет назад он прошел подобную тренировку на загородной базе ЦРУ в Вене, штат Виргиния. Там он должен был пройти по тропинке от одного колышка до другого, рассчитывая только на внутреннее чувство времени. Конечно, он должен сделать что-то для Дэвида, но то, что он делал сейчас, казалось ему безумным, не имеющим ни малейшего смысла. Нет, конечно, здесь все верно. Его не попросили бы делать это, если бы в подобном поведении не было необходимости.

Что это? На него смотрело почти скрытое тенью лицо, точно такое же, как и два предыдущих! Фигура покачнулась, вышла из тени на обочину тротуара и подняла на Панова мутные, налитые вином глаза. Старик в рваной одежде (господи, сколько ему лет?) едва мог двигаться. И он смотрел на него! В воображении Панова предстал целый город, наполненный только вот такими бродягами, бедность и психическое состояние которых вытолкнули их на улицу. Что он может сделать для них? Разве что обратиться по своим профессиональным каналам к бесчувственной администрации Вашингтона... Еще один, вон там! В углублении между двумя железными ночными жалюзи на витринах магазинов стоял еще один бродяга и тоже смотрел на него! Хватит, сколько можно! Ты уже начинаешь терять над собой контроль... Это просто бродяга, нищий. Иди вперед, ты можешь выбиться из графика. Выдерживать его – вот твоя основная задача... Переходи на другую сторону улицы... Иди вперед!

Тусклый лунный свет падал на две приближающиеся с разных сторон перекрещивающихся улиц к Смитсоновскому мемориалу мужские фигуры, искажая их действительный рост и делая их похожими на карликов. Подойдя вплотную друг к другу, мужчины молча прошли к ближайшей скамейке.

Конклин сразу же устало опустился на скамью, тяжело опершись на трость. Панов остался стоять, беспокойно оглядываясь по сторонам и прислушиваясь, как будто ожидая чего-то, о чем сам не имел ни малейшего представления. Было 3.23, стояло предрассветное утро, и единственными звуками в ночи было заунывное стрекотание сверчков в кустах и шелест летнего бриза в листве. Наконец Панов решился присесть.

– Все прошло спокойно? – спросил Конклин.

– Не знаю, – ответил психиатр. – Я чувствую себя опять не в своей тарелке, так же как и в Гонконге, только там мы знали, куда идем и кого можем встретить. По-моему, ты и твои приятели немного спятили.

– Ты сам себе противоречишь, Мо, – сказал Алекс, улыбнувшись. – Раньше ты говорил мне, что я полностью излечился.

– А, это... Тогда у тебя было небольшое обострение маниакально-депрессивного состояния, близкого к шизофрении. Но то, что мы делаем сегодня, – это же идиотизм! Сейчас около четырех утра. Люди, если только они не идиоты, не затевают ничего в такой ранний час.

Алекс внимательно посмотрел на лицо Панова, освещенное отражениями лучей прожекторов, подсвечивающих массивные фигуры мемориала.

– Ты сказал, что не знаешь, все ли было в порядке. Что это значит?

– Трудно сказать, Алекс. Многие мои пациенты часто грезят наяву, представляя себе различные неприятные для них образы, фигуры людей для вымещения на них собственной паники, оправдания внутреннего страха.

– Черт возьми, Мо. Ты не можешь выражаться яснее?

– Форма перенесения внутренних переживаний...

– Хватит, Мо, – прервал психиатра Конклин. – Что случилось? Что ты там видел?

– Фигуры людей... в изношенной, рваной одежде, медленно, болезненно, с трудом передвигающихся. Не так, как ты, Алекс, не по причине ран, а из-за возраста. Старые оборванцы, прячущиеся в темных углах и подъездах домов. Я видел их пять или шесть раз, пока шел от своего дома сюда. Два раза я останавливался и уже почти собирался звать на помощь твоих людей. Но каждый раз говорил себе: «Доктор, ты просто устал и перенервничал, ты ошибаешься, принимая жалких бездомных за то, чем они не могут быть, пугаешь сам себя».

– Вот оно! – возбужденно прошептал Конклин. – Ты видел в точности то же самое, что видел я, Мо. Я постоянно натыкался на таких же оборванных

стариков, жалких, двигающихся очень медленно, медленнее меня... Что это значит? Кто они?

Шаги. Медленно, нерешительно по пустынной, испещренной тенями аллее к ним приближались две низкорослые фигуры. Старики. На первый взгляд их можно было без сомнений отнести к бездомным, во множестве распространившимся в городе. Но вместе с тем они чем-то отличались от обычных бродяг. Какой-то целеустремленностью, может быть. Оба остановились метрах в пяти от скамейки, оставаясь в тени. Лиц их не было видно. Старик слева заговорил. Его голос, с непонятным акцентом, звучал глухо, напряженно:

– Довольно необычное время и странное место выбрали почтенные, хорошо одетые джентльмены для встречи. Несправедливо занимать место отдыха других людей, которым, может быть, не так повезло в жизни.

– Здесь много других свободных скамеек, – вежливо заметил Алекс. – Разве они заняты?

– Нет. Эти скамейки общие. Их нельзя занимать, – ответил второй старик. Он прекрасно говорил по-английски, но все равно было ясно, что это не его родной язык. – Зачем вы пришли сюда?

– Какого черта вы к нам пристаёте? – возмутился Алекс. – У нас свои дела, и вас они не касаются.

– Дела в таком месте и в такой час? – Первый старик огляделся по сторонам.

– Повторяю, – продолжил Алекс, – не суйте нос не в свои дела, и лучше проваливайтесь.

– Большие дела, понятно, – в тон Алексу проронил второй старик.

– О чем это они? – шепотом спросил пораженный Панов у Конклина.

– Уровень – Ноль, – тихо ответил ему Алекс, – помолчи. Отставной разведчик снова повернулся к своим назойливым собеседникам: – Ну ладно, ребята, поговорили и будет. Идите своей дорогой.

– Дела есть дела, – снова сказал второй старик, вынимая руку из-под лохмотьев и дотрагиваясь ею до плеча своего товарища. Лиц их по-прежнему не было видно, и оба они явно старались держаться в тени.

– У нас с вами нет общих дел...

– Не сказал бы, – перебил Алекса первый старик, покачивая головой. – Предположим, я скажу, что мы принесли вам весточку из Макао?

– Что? – воскликнул Моррис.

– Заткнись! – зашипел на него Конклин, не сводя глаз со сгорбленных фигур в тени. – А почему, собственно, вы считаете, что Макао может нас заинтересовать? – твердо спросил он.

– Большой тайпин хочет встретиться с вами. Самый большой тайпин в Гонконге...

– Ну и что?

– Он может заплатить вам деньги. За ваши услуги.

– Я снова повторяю – ну и что?

– Он сказал, что убийца вернулся. Он хочет, чтобы вы нашли его.

– Я уже слышал раньше эту историю, она не нова. Повторяется.

– Все останется между тайпином и вами. Мы только передаем приглашение. Он ждет вас.

– Где он?

– В большом отеле, сэр.

– В каком?

– С большим залом внизу, в котором находится много людей. Его название связано с прошлым вашей страны.

– Это может быть только «Мэйфлауэр». – Конклин произнес это, наклонившись к левому лацкану куртки, в который был вшит микрофон.

– Как скажете...

– Под каким именем он зарегистрировался?

– Зарегистрировался?

– Так же как вы занимаете скамейки для ночлега, остальные люди занимают номера, комнаты в отеле. Регистрируются. Кого мне спросить?

– Никого, сэр. Секретарь тайпина встретит вас в зале.

– Давайте! – скомандовал Конклин. Он повернул голову и взглянул назад через плечо. Яркий свет прожекторов залил окрестности мемориала, пустынную аллею и окружающую растительность. Двое стариков оказались азиатами. Девять человек из Лэнгли торопливо шли к ним по освещенному пространству со всех сторон, держа руки под пиджаками. Они не любили обнажать оружие без нужды.

Однако такая необходимость все-таки появилась, хотя и оказалась уже слишком запоздалой. Из темноты донеслись два мощных выстрела из оружия

большого калибра. Две выпущенные пули разорвали глотки восточных посланцев. Конклин повалил остолбеневшего психиатра за скамейку, как можно дальше от открытого места на свету. Агенты ЦРУ среагировали мгновенно, чего и следовало ожидать от тренированных, обстрелянных, бывалых бойцов, да еще под предводительством старого диверсанта-десантника Холланда. Они попадали на землю, перекатившись несколько раз к ближайшим укрытиям, организовались и начали наступление в сторону зарослей кустарника между стволами деревьев, из-за которых были произведены выстрелы. Петляя и используя тени как прикрытие, с пистолетами наготове, отряд полукольцом охватил участок зарослей. Через несколько мгновений тишину разорвал разочарованный возглас.

– Проклятие! – это был Холланд, шаривший лучом фонарика между стволами деревьев. – Они снова поймали нас!

– Что ты говоришь?

– На траве отпечатки каблуков, сынок. Эти сволочи хорошо подготовлены, просто отлично. По одной пуле на каждого и смылся, видишь следы на лужайке? Этот человек убегал. Теперь все. Искать его бессмысленно. Если он решил занять новую позицию, то при этой иллюминации сможет размазать наши мозги по всему Смитсоновскому мемориалу.

– Настоящий полевик, – проворчал Алекс, с кряхтением поднимаясь с земли, опираясь на трость. Позади него маячило бледное, растерянное лицо Панова. Остановившись на распростертых телах, глаза врача округлились и расширились. Он бросился вперед и склонился над стариками.

– Боже мой, да ведь они мертвы, – воскликнул он, упав рядом с ними на колени и рассматривая ужасные раны. – Господи, стрелковый зал! То же самое!

– Это визитная карточка, – сказал Конклин, дергая щекой. – Крошит за собой хлеб на тропинку, как Мальчик-с-пальчик, – добавил он со злостью.

– Что ты хочешь этим сказать? – дрожащим от волнения голосом спросил психиатр, повернувшись к отставному разведчику.

– Это означает, что мы были недостаточно осторожны.

– Алекс! – Седовласый Холланд бегом возвращался к скамье. – Я слышал тебя по рации, но отель не проходит, – сказал он, задыхаясь. – Сам ты туда не пойдешь. Я не разрешаю тебе. Мы пойдем туда вместе и позже...

– Черт с ним, с отелем. Это не Шакал. Это Гонконг! Нюх меня подвел. Я облажался, ребята. Так облажался!

– А что теперь? – понемногу успокаиваясь, спросил его доктор.

– Даже не знаю, – ответил Конклин. Голос его был полон горечи. – Облажался... Нужно связаться с нашим человеком, и как можно быстрее.

– Я уже говорил с Дэвидом. Я говорил с ним примерно с час назад, – быстро уточнил Панов.

– Ты говорил с ним? – в ужасе воскликнул Алекс. – Ночью и из своего дома? Зачем?

– У меня есть автоответчик, ты знаешь, – объяснил доктор. – Мне столько психопатов звонит по ночам, что если бы я сам бегал к телефону, то не смог бы добраться утром до офиса. Я включил автоответчик перед уходом из дома, и сразу раздался звонок. Все, что он сказал, было: «Позвони мне». Пока я бежал к телефону, он уже повесил трубку. Я решил сразу перезвонить ему.

– Ты звонил ему? По своему телефону?

– Ну... да, – смущенно ответил Панов. – Он говорил очень коротко и сжато. Он просто хотел узнать у нас, что нам удалось выяснить, и сказал, что первым делом он отвезет «М», он назвал ее «М», и детей утром в аэропорт. Вот и все. Он повесил трубку не прощаясь.

– Наверно, у них уже есть адрес и имя вашего парня, – сказал Холланд, – разговор им тоже, вероятно, удалось прослушать.

– Район звонка – может быть, – ответил ему Конклин. Он говорил быстро и очень тихо. – Но адрес и имя – вряд ли.

– Они будут знать это к утру...

– К утру, если надо, он уже может быть на Гавайях.

– Господи, да что же я наделал? – всхлипнул психиатр.

– Ничего особенного. Обычная вещь. Ты делаешь подобное каждый день, – ответил Алекс. – Тебе позвонили в два часа утра, кто-то, о ком ты весьма беспокоишься, может быть, он себя плохо почувствовал. Ты перезвонил ему, настолько быстро, насколько мог. Теперь нам необходимо позвонить ему еще раз. И чем быстрее, тем лучше. Теперь ясно, что это не Карлос, но кто-то, явно не жалеющий пуль. И он рядом с нами и наносит удары, откуда мы меньше всего их ожидаем.

– Можешь позвонить ему из моей машины, – сказал Холланд. – Я поставил там автошифратор, скремблер, так что этот аппарат чистый.

– Отлично. Давай скорее!

Конклин торопливо захромал через лужайку к машине, принадлежащей Управлению.

– Дэвид, это Алекс.

– Что ты звонишь спозаранку, перепугал всех. Мы уже уходили. Если бы Джеми не ушиб коленку, мы уже давно были бы в машине.

– В такую-то рань?

– А разве Мо не говорил ничего? Я звонил тебе, но телефон не отвечал.

– Мо сейчас немного не в себе. Расскажи мне все еще раз. Что там у вас?

– Этот телефон не прослушивается? В своем я не уверен.

– Все нормально, говори.

– Я хочу отправить Мари и детей на юг. Она здорово ругалась по этому поводу, но я ее не слушал и заказал билеты на самолет компании «Рокуэлл», вылетающий из аэропорта Логан. Спасибо тебе еще раз, дело не заняло и пяти минут благодаря тому, что ты обо всем позаботился еще четыре года назад. Я назвал им компьютерный код, и они моментально оформили нам места. Отлет в шесть часов, еще до рассвета. Я хочу побыстрее отправить их отсюда.

– А ты, Дэвид? Сам-то ты что собираешься делать?

– Честно говоря, я собираюсь приехать к вам в Вашингтон. Если через столько лет Шакал опять начал меня донимать, я хочу сам заняться этим. Вместе с вами, конечно. Думаю, помочь кое в чем я еще смогу...

– Нет, Дэвид. Не надо. Только не сейчас. Улетай вместе с Мари и детьми. Покинь страну. Тебе нужно быть рядом со своей семьей. Кстати, Джонни Сен-Жак с вами?

– Да. Алекс, я не могу так поступить, и если бы ты был на моем месте, ты бы меня понял. До тех пор пока Карлос достает нас, моя семья не сможет жить спокойно...

– Это не Карлос, – прервал его Конклин.

– Что? Вчера ты говорил, что...

– Забудь про вчера. Я ошибся. Это связано с Гонконгом и Макао.

– Не может быть, Алекс! С Гонконгом покончено, и с Макао тоже. Они все мертвы, и там не осталось никого, кто имеет причины преследовать меня.

– Выходит, кто-то остался. Большой тайпин, «самый большой тайпин в Гонконге», в соответствии с полученной информацией из наиболее свежих, но теперь уже мертвых источников.

– Но там никого больше нет. Весь гоминдановский карточный домик развалился. Никого не осталось!

– Я повторяю, таково полученное нами сообщение.

Дэвид Вебб замолчал. Следующим, кто взял слово, был Джейсон Борн. В его голосе звучала сталь.

– Расскажи мне все, что тебе удалось узнать. Все детали. Я так понимаю, сегодня вечером у вас что-то произошло. Что это было?

– Хорошо, все детали, – ответил Конклин. Быстро и сжато, с отточенной годами четкостью отставной разведчик описал разработанный план выявления и захвата гипотетических людей Шакала. Он рассказал, как они с Моррисом встречали на своих маршрутах старающихся держаться в тени стариков, появляющихся явно не случайно, причем в отдаленных друг от друга местах. Затем рассказал о финальной встрече около Смитсоновского мемориала, где такие же старики-азиаты передали им приглашение от гонконгского тайпина и упомянули при этом Макао. В заключение Конклин описал подробности последовавшей за этим кровавой развязки, заставившей посланцев замолкнуть навсегда.

– Получается, что это Гонконг, Дэвид. Упоминание о Макао подтверждает это. На территории этой страны находился лагерь твоего самозваного двойника.

Некоторое время в трубке было слышно только напряженное дыхание Борна.

– Ты не прав, Алекс, – наконец сказал он. Голос его по-прежнему был уверенным и жестким. – Это Шакал. Каким-то образом связанный с Гонконгом и Макао, но это точно Шакал.

– Дэвид, теперь ошибаешься ты. У Карлоса нет ничего общего с тайпином из Гонконга или с посланцами из Макао. Эти старики были китайцами, а не французами, итальянцами или немцами. Они были азиатами, а не европейцами.

– Он доверял только старикам, – продолжал Вебб, в его голосе все еще звучали стальные и холодные интонации Борна. – Парижские старики, вот как их называли. Они были его агентурной сетью, курьерами в Европе. Кто заподозрит дряхлого старика, будь он просто оборванцем или еле ползущей развалиной? Никому и в голову не придет допросить его, а тем более

засадить за решетку или применить хоть малейшее насилие. Но даже при этом они обычно не говорят ни слова. Они едут, куда им сказали, и делают то, что было им приказано Карлосом, абсолютно безнаказанно.

Прислушиваясь к глухому, странно звучащему голосу друга в телефонной трубке, Конклин почувствовал, как его охватил страх. Он смотрел на приборный щиток машины и не знал, что сказать.

– Дэвид, я понимаю тебя. Я знаю – сейчас тебе нелегко, но, пожалуйста, постарайся выражать свои мысли яснее и подробнее.

– Что? Ох... извини, Алекс, я немного задумался и увлекся. Короче говоря, Карлос разыскивал в Париже стариков, преимущественно умирающих или тех, которые знали, что им осталось жить немного из-за болезней или возраста. Он старался выбирать тех, кто имел когда-то дела с полицией, сидел в тюрьме и остался под конец жизни в нищете. У многих из этих стариков были дети, родственники или просто люди, которых они любили. Шакал приходил к таким вот пожилым людям и клятвенно обещал им, что позаботится о дорогих им людях, если старцы, уже находящиеся на пороге смерти, поклянутся посвятить остаток своей жизни ему – Шакалу. На месте этих бедняг, зная, что после себя они не оставят ничего, кроме преступного прошлого и нищей жизни, любой из нас пошел бы на подобную сделку.

– И они ему верили?

– У них были на то веские основания. Они и сейчас у них есть. На счета указанных стариками наследников, где бы они ни находились, от Средиземного моря до Балтики, ежемесячно поступали денежные переводы с многочисленных анонимных швейцарских банковских счетов. Источники оплаты этих переводов определить не удавалось, но наследующие деньги родственники всегда знали, кто позаботился о них и почему... Твои секретные документы здесь ни при чем, Алекс. Карлос вышел на нас через Гонконг, там он нашел кого-то или что-то, что указало ему на тебя, на меня и на Мо.

– Ничего, теперь наша очередь. Мы сами выйдем на него. Мы прочедем все китайские кварталы, азиатские букмекерские конторы и ресторанчики и прочие заведения во всех населенных пунктах в районе пятидесяти миль от округа Колумбия.

– Дождитесь меня. Пока не делайте ничего. Я знаю, что нужно искать, а вы нет... Это важный момент, поверь мне. Шакал может не знать о том, что я забыл или помню. Вероятно, он упустил из виду, что я хорошо помню его парижских стариков.

– Может быть, и нет, Дэвид. Может быть, он как раз и рассчитывал на то, что ты помнишь про это. Может быть, то, что сейчас случилось, было только частью его дьявольской шарады, представляющей собой ловушку для тебя.

– Тогда он снова ошибается.

– Почему?

– Я не поймаюсь на это. Джейсон Борн не таков.

Глава 4

Дэвид Вебб миновал терминал Центрального аэропорта и, пройдя через автоматические, приветственно распахнувшиеся двери, оказался в заполненном людьми внутреннем помещении аэропорта. Он внимательно изучил указатели и проследовал дальше, спустившись по эскалатору к стоянке машин. В соответствии с заранее оговоренным планом ему следовало пройти вдоль крайнего правого ряда машин, повернуть налево и идти до конца ряда. Там его должен ждать серо-стальной «Понтиак Ле Манс» 1986 года с водителем в белом кепи. На зеркальце над ветровым стеклом будет висеть сувенирное распятие. Окно водителя – опущено. Вебб должен подойти к машине и сказать: «Полет прошел нормально». После этого водитель снимет кепи и запустит мотор. Дэвид займет заднее сиденье. Больше ничего говорить не надо.

Они больше ничего и не сказали друг другу, за исключением того, что водитель вытащил из-под приборной доски микрофон и тихо и очень четко произнес в него:

– Груз на борту. Машине прикрытия на выезд.

Вся эта экзотическая процедура могла бы показаться Дэвиду смешной, если бы за ней не стоял Алекс Конклин, связавшийся с ним, когда Дэвид находился в аэропорту Логан, с помощью личного кодированного телефона директора Питера Холланда. Эти люди знали, что делают. Вебб догадывался, что все происходящее связано со звонком Мо Панова прошлой ночью. Эти догадки подтверждались также и тем, что сам Холланд настоятельно просил Дэвида по телефону, чтобы он добирался до Хартфорда и летел из Брэдли в Вашингтон только коммерческим рейсом, ни в коем случае не пользуясь частными или правительственными самолетами, избегая каких-либо телефонных переговоров.

Явно правительственная машина, в которой сейчас находился Вебб, быстро выехала с территории Центрального национального аэропорта. Прошло несколько минут, и они уже неслись по загородному шоссе, а еще через немного времени, почти не снижая скорости, по пригородам Вены, штат

Виргиния. Машина свернула к воротам частного владения – комплексу роскошного вида зданий, расположенных среди многочисленных зеленых насаждений. Табличка на воротах и знак на обочине гласили: «Вилла Вена». Охранник у ворот с первого взгляда опознал машину и приветливо помахал им, пока отъезжала в сторону толстая решетка, закрывающая въезд. Только после того, как машина оказалась на территории виллы, водитель впервые открыл рот, обращаясь непосредственно к Веббу:

– Весь комплекс занимает довольно большую площадь и состоит из пяти частей, сэр. Четыре из них принадлежат различным постоянным владельцам, а пятая, самая дальняя, является собственностью Управления. Там есть своя подъездная дорога и своя охрана. Вам тут понравится, сэр.

– Мне уже нравится.

– Не сомневаюсь, сэр. Но директор проявляет о вас особую заботу, и поэтому вам будет оказано особое внимание.

– Приятно слышать, но откуда ты все это знаешь?

– Я член бригады, сэр.

– Понятно. В таком случае как тебя зовут?

Водитель немного помолчал, и его последующий ответ перенес Дэвида обратно в ту жизнь, которую теперь, вероятно, ему придется вести.

– Здесь нет имен, сэр. Я не знаю вашего, а вы не знаете моего.

«Медуза».

– Понял, – ответил Вебб.

– Мы на месте. – Водитель свернул на кольцевую дорожку, ведущую к подъезду двухэтажного здания в колониальном стиле, с высокими мраморными колоннами с желобами.

– Извините, сэр. Я не обратил внимания. У вас нет с собой багажа?

– Нет, – ответил Вебб, открывая дверцу.

– Как ты находишь мою нору? – спросил Алекс, обводя рукой со вкусом обставленные апартаменты.

– Слишком чисто и слишком изысканно для такого старого сварливого холостяка, как ты, – ответил Дэвид. – С каких это пор ты полюбил такие веселенькие желто-розовые занавески с маргаритками?

– Подожди, ты еще не видел обои в моей спальне. Они все в розочках.

– Не думаю, что горю желанием их увидеть.

– А в твоей – гиацинты. Конечно, я даже не знал, что это гиацинты, до тех пор пока не сказал, что у меня от них рябит в глазах и кружится голова. Ну, тут горничная мне все и объяснила.

– Горничная?

– Негритянка за сорок, сложенная, как борец сумо. Она таскает с собой под платьем два пистолета и, самое смешное – несколько отточенных бритв.

– Та еще горничная.

– Прямо патрульный полицейский. Она не пропустит сюда ни куска мыла или рулона туалетной бумаги без пометки Лэнгли. Слышишь, Дэвид, она ведь платный агент десятого разряда, а некоторые из здешних клоунов все время норовят оставить ей чаевые.

– Может быть, им нужны официанты?

– Неплохо. Профессор Вебб – официант.

– Джейсон Борн когда-то им работал.

Конклин замолчал и затем заговорил серьезно:

– Давай-ка теперь им и займемся. – Он прихрамывая, направился к креслу. – Кстати, у тебя был тяжелый денек, и хотя сейчас нет и полудня, если ты хочешь выпить, то к твоим услугам полный бар. Вон там, за коричневыми дверцами в стене около окна.

Вебб лукаво усмехнулся, внимательно рассматривая своего друга.

– Как ты сам на этот счет, Алекс?

– Черт, я теперь сухой, как лист, ты же знаешь. Неужели вам с Мари приходилось прятать от меня выпивку, когда я бывал у вас?

– Никогда. Но постоянный соблазн...

– Соблазн можно вытерпеть. Не замечать его, и все, – оборвал Дэвида Конклин. – Я решил бросить пить, ибо другого пути не было. Значит, так оно и будет. А тебе следует выпить, Дэвид. Нам нужно поговорить, и я хочу, чтобы ты расслабился и успокоился. У тебя по глазам видно, что ты на взводе.

– Ты уже раньше говорил мне, что меня выдают глаза, – сказал Вебб, открывая полированные дверцы и доставая бутылку. – И смотреть на это ты тоже можешь спокойно?

– Я говорил, что это у тебя не в глазах, а где-то внутри, за ними... А с первого взгляда ничего не определишь. Как дела у Мари и ребятишек? Надеюсь, у них сейчас все в порядке?

– Разговорился с диспетчером в аэропорту и болтал с ним о Мари до тех пор, пока он не предложил мне занять его кресло и понаправлять самолеты, если я так рвусь.

Вебб налил себе из бутылки в стакан немного виски, добавил содовой и проследовал к креслу напротив отставного разведчика.

– Как наши дела, Алекс? – спросил он, присаживаясь.

– Мы там же, где были вчера вечером. Ничуть не продвинулись с тех пор, и ничего не изменилось, за исключением того, что Мо отказался прекратить прием пациентов. Его забрали сегодня утром из собственной квартиры, которая теперь укреплена лучше, чем Форт Нокс, и отвезли под охраной в офис. Мне обещали доставить его сюда к часу дня. Нашего доктора повезут на четырех разных машинах, с четырьмя пересадками в подземных гаражах.

– Теперь нас охраняют открыто, с тайным прикрытием решили распрощаться?

– После стрельбы сегодня утром смысла в этом больше нет. Ловушка у Смитсоновского мемориала не сработала, и наши люди засветились.

– А почему она не сработала? В чем дело, в неожиданности нападения? Вообще, использование специальных групп прикрытия большей частью приводит к ошибкам. Это же азбучная истина.

– Конечно, дело тут больше в неожиданности, а не в низкой квалификации или недостатке сообразительности, Дэвид. – Конклин покачал головой. – Я сам дал согласие на это прикрытие. Это Борн мог превращать агентов из дубоватых и неповоротливых в ловких и смекалистых. Но с официальными группами прикрытия подобное не проходит. Очень много сложностей и специфики.

– Например?

– Как бы хороши эти люди ни были, в первую очередь они обеспокоены тем, чтобы остаться в живых, и успешным проведением операции. Кроме того, они слишком много времени уделяют координации действий друг с другом и передаче сообщений в командный центр. Это обычные служащие, озабоченные своей карьерой, и они не станут бросать коту под хвост собственную жизнь, рискуя получить удар ножом в бок при любом неосторожном шаге.

– Хотя это и прозвучит мелодраматично, – негромко проговорил Вебб, откидываясь на стуле и делая глоток из стакана, – но должен сказать, что мы такими не были.

– Может быть, я ошибаюсь, но со стороны мы точно казались героями. Особенно для тех, кто работал с нами постоянно.

– Мне бы хотелось разыскать своих людей и проверить это дело вместе с ними. – Дэвид наклонился вперед и сжал стакан обеими руками. – Это он заставляет меня выйти наружу, Алекс. Шакал зовет меня, и я покажусь ему...

– Лучше не говори так, Дэвид, – взволнованно прервал его Конклин. – Вот теперь в твоих словах точно слышна мелодрама. Ты говоришь, как герой третьесортного вестерна. Стоит тебе показаться ему на глаза, и в тот же день Мари станет вдовой, а твои дети сиротами. Так и будет, уверяю тебя, Дэвид.

– Нет, Алекс. – Вебб задумчиво покачивал головой, устремив взгляд в глубину стакана. – Шакал пытается выследить меня, и я должен сделать то же самое. Он постарается столкнуть меня в пропасть, и самое лучшее для меня будет столкнуть его туда первым. И только так мы сможем избавиться от него, вычеркнуть его из наших жизней навсегда. В основе всего, что сейчас происходит, все равно лежит только одно – Карлос против Борна. И мы опять на том же месте, где были тринадцать лет назад. Альфа, Браво, Каин, Дельта... Каин – это Карлос, и Дельта против Каина.

– Но все это безумство прекратилось тогда в Париже, – перебил Вебба Конклин. – Дельта из «Медузы» был лакомой приманкой для Шакала. Мы не в Париже, а эти тринадцать лет уже прошли!

– А через пять лет будет восемнадцать. Еще через пять – двадцать три. И что, черт возьми, ты хочешь, чтобы я делал? Жил, держа свою семью в постоянном страхе, скитался из дома в дом, с тенью этого сукиного сына за спиной? Нет, Алекс, я так не могу! Ты и сам отлично это понимаешь. Аналитики могут состряпать для нас дюжину стратегий, мы можем использовать кусочки, быть может, шести из них, но в основе всего опять будут Шакал и я. Все это так... Хотя у меня есть одно преимущество перед ним. У меня есть ты.

Конклин проглотил комок, стоящий у него в горле:

– Ты мне льстишь, Дэвид. Безбожно льстишь. Я хорош в своей привычной среде, где-нибудь в паре тысяч миль от Вашингтона, а здесь мне слишком душно.

– Но пять лет назад тебя здесь все устраивало, когда ты увидел, что я сажусь в самолет до Гонконга. Ты тогда задал здесь шороху.

– Тогда мне было легче. Тогда это была вонючая и подлая правительственная операция, от которой до того смердело тухлятиной, что даже твердолобые чиновники поняли это. Сейчас другое дело. Это Карлос.

– В том-то и дело, Алекс. Это Карлос, а не неизвестный голос в телефонной трубке, от которого не знаешь чего ждать. Мы имеем дело с человеком известных нам качеств, можно сказать, предсказуемым...

– Предсказуемым? – снова перебил его Конклин, настораживаясь. – Вот уж чего не сказал бы. Но почему?

– Он охотник. Он идет на запах.

– Он будет долго принюхиваться, у него отличный нос. А после этого он еще будет изучать след под микроскопом.

– В этом случае все, что от нас требуется, – это правдоподобность, не так ли?

– Я предпочитаю действовать наверняка, просчитав каждый шаг. А что ты придумал?

– В писании от Святого Алекса сказано, что тот, кто желает изготовить хорошую наживку, должен использовать для ловушки часть подлинных сведений, может быть, даже опасную часть.

– Да, эта глава и стих относятся к придирчивым субъектам с микроскопами. Может быть, я что-то такое и говорил. Какого рода правда уместна в этом случае?

– «Медуза», – очень тихо произнес Дэвид. – Я хочу использовать «Медузу».

– В таком случае ты сошел с ума, – так же тихо ответил ему Конклин. – Это название находится под таким же секретом, как твое имя, и, знаешь, может быть, даже еще под большим.

– Слухи и сплетни о «Медузе» ходили по всей Юго-Восточной Азии, от Японского моря до Цзюлуна и Гонконга, куда эти сволочи рванули потом с награбленными деньгами. «Медуза» не такой уж и большой секрет, как ты считаешь.

– Слухи – да, сплетни – несомненно, – ответил ему отставной разведчик. – А сколько раз эти подонки пускали в ход во время их так называемых рейдов ножи или автоматы, чтобы набить деньгами полные карманы? Девяносто процентов из них воры и убийцы, и убить человека для них – все равно что выпить стакан воды. Питер Холланд говорил, что он, будучи в морской разведке, встречал таких вот ребят, и ему сразу же хотелось их пристрелить.

– Знаешь что, Алекс, без них вместо пятидесяти восьми тысяч военных преступлений было бы совершено на пятьдесят или шестьдесят меньше. Отдай этим животным их должное, Алекс. Они знали каждый дюйм территории, каждый квадратный фут джунглей. Они, а точнее мы, передавали больше полезных разведанных в Сайгон, чем все посланные оттуда команды, вместе взятые.

– Я имею в виду то, Дэвид, что никакой связи между правительством Соединенных Штатов и «Медузой» быть не может. Использование такого подразделения нигде не регистрировалось и тем более не афишировалось. Само название тщательно скрывалось, настолько, насколько это было возможно. Как такового статуса военного преступления в этом нет, ведь «Медуза» официально была обозначена как негосударственная организация, состоящая из воинственных и склонных к насилию отщепенцев, желающих развалить основы стран Юго-Восточной Азии. Если когда-нибудь где-нибудь будет упомянуто, что за спиной «Медузы» стоял Вашингтон, то это окончательно и бесповоротно испортит репутацию многих шишек в Белом доме и Госдепартаменте. Сейчас они большие политики, а двадцать лет назад были просто горячими молодыми аппаратчиками при Генеральном штабе в Сайгоне... Мы можем допустить не очень чистоплотную тактику во время войны, но только не кровавые боины, устраиваемые неармейскими диверсионными подразделениями, на поддержку которых шли миллионы из кармана налогоплательщиков. Это будет похоже на случай со тщательно скрываемыми архивами, в которых хранятся сведения о том, как наши воротилы бизнеса поддерживали в свое время нацистов. Кое-что вынуждено оставаться в подвалах и сейфах, может быть, навсегда, и «Медуза» относится к подобным вещам.

Вебб снова откинулся на спинку кресла. Он смотрел напряженным, пронизывающим взглядом прямо в лицо своему лучшему другу, некогда – правда, недолго – бывшему его смертельным врагом.

– Если мне не изменяет память, Борн был идентифицирован как выходец из «Медузы»?

– Это было наиболее правдоподобное объяснение и отличная легенда, – согласился Конклин, не опуская глаз под взглядом Дэвида. – Тот, кто хотел проследить историю Борна, возвращался в Танкуанг и обнаруживал, что Борн, параноидальный искатель приключений из Танзании, исчез в джунглях Северного Вьетнама. Участие Вашингтона исключалось фактически полностью и с этой стороны.

– Но ведь это ложь, не так ли, Алекс? Вашингтон в этом участвовал и участвует. И Шакал теперь про это знает. Он узнал все, вероятно, тогда,

когда обнаружил наши следы в Гонконге. Он разыскал упоминание о тебе и Панове в чем-то связанном со стерильными ныне развалинами дома на Виктория Пик, где Джейсон Борн предположительно был пущен в расход. И этот факт подтвердился прошлой ночью, когда его посланники связались с вами на территории Смитсоновского мемориала и – это твои слова: «наши люди засветились». Теперь он знает, что его подозрения тринадцатилетней давности – правда. Член «Медузы» Дельта был Джейсоном Борном, а Джейсон Борн был создан в недрах американской разведки, и он все еще жив. Жив, скрывается и находится под защитой правительства.

Конклин с силой опустил кулак на подлокотник кресла:

– Как он нашел нас? Все, абсолютно все было отлично скрыто, я и Мак-Алистер лично убедились в этом.

– Я предполагаю несколько каналов утечки информации, но уточнение этого может подождать. Мы должны действовать через то, о чем Карлосу известно, – через «Медузу»...

– Как? Каким образом?

– Исходя из того, что Джейсон Борн происходит из «Медузы», наш следующий ход следует совершить через нее. Наши тайные операции были основаны именно на этом подлоге. Другими словами, каким путем шло создание Борна? Что не знает Шакал или до чего он еще не дошел? Это довольно далеко от правительства, особенно от некоторых чиновников, которые стараются сохранить «Медузу» и все связанное с ней в тайне. Как ты правильно заметил, некоторые важные шишки в Белом доме и Госдепартаменте могут при этом погореть. Кое за кем из политиков тянется хвост темных делишек. Надеюсь, ты назовешь мне их имена.

– Все, что мы будем иметь после этого, это собственный Уолтхейм.

Конклин кивнул и опустил взгляд, о чем-то напряженно думая.

– Нуи Дап Ранх, – едва слышно произнес Вебб.

При звуке восточных слов Алекс быстро поднял голову и внимательно посмотрел на Дэвида.

– Это ли не ключ, а? – продолжал Дэвид. – Нуи Дап Ранх – «Снейк Леди».

– Все еще помнишь это?

– Вспомнил сегодня утром, – ответил Дэвид – нет, Джейсон Борн. Глаза его снова были холодны и остры. – Посадив Мари с детьми на самолет, я еще долго стоял там и смотрел, как он взлетает и постепенно исчезает в дымке облаков над Бостонской гаванью. И внезапно я снова оказался там. Во

Вьетнаме. В другом самолете и в другое время, из динамика сквозь треск электрических разрядов были слышны наши позывные: «Снейк Леди, Снейк Леди, прием... Снейк Леди, вы слышите меня? Прием». Я отвечал тогда за действия этого чертового отряда. Я сидел и разглядывал своих людей. Самолет так трясло, что все в салоне то и дело хваталось за что попало, чтобы удержаться на скамьях. Я переводил взгляд с одного лица на другое, изучал их выражение и думал, смог бы тот или другой человек выйти живым из того, из чего вышел живым я, и если нам суждено погибнуть, то как это произойдет... А потом я увидел, как двое закатали рукава своих рубашек и рассматривают и сравнивают небольшие уродливые татуировки на предплечьях, эти маленькие эмблемы их доблести, принадлежности к клану убийц, так маниакально завораживающих их всех...

– Ну и Дап Ранх, – задумчиво повторил Конклин. – Голова женщины со змеями вместо волос. Ты не захотел метить себя этим...

– Я никогда не принимал во внимание тот смысл, который вкладывался в эту метку, – ответил Дэвид Вебб, устало прикрыв глаза. – Я не был с ними до конца, никогда, вот в чем дело.

– Первоначально эта татуировка служила просто опознавательным знаком, и только впоследствии она стала гербом, предметом гордости, отличительным знаком превосходства. Эта очень сложная и путаная татуировка располагалась на верху предплечья, и ее мог сделать только один старик в Сайгоне, настоящий мастер. Только он один знал все линии и необходимые цвета. Сделать такую татуировку можно было только у него.

Этот старик сколотил за время войны хорошие деньги. Он исполнял такие татуировки виртуозно.

Все офицеры в штабе, связанные с «Медузой», имели их. Они были похожи на мальчишек, увлеченных игрой в войну.

– Они не были мальчишками, Алекс. А войной они действительно увлекались, это верно. Все до одного, можешь спорить на что угодно. Маньяки, вот кем они были. Они были заражены страшным, ядовитым вирусом под названием безнаказанность. Из этого штаба вышло немало миллионеров. А мальчишки лежали искалеченными и убитыми в джунглях, пока мужчины с обтянутыми хаки животами отправляли со специальными курьерами крупные суммы денег в швейцарские банки.

– Полегче, Дэвид. Это вполне может относиться к большим людям в правительстве Штатов.

– Кто они? – еще раз очень тихо спросил Вебб, держа стакан прямо перед собой.

– Те, кого я знаю, увязшие в подобном дерьме во времена Вьетнама, все сумели благополучно унести ноги после падения Сайгона. К тому времени я уже два года занимался оперативной работой, но и до этого я не слышал, чтобы хоть кто-то из них вслух упоминал о «Снейк Леди» и своем участии в работе с ней.

– Но хоть какие-то зацепки у тебя есть?

– Конечно, есть, но ничего конкретного, почти все бездоказательно. Просто предположения, основанные на стиле их жизни, на излишествах, которые они себе начали позволять, покупках, дорогих домах и прочем, положении в обществе, не соответствующем их происхождению, долевого участия в фирмах, не оправданном ни зарплатами, ни наследством, новых должностях и местах работы. Всяком таком.

– Ты сказал, что их было несколько человек. Это что – связанная между собой группировка, сеть? – В голосе Дэвида опять звенел металл Джейсона Борна.

– Можно сказать и так. Причем сеть очень прочная. В ней только избранные.

– Можешь составить список ее членов, Алекс?

– Не всех. Останутся белые пятна.

– Тогда, для начала, мне нужно знать обо всех важных шишках из правительства, связанных когда-то со штабом в Сайгоне. Затем перейдем к тем, кто получил теплые местечки в частном бизнесе или пакеты акций, не полагающиеся им.

– Повторяю, этот список не принесет никакой пользы.

– С твоим-то нюхом?

– Дэвид, черт возьми, какая тут связь с Карлосом?

– Частичная правда, Алекс. Опасная часть, уверяю тебя, но, как я надеюсь, практически безвредная для нас и невыносимо привлекательная для Шакала.

Отставной разведчик замер, не сводя глаз со своего друга.

– Каким же образом ты хочешь подать эту правду?

– Вот тут и понадобится вся твоя изобретательность. Предположим, ты называешь пятнадцать-двадцать имен, из них выбираем три-четыре жертвы, темные делишки которых мы так или иначе можем подтвердить. Установив, кто они и что, мы увеличиваем давление на них, шантажируем их, посылаем всем им письма с таким содержанием: бывший член «Медузы», человек, все эти годы имевший доступ к секретной документации и находившийся под

опекой правительства, дошел до предела и собирается снести голову «Снейк Леди». Он имеет для этого все необходимое: имена, сведения о сделках, расположение тайных швейцарских счетов, короче, всю петрушку. На следующем этапе – это будет проверкой для талантов Санта-Алекса, о которых мы все знаем и которые почитаем, – о происходящем дается знать некоему человеку, желающему заполучить этого рассерженного ренегата больше кого бы то ни было.

– Ильичу Рамиресу Санчесу, – продолжил Конклин. – Карлосу Шакалу. Следующее за этим уже совсем невообразимо – бог знает каким образом дошедшие до третьей стороны сведения вынуждают ее войти в контакт с другой стороной, заинтересованной в поимке шантажиста. Связывает их интерес в совместной организации заказного убийства, причем первая сторона не может принять в нем активное участие по причине своего высокого положения, не так ли?

– Примерно так, принимая во внимание то, что данная могущественная фигура в Вашингтоне может получить доступ к материалам, идентифицирующим личность и местонахождение столь сладостной для них жертвы.

– Не уверен, – с сомнением произнес Алекс. – Они что, взмахнут волшебной палочкой, и все принятые ограничения на данные совершенной секретности падут к их ногам, и они смогут получить доступ к информации?

– Именно, – ровным голосом ответил Дэвид. – Потому что тот, кто будет встречаться с эмиссарами Шакала, должен оказаться настолько высокой фигурой, настолько правдоподобной, что у Шакала не останется выбора, кроме как согласиться и довериться ему или им. Если у него не возникнут сомнения в этой фигуре, с началом переговоров все его мысли о возможной ловушке отпадут.

– В твоем плане нет случайно пункта, обязывающего меня выращивать розы в Монтане в январские метели?

– Что-то вроде этого имеется. Все надо проверить в течение одного-двух ближайших дней.

– Это невозможно... Но я постараюсь. Обоснуюсь здесь и потребую от Лэнгли выслать мне сюда все необходимое. Все через уровень защиты четыре-ноль, конечно... А тот, кто сидит в «Мэйфлауэре»? Ужасно не хочется его упускать.

– Все будет нормально, – ответил Вебб. – Кто бы это ни был, его так быстро не возьмешь. Вряд ли Шакал будет сидеть в таком открытом месте.

– Шакал? Ты думаешь, это сам Карлос?

– Нет, но кто-то из его платного окружения. Кто-то настолько небрегливый, что может смело повесить себе на шею табличку: «Я Шакал». Но верить ему не надо.

– Китаец?

– Вероятно. Кстати, Шакал может поиграть в эту игру, а потом бросить ее. Он настоящий математик. Что бы он ни делал, все логично, даже если кажется алогичным на первый взгляд.

– Я уже слышал это от одного человека. Много лет назад.

– Да, было дело, Алекс. Похоже, он вернулся.

Конклин посмотрел в окно. Слова Дэвида неожиданно навели его на определенные размышления.

– А где твой чемодан? – спросил он. – Ты привез с собой какую-нибудь одежду?

– Никакого старья. И эту выброшу в вашингтонскую канализацию, как только куплю новую. Но сначала я хотел бы встретиться с еще одним своим старым другом, еще одним гением, живущим в не лучшей части города.

– Дай-ка подумать, – сказал отставной разведчик. – Пожилой негр с чудным именем – Кактус, мастер подделки документов, водительских прав и кредитных карточек?

– Это про него. Точно.

– Но Управление может изготовить тебе все необходимое.

– Слишком много бюрократии. И я не хочу оставлять следов. Даже с уровнем четыре-ноль. Можешь отнести это к моим чудачествам.

– Отлично. А что потом?

– Берись за работу, полевик. Я хочу, чтобы ты к завтрашнему утру уже потрянул в этом городке нескольких человек.

– К завтрашнему утру?... Это мне не под силу.

– Ты справишься. Разве ты не Санта-Алекс, король теневых операций!

– Скажешь тоже, черт побери! Я уже потерял сноровку.

– Это легко восстанавливается, как секс и езда на велосипеде.

– А ты? Что будешь делать ты?

– После того как повидаюсь с Кактусом, собираюсь снять номер в отеле «Мэйфлауэр», – ответил Джейсон Борн.

Кулверт Парнелл, отельный магнат из Атланты, чья двадцатилетняя карьера в гостиничном бизнесе вылилась в назначение его главным смотрителем Белого дома, раздраженно швырнул трубку телефона на рычаг, одновременно делая своим похожим на каракули почерком шестую по счету заметку в деловом блокноте. Вступив в должность и тут же начав перетряску обслуживающего персонала Белого дома, Кулверт поменял сразу всю административную верхушку, состоявшую из благородных дамочек, ничего не смыслящих в политической дифференциации списков официальных приемов по форме номер 1600. После этого, ужасно удивившись и разозлившись, он обнаружил, что находится на ножах со своим первым помощником, дамой средних лет, также происходящей из благородных, закончившей один из этих пижонских западных колледжей и, что хуже всего, весьма популярной в вашингтонском высшем свете особой. Эта эксцентричная мадам вдруг решила связаться с некой труппой танцоров, ля-ля-ля, вперед-назад, и потребовала на это деньги. А они там все пляшут полуголыми или, может быть, в чем мать родила. Конечно, ей приятно лупить zenки на таких вот мужиков.

– Дерьмо собачье! – приглушенно прорычал разъяренный Кулверт, зачесывая назад обеими руками остатки волос. После этого он снова снял трубку и быстро нажал на панели четыре кнопки. – Дай-ка мне Рэдхеда, сладенькая, – промурлыкал он в трубку, утрированно преувеличивая свой джорджийский выговор.

– Да, сэр, – вежливо отозвалась секретарша. – Он на другой линии, но я вызываю его. Не вешайте трубку, мистер Парнелл.

– До чего же ты хороша, малышка, что тот персик.

– Ох, что вы, спасибо. Не вешайте трубку.

Так-то оно лучше, рассудил про себя Кулверт. Подслащенная конфетка – это не то, что постоянное гавканье. Эта сучка, его первая помощница, могла бы поучиться у него, как ей обуздать свой южный гонор. Она-то разговаривает так, будто дантисты залепили все ее долбаные зубы каким-то быстросхватывающимся цементом.

– Это ты, Кулл? – плавное течение мыслей в голове Парнелла прервал голос Рэдхеда в трубке. Кулверт, не торопясь, дописал очередную пометку в блокноте.

– Ты офигительно прав, сынок. У нас проблема с приемом этого нового французского посла! Эта мадам-фрикасе опять взялась за свое. Я уже отправил приглашения нашим ребятам с Уолл-стрит, а она сказала, что мы должны сразить французишек этим веселеньким па-де-де-кордебалетом и фигли-мигли, и добавила, что она и первая леди очень заинтересованы в том, чтобы все сошло гладко. А ты знаешь, сколько дерут наличными эти танцоры? Наши денежные мешки с ума посходили от французов, не знаю, по делу или нет, но эта шишка из Белого дома явно теперь начнет тащить их себе под бок. Каждая лягушка в Бурже будет считать, что у нее теперь есть родня в Штатах.

– Забудь про это, Кулл, – прервал его Рэдхед. – Тут, похоже, наклеывается что-то большее, чем твои танцоры, и я даже не разберу, что к чему. Какая-то дрянь.

– О чем это ты?

– Когда мы были в Сайгоне, ты слышал о чем-нибудь или о ком-нибудь по имени Снейк Леди?

– Леди с замечательными глазами. Нет, не слышал. А что такое?

– Парень, с которым я только что говорил, обещал перезвонить через пять минут. Так вот, похоже, он угрожал мне. Точно так и звучало – он грозил мне, Кулл! Он говорил о Сайгоне, подразумевая что-то ужасное, случившееся там, повторил имя Снейк Леди несколько раз и как будто ждал, что я сейчас рвану в кусты.

– Отправь этого сукиного сына ко мне! – неожиданно заорал Парнелл. – Я уже знаю, о чем он говорит! Это все моя слюнявая сучка, моя первая помощница – она и есть Снейк Леди! Дашь этому слизняку мой номер и скажешь, что я все знаю про это дерьмо!

– А мне-то хоть можешь рассказать, Кулл?

– Какого черта, Рэдхед, ты же сам там был... Мы затеяли там пару-тройку игр, ну, этих мини-казино, в которых нескольких придурков из Штаба раздели почти догола. Но скажи мне, на что еще солдатам бабки? Саван себе заказывать, что ли? Гораздо лучше было им сидеть в наших чистеньких комнатках за столиками, чем слоняться без дела по улицам... Нет, Рэдхед, похоже, что эта пижонка, так называемая первая помощница, думает, что она раздобыла что-то на меня, и поэтому-то и действует через тебя, ведь все знают, что мы приятели... Скажи этой погани, пусть он звонит мне, а я уж разберусь с ним. Суну его носом прямо в эту суку. От дьявол, она еще пожалеет! Она вылетит отсюда вместе со своими васильками-дергунчиками!

– Хорошо, Кулл, я скажу ему о тебе, – ответил Рэдхед, известный еще как вице-президент Соединенных Штатов, и повесил трубку.

Через пять минут телефон зазвонил снова. Парнелл схватил трубку. В ухо ему заговорщически зашептали:

– «Снейк Леди». У нас неприятности, Кулверт.

– Ну уж нет, слушай сюда, бобовая голова, я сейчас скажу тебе, у кого могут быть неприятности! Она ведь не женщина, она – сука! Может, один или два из сорока или тридцати ее слабосильных мужьев когда и продули свои легкие денежки в Сайгоне, но всем тогда было на это плевать и теперь плевать тоже. Особенно одному морскому полковнику, в любое время дня и ночи знающему толк в хорошем покере, в это утро, между прочим, сидящему в Овальном кабинете. И еще ты, мошонка без яиц, если он узнает, что вы с ней стараетесь опоганить храбрых ребят, пытавшихся немного расслабиться в перерывах между схватками в этой неблагодарной войне...

В Вене, штат Виргиния, Александр Конклин опустил трубку. Промах Первый и Промах Второй. Кроме того, он никогда не слышал о Кулверте Парнелле.

Председатель Федеральной комиссии по торговле Альберт Армбрустер громко выругался, когда ему пришлось выключить душ, чтобы разобраться, что ему кричит жена, приоткрывшая дверь наполненной паром ванной.

– Что за дьявол, мамуля? Могу я спокойно принять душ без твоего нытья?

– Похоже, это Белый дом, Ал! Знаешь, как там говорят – тихо, спокойно, а дела-то все срочные.

– Черт! – рявкнул председатель комиссии, распахивая стеклянную дверь и голышом направляясь к телефону на стене.

– Это Армбрустер. В чем дело?

– Дело требует вашего внимания, председатель.

– Это по поводу президентского приема?

– Нет, мы надеемся, что туда это никогда не дойдет.

– Кто вы, черт побери?

– Кто-то, настолько же озабоченный происходящим, насколько озабоченным вскоре станете и вы. После всех этих лет... О боже!

– Озабоченным? Чем? О чем это вы?

– «Снейк Леди», мистер председатель.

– Ох, боже мой!

Армбрустер мгновенно оставил напористый тон и запаниковал. Наконец он овладел собой, но было уже слишком поздно. Номер Первый.

– Понятия не имею, о чем вы говорите... Что за... как вы сказали? Никогда про это не слышал.

– Ну, значит, послушайте сейчас, мистер «Медуза». У некоего лица есть все. Даты, события, банковские счета в Женеве и Цюрихе, даже имена шести курьеров, курсировавших между Сайгоном и Швейцарией, и это еще не конец. Есть еще кое-что похуже! Имена пропавших без вести восьми членов генеральной инспекции, по вашим данным, так и не добравшихся до Сайгона. Понимаете, все.

– Вы отдадите себе отчет в том, что говорите! Вы несете какую-то чушь!

– Вы в нашем списке, мистер председатель. Этот человек пятнадцать лет копил факты, выстраивал полную картину. Теперь он хочет получить плату за свою работу. В противном случае мы все откроем, все до конца.

– Кто? Кто он такой, ради бога?

– Ого, я вижу, мы уже переходим к делу? Мне известно, что он десять лет работал с секретными архивами, а там особенно не накопашь денег. Кроме того, он находится под постоянным надзором правительства. Его обставили в Сайгоне, и теперь он решил наверстать упущенное. Будьте наготове. Мы сами с вами свяжемся.

Щелчок – и голос в трубке исчез. Несмотря на пар из ванной и жару, голый Альберт Армбрустер, председатель Федеральной комиссии по торговле, вдруг ужасно замерз. Он повесил трубку, и его взгляд машинально скользнул по маленькой уродливой татуировке на коже предплечья.

В Вене, штат Виргиния, Алекс Конклин молча смотрел на телефон.

Номер Первый.

Генерал Норман Свайн, шеф отдела снабжения Пентагона, отошел от метки для мяча, про себя наслаждаясь своим только что исполненным длинным прямым драйвом вниз по дорожке. Мяч упал на отличную позицию, предоставляющую возможность для блестящего прохода семнадцатой лунки максимум за пять ударов.

– А? Как? Иначе и быть не могло! – гордо заявил он, обращаясь к своему партнеру по партии в гольф.

– Нет слов, Норм, – ответил молодой человек, являвшийся младшим вице-президентом «Калко Текнолоджиз». – Сегодня ты с одного маха прошел все мои лунки. Похоже на то, что я закончу с долгом сотни в три. По двадцатке за лунку так и выходит, а я не прошел еще и четырех.

– Ты сам предложил ставку, сынок. Сам ее и отрабатывай.

– Не могу спорить, Норм, – покорно согласился заведующий отделом сбыта компании «Калко» и не торопясь направился к черте.

Неожиданно идиллия игры в гольф была прервана резким сигналом гудка гольф-карта, трехколесного автомобильчика, мчащегося на всех парах по склону восемнадцатой дорожки.

– Это ваш водитель, генерал, – заметил молодой вице-президент, тут же пожалев о том, что назвал своего партнера по званию.

– Так и есть. Странно, обычно он не беспокоит меня во время гольфа.

Свайн зашагал навстречу быстро приближающемуся карту. Они встретились метрах в десяти от черты.

– В чем дело? – спросил генерал у водителя, высокого, с нездорового цвета кожей старшего сержанта, прослужившего у него в шоферах уже больше пятнадцати лет.

– Думаю, что дело кислое, – грубовато ответил сержант, принимаясь разворачивать машину.

– Не слишком-то вежливо...

– А чего ждать от такого сукиного сына, который только что звонил. Я разговаривал с ним из здания гольф-клуба, и, слава богу, по платному телефону. Я пытался втолковать ему, что не могу отрывать вас сейчас от игры, а он ответил, что это не мое дело думать о том, что для вас хорошо, а что плохо. Я пытался выяснить у него, кто он такой и какого звания, но он послал меня и добавил еще кое-что, довольно неприятное. Скажи, говорит, генералу, что я звоню ему по поводу Сайгона и некой рептилии, околачивавшейся около этого городка лет эдак двадцать назад. Вот в точности его слова...

– Боже мой! – простонал Свайн и, не удержавшись, прошептал: – Снейк Леди.

– Он сказал, что перезвонит через полчаса. Уже прошло восемнадцать минут. Залезай, Норман. Я тоже участвовал в этом, помнишь?

Перепуганный и растерянный, генерал пробормотал:

– Я... Я должен извиниться... Я не могу так просто оставить игру и уехать.

– Тогда поторопись. И еще, Норман. На тебе опять рубаха с короткими рукавами, ты, чертов идиот! Прикрой руку!

Свайн, широко открыв глаза, уставился на маленькую татуировку на предплечье, затем быстро прикрыл ее другой рукой и побрел обратно к черте, пытаясь придать походке небрежную беспечность, которой он совершенно не испытывал.

– Дьявол, приятель. Военные дела.

– Черт, не повезло, Норм. Но я должен тебе. Бери. Я настаиваю!

Генерал, частично пребывая в прострации, принял от своего партнера долг, не пересчитывая и не замечая того, что в пачке содержится на несколько сотен долларов больше, чем ему были должны. Смущенно поблагодарив, Свайн быстро вернулся к гольф-карту и уселся позади старшего сержанта.

– Не слишком ли много за мою фору, солдатик? – сказал ему вслед молодой зам по связям с рынком, занимая позицию на черте, замахиваясь клюшкой и посылая маленький белый мяч вдоль дорожки гораздо дальше генеральского и на лучшую позицию. – В сто миллионов раз лучше, наглая ты скотина.

Номер Два.

– О чем это вы говорите, бога ради, – со смехом произнес сенатор в телефонную трубку. – Или вы ждете от меня, будто я скажу вам, что желает пропихнуть Ал Армбрустер? Ему не нужна моя поддержка в новом проекте, и он не получит ее, даже если захочет. Он в Сайгоне был остолопом, он и сейчас осел, хотя и получил большинство голосов на выборах.

– Мы говорим не о выборах, сенатор. Мы говорим о «Снейк Леди»!

– Видно, этот придурок Алби совсем свихнулся, если начал посылать ко мне всяких психов. Он уже во Вьетнаме был странноват, слонялся вокруг города, вынюхивал что-то. А ты, собственно, кто такой?

В Вене, штат Виргиния, Алекс Конклин повесил трубку.

Промах Третий.

Филипп Аткинсон, посол Соединенных Штатов в Великобритании, снял трубку с зазвонившего телефона и, сообразив, что код анонимного звонка типа «курьерский» подпадает под строго секретную инструкцию Госдепартамента, поспешно включил скремблер, что и было следованием букве этой инструкции. Его действие немедленно создало на канале связи мешанину из электрических разрядов, сделав линии прослушивания британских разведывательных служб совершенно бесполезными. Потом он, сидя в баре на Конлейн и выслушивая небрежные вопросы от своих закадычных приятелей о том, что, мол, там новенького в Вашингтоне, будет только посмеиваться в ответ. Один или два из них, он знал это наверняка, находятся в «родственных отношениях» с МИ-5.

– Да, курьер, слушаю?

– Господин посол, я надеюсь, нас не прослушивают? – прошептал в трубке низкий натужный голос.

– Все должно быть в порядке, конечно, если они не изобрели какую-нибудь новую машинку. Но это вряд ли.

– Хорошо... Я хотел бы переговорить с вами по поводу Сайгона, вернуться к некоторым операциям, о которых теперь мало говорят...

– Кто это? – Аткинсон чуть не подпрыгнул в кресле.

– В подобных ситуациях обычно обходятся без имен, господин посол.

– Черт возьми, кто вы? Я знаю вас?

– Без сомнения, Филипп. Я крайне удивлен тем, что ты до сих пор не узнал мой голос.

Выпученные невидящие глаза Аткинсона блуждали по кабинету, он мучительно старался вспомнить, наложить какое-нибудь знакомое ему лицо на голос в трубке.

– Это ты, Джек? Поверь мне, мы на скремблере.

– Горячо, Фил...

– Шестой флот, Джек. Еще очень хорошо ложилось на морзе. А это большое дело, очень большое.

– Примем эту возможность, хотя она к делу не относится. Мы влетели в шторм, Фил, в тяжелый шторм, вот беда-то...

– Значит, это ты!

– Заткнись! Просто слушай. Один сумасшедший фрегат сорвался с якоря и носится по гавани, круша все направо и налево, проломив уже немало бортов.

– Джек, я на суше, а не в море. Я не понимаю тебя.

– Некий салага был отстранен от дел в Сайгоне, и, насколько я понял, он все это время сидел под крылом у правительства, при секретных бумагах, и кое-что разнюхал и сопоставил. Теперь он знает все, Фил, абсолютно все.

– Боже правый!

– Он готов дать делу ход...

– Останови его!

– С этим проблемы. Мы не знаем точно, кто это. Вся эта чехарда как-то связана с Лэнгли...

– Ради бога, дружище, с твоим положением ты можешь отдавать им приказы. Пусть он осадит назад! Скажи им, что это все сфабриковано для распространения дезинформации! Что все это ложь!

– Нужна дополнительная поддержка. Кто бросит нам спасательный круг?..

– Ты звонил Джимми Ти в Брюссель? – перебил своего таинственного собеседника посол. – Он на короткой ноге с начальством Лэнгли.

– Не хотелось бы особенно распространяться об этом. По крайней мере до тех пор, пока не выяснится еще кое-что.

– Как скажешь, Джек. Ты у руля.

– Держи нос по ветру, Фил, и якоря наготове...

– Если это означает, что мне нужно молчать, то об этом не волнуйся! – воскликнул Аткинсон, машинально ухватившись за предплечье и гадая, кто в Лондоне мог видеть его татуировку.

На другой стороне Атлантики, в Вене, штат Виргиния, Алекс Конклин повесил трубку, отпустив наконец своего насмерть перепуганного собеседника. Сейчас Алекс, так же как и при агентурной работе в течение почти двадцати лет, следовал только своим инстинктам. Одно слово влекло за собой следующее слово, фраза – следующую фразу, витающие в воздухе намеки использовались для подкрепления предположений, превращающихся в выводы. Это во многом напоминало партию в шахматы между сильными игроками, где побеждал тот, кто быстрее соображал и постоянно придумывал что-нибудь новенькое. Он хорошо набил руку на этом поприще, даже слишком хорошо. Кое-что из того, что он узнал – тайные пороки и преступления, – вероятно, должно было оставаться в тени. Достигнутый успех его совсем не радовал.

Номера Три, Четыре и Пять.

Филипп Аткинсон, посол США в Великобритании, Джеймс Тигартен, главнокомандующий силами НАТО, Джонатан «Джек» Бартон, адмирал в отставке, командующий Шестым флотом во время войны во Вьетнаме, теперешний председатель Совета руководителей отделов служб Президента.

«Снейк Леди». «Медуза».

Сеть.

Глава 5

Внешне ничего не изменилось, но теперь Джейсон Борн явственно ощущал, что его второе Я, по имени Дэвид Вебб, куда-то отдалилось. Такси доставило его к некогда элегантному, но теперь уже обветшалому особняку в северо-восточной части Вашингтона, и, как это уже имело место пять лет назад, водитель отказался подождать. Джейсон прошел к дому по заросшей, выложенной каменными плитами дорожке, поймав себя на той же мысли пятилетней давности, что дом выглядит очень старым и ненадежным и здорово нуждается в ремонте. Он нажал кнопку звонка, гадая, жив Кактус или нет. Кактус был жив. Как и в прошлый раз, в дверях появился худощавый пожилой негр, поглядывающий на пришедшего снизу вверх обведенными серыми тенями глазами. Даже первые слова Кактуса не сильно отличались от произнесенных когда-то:

– Что, твоя машина в ремонте, Джейсон?

– Я без машины. Таксист отказался ждать.

– Должно быть, начитался грязных сплетен в фашистских газетенках. Он наверняка не знает, что я стал теперь настолько мирным, что даже убрал с чердака пулемет, чтобы подчеркнуть свой дружелюбный характер. Входи, Джейсон. Я много думал о тебе. Что же ты не звонишь старику?

– Твоего номера нет в справочнике, Кактус.

– Это безобразие.

Пока старик закрывал за ним дверь, Борн прошел в холл.

– У тебя появилась седина, Братец Кролик, – заметил Кактус, внимательно рассматривая Джейсона. – А так ты совсем не изменился. Может быть, пять-шесть морщин, но это тебе только идет. Подчеркивает характер.

– У меня жена и дети, Дядя Римус. Девочка и мальчик.

– Я знаю. Мо Панов держит меня в курсе твоих успехов, хотя и не говорит о том, где ты обосновался. А я и не спрашиваю.

Борн покачал головой:

– Начал забывать кое-что. Забыл, что вы с Пановым – друзья.

– О, добрый доктор звонит мне не меньше раза в месяц и говорит, чтобы я надевал свой костюм от Кардена и ботинки от Гуччи и собирался с ним на ланч. А я ему отвечаю: «Где старому ниггеру взять такие шмотки?» А он мне: «А я уж подумал, что ты прикупил торговый центр в лучшей части города...» Он здорово меня поддерживает, хотя и любит преувеличивать. У меня, конечно, есть кое-какая недвижимость, но я даже в глаза такого не видел.

Они одновременно рассмеялись. Борн с удовольствием смотрел в теплые лукавые глаза старика негра.

– Я недавно вспомнил кое-что. Гостиницу в Виргинии, тринадцать лет назад... ты навещал меня там. И заботился тогда о Мари. Ты один был рядом с ней среди всех этих сволочей.

– Это все Панов, Братец Кролик. А я вспоминал о том, как работал с тобой в Европе под своим «неофициальным» статусом. Я тогда говорил Моррису, что ты не просто смотришь на людей, ты изучаешь их лица, стараешься через выражения этих лиц вникнуть в них, понять. Я собирался поговорить тогда с тобой о своих идеях на этот счет, и Моррис сказал, что это неплохая мысль... Ладно, достаточно откровений, Джейсон. Мне приятно видеть тебя, но, сказать по правде, я не очень рад тому, что увиделся с тобой. Улавливаешь?

– Мне нужна твоя помощь, Кактус.

– Значит, не зря я беспокоюсь. Ты был так хорошо укрыт, что не появился бы здесь, если бы что-то в самом деле не достало тебя. И на мой взгляд профессионального физиономиста, лицо, которое я сейчас вижу перед собой, мне не нравится. Не очень-то оно благополучное.

– Мне нужно кое-что от тебя.

– Очевидно, у тебя были серьезные причины для того, чтобы навестить старину Римуса. Не будем в них особенно углубляться, ты ведь знаешь – я не из любопытных... Но поверь, я крайне переживаю за тебя. Я встречал твою милую даму с темно-рыжими волосами в госпитале, она просто нечто, Братишка. Верно, и ваши детишки вышли на загляденье, и я даже думать не могу о том, что кто-то может обидеть их. Прости меня, Джейсон, но все, что с вами могло случиться, наверняка связано с тобой. Скажи, если я не прав.

– Ты прав, и поэтому я здесь.

– Яснее, Джейсон.

– Шакал. Он где-то близко. Похоже, он нашел нас через Гонконг и теперь начинает обкладывать меня, мою семью, жену и детей. Помоги мне, пожалуйста!

Обведенные серыми тенями глаза старика широко раскрылись, на лице отразилось страдание, смешанное с яростью.

– Доктор и Александр знают про это?

– Они вместе со мной. Может, они и не одобряют мой план, но как только они смогут стать откровенными с самими собой, то должны понять, что в основе основ всего лежит одно: Шакал и я. Помоги мне, Кактус.

В полумраке холла, единственным источником света в котором были лучи послеполуденного солнца, с трудом пробивающиеся сквозь тяжелые портьеры, старый негр критически осмотрел своего друга с ног до головы.

– А ты в хорошей форме, Братец Кролик, – заметил он. – Сок с утра пьешь?

– Я пробегаю по шесть миль каждое утро и самое редкое два раза в неделю посещаю гимнастический зал в университете...

– Этого я не слышал. Знать не желаю ничего о разных там колледжах и университетах.

– Больше не услышишь.

– Договорились. Но в тебе я ощущаю страх. Я не прав?

– Ты на высоте, Кактус, – расстроенно ответил Джейсон. – Иногда это просто внезапный телефонный звонок, в другой раз Мари с детьми где-то задерживается и я не могу дозвониться до нее... или кто-то незнакомый на улице спрашивает у меня дорогу. И все возвращается назад. Он возвращается назад. Шакал. Пока существует возможность, что он жив, я все время жду его, потому что он никогда не перестанет искать меня. По иронии судьбы вполне может оказаться, что его преследование основано на беспочвенных опасениях. Он полагает, что я могу опознать его. Но сам я в этом не уверен. Четкого образа этого человека в моей памяти не сохранилось.

– Тогда, стало быть, стоит известить его об этом.

– Да, дать объявление в «Уолл-стрит Журнал»: «Дружище Карлос. У меня есть для тебя отличная новость!»

– Перестань смеяться, Джейсон. В этом может оказаться определенный смысл. Я уверен, что Алекс найдет выход. Надеюсь, его беды не повлияли на его голову? Что до меня, то стаканчик-другой только укрепляет мозги.

– С выпивкой он завязал.

– Тем лучше... Перейдем к делам, Братец Кролик. Что ты там надумал?

Кактус направился в глубь дома по полукруглому коридору, который привел их в довольно обшарпанную просторную комнату с желтыми обоями на стенах, обставленную антикварной мебелью.

– Моя студия не такая элегантная, как раньше, зато все необходимое всегда под рукой. Видишь ли, я сейчас нахожусь в полуотставном состоянии. Мои финансисты составили целую кучу пенсионных программ с ощутимыми преимуществами насчет налогов, поэтому приходится прикидываться пенсионером.

– Ты невообразим, – с улыбкой произнес Борн.

– Может, кто и скажет такое, но только тот, кто сам далек от бизнеса. Ну, что у тебя ко мне?

– Много чего. Конечно, не сравнить с тем, что было в Европе или Гонконге. Сейчас у меня для тебя преимущественно бумажная работа.

– Значит, наш Хамелеон снова меняет окрас. Кем он становится на сей раз? Самим собой?

Джейсон замолчал, на мгновение задумавшись.

– Ты прав, так они меня и называли. Я много чего забыл за эти годы.

– Хамелеоном? Называли, и не без оснований. Пять человек в течение одного дня могли столкнуться с тобой, и все пять потом давали различные описания твоей внешности. И все это без капельки грима, прошу заметить.

– Я снова берусь за дела, Кактус. Получится ли на этот раз?

– Я молил бы бога, чтобы все осталось так, как есть, но если уж на то пошло, то можешь быть уверен: ты в хорошей форме. Ну что, идем в мастерскую?

Через три часа двадцать минут процесс был закончен. Дэвид Вебб, профессор востоковедения и он же бывший наемный убийца Джейсон Борн, получил еще два имени, с новыми паспортами, а также водительскими правами. Ввиду того, что из района проживания Кактуса такси не ходили, старый негр попросил своего, тоже черного, безработного соседа, имеющего новенький «Кадиллак-Атланта» и по несколько тяжелых золотых цепочек на шее и запястьях, подвезти Борна в центр Вашингтона.

В магазине Гарфинкеля Джейсон разыскал телефонную будку и позвонил Алексу в Виргинию. Он продиктовал отставному разведчику оба своих новых имени и договорился о том, под каким из них ему забронируют номер в отеле «Мэйфлауэр». Заказ номера Конклин взял на себя, так как из-за

напряженного положения с гостиничными номерами по случаю летнего сезона данная процедура, осуществляемая обычным путем, могла занять много времени. Кроме того, Алекс должен был связаться с Лэнгли и заказать необходимые секретные документы уровня четыре-ноль и другие и как можно быстрее доставить их в номер в «Мэйфлауэре». На данную операцию отводилось максимум три часа, причем предстояло проверить подлинность документов и их привязку ко времени. Пока Алекс отдавал необходимые распоряжения по второй прямой линии связи с ЦРУ, Борн обдумывал, как ему провести эти два – два с половиной часа до вселения в отель. Первым делом он должен подобрать себе новый гардероб из нескольких комплектов одежды для полного воскрешения Хамелеона.

– Стиви Де Соле заверил меня, что он уже запустил машинку и обещал привлечь банки данных военно-морской и армейской разведки, – сообщил по телефону Конклин. – С этим нам здорово помог Питер Холланд. Оказалось, что они с президентом старые кореша.

– Кореша? Первый раз от тебя такое слышу.

– Другое слово к нашему директору не подходит.

– Вот как? Ладно, спасибо, Алекс. Как твои дела? Сдвиги есть?

Конклин немного помолчал. Когда он заговорил снова, в его голосе явственно ощущалось волнение, если не страх. Он владел собой, но все равно необычность и значимость того, о чем шла речь, были налицо.

– Скажем, так... Я не готов говорить о том, что совсем недавно узнал. Я слишком долго был не у дел. Я испуган, Джейсон... извини, Дэвид.

– Первое имя меня больше устраивает. Ты говорил о...

– Без имен! – быстро перебил его отставной разведчик.

– Понял.

– Ты даже не представляешь себе всего, – продолжал Алекс. – Я не представлял тоже, пока не влез в это сам. Созвонимся позже.

Напустив туману, Конклин повесил трубку. Пожимая плечами, Борн медленно повесил свою. Слова Алекса звучали весьма мелодраматично, что было на него совсем не похоже. Хладнокровие и самоконтроль были девизом и основой его натуры. Что бы он там ни разузнал, это глубоко задело его... настолько, что Борну показалось, будто Алекс сомневается, может ли он доверить эти сведения людям, с которыми работает, и, похоже, вообще сожалеет о каше, которую они заварили. В противном случае ничто не помешало бы ему выражаться яснее, определеннее. Причину того, что Алекс

Конклин не желает говорить о «Медузе» и о том, что он выяснил, сняв наслоения почти двадцати лет событий вьетнамского периода, Джейсон не мог себе даже и предположить. В чем дело?

«Ну ладно. Успеем разобраться, – подумал Борн, осматривая окружающий его просторный магазин. – Алекс тем и хорош, что не только говорит, но и делает. Он целеустремлен, и становиться у него на пути небезопасно». Джейсон улыбнулся, вспоминая Париж тринадцатилетней давности. Кому, как не ему, знать эту сторону Алекса. Конклин чуть не убил его тогда, выследив на окраине кладбища Рамбулье. И это был Алекс, его лучший друг. Если Алекс обещал созвониться с ним позже, то так оно и будет, и пока не стоит ломать себе голову. Сейчас Хамелеон должен позаботиться о своих обличьях. Причем полных, от внутренних элементов до наружных, от личного белья до верхней одежды. Исключив при этом малейшие следы нашивок и ярлыков из магазинов и прачечных, крупниц стиральных порошков, чистящих средств и жидкостей – абсолютно все. Ставки в затеянной им игре чересчур велики. И если ему придется убить ради семьи Дэвида... Боже мой! Ради его собственной семьи!.. Вряд ли он сможет заставить себя жить с грузом этого убийства или убийств за спиной. Но там, куда входит он, нет правил. Невинные жертвы могут попасть под перекрестный огонь. Пусть будет так! Он вырвет Дэвида Вебба из своего сознания, а Джейсону Борну на все это наплевать. Он знал этот мир и его законы. Вебб не знал ничего. Шакал. «Я остановлю его, Мари! Обещаю тебе, он исчезнет из наших жизней. Я возьму Шакала и прикончу его. Он никогда не дотронется до тебя, никогда! О боже, кто я? Мо, помоги мне!.. Нет, Мо, ты мне не нужен. Я есть то, что я есть. Я холоден и становлюсь еще холоднее. Вскоре я стану льдом... чистым прозрачным льдом, настолько холодным и ясным, что смогу передвигаться везде, где захочу, и никто меня не увидит. Понимаешь, Мо, и ты, Мари, я буду таким, я должен стать таким. Дэвид уйдет. Некоторое время его здесь не будет. Прости меня, Мари, и ты прости меня, доктор, но я действительно думаю так. И этой правде нужно смотреть в глаза. Я не глупец, и я не обманываюсь. Вы оба желаете исчезновения Джейсона Борна, но сейчас он возвращается – вот что происходит. Дэвид уйдет, клянусь, это не продлится долго, но он должен уйти. Не отвлекайте меня пустыми рассуждениями! Я должен сделать эту работу. Где здесь, черт возьми, отдел мужской одежды?»

Выбирая необходимые ему вещи, он расплачивался наличными, обращаясь к нескольким продавцам. Покончив с покупками, Борн прошел в мужскую комнату, где полностью переоделся и тщательно упаковал всю старую одежду. Затем он пройдет немного по улицам Вашингтона и найдет укромный канализационный люк. Хамелеон тоже возвращается.

Борн отложил в сторону опасную бритву. Было 7.35 вечера. Он только что срезал все метки и ярлыки с новой одежды и развесил ее в шкафу, оставив рубашки напоследок. Сорочки он подержал в ванной на пару, чтобы избавиться от запаха магазина и новых вещей. Борн пересек комнату, направляясь к полированному столику с бутылкой скотча, клаб-сода и корзинкой льда. Бросив взгляд на телефон, он испытал невыносимое желание позвонить Мари на острова, но пересилил себя, понимая, что это невозможно, по крайней мере с этого телефона. Он знал уже, что она и дети благополучно долетели до места. Сразу после звонка Алексу, из той же телефонной кабинки в магазине Гарфинкеля, Джейсон позвонил Джону Сен-Жаку.

– Хай, Дэви, мы в порядке. Правда, самолет часа четыре болтался вокруг острова, дожидаясь, пока погода прояснится. Если хочешь, я разбужу сестренку, хотя, после того как покормила Элисон, она свалилась без задних ног.

– Не нужно, я позвоню еще. Скажи им, что со мной все хорошо, и присматривай за ними, Джонни.

– Будет сделано, приятель. А теперь скажи-ка мне, у тебя все в порядке?

– Я же сказал тебе – все нормально.

– Конечно, ты уже сказал, но Мари не просто моя единственная сестра, она еще и моя самая лучшая сестра, и я знаю, когда эта леди бывает встревожена по-настоящему.

– Поэтому-то ты и должен присматривать за ней.

– Я хочу поговорить с ней обо всем.

– Полегче с этим, Джонни.

«На несколько мгновений я снова стал Дэвидом Веббом», – подумал Джейсон, налив себе выпивку и делая первый глоток. Это ощущение не понравилось ему. Что-то тут не так.

Но уже через час после телефонного разговора Джейсон Борн вернулся. Он нарочито громко ругался у регистрационной стойки отеля «Мэйфлауэр» с клерком по поводу зарегистрированного для него номера. Дело дошло до вызова менеджера вечерней смены.

– Да, да, мистер Симон, – торопливо, извиняющимся тоном затараторил невысокий толстяк менеджер. – Нам понятны ваши возражения против ужасных надбавок для бизнесменов и предпринимателей. Выжимание кошельков – вот как называют они это. Чертовы политики скоро пустят нас по миру. К сожалению, двойных номеров у нас нет, но мы взяли на себя

смелость оставить за вами представительский номер, за те же деньги, естественно.

С тех пор минуло два часа. Он успел спороть метки, пропарить рубашки и потереть как следует подошвы ботинок о каменный подоконник. Со стаканом в руке Борн сидел в кресле, глядя прямо перед собой. Делать больше было нечего, оставалось только ждать и думать. Не проведя в кресле и десяти минут, он вскочил на ноги, услышав тихий стук в дверь. Джейсон торопливо пересек комнату, открыл дверь и увидел перед собой знакомого водителя машины, доставившей его на виллу из аэропорта. Агент ЦРУ держал в руке атташе-кейс. Он протянул его Борну:

– Здесь все, включая оружие и прочие игрушки.

– Благодарю.

– Будете работать?

– Да. Может быть, всю ночь.

– Сейчас восемь. Сиделка заглянет к вам в одиннадцать. До этого времени успеете начать.

– Сиделка?

– А что такое?

– Да, конечно, – задумчиво произнес Джейсон. – Я забыл. Еще раз спасибо.

Агент ушел. Борн быстро подошел к столу, положил на него кейс и открыл. Первым делом он достал автоматический пистолет и коробку со снаряжением. Затем на свет появились уложенные в пластиковую папку сотни страниц компьютерных распечаток с пометками «Служебное». Где-то среди сотен тысяч слов на этих листах бумаги скрыта ниточка к человеку Карлоса Шакала. В распечатках содержались сведения обо всех проживающих в настоящее время и рассчитавшихся в течение последних двадцати четырех часов постояльцах отеля. Каждая фамилия была снабжена дополнительными сведениями, почерпнутыми из банков данных ЦРУ, армейской G-2 и военно-морской разведок. Вероятность того, что изучение этих бумаг может оказаться бесполезным, была ощутимо велика, но с этого можно было начинать. Охота началась.

В пяти сотнях миль к северу, в другом представительском номере, находящемся на третьем этаже бостонского отеля «Риц-Карлтон», тоже постучали в дверь. Живущий в этом номере высокий мужчина в отлично сшитом костюме в мелкую полоску, на вид делающем его еще выше,

торопливо вышел из ванной комнаты. Он был почти лыс, но благородный, обрамленный ухоженными остатками волос череп вполне мог принадлежать некой царственной особе, привыкшей вещать придворным пророческие слова мудрости, подчеркивая их ясным и холодным орлиным взором. Торопливые движения тела этого человека явно свидетельствовали о крайнем нетерпении, хотя нисколько не умаляли его царственной внешности. Человек явно был важной персоной, и он сознавал это каждой клеточкой своего существа.

Весь описанный образ являл полнейшую противоположность юркнувшему в открытую дверь пожилому человечку. В маленькой худощавой фигурке этого старичка не за что было зацепиться взгляду. Внешний облик пришедшего отражал полное поражение на всех жизненных фронтах.

– Входите! Да побыстрее же! Вы принесли информацию?

– О да, да, несомненно, – ответил пожилой человек, подрагивая уголком рта на сером, нездорового оттенка лице. Поношенный костюм и рубашка с истрепанным воротником явно были свидетелями лучших времен, но эти времена закончились вот уже лет двадцать-тридцать назад.

– До чего же импозантно ты выглядишь, Рэндольф, – продолжал человек, пожирая глазами роскошную обстановку номера и одежду его хозяина. – Все так, как и должно быть у такого выдающегося профессора, как ты.

– Информацию, прошу вас, – настоятельно потребовал Рэндольф Гейтс, доктор Гарварда, эксперт по антитрастовому законодательству и дорогостоящий консультант в ряде отраслей промышленности.

– Секунду, мой старый друг. Давненько я не бывал в подобных покоях, а еще дольше не проживал. Ох, годы меняют нас. Нас и наше окружение. Я частенько встречал твоё имя в газетах и видел тебя по телевизору. Ты так... эрудирован, Рэндольф, именно эрудирован, и даже это не то слово. К нему нужно добавить «импозантен», импозантен и эрудирован.

– Вы могли бы оказаться на моем месте, сами знаете, – постепенно теряя терпение, прервал его Гейтс. – К сожалению, вы всегда предпочитали окольные тропы, зачастую оказывавшиеся ошибочными.

– О да! Их было так много, этих тропок. И я постоянно выбирал не те.

– Мне кажется, вы выбирали неудачные стечения обстоятельств.

– Тебе это не кажется, Рэнди. Ты в этом уверен. У тебя отличные шпионы, и ты все про всех знаешь.

– Просто я логично рассуждаю.

– Да, да, да... То же самое ты мне говорил по телефону. Много раз. То же самое мне говорят люди, знакомые и не очень, на улицах и в домах, и при этом задают кучу вопросов, как будто мое положение и так не очевидно.

– Лично я хотел только знать, способны ли вы на то, что мне нужно от вас. Вы не должны винить меня за это.

– Святые небеса, конечно, нет! Принимая во внимание то, что ты просил меня сделать. К этому следовало хорошо подготовиться.

– Типичная роль конфиденциального курьера, и все. Вы нуждались в деньгах.

– Нуждался ли я? А чего ты ждал от меня?! – завопил щуплый человечек, неожиданно срываясь на фальцет. – Могу я пояснить тебе кое-что, Рэнди? Если тебя сбили с ног в тридцать или тридцать пять, то ты встанешь, отряхнешься и пойдешь дальше, но если тебе дали подножку в пятьдесят, да еще с помощью судебного разбирательства и тюрьмы, и это широко освещалось в прессе, то тут уже не оправиться. Тут уже не до разборчивости в средствах, даже если ты и образованный человек. Такие люди, как я, превращаются в неприкасаемых. В индийском смысле этого слова... В настоящее время у меня не осталось ничего для продажи, кроме пронизательного ума. Я пользовался им несколько раз в течение этих, прямо скажем, необычных двадцати пяти лет. Помнишь Альбера Хисса с его визитными карточками?..

– У меня нет времени на то, чтобы предаваться воспоминаниям. Информацию, прошу вас.

– О да, естественно... Итак, первым моим шагом было получение денег на углу Коммонвильс и Дартмус, и при этом, само собой разумеется, я тщательно записал имена и описание внешности людей, которые ты продиктовал мне по телефону...

– Записал! – встревоженно воскликнул Гейтс.

– И, разумеется, сжег, как только запечатлел их накрепко в памяти. С этим у меня некоторые проблемы. Затем я связался с инженером некой телефонной компании, которому очень пришлась по душе моя, прошу прощения, ваша щедрость, и передал полученные от него сведения одному отвратительному частному детективу, неряшливее которого я в жизни не видел, Рэнди, а говорить о методах его работы даже не хочется.

– Прошу вас, – перебил человечка почтенный профессор, – факты, а не впечатления.

– Впечатления часто содержат в себе ценнейшие факты, профессор. Уж вы-то должны это понимать.

– Если мне будет нужно, то я спрошу вас о вашем мнении. Сейчас мне оно не требуется. Что сумел выяснить ваш человек?

– Основываясь на твоих послылках: женщина с детьми – очень не густо – и данных, добытых подкупленным механиком из телефонной компании, а именно очень неопределенном местоположении абонента, полученном на основании кода района страны, то есть первых трех цифрах номера, наш невоспитанный неряха принялся за работу, затребовав при этом невиданную почасовую оплату. К моему глубокому удивлению, его действия оказались весьма продуктивными. Мы даже смогли, как бы это лучше сказать, до определенной степени сработаться.

– Черт вас дерит, так что же он узнал?

– Итак, как я уже сказал, его почасовая оплата была настолько велика, что для ее покрытия пришлось привлечь и мою более чем скромную долю в этом деле. Впоследствии мы обсудим эту сторону вопроса?

– Дьявол вас раздери, что вы там устроили? Я послал вам три тысячи долларов! Пять сотен для телефониста, полторы тысячи для этого смотрителя замочных скважин, именующего себя частным детективом...

– Это связано с тем, что он более не получает ставку от полицейского департамента, Рэндольф. Так же как и я, он пал на дно, но свою работу знает хорошо. Так что, продолжим беседу или я удаляюсь?

Пребывая в тихой ярости и поблескивая величественной лысиной, известный профессор сверлил глазами обшарпанного и униженного человечка, бывшего когда-то знаменитым юристом.

– Да как ты смеешь?

– Дорогой Рэнди, ты ведь веришь этой своей прессе, не так ли? И я скажу тебе, почему я смею говорить так, мой высокомерный старый друг. Я читал твои статьи по поводу вопросов законности и прочего и часто видел тебя по телевизору. Так вот, я нахожусь в курсе всех постановлений и указов, которые производились на свет правительством страны в течение пятидесяти лет. Ты не имеешь ни малейшего представления, что такое бедность или голод. Ты обласкан царственными властителями, мой поверхностный дружище, ты приучаешь среднего горожанина жить в среде обитания, в которой частная собственность возведена в абсолютную ценность, что притупляет все человеческие чувства, и богатый становится еще богаче, а беднейший забыт и проводит остаток жизни, помышляя только о том, как

ему выжить завтра. А ты пытаешься истолковать эту жизнь с помощью своих средневековых воззрений и претендуешь при этом на роль универсального врачевателя всех общественных недугов. Так как, мне продолжать, доктор Гейтс? Честно говоря, я считаю, что вы выбрали не того неудачника для своих грязных делишек.

– Да как... ты смеешь? – повторил совершенно сбитый с толку профессор, дергая ртом и брызгая слюной, царственно меряя шагами комнату перед окном. – Я не желаю этого слушать!

– И не слушай, Рэнди. Но когда я преподавал на юридическом факультете и ты был одним из моих подопечных, одним из лучших, но, нужно отметить, не блестящих, ты чертовски внимательно меня слушал. Так почему бы не послушать и сейчас?

– Так чего ты хочешь, мать твою?! – заорал Гейтс, остановившись наконец спиной к окну.

– А чего хочешь ты, спрошу я? Вероятно, информацию, за которую мне заплатил. Она очень важна для тебя, ведь так?

– Мне она необходима...

– Ты всегда так нервничал перед экзаменами...

– Хватит! Я заплатил, и я желаю получить эти сведения.

– В таком случае я желаю получить дополнительную плату. Тот, кто платит тебе, может себе это позволить.

– Ни единого доллара!

– Я ухожу.

– Стойте! Еще пять сотен, и все!

– Пять тысяч, или я ухожу.

– Чушь!

– Увидимся еще через двадцать лет...

– Хорошо, хорошо, пять тысяч.

– Ох, Рэнди, до чего же ты прост, весь как на ладони. Именно поэтому ты и не смог стать одним из блестящих моих учеников. Все, что есть у тебя, – это хорошо подвешенный язык, что дает тебе возможность казаться умным... Ладно, по-моему, на сегодня достаточно. Мы и так очень много повидали и узнали в эти дни... Десять тысяч, доктор Гейтс, или я немедленно отправляюсь в свой излюбленный бар.

– Вы не можете требовать этого!

– А почему нет? Я теперь внештатный тайный консультант. Десять тысяч долларов, Рэнди. Как ты расплатишься? Полагаю, ты не держишь при себе таких денег, так как ты думаешь платить?.. За информацию.

– Мое слово...

– Не пойдет, Рэнди.

– Ладно. Я к утру переведу деньги в «Бостон Файф». На ваше имя. Чеком.

– Очень мило с твоей стороны. Но если паче чаяния ты решишь воспользоваться своим преимущественным положением и воспрепятствуешь мне в получении этих денег, имей в виду, что некто, мой старый и хороший друг по ночевкам на улице, имеет в кармане письмо, содержащее в себе все детали того, что было между тобой и мной. И в случае, если у меня возникнут неприятности, оно будет немедленно отправлено в Массачусетскую адвокатуру с требованием официального ответа.

– Какая ерунда! Пожалуйста, что вы узнали?

– Отлично. Я продолжаю. Но для начала ты должен узнать, что оказался вовлеченным в очень тонкую операцию государственного масштаба, таковы дела... Итак, полагая, что в случае опасности любой человек стремится покинуть опасное место и перебраться в другое, причем наиболее скоростным способом, наш налитый ромом детектив, даже не представляю под каким видом, отправился в аэропорт Логан. Тем не менее ему удалось заполучить там списки пассажиров, вылетевших из аэропорта Логан, что в Бостоне, в течение вчерашнего утра с 6.30 до 10 часов. Насколько ты помнишь, это соответствует твоим требованиям: «отлет утром».

– Ну и?..

– Терпение, Рэндольф. Ты запретил мне делать записи, поэтому я должен продвигаться последовательно. Итак, на чем я остановился?

– Список пассажиров.

– Ах да. Ну вот, в соответствии с отчетом Сыщика-Неряхи, в списках различных рейсов значилось одиннадцать детей в сопровождении взрослых и восемь женщин, две из них воспитательницы, совершающие полет вместе с ребятами из дома призрения. Из этих восьми женщин, исключая двух воспитательниц, возглавляющих исход сирот в Калифорнию, оставшиеся шесть были идентифицированы следующим образом.

Пожилой человек погрузил дрожащую руку во внутренний карман пиджака и извлек листок бумаги с машинописным текстом.

– Само собой разумеется, что это было отпечатано не мной, так как у меня нет пишущей машинки и я не умею печатать. Это донос Сэра Неряхи.

– Дайте его мне! – повелительно воскликнул Гейтс, устремляясь всем телом вперед.

– Конечно, – ответил семидесятилетний юрист-неудачник, великодушно предоставляя листок бумаги своему бывшему ученику. – Не думаю, однако, чтобы тебе это сколько-нибудь пригодилось, – добавил он. – Наш Неряха проверил их всех, в большей степени для того, чтобы убить время, чем по какой-нибудь конкретной причине. Не то чтобы кто-то из них показался ему подозрительным, просто это являлось как бы приятным приложением к основному открытию.

– И что это? Что он узнал?

– Кое-что такое, что ни я, ни Неряха не решились бы изложить на бумаге. Первое подозрение пришло к нам, когда мы увидели, каким образом был зарегистрирован один заказ на утренний рейс у стойки «Пан Америкэн». Клерк, принимающий заказы, сообщил нашему настойчивому детективу, что среди прочих проблем в то утро он имел дело с одним очень шустрым политиком, или птицей подобного полета, которому, через несколько минут после того как этот клерк заступил на свой пост в 5.45, срочно потребовались детские подгузники. Известно ли тебе, что подгузники имеют свой размер и не входят в стандартный комплект поставок для самолетов?

– О чем вы говорите?

– Все магазины в аэропорту были еще закрыты. Обычно они открываются в 7 часов.

– И что из того?

– А то, что кто-то второпях что-то забыл. А именно: с этим псевдополитиком находилась женщина с двумя детьми – пятилетним мальчиком и младенцем. Они вылетали из Бостона на частном реактивном самолете, находящемся на особой взлетно-посадочной полосе, неподалеку от полосы «ПанАм». Мать лично горячо поблагодарила клерка, принесшего ей упаковку подгузников. Он, видишь ли, сам оказался молодым папашей и хорошо разбирался в таких делах.

– Бога ради, переходите к делу, судья!

– Судья? – Глаза человека с серым лицом удивленно расширились. – Благодарю тебя, Рэнди. За исключением дружков по пивным, так меня никто не называл вот уже лет тридцать. Вероятно, я испускаю особую ауру.

– Это все ваше чертово словоблудие. Видно, вы им грешите не только в аудиториях, но и за выпивкой.

– Терпеливость никогда не была твоей сильной стороной. В данный момент я могу оправдать ее отсутствие твоей раздраженностью, хотя должен заметить, что ты никогда не выносил точек зрения, противоположных твоим... Итак, наш славный Майор Неряха, насытившись сведениями у стойки регистрации, решительно вознесся на башню управления движением самолетов аэропорта Логан, где отыскал падкого на взятки диспетчера, только что закончившего рабочий день и согласившегося поделиться сведениями об утреннем расписании движения аэропланов. Интересующий нас реактивный самолетик имел компьютерный код четыре-ноль, что свидетельствовало о том, что его передвижение представляет собой государственную тайну. Ни имен пассажиров, ни перечня грузов – только место назначения и описание воздушного коридора для полета, причем вдали от коммерческих трасс.

– Куда он летел?

– Блэкбурн, Монтсеррат.

– Где это, черт возьми?

– Аэропорт Блэкбурн, остров Монтсеррат, Карибское море.

– Значит, самолет сел там? Так?

– Не совсем. По словам Умника-Неряхи, которому все-таки нужно отдать должное, между островами архипелага имеется бесперебойное воздушное сообщение. Всего там около дюжины крупных островов.

– Вот как?

– Вот так, профессор. Принимая во внимание, что интересующий вас самолет имел государственный уровень четыре-ноль, о чем, между прочим, я не забыл упомянуть в своем письме в адвокатуру, я думаю, что заработал свои десять тысяч долларов.

– Ах ты пьянь... Подонок.

– И снова ты не прав, Рэнди, – перебил его судья. – Алкоголик – несомненно, но пьяница – весьма маловероятно. Я стараюсь держаться на краю трезвого образа жизни, это одно из моих кредо. Видишь ли, я нахожу подобное положение вещей забавным, особенно глядя на реакцию таких людей, как ты.

– Проваливай отсюда, – буркнул профессор, уже совершенно обессиленный.

– И ты не предложишь мне выпить, дабы поддержать мою столь убийственную привычку?.. Святые небеса, вон там я вижу полдюжины непечатых бутылок.

– Возьми одну и проваливай.

– Благодарю. Пожалуй, так я и сделаю.

Старичок быстро прошел к низенькому столику из вишневого дерева у стены, где на двух серебряных подносах находился неплохой набор виски и бренди.

– Дайте-ка глянуть, – промурлыкал себе под нос судья, выбирая две бутылки и заворачивая их в белые льняные салфетки, взятые с соседнего столика. В конце концов он не утерпел и прибавил к паре бутылок третью. – Если я понесу это вот так под мышкой, все подумают, что это просто белье для прачечной.

– Ты можешь быстрее?!

– Открой, пожалуйста, дверь. Мне бы чертовски не хотелось выронить одну из этих бутылок, а дверная ручка такая неудобная. Если виски разобьется, это может подпортить твою репутацию, не так ли? Ты ведь у нас трезвенник, насколько я знаю.

– Пошел к дьяволу! – прохрипел Гейтс, открывая старику дверь.

– Спасибо, Рэнди, – проворковал судья, выходя за дверь и оборачиваясь на пороге. – Не забудь про чек в «Бостон Файф» к утру. Пятнадцать тысяч.

– Пятнадцать?..

– А что? Представь себе, что скажут в адвокатуре, если узнают, что ты путаешься с таким типом, как я. Пока, Консультант!

Рэндольф Гейтс с силой захлопнул дверь и бросился в спальню. Укрывшись там, он поспешно схватился за телефонную трубку. Небольшие размеры помещения действовали на него успокаивающе, в нем не было разоблачающей открытости, присущей просторным комнатам. Спальня казалась ему более личной, менее доступной для постороннего проникновения. Но предстоящий звонок окончательно вывел его из состояния равновесия, и настолько, что, вместо того чтобы, не торопясь, изучить правила автоматической телефонной связи в справочнике на ночном столике, Гейтс набрал номер телефонистки и простонал в трубку:

– Я хочу заказать разговор с Парижем.

Глава 6

Глаза Борна болели от напряжения. Буквы на бесчисленных распечатках, разбросанных по журнальному столику перед диваном, расплывались и отказывались складываться в слова. Практически не меняя положения тела, он вот уже четыре часа, забыв о времени, изучал и анализировал данные, отыскивая ниточку между Шакалом и отелем «Мэйфлауэр».

Первую группу распечаток он отложил до времени в сторону. В ней были собраны иностранные подданные, смесь из англичан, итальянцев, шведов, японцев и тайцев. Подлинность их документов и рекомендательных писем была тщательно проверена, выяснены деловые или личные причины визита в страну. Можно было сказать, что ЦРУ и Госдепартамент отлично справились с заданием. За каждую персону из этого списка поручались как минимум пять уважаемых граждан или руководителей фирм и компаний. Все они имели давнишние связи с предприятиями и организациями, располагающимися на территории Вашингтона. Никто из них не имел двусмысленных или порочащих их связей. Если люди Шакала находятся среди них, что совсем не исключалось, то для их выявления потребуется дополнительная информация, а следовательно, дополнительное время. Вероятно, впоследствии он вернется к этой группе, но сейчас он должен двигаться дальше. Времени в обрез!

Среди остальных примерно пяти сотен постояльцев отеля с американским подданством около двухсот двадцати человек были упомянуты в банках данных одной или двух разведок, преимущественно потому, что они имели дело с правительством. Кроме того, семьдесят восемь человек имели пометки о негативных действиях в прошлом. Тридцать один человек был уличен в укрывании налогов, и к их делам прилагались справки Службы контроля доходов внутри страны. Люди из этой группы фальсифицировали свои декларации о доходах или пытались скрыть денежные поступления путем операций со швейцарскими банками или счетами на Канарских островах. Все они были, определенно, богатыми людьми и не очень ловкими ворами. От подобных людей, рассматривая их в качестве посланцев, Шакал должен был бежать, как от проклятых. В итоге оставалось еще сорок семь возможных кандидатур, мужчин и женщин, в одиннадцати случаях зарегистрировавшихся как мужья и жены. Все они обладали обширными связями в Европе, в основном в сфере техники, ядерной и аэрокосмической индустрии. За всеми этими людьми уже давно было установлено тщательное наблюдение на предмет предупреждения передачи ими секретных сведений странам Восточного блока или тем более Москве. Из этих сорока семи двенадцать человек, в том числе и две замужние пары из одиннадцати, в свое время посещали Советский Союз. Комитет государственной безопасности, известный как КГБ, мог иметь от Шакала пользы меньше, чем от папы римского. Ильич Рамирес Санчес, впоследствии ставший наемным убийцей

по кличке Шакал, прошел в прошлом курс подготовки в советском «Кусочке Америки» под Новгородом. В этом искусственно созданном городишке все до мелочей напоминало Штаты: бензоколонки и зеленные лавки, бутики и аптеки Баргер Кингс. Единственным разрешенным там языком являлся американский английский, русский был категорически запрещен. К дальнейшему обучению и внедрению допускались только те, кто проходил весь цикл тренировки на «Кусочке Америки». Шакал преуспел на этом поприще и был допущен к более высоким уровням. Но именно тогда Комитет обнаружил, что молодой революционер из Венесуэлы придерживается в решении жизненных проблем взглядов, настолько насыщенных всеми формами насилия, что даже у бывалых наследников лихих времен ОГПУ на голове зашевелились волосы. Санчес был изгнан, и появился Шакал. Забудем о двенадцати путешественниках по Советскому Союзу. Убийца вряд ли мог даже приблизиться к ним, потому что всем отделам и филиалам советской разведки был отдан приказ немедленно уничтожить Шакала при малейшем признаке его появления. Новгород защищался любой ценой.

Вероятность связи с Шакалом также была сомнительна и для других тридцати пяти человек из этой группы, в соответствии со списком состоящей из девяти замужних пар, восьми разъезжающих в одиночку женщин и девяти мужчин. Все они имели те или иные негативные пометки в представленных выжимках из личных файлов, хранящихся в банках данных разведок. Однако, как отмечалось в досье, многое из этой отрицательной информации основывалось на отрицательных характеристиках, данных недругами или завистниками этих людей. Копание в подобном грязном белье не могло доставить особого удовольствия, но, однако, и эту сторону дела не следовало упускать, так как среди всех этих ушатов помоев могла быть скрыта ниточка, ведущая от постояльца отеля «Мэйфлауэр» к Шакалу.

В напряженное течение мыслей Борна вонзился телефонный звонок. Резкий звук на мгновение обескуражил его, он обвел комнату невидящим взглядом. Но затем быстро сорвался с дивана и уже после третьего звонка схватил трубку:

– Да?

– Это Алекс. Я звоню снизу, с улицы.

– Ты поднимешься?

– Да, но не через главный вход. Пройду через служебный. Я поставил там на время нашего человека.

– Ого, ты все предусмотрел!

– Хотелось бы верить, – ответил Конклин. – Действую по обычной схеме. Буду через несколько минут. Постучу один раз.

Борн повесил трубку и вернулся на диван к вороху распечаток. Три из них, только что привлёкшие его внимание, он отложил специально в сторону. Фактически в них не содержалось каких-либо упоминаний о Шакале. Представленные в них сведения выявляли определенную связь между тремя людьми, остановившимися в отеле сутки назад. В соответствии с отметками в их паспортах эти трое американских подданных восемь месяцев назад прибывали в аэропорт Филадельфии в течение промежутка времени, равного шести дням. Две женщины и один мужчина. Женщины прилетели из Марракеша и Лиссабона, мужчина из Западного Берлина. Первая женщина была специалистом-дизайнером по внутренней отделке помещений и посещала древний марокканский город с целью закупок антиквариата. Вторая работала среди руководящего персонала банка «Чейз», в отделе связей с границей. Мужчина был специалистом по аэрокосмическим технологиям и трудился в военно-авиационном отделе компании «Макдональд-Дуглас». Почему трое столь разных людей, совершенно противоположных профессий, сошлись вместе в одном и том же городе в течение одной недели? Совпадение? Вполне возможно, но, принимая во внимание число международных воздушных портов в стране, из которых можно было отметить нью-йоркский, чикагский, лос-анджелесский, как наиболее популярные, одновременное прибытие их в Филадельфию все-таки не казалось случайным. И тем более странным, учитывая то, что восемь месяцев спустя эти же люди остановились в одном вашингтонском отеле.

Интересно, что на этот счет думает Алекс Конклин?

– Я уже поставил на них галочки, – сказал Алекс, усаживаясь в кресло напротив дивана и стола с распечатками.

– Выходит, ты знал о них?

– Это было не так сложно. Компьютерный анализ существенно облегчает дело.

– Но ты мог хотя бы приложить записку! Я бился над этим добром с восьми часов!

– Я сам наткнулся на них только около девяти и не хотел звонить тебе из Виргинии.

– Еще что-то нашел? – Борн пружинисто наклонился вперед, весь внимание.

– Да. Точно. Страх господний.

– «Медуза»?

– Да, и это даже хуже, чем я мог себе представить.

– Вот это да!

– Да что там... – Бывший разведчик был явно не в своей тарелке. – С чего нам начать?.. Пентагонский снабженец? Федеральная комиссия по торговле? Наш посол в Лондоне? Или, может быть, предпочитаешь главнокомандующего силами НАТО?

– Мать твою...

– Точно, один другого лучше. Поменьше рангом могу предложить только председателя Совета руководителей служб Президента.

– Господи, да что это такое? Политическая клика?

– Чересчур академично, господин профессор. А как насчет сговора, глубокого, разросшегося и неуловимого? Сколько лет прошло, а их связи все еще живы, действенны. Они постоянно контактируют между собой. И все находятся на высоких постах. К чему бы это?

– Да, зачем все это? Не вижу смысла.

– Не знаю. Я постоянно ломаю над этим голову.

– Но должна же быть причина.

– Можно оттолкнуться от их движущих мотивов. Я решил, что самым простейшим решением, как я уже говорил тебе об этом, является очищение от старых грешков. Не этого ли мы доискивались? Группа бывших членов «Медузы», достигших головокружительных вершин и сразу лезущих на рожон, как только речь заходит об их прошлом.

– Да, это то самое.

– Нет, это не то. Нюх Санта-Алекса говорит о том, что эти люди больше дрожат за сегодняшний день, их реакция чересчур бурная, слишком эгоистичная. По-моему, их уже мало волнуют события двадцатилетней давности.

– Подожди, ты совсем сбил меня с толку.

– А я и сам запутался. Это довольно существенно отличается от той реакции, которой мы ожидали от них... Черт возьми, мне надоело ошибаться. А это даже ошибкой не назовешь. Сегодня утром ты сказал, что это напоминает тебе сеть, и теперь мне кажется, ты был недалек от истины. Я настроился на то, что нам нужны два-три высоких чина, не желающих быть извлеченными на свет и публично четвертованными, или таких, кто попросту боится скомпрометировать правительство. Предполагалось, что мы могли

использовать их коллективный страх и заставить их делать и говорить то, что мы им прикажем. Но то, с чем я столкнулся, – это больше, чем обычный человеческий страх, это паника. Они в ужасе... Мы вляпались во что-то, мистер Борн, что, по выражению твоего богатого негритянского друга-менестреля, может быть причислено к тайнам двора Папы-Доктора.

– А для меня ничего более существенного в этой игре, чем Шакал, нет! Все остальные меня не волнуют.

– Я на твоей стороне и готов даже крикнуть об этом из окна на всю улицу. Я просто хочу, чтобы ты как следует понял мои слова... За все то время, что мы знакомы, за исключением небольшой и поганенькой интерлюдии в Париже, мы ничего не скрывали друг от друга, ведь так, Дэвид?

– Мне лично больше по душе «Джейсон».

– Я знаю, – ответил Конклин, – мне это не нравится, но я могу это понять.

– В самом деле?

– Да. – Алекс устало прикрыл глаза и покачал головой. – Я готов был сделать все, чтобы предотвратить появление этого человека. Но я не в силах.

– Тогда ты должен слушать меня. Из всех возможных сценариев, как бы тебя это ни расстраивало, мы должны выбрать наихудший, чтобы он загнал великосветских сволочей в такой тупик, что у них не останется другого выхода оттуда, кроме как следовать твоим и моим инструкциям. Иначе им из этого дерьма не выбраться. Так, по крайней мере, должно казаться. После этого мы должны будем сказать им, с кем им нужно связаться и что кому говорить.

Конклин растерянно и виновато посмотрел на своего друга. Более других в этой передрыге страдает Дэвид, ведь у него семья.

– Знаешь, боюсь, я не подойду на роль, которую ты приготовил мне в твоём сценарии. Для уверенной работы мне необходимы дополнительные сведения об этих людях. Я не хочу ошибаться еще, особенно в таком деле, потому что здесь каждая новая ошибка во сто крат хуже предыдущей.

Борн раздраженно стукнул себя кулаком по ладони. Нахмурившись, играя желваками и дрожа от возбуждения, он нагнулся вперед, сгорбился и некоторое время молчал, не отрывая взгляда от вороха распечаток на столике у дивана. Через минуту он расслабился, похоже, приняв решение.

– Хорошо, я добуду для тебя дополнительные данные. Очень скоро... – тихо сказал он Конклину.

– Каким образом?

– Неважно. Ты получишь все необходимое. Единственное, что мне еще нужно от тебя, – это места их жительства, приблизительное расписание их деятельности в течение дня, излюбленные рестораны, система охраны их жилищ и дурные привычки, при наличии таковых. Попроси своих ребят сделать это для меня. За сегодняшний вечер. Если понадобится, то пусть работают всю ночь.

– Что ты задумал, черт возьми?! – взволнованно закричал Конклин, наклоняясь в кресле вперед. – Хочешь перерыть их дома? Колоть их в зады иголками в перерывах между аперитивом и холодными закусками?

– Знаешь, а это мне еще не приходило в голову, – заметил Джейсон, улыбаясь. – У тебя в самом деле отличное воображение.

– Ты сумасшедший!.. Извини, я не то имел в виду...

– А почему бы и нет, – возразил Борн. – То, о чем я говорю, это не лекции на тему расцвета династий Чинь и Мань. А учитывая состояние моего сознания и памяти, возможность небольшого повреждения рассудка не так уж неуместна.

Джейсон сделал паузу, наклонился ближе к Алексу и продолжил:

– Позволь мне сказать тебе кое-что, Алекс. Все, чем я был, все, что сделали со мной ты и Тредстоун, по крайней мере большая часть этого человека, опять во мне. Я доказал дееспособность вашего творения в Гонконге, Пекине и Макао и теперь собираюсь сделать это еще раз. Я просто обязан это сделать. Иначе ты можешь считать, что я весь вышел... Добудь мне эти сведения, Алекс, прямо сегодня. Ты сказал, что некоторые из этих людей сидят в Вашингтоне. Пентагоновский поставщик...

– Шеф отдела снабжения, – поправил его Конклин. – Бери выше. Поважней и посильней. Генерал по фамилии Свайн. Еще в компании с ними Армбрустер, председатель Комиссии по торговле, и Бартон, его непосредственный начальник...

– Председатель Совета руководителей служб Президента, – подхватил Борн. – Адмирал-«трясунчик» Джек Бартон, командующий Шестым флотом.

– Он самый. Был настоящим бичом божьим для американских военно-морских сил в Японском море, а теперь главный бугор над бандой шишек.

– Слушай еще раз, Алекс, – повторил Джейсон. – Попроси своих ребят взяться за работу. Думаю, Питер Холланд поможет тебе во всем, что нужно. Раздобудь мне абсолютно все, что у них есть на этих людей.

– Не могу.

– Что?

– Я смог бы собрать досье, например, на наших троих филаделфийцев, потому что они являлись частью операции по «Мэйфлауэру», что означает поиск Шакала. Но этих пятерых, связанных с «Медузой», я трогать не могу.

– Ради бога, Алекс, почему? Ты должен! Нам нельзя терять время!

– Потеря времени ничего не будет значить для нас, если мы умрем. Кроме того, это не поможет ни Мари, ни твоим ребятишкам.

– О чем ты говоришь, черт возьми?

– О том, почему я пришел к тебе так поздно. О том, почему я не хотел тебе звонить из Виргинии. О том, почему я позвонил Чарли Кассету и попросил его забрать меня с виллы в Вене, и о том, почему я всю дорогу, пока мы не добрались сюда, не был уверен, что доеду живым.

– А теперь, полевик, переведи все это на нормальный язык.

– Сейчас переведу... Я никому ничего не говорил о том, что мы занялись бывшими членами «Медузы». В данный момент это знаем только ты и я.

– Я понял. Сегодня днем ты не захотел говорить со мной по телефону, принимая во внимание то место, в котором ты находился.

– Помещения виллы и телефонные линии чистые. Мне вчера сказал об этом Кассет. Управление специально позаботилось о том, чтобы там не было жучков или чего-нибудь подобного, диктофонов и прочего. Его слова для меня лучшая гарантия. Верить, мне после этого даже стало легче дышать.

– Тогда в чем дело? Почему ты остановился?

– Потому что мне нужно было проверить еще одного вояку, прежде чем углубляться на территорию «Медузы»... Аткинсон, наш славный посол в Лондоне, был виден насквозь. Охваченный ужасом, он сорвал маски с Бартон и брюссельского Тигартена.

– И что дальше?

– Он сказал мне, что Тигартен может разобраться с Управлением и притормозить его, если что-то, связанное со старыми временами в Сайгоне, всплывет наружу. Он, видите ли, имеет доступ к верхнему уровню Лэнгли.

– Дальше?

– Верхний уровень, на вашингтонском жаргоне, означает максимальную секретность, а Лэнгли означает директора Центрального разведывательного... то есть Питера Холланда.

– Еще сегодня утром ты говорил мне, что он без колебаний может пустить в расход любого члена «Медузы».

– Да, он так говорил. Но поступит ли он так?

На другой стороне Атлантики, в Сен-Нелюре, старинном пригороде Парижа, по ступеням собора шестнадцатого века, известного также как церковь Святого Причастия, с трудом поднимался пожилой мужчина в темном полотняном костюме. Над его головой раздавался торжественный колокольный звон, далеко разносившийся по окрестностям. У входа в собор, освещенного лучами утреннего солнца, мужчина остановился, осенил себя крестным знамением и вознес к небесам молитву: *Angelus domini nuntiavit Mariae*. Правой рукой он послал воздушный поцелуй выбитому на камне над закругляющимся вверху входом барельефу, изображающему распятие Христа, сделал еще несколько шагов и, миновав массивные двери, оказался во внутренней тусклой прохладе собора. Краем глаза он поймал презрительные ухмылки двух облаченных в пышные сутаны священников. «Прошу простить меня за оскорбление своим видом вашего богатого прихода, вы, толстозадые снобы», – подумал человек, зажигая свечу и устанавливая ее среди десятка других огоньков около изображений святых. «Но Христос видит все и выберет меня, а не вас. Кротость да пребудет на Земле, и во врата рая вам не проскользнуть, как ни намазывайся жиром». Мужчина прошел вдоль рядов скамей в глубь собора, осторожно придерживаясь правой рукой за спинки для сохранения равновесия, а левой проверяя узел галстука под несколько просторным для его исхудавшей шеи воротником рубашки. Его жена сейчас была так слаба, что с трудом создавала происходящее, но она, как и прежде, не преминула внести в его костюм последний штрих, отправляя его на работу. Она всегда была ему хорошей женой. Она оставалась такой и сейчас. Иной раз они со смехом вспоминали тот случай, когда, больше сорока лет назад, она от волнения так накрахмалила его рубашку, что та буквально стояла колом. В тот далекий вечер она очень старалась придать ему вид обычного служащего из конторы средней руки. После этого он, захватив с собой небольшой чемоданчик, отправился на улицу Сен-Лазар, к дому, где был расположен штаб немецких оккупационных войск. Этот его чемоданчик разнес потом полквартала. А еще через двадцать лет, в ледяной зимний вечер, она исколола себе все пальцы, подгоняя дорогое, украденное в предыдущий день пальто по его фигуре. В тот раз он отправился грабить крупный парижский банк с гербом Людовика IX над входом, принадлежащий его высокообразованному и крайне неблагодарному приятелю, тоже участнику Сопротивления, отказавшему ему в одолжении. То были хорошие времена. Но затем пришли

плохие времена и плохое здоровье, и еще более плохие времена, откровенно говоря, времена крайней нужды, почти нищеты. Но в конце концов к ним пришел один человек, человек со странным именем и с более чем странными предложениями. И после этого достаток снова вернулся к ним, вернулся в виде необходимых сумм для приобретения приличной еды, хорошего вина, хорошо сидящей одежды, в которой его жена снова стала выглядеть достойно, и, самое главное, для возможности обращаться к хорошим врачам, облегчившим ее страдания. Костюм и рубашка, в которых он был сегодня, были добыты из глубин шкафа. Они с женой теперь напоминали участников провинциальной труппы бродячих актеров. В их шкафу хранилось очень много костюмов для очень многих ролей. Это было их работой... И сегодняшний колокольный звон тоже был частью его работы.

Пожилой человек, болезненно скривив лицо, с трудом преклонил колени перед святым крестом. Затем, вернувшись к рядам скамеек и присев рядом с центральным проходом в шестом ряду от алтаря, он принялся следить за секундной стрелкой на наручных часах. Через две с половиной минуты он поднял голову и как можно незаметнее огляделся. Его подслеповатые глаза вскоре привыкли к полумраку собора, и он не очень ясно, но достаточно хорошо мог видеть окружающих. Вокруг него находилось около двадцати посетителей. Некоторые, опустив головы, тихо шептали слова молитв, другие, погруженные в свои мысли, молча взирали на огромное золотое распятие над алтарем. Но не они интересовали мужчину. Увидев наконец того, кого искал, пожилой человек успокоился. Все шло по плану. Священник в темном церковном одеянии быстро прошел по крайнему правому проходу вдоль рядов скамеек и скрылся за темно-красной занавесью в глубине собора.

Пожилой человек бросил еще один взгляд на часы – самое время. Монсеньор никогда не опаздывал. Точность была основным правилом Шакала. Выждав еще одну минуту, мужчина с видимым усилием поднялся со своего места, еще раз, насколько позволяло ему состояние его тела, преклонил колени и не очень уверенной старческой походкой прошел ко второй слева кабинке для исповеданий. Отодвинув рукой занавесь, он вошел внутрь.

– Анджелус Домини, – прошептал он и, встав на колени, повторил те же условленные между ними слова, что и несколько сот раз до того в течение последних пятнадцати лет.

– Анджелус Домини, сын божий, – ответил ему голос, принадлежащий невидимой фигуре за черной кисеей. Благословение завершилось тихим, с трудом сдерживаемым, скребущим кашлем. – Не испытываешь ли ты в чем-то недостатка, хорошо ли протекают твои дни?

- Более чем. Благодаря моему другу... Неизвестному другу.
- Что сказал доктор о здоровье твоей жены?
- Он сказал мне то, что, слава богу, не сказал ей. Как это ни странно, но, похоже, я переживу ее. Ее убийственный недуг очень быстро распространяется по телу.
- Очень жаль. Сколько ей осталось?
- Месяц, два... не больше. Очень скоро она окажется полностью прикованной к постели. После этого наши отношения прекратятся.
- Но почему?
- Вы ничем мне больше не обязаны, и я не потребую от вас ничего. Вы были добры к нам, и я сумел отложить кое-что, мои потребности очень малы. Откровенно говоря, предчувствуя то, что ожидает меня, я ощущаю огромную усталость...
- Это чудовищная неблагодарность с твоей стороны! – Голос во мраке за кисеей дрожал. – И это после того, что я сделал для тебя, после того, что я обещал тебе!
- Прошу прощения?
- Готов ли ты умереть ради меня?
- Конечно, на этом был основан наш договор.
- Тогда я спрошу иначе: готов ли ты жить ради меня?
- Если это именно то, что вы требуете от меня, то конечно. Единственное, что мне хотелось сообщить вам, – это то, что очень скоро мы больше не будем обременять вас. Может быть, я не точно выразился.
- Никогда не позволяй себе со мной ничего подобного!
- Рвущаяся наружу ярость в шепоте человека во мраке за кисеей вылилась в глухой кашель, который подтверждал слухи, передающиеся из уст в уста в глухих переулках Парижа. Шакал был болен, может быть, смертельно болен.
- Вы держите в руках не только наш достаток, но и наши жизни. Я готов служить вам.
- Но мне показалось... Ладно. Итак, ты и твоя жена должны будете уехать. Мы позаботимся об удобстве вашего путешествия. Для этого все уже готово. Вы вместе отдохнете в одном из чудеснейших уголков мира. Ты уже можешь забрать документы и деньги в обычном месте.
- Могу ли я спросить вас, куда мы отправляемся?

– Монтсеррат. Карибское море. Необходимые инструкции будут предоставлены тебе в аэропорту Блэкбурн. Следуй им неукоснительно.

– Конечно... И еще, мне хотелось бы знать суть задания?

– Найти женщину с двумя детьми и подружиться с ними.

– И после этого?

– Убить их всех.

Брендан Префонтейн, бывший федеральный судья штата Массачусетс, вышел из банка «Бостон Файф» на залитую ярким солнцем Школьную улицу, имея в кармане пятнадцать тысяч долларов. На человека, прожившего последние пятнадцать лет в бедности, обладание такими деньгами действовало сильнее любого виски. После того как он вышел из тюрьмы, он еще никогда не имел при себе более пятидесяти долларов. Сегодняшний день стал для него особым днем. Но если подумать, то можно найти в этом положении вещей еще много интересного. Особенно поражало его то обстоятельство, что Рэндольф Гейтс согласился заплатить такую сумму, этого от него бывший судья никак не ожидал. Отдав такие баснословные деньги, Гейтс совершил непростительную ошибку, выдав тем самым всю крайнюю серьезность движущих им мотивов. Он превозмог свою жадность, ставшую притчей во языцех, поскольку влип, по всей видимости, во что-то очень опасное и, может статься, смертельное. Префонтейн не мог даже гадать, кем были эта женщина и дети и в каких отношениях они состояли с Рэндольфом фон Гейтсом, но кем бы они ни были, Дэнди-Рэнди не желал им ничего хорошего. Влиятельная фигура в мире юриспруденции с профилем Зевса вряд ли заплатила бы лишнему праву на судебную деятельность, опозоренному, отвергнутому «подонку», каким был Брендан Патрик Пьер Префонтейн, такую кучу денег только потому, что в душу славного рыцаря снизошли ангелы. Тем более если его душой завладел Люцифер. И коль скоро дело обстояло именно так, то для этого «подонка» могло оказаться очень прибыльным добыть и использовать еще немного знаний, несмотря на избитую фразу серых людишек: «Знания – опасная вещь». Но только для тех, кто смотрит на них со стороны. В умелых руках определенные пикантные подробности могут стать золотой жилой, как это неоднократно бывало раньше. Пятнадцать тысяч сегодня могут запросто превратиться в пятьдесят завтра, если... если наш «подонок» сам долетит до Монтсеррата и начнет задавать там вопросы. Кроме того, подумал судья, и при этом ирландец в нем довольно хихикнул и потер руки от удовольствия, а француз вознегодовал, у него не было нормального отпуска уже целую вечность. Пора дать отдых

душе и телу. Но не останавливая при этом активной мозговой деятельности. Так что вперед!

И Брендан Патрик Пьер Префонтейн помахал рукой такси, чего он в трезвом виде не делал вот уже лет эдак десять. Усевшись в машину, он обратился к подозрительно рассматривающему его шоферу и попросил отвезти в магазин мужской одежды Луиса на Фенейл Холл.

– Что, дедуля, пенсию получил?

– Более чем достаточную, чтобы заплатить за твою стрижку и выведение прыщей у тебя на лице, молодой человек. Запускай мотор, Бен Гур. Я тороплюсь.

В магазине, куда его доставили, продавалась готовая одежда, но весьма хорошего качества и довольно дорогая. После того как Префонтейн показал продавцу с подозрительно красными губами пачку стодолларовых кредиток, тот моментально стал необычайно вежливым и суетливым. В скором времени среднего размера чемоданчик из блестящей коричневой кожи наполнился подходящим для отдыха в тропиках платьем, а сам Префонтейн, распрощавшись со старой, изношенной одеждой, облачился в новые костюм, рубашку и туфли. Через час он уже ничем не отличался от почтенного Брендана П. Префонтейна десятилетней давности. (Второе П. он всегда отводил под Пьер, по некоторым причинам.) Следующий таксомотор домчал его до арендуемых им меблированных комнат на Ямайка Плейн, где он взял еще кое-что необходимое в дороге, включая паспорт, который всегда держал готовым к отъезду благодаря привычке, приобретенной им после пребывания в тюремных стенах. После чего такси доставило его в аэропорт Логана. Водитель этой машины уже не имел к бывшему судье вопросов по поводу его кредитоспособности. «Конечно, не одежда делает человека, – подумал Брендан, – но часто может исключить ряд неприятных сомнений окружающих в вашей личности».

На информационном табло аэропорта Логана значилось, что Бостон и острова Монтсеррат соединяют три авиалинии. Префонтейн справился у стойки о ближайшем рейсе и приобрел на него билет. Само собой разумелось, что Брендан Патрик Пьер Префонтейн всегда летал только первым классом.

В аэропорту Орли, близ Парижа, стюард «Эр Франс» осторожно вкатил по наклонному пандусу в салон «Боинга-747» кресло-каталку. Хрупкая и очень болезненная на вид женщина в кресле имела на лице чрезмерный слой косметики, наложенный на старомодный манер, грубовато и не слишком аккуратно. На ней также была широкополая шляпа с перьями австралийского

какаду. Она вполне могла бы выглядеть комично, если бы не глаза, смотрящие из-под локонов небрежно выкрашенных в красное седых волос. Взгляд ее был живым, все понимающим и наполненным юмором. Всем, кто встречался с ней взглядом, открыто говорилось: «Ерунда, mesamis², я направляюсь ему именно такой, а остальное меня не беспокоит. Вы, с вашим мнением, для меня просто кучка merde»³. Он был ее спутником, пожилым человеком, осторожно ступающим по трапу рядом с креслом и то и дело легко дотрагивающимся до плеча своей подруги, как будто для поддержки собственного равновесия, но, как любому было нетрудно видеть, поэзия этого жеста говорила, что дело совсем не в том, а в них самих. Еще более внимательный взгляд мог обнаружить капельки влаги в уголках его глаз, которые мужчина быстро и как можно более незаметно для женщины время от времени утирал рукой.

– Il est ici, mon capitane⁴, – провозгласил стюард, обращаясь к первому пилоту, уже спешащему навстречу двум первым пассажирам авиалайнера, чтобы приветствовать их лично. Капитан осторожно взял левую руку дамы и, низко нагнув голову, прикоснулся к ней губами, затем вытянулся по стойке «смирно» и, подчеркнуто по-военному, обратился к ее седовласому спутнику с маленькой ленточкой Почетного легиона в петлице.

– Для нас это большая честь, мсье, – торжественно произнес капитан. – Я командир этого лайнера, но сегодня вы – мой командир.

Они пожали друг другу руки, и пилот продолжил:

– Если я и члены экипажа могут быть вам чем-то полезны во время полета, прошу не стесняться и обращаться прямо ко мне, мсье.

– Вы очень добры.

– Мы все знаем вас, вся страна, вся Франция.

– Ничего особенного, право...

– Напротив. Присутствовать в одном месте с Чарльзом Ле Грандом, героем Сопротивления, исключительное, особенное событие. Года не в силах затмить вашу славу.

Капитан щелкнул пальцами в направлении трех стюардесс в пока еще пустом салоне первого класса.

– Быстро, мадемуазель! Сделайте все возможное для отважного воина Франции и его леди.

После этого убийца с множеством кличек и фальшивых паспортов в прошлом был торжественно препровожден к первому почетному ряду кресел,

в который была осторожно перенесена из кресла-каталки его жена. Сам он занял место рядом с ней. На подносах перед их креслами появились бокалы и бутылка дорогого шампанского. Первый бокал был поднят капитаном. Он произнес тост в честь почетной пары и еще раз пожелал им приятного полета. Когда наконец суета вокруг них улеглась и первый пилот вернулся в кабину экипажа, женщина неожиданно молча и очень лукаво подмигнула мужу. Глаза ее весело смеялись. Салон начал наполняться пассажирами. Многие из них узнавали пожилую пару в головных креслах. Над рядами кресел начали перелетать приглушенные шепотки: «Герой Соппротивления... Сам Большой Чарльз... Говорят, в Альпах он пустил в расход шестьсот бошей. А может быть, и всю тысячу...»

Через некоторое время огромный реактивный лайнер все быстрее и быстрее покатился по взлетной полосе и взмыл в летнее безоблачное небо. Пожилой «герой Франции», весь героизм которого, как сам он мог припомнить, за время войны и Соппротивления сводился к воровству, стремлению выжить любой ценой, мести за обиды, причиненные его жене, и яростному желанию находиться как можно дальше от всех армий мира или трудовых отрядов, постоянно пытавшихся включить его в свои ряды, опустил руку во внутренний карман и достал свои новые документы. В паспорте имелась его фотография, но это было единственным относящимся к нему пунктом. Остальное – имя, дата и место рождения, а также место жительства – все было незнакомым, включая список наград и привилегий, который был более чем впечатляющим. Не любопытства ради, а преимущественно из опасения не преуменьшить ненароком перед кем-нибудь свои заслуги он решил заранее изучить данный список, да и все остальное тоже. Ему сообщили, что оригинал, носящий используемое мужчиной в данный момент имя и владеющий данными паспорта, не имел живых родственников и друзей, а также что этот человек исчез из своей квартиры в Марселе, предположительно отправившись в кругосветное путешествие, да так и не вернулся из него до сих пор.

Посыльный Шакала снова открыл страничку паспорта с именем. Его нужно было обязательно запомнить и отзываться на него в любой ситуации. Хотя с таким распространенным именем это будет нетрудно. Мужчина снова и снова повторял про себя свое: Жан-Пьер Фонтейн, Жан-Пьер Фонтейн, Жан-Пьер Фонтейн.

Звук! Острый, режущий. Что-то не то, ненормальное, выпадающее из привычного набора шумов. Борн выхватил из-под подушки пистолет, кубарем слетел с кровати и замер, прислонившись к холодной стене. Опять! Короткий, громкий, одиночный стук, в дверь его номера. Он потряс головой,

что-то припоминая... Алекс? «Я постучу один раз». Джейсон тихо подошел к двери и прижался ухом к деревянной панели.

– Кто там?

– Открывай, черт возьми, а то меня сейчас заметят! – судя по голосу за дверью, Конклин уже кипел от ярости. Борн распахнул дверь, и отставной разведчик, прихрамывая, ворвался внутрь, отбросив трость в сторону с таким видом, будто она ему больше не понадобится.

– Похоже, ты уже совсем потерял сноровку, – продолжал он, усаживаясь в кресло. – Я уже минут пять барабаню в дверь.

– Я не слышал.

– Дельта услышал бы. Джейсон Борн – тоже. А Дэвид Вебб не слышит ничего.

– Через пару дней ты и следов Дэвида Вебба не найдешь.

– Рассказывай. Хотелось бы чего-то посерьезней обычной твоей болтовни.

– А ты что здесь делаешь? В такой-то час? Кстати, сколько сейчас времени?

– Я распрощался с Кассетом на шоссе в 3.20. Но с тех пор много путешествовал. Продирался сквозь кусты и карабкался через ограду.

– Ого?

– Вот так. Через ограду. А ты попробуй-ка проделать это с моей-то ногой... Знаешь, в колледже, я помню, выиграл забег на пятьдесят ярдов.

– Воспоминания в сторону. Что произошло?

– Ох, и снова я слышу Вебба...

– Что произошло? И кто этот Кассет, о котором ты столько говоришь? Ты работаешь с ним?

– Он единственный из тех, кому я доверяю в Лэнгли. Только ему и Валентино.

– Так ты скажешь мне наконец, кто это такие?

– Они аналитики, но честные и прямые ребята.

– Ну тогда в чем же дело?

– А в том, что настали такие времена, что мне хочется послать все ко всем чертям...

– Алекс, переходи к делу. Скажи, зачем ты пришел сюда?

Конклин бросил на Дэвида быстрый взгляд, после чего наклонился, поднял свою трость и яростно сжал ее.

– Я получил досье на наших филадельфийцев.

– И поэтому ты здесь? И что там на них?

– Нет, дело совсем не в них. Это интересная информация, но основная причина моего визита другая.

– Так назови ее! – воскликнул Джейсон, постепенно теряя терпение. Он присел в кресло у окна, не ожидая услышать ничего хорошего. – Наш высокопрофессиональный коллега не станет бросаться на ограды вокруг частных владений в три часа утра и с его-то ногой без особых на то причин.

– Причины у меня были.

– Уповаю на то, что ты хоть когда-нибудь расскажешь мне о них. Ну?

– Это Де Соле.

– Кто еще такой?

– Де Соле из Лэнгли.

– Все еще не понял.

– Главный манипулятор из Лэнгли. Ничего нигде не случается и не начинается без его ведома. Все проходит через его руки.

– Я все еще в тумане.

– Мы в глубоком дерьме.

– И об этом я тоже в курсе.

– Снова Вебб.

– Сделай несколько глубоких вдохов и соберись с мыслями.

– Ладно, дай хоть дух перевести.

Конклин решил оставить свою трость в покое и прислонил ее к подлокотнику кресла.

– Знаешь, я никогда не доверял грузовым лифтам. Поэтому всю дорогу до твоего этажа я шел по лестнице.

– Потому что мы в дерьме?

– Да.

– Из-за Де Соле?

– Точно, мистер Борн. Стивен Де Соле. Человек, который держит палец на всех кнопках всех компьютеров в Лэнгли. Он один способен раскрутить всю машинку и если захочет, то может засадить твою старую деву тетку Грейс в тюрьму как провокатора.

– И что в итоге?

– Он связан с Брюсселем. С Тигартенем в НАТО. Кассет разузнал в верхах, что их прямая связь, о которой говорил наш посол в Лондоне, идет именно через Де Соле. Для этого имеются специальные компьютерные коды, позволяющие получать доступ к информации в обход всех существующих паролей.

– Что это означает?

– Кассет еще ничего не знает, но он чертовски зол.

– Много ли ты ему рассказал?

– Только минимум. Сказал, что я прорабатывал некоторые варианты и случайно всплыло имя Тигартена, и, мол, это больше похоже на накладку, чем на то, что мы собираемся дискредитировать его. Но я все равно хочу знать, с кем в Управлении он может связаться, подозревая, что это Питер Холланд. Я попросил Чарли осторожно прощупать это предположение.

– Надеюсь, конфиденциально и без имен.

– Сто раз да. Кассет самый сметливый парень в Лэнгли. Больше я ему ничего не говорил. Он обещал разобраться. Теперь и у него появилась дополнительная головная боль.

– Что он собирается предпринять?

– Я просил его пару дней ничего не делать, и он согласился. Но не более. Через сорок восемь часов он собирается разобраться с Де Соле.

– Не стоит, – ровным голосом сказал Борн. – Что бы эти люди ни прятали, мы можем использовать это для столкновения их с Шакалом. Использовать это для того, чтобы выманить Шакала, так же как и они использовали меня тринадцать лет назад.

Конклин задумчиво опустил взгляд на пол, затем снова поднял голову и посмотрел на Борна.

– В основе этого может лежать его самомнение, не так ли? – спросил он. – Чем больше самомнение, тем больше страх...

– Чем крупнее наживка, тем больше рыба... – закончил Джейсон. – Много лет назад ты говорил мне, что гонор Карлоса так же силен, как его голова,

благодаря чему он и продержался так долго в своем бизнесе. Это тогда оказалось правдой, и это остается правдой до сих пор. Если мы сможем заставить кого-то из правительственных шишек послать ему письмо с просьбой заняться мной, убрать меня, то он клюнет на это, выпрыгнув из воды по пояс. И знаешь почему?

– Я уже сказал. Самомнение.

– Именно. Но и это еще не все. Это еще и уважение к его персоне у окружающих, заработанное Шакалом за двадцать лет непрерывной работы, начиная с Москвы. Он уже сделал себе несколько миллионов, но его клиентами всегда были наиболее неотесанные чурбаны на земле. При всем том страхе, который он вызывает, он обычный психопат. Он не оброс за свою жизнь легендами и славой, а только накопил презрение к людям, и в конце концов оно должно переполнить чашу его терпения и подтолкнуть к опасной черте. Тот факт, что через тринадцать лет он вдруг взялся сводить со мной счеты, только подтверждает мою гипотезу. До сих пор я остаюсь для него насущной проблемой, и мое убийство – тоже, потому что я являюсь продуктом нашей разведки и нашего государства. Единственное, что он хочет, так это доказать, что он лучше нас всех, вместе взятых.

– Похоже, что дела обстоят именно так. Кроме того, он до сих пор верит, что ты можешь его опознать.

– Я думал об этом, но, пойми, прошло уже тринадцать лет, и с нашей стороны не было никаких движений в его сторону, так что это маловероятно.

– Итак, ты решил начать отбивать хлеб у Мо Панова и заняться исследованием психики кровопийц?

– У нас свободная страна.

– По сравнению со многими – да, но вопрос: куда нас это может привести?

– Я знаю, что прав.

– Не слишком убедительный довод.

– Никаких фальшивок и подделок, – уверенно продолжал Борн, наклоняясь вперед, ближе к Конклину, упираясь локтями в колени и сжимая кулаки. – Карлос раскусит любую фальшь – это будет первое, что он станет искать. Наши сотрудники «Медузы» подлинные, и страх их неподдельный.

– Да, похоже на то.

– Требуется довести их до такого состояния, когда они будут готовы завязать знакомство с таким типом, как Шакал.

– Вот чего не знаю...

– Этого никто не знает, – перебил его Джейсон, – и не узнает до тех пор, пока мы не выясним, что конкретно они так тщательно скрывают.

– Если мы попытаемся использовать для этой цели Лэнгли, то Де Соле сразу окажется в курсе. И кем бы он ни был, черт возьми, он растревожит остальных.

– Тогда работаем без Лэнгли. У меня достаточно данных для самостоятельного продолжения дела, все, что мне еще нужно, это их адреса и домашние телефоны. Ты раздобудешь их мне, не так ли?

– Естественно. Это детская работа. Но что ты собираешься с этим делать?

Борн улыбнулся и спокойно, даже с некоторой нежностью, ответил:

– Собираюсь перерыть их дома или, может быть, колоть в зады иголками, между аперитивом и закусками. Как тебе такая перспектива?

– Вот теперь я слышу Джейсона Борна.

– Он перед тобой.

Глава 7

Первое свое утро пребывания на Карибах Мари Сен-Жак встретила не лучшим образом. Ее, невыспавшуюся и раскинувшуюся на кровати, разбудили лучи яркого тропического солнца, пробивающиеся через жалюзи. Только открыв глаза, она сразу же бросила взгляд на детскую кроватку, стоящую неподалеку от нее, в изголовье супружеской постели. Элисон глубоко и сладко спала, отдыхая от того, чем она занималась четыре-пять часов назад. Малышка, растревоженная перелетом, закатила такой скандал, что брат Мари, Джонни, пришел к ним из соседней комнаты и, надеясь хоть как-то прекратить этот ночной кошмар, спросил, не может ли он чем-нибудь помочь, а то все равно заснуть он не в силах.

– Сможешь сменить подгузники?

– Не представляю, как это делается, – поспешно ответил Джонни и быстро ретировался.

Но сейчас, похоже, он уже встал, потому что сквозь створчатые двери со стороны бассейна доносился его голос. Мари быстро сообразила, что ее братишка не просто так рвет глотку, а хочет разбудить именно ее. В данный момент он заманивал ее сына Джеми в бассейн, предлагая ему поплавать наперегонки, и орал при этом так, что, наверно, было слышно по всему острову. Мари не без труда сползла с кровати и направилась в ванную.

Спустя четыре минуты она уже, приняв душ, расчесав темно-рыжие волосы и накинув купальный халат, вышла на веранду, перед которой раскинулся бассейн.

– О, привет, Мари! – как ни в чем не бывало завопил ее темноволосый жилистый красавчик-братишка. Он стоял в бассейне по пояс в воде позади Джеми. – Я уже и не надеялся тебя дождаться. Мы решили искупаться.

– И по такому случаю ты вознамерился известить об этом английский береговой патруль в Плимуте?

– А ты знаешь, что уже девять часов? На островах считается, что это довольно поздно.

– Доброе утро, мамочка. Дядя Джонни показывал мне, как нужно отпугивать акул палкой.

– У твоего дяди ужасный жизненный опыт, который, бог даст, тебе никогда не понадобится.

– Мари, там на столе кофейник со свежим кофе. А миссис Купер обещала мне приготовить на завтрак все, что мы захотим.

– О, кофе – это то, что мне надо, Джонни. Ночью я слышала телефон. Это не Дэвид звонил?

– Он самый, – ответил Джонни. – Полагаю, нам с тобой нужно будет поговорить... Пойдем наверх, Джеми. Хватайся за лестницу.

– А акулы?

– Мы уже перебили их всех, приятель. Пойди сделай себе выпивку.

– Джонни!

– Апельсиновый сок, мамуля. На кухне его целый кувшин.

Джон прошел по краю бассейна к веранде и начал подниматься по ступенькам. Глядя на приближающегося к ней брата, Мари отмечала большое сходство между ним и ее мужем. Оба они были высокие и мускулистые, оба обладали стремительной походкой, но там, где Дэвид обычно одерживал победу, Джонни, как правило, предпочитал отступить. С чем это было связано, Мари не знала. Она также не понимала, отчего Дэвид так привязался к самому младшему из братьев Сен-Жак, не доверяя особенно двум старшим, значительно более солидным на вид. Дэвид, а может быть, Джейсон Борн, никогда не углублялся в этот вопрос, отшучивался и говорил, что в Джонни он видит себя в молодости. Себя, а может быть, Джейсона Борна.

– Давай поговорим, – сказал Джонни, располагаясь в шезлонге рядом с ней. Вода с его тела капала на пол веранды. – Что там стряслось у Дэвида? Сам он отказался говорить на эту тему, а ты вчера была настолько измотана, что спала на ходу. Что произошло?

– Шакал... Произошло то, что появился Шакал.

– Господи! – Джонни вздрогнул. – Через столько-то лет?

– Через столько лет, – повторила за ним Мари безжизненным голосом.

– И как далеко эта сволочь смогла забраться?

– Как раз это Дэвид и выясняет сейчас в Вашингтоне. Пока мы только знаем наверняка, что Шакал раскопал что-то об Алексе Конклине и Мо Панове из тех кошмаров, что творились в Гонконге и Цзюлуне.

Она рассказала о фальшивых телеграммах и ловушке, устроенной Шакалом в балтиморском Луна-парке.

– Я полагаю, что Алекс обеспечит их прикрытие, или как там это у них называется.

– На круглые сутки, я уверена. За исключением Мак-Алистера, который не знал всего, Алекс и Мо были единственными, кто был в курсе того, где находится Дэвид и что он был... О боже, даже язык не поворачивается произнести это имя! – Мари резко опустила свою кружку с кофе на столик, расплескав половину.

– Успокойся, сестренка, – Джонни протянул к ней руку и накрыл ею руку Мари. – Конклин знает, что делает. Дэвид всегда говорил, что Алекс лучше всех. Полевик – так он называл его. Настоящий разведчик.

– Ты не понимаешь, Джонни! – воскликнула Мари, стараясь овладеть своим голосом и эмоциями, ее глаза метали яростное пламя. – Дэвид никогда не сказал бы такого. Дэвид Вебб не знал об этом! Это мог сказать только Борн, а значит, он вернулся, понимаешь... Этот хладнокровный монстр, которого они создали, снова в голове Дэвида. Ты не знаешь, что это такое. Его глаза смотрели сквозь меня и видели то, что я не видела. Голос – тихий и ледяной, совершенно чужой голос. В эти минуты он казался мне незнакомым человеком.

Джон сделал свободной рукой жест, пытаясь ее успокоить.

– Перестань, прошу тебя, – проронил он нежно.

– Что? А дети? Джеми?.. – Мари в испуге оглянулась.

– Нет. Дело в тебе, Мари. Что ты ждала от Дэвида? Что он замурует себя в вазе династии Минь и будет представлять себе, что он и его семья в безопасности, так, что ли? Ох, милая леди, нравится вам это или нет, но мы, парни, считаем, что охранять свою пещеру от тигров – наша кровная задача. Видишь ли, мы полагаем, что лучше подготовлены для этого природой. В случае опасности в нас просыпается могучая животная сила, уродливая и беспощадная, но что делать, такой уж мы народ. Именно это сейчас происходит и с Дэвидом.

– И когда только мой братишка успел заделаться философом? – спросила Мари, пристально изучая лицо брата.

– Это не философия, девочка. Я просто знаю это, и все тут. Большинство мужчин такие, простите нас, милые дамы.

– Не извиняйся. Женщины знают, откуда что берется. Иначе и быть не может. Поверишь ли в то, что твоя высокообразованная сестра, вращавшаяся некогда среди светил экономики в Оттаве, визжит как резаная, если находит мышку под кухонным столом, и падает в обморок при виде крысы?

– Не могу не согласиться с тем, что образованные женщины откровеннее и самокритичнее прочих.

– Я целиком и полностью согласна с тем, что ты сказал, Джонни, но ты упустил из виду одну вещь. За эти пять лет Дэвид ощутимо поправился, и с каждым месяцем ему становилось все лучше и лучше. Вероятно, он никогда не смог бы полностью излечиться, его душевные раны были чересчур глубоки и многочисленны, но припадки ярости полностью исчезли. Его одинокие прогулки в лесу, из которых он возвращался с избитыми в кровь о стволы деревьев руками, безмолвные, сдавленные рыдания в его кабинете среди ночи, когда он не мог вспомнить, кто он и что совершил, думая о себе самое худшее, – все кануло в прошлое, Джонни! Мы впервые увидели вместе солнце, живой, чистый солнечный свет, понимаешь меня, братишка?

– Да, конечно, – угрюмо ответил Джон.

– То, что происходит сейчас, может вернуть все снова, и это ужасает меня больше всего!

– Будем надеяться на то, что все скоро кончится.

Мари замолчала и снова испытующе посмотрела на брата:

– Так, братишка. Уж я-то хорошо тебя знаю. Ты что-то недоговариваешь.

– Нет.

– Не нет, а да... Я никогда не могла понять вас с Дэвидом. Наши братья такие надежные, преуспевающие, возможно не в интеллектуальном плане, но прагматически. Но он выбрал тебя. Почему, Джонни?

– Давай не будем об этом, – отрезал Джон, освобождая свою руку из руки сестры.

– Но мне нужно знать. Это моя жизнь. Он – моя жизнь. Я больше не вынесу секретов вокруг него! Итак – почему ты?

Джонни откинулся на спинку шезлонга, заложив руки за голову. После этого он бросил на сестру последний умоляющий взгляд. Но по ней было видно, что она не отступится.

– Ладно, я понял тебя. Помнишь, как семь лет назад я ушел с отцовского ранчо, собираясь попробовать жить сам по себе?

– Конечно. Тогда мне казалось, что ты окончательно и бесповоротно разбил сердца отца и матери. Что случилось? Ты всегда был их любимчиком и...

– Я всегда был лихим мальчишкой! – перебив сестру, воскликнул молодой человек. – Мне хотелось самому добраться до всего, добиться какого-нибудь бешеного успеха, а не уподобляться старшим братьям, слепо следующим распоряжениям их целомудренного, подверженного многим предрассудкам французско-канадского отца, весь жизненный опыт и ум которого сводился к земле и деньгам, доставшимся ему по наследству.

– Да, может быть, он действительно казался таким, спорить не буду – с точки зрения «лихого мальчишки».

– Перестань, Мари. В свое время ты сделала то же самое, да и потом периодически пропадала из дома на целые годы.

– У меня были дела.

– У меня тоже.

– И чем занимался ты?

– Вышло так, что я убил двух человек. Двух подонков, убивших перед этим мою подружку. Изнасиловавших, а затем убивших ее.

– Что?!

– Пожалуйста, тише...

– Господи боже мой, ты не шутишь?

– После случившегося я не стал звонить домой. Вместо этого я связался с твоим мужем... моим другом, Дэвидом, который никогда не обходился со

мной как с психованным пацаном. В тот момент мне это казалось лучшим и наиболее логичным выходом из положения. Наше правительство пошло ему навстречу и допустило к делу нескольких хороших юристов из Вашингтона и Оттавы. Я был оправдан. Самооборона, вот как это называлось.

– Он никогда не рассказывал мне об этом...

– Я очень просил его держать все от тебя в секрете.

– Так вот почему... Но я все еще не понимаю причин вашей дружбы.

– Это просто, Мари. Он знает, что я смог убить и способен убить еще, если это мне покажется необходимым.

Их разговор был прерван телефонным звонком, донесшимся из глубины дома. Мари вопросительно взглянула на брата. Прежде чем она успела открыть рот для вопроса, на пороге кухни появилась пожилая негритянка.

– Вас к телефону, мистер Джон. Это тот пилот с большого острова. Он говорит, что это важно.

– Спасибо, миссис Купер, – ответил Сен-Жак, поднимаясь с шезлонга и поспешно направляясь к телефону, стоящему рядом с бортиком бассейна. Несколько минут он говорил в трубку и слушал сам, затем посмотрел на Мари, с силой бросил трубку на рычаг и быстро вернулся обратно: – Собирайся! Мы уезжаем отсюда! Прямо сейчас!

– В чем дело? Это был пилот с того самолета, что привез нас?..

– Он вернулся с Мартиники и только что узнал, что кто-то в аэропорту интересовался нами прошлым вечером. Расспрашивал о женщине с двумя детьми. Никто ему ничего не сказал, но этим дело может не кончиться. Собирайся быстрее.

– О боже, куда теперь нам деваться?

– В гостиницу, пока не придумаем что-нибудь получше. Туда ведет одна-единственная дорога, и мои собственные тонтон-макуты стерегут ее. Никто не пройдет ни туда, ни обратно. Миссис Купер поможет тебе с Элисон. Поторапливайся!

Мари бросилась в дом. Телефон снова зазвонил. Джонни сбежал по ступенькам к бассейну и схватил трубку. Миссис Купер выглянула из кухни:

– Это правительственный звонок с Монтсеррата, мистер Джон.

– Что им нужно, черт возьми?

– Мне спросить?

– Нет, я сам. Помогите моей сестре с детьми и отнесите их вещи в «Лендровер». Они уезжают через десять минут.

– Ох, какая жалость. Я только-только подружилась с ребятами.

– Какая жалость, – пробормотал Сен-Жак, снимая трубку. – Да!

– Привет, Джон, – раздался в трубке голос помощника губернатора, хорошего друга канадского промысловика, ищущего счастья на этих островах. Он не раз помогал ему продираться сквозь заросли бюрократических рогов колониальных Правил Территориальной Принадлежности.

– Могу я перезвонить тебе, Генри? Сейчас я очень спешу.

– Боюсь, что нет, старина. Задание спущено из самого Департамента иностранных дел. Они просили нас о немедленном содействии, и к тому же это не составит тебе особенного труда.

– Ну, что там?

– На «Эр Франс» в 10.30 на Антигуа прибывает один старикан с женой, и Уайтхолл желает устроить им прием по высшему разряду, ковровые дорожки и так далее. Этот старик, как следует из их сообщения, герой войны, имеет серьезные медали и сражался плечом к плечу с нашими дедами на берегах Ла-Манша.

– Генри, я в самом деле тороплюсь. Каким это все образом может быть связано со мной?

– Ну, знаешь, я думал, ты в таких делах соображаешь лучше нас. Может быть, один из твоих богатых канадских постояльцев, по возможности француз из Монреаля или участник Сопrotивления, мог бы...

– Встретить вашего протеже с бокалом канадско-французского вина? Это его только может задеть. Ты этого хочешь?

– Я хочу, чтобы ты разместил нашего героя и его даму в самом лучшем своем номере и предоставил сопровождающей их служанке-француженке комнату.

– И об этом ты просишь меня за час до их прибытия?

– Ну что ты, старина. Наше дело общее, и нам нужно вместе тянуть эту лямку и помогать друг другу, если ты понимаешь, что я имею в виду. Ведь твоя столь оживленная телефонная связь была всегда в порядке только благодаря заботам губернатора Ее Величества, если ты опять улавливаешь мою мысль.

– Генри, ты потрясающе дипломатичен. Ты так хорошо умеешь вежливо пнуть именно туда, где болит. Как зовут-то твоего героя? Пожалуйста, не тани!

– Мы – Жан-Пьер и Реджина Фонтейн, Monsieur le Directeur⁵, вот наши паспорта, – с мягким выговором произнес пожилой человек, обращаясь к помощнику губернатора. Они находились в кабинете помощника, три стены которого были обнесены стеклом. – Вон там вы можете видеть мою жену, – продолжил мужчина, указывая через стекло. – Она беседует с мадемуазель в белом форменном костюме.

– Прошу меня простить, мсье Фонтейн, – заворковал приземистый чернокожий чиновник, произнося слова с четко выраженным британским акцентом. – Сейчас предстоит всего лишь формальность, бюрократическая процедура, если хотите, необходимая для предупреждения назойливого внимания ваших поклонников. Наш аэропорт и его окрестности переполнены слухами о прибытии такой знаменитости.

– В самом деле? – Фонтейн улыбнулся, сделав вид, что весьма польщен.

– О, пусть это вас не беспокоит, сэр. Доступ прессе будет закрыт. Мы осведомлены о том, что ваша поездка носит личный, не деловой характер, и все необходимое в соответствии с этим будет вам обеспечено.

– В самом деле? – Пожилой человек вежливо улыбнулся в ответ. – Я планировал встретиться здесь с одним человеком, моим товарищем, и это тоже должно носить личный характер. Конфиденциальный, так сказать. Боюсь, ваши действия и охранные мероприятия могут помешать нашей встрече.

– Небольшая, тщательно отобранная группа представителей органов правительства нашего архипелага будет иметь честь приветствовать вас в зале для официальных приемов аэропорта Блэкбурн, мсье Фонтейн, – торжественно провозгласил помощник губернатора Ее Величества. – Прием не займет много времени, уверяю вас.

– В самом деле? Действительно недолго?

Процедура приветствия и в самом деле не отняла много времени, ее официальная часть продлилась около пяти минут. Первым официальным лицом, приветствовавшим посланца Шакала, был сам губернатор Ее Величества королевы. Эмиссар британского двора заключил героя в чисто галльские объятия, незаметно для остальных прошептав при этом на ухо Жан-Пьеру Фонтейну следующее:

– Мы нашли женщину и детей. Вы будете доставлены к ним. Дальнейшие инструкции получите от вашей служанки.

Состоявшаяся процедура сняла напряжение пожилого человека. Причем особенное облегчение доставило ему отсутствие прессы. Свои фотографии в газетах он обычно встречал только в разделах уголовной хроники.

Моррис Панов, доктор медицины, был ужасно вспыльчивым человеком, но всегда старался контролировать свое состояние, так как его вспыльчивость не приводила ни к чему хорошему ни в отношении пациентов, ни в других жизненных ситуациях. Но теперь, сидя за столом в собственном кабинете, он с трудом мог обуздать эмоции. Он не имел от Дэвида Вебба совершенно никаких известий. Он должен был знать, что происходит с ним, и он должен был поговорить с ним. В противном случае существовала угроза, что происходящее сведет к нулю всю тринадцатилетнюю терапию. Неужели они не понимают этого?

Естественно, не понимают. Они имеют другие приоритеты, и их не беспокоят проблемы, выходящие за рамки их компетенции. Поврежденный рассудок так неустойчив и хрупок, подвержен вероятности регресса и падения в ужасы прошлого, и это может полностью стереть тонкий поверхностный слой настоящего. Он не может допустить, чтобы с Дэвидом случилось подобное! Этот человек находится так близко к тому, что можно было бы назвать нормальной личностью (хотя есть ли они – «нормальные люди» – в этом свихнувшемся мире). Сейчас Дэвид прекрасно исполняет роль университетского профессора. И с каждым годом роль мирного преподавателя все больше и больше срастается с ним, становится им самим. Но все это может быть уничтожено одним-единственным актом насилия, а ведь насилие является стилем жизни Джейсона Борна. Будь оно все проклято!

Чтобы повредить Дэвиду, достаточно одного его присутствия в Вашингтоне. Панов уже охрип, объясняя Конклину всю возможную опасность ситуации. Ответ Алекса был однозначен: «Мы не можем остановить его. Мы не в силах. Самое большое, на что мы сейчас способны, – это следить за его действиями, по возможности прикрывая его». Хотелось бы верить, что «они» не будут ограничивать себя в средствах, если необходимость защиты появится в самом деле.

Его собственный офис охранялся на совесть. Стража из Управления стояла внизу в холле и на крыше, безмолвная и готовая к действию, похожая на живые машины. Для Дэвида было бы лучше всего, если бы он ретировался и укрылся у себя на островах, предоставив возможность охотиться на Шакала

профессионалам. Панов внезапно поймал себя на мысли, что профессионала более высокого класса, чем сам Джейсон Борн, пожалуй, и нет.

Размышления психиатра были прерваны телефонным звонком. Ему было велено не снимать трубку до тех пор, пока не поступит сигнал о том, что охранная аппаратура полностью задействована. Все входящие звонки отслеживались сканером, после чего опознавался абонент, и Панова ставили в известность о его имени и цели звонка.

Интерком на столе доктора загудел. Он поспешно нажал на консоли клавишу ответа:

– Да?

– Линия чистая, сэр, – сказал агент, отвечающий за безопасность телефонных переговоров, один из всей приставленной к нему команды, с которым Панов смог более или менее познакомиться. – Человек на линии представился как Тредстоун, мистер Д. Тредстоун.

– Соедините меня, – хмуро произнес Мо Панов. – И прошу вас, не подслушивайте и не записывайте этот разговор. Этот человек – мой пациент, и наши отношения строго конфиденциальны.

– Хорошо, сэр. Отключаюсь.

– Что-что?.. Ну ладно.

Психиатр снял трубку и с трудом заставил себя не кричать:

– Сукин сын, ты почему не позвонил мне до того, как все это началось?

– Если это хоть как-то оправдывает меня, то я не хотел, чтобы у тебя случился сердечный приступ.

– Где ты и чем занимаешься?

– Прямо сейчас?

– Да, хотя бы.

– Дай подумать. Я взял напрокат машину и в настоящее время нахожусь в квартале от одного дома в Джорджтауне, которым владеет председатель Федеральной комиссии по торговле, и разговариваю с тобой из телефонной будки.

– Бога ради, что ты собираешься там делать?

– На этот счет тебя просветит Алекс. Я же хочу, чтобы ты позвонил Мари на остров. Я пару раз пытался дозвониться ей из отеля, но линия все время была

занята. Скажи ей, что со мной все в порядке, в абсолютном порядке, и пусть не грустит. Можешь ты это для меня сделать?

– Могу, но меня ты не проведешь. Ты знаешь, что даже голос твой изменился?

– Этого ей говорить не стоит, доктор. Если ты мне друг, ты ничего ей не скажешь.

– Хватит, Дэвид. Эта игра в Джекила и Хайда ни до чего хорошего не доведет.

– Ей ни слова, если ты мне друг.

– Ты вошел в штопор, Дэвид. Не нужно доводить себя до крайностей. Приходи ко мне, нам нужно поговорить.

– Нет времени, Мо. Я вижу, что лимузин этого жирного кота подкатывает к подъезду его дома. Мне пора приниматься за работу.

– Джейсон!

Трубка молчала.

Спустившись по металлическим ступеням трапа реактивного авиалайнера на землю аэропорта Блэкбурн, Монтсеррат, под жаркое карибское солнце ступил Брендан Патрик Пьер Префонтейн. Местного времени было три часа пополудни. Толстые пачки долларов в его карманах очень и очень помогали ему сохранять присутствие духа. Чрезвычайно примечательным, по мнению Префонтейна, являлся тот факт, что именно наличие денег вселяло в него чувство покоя и безопасности. Самое главное, продолжал твердить он себе, – это помнить, что мелкие купюры, его сдача, десятки и двадцатки, лежат в правом переднем кармане брюк, и ни в коем случае не ошибиться, чтобы не предъявить на свет пачку сотенных, дабы никто из окружающих не принял его за богатого туриста. Он всегда старался держаться в тени и быть как можно более неприметной и случайной фигурой. Пребывая в подобном образе, он собирался как можно более непринужденно задавать на территории аэропорта весьма важные вопросы о женщине с двумя детьми, прибывшей на частном самолете прошлым утром.

Это и многое другое привело к тому, что он ощутил нарастающее беспокойство, когда совершенно потрясающая негритянка, клерк у стойки иммиграционного контроля, переговорив предварительно с кем-то по телефону, повесила трубку и сказала, обращаясь именно к нему:

– Не будете ли вы так добры, сэр, проследовать со мной?

Ее прекрасное лицо, живой и звонкий голос ничуть не умилили волнение судьи. Ибо красота и грация приглашающей его куда-то девушки совершенно не исключали последующий за этим суровый прием.

– Что-то не в порядке с моим паспортом, юная леди?

– Не сказала бы, сэр.

– В таком случае в чем дело? Почему бы вам попросту не проштемпеловать мой паспорт и не позволить мне пройти?

– Все ваши печати уже на месте, и проход разрешен, сэр. С этим нет проблем.

– Тогда зачем, собственно?..

– Пожалуйста, пройдемте со мной, сэр.

И они прошли к стеклянному кубическому сооружению с табличкой на стеклянной же двери, которая оповещала всех желающих, что здесь находится сам «Начальник иммиграционной службы». Прекрасная сотрудница иммиграционного сервиса предупредительно открыла дверь, еще раз улыбнулась и жестом предложила пожилому человеку войти внутрь. Префонтейн последовал приглашению, внезапно опасаясь возможности обыска и обнаружения при нем денег, воображая при этом все возможные вытекающие из этого ужасы. Он не знал, который из островов вовлечен в сферу наркобизнеса, но если этот – один из подобных, то тысячи баксов в его карманах моментально поставят его под подозрение. Пока негритянка пересекала стеклянный кабинет и передавала низкорослому, коренастому начальнику иммиграционной службы его паспорт, в голове судьи с огромной скоростью складывались и рассыпались варианты разнообразных объяснений. Девушка наградила Брендана последней, самой ослепительной улыбкой и вышла за дверь, осторожно прикрыв ее за собой.

– Мистер Брендан Патрик Пьер Префонтейн, – провозгласило официальное лицо, прочитывая написанное в паспорте.

– Совершенно верно, – вежливо, но не без некоторого достоинства ответил Брендан. – Вместо «мистер» обычно ставится «судья», хотя, вероятно, в данной ситуации это неважно, если я не ошибаюсь, как вы считаете? Должно быть, это следствие ошибки одного из моих младших служащих. Я обязательно разберусь с ним по возвращении домой, и если это он, то ему придется несладко.

– О, совсем нет, сэр... судья, – возразил, выговаривая фразы с четко выраженным британским акцентом, темнокожий чиновник, форменный костюм на массивном теле которого был натянут, как кожа на барабане. Он

торжественно поднялся из кресла и протянул через стол руку: – В действительности если кто ошибся, так это, по всей видимости, я.

– Прекратите, полковник, мы все подчас совершаем промахи.

Брендан пожал протянутую ему руку:

– Насколько я вас понял, я могу идти? У меня здесь намечена встреча...

– Именно это он и говорил!

Брендан высвободил руку из крепкого иммиграционного пожатия.

– Прошу прощения?

– Это я должен перед вами извиниться. Естественно, полная конфиденциальность.

– Что-что? Не могли бы вы объясниться?

– Мне ясна приватность вашего визита, – продолжал негр, произнося слово «приватность» как «приуатнось». – Ваш знакомый предупредил нас об этом, в связи с чем мы считаем своим долгом оказать вам полное содействие во всех службах Ее Величества.

– Все это чрезвычайно похвально, бригадир, но боюсь, что я так ничего и не понял.

Начальник иммиграционной службы продолжил объяснения, зачем-то при этом понизив голос:

– Сегодня утром прибыло одно очень известное лицо, вам известно об этом?

– Я не сомневаюсь, что высокопоставленные люди часто посещают ваши прекрасные острова. Кстати, меня именно поэтому и пригласили сюда.

– О да, приуатнось!

– Да, конечно, приуатнось, – согласился бывший судья, размышляя про себя о том, все ли у начальника дома. – Не могли бы вы выражаться чуточку пояснее?

– Естественно. Он сказал мне, что ему предстоит встретиться здесь кое с кем. С неким коллегой или товарищем, у которого он должен получить консультации. Однако после непродолжительного приема в очень ограниченном, избранном кругу приглашенных и без прессы, естественно, он был препровожден прямо к трапу самолета, вылетевшего на соседний остров, что, само собой, помешало ему совершить столь желанную для него конфиденциальную встречу. Теперь, я надеюсь, ситуация прояснилась?

– Как Бостонская гавань в бурю, генерал.

– Очень хорошо. Я понимаю. Приуатносьсь... В связи с вышеизложенным весь наш штат был оповещен о том, что друг известного лица может разыскивать его на территории аэропорта, анонимно, разумеется.

– Да, конечно. – «Совсем спятил», – промелькнуло при этом в голове Брендана.

– Имея в виду такую возможность, – продолжил чиновник, с трудом сдерживая триумф, – я, в свою очередь, предположил, что друг известного лица также мог прилететь на наш остров для randevu.

– Отличная догадка.

– Просто немного логики. Следующей осенившей меня мыслью было проверить списки пассажиров прибывающих рейсов, имея в виду преимущественно первый класс, соответствующий социальному статусу друга известного лица.

– Живой пример ясновидения, – пробормотал судья. – И вы выбрали меня.

– Ваше имя, уважаемый мистер! Пьер Префонтейн!

– Моя благоверная покойная мать, без сомнения, оскорбилась бы, узрев в этом упущение «Брендана Патрика». Так же как и французы, ирландцы очень щепетильны в таких вопросах.

– Но вы с ним родственники. Я сразу же понял это!

– Действительно?

– Пьер Префонтейн!.. Жан-Пьер Фонтейн. Видите ли, я специалист по иммиграционной процедуре, можно сказать, эксперт, я изучал методы многих стран. Ваше имя для меня великолепный пример, глубокоуважаемый судья. Волна за волной иммигранты прибывали в Штаты, где это сопровождалось смешением наций, рас и языков. В процессе ассимиляции имена многих иммигрантов изменились, полностью или частично, по их желанию или по вине измученных огромным количеством работы клерков. Но корни фамилий часто сохранялись, что и произошло с вами. Семейство Фонтейн превратилось в Префонтейн, а человек, с которым так стремилось встретиться наше известное лицо, есть не кто иной, как член американской ветви единого клана!

– Меня просто пугает ваша прозорливость, – негромко похвалил начальника Брендан, не понимая, почему в кабинете до сих пор нет дюжих медбратьев со смиренными одеждами. – Не могло ли это быть просто совпадением? Фонтейн – имя чрезвычайно распространенное во Франции, но, насколько

мне известно, Префонтейны сосредоточены преимущественно в окрестностях Марсея.

– Да, конечно, – подхватил чиновник, снова понижая голос до шепота и при этом еще и подмигивая Брендану. – Это было бы так – без предварительных звонков с набережной Д’Орсе в Париже и английского МИДа и их инструкций по организации встречи известного лица. Окажите ему уважение, окружите его заботой, сохраняйте его анонимность и доставьте его в местное курортное местечко. Данное лицо желает полной приуатности... Кроме того, великий воин желает конфиденциальной встречи с кем-то, кого он не нашел. Возможно, знаменитость пытается сохранить родственную принадлежность этого человека в секрете. У всех великих всегда есть секреты...

Внезапно тысячи долларов в карманах стали казаться Префонтейну непосильным грузом. Уровень защиты четыре-ноль в Вашингтоне, парижская набережная Д’Орсе, лондонское Министерство иностранных дел, кроме того, огромное количество денег, выплаченное Рэндольфом Гейтсом, пребывавшим в заметной панике, – все это странным образом сплелось в единый клубок, в котором самой странной нитью было присутствие недобросовестного профессора права. Случайность или закономерность? Что все это может значить?

– Вы необыкновенный человек, – быстро проговорил Брендан, скрывая за торопливыми словами свои сомнения. – Ваша логика и догадливость удивительны и неповторимы, но все должно оставаться в строжайшем секрете.

– Я ничего не слышал, достопочтенный судья! – воскликнул чиновник. – Если только вы оцените мои способности в высших сферах, не повредив мне...

– Будьте уверены, о вас услышат, где нужно. Кстати, а куда отправился мой знаменитый кузен?

– Гидроплан, на котором были он и его жена, совершил посадку у небольшого острова под названием Транквилити. Он должен был остановиться там в гостинице с одноименным названием.

– Очень скоро вы получите персональную благодарность от вышестоящего начальства, не сомневайтесь.

– Почту за честь персонально провести вас через таможню.

Брендан Патрик Пьер Префонтейн подхватил свой чемодан из блестящей коричневой кожи и, все еще находясь в крайней степени изумления, прошествовал во внутренний зал аэропорта Блэкбурн. Изумлен, черт возьми!

– да он был просто ошеломлен и оглушен происшедшим с ним событием. Про себя он никак не мог решить, покупать ли ему срочно обратный билет на следующий рейс до Бостона, или... но его ноги все уже решили за него. Они направили его к стойке под небесно-голубым знаком, на котором белыми буквами было написано: «Межостровное сообщение». Если он просто наведет там кое-какие справки, то особого вреда это не принесет, а купить билет до Бостона никогда не поздно. На стене позади стойки ближайший к нему список перечислял рейсы «На острова», где среди Наветренных и Подветренных островов, Гренад и прочей экзотики Транквилити был зажат, подобно мясу в сэндвиче, между Канада Кай и Черепашьими утесами. Два молодых создания в униформе, чернокожая девушка и белокожий юноша, тихо переговаривались, облокотившись о стойку с противоположной ее стороны, в ожидании клиентов. Заметив отирающегося рядом Префонтейна, девушка приветливо спросила его:

– Чем могу помочь вам, сэр?

– Я не вполне уверен, – ответил Брендан нерешительно. – Мои планы так переменчивы, но, кажется, на Транквилити остановился мой друг.

– В гостинице, сэр?

– Да, похоже на то. Сколько туда лететь?

– При ясной погоде, сэр, не больше пятнадцати минут, но туда летают только гидропланы. И похоже, до завтрашнего утра свободных машин не будет.

– А вот и ошибаешься, моя хорошая, – перебил девушку появившийся из-за спины Префонтейна парень в белой рубашке с маленькими золотыми крылышками на воротнике. – Через несколько минут я повезу заказ для Джонни, – добавил он, подходя ближе.

– Но в сегодняшнем расписании его нет.

– Час назад он там появился. С пометкой «срочно».

Еще до того, как затихли последние звуки этой фразы, острый взгляд Префонтейна жадно впился в груды картонных коробок, медленно ползущих по линии карусельного транспортера в сторону багажного отделения секции «Межостровное сообщение». Даже если бы он и располагал временем для размышлений, он уже знал точно, какое решение было бы принято в конце концов.

– Я хотел бы приобрести билет на этот рейс, если это возможно, – сказал он, рассматривая надписи на проплывающих мимо картонных упаковках с

пищевой смесью от Герберта для младенцев и подгузниками «памперс» среднего размера. Он нашел неизвестную женщину с мальчиком и малышкой.

Глава 8

Всем сотрудникам Федеральной комиссии по торговле доподлинно было известно, что их председатель Альберт Армбрустер страдает язвой, а также имеет гипертонию и поэтому по предписанию врача должен немедленно следовать домой при малейшем признаке недомогания. Что и случилось с ним сразу же после более чем плотного ленча, о коей маленькой слабости председателя также все знали. Но никто не знал, что во время этого ленча раздался звонок Алекса Конклина, сообщающий новые сведения о кризисе в стане Снейк Леди. Так же как в случае первого звонка, заставшего Армбрустера в душе, Алекс, оставаясь инкогнито, предупредил трясущегося председателя, что кто-то по имени Кобра сегодня в течение дня войдет с ним в контакт, может быть, дома, а может быть, в офисе. («Используй в работе все наиболее банальные пугающие словечки», – говорилось в псалме от Святого Конклина.) Кроме того, Армбрустер был предупрежден о том, что должен хранить молчание... «Таков приказ Шестого флота». – «Ох, боже ты мой!» Сразу после этого Армбрустер призвал свою персональную колесницу и приказал мчать себя домой, сославшись на обострение грызущего его недуга. Дополнительные неприятности, в виде Джейсона Борна, стерегли председателя около его дома.

– Доброе утро, мистер Армбрустер, – вежливо произнес незнакомец, обращаясь к председателю, выбирающемуся из машины, дверь которой предусмотрительно придерживалась шофером.

– А?.. Что?.. – Реакция Армбрустера была быстрой, но несколько рассеянной.

– Я просто пожелал вам доброго утра. Моя фамилия Симон. Несколько лет назад мы встречались в Белом доме, на приеме в честь создания Совета служб президента...

– Меня там не было, – выразительно перебил человека председатель комиссии.

– В самом деле? – спросил незнакомец голосом по-прежнему вежливым, но явно с недоверчивостью, удивленно изогнув дугой брови.

– Мистер Армбрустер? – Шофер закрыл дверь и с полупоклоном повернулся к председателю: – Какие будут распоряжения на?..

– Нет, нет, – поспешно ответил Армбрустер. – Ты свободен. На сегодня все... и на вечер тоже.

- Завтра утром в обычное время, сэр?
- Да, завтра, пожалуй. Если ничего не случится. Я неважно себя чувствую. Поэтому справься сначала в офисе.
- Да, сэр. – Шофер приложил палец к козырьку форменной фуражки и забрался обратно в машину.
- Весьма печально слышать такое, – проговорил незнакомец, наблюдая за тем, как шофер запускает мотор и автомобиль исчезает за углом.
- Что?.. А, это вы. Я не был в Белом доме на этом чертовом приеме!
- Может быть, я ошибаюсь...
- Вероятно. Ну, всего наилучшего, – нетерпеливо попрощался Армбрустер, направляясь было к каменной лестнице, ведущей к дверям дома.
- Однако, господин председатель, я точно помню, что адмирал Бартон представлял нас друг другу...
- Что?.. – Председатель быстро обернулся: – Что вы сказали?
- Мы теряем время, – ответил Джейсон Борн, и налет учтивости исчез из его голоса. Лицо его стало жестким и холодным. – Я Кобра.
- Ох, господи ты боже мой!.. Что-то сегодня я не очень хорошо себя чувствую... – Армбрустер произнес это хриплым шепотом, резко вскинув голову и разглядывая окна своего дома и дверь.
- Если мы не побеседуем, то ваше состояние может значительно ухудшиться, – продолжил Джейсон, проследив за взглядом председателя комиссии. – Поднимемся к вам и поговорим внутри?
- Нет! – поспешно воскликнул Армбрустер. – Она все время трещит без умолку и повсюду сует свой нос, разнюхивает обо всех моих гостях, а потом болтает об этом по всему городу, да еще и преувеличивает раз в сто.
- Я так понимаю, вы говорите о вашей жене?
- Да, обо всех о них. Женщины не знают, когда нужно держать варежку закрытой.
- Вероятно, она ощущает потребность в общении...
- Что?
- Ну, не в этом дело. Через квартал, ниже по улице, у меня машина. Как вы смотрите на небольшую поездку?

– Так будет лучше, черт возьми. Остановите у аптеки в конце улицы. У них есть заказ на мое лекарство... И кто вы такой, бога ради?

– Я уже сказал вам, – ответил Борн. – Кобра. Есть такая змея.

– Ох, боже ты мой... – прошептал Армбрустер.

Заказ в аптеке не заставил себя долго ждать, и после этого Джейсон отвез председателя комиссии в бар по соседству, который он заранее присмотрел на случай необходимости.

Помещение бара, затемненное, с глубокими, укромными кабинками с низкими столиками, надежно укрывающими посетителей от любопытных взоров, как нельзя лучше подходило для предстоящего разговора. Фон беседы был очень важен. Здесь Армбрустеру будет некуда деться от ясных, пронизывающих и испытующих глаз незнакомца, задающего леденящие кровь вопросы. Дельта и Каин заняли свои места. Команду принял Джейсон Борн, Дэвид Вебб был забыт.

– Своей безопасностью мы должны заниматься сами, – негромко проговорил Кобра, после того как принесли их напитки. – Имея в виду сохранение системы, мы должны знать, сколько вреда каждый из нас может принести под воздействием амитала.

– Что это такое, черт побери? – спросил Армбрустер, отпивая из своего стакана большую часть содержимого, хватаясь за живот и прикрывая глаза.

– Искусственный наркотик, так называемый эликсир правды.

– Что?

– К такой подаче мяча вы не привыкли, – объяснил Борн, припоминая бейсбольные термины Конклина. – Нам нужно прикрыть все базы, потому что в этой игре обычных правил может и не быть. В смысле конституционных прав.

– Да кто вы такой? – Председатель Федеральной комиссии отрыгнул и поспешно хлебнул из стакана. Руки его заметно дрожали. – Ликвидационная команда из одного человека? Джон Доу очень много знал, и поэтому его пришили в скверике?

– Не ерничайте. Подобное было бы абсолютно ошибочным. Это лишь пошло бы на пользу тем, кто старается найти нас, дало бы им след...

– В таком случае что вы имеете в виду?

– Сохранение наших жизней, включая репутацию в обществе и стиль существования.

– Да, вы тот еще остряк, мать вашу. Как вы собираетесь это организовать?

– Давайте говорить о вас, идет? По вашим же словам, здоровье у вас не ахти. Вы можете уйти в отставку по требованию врача, и далее мы, «Медуза», берем заботу о вас на себя.

Воображение Джейсона работало, обращая фантастические образы в выражения, которые он черпал из писания от Святого Алекса.

– Никого не удивит, если вы, обеспеченный человек, приобретете себе виллу или даже целый остров на Карибах. Там вы будете в полной безопасности, и никто не сможет связаться с вами без вашего согласия. Ну, какие-нибудь тщательно отрежиссированные интервью будут, по-видимому, допустимы. Безопасность их и содержание гарантируется. Все это вполне возможно.

– Одинокая жизнь вдали от всех, так, что ли? – ответил Армбрустер. – Я с мамочкой на пару. Я же ее просто придушу в конце концов.

– Не обязательно все будет так скучно, – возразил Кобра. – Визиты гостей не возбраняются. По вашему желанию их в любое время доставят на остров. И кроме того, женщины. По вашему выбору или выбору тех, чьим вкусам вы доверяете. Ваша жизнь будет протекать, мало отличаясь от сегодняшней, возможны некоторые неудобства, но не без приятных неожиданностей. Наша цель будет достигнута. Вы будете защищены, и тем самым будет обеспечена и наша безопасность. Но, как я уже говорил, такое положение дел всего лишь гипотеза. Что до меня, считаю это необходимым, потому что я в курсе почти всего. Мой отъезд – вопрос нескольких дней... А как много знаете вы, мистер Армбрустер?

– Я не участвовал непосредственно в операциях на местах. Я имею дело с глобальной стратегией. Как и многие другие, я получаю телексы из банков в Цюрихе, проверяю списки депозитов и работаю с компаниями, в которых приобретается долевое участие. Вот вроде и все.

– Тогда вилла – это не для вас.

– Да на кой дьявол она мне сдалась? Если бы я захотел, я смог бы купить себе не одну, а две. В Цюрихе у меня около ста миллионов долларов.

Борн с трудом смог заставить себя не выдать удивление и внимательно посмотрел на председателя комиссии.

– Я не в курсе, – сказал он.

– А кому я должен был рассказывать? Мамочке-трепунье?

– Кого еще вы знаете лично? – спросил Кобра.

– Из основной команды практически никого, но и они меня не знают. Черт, да никто никого не знал... И, кстати, раз уж мы про это заговорили, то возьмем, например, вас. О вас я никогда не слышал. Как я понял, вы крутитесь наверху. Меня предупреждали, что вы подкатитесь ко мне, но сам я вас вижу впервые.

– Меня призвали для особого случая. Моя деятельность глубоко законспирирована.

– Так я и уверяю, вам не будет...

– А что Шестой флот? – перебил его Борн, отводя разговор подальше от собственной персоны.

– Иногда я встречаюсь кое с кем из них, но думаю, что мы не обменялись и дюжиной слов. Он военный, а я гражданский. Очень даже гражданский.

– Сейчас – да, но, когда все это начиналось, вы тоже были в армии.

– Но черта с два я стал военным. Одна форма еще ни из кого не делала военного, а из меня и подавно.

– А что вы скажете насчет парочки генералов, одного из Брюсселя, а другого из Пентагона?

– Они решили делать карьеру и поэтому остались в армии. Мне это было не нужно, и я не остался.

– Мы должны иметь в виду утечку информации, сплетни, – сказал Борн наудачу. В его глазах появился интерес. – Мы не можем себе позволить ни малейшего намека на военную направленность.

– Вы имеете в виду хунту?

– Вот именно. Ничего такого, – подтвердил Борн, внимательно наблюдая за реакцией Армбрустера. – Подобные вещи сродни горной лавине...

– Даже не думайте! – злобно зашептал председатель Федеральной комиссии по торговле, перебив Борна. – Шестой флот, как вы изволите называть его, делает дела только здесь, и то только потому, что это представляет определенные удобства. Он адмирал до мозга костей, он обожает свист снарядов, походы в кильватерных колоннах и прочую муру, но он завязан на Вашингтон, и все!

– Я знаю это, как и вы, – многозначительно произнес Джейсон, скрывая за интонацией свое удивление. – Но кто-то, находящийся в системе защиты в течение последних пятнадцати лет, соорудил свой собственный сценарий, и это уходит корнями в Сайгон, в Штаб в Сайгоне.

– Это может исходить из Сайгона, но совершенно точно не могло зацепиться здесь. Наши солдатики ничего не смыслят в подобных делах, и мы все это знаем... Даже в Сайгоне они сами управиться не могли. Но мне понятна ваша мысль. Вы связываете нас с Пентагоном – и пресса и голубоглазые чистюли в конгрессе имеют поживу на полгода. Дюжина подкомиссий обеспечена работой.

– Чего мы терпеть не собираемся, – вставил Борн.

– Согласен, – сказал Армбрустер. – Вопрос в том, можем ли мы подобраться к той сволочи, что составила сценарий?

– Подобраться можем, но не вплотную. Он имеет контакт в Лэнгли, но уровень контакта нам не известен.

– Лэнгли? Так бог ты мой, у нас же есть там свой человек! Он может заняться этим и вычислить этого сукиного сына.

– Де Соле? – как можно небрежней бросил Кобра.

– Точно. – Армбрустер наклонился вперед. – Вижу, вам многое известно. Этот парень – наш большой секрет. И что Де Соле сказал вам?

– Ничего. Мы его не трогали, – сказал Джейсон, усиленно подыскивая подходящий ответ. Он был Дэвидом Веббом слишком долго! Конклин прав, он уже не может соображать так же быстро, как раньше. Наконец подходящие слова пришли... В виде правды, опасной ее части, но убедительной. Он не должен терять эту убедительность. – Де Соле предполагает, что за ним наблюдают, и поэтому просил нас держаться в стороне. Никаких контактов до тех пор, пока он сам не разберется в своих делах, и тогда даст нам знать. Там ведь произошло кое-что еще.

– В чем дело? Говорите яснее! Кто-то вышел на него? – Председатель сжал свой стакан, и глаза его от ярости вылезли из орбит.

– Кто-то из начальства узнал, что Тигартен в Брюсселе имеет прямую факсимильную связь с кодом доступа, в обход обычной процедуры регистрации запросов и досмотра, которыми занимается Де Соле.

– Чертовые чокнутые солдафоны! – взорвался Армбрустер. – Стоит дать им немного власти, и они начинают скакать, как новобранцы, и покупать все понравившиеся им игрушки! Факсы, прямые связи с кодами доступа! Господи, да, наверно, он попросту набрал наугад номер и вклинился прямехонько в ФБР.

– Де Соле сказал, что у него готова устойчивая легенда и он сможет управиться с этим сам, но времени для интересующего нас расследования у

него нет. Если он узнает что-то, он выйдет на нас сам, нам соваться туда нечего.

– Неужели вы не понимаете, что из-за этого вшивого солдафона вы и угодили в это дерьмо? Если бы не этот болван со своими кодами доступа, у нас бы сейчас не было проблем. Разобрались бы со всем в пять минут.

– Но что сделано, то сделано. Проблемы и кризис нашей системы налицо, и никуда от этого не уйти, – ответил Борн. – Повторяю, мы должны защищать себя. Некоторые из наших людей должны уехать, исчезнуть, по крайней мере ненадолго. Для пользы остальных.

Председатель Федеральной комиссии снова отодвинулся в глубь кабинки, выражение его лица было ощутимо несогласным.

– Ага. Вот что я вам скажу, Симон, или как там вас. Вы взялись не за тех людей. Мы – бизнесмены и достаточно богаты или самолюбивы, чтобы работать на правительство за сравнительно небольшие деньги. Но самое главное – это то, что мы именно бизнесмены и имеем инвестиции в различных сферах промышленности. Кроме того, на наши места нас назначили, а не избрали, из чего следует, что от нас никто не ждет полного отчета о финансовых операциях. Чувствуете, куда я клоню?

– Не уверен, – ответил Джейсон, с ужасом понимая, что теряет контроль над ситуацией, не может больше оставаться угрозой для этого человека. «Я так долго был не у дел... а Альберт Армбрустер совсем не дурак. Первую панику он пережил и теперь собрался с мыслями и обдумал состояние дел». – И куда вы клоните?

– Займитесь-ка лучше нашими солдатиками. Покупайте им виллы или острова в Карибском море и удаляйте их за пределы досягаемости, но не нас. Организуйте там для них придворных и королевства, и пусть играют в королей. Это как раз для них.

– И работать без них? – спокойно спросил Борн, стараясь ничем не выдать свое изумление.

– Вы сами сказали это, и мне остается только согласиться. Малейший прокол нашей военщины – и мы в заднице, потому как все это очень хорошо складывается в картинку под названием «военно-промышленный комплекс», от чего не так далеко до такого, как, например, «военно-промышленный тайный сговор». – Армбрустер снова наклонился вперед: – Они нам больше не нужны! Избавьте нас от них.

– Но не обойдется без огласки.

– Может быть, и так. Но прищемить их чертовы солдафонские яйца не мешает.

– Я подумаю об этом.

– Не о чем думать. Через шесть месяцев мы будем контролировать ситуацию в Европе.

Джейсон Борн не сводил глаз с лица председателя Федеральной комиссии по торговле. «Контроль? – думал он про себя. – Но для чего? Над чем?»

– Я отвезу вас домой, – предложил он.

– Я разговаривал с Мари, – сказал Конклин. Джейсон позвонил ему в загородную резиденцию Управления в Виргинию из телефона-автомата от бензоколонки в пригороде Манассаса. – Она в гостинице, а не в вашем доме.

– Почему они переехали? – встревоженно спросил Джейсон.

– Она не смогла ничего объяснить. Кажется, было время кормления или пеленания, в общем, чего-то такого, когда мамы не думают ни о чем, кроме своего дитяти. Я слышал, как в трубке кричат твои ребятишки. А они горластые, приятель.

– Что еще она сказала, Алекс?

– Вроде как твой шурин решил перевезти их туда. Она не вдавалась в подробности. А так голос у нее был нормальный, только, как я говорил, немного нетерпеливый. Обычная Мари, к которой я привык и которую люблю. Она все спрашивала, как идут дела у тебя.

– Полагаю, ты сказал ей, что у меня все в порядке?

– Да, черт возьми. Я сказал ей, что ты залез в нору и тебя стерегут, а ты копаешься в ворохе распечаток. Что-то вроде полуправды.

– Джонни собирался с ней поговорить. Видимо, она рассказала ему, что произошло, и он перевез их в свой личный бункер.

– В личный что?

– Ты видел «Транквилити Инн» или нет? Откровенно говоря, я не помню, бывал ты там или нет?

– Четыре года назад Панов и я видели ее только в качестве стройплощадки. С тех пор мы там не были, по крайней мере я. Никто не приглашал.

– Я так полагал, что для тебя там двери всегда открыты, в любое время... В общем, понимаешь, гостиница стоит на берегу, и добраться до нее можно

только по воде, или по воздуху, или по дерьмовой горной дороге, усыпанной такими валунами, что нормальная машина дважды ее не осилит. Все необходимое доставляется туда по воздуху или морем. Связи с городом почти нет.

– А пляж, наверно, охраняется, – добавил Конклин. – Обычно Джонни ничего не упускает из виду.

– Именно поэтому я и послал их туда. Я позвоню ей позже.

– Так, а что насчет текущих дел? – спросил Алекс. – Как там поживает Армбрустер?

– Ну что сказать, – ответил Борн. Взгляд его задумчиво блуждал по белому пластику телефонного аппарата. – Например, из его слов я понял, что «Медуза», функционировавшая в районе Сайгона по заданию Штаба американских войск, на котором Армбрустер заработал около ста миллионов долларов, хранящихся у него в Цюрихе, желает теперь избавиться от военных, потому что они, видите ли, ей больше не нужны. Он прямо так и сказал мне.

– Поверить этому не могу, – негромко произнес отставник-разведчик, пребывая в сомнении. – Может быть, ты не так его понял?

– Нет, именно так. Он называл их солдафонами и, как мне показалось, не ставил ни во что их прошлые заслуги. Он разжаловал их до уровня желторотых новобранцев, таращащих глаза на каждую новую игрушку в витрине.

– Кое-кто из сенаторов в Комитете по обслуживанию Вооруженных сил наверняка согласился бы с этой оценкой, – заметил Алекс.

– Но и это еще не все. Когда я пытался заговорить о том, что «Медуза» была создана в Штабе Сайгона, он возразил мне, и весьма недвусмысленно. Он сказал, что когда-то могло быть так, но очень недолго, потому что, цитирую: «Солдатики в Сайгоне сами управиться не смогли».

– Это вызов. А сказал он, почему они оказались такими слабосильными?

– Нет, и я его не спрашивал. Предполагалось, что я знаю ответ.

– Да, хорошо бы. Мне все меньше и меньше нравится картинка, разрастающаяся перед нами... А как всплыли эти сто миллионов?

– Я завел разговор о том, что «Медуза» могла бы приобрести ему виллу где-нибудь за пределами страны и вне достижимости спецслужб, если нам это покажется необходимым. Его это особенно не заинтересовало, и в заключение он сказал, что если захочет, то и сам может себе купить хоть две.

После этого добавил, что в Цюрихе у него лежат сто миллионов баксов, о чем, насколько я понял, я тоже должен был знать.

– Вот так просто? Лишь сотня миллиончиков?

– Да. Он сказал мне, что, как правило, банк каждый месяц высылает ему телексы, в которых представлена вся бухгалтерия. Само собой разумеется, общая сумма постоянно растет.

– Большое, уродливое, а теперь еще и растущее, – подвел итог Конклин. – Есть что-нибудь еще? Не подумай, что я сгораю от любопытства, я и так напуган до смерти.

– Оставь немного места для двух последних страшилок... Армбрустер сказал, что наряду с проверкой депозитов он работает с компаниями, в которых они покупают контрольные пакеты акций.

– Что за компании? О чем он говорит?.. Невероятно.

– Если бы я начал расспрашивать дальше, то моя жена и дети были бы сейчас на поминках, но без гроба, ввиду отсутствия моего тела.

– А еще что ты узнал? Давай рассказывай!

– Наш милейший председатель Федеральной комиссии по торговле заявил, что пресловутые «Мы» должны избавиться от военных в своих рядах, поскольку через шесть месяцев это самое «Мы» сможет контролировать ситуацию в Европе... Какую ситуацию, Алекс? О чем он говорил? С чем мы связались?

На другом конце линии воцарилось молчание. Борн не прерывал его, он ждал. Дэвиду Веббу, отстраненному индивиду в дальнем уголке его сознания, испуганному и смущенному, хотелось кричать и задавать вопросы, но сейчас ему здесь не было места. Наконец Конклин ответил:

– Думаю, нам не осилить то, с чем мы связались. – Его голос в трубке звучал мягко и очень тихо, еле слышно. – Эта ниточка идет в верха. Одним нам здесь делать больше нечего.

– Черт тебя дери, здесь нет Дэвида, Алекс. – Голос Борна был почти спокоен, без признаков охватившей его ярости, смысла фразы было достаточно. – Никуда больше это дело не пойдет, по крайней мере пока я сам не скажу об этом, а я могу этого вообще не сказать. Ты понял меня, полевик. Я ничего никому не должен, в особенности заправилам этой страны. Они и так достаточно наигрались моей жизнью и жизнями моих близких, преследуя свои интересы. Я собираюсь использовать то, что узнаю, для одной и только одной цели. А именно: для того чтобы вычислить Шакала и устранить его,

что позволит нам выбраться из глубин ада, в который были превращены наши жизни, и продолжить нормальное существование... Уверен, что единственный путь к этой цели – это тот, по которому сейчас двигаюсь я. Армбрустер крутой парень и умеет держаться, но все равно он напуган. Они все перепуганы, они в панике, это твои слова, и ты прав. Достаточно свести их и Шакала, и они бросятся ему на грудь. Он покажется им единственным приемлемым выходом из положения. В свою очередь, такие богатые и могущественные клиенты, как наши ребята из «Медузы», для Шакала все равно что мед для пчелы. В их лице он получает долгожданное признание международных воротил, а не привычных для него фанатиков справа и слева... Так что не стой у меня на пути, бога ради, не надо!

– Звучит как угроза, не так ли?

– Хватит, Алекс. Мне не нравится такой разговор.

– Но ты первый его начал. Возврат в Париж на тринадцать лет назад. Только теперь ты в итоге убиваешь меня, потому что я отказываюсь учитывать то, что они сделали с тобой и Мари, то, что они задолжали тебе.

– Речь идет о моей семье! И моей семьи нет здесь! – воскликнул Дэвид Вебб. Его голос дрожал, лоб был покрыт каплями пота, глаза наполнились слезами.

– Они за тысячи миль отсюда, и они прячутся. И пока иначе нельзя, потому что я не могу позволить, чтобы им причинили вред. Их попросту могут убить, Алекс. Именно это сделает с ними Шакал, если найдет их. Сегодня они прячутся на островах, а где им скрываться через неделю? На сколько тысяч миль от дома? Куда им деваться? Куда нам деваться? Сейчас мы раскопали кое-что. Но этого крайне мало, чтобы остановить его. Этот гнусный психопат преследует меня, и чем больше мы узнаём про него, тем больше понимаем, что он желает только одного: убрать как можно больше людей. И в предполагаемом списке моя семья. Нет, полевик, не нужно взваливать на меня то, до чего мне и дела нет, мне и так должны слишком много. Я не хочу знать ни о чем, что никак не касается Мари и детей.

– Я понял тебя, – тихо ответил Конклин. – Хорошо, о Париже больше ни слова. Из вас двоих я выбираю Борна. Нужно работать. Каким будет твой следующий шаг? Где ты сейчас находишься, Джейсон?

– Где-то в шести-семи милях от дома генерала Свайна, – ответил Джейсон. Он глубоко дышал, пытаясь успокоить охватившее его волнение и вернуть хладнокровие. Но уже через несколько минут с ним снова все было в порядке.

– Ты звонил ему?

– Два часа назад.

– Я по-прежнему Кобра?

– А что? Ведь это змея.

– Как раз так я и сказал Армбрустеру. По-моему, ему это не понравилось.

– Свайну тоже. Кроме того, в его словах я уловил нечто, объяснения чему я пока не нахожу.

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю, но мне кажется, что он лично – подотчетное лицо.

– Перед Пентагоном? Бартоном?

– Похоже на то, но я не уверен. Он еле ворочал языком и, судя по его высказываниям, представляет себя чем-то вроде зрителя, а не игрока. Пару раз он оскальзывался и отпускал фразы типа: «Мы должны подумать на эту тему» и «Мы обсудим это». Обсудим с кем? Наша приватная беседа закончилась обычным предупреждением хранить молчание. После этого наш подопечный генерал пролепетал что-то опять-таки с «Мы», на сей раз пытаюсь торопливо и не очень удачно завуалировать это под свою персону в единственном числе. Я на это не купился.

– Согласен, – ответил Джейсон. – Сейчас я собираюсь переодеться. Одежда у меня в машине.

– Что?

Борн повернул голову и взглянул через плечо на здание бензоколонки. На углу здания он нашел то, что ему требовалось для процесса перевоплощения, – мужскую туалетную комнату.

– Ты говорил, что Свайн живет на ферме к западу от Манассаса...

– Поправочка, – перебил его Алекс. – Фермой это называет он. Его соседи и таксисты описывают его хижину как поместье площадью акров в двадцать восемь. Неплохо для профессионального солдата из семьи среднего достатка из Небраски, взявшего тридцать лет назад в жены парикмахершу с Гавайев. Десять лет назад он купил себе домик, получив приличное наследство от неизвестного благодетеля, от некоего неуловимого богатого дядюшки, которого я так и не смог вычислить. Это меня и насторожило. Свайн руководил отделом снабжения при Штабе. В Сайгоне он занимался поставками снаряжения для «Медузы»... Зачем же ты переодеваешься перед визитом к нему?

– Хочу провести экскурсию. Подъеду туда засветло, чтобы взглянуть на то, как все смотрится с дороги. А визит ему я нанесу под покровом темноты. Сделаю ему небольшой сюрприз.

– Возможно, в этом есть резон, но зачем тебе проводить экскурсию?

– Я люблю фермы. Они такие большие, и в них полно укромных уголков. Я теряюсь в догадках, зачем было профессиональному военному, знающему, что в любой момент он может быть переброшен на другой конец мира, обременять себя таким нетранспортабельным капиталовложением.

– Примерно то же самое интересует и меня. Только я смотрю на это с точки зрения «откуда?», а ты – «зачем?». Возможно, твоя позиция будет более интересной.

– Посмотрим.

– Будь осторожен. У него может быть сигнализация, охрана, собаки и еще что похуже.

– Я подготовился к этому, – ответил Борн. – Прежде чем покинуть Джорджтаун, я сделал кое-какие покупки.

Для того чтобы летнее солнце, сияющий желтый шар, опускающийся за горы, не слепило его, ему пришлось притормозить машину и опустить переднюю шторку. Очень скоро солнце исчезнет совсем, уступая место сумеркам, предвестникам ночи. Ее-то и ждал Джейсон Борн. Она была его другом и союзником, под ее покровом он передвигался быстро и уверенно, находясь настороже и легко огибая любые встречные препятствия. Когда, много лет назад, он жил в джунглях, они приветствовали и принимали его, потому что он уважал их и становился их частью. Он не боялся их, знал и понимал их, и они помогали ему, везде и во всем, какой бы ни была его цель. С джунглями он был на «ты». Так же близко предстояло ему сойтись и с густым лесом, окружающим поместье генерала Нормана Свайна.

Основное здание поместья располагалось чуть в стороне от дороги, на расстоянии, равном длине двух футбольных полей. Кирпичный забор разделял входные и выходные железные ворота и продолжался справа и слева от них. Ворота в виде вытянутой буквы U перекрывали подъездную дорогу, пересекающую внутреннюю часть владения генерала. Кирпичный забор имел естественное продолжение из зарослей деревьев и кустарника. Около входных и выходных ворот были видны небольшие домики для охраны.

Борн мысленно перенесся в Китай, в окрестности Пекина, где на территории заповедника редких птиц Дзинь Шан он выслеживал убийцу, выступающего в роли Джейсона Борна, то есть его самого. Так же, как здесь, там ему запомнились домики охраны около ворот. Густой лес заповедника прочесывался вооруженными патрулями. Во главе засевшей в лесу армии убийц находился безумный кровожадный мясник, и именно он и был

фальшивым Джейсоном Борном. Тогда, проникнув в это жуткое место, настоящий Джейсон Борн первым делом пропорол покрышки всех автомашин на стоянке. Затем начал углубляться внутрь заповедника, ликвидируя встречающиеся ему в лесу патрули, до тех пор, пока на освещенной факелами поляне не обнаружил необходимого ему маньяка в окружении группы преданных фанатиков.

Медленно объезжая поместье Свайна в третий раз и впитывая глазами все, что мог рассмотреть, Борн спрашивал себя, сумел бы он совершить что-либо подобное сегодня. Теперь, когда после событий в Париже прошло уже тринадцать лет? Ему нужно было реально оценить свои силы. Он уже не был таким молодым мужчиной, каким был в Париже, или зрелым мужем, каким был в Гонконге, Макао и Пекине. Ему было пятьдесят, и он чувствовал груз каждого года прожитой жизни.

Достаточно! Он не должен особенно раздумывать на эту тему. Ему есть над чем ломать голову, над гораздо более насущным. В конце концов, двадцать восемь акров земли Свайна вряд ли могут сравниться с девственным лесом Дзинь Шан, где правила только первобытная сила. Так же как тогда, в Пекине, он свернул с дороги и, сколько смог, проехал по поляне в сторону опушки леса, остановился среди высокой травы. Он вышел из машины и тщательно укрыл ее ветками и пучками травы. Быстро опускающиеся сумерки довершат маскировку, а с их наступлением он примется за работу. После разговора с Конклином Борн прошел в мужскую комнату при бензозаправке и переоделся. Сейчас на нем были черные брюки, черный пуловер в обтяжку и черные кожаные ботинки на толстой рифленой подошве. Таким был его рабочий костюм. Предметы, которые он разложил в порядке на земле, были его снаряжением. Большую их часть он приобрел перед тем, как покинуть Джорджтаун. Он взял длинный и широкий охотничий нож в ножнах и повесил его на пояс. Затем укрепил под мышкой пластиковую кобуру с газовым пистолетом с усыпляющим и парализующим зарядом, предназначенным для обезвреживания сторожевых собак, например, таких, как питбули. Две особые вспышки могли быть использованы для ослепления водителей в приближающихся машинах. Вместе со вспышками, на специально приспособленном для этой цели поясе он укрепил цейссовский бинокль ночного видения, потайной фонарь, моток тонкого капронового шнура и небольшие кусачки, на случай проволоочной изгороди. Экипировку завершил предоставленный Управлением автоматический пистолет. С наступлением темноты Борн углубился в лес.

Белая широкая полоса прибоя около кораллового рифа казалась неподвижно висящей над темной голубизной Карибского моря. Был предзакатный час

раннего вечера. Остров Транквилити купался в теплых цветах тропического вечера, насыщенного густыми разнообразными оттенками света и тени, непрерывно изменяющимися вслед за мало-помалу склоняющимся к горизонту, налитым оранжевым светом солнцем. Длинная полоса пляжа, на котором были расположены здания «Транквилити Инн», была зажата между массивным естественным коралловым молом и отвесными прибрежными скалами.

Два ряда розовых коттеджей с балкончиками и ярко-красными терракотовыми крышами примыкали к центральному зданию гостиницы, цилиндрическому сооружению из тяжелого камня и толстого стекла. Весь комплекс нависал над морем, между коттеджами змеились белые бетонные тропинки с низко подстриженными живыми изгородями и рядами фонариков по обочинам. Официанты в желтых форменных смокингах катили по дорожкам сервировочные столики, доставляя коктейли и закуски постояльцам «Транквилити Инн», большая часть которых расположилась в шезлонгах на балкончиках коттеджей и наслаждалась прелестями тропического заката. После того как сумерки сгустятся, а тени почернеют и оформятся, на соседних пляжах и далеко выступающих в море волнорезах появятся неприметные фигуры людей. Они не относятся ни к гостям, ни к обслуживанию гостиницы. Одетые в темно-коричневую тропическую униформу люди, вооруженные автоматами «МАС-10», которые они старались не выставлять особенно напоказ, были охраной. Почти все они имели при себе бинокли ночного видения и непрерывно исследовали с их помощью окружающие скалы и море. Владельцы «Транквилити Инн» всеми силами старались, чтобы атмосфера вокруг их владения тоже была по высшему классу.

На полукруглом балконе, за высоким окном гостиной ближайшего к центральному зданию коттеджа в кресле-каталке полулежала изнеможенная пожилая женщина. В руке она держала бокал «Шато Карбоне» 78-го года и время от времени делала маленькие глотки, впитывая вместе с ними великолепие заката. Она то и дело нервно дотрагивалась до завитков своих не очень ловко выкрашенных волос, прислушиваясь к голосам, доносящимся изнутри дома. В гостиной ее муж разговаривал с их новой служанкой. Наконец их беседа закончилась, и женщина в кресле-каталке услышала легкие шаги мужа, выходящего к ней на балкон.

– Господи ты боже мой, – сказала она по-французски, – наверное, я сойду с ума от этой красоты.

– А почему бы и нет? – ответил ей посланец Шакала. – Это место как нельзя лучше подходит для такой цели. Я до сих пор смотрю вокруг и не могу поверить своим глазам.

- Ты до сих пор не сказал мне, зачем монсеньор послал тебя, нас, сюда?
 - Я уже говорил тебе. Я привез известие от него, и ничего более.
 - Я не верю тебе.
 - Прошу тебя, поверь. То, что я сделал, было важно для него, но совсем не обременительно для нас. Наслаждайся, моя милая.
 - Ты всегда называешь меня так, когда других объяснений у тебя нет.
 - Тогда твой же собственный опыт должен подсказать тебе, что не стоит задавать вопросы, не правда ли?
 - Но это не так, дорогой. Я умираю...
 - Чтоб я больше не слышал ничего подобного!
 - Так или иначе, это правда, и ты не можешь скрывать ее от меня. Моя печаль не обо мне, моя боль ушла. Я волнуюсь за тебя. Ты всегда был лучше своего окружения, Мишель... О нет, ты Пьер Фонтейн, я не должна этого забывать... Понимаешь, я не могу не думать о тебе. Это место, эти необыкновенные покои, это внимание. Я думаю, тебе придется заплатить ужасную цену, дорогой.
 - Почему ты так думаешь?
 - Все окружающее нас столь величественно. Чересчур величественно. Это ненормально.
 - Ты слишком глубоко пытаешься вникнуть в ситуацию.
 - Нет, это ты пытаешься лгать сам себе. Мой брат Клод всегда говорил, что ты слишком много делаешь для монсеньора. Однажды он предъявит тебе счет.
 - Твой брат Клод – старый мухомор с трухой в голове. Поэтому монсеньор дает ему самые простые и незначительные поручения. Его можно послать с бумагами в Монпарнас, а он приедет в Марсель и сам не будет знать, как там оказался, потому что...
- Внезапно в комнате раздался телефонный звонок, оборвав посланца Шакала на полуслове. Он обернулся на звук.
- Наш новый друг обо всем позаботится, – заявил он.
 - Она очень странная, – сказала женщина. – Я не доверяю ей.
 - Она работает на монсеньора.
 - Действительно?

– Я не говорил тебе? Она должна передать мне инструкции от монсеньора.

В балконных дверях появилась служанка, одетая в черное платье, белый передник и белую наголку. Ее светло-каштановые волосы были собраны сзади в тугой узел.

– Мсье, это Париж, – сообщила она.

Напряжение в ее широко открытых серых глазах подчеркивало важность звонка, скрываемую в тихом, невыразительном голосе.

– Спасибо.

Посланец Шакала в сопровождении служанки прошел в комнату к телефону. Она подняла трубку и подала ее старику.

– Это Жан-Пьер Фонтейн.

– Благость да снизойдет к тебе, сын божий, – произнес голос человека, находящегося за тысячу миль, на другом континенте. – Вы хорошо устроились?

– Более чем, – ответил пожилой человек. – Все это... так величественно, мы не заслужили такого.

– Вы заработали это.

– Чем я могу служить вам?

– Ты должен следовать инструкциям, которые передаст тебе служанка. Следуй им неукоснительно и не отступай ни на шаг, понятно?

– Конечно.

– Благословляю тебя.

Раздался щелчок, и голос в трубке пропал. Фонтейн опустил трубку и повернулся к служанке, но ее уже не было рядом. Она находилась на противоположной стороне комнаты и отпирала ящик массивного письменного стола. Он подошел к ней и взглянул на содержимое ящика. Его взгляд замер, упав на ужасные предметы. В ящике лежали пара хирургических перчаток, пистолет с цилиндрическим глушителем на стволе и опасная бритва со сложенным лезвием.

– Это ваши инструменты, – сказала служанка, одновременно передавая ему ключи. Ее серые спокойные глаза пристально изучали его лицо. – Ваша цель – последний коттедж в этом ряду. Прежде всего вы должны ознакомиться с местом. Для этой цели рекомендуются продолжительные прогулки по дорожкам мимо коттеджей для моциона, что обычно в ходу у пожилых людей. Затем вы их убьете. Надев перед этим хирургические перчатки.

Необходимо выпустить по пуле в каждую голову. Обязательно в голову. После этого вы всем им перережете горло...

– Мать Мария, и детям?

– Таков приказ.

– Но это варварство!

– Вы желаете, чтобы я сообщила о вашем мнении в Париж?

Фонтейн бросил взгляд на балкон, где в кресле-каталке находилась его женщина.

– Нет, нет, конечно, нет.

– Я тоже так думаю... И наконец, последнее. Кровью из любого тела, все равно чьего, вы напишете на стене: «Джейсон Борн, брат Шакала».

– О боже мой... Меня схватят, без сомнения?

– Это зависит от вас. Поставьте меня в известность о сроке казни, и я присягну, что славный воин Франции в данное время находился в своем коттедже.

– Срок?... Когда это нужно будет совершить?

– В течение последующих тридцати шести часов.

– А затем?

– Вы можете оставаться здесь до тех пор, пока ваша жена не умрет.

Глава 9

Сюрпризы преследовали Брендана Патрика Пьера Префонтейна. Он снова был крайне удивлен. Несмотря на то что предварительного заказа у него не было, у стойки регистрации «Транквилити Инн» его приняли как долгожданную знаменитость, а едва он заикнулся о том, что желает снять коттедж, ему немедленно сообщили, что коттедж ему уже забронирован. После этого на удивление чуткий клерк поинтересовался:

– Как прошел перелет из Парижа?

За этим последовала небольшая заминка – оказалось, что служащие гостиницы никак не могут найти хозяина. Префонтейну сообщили, что в кабинете его нет, и если он отправился проверять прибрежную полосу, то связаться с ним прямо сейчас вряд ли удастся. В конце концов клерк витиевато извинился, сопровождая слова красноречивыми жестами, и бывшего судью из Бостона отвели в предоставленные ему апартаменты: маленький и очень милый домик с видом на море. Совершенно случайно, по

крайней мере так казалось окружающим, судья сунул руку не в тот карман, в результате чего услужливость клерка была вознаграждена пятидесятидолларовой купюрой. Префонтейн прекрасно исполнял роль человека из своего круга. Он то и дело прищелкивал пальцами и похлопывал себя ладонями по животу. Ничего не скажешь, роскошный прием для неизвестного человека, впервые прибывшего на остров на гидроплане с Монтсеррата... Судья догадывался, что не что иное, как его имя было виной тому, что весь штат за стойкой «Транквилити Инн» пришел в движение при его появлении. Могут ли подобные совпадения продолжаться вечно?.. Если это следствие заблуждений губернаторского подручного по иммиграции, то по крайней мере он помог ему заполнить коттедж.

Но, однажды начавшись, безумие продолжалось с новой силой. Как только он успел развесить весь свой курортный гардероб в шкафу, в двери вежливо постучали, и ему были доставлены бутылка охлажденного «Шато Карбоне», букет свежесрезанных цветов и коробка бельгийских шоколадных конфет. И все это без малейшего намека на сомнение в его персоне или на то, что перепутали его коттедж с одним из соседних выше или ниже по дорожке.

– Это вам, сэр!

Судья переменил костюм на пару бермуд, содрогнувшись при виде своих тощих ног, и свободную спортивную рубашку. Белые теннисные туфли и белое парусиновое кепи завершили его тропический наряд. Темнело, и ему не терпелось прогуляться. По разным причинам.

– Я знаю, кто такой Жан-Пьер Фонтейн, – сказал Джон Сен-Жак, перечитав регистр, лежащий на стойке. – Он тот самый, о ком мне звонили из офиса губернатора. Но кто такой, черт возьми, Б. П. Префонтейн?

– Известный судья, прибывший из Соединенных Штатов, – ответил ему с четко выраженным британским акцентом высокий негр, управляющий гостиницы. – Мне звонил по поводу этого человека мой дядя, помощник губернатора по иммиграционной службе. Он позвонил мне около двух часов назад, прямо из аэропорта. К сожалению, в момент прибытия судьи я был наверху, но наши сотрудники все сделали как нужно.

– Судья? – переспросил хозяин гостиницы, но управляющий потянул его за рукав и отвел в сторону от стойки и толпящихся за ней клерков.

– Так что тебе сказал твой дядя?

– Все, что касается двоих наших именитых гостей, должно носить оттенок полной приуатности.

– Почему? В чем дело?

– Мой дядя был очень краток, но сообщил мне, что он видел, как почтенный судья прошел к стойке междоусобного сообщения и приобрел билет. Это подтвердило его более ранние догадки. Судья и герой Франции родственники, и им необходима конфиденциальная встреча по делу чрезвычайной важности.

– Если это так, то почему твой судья не забронировал для себя номер заранее?

– По этому поводу есть два объяснения, сэр. По словам моего дяди, первоначально встреча должна была состояться в аэропорту, но приветственная церемония, организованная губернатором, помешала этому.

– А второе?

– Ошибка, допущенная в офисе судьи в Бостоне, штат Массачусетс. По словам дяди, судья жаловался ему на нерадивость своих сотрудников, совершивших оплошность при оформлении ему паспорта, и он обещал устроить им нагоняй по возвращении.

– Похоже на то, что судьям в Штатах платят больше, чем их коллегам в Канаде. Ему здорово повезло, что у нас оказалось место.

– Летний сезон, сэр. В течение этих месяцев у нас обычно есть свободные места.

– А, да я и сам это знаю. Ладно, предоставим этим родственникам возможность выяснять отношения столь запутанным путем. Может быть, стоит позвонить судье и сказать ему, где находится коттедж Фонтейна? Или Префонтейна, черт их разберет...

– Я обсуждал этот вопрос с дядей, сэр, но он был непреклонен. Он сказал, что нам не нужно совершенно ничего делать или говорить. По словам дяди, у всех великих людей есть свои секреты, и он не хотел, чтобы о его выводах узнал еще кто-нибудь, кроме участников встречи.

– Что-то я не понял?..

– Если мы позвоним судье, то он сразу поймет, что сведения о цели его приезда были получены от моего дяди, начальника иммиграционной службы Монтсеррата.

– Ох, боже мой, делайте что хотите. У меня голова идет кругом... Кстати, я удвоил патрули на дорогах и на пляже.

– Мы усилим внимание, сэр.

– Кроме того, я собираюсь убрать номера с дорожек и коттеджей. Я и без того знаю, кто где, но мало ли кто заберется сюда.

– У нас могут быть неприятности, сэр?

Джон Сен-Жак покосился на управляющего.

– Сейчас нет, – ответил он. – Я только что закончил осмотр пляжей и территории гостиницы, проверил каждый дюйм. Если вы не в курсе, то я и моя сестра с детьми живем в коттедже номер двадцать.

Герой французского Сопротивления Жан-Пьер Фонтейн медленно шел по бетонной дорожке в сторону последнего в их ряду коттеджа, расположенного неподалеку от моря. Этот дом напоминал остальные, у него были такие же розовые стены и красная черепичная крыша, но лужайка вокруг была больше и живая изгородь по периметру лужайки выше и гуще. Этот коттедж обычно предоставлялся премьер-министрам и президентам, иностранным послам и сенаторам, людям высокого международного статуса, желающим отдохнуть в уединенном комфортабельном тропическом гнездышке. Фонтейн достиг конца дорожки, приведшей его к кирпичному забору, окружающему коттедж и упирающемуся в крутой склон холма, спускающегося вниз почти до пляжа. Забор огибал холм с обеих сторон, проходя как раз под балконами коттеджа, одновременно обозначая границу территории и охраняя ее от посторонних взглядов. Вход в коттедж номер двадцать перекрывали металлические ворота, надежно укрепленные в кладке забора и так же, как стены, выкрашенные в розовый цвет.

Взглянув поверх ворот, пожилой человек увидел маленького мальчика, бегущего по лужайке в одних купальных трусиках. В проеме открытых дверей коттеджа появилась женщина.

– Пора обедать! – крикнула она мальчику. – Джеми, иди сюда!

– Мамочка, а Элисон поела?

– Наелась и спит. Она не будет кричать на своего братика.

– А в нашем доме мне больше нравилось. Мамочка, почему мы не можем вернуться обратно в наш дом?

– Потому что дядя Джон хочет, чтобы мы оставались здесь... Тут есть лодки, Джеми. Вы с дядей сможете рыбачить и ходить по морю под парусом, как в прошлом году, в апреле, во время весенних каникул.

– Но тогда мы жили в нашем доме.

– Да, и папа был с нами...

– А как здорово мы катались на грузовике, помнишь?

– Обед, Джеми. Быстро домой.

Мать и сын скрылись за дверью. Фонтейн вздрогнул и представил себе то, что от него требует Шакал, картину кровавой расправы, привести в исполнение которую он поклялся. Голоса ребенка и женщины все еще звучали в его ушах. «Мамочка, почему мы не можем вернуться обратно в наш дом?.. Но тогда мы жили в нашем доме». И ответ его матери: «Потому что дядя Джон хочет, чтобы мы оставались здесь... Да, и папа был с нами...» Только что подслушанному могло быть множество объяснений, но, несмотря на это, Фонтейн ощутил тревогу. Он всегда чувствовал опасность раньше других. Годы, наполненные ею, обострили его восприятие. Возникшее у него ощущение тревоги навело его на мысль совершить сегодня же вечером еще пару выходов из дома и пройтись возле этого коттеджа еще несколько раз.

Он повернулся и зашагал по бетонной дорожке прочь от кирпичного забора. Погруженный в свои мысли, он почти столкнулся с другим постояльцем гостиницы, примерно одних с ним лет, в смешной белой кепочке и белых туфлях.

– Прошу прощения, – сказал незнакомец, уступая дорогу Фонтейну.

– Pardon, monsieur! 6 – воскликнул растерянный герой Франции, от неожиданности переходя на свой родной язык. – Je regrette⁷... то есть это моя вина. Это я должен перед вами извиниться.

– О-о!

При звуках французской речи глаза незнакомца широко распахнулись, но быстро сузились снова, как будто он только что узнал нечто, но пытается это скрыть.

– Pardon, мы знакомы, мсье?

– Не думаю, – ответил пожилой человек в чудной белой кепочке. – Но слухами земля полнится. Великий герой Франции среди нас.

– Глупости. Война совпала с моей молодостью и горячностью, вот и все. Позвольте представиться. Жан-Пьер Фонтейн.

– Меня зовут... Патрик, Брендан Патрик...

– Приятно было познакомиться, мсье.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Чудесная природа, не правда ли?

– Красотища.

И снова Фонтейну показалось, что незнакомец изучает его, но как-то странно, стараясь не встречаться с ним глазами.

– Ну, мне нужно идти, – начал прощаться старичок в новеньких белых туфлях. – Врачи, знаете ли, рекомендуют гулять перед сном.

– Moi aussi⁸, – Жан-Пьер преднамеренно перешел на французский, и похоже было, что его новый знакомый понимает его. – Toujours le medecin a notre age, n'est-ce pas? ⁹

– Совершенно верно, – согласился старичок, кивнул и, приветливо помахав рукой, отправился дальше, смешно семеня тоненькими ножками в широких шортах. Фонтейн смотрел ему вслед, не сходя с места, и то, что, он знал, должно было произойти, произошло. Старичок остановился и медленно обернулся. С расстояния пять метров их взгляды встретились, и Жан-Пьеру этого было достаточно. Он улыбнулся в ответ и направился по дорожке в сторону своего коттеджа.

Еще один знак, и на сей раз еще более серьезный, чем первый. Три вещи были совершенно очевидны: первое – старичок в смешной кепочке понимал по-французски, второе – он знал, что «Жан-Пьер Фонтейн» на самом деле не тот, за кого он себя выдает, и не случайно оказался здесь, и третье... в его глазах был след Шакала. Mon Dieu¹⁰, как это похоже на монсеньора! Продумав и исполнив убийство и убедившись, что жертва мертва, он обычно убирал всех свидетелей, которые могли привести к нему или даже намекнуть на его участие. И для этого Шакал тоже использовал свою частную армию стариков. То, что, по словам служанки, он мог остаться в этом земном раю вплоть до последнего вздоха своей жены, еще ничего не означало. На самом деле щедрость Шакала никогда не заходила так далеко, и смерть его эмиссара и его жены последует вскоре после гибели женщины и детей.

В кабинете Джона Сен-Жака раздался телефонный звонок. Он снял трубку.

– Да?

– Они встретились, сэр, – возбужденно воскликнул управляющий.

– Кто они?

– Великий Воин и его почтенный родственник из Америки, из Бостона. Я бы позвонил вам раньше, но...

– О чем ты говоришь?

– Несколько минут назад, сэр, я их видел из окна. Они беседовали на дорожке. Мой уважаемый дядя, помощник губернатора, был совершенно прав!

– Просто отлично!

– У губернатора оценят наши усилия и, может быть, даже поблагодарят нас, и тем более моего проницательнейшего дядюшку.

– Ну, слава богу. Никто внакладе не останется, – с облегчением произнес Сен-Жак. – Надеюсь, теперь мы можем предоставить их самим себе, не так ли?

– Не знаю, сэр... Прямо сейчас, когда мы с вами разговариваем, к конторе приближается судья. Он очень спешит. Уверен, он собирается войти.

– Надеюсь, бить тебя он не будет. Наверно, он просто хочет поблагодарить нас. Помоги ему всем, чем сможешь. Со стороны Бас-Тер идет шторм, и нам может понадобится помощь губернаторства, если телефонная связь опять прервется.

– Я сам лично исполню все его пожелания, сэр.

– Но не переусердствуй. Чистить ему зубы не обязательно.

Брендан Префонтейн как вихрь ворвался в круговую галерею центрального здания со сплошной наружной стеклянной стеной. За несколько минут до этого, дождавшись, когда француз скроется в своем коттедже, судья бросился назад прямо к главному зданию гостиницы. Во все времена ему лучше всего думалось на ходу, и чем быстрее он двигался, тем лучше. Самые мудрые решения и объяснения связей явных и неявных событий приходили к нему на бегу. Только что он совершил одну глупейшую, но неизбежную ошибку. Неизбежную потому, что он не был готов к тому, что у стойки регистрации «Транквилити Инн» потребуется назвать имя и остальные личные данные, и поэтому не придумал ничего заранее. А глупую потому, что он только что, рекомендуясь герою Франции, назвал себя не своим привычным именем... Хотя, возможно, это было не так уж и глупо. Созвучность фамилий его и француза могла привести к нежелательным осложнениям, если бы после этого речь зашла о цели его визита на Монтсеррат. А цель его сводилась к элементарному вымогательству, так как он хотел узнать, что именно настолько перепугало Рэндольфа Гейтса, что его бывший студент нашел в себе силы расстаться с пятнадцатью тысячами долларов. Затем это знание можно было использовать в дальнейшем, чтобы заполучить еще больше. Нет, его поступок никак нельзя было назвать глупым. Однако следовало принять кое-какие меры предосторожности. Он стремительно пронесся к стойке, из-за которой ему приветливо улыбался высокий стройный чернокожий клерк.

– Добрый вечер, сэр, – с готовностью воскликнул услужливый негр, обратив внимание на то, что судья начал оглядываться по сторонам и испытал видимое облегчение, заметив, что в холле нет никого из постояльцев.

– Я попросил бы вас говорить чуточку потише, молодой человек.

– Я буду говорить шепотом, – произнес клерк почти беззвучно.

– Что вы сказали?

– Чем я могу помочь вам? – спокойным тоном осведомился негр.

– Не будем повышать голоса, хорошо?

– Конечно. Для меня это большая честь...

– Действительно?

– Определенно так, сэр.

– Ну что же, прекрасно, – сказал Префонтейн. – Могу я попросить вас об одном одолжении?..

– Все, что угодно!

– Тише!

– Разумеется.

– Как и многие другие люди преклонного возраста, я часто забываю некоторые вещи, вам понятно?

– Люди с вашим умом и мудростью время от времени могут позволить себе это...

– Что?.. Ну ладно. Я путешествую инкогнито, вы понимаете, что я имею в виду?

– Несомненно, сэр.

– Я записался у вас под фамилией Префонтейн...

– Да, точно так, – перебил его клерк. – Я в курсе.

– Это было ошибкой. В своем офисе я оставил наказ звонить мне сюда на имя мистера Патрика. Видите ли, это мое второе имя. Эта безвредная уловка должна была помочь мне получить столь необходимый для меня отдых.

– Я понимаю, – проронил клерк весьма конфиденциальным тоном, при этом облачиваясь о стойку и наклоняясь ближе к судье.

– В самом деле?

– Конечно. Такому знаменитому человеку и именитому гостю, как вы, мы просто обязаны пойти навстречу. Вам будет обеспечен желаемый вами покой. Так же как и он, вы можете рассчитывать на приуатнось пребывания в нашей гостинице. Будьте покойны, я все понял.

– Приуатнось?.. Вот, черт возьми...

– Я лично обо всем позабочусь, господин судья.

– Судья? Я не говорил вам о том, что я судья.

В глазах ошарашенного клерка мелькнул ужас.

– Только лишь из желания угодить вам, сэр... – пролепетал он.

– А «он» – это кто такой?

– Уверяю вас, никто в гостинице, кроме меня и ее владельца, не в курсе причин вашего частного визита, сэр, – прошептал клерк, снова пригибаясь над стойкой ближе к судье. – Полная приуатнось!

– Дева Мария, это та черная задница из аэропорта...

– Мой проницательный дядюшка, – продолжал клерк, пропуская тихое замечание Префонтейна мимо ушей, – сумел понять сам и объяснить нам, что нам выпала честь иметь дело со знаменитостями, желающими полнейшей конфиденциальности и секретности. Видите ли, он сразу же перезвонил мне после вашего отлета...

– Ну ладно, ладно, молодой человек. Я понял, что вы имели в виду, и благодарен вам за вашу старательность. Прошу исправить мою фамилию на Патрик, и если кто-нибудь, будь то особа женского или мужского пола, станет спрашивать меня, называйте им именно эту фамилию. Мы поняли друг друга?

– Я понял абсолютно все, дорогой сэр.

– Ну, дай бог.

Буквально уже через четыре минуты управляющему пришлось снова бежать к телефону и снимать трубку.

– Стойка регистрации, – сказал он в микрофон поставленным голосом, как будто отпуская благословение.

– Это мсье Фонтейн из коттеджа одиннадцать.

– Да, сэр. Это большая честь для меня... для нас... для всех нас.

– Merci! Не могли бы вы помочь мне в одном деле? Примерно с четверть часа назад, во время прогулки по дорожкам вашего замечательного курорта,

я встретил одного очаровательного американца в белом кепи, примерно одних со мной лет. Я хотел когда-нибудь пригласить его на коктейль, но, к сожалению, боюсь, не расслышал его имя.

«Он проверяет меня, – подумал управляющий. – Великие люди не только имеют свои тайны, но еще и обеспокоены надежностью тех, кто призван охранять их».

– Судя по вашему описанию, сэр, вы повстречались с очаровательным мистером Патриком.

– Ах да. Кажется, так его и звали. Это ирландское имя, не американское, но сам он из Штатов, не так ли?

– Это американский ученый, сэр. Из Бостона, штат Массачусетс. Он живет в коттедже четырнадцать, в третьем по счету после вашего. Вы можете позвонить ему сами. Просто наберите семь-ноль-один.

– Да, конечно. Большое спасибо. Но если вы встретите мистера Патрика, прошу вас, не говорите ему о нашем разговоре. Вы знаете, моя жена плохо себя чувствует, и я должен специально выбрать время для приглашения, подходящее для нее.

– Я никогда ничего не говорю понапрасну, сэр, если только меня об этом специально не попросили. Сейчас и потом во всем, касающемся конфиденциальности вашей персоны и мистера Патрика, мы будем следовать инструкциям губернатора Ее Величества.

– Вы и вправду так поступите? Что же, весьма похвально. Adieu!2.

«Отлично сработано!» – радостно подумал управляющий, вешая трубку. Великий человек понял скрытый смысл его слов, и замечательный дядя несомненно оценит проницательность и тактичность своего племянника. Не только его быструю реакцию в ситуации, когда потребовалось дать новое имя постояльцу из коттеджа четырнадцать, но и, что более важно, использование в разговоре слова «ученый», что может означать как просто высокообразованного человека в общем, так и судью в частности. И наконец, упоминание того, что он целиком и полностью следует инструкциям губернатора. Путем использования тонких и продуманных намеков и инсинуаций он сумел сказать великому человеку все, не нарушая при этом его конфиденциальности. От остроты сложившейся ситуации у молодого управляющего захватило дух. Он был доволен. Он должен немедленно созвониться со своим дядей и разделить с ним их общий триумф.

Фонтейн молча сидел на краю кровати и баюкал на коленях телефон, глядя в сторону балкона на свою жену. Она по-прежнему сидела в кресле-каталке. Неподалеку от нее, на столике, стоял бокал с белым вином. Лицо ее было повернуто в профиль к нему, глаза закрыты, голова запрокинута на подголовную подушечку, будто в приступе боли.

...Боль! Весь этот жуткий мир наполнен болью. Он сам был готов к ней, ожидал ее всегда и не желал пощады. Но его жена... Это другое. Она никогда не была частью их договора. Его жизнь – да, конечно, но не ее. До тех пор, пока в ее хрупком теле не угасло дыхание, она принадлежит только ему. Non, monseigneur. Je refuse! Ce n'est pas le contrat! 13 Итак, армия стариков Шакала перенеслась за океан. Что же, этого следовало ожидать. И этот американец ирландского происхождения, в смешной белой кепочке, ученый человек, по тем или иным причинам вступивший в клан террористов, должен стать их палачом. Этот человек, изучавший его и притворяющийся, что не знает французского, нес в своих глазах знак Шакала. «Во всем, что касается вашей персоны и мистера Патрика, мы будем следовать инструкциям губернатора Ее Величества». Губернатора, передавшего ему указания от его хозяина, мастера смерти из Парижа. Около пяти лет назад, после десяти более чем продуктивно проведенных под руководством монсеньора лет, ему было разрешено пользоваться, но только в случае крайних ситуаций, номером телефона в одном из парижских предместий. До сегодняшнего дня он звонил туда только однажды, но сейчас, видимо, пришла пора снова воспользоваться этим номером. Мужчина изучил в справочнике систему международной связи, снял трубку и набрал номер. После двухминутной паузы, наполненной писком соединительных сигналов, на другом конце линии сняли трубку и ровный мужской голос, на фоне приглушенной духовной музыки, произнес:

– Le Coeur du Soldat 14.

– Мне нужно поговорить с Черным Дроздом, – сказал Фонтейн по-французски. – Я – Париж Пять.

– Если это будет возможно, то куда Дрозд сможет вам перезвонить?

– Карибы.

Фонтейн назвал код, телефонный и добавочный номер коттеджа одиннадцать. Затем повесил трубку и, совсем пав духом, остался сидеть на диване. Он отдавал себе отчет в том, что, возможно, в данный момент истекают последние часы жизни на земле его и его жены. Если это так, то он, они должны взглянуть в лицо своему божеству и услышать от него слова правды. Его убьют, сомнений в этом не было, но лично он никогда не причинил вреда ни одной невинной душе, а только тем, кто и сам был вовлечен в круг ужасных и кровавых преступлений. Исключение, вероятно,

могли составлять пять или шесть человек, он не знал точно, случайных прохожих и зевак, погибших во взрыве около штаба немецких войск. Вся наша жизнь есть боль, разве не так сказано в Писании?.. Но, с другой стороны, что за бог допускает такую жестокость? Merde! Не смей думать о таких вещах! Они вне нашего понимания.

Раздался телефонный звонок. Фонтейн схватил трубку и припал к ней ухом.

– Это Париж Пять, – сказал он.

– Дитя господне, что же заставило тебя позвонить туда, куда ты до этого звонил только один раз за все время нашей связи?

– Ваша щедрость безгранична, монсеньор, однако я хочу изменить условия нашего договора.

– Каким образом?

– Моя жизнь в ваших руках, и взять ее или оставить мне – это ваша воля или милосердие, но это не должно касаться моей жены.

– Что?!

– Этот человек, ученый из Бостона. Он следит за мной своими жадными глазами, где бы я ни был, и в этих глазах я читаю все его мысли.

– Этот высокомерный глупец самолично прилетел на Монтсеррат? Он же ничего не знает!

– Нет, уверяю вас, по нему видно, что он знает все. Я сделаю то, что вы приказали, но, прошу вас, позвольте нам вернуться в Париж... Умоляю вас. Позвольте ей умереть в мире, и я больше от вас ничего не попрошу.

– Ты просишь меня об этом? Но ведь я дал тебе слово!

– Но почему тогда этот ученый человек из Америки ходит за мной по пятам с непроницаемым лицом и острым, все замечающим взглядом, монсеньор?

Глубокий, глухой кашель на другом конце линии был ему ответом. Отдышавшись, Шакал сказал:

– Знаменитый профессор права теперь сам преступил закон, прикоснувшись к тому, что его не касалось. Считайте, что он покойник.

Пройдя через холл их элегантного дома, находящегося на площади Луисбург в Бостоне, Эдит Гейтс, жена знаменитого адвоката и профессора права, бесшумно открыла дверь личного кабинета своего мужа. Он неподвижно сидел в своем любимом большом кожаном кресле перед

камином, где весело и жарко трещали дрова. Несмотря на жару бостонского вечера за стенами дома и центральное отопление и кондиционеры внутри, он неукоснительно требовал, чтобы камин постоянно топился. Рассматривая неподвижную фигуру в кресле, миссис Гейтс опять ощутила болезненный укол от сознания того, что есть такие... вещи... касающиеся ее мужа, которые теперь стали недоступны ее пониманию. События и поступки в его повседневной жизни, ход мыслей, который она не могла понять или даже назвать, если бы ее кто-нибудь спросил. Время от времени ее муж испытывал невыносимые душевные муки, и он нисколько не пытался избавиться от них или разделить с ней.

Тридцать лет назад довольно привлекательная и достаточно обеспеченная молодая женщина вышла замуж за очень высокого, нервного, талантливого, но бедного выпускника юридического факультета, чья пылкость и талантливость были отвергнуты ведущими фирмами тех холодноватых и равнодушных пятидесятых. Способности к софистике, погоня за безопасностью и осторожность казались управляющим этих фирм значительно более ценными качествами по сравнению с достоинствами активного, ищущего молодого человека с пытливым умом, особенно потому, что этот ум скрывался внутри неопрятно подстриженной головы на теле, одетом в дешевую имитацию одежды от Джи Пресс и братьев Брукс. Плачевное состояние банковского счета молодого юриста не давало возможности ожидать в будущем перемен к лучшему в его внешности. Кроме того, очень малое число дешевых магазинчиков могло предоставить ему одежду нужного роста.

Новоиспеченная миссис Гейтс, однако, имела ряд идей насчет того, как можно их совместными усилиями привнести прогресс в семейную действительность. Так, она предложила отложить до времени немедленное развитие карьеры действующего юриста – лучше ни с чем, чем с посредственными фирмами или, боже сохрани, частной практикой с кругом клиентов, которых он способен был привлечь в настоящее время, а именно теми, кто по финансовым причинам не мог позволить себе хорошего адвоката. Значительно лучше было на первых порах использовать его природные дарования, коими были внушительный рост и живой, хорошо впитывающий знания ум, что, совмещенное с напористостью, давало ему возможность с легкостью осваивать академические курсы. Черпая средства из своих скромных капиталов, Эдит внесла существенные поправки и в гардероб мужа, покупая одежду именно в тех магазинах, в каких надо, наняла преподавателя ораторского искусства из театральных сфер, натаскавшего Рэндольфа в драматической подаче и сценической аранжировке выступлений на публике. Нервный выпускник университета оказался достойным учеником и вскоре несказанно удивил всех внешним блеском Джона Брауна и изящной

словесностью Линкольна. Кроме того, оставаясь в университете и занимаясь некоторую часть времени со студентами, он принялся прокладывать себе дорогу к вершинам юриспруденции, получая одну за другой разнообразные ученые степени и мало-помалу завоевывая славу абсолютного и неопровержимого эксперта в специфических областях применения законодательства. Постепенно он обнаружил, что фирмы, прежде отвергавшие его, теперь настойчиво ищут с ним контакта.

Вся стратегия, от начала до появления первых конкретных результатов, заняла около десяти лет, и хотя первые успехи не были сногсшибательными, все-таки они представляли собой существенный прогресс. Юридические журналы, сначала среднего уровня, а затем и ведущие, начали публиковать его несколько спорные статьи как из-за их стиля, так и из-за содержания, отмечая цветистость, язвительность, привлекательность для читателя и вообще очевидный талант молодого ассистента в области печатного слова. Но известность в кругах финансовых деятелей принесла ему как раз скрытая острота и тревожность его мнений и высказываний, ранее не любимые многими. Сознание нации изменялось, покров благосклонного Высшего Света начал трещать, в салонных разговорах стали появляться ключевые словечки, запущенные в обиход «никсоновскими мальчиками», – такие, как «молчаливое большинство», «общественное благосостояние» и пресловутое – «Они». Новые понятия, подобно утреннему туману, поднимались от земли и распространялись повсеместно. Здесь не у дел оказался приличнейший Форд, начисто лишенный восприятия нового и получивший под занавес смертельную рану Уотергейта, а также и Картер, которого, несмотря на его необыкновенный личностный талант, погубила чрезмерная увлеченность благотворительными актами. Фраза «Что я могу сделать для моей страны?» вышла из моды, уступив место новому лозунгу: «Что я могу сделать для себя?».

Доктор Рэндольф Гейтс ловко оседлал гребень проносящейся мимо него волны, имея в запасе сладкоречивый тон и лексикон, насыщенный модными терминами, как нельзя лучше соответствующими расцвету новой эры. В его слегка подрафинированных научных теориях, юридических, экономических и социальных, слово «огромный» было хвалебным понятием и «больше» было предпочтительнее перед «меньше». Выдаваемые им на-гора законы новейшей рыночной экономики целиком и полностью оправдывали удушение промышленными китами окружающей их мелюзги, из чего делался вывод о пользе роста индустриального развития для всех... ну, практически для всех. Мы живем в дарвинистском мире, и здесь выживает сильнейший и, нравится вам это или нет, наиболее приспособленный, – примерно такой была основная мысль его работ. При виде такой милой откровенности финансовые манипуляторы дали знак, пружинка щелкнула, и

во славу вознесенного на иконостас настоящего и живого ученого воспелись гимны, загрохотали барабаны и загромыхали цимбалы. Купи, надбавь свое и продай, и все это, конечно, для пользы остальных. Полный вперед!

Рэндольф Гейтс был призван и с охотой и живостью отдался в новые руки, принявшись завораживать при помощи своей словесной гимнастики аудиторию за аудиторией. Он наконец нашел свое место, но его жена, Эдит Гейтс, не была уверена, что это именно то, о чем шел изначальный разговор. Она желала комфортабельного существования, что было естественно, но совсем не была готова к миллионам и частным полетам на реактивных самолетах через весь мир, от Палм-Спринг до Южной Франции. Особенно беспокойно она себя чувствовала, когда выступления и статьи ее мужа применялись для публичного оправдания некоторых действий и судебных эксцессов, поражающих своей очевидной наглостью и более того, в некоторых случаях – несправедливостью. Он отмахивался от ее тревожных вопросов, оправдываясь тем, что это не его вина и использованные им параллели с юриспруденцией просто были не так поняты. В довершение всего вот уже около шести лет они спали в разных кроватях и в отдельных спальнях.

Войдя в кабинет, она растерянно остановилась у порога, заметив, что при звуке ее тихих шагов Гейтс вздрогнул и быстро повернул голову. Глаза его были широко открыты и тревожны.

– Извини, я не хотела тебя пугать.

– Ты всегда раньше стучала. Почему ты не постучала сейчас? Ты ведь знаешь, что я не люблю, когда мне мешают сосредоточиться.

– Я же сказала – извини. У меня голова занята разными мыслями, и я не подумала...

– А вот тут явное противоречие.

– Не подумала о том, что нужно постучать, вот что я имела в виду.

– Ну и чем занята твоя голова? – спросил титулованный юрист таким тоном, будто сомневался в присутствии таковой у своей жены.

– Не нужно со мной так, прошу тебя.

– Так в чем дело, Эдит?

– Где ты был этой ночью?

Гейтс насмешливо поднял брови:

– Бог мой, ты что же, подозреваешь меня? Я говорил тебе, где я был. В отеле «Риц». На встрече с одним человеком, которого я знал много лет назад и не хотел бы принимать у нас в доме. Если в твоём возрасте тебе ещё нужны доказательства, позвони в «Риц».

Эдит Гейтс несколько секунд молча рассматривала своего мужа.

– Дорогой мой, – наконец сказала она, – поверь, меня ни капли не волнует то, что ты, может быть, путаешься с самой похотливой шлюхой из самого дешевого борделя. Кто-то же должен угостить ее выпивкой, чтобы поддержать ее уверенность в себе.

– Неплохо, сучка.

– Навряд ли тебя принимают в их среде за жеребца, скотина.

– Выходит, это и есть предмет нашей беседы?

– Именно. Кроме того, с час назад, как раз перед твоим возвращением домой из офиса, к нам приходил один человек. Денис чистила серебро, поэтому открывала ему я. Должна сказать, его вид произвел на меня впечатление. Он был одет в вызывающе дорогой костюм и приехал сюда на черном «Порше»...

– И что дальше? – нетерпеливо перебил ее Гейтс, нагибаясь в кресле вперед. Взгляд его вновь расширившихся глаз был ожидающим и взволнованным, если не сказать более.

– Он сказал мне, что le grand profeseur¹⁵ задолжал ему двадцать тысяч долларов и что тебя прошлой ночью не было там, где ты должен был находиться. Имелся в виду отель «Риц», не так ли?

– Нет. Что-то выплыло наружу... О господи, он не так понял. Что он еще сказал?

– Мне не понравился ни его тон, ни его манеры. Я ответила, что не имею никакого понятия о том, где ты был. Он знал, что я лгу, но более ничего не сказал.

– Хорошо. Ложь – это то, в чем он разбирается.

– Не думала, что двадцать тысяч станут для тебя проблемой...

– Дело не в сумме, а в том, за что ее требуют.

– Так за что же?

– Ни за что.

– Мне кажется, такие вещи ты и называешь противоречивыми, а, Рэнди?

– Заткнись!

Резко и требовательно зазвонил телефон. Гейтс вскочил с места и уставился на аппарат, не делая при этом ни малейшей попытки подойти к столу и снять трубку. Вместо этого он умоляюще посмотрел на жену и попросил внезапно охрипшим голосом:

– Эдит, кто бы это ни был, скажи ему, что меня нет... Я уехал, меня нет в городе, и ты не знаешь, когда я вернусь.

Эдит подошла к столу с телефоном.

– Мало кто знает этот номер. Это твоя частная линия, – заметила она, снимая трубку после третьего звонка. – Резиденция профессора Гейтса, – сказала она.

В течение последних лет отвечать по телефону стало ее основным занятием. Друзья узнавали ее по голосу, а остальным не было до нее никакого дела.

– Да... да. Извините, он уехал, и я не знаю, когда он вернется.

Миссис Гейтс удивленно посмотрела на телефонный аппарат и повесила трубку.

– Звонили из Парижа. Я разговаривала с телефонисткой... Странно. Кто-то хотел с тобой поговорить, но она даже не спросила меня, где тебя можно найти. Просто повесила трубку. Сразу же.

– О боже мой! – всхлипнул Гейтс. Его заметно била дрожь. – Что-то случилось... что-то не так, какая-то ошибка!

После этого загадочного восклицания знаменитый юрист повернулся и рванулся к противоположной стороне комнаты, нащупывая что-то в кармане брюк. Он подошел к одной из книжных полок, занимающих всю стену от пола до потолка, в которую на уровне его груди был врезан в дерево небольшой стальной ящик, напоминающий сейф. Внезапно запаниковав, как будто вспомнив о чем-то, что он выпустил из виду, он повернулся и яростно закричал, обращаясь к своей жене:

– Убирайся отсюда! Убирайся, убирайся, убирайся!

Эдит Гейтс медленно подошла к двери, но, перед тем как выйти из кабинета, повернулась и грустно и очень спокойно сказала:

– Это связано с Парижем, ведь так, Рэнди? Семь лет назад в Париже. Это произошло там, правда? Ты вернулся оттуда насмерть перепуганный, но никому ничего не сказал.

– Во-он! – заверещало светило юриспруденции, дико вытаращив глаза.

Эдит вышла за дверь, прикрыла ее за собой, но не отпустила ручку, придержав ее так, чтобы язычок защелки остался утопленным в замке. Через минуту она снова приоткрыла дверь на несколько сантиметров и заглянула внутрь.

То, что она увидела, поразило ее несказанно. Это было настолько невероятно, что она даже представить себе этого не могла. Мужчина, с которым она прожила более тридцати пяти лет, столп законности, чье отрицательное отношение к табаку и алкоголю стало притчей во языцех, трясущимися руками вводил себе в вену иглу блестящего шприца.

Глава 10

Тьма опустилась на городок Манассас, штат Виргиния. Подлесок, окружающий «ферму» генерала Нормана Свайна, через который осторожно пробирался Борн, уже наполнился особыми, ночными звуками. Обеспокоенные его появлением, чуткие птицы зашумели в темных ветвях над головой. Проснувшиеся вороны постарались перебудить всех, кого только можно, но, как ни странно, очень быстро успокоились, будто по приказу своего тайного начальника.

Переходя от дерева к дереву, осторожно ступая, Джейсон прикидывал, встретится ли это на его пути или нет. Но она была там, высокая изгородь, ограда из толстых перекрещивающихся стальных прутьев, укрепленных в зеленой пластиковой основе, со спиральными витками колючей проволоки, лежащих на наклонных металлических уголках, приваренных к верхней части. Вход воспрещен. Снова Пекин. Заповедник Дзинь Шан. Внутри азиатского уголка дикой природы было что скрывать, и на это указывали все писанные и физические преграды. Но что заставило генерала, по сути дела обыкновенного чиновника на государственной ставке, воздвигнуть вокруг своей «фермы» подобную преграду стоимостью в тысячи долларов? Забор не предназначался для препятствия проникновению животных, это сооружение было направлено против людей.

Так же как в Китае, в прутьях не было охранной сигнализации, так как звери и птицы, то и дело касающиеся конструкций забора, сделали бы такую меру бесполезной. По тем же причинам вблизи забора не было скрытых инфракрасных детекторов. Их следовало ожидать на подступах к основному зданию. Борн достал из переднего кармана пояса кусачки и занялся нижними прутьями забора, находящимися около самой земли, перерезая их один за другим. С каждым новым прутком он убеждался в очевидном и неизбежном, и это подтверждалось учатившимся дыханием и каплями пота, выступившими на лбу. Можно было старательно поддерживать свое тело в форме, регулярно занимаясь гимнастикой и бегом, но ему стукнуло пятьдесят, и возраст давал о

себе знать. Черт, конечно, впредь нужно будет это учитывать. Но с каждым новым перерезанным прутом проблема уходила все дальше и дальше. Была Мари с детьми, и он должен будет сделать все, что от него потребуется. В душе у него не осталось и следа от Дэвида Вебба, там царил убийца и хищник Джейсон Борн. Он сделал это! Горизонтальные прутья были перекушены, за ними последовали вертикальные в нижнем ряду. Он ухватился за решетку обеими руками и начал отгибать ее внутрь, с трудом завоевывая каждый новый фут пространства. Протиснувшись через образовавшееся узкое отверстие за ограду, он мгновенно вскочил на ноги, настороженно бросая во все стороны испытующие взгляды, стараясь разглядеть в темноте возможного противника. Тьма не была полной, он видел окружающее его пространство, раскидистые ветви сосен, освещенные отдаленным светом, исходящим из большого дома. Медленно и осторожно ступая, он двинулся туда, где, по его расчетам, должна была находиться кольцевая объездная дорога. Достигнув края асфальта, он лег под ветви елей, переводя дыхание, собираясь с мыслями и осматриваясь. Неожиданно где-то справа от него, в конце ответвляющейся от основной дороги покрытой гравием аллеи, блеснул свет. В небольшом домике в конце аллеи открылась дверь. Яркий луч света исходил именно из нее. Из домика вышли двое мужчин и женщина. Они очень громко разговаривали друг с другом, нет, не просто разговаривали... они жарко спорили или даже ругались. Борн достал миниатюрный мощный бинокль и приложил окуляры к глазам. Голоса троицы становились все громче, оставаясь неразборчивыми, но в них совершенно явственно ощущались возбуждение и ярость. Быстро настроив бинокль и сфокусировав его на приближающихся к нему фигурах, Борн сразу же узнал в протестующем человеке среднего роста и телосложения с отличной выправкой, про таких говорят – будто аршин проглотил, пентагоновского генерала Свайна. Женщина с прямыми черными волосами и большим бюстом была женой генерала. Однако особенно заинтересовал и озадачил Джейсона третий человек, толстый и неуклюжий. Борн был уверен в том, что они знакомы. Джейсон не помнил, где и при каких обстоятельствах они познакомились, очевидно при самых обычных, но его внутренняя реакция на образ этого человека отнюдь не была обычной! Возникшее чувство можно было бы охарактеризовать как крайнюю степень отвращения, но в чем была его причина, он не понимал, так как никаких связей с прошлым при взгляде на этого человека ему на ум не приходило. Только омерзение и желание держаться от него подальше. Почему сейчас эти ощущения не сопровождаются никакими образами событий и ситуаций, обычно возникающими на внутреннем экране его сознания без особого напряжения памяти? Рассматривая через бинокль массивную фигуру, Борн

не ощущал сейчас ничего такого. Единственное, что он знал наверняка, так это то, что перед ним враг.

Внезапно толстяк сделал одну очень неожиданную и странную вещь. Он протянул левую руку к жене Свайна и обнял ее за плечи, одновременно правой рукой отодвинув генерала в сторону и выкрикнув ему что-то в лицо. Генерал реагировал на происшедшее со стоическим терпением, смешанным с деланным безразличием. Он повернулся по-военному кругом и зашагал через лужайку в сторону большого дома. Проследив за тем, как фигура Нормана Свайна скрылась в темноте, Борн перевел бинокль обратно к двум оставшимся силуэтам, четко выделяющимся на фоне освещенного прямоугольника дверного проема. Высокий тучный мужчина снял руку с плеча женщины и принялся что-то торопливо ей втолковывать. Выслушав его, она кивнула, быстро коснулась губами его губ и почти бегом бросилась вслед за мужем. Ее спутник проществовал обратно к дверям домишка, вошел внутрь и с силой захлопнул за собой дверь. Кусок лужайки перед домиком снова погрузился во тьму.

Джейсон спрятал бинокль обратно в чехол на поясе и постарался мысленно разобраться в том, что увидел. Действие, развернувшееся перед ним, напоминало немое кино без субтитров, однако с мимикой значительно более живой и без наигранной театральности. Имеющий место на территории, обнесенной забором, любовный треугольник был ясен без лишних слов, однако это отнюдь не объясняло присутствие самого забора. Тут было нечто иное, и именно это ему следовало выяснить.

Каким-то шестым чувством он понимал, что тайны этого места неким образом связаны с массивной медведеобразной фигурой, только что в большом раздражении скрывшейся за дверью. Он должен будет пробраться в этот дом и добраться до этого человека, непонятным образом сочетающегося с выпавшим из памяти куском прошлой жизни. Борн осторожно поднялся на ноги и, перебегая от сосны к сосне, переместился к асфальтовой кольцевой дороге и оттуда, укрываясь за растущими вдоль нее деревьями, к узкому, покрытому гравием ответвлению.

Внезапно, встревоженный новым звуком, не относящимся к монотонному шороху леса, он присел на корточки и замер. Хрустя камнями и разбрасывая их в стороны, где-то ехала машина. Он несколько раз перекатился по земле в сторону ближайшей сосны и укрылся в темноте под низкими разлапистыми ветвями, стараясь на слух определить направление источника звука.

Через несколько секунд он увидел, как по кольцевой дороге пронесся силуэт машины, свернувшей в его сторону на боковую гравийную аллею. При ближайшем рассмотрении прокатившийся мимо механизм показался ему

довольно странным. Автомобиль представлял собой нечто среднее между трехколесным мотоциклом и гольф-картом, с широкими и ребристыми шинами, подходящими для быстрой езды, а также дающими хорошую устойчивость на бездорожье. Машина, зловещей обтекаемой формы, имела полностью закрытую кабину водителя с пуленепробиваемыми стеклами. На задней части ее кузова торчала длинная гибкая антенна, из чего следовало, что, в случае внезапного нападения, водитель, укрывшись в кабине от пуль, мог вызвать по радио из большого дома подмогу. Машина затормозила в конце гравийной дороги, рядом с домиком. «Ферма» генерала Свайна оказалась изнутри даже более странной, чем это можно было предположить. Пугающей, если не сказать жуткой. Второй трехколесный механизм вынырнул из тени, отбрасываемой домиком. В свете фар домик оказался бревенчатой хижиной, наподобие охотничьих. Приоткрыв дверцы, оба водителя выглянули наружу. Резкие громкие слова из невидимого громкоговорителя заставили их одновременно, подобно роботам, повернуть головы в сторону зашторенных окон хижины, сквозь которые пробивался тусклый желтый свет.

– Проверьте ворота и запирайте их, – скомандовал усиленный динамиком голос. – Спустите собак и продолжайте патрулирование.

Машины сорвались с мест, совершили изящный разворот, двигаясь в унисон, словно в хорошо отрепетированной хореографической композиции, и, форсируя двигатели, разъехались в противоположные стороны. Вскоре они исчезли за деревьями. При упоминании о собаках Борн инстинктивно выхватил из подмышечной пластиковой кобуры газовый пистолет и поспешно пополз под ветками сосен обратно к забору. Если собаки будут нападать группами, то выбора у него не будет. Ему придется забраться по ячеистой сетке на забор и перебраться через спирали колючей проволоки наружу. Двухзарядный газовый пистолет мог обезвредить только двух животных, времени для перезарядки не останется. Он присел около изгороди и принялся ждать, следя за куском леса, видимым под ветвями сосен.

Неожиданно и бесшумно, как призрак, на гравийной дороге появился доберман. Зверь двигался уверенно, но явно не чуя чужого запаха и не имея целью преследовать кого-то, намереваясь лишь занять свое место. Появилась еще одна собака, на этот раз длинношерстый шеферд. Пес замедлил свой бег, скорее инстинктивно, чем преднамеренно. Собака была обучена охранять определенный кусок территории, регулярно совершая ее обходы и делая остановки в особых точках. Пес замер на дороге, приюхиваясь к ночным запахам. Борн рассматривал животное, стараясь не шевелиться и дышать как можно тише, постепенно понимая устройство охраны поместья генерала. В распоряжении Свайна была свора бойцовых и сторожевых собак, причем

только кобелей. Каждый из них имел свой участок, отведенный ему дрессировщиком, который животное стерегло от соседей, ревностно помечая предоставленное владение мочой. Это был излюбленный и недорогой способ охраны, издавна практикующийся среди азиатских крестьян и мелких землевладельцев, высоко ценящих специально обученных для этой цели псов. Используя их, хозяева получали покой и уверенность в том, что урожай, без которого им не выжить в зимние месяцы, останется в целостности и сохранности. Собаки надежно стерегли свои участки от воров, причем в случае опасности бросались друг другу на выручку. Азия. Вьетнам... «Медуза». Господи, он вспомнил! Расплывчатые неясные образы, тени. Молодой сильный мужчина в военной форме выходит из джипа и, теперь Борн видит все абсолютно ясно, начинает кричать на кучку хмуро слушающих его людей. Эти люди представляли собой остатки ударной группы, прикрывающей отход остальных под артиллерийским огнем северных вьетнамцев. Они попали в засаду во время неудачного рейда в район Тропы Хо Ши Мина. Этот же человек, постаревший и оплывший жиром, только что был в объективах его бинокля. Тогда, много лет назад, он должен был доставить им снаряжение. Амуницию, боеприпасы, гранаты, радиопередатчики. Но он ничего не привез! Только разнос от командования из Штаба в Сайгоне, что «вы, чертовы нелегалы, только и знаете, что объедать нас!». Но это было не так. По вине Сайгона, бюрократии в Штабе и проволочек в тот день погибло и попало в плен двадцать шесть бойцов «Медузы».

Теперь Борн видел прошлое так ясно и отчетливо, как будто это случилось только час назад, минуту назад. Он выхватил из кармана пистолет и внезапно упер его стволом в лоб человека в американской военной форме:

– Еще одно слово – и ты мертв, сержант.

Этот человек был сержантом!

– Ты доставишь нам все, что мы требовали, в район ноль-пять-сто к завтрашнему утру, или я самолично приеду в Сайгон и размажу твои мозги по стене твоего любимого борделя. Я ясно выражаюсь или мне все-таки придется навестить тебя? Откровенно говоря, после наших потерь я мог бы пустить тебя в расход прямо сейчас.

– Вы получите все, что вам нужно.

– *Tres bien!*¹⁶ – одобрительно проронил самый старый член «Медузы», француз по национальности. Годы спустя он спас Борну жизнь в заповеднике около Пекина. – *Tu es formidable, mon fils!*¹⁷

Как он был прав тогда и как мертв он теперь. Де Анжу, человек, о котором буквально ходили легенды.

Воспоминания Джейсона были грубо прерваны. Длинношерстый бойцовый пес внезапно начал кружить на дороге, громко рыча, очевидно поймав ноздрями незнакомый человеческий запах. Через секунду животное определило направление, и его ярости уже не было предела. Пес прыжками помчался по листве, издавая низкое горловое рычание, весь объятый единственным желанием – убивать. Борн прижался спиной к забору, выставив вперед правую руку с газовым пистолетом, одновременно приготовив к быстрой контратаке левую. Одно неверное движение могло по меньшей мере испортить ему сегодняшний визит к генералу или... про это даже не хотелось думать. Объятое яростью животное прыгнуло и понеслось в воздухе, подобно торпедe, неудержимое и не видящее ничего, кроме своего врага. Борн дважды нажал на курок, выпустив по очереди оба заряда, затем, поймав под левую руку голову ослепшей собаки, резко повернул ее череп слева направо, ломая шейные позвонки, одновременно сокрушая ударом колена правой ноги ребра и лапы. Через мгновение, наполненное яростью, паникой и болью, все было кончено. Из горла пса не вырвалось ни звука. Вокруг поляны продолжал монотонно шуметь лес. Покрытое густой шерстью тело животного обмякло в руках Борна. Широко раскрытые глаза собаки замерли и остекленели. Джейсон осторожно опустил неподвижное тело зверя на землю и быстро снова встал в полный рост, прислушиваясь, готовый к отражению следующего нападения.

Прошло несколько минут, но других собак не появилось. Разделенный изгородью лес продолжал жить спокойной ночной жизнью. Джейсон убрал газовый пистолет в кобуру и двинулся вперед, по направлению к гравийной дороге. Только сейчас он почувствовал, что все его тело покрылось потом. Капли соленой влаги скатывались по лбу, попадали в глаза и смачивали губы. Он слишком, слишком долго был не у дел. Лет десять назад заткнуть пасть такому псу не составило бы ему никакого труда – *un exercice ordinaire*¹⁸, как сказал бы Де Анжу, человек-легенда. Но сейчас это уже не было заурядной разминкой. Чувство, овладевшее им через минуту после схватки, сковывающее движения и мешающее мыслям, можно было назвать страхом. Чистейшим, неподдельным страхом. Почему же он не может снова стать тем человеком, каким был когда-то? Этот человек нужен ему здесь, сейчас, потому что Мари и дети в опасности. Так или иначе, он будет здесь, он обязан быть!

Борн достал бинокль и снова приник к окулярам. Проносящиеся по небу облака то и дело закрывали луну, но света было вполне достаточно. Он, не торопясь, изучил полосу кустарника, растущего вдоль кирпичного забора между воротами. В конце концов он нашел то, что искал. Черный мускулистый доберман, похожий на рассерженную пантеру, возбужденно носился взад и вперед вдоль кирпичной кладки забора, останавливаясь то тут,

то там, чтобы задрать лапу или сунуть свою вытянутую морду в кусты. Вышколенный пес строго придерживался своего маршрута, проходящего между двумя запертыми воротами, перекрывающими подъездную дорогу. В обеих конечных точках пес глухо рычал, тряс головой и вздрагивал, как будто от незаслуженного наказания в виде удара током. И снова метод дрессировки собак, восходящий к Вьетнаму. Солдаты натаскивали собак, охраняющих склады с оружием и амуницией, с помощью электрических разрядников с дистанционным управлением, жестоких устройств, вставленных в ошейник. Джейсон перевел бинокль к дальнему углу широкой лужайки перед большим домом. Там он обнаружил еще одно животное, третье по счету, массивного веймеренера, добродушную на вид собаку, но невероятно агрессивную и опасную при нападении. Пес шнырял по кустам, по всей видимости разыскивая белку или кролика. Собака молчала, следовательно, запах Борна до нее не доносился. В противном случае знаком к атаке стало бы приглушенное горловое рычание.

Джейсон обдумал увиденное, прикидывая, как действовать дальше. Судя по общей площади поместья Свайна, вдоль всего забора и на территории могло быть рассредоточено от десяти до пятнадцати собак. Но почему так? Почему было не собрать собак в своры, что было бы более действенным и устрашающим способом охраны? Материальная сторона дела, беспокоящая азиатских землевладельцев, здесь вряд ли принималась во внимание... Неожиданно он все понял, объяснение было настолько очевидным, что даже сразу не бросалось в глаза. Он еще раз внимательно рассмотрел добермана и веймеренера, мысленно добавляя к ним хорошо запомнившегося ему немецкого шеферда. Эти звери не были обычными сторожевыми псами. Они явно были чем-то еще. Все животные являлись превосходными образцами своих пород, тщательно отобранными и заботливо выращенными. Выставка коллекции сверхпородистых собак днем и надежная охрана из безжалостных хищников ночью, вот в чем было дело! Конечно же! Собственность генерала, его «ферма», не была тайной, она часто и охотно посещалась его друзьями, соседями и коллегами, чья зависть, вызванная подобной роскошью, не могла не польстить Свайну. Гости любовались выхоленными чемпионами, запертыми в надежных клетках при дневном свете, не зная о том, чем эти животные были на самом деле. Генерал Свайн, сотрудник Пентагона, выходец из «Медузы», представлялся страстным любителем породистых собак, что подтверждалось чистотой кровей его питомцев. Содержание пород могло влетать ему в копеечку, но в военной этике не было ничего, возбраняющего подобное увлечение.

Еще одна фальшивка. Если допустить, что этот аспект внешнего облика поместья был тщательно продуман и создан для отвода глаз, то и все

остальное в этой «ферме» было поддельным, включая и сфабрикованное «наследство», позволившее легализовать это приобретение. «Медуза».

Один из двух странных трехколесных механизмов выскочил из тени, отбрасываемой центральным зданием на противоположной стороне лужайки, и покатился по окружной дороге в сторону ворот. Борн направил бинокль в сторону машины и с удивлением заметил, что веймеренер повизгивал, увидев ее, и увязался следом, шаловливо насакивая и взлаивая, пытаясь привлечь внимание водителя. Водитель. Водитель явно был дрессировщиком собак или, может быть, просто ухаживал и кормил их. Так или иначе, знакомый запах привел собаку в хорошее настроение. Анализ увиденного позволил сделать некоторые выводы, определившие дальнейшие шаги и тактику. Он должен пересечь поместье и добраться до бревенчатой хижины, а затем и до центрального здания. Сейчас это сделать затруднительно. Но если его будет сопровождать водитель, запах которого знаком собакам, то передвижение значительно облегчится. Для этого нужно захватить одну из двух патрульных машин. Борн поспешно вернулся к лазу в заборе.

Обтекаемая машина, частично скрытая кустами, остановилась как раз посередине между двумя воротами. Джейсон направил на нее бинокль. Черный доберман, вероятно, был любимчиком водителя. Человек в машине открыл дверцу, и животное бросилось внутрь, взгромоздив передние лапы ему на колени. Водитель достал несколько лакомых кусочков, мясо или печенье, и сунул их в уродливую пасть, после чего почесал пса под подбородком и за ушами.

Борн знал, что на размышление у него осталось буквально несколько минут. Он должен решить, как действовать дальше. Ему предстояло остановить патрульную машину и заставить водителя выйти, но так, чтобы не испугать его и не дать повода связаться по радио с остальными. Положить на дорогу тело мертвой собаки? Нет, не подходит. Водитель решит, что собаку подстрелили из-за забора, не станет покидать пуленепробиваемую машину и поспешит сообщить о случившемся начальству. Что делать? Он лихорадочно шарил глазами вокруг, взгляд тонул в темноте, чувство паники и безысходности росло. Внезапно его осенило.

Широкая, тщательно ухоженная лужайка, аккуратно подстриженные кусты, идеальная окружная дорога – все это говорило о том, что чистота и порядок были возведены во владениях генерала в культ. Джейсон живо представил себе, как Свайн отдает команду своим садовникам, требуя «вылизать участок». Борн еще раз взглянул на собаку около машины. Водитель заигрывал с псом, пытаясь вытолкнуть его наружу и явно собираясь захлопнуть дверцу. Оставались считанные секунды! Ну, так что? Как же?

Оглянувшись вокруг, он заметил неподалеку от себя очертания увесистого соснового сука, отломившегося от соседнего дерева под порывами ветра или отгнившего от старости. Борн сорвался с места, с усилием поднял сук, частично похороненный под слоем сосновых игл и грязи, и отнес его к краю асфальта. Перегораживать им дорогу от края до края не следовало, так как это чересчур напоминало засаду. Но перекрыть веткой часть дороги, в виде диссонанса с доходящей до извращения аккуратностью, – другое дело. Это будет резать глаз. Нарушение порядка потребует вмешательства, и лучше немедленно все исправить, чем потом, и не дай бог, если это безобразие попадет на глаза генералу, прогуливающемуся или проезжающему по дороге. Люди в подчинении Свайна, скорее всего, были младшими военными служащими или по крайней мере бывшими солдатами. Но в любом случае они сохранили уважение к высшим чинам и дисциплину. Если это так, то водитель всеми силами постарается избежать выговора, особенно из-за такой ерунды. Несуразность заведенного порядка оказалась на стороне Джейсона. Он взял сук за толстый конец, примерился и бросил на дорогу с таким расчетом, чтобы футов пять дерева легло на асфальт. В ту же секунду он услышал, как дверца трехколесного механизма захлопнулась и водитель запустил мотор. Машина покатила вперед, набирая скорость. Борн поспешно отступил к ряду сосен и укрылся в темноте.

Заметив впереди себя в свете фар темную полосу на фоне серого асфальта, водитель резко свернул в сторону и объехал препятствие. Но, не проехав и десяти метров, машина остановилась и дала задний ход. Единственная задняя фара выхватила из темноты заинтересовавший водителя предмет на дороге, мешающий движению. Видимо, убедившись, что опасности обычный кусок дерева не представляет, водитель затормозил в полуметре от ветки и без колебаний выбрался наружу. Обогнув машину справа, человек присел на корточки.

– Эх, Большой Рекс, ну и хреновая же ты псина, приятель, – вполголоса проворчал водитель, выговаривая слова на манер южан. – Неужели это ты притащил его сюда, скотина придурочная? Наша генеральская задница шкуру с тебя спустит, если узнает, что ты мусоришь в его поместье!.. Рекс? Рекс, поди сюда, чертов мерзавец!

Человек взял сук, встал во весь рост и, как следует размахнувшись, швырнул его под кроны ближайших сосен.

– Рекс, ты что, не слышишь меня? Вот дерьмо ходячее, ленивый обжора.

– Стой спокойно и вытяни руки прямо перед собой, – приказал водителю Джейсон Борн, выходя из тени на дорогу.

– Срань господня! Кто ты такой?

– Кое-кто, кому наплевать на то, жив ты или покойник, – спокойно произнес незнакомец.

– Да у тебя пистолет! Точно, я вижу его!

– У тебя тоже. Но твой в кобуре. А мой у меня в руке и смотрит тебе прямо между глаз.

– А собака? Где эта чертова псина?

– Ей немного нездоровится.

– Что?

– Похоже на то, что он хороший пес. И делал то, чему его научил инструктор. Так что не ругай собаку, а ругай людей, натаскавших ее.

– О чем это ты говоришь?

– Думаю, мысль мою можно выразить так, что я предпочту пристрелить человека, чем собаку.

– Ничего не понимаю! Но мне бы не хотелось, чтобы меня застрелили.

– Тогда давай поговорим. Что ты решил?

– Жизнь у меня одна, мистер.

– Опустить правую руку и достань пистолет, но только аккуратно и двумя пальцами.

Охранник повиновался, вытащив оружие из кобуры при помощи большого и указательного пальцев.

– Теперь, пожалуйста, передай его мне.

Человек послушно протянул пистолет Борну. Он взял его и засунул за пояс.

– Что происходит, можете вы объяснить? – взмолился охранник.

– Мне нужна информация. И я здесь для того, чтобы добыть ее.

– Я все вам расскажу, если только вы отпустите меня и разрешите уйти отсюда. В жизни больше не свяжусь с этим местом! Я так и знал: когда-нибудь, в один прекрасный день, это должно произойти, я так и говорил Барби Джо, хотите, можете спросить ее сами! Я говорил ей, что когда-нибудь сюда придут люди и начнут задавать вопросы. Но я никогда не думал, что это будет выглядеть вот так! Не думал, что мне ко лбу будут приставлять пистолет.

– Барби Джо – это кто, твоя жена?

– Да, вроде того.

– Хорошо, начнем с того, почему «люди» должны были прийти сюда и начать задавать вопросы. Мои боссы желают это знать. Не переживай, тебя это не коснется, сам ты никого не интересуешь. Ты ведь просто охранник.

– Именно так, мистер! – поспешно подтвердил насмерть перепуганный мужчина.

– В таком случае почему ты говорил Барби Джо такие слова? Что сюда придут люди и начнут задавать всякие вопросы.

– Черт, не знаю, как и сказать... Знаете, здесь много чего происходит, всякого странного.

– Нет, не знаю. Проясни ситуацию.

– Ну, взять хотя бы этого золотопогонного крикуна, генерала. Он ведь большая шишка, так? У него машины из Пентагона, и свои шоферы, и вертолеты прилетают за ним, когда он захочет, так?

– И что дальше?

– А то, что этот выскочка сержант, вшивый сержант, понимаете, командует генералом так, будто тот всего лишь начальник по нужникам. Понимаете? А эта его сисястая женка, она всю путается с толстяком и плевать хотела на то, видит кто это или нет. У них просто сумасшедшая семейка, понимаете меня?

– Я вижу в этом только домашние неурядицы и не думаю, что кому-то следует совать в них нос. Так почему люди должны приходить сюда и задавать вопросы?

– Тогда почему же вы здесь, а, мистер? Вы, наверное, думали, что сегодня вечером здесь будет съезд, ага?

– Съезд?

– Клевые лимузины с шоферами и великими шишками, ясно? Тогда вы выбрали не тот вечер. Сегодня собачки на свободе, а когда здесь съезд, они сидят в клетках.

Борн помолчал немного, затем подошел к шоферу поближе и сказал:

– Обсудим это в машине. Я сяду на пол, а ты будешь делать все, что я тебе прикажу, – добавил он тоном, не терпящим возражения.

– Но вы должны пообещать, что отпустите меня!

– Даю слово. Тебя и твоего приятеля из второй патрульной машины. Эти ворота – они на сигнализации?

– Когда собаки спущены, то нет. Если эти людоеды заметят хоть кого, они мигом разорвут его в клочья.

– Откуда включается сигнализация?

– Из двух мест. Один пульт в домике у сержанта, а другой в особняке, в нижнем холле. Включить ее можно только тогда, когда ворота закрыты.

– Собирайся, поехали.

– Куда?

– Начнем с собак.

Двадцать минут спустя пять собак были пойманы, заперты по клеткам и все получили по хорошей порции снотворного. Борн отпер ворота и выпустил обоих охранников наружу. После этого он вручил каждому из них по триста долларов.

– Это должно восполнить ваши потери из-за сегодняшней ночи, – пояснил он.

– Эй, а моя машина? – взволнованно спросил второй охранник. – Она, конечно, не бог весть что, но ездить может. Мы с Вилли приехали на ней сюда.

– Ключи у тебя с собой?

– Конечно, в кармане. Она стоит прямо за собачьими клетками.

– Заберешь ее завтра.

– А почему я не могу взять ее сейчас?

– Потому что будет слишком много шума и ты перебудишь всю округу. Мое начальство может прибыть в любой момент. И лучше будет, если они не увидят вас здесь, поверь мне.

– Срань господня! Помнишь, что я говорил тебе, Джим-Боб? То же самое, что и Барби Джо. Это место ненормальное, понял, мужик?!

– Разве три сотни не греют тебя, Вилли? Пошли, нам нужно поймать тачку. Еще не поздно, глядишь, кто-нибудь да и остановит... Эй, мистер, а кто присмотрит за псинами, когда они проснутся? До утренней смены их нужно будет выгулять и покормить. Если к ним сунется кто чужой, они мигом разорвут его в клочья.

– А как же сержант? Он может с ними управляться?

– Они особо его не жалуют, – ответил человек по имени Вилли, – но слушаются. Другое дело генеральша. Они ее любят, сволочи похотливые.

– А сам генерал? – спросил Борн.

– Он валится в обморок, увидев их еще издали, – усмехнулся Джим-Боб.

– Благодарю за информацию. А теперь проваливайтесь, да пройдите немного вперед по дороге, прежде чем начнете ловить машину. Мое начальство приедет как раз с той стороны.

– Знаете, – сказал второй охранник, искоса поглядывая на освещенного луной Джейсона, – эта самая безумная ночь в моей жизни. Я и представить себе не мог, что такое когда-нибудь со мной произойдет. Вы влезли сюда, как чертов террорист, да и одежда под стать, но говорите и обходитесь, как взыскательный армейский офицер. И все время повторяете про это свое начальство, усыпили шавок и отстегнули нам по три сотни баксов. Я ничего не понимаю, знаете ли.

– А тебе и не нужно понимать. Хотя, будь я террористом, ты, наверно, был бы уже мертв, не так ли?

– Он прав, Джим-Боб. Давай, сваливаем отсюда.

– А что нам отвечать, если нас спросят о сегодняшней ночи?

– Кто бы ни спросил, говорите правду. Опишите все подробности. Можете добавить, что меня зовут Кобра.

– О господи! – воскликнул Вилли, и оба охранника поспешно зашагали к дороге.

Борн запер ворота, думая о том, что все происшедшее сегодняшним вечером вряд ли пойдет генералу и его друзьям из «Медузы» на пользу. То ли еще ждет Свайна в ближайшие часы! Вопросы, задаваемые ледяным тоном, и лихорадочные ответы. Что он узнает через час? Тайна, покрытая мраком.

Борн вернулся к патрульной машине, забрался внутрь, завел мотор и покати по аккуратной окружной дороге к гравийной аллее, ведущей к хижине сержанта.

Он стоял около окна, почти прижавшись лицом к стеклу, и смотрел внутрь. Массивный, разжиревший сержант уставился в телевизор, восседая в большом кожаном кресле и взгромоздив ноги на оттоманку. Судя по звукам, проникающим сквозь стекло, быстрой, отрывистой скороговорке комментатора, помощник генерала был захвачен зрелищем бейсбольного

матча. Джейсон осмотрел комнату, насколько это было возможно. Обстановка была довольно простой, но удобной, во всем, от мебели до занавесок в клеточку, доминировали коричневые и красные тона. Типичный загородный домик старого холостяка. Оружия в поле зрения не было, ни обычных для такого места антикварных охотничьих ружей над камином, ни генеральских автоматических пистолетов сорок пятого калибра. Кобура на ремне сержанта тоже отсутствовала. Ничего угрожающего не было заметно также и на столике около кресла. По всему чувствовалось, что сержант ощущал себя в полной безопасности. А почему бы и нет? Охрана в поместье Свайна была на высочайшем уровне: сплошной забор, ворота, патрули и свободно передвигающиеся сторожевые собаки по всему периметру. Борн внимательно посмотрел на сильное волевое лицо сержанта с хорошо развитой нижней челюстью. Какие секреты могут храниться в этой голове? Он должен выяснить это. Дельта Один должен выяснить это, даже если ему придется открутить эту голову напроочь. Джейсон отошел от окна, обогнул хижину, приблизился к двери и постучал в нее два раза костяшками левой руки. В правой он сжимал автоматический пистолет со спиленными номерами, предоставленный ему Алексом, кронпринцем «черных» операций.

– Открыто, Рейчел! – ответили изнутри домика.

Борн повернул дверную ручку и распахнул дверь настежь так, что она со стуком врезалась в стену. Обставив свое появление таким образом, он шагнул внутрь.

– Господи Иисусе! – воскликнул сержант, поспешно снимая ноги с оттоманки и изымая свое тучное тело из кресла. – Ты!.. Чертов призрак! Ты же мертв!

– Не угадал. Попробуй еще раз, – ответил Дельта. – Ты Фланнаган, не правда ли? Вспомнил все-таки, надо же.

– Ты мертв! – повторил генеральский подручный, переходя на крик. – Ты остался в Гонконге. Тебя убили в Гонконге четыре... нет, пять лет назад!

– Ого, похоже, ты делаешь пометки в календаре...

– Но мы знали... Я знал...

– Стало быть, связи у тебя там, где надо.

– Ты Борн!

– Не понимаю, о чем ты?

– Поверить в это не могу!

– А ты не верь, Фланнаган. Как раз о твоих «мы» я и собираюсь потолковать. О Снейк Леди, если быть точным.

– Так, значит, это ты тот самый... тот самый, кого Свайн назвал Коброй.

– Наверное, имея в виду, что я действую, как эта змея?

– Я не ловлюсь на подобные штучки...

– Какая жалость.

– Ты один из нас?

– Точно. Но меня обошли. Пустили побоку. А я взял и приполз обратно.

Сержант растерянно посмотрел на дверь, а затем, озадаченно, на окна:

– Да как ты пробрался сюда? Как же охрана, собаки? Господи! Да где же они?

– Собаки спят в своих конурах, а охране я устроил выходной.

– Устроил что?.. Собаки были спущены...

– Теперь нет. Они отдыхают.

– А охрана, где эта чертова охрана?

– Мне удалось уговорить их оставить посты. Видишь ли, они ожидали, что когда-нибудь случится что-то подобное сегодняшнему вечеру.

– Что ты сделал с ними... Чего ты хочешь?

– Мне кажется, я уже говорил об этом, сержант. Мне страстно хочется побеседовать с тобой, сержант Фланнаган. Так приятно встретиться со старым товарищем.

Испуганный сержант сделал несколько неуверенных шагов в сторону от кресла.

– Ты тот самый маньяк по имени Дельта. Так тебя звали, пока ты не занялся собственным бизнесом, – страшным шепотом пробормотал он. – Я видел фотографию: ты лежишь на кровати, вся простыня прострелена и в крови, лицо не покрыто, глаза смотрят вверх, из раны на лбу течет кровь, а горло... Они спросили меня, кто ты такой, и я ответил им: «Он Дельта. Дельта Один из нелегалов». И тогда они сказали: «Нет, его зовут не так, это Джейсон Борн, убийца, наемный убийца». И я ответил им: «Тогда это один и тот же человек, потому что я знал Дельту, и это именно он». Они поблагодарили меня и сказали, чтобы я подождал за дверью с остальными.

– «Они» – кто это такие?

– Какие-то люди из Лэнгли. Тот, кто разговаривал со мной и заправлял всем, был хромым, у него еще была трость.

– А «остальные» – те, к которым ты должен был присоединиться?

– Наши из Сайгона, около двадцати пяти или тридцати человек.

– Из Штаба?

– Да.

– А «нелегалы» – это те, кто работал со мной?

– Да, в основном.

– Когда это было?

– Ради бога, я же говорил тебе! – начиная паниковать, воскликнул сержант.

– Четыре или пять лет назад! Я сам видел фотографию – ты был мертв!

– Одна-единственная фотография, – мягко проронил Борн, рассматривая сержанта. – А у тебя отличная память.

– Ты держал пистолет у моего лба. В течение тридцати трех лет, трех войн, двадцати операций никто со мной никогда такого не делал, никто, кроме тебя... Такое не забывается.

– Думаю, мы друг друга поняли.

– Ну уж нет! Ни черта я не понял! Ты мертвец!

– Это говоришь ты. Но я ведь живой, не так ли? Или, может быть, я только кажусь живым. Может быть, я – твой ночной кошмар, ниспосланный тебе за все годы обмана и лжи.

– Что за ерунда? Что за...

– Не двигайся!

– И не думал.

Неожиданно издалека донесся резкий, громкий звук. Выстрел! Джейсон повернулся и... инстинкты подсказали ему не останавливаться, а продолжать движение! Сержант бросился на него. Но два огромных кулака, похожих на две кувалды, только задели плечо Дельты, который, увернувшись от внезапного, но неуклюжего нападения, пнул генеральского подручного в почку, одновременно погружая рукоятку пистолета в толстые складки на его шее. Фланнаган повалился ничком и растянулся на полу. Для верности Джейсон еще раз пнул сержанта, на этот раз в голову, погружая его в бессознательное состояние.

Где-то рядом с домиком пронзительно закричала женщина. Через секунду в хижину ворвалась жена генерала Нормана Свайна и замерла на пороге, пораженная представшим перед ней зрелищем. Силы покинули ее, и она поспешно оперлась о спинку ближайшего стула, дрожа от страха и паники.

– Он мертв! – выкрикнула она, затем оттолкнула стул, сжалась и упала на колени рядом с телом сержанта, протягивая к своему любовнику руки. – Он застрелился, Эдди! О господи, он покончил с собой!

Джейсон Борн с интересом посмотрел на картину естественного или очень хорошо сыгранного страдания, после чего прошел к двери домика и плотно закрыл ее. Довольно неожиданный поворот событий! Женщина принялась всхлипывать, все еще дрожа и стоя на коленях, но слезы, которые она проливала, вряд ли были вызваны печалью. Скорее всего, страхом. Сержант пришел в себя и несколько раз мигнул, поднимая с пола свою массивную голову. Единственным чувством, написанным на его скорчившейся от боли физиономии, была смесь крайнего удивления и ярости.

Глава 11

– Ничего не трогать, – приказал Борн, когда Фланнаган и Рейчел, опередив его, торопливо вбежали в увешанный фотографиями кабинет генерала.

При виде тела старого солдата, распластанного на стуле за письменным столом и все еще сжимающего в откинутой руке неуклюжий пистолет, и ужасных следов выстрела, разворотившего затылок генерала, его супруга содрогнулась и упала на колени, как будто ее тошнило. Старший сержант взял ее за руку, поднял с пола, неподвижно глядя на изуродованные останки генерала Нормана Свайна.

– Чокнутый сукин сын, – напряженно и еле слышно прошептал Фланнаган.

И, стоя все так же неподвижно, только желваки заходили на скулах, он закричал:

– Ты, чертов сукин сын! Для чего ты это сделал? Зачем? Что нам теперь делать?

– Вызовите полицию, сержант, – ответил Джейсон.

– Что? – с криком обернулся помощник.

– Нет! – пошатнувшись, взвизгнула миссис Свайн. – Мы не можем это сделать!

– Не думаю, что у вас есть выбор. Вы не убивали его. Возможно, вы подтолкнули его к самоубийству, но вы не убивали его.

– Что вы, черт возьми, хотите этим сказать? – грубо спросил Фланнаган.

– Расследование кровавой семейной драмы лучше серьезного разбирательства, как вы считаете? Думаю, ни для кого давно не секрет, что вы двое любовники.

– Его это не волновало, он давно об этом знал.

– Он провоцировал нас при каждой возможности, – добавила Рейчел Свайн, нерешительно поправляя юбку и быстро обретая прежнее хладнокровие. Она обращалась к Борну, но ее глаза смотрели на любовника. – Он все время подталкивал нас друг к другу, иногда на протяжении дней... Нам необходимо здесь оставаться? Боже мой, я двадцать шесть лет была замужем за этим человеком! Я уверена, вы понимаете... это ужасное событие для меня!

– Нам нужно кое-что обсудить, – произнес Борн.

– Прошу вас, только не здесь. Пойдемте в гостиную, это напротив, через холл. Поговорим там.

Неожиданно пришедшая в себя миссис Свайн вышла из кабинета; помощник генерала обернулся, посмотрел на залитое кровью тело, поморщился и последовал за женой самоубийцы.

Джейсон наблюдал за ними. «Оставайтесь в прихожей, так, чтобы я вас видел, и никуда не уходите!» – крикнул он, подходя к столу; его глаза перебегали от предмета к предмету и отмечали все, что видел Норман Свайн в последние мгновения перед тем, как вставить в рот автоматический револьвер. Что-то здесь было не так. На правой половине большой зеленой папки лежал блокнот с символикой Пентагона, на котором под эмблемой армии Соединенных Штатов значилось звание и имя генерала Свайна. Рядом с блокнотом, слева от кожаного ободка папки, лежала золотая шариковая ручка с выдвинутым наружу острым серебристым кончиком стержня, как будто ею пользовались так часто, что владелец забывал убирать стержень внутрь. Борн перегнулся через стол в нескольких дюймах от мертвого тела, где в воздухе еще висел едкий дым от взорвавшейся гильзы и чувствовался резкий запах горелой плоти, чтобы поближе рассмотреть блокнот. Он был чист, но Джейсон аккуратно вырвал верхние страницы, сложил их и убрал в карман брюк. Что-то по-прежнему не давало ему покоя... что бы это могло быть? Он оглядывал комнату, и в тот момент, когда его взгляд бродил по мебели, в дверях появился старший сержант Фланнаган.

– Чем вы там занимаетесь? – с подозрением спросил Фланнаган. – Мы ждем вас.

– Вашей подруге, возможно, слишком тяжело здесь оставаться, но мне – нет. Я не могу позволить себе уйти сейчас, необходимо многое выяснить.

– Мне показалось, что вы сказали, будто нам не следует здесь ничего трогать.

– Смотреть – не значит трогать, сержант. Никто не узнает, что вы что-то трогали, если этого здесь уже не будет и вы ничего не переставили.

Внезапно Борн подошел к изящному, покрытому чеканкой кофейному столику, какие часто можно увидеть на базарах Индии и Среднего Востока. Он стоял между двумя креслами перед небольшим камином; в центре стола лежала пепельница из граненого стекла, наполовину заполненная окурками сигарет. Джейсон нагнулся и взял ее; с пепельницей в руке он повернулся к Фланнагану:

– Вот, к примеру, эта пепельница. Я до нее дотронулся, на ней остались мои отпечатки, но никто об этом не узнает, потому что я заберу ее с собой.

– Зачем?

– Затем, что я кое-что учуял – учуял на самом деле, носом, безо всякой интуиции.

– О чем это вы?

– О сигаретном дыме, вот о чем. Он остается в воздухе дольше, чем вы думаете. Спросите об этом того, кто пытался бросить курить больше раз, чем может вспомнить.

– К чему вы клоните?

– Давайте поговорим с женой генерала. Давайте все вместе поговорим. Вперед, Фланнаган, мы сейчас пойдем и все обсудим.

– Пушка в кармане, что ли, придает вам храбрости, а?

– Шевелитесь, сержант!

Рейчел Свайн наклонила голову влево, откинув на плечи свои длинные темные волосы, и приняла на стуле величественную позу.

– Это до крайности оскорбительно, – произнесла она, глядя на Борна широко раскрытыми глазами, в которых читалось обвинение.

– Без сомнения, – кивнув, согласился Джейсон. – К тому же это правда. В пепельнице пять окурков, и все со следами помады.

Борн сел напротив нее и положил пепельницу на маленький столик рядом со стулом.

– Вы были там, когда он это сделал, когда он вложил пистолет в рот и спустил курок. Возможно, вы думали, что он этого не сделает или что это его очередная истеричная выходка, – в любом случае вы не сказали и слова, чтобы остановить его. Да и зачем? Для вас с Эдди это был логичный и вполне приемлемый выход.

– Абсурд!

– Знаете ли, миссис Свайн, откровенно говоря, на вашем месте я бы не употреблял таких слов. Они вам не идут, особенно когда вы пытаетесь меня убедить, что это «до крайности оскорбительно»... Рейчел, это не ваши выражения. Вы подражаете другим людям – вероятно, богатым и праздным клиентам, которые много лет назад на Гонолулу повторяли эти фразы перед молодой девушкой-парикмахершей.

– Как вы смеете?..

– Ну, хватит, Рейчел, это смешно. Даже не пытайтесь говорить «как вы смеете», это не сработает. Уж не собираетесь ли вы благородным прононсом огласить королевский указ, чтобы мне отрубили голову?

– Отвали от нее! – заорал Фланнаган, стоявший рядом с миссис Свайн. – Ты прав, но не смей так говорить!.. Она хорошая женщина, она очень хорошая женщина, а над ней издевались все ублюдки этого города.

– Неужели? Она ведь была женой генерала, хозяйкой дома, разве нет?

– Ею пользовались...

– Надо мной смеялись, всегда смеялись, мистер Дельта! – закричала Рейчел Свайн, вцепившись в подлокотники стула. – Смеялись либо же роняли слюни от похоти. Как бы вам понравилось быть специальной закуской, которую предлагают на десерт очень важным персонам после выпивки и обеда?

– Не думаю, чтобы мне это понравилось. Может быть, я бы даже отказался.

– Я не могла! Он меня заставлял!

– Никто не может заставить другого делать такие вещи.

– Еще как может, мистер Дельта. – Генеральская жена наклонилась вперед, при этом ее объемный бюст натянул прозрачную ткань блузки, а длинные волосы наполовину скрыли стареющее, но еще чувственное, с мягкими чертами лицо. – Например, так и не получившую образование девчонку, которую выгнали из школы в шахтерском районе Западной Виргинии, когда

компании закрыли угольные шахты и ни у кого не было чего-нибудь поесть – то есть я хотела сказать, у всех есть было нечего. В такой ситуации приходится делать то, что можешь, и я так и поступила. Мной пользовались везде: от Алькиппы до Гавайев, но я освоила профессию. И там я встретила Большого Парня и вышла за него замуж, хотя с первого же дня у меня не было иллюзий на его счет. Особенно когда он вернулся из Вьетнама; вы понимаете, что я имею в виду?

– Не уверен, Рейчел.

– Ты не должна ничего объяснять! – взревел Фланнаган.

– А я хочу, Эдди! Я сыта всем этим дерьмом, понял?

– Следи за своим языком!

– Дело в том, что я ничего не знаю, мистер Дельта. Но я о многом догадываюсь, вы понимаете?

– Рейчел, прекрати! – взорвался помощник мертвого генерала.

– Пошел к черту, Эдди! Ты сам не лучше. Этот мистер Дельта может помочь нам... вернуться обратно на острова, ведь так?

– Совершенно верно, миссис Свайн.

– А вы знаете, что это за место?

– Заткнись! – заорал Фланнаган, неловко подаваясь вперед. Его остановил оглушительный выстрел пистолета Борна, пуля прожгла пол между ногами сержанта.

Женщина закричала. Когда она успокоилась, Джейсон продолжил:

– Так что это за место, миссис Свайн?

– Подождите, – вновь вмешался сержант, но теперь он уже не кричал; скорее это была мольба, мольба сильного человека. Он посмотрел на жену генерала и вновь перевел взгляд на Джейсона: – Послушайте, Борн, или Дельта, или кто вы там еще, Рейчел права. Вы могли бы помочь – нам здесь больше нельзя оставаться. Что вы можете предложить?

– А что я получу взамен?

– Скажем, все, что мы знаем про это место... и я скажу вам, где можно узнать еще больше. Ну как, вы сумеете нам помочь? Как нам беспрепятственно исчезнуть отсюда и вернуться на острова Пэк, чтобы наши имена и фотографии не появились в газетах?

– Это трудная задача, сержант.

– Господи, да не убивала она его – мы его не убивали, вы же сами это сказали!

– Сказал, хотя мне абсолютно все равно, вы это сделали или нет. Меня интересует другое.

– Например, «встреча со старыми приятелями», или о чем вы там говорили?

– Верно, я кое-кому должен.

– Я все еще не понимаю вас...

– От вас это и не требуется.

– Вы же были мертвы! – растерянно перебил Фланнаган, и в следующее мгновение слова посыпались из его рта: – Нелегал Дельта Один был Борном, но Борн погиб, и в Лэнгли нам это доказали! А вы живы...

– Меня использовали, сержант! Это все, что вы должны знать, это и еще то, что я работаю один. Я должен вернуть несколько долгов, но сделать это лично. Мне нужна информация, и быстро!

Фланнаган в замешательстве кивнул.

– Что ж... возможно, я смогу вам помочь, – тихо и нерешительно проговорил он, – и помочь лучше, чем кто-либо другой. Мне дали спецзадание, поэтому у меня есть сведения, которые я вряд ли бы получил при других обстоятельствах.

– Похоже, вы решили открыть карты, сержант. Что у вас было за спецзадание?

– Я был нянькой. Два года назад с Норманом стало твориться неладное. Я присматривал за ним, а на случай проблем мне дали телефонный номер в Нью-Йорке.

– Этот номер может мне пригодиться.

– Он и еще несколько номеров, которые я списал на случай...

– На случай, если кто-нибудь решит, что в услугах няньки больше нет необходимости, – закончил фразу Борн.

– Что-то вроде того. Эти мерзавцы всегда нас ненавидели; Норман этого не понимал, в отличие от меня.

– Нас? Вас с Рейчел и Свайном?

– Военную форму. Они задирают перед нами свои богатые гражданские носы, как будто мы неизбежный мусор, и в этом они правы – без нас они не могут. Они нуждаются в Нормане. Они его не переносят, но он им нужен.

Солдаты не могли с этим мириться. Альберт Армбрустер, председатель Федеральной комиссии по торговле. У «Медузы» гражданские наследники.

– Если вы говорите, что записывали номера, то рискну предположить, что вы не участвовали в собраниях, которые проходили – и проходят – здесь довольно регулярно. Это означает, что вы не бывали в числе приглашенных.

– Вы что, спятели? – завизжала Рейчел Свайн, как всегда быстро реагируя на вопрос Джейсона. – Когда здесь устраивались настоящие собрания, а не развратные пьяные оргии, Норм приказывал мне оставаться наверху или идти к Эдди и смотреть телевизор, если мне этого хотелось. Эдди не имел права покидать свою будку. Мы не были достаточно хороши для его избранных козлов-друзей. Это продолжалось годами... Как я и говорила, он подталкивал нас друг к другу.

– По-моему, я начинаю понимать – по крайней мере, мне так кажется. Но, сержант, вы ведь записали номера автомашин. Как вам это удалось? Вы же не имели права покидать помещение.

– Я и не занимался этим сам, все проделали мои охранники. Я назвал это секретным охранным мероприятием. Никто не спорил.

– Понимаю. Вы сказали, что года два назад со Свайном стало происходить неладное. Что именно?

– Да вот как сегодня. Если случалось что-нибудь необычное, он трусил, не хотел принимать решения. Даже если это касалось «Снейк Леди», ему было проще спрятать голову в песок и переждать.

– Так что же произошло сегодня? Я видел, как вы вдвоем спорили... Мне показалось, будто сержант отчитывал генерала.

– Так и было. Норман был в замешательстве – из-за вас, из-за человека по имени Кобра, который напомнил о тех неприятных событиях в Сайгоне двадцать лет назад. Он хотел, чтобы я был с ним, когда вы придете, но я отказался. Я сказал, что еще не совсем сошел с ума; а надо было быть сумасшедшим, чтобы остаться.

– Почему? Что с того, если помощник генерала останется со старшим офицером?

– Потому же, почему призывники не приглашаются в планирующий отдел, когда высшее командование разрабатывает стратегию. У нас разный уровень.

– Из чего следует, что вы знаете не все.

– Точно.

– Но вы же были в Сайгоне двадцать лет назад, вы были в «Снейк Леди» – черт, сержант, вы же были бойцом «Медузы», вы и сейчас боец «Медузы».

– Совсем другой статус, Дельта. Я подметаю двор, а эти люди заботятся обо мне, хотя я всего лишь уборщик в военной форме. Когда придет время демобилизовываться, я либо тихо и молча уйду на пенсию, либо меня вынесут в мешке для трупов. Это же очевидно. Меня легко заменить.

Борн внимательно наблюдал за сержантом во время разговора и заметил быстрые взгляды, которые тот бросал на жену генерала, как бы ожидая увидеть в ее глазах одобрение или, напротив, приказ замолчать. Получалось, что либо здоровенный помощник генерала говорил чистую правду, либо он был отличным актером.

– Сдается мне, – произнес наконец Джейсон, – что сейчас самое время поторопиться с выходом на пенсию. Я могу этому поспособствовать, сержант. У вас будет возможность тихо и молча исчезнуть, со всеми вашими наградами за уборку помещений. Преданный помощник генерала с более чем тридцатилетней выслугой лет уходит в отставку после того, как его друг и старший по званию офицер совершил самоубийство. Ни у кого не возникнет вопросов... Вот что я предлагаю.

Фланнаган снова посмотрел на Рейчел Свайн; она коротко кивнула, затем посмотрела на Борна.

– Каковы гарантии того, что мы сможем собраться и уехать? – поинтересовалась она.

– А как быть с удостоверением об увольнении и военной пенсией сержанта Фланнагана?

– Я заставил Нормана подписать все бумаги еще восемнадцать месяцев назад, – вмешался помощник. – Я был постоянно приписан к его отделу в Пентагоне и жил вместе с ним. Мне нужно всего лишь вписать дату, мое имя и данные генерала, которые мы с Рейчел уже выяснили.

– И это все?

– Может быть, останется сделать три-четыре телефонных звонка. Адвокату Нормана, который все здесь опишет; насчет сторожевых собак; сообщить, чтобы люди из Пентагона забрали спецавтомобиль, и последний звонок – в Нью-Йорк. А потом вперед, в аэропорт Даллеса.

– Похоже, вы думали об этом не один год.

– Только об этом и думали, мистер Дельта, – подтвердила генеральская жена. – Как говорится, мы за все заплатили сполна.

– Однако, перед тем как подписывать эти бумаги или звонить, – продолжал Фланнаган, – я должен быть уверен, что мы сможем незаметно выбраться отсюда.

– Не будет ни полиции, ни газет, ни связи с тем, что произошло сегодня, – как будто вас просто здесь не было.

– Вы сказали, что это непросто. Насколько вы уверены, что справитесь?

– Как будто вас здесь и не было, – спокойно и неторопливо повторил Борн, глядя на граненую пепельницу с напomaженными окурками, стоящую около него на столе. Он поднял глаза на помощника генерала: – Вы здесь ничего не трогали; ничто не может физически связать вас с его самоубийством... Вы действительно готовы уехать – скажем, часа через два?

– Дайте нам тридцать минут, мистер Дельта, – ответила Рейчел.

– Но, черт возьми, вы же здесь жили, вы оба здесь жили...

– Мы не хотим брать с собой ничего из этой жизни, – твердо заявил Фланнаган.

– Миссис Свайн, это поместье принадлежит вам...

– Черта с два. Оно было передано какому-то фонду, можете спросить у адвоката. Если что-то здесь мне и принадлежит, адвокат перешлет. Я просто хочу уехать отсюда – мы оба этого хотим.

Джейсон рассматривал эту странную и сплоченную пару.

– Что ж, тогда вас ничто не сможет остановить.

– Где гарантии? – настаивал Фланнаган, выходя вперед.

– Придется поверить мне на слово, но, будьте уверены, я справлюсь. Подумайте, разве есть альтернатива? Допустим, вы останетесь здесь. Что бы вы ни делали, генерал не появится в Арлингтоне ни завтра, ни послезавтра, ни в какой другой день. Рано или поздно кто-нибудь за ним приедет сюда. Начнутся вопросы, поиски, расследование, и, уж будьте уверены, сюда пожалуют журналисты с полными карманами разных домыслов. Потом всплывет ваша связь – черт подери, о ней говорят даже охранники – и наступит звездный час газет и телевидения... Вы этого хотите? А не приведет ли все это к тому мешку для трупов, о котором вы упоминали?

Сержант и его женщина переглянулись.

– Он прав, Эдди, – подтвердила Рейчел. – С ним у нас есть хоть какой-то шанс, иначе мы пропали.

– Все это звучит слишком просто, – проговорил Фланнаган.

Он посмотрел на дверь, и у него перехватило дыхание.

– Как вы собираетесь все это уладить?

– Это мое дело. Дайте мне все телефонные номера, и вам останется только позвонить в Нью-Йорк. И будь я на вашем месте, я бы позвонил туда с островов Пэк, или куда вы там собираетесь.

– Вы с ума сошли! Как только просочится информация, за мной начнет охотиться «Медуза», да и за Рейчел тоже. Они захотят узнать, что произошло.

– Расскажите им правду или хотя бы что-нибудь правдоподобное; думаю, вас даже могут наградить.

– Вы чертовски самоуверенны!

– Я не был самоуверен ни во Вьетнаме, ни в Гонконге, сержант. И тем более не сейчас. Вы с Рейчел вернулись домой, увидели, что произошло, собрались и уехали, потому что хотели избежать расспросов, а мертвые молчат и не делают глупостей. Поставьте на бумагах вчерашнее число и отошлите их. Остальное предоставьте мне.

– Даже не знаю...

– У вас нет выбора, сержант! – отрезал Джейсон и поднялся со стула. – А я больше не собираюсь тратить время. Хотите, чтобы я ушел, – я уйду, а вы поступайте как знаете.

Борн сердито направился к выходу.

– Пожалуйста, Эдди, останови его! Мы должны сделать, как он говорит, должны воспользоваться этим шансом. Иначе мы погибли, ты же знаешь.

– Хорошо, хорошо!.. Дельта, успокойтесь. Мы сделаем так, как вы скажете.

Джейсон остановился и обернулся:

– Исполните все, что я скажу, сержант, в точности.

– Согласен.

– Для начала мы вдвоем пойдем к вам домой, пока Рейчел упакует наверху вещи. Вы дадите мне все, что у вас есть: номера машин и телефонов, все имена, какие вспомните, все, чего бы я ни попросил. Согласны?

– Да.

– Идем. И еще, миссис Свайн, я думаю, вы захотите взять с собой некоторые безделушки, но...

– Не беспокойтесь, мистер Дельта. Я не имею привязанности к вещам. Все, что я хотела сохранить, уже давно отправлено из этой проклятой дыры и находится за десять тысяч миль отсюда.

– Однако вы хорошо подготовились, как я посмотрю.

– Да, я все предусмотрела. Так или иначе, это должно было произойти, вы ведь понимаете, что я хочу сказать?

Рейчел стремительно прошла мимо двух мужчин в прихожую, остановилась и вернулась к сержанту Фланнагану. Глаза Рейчел сверкали, и на губах играла улыбка, когда она дотронулась рукой до его лица.

– Знаешь, Эдди, – тихо произнесла она. – Все получится. Мы будем жить, Эдди. Ты понимаешь, что это значит?

– Да, детка. Я понимаю.

Когда они в темноте шли к будке, Борн заговорил:

– Сержант, я сказал, что не хочу тратить время, и действительно не собираюсь его тратить. Рассказывайте. Что вы собирались сообщить мне об этой резиденции Свайна?

– А вы готовы это услышать?

– Не понял? Конечно, я готов.

Но это было не так. Услышав последовавшие слова Фланнагана, Борн замер.

– Начнем с того, что это место изначально создавалось как кладбище.

Алекс Конклин ошеломленно откинулся назад на конторском стуле, зажав в руке телефон, не в силах подобрать ответ на то, что сообщил Джейсон. Единственное, что он смог выговорить, было:

– Невероятно!

– Что именно невероятно?

– Не знаю. По-моему, все... например, кладбище. Должен ли я в это поверить?

– Ты не хотел верить ни Лондону, ни Брюсселю, ни командующему Шестым флотом или хранителю ключей в Лэнгли. Это все из одной серии... Дело в том, что, как только мы выясним, кто они, мы сможем начать действовать.

– Тебе придется еще раз рассказать все сначала; у меня голова идет кругом. Телефонный номер в Нью-Йорке, номера машин...

– Труп, Алекс! Фланнаган и генеральская жена! Они уже в пути, такой был уговор, и ты должен это уладить.

– Да что ты говоришь! Свайн застрелился, в это время в доме находились два человека, которые могут о многом рассказать, а мы говорим им «чао» и отпускаем? Это почти такой же бред, как и то, что ты мне рассказал.

– У нас нет времени на игры в переговоры – тем более что сержант рассказал все, что знал. Они были на разных уровнях.

– А то я не знаю.

– Так отпусти их. Они еще могут нам пригодиться.

Конклин вздохнул; было видно, что он колеблется.

– Ты уверен? Это будет очень непросто.

– Отпусти их! Ради бога, Алекс, меня не интересуют осложнения, нарушения и вся та чушь, о которой ты думаешь! Мне нужен Карлос! Мы расставляем сети и можем поймать его – я могу поймать его!

– Ну хорошо, хорошо. В Фолс Черч есть доктор, которого мы уже привлекали к специальным операциям. Я свяжусь с ним, он знает, что делать.

– Отлично, – ответил Борн, быстро прикинув что-то в уме. – Теперь запиши на пленку то, что я скажу. Это будет вся информация, которую я получил от Фланнагана. Давай побыстрее, у меня еще много дел.

– Ты в эфире, Дельта Один.

Читая записи, сделанные в будке Фланнагана, Джейсон говорил быстро, четко произнося слова, чтобы на пленке не было неточностей. В списке были приблизительные имена семерых наиболее частых посетителей генеральских вечеринок с небольшим описанием каждого; номерные знаки, зафиксированные во время наиболее важных собраний, проходивших два раза в месяц. Предпоследними шли телефонные номера адвоката Свайна, всех охранников поместья, собачьего питомника и добавочный для гаража спецавтомобилей в Пентагоне. Наконец, в списке был номер телефона в Нью-Йорке без имени абонента, на другом конце провода был только автосекретарь.

– Этим номером надо заняться в первую очередь.

– Мы расколем его. – Конклин и свою речь записывал на пленку. – Я позвоню в питомник и поговорю на языке Пентагона – скажу, что генерала

назначили на секретную должность и мы удвоим плату, если животных заберут этим же утром. Кстати, оставь ворота открытыми... С номерами машин вообще никаких проблем, а Кассет пропустит имена через компьютер, когда Де Соле не будет поблизости.

– Что насчет Свайна? Какое-то время мы должны молчать про самоубийство.

– Как долго?

– Откуда я знаю? – раздраженно ответил Джейсон. – Пока мы не узнаем, кто они, и я – или ты – не сможем до них добраться; одновременно мы заставим их нервничать. Это будет основой для поимки Карлоса.

– Опять слова, – недовольным тоном произнес Конклин. – Все, о чем ты говоришь, может занять несколько дней, а то и неделю, если не дольше.

– Пускай.

– Тогда, черт возьми, нам надо поставить в известность Питера Холланда...

– Нет, еще не время. Мы не знаем, что он скажет, а я не хочу, чтобы мне мешали.

– Джейсон, ты должен доверять кому-то еще, кроме меня. Я, может быть, смогу водить за нос доктора сутки или двое, но не более того. Он захочет получить разрешение от высших чинов. И не забывай о том, что Кассет может выдать меня Де Соле.

– Дай мне два дня, выбей для меня два дня!

– Пока мы будем собирать информацию, придется увиливать от Чарли, врать Питеру, убеждать их, что поиски возможных курьеров Шакала в отеле «Мэйфлауэр» идут полным ходом – и мы считаем, что... Естественно, ничем этим мы на самом деле не занимаемся, потому что расследуем один безумный заговор двадцатилетней давности в Сайгоне, в котором участвует непонятно кто, и о них мы не знаем ничего, кроме того, что эти кто-то производят очень сильное впечатление. Не вдаваясь в подробности, нам сообщают, что у них имеется частное кладбище на землях генерала из отдела снабжения Пентагона, который только что прострелил себе голову – это еще один небольшой инцидент, которым мы занимаемся... О боже, Дельта, прикрой меня! Кругом рвутся снаряды!

Несмотря на то что Борн стоял перед столом Свайна, а рядом на стуле находился труп генерала, он слегка улыбнулся.

– Ведь мы на это и рассчитываем, не так ли? Этот сценарий достоин нашего дорогого Святого Алекса.

– Я всего лишь пассажир, не я у руля...

– Что насчет доктора? – перебил Джейсон. – Ты не участвовал в операциях почти пять лет. Откуда ты знаешь, что он еще в деле?

– Я встречаю его время от времени; мы оба помешаны на музеях. Пару месяцев назад в галерее «Коркоран» он жаловался, что в последнее время для него почти не было работы.

– Так исправь это сегодня вечером.

– Попытаюсь. Что ты собираешься делать?

– Аккуратно разнесу все в этой комнате.

– Перчатки есть?

– Конечно, хирургические.

– Не трогай тело.

– Только карманы – очень осторожно... А вот и жена Свайна спускается сверху. Я позвоню тебе, когда они уедут. Разущи этого доктора!

Иван Джакс, доктор медицины, выпускник Йельского университета, проходящий хирургическую практику и работающий в Центральном госпитале штата Массачусетс, преподаватель хирургического колледжа, уроженец Ямайки, давний информатор ЦРУ, завербованный чернокожим агентом с обескураживающим именем Кактус, въехал в ворота владений генерала Свайна в Манассасе, штат Виргиния. Бывали моменты, когда Иван жалел, что встретил старого Кактуса, – так было и в тот день, хотя, в общем, он был рад тому, что Кактус вошел в его жизнь. Благодаря «волшебным бумажкам» старика Джакс вытащил с Ямайки брата и сестру во времена репрессий Менли, когда квалифицированным кадрам не позволяли выехать из страны и не платили жалованье. Несмотря на это, с помощью поддельных правительственных бумаг Кактус сумел переправить обоих из страны, одновременно переведя деньги на счет в Лиссабоне. Все, что старый умелец хотел взамен, – это копии некоторых официальных документов, в том числе экспортные и импортные транспортные накладные, два паспорта, отдельные фотографии и копии подписей некоторых чиновников – все это было легко добыть с помощью сотен бюрократических документов, публиковавшихся в правительственных газетах. Сейчас брат Ивана стал преуспевающим лондонским адвокатом, а его сестра стажером в Кембридже.

Да, он многим обязан Кактусу, думал Иван Джакс, подъезжая на своем микроавтобусе к фасаду дома. И когда семь лет назад старик попросил его

«поговорить» с кое-какими «друзьями в Лэнгли», он согласился. Ничего себе, поговорил! Однако у Ивана с разведывательным управлением были связаны и еще кое-какие воспоминания. Когда его родной остров отделался от Менли и к власти пришел Сига, среди собственности, в первую очередь возвращенной законным владельцам, была недвижимость семьи Джакса в заливе Монтего и в порту Антонио. Этому поспособствовал Алекс Конклин, но без Кактуса встреча с Конклином бы вряд ли состоялась... Но почему Алекс должен был вызвать его именно сегодня, в день двенадцатой годовщины его свадьбы? Он даже отправил детей ночевать к соседям, чтобы побыть с женой наедине, вместе с жареными ребрышками по-ямайски, приготовленными во внутреннем дворике единственным человеком, который в этом разбирается, а именно шеф-поваром Иваном; плюс много отличного темного рома «Овертон» и очень сексуальной возни в бассейне. Чертов Алекс! Проклятый холостяк, все, что он смог сказать по поводу годовщины свадьбы, это: «Какого черта? У тебя же годовщина, ты что, дни собрался считать? Отпразднуешь завтра, а сегодня вечером ты мне нужен».

Из-за этого ему пришлось наврать жене, бывшей старшей медсестре Центрального госпиталя Массачусетса. Он сказал ей, что жизнь человека находится в опасности, – так оно и было, правда, жизнь эта уже отправилась в иной мир. Она ответила, что ее следующий муж, возможно, будет больше заботиться о ее жизни, но грустная улыбка и понимающие глаза супруги говорили сами за себя. Она знала, что такое смерть. Поторопись, дорогой!

Джакс заглушил двигатель, взял свою медицинскую сумку и вышел из машины. Он обходил ее, когда дверь отворилась и в проеме показался силуэт высокого человека в облегающей одежде.

– Я ваш доктор, – начал Иван, поднимаясь по лестнице. – Наш общий друг не назвал мне вашего имени, но подозреваю, что оно и не должно меня интересовать.

– Вы правы, – подтвердил Борн, протянув подошедшему Джаксу руку в хирургической перчатке.

– Я думаю, это хорошо для нас обоих, – заметил Джакс, пожимая руку незнакомцу. – Варежка на вашей руке мне что-то напоминает.

– Наш общий друг не говорил мне, что вы черный.

– Вы имеете что-то против?

– Конечно, нет. За это я люблю нашего друга еще больше. Ему, должно быть, и в голову не пришло сказать об этом.

– Знаете, я думаю, мы поладим. Идемте, незнакомец.

Борн стоял в десяти футах справа от стола, когда Джакс привычным движением склонился над трупом и начал ловко забинтовывать голову мертвого генерала. Без лишних слов он срезал с мертвеца часть одежды и осмотрел тело, после чего перекатил труп со стула на пол.

– Вы здесь все закончили? – Он посмотрел на Джейсона.

– Да, я убрал все следы, вы ведь это имеете в виду?

– Обычно это... Я хочу, чтобы комнату опечатали. Никто не должен сюда входить без разрешения нашего общего друга.

– Но я не могу гарантировать, что в комнату никто не войдет, – возразил Борн.

– Тогда это придется сделать нашему другу.

– Зачем?

– Ваш генерал не застрелился, незнакомец. Его убили.

Глава 12

– Это она, – выдохнул Алекс Конклин на другом конце провода. – Из того, что ты мне рассказал, следует, что это сделала жена Свайна. О, господи!

– Похоже, что так, хотя это ничего не меняет, – без особого энтузиазма согласился Борн. – Видит бог, у нее было достаточно причин убить его; но если она это и сделала, то ничего не рассказала Фланнагану, вот что странно.

– Да, это действительно странно... – Конклин на мгновение замолчал, потом быстро сказал: – Дай мне поговорить с Иваном.

– С Иваном? С этим твоим доктором? Его зовут Иван?

– Да, а что?

– Да так, ничего. Он на улице... «Грузит товар», как он выразился.

– В свою машину?

– Да. Мы отнесли тело...

Алекс перебил его:

– Почему он так уверен, что это было не самоубийство?

– Свайн находился под действием наркотика. Док сказал, что потом позвонит тебе и все объяснит. Он хочет уехать отсюда, и чтобы никто не

входил в комнату после нашего, то есть моего, ухода, пока ты не сообщишь полиции. Он тоже тебе об этом скажет.

– Черт, зрелище там у тебя, должно быть, довольно неприятное.

– Да нет, терпимо. Что я должен сделать?

– Задерни шторы, если они там есть; проверь окна и, если получится, запри дверь. Если не сможешь закрыть на замок, поищи рядом...

– Я нашел связку ключей в кармане Свайна, – перебил Джейсон. – Один подходит, я проверил.

– Отлично. Когда будешь уходить, начисто протри дверь. Возьми какую-нибудь полироль или спрей для мебели.

– Это вряд ли остановит взломщиков.

– Да, но, если кто-нибудь попытается проникнуть в комнату, он оставит нам свой отпечаток.

– Ты хочешь сказать...

– Да. – Бывший офицер разведки говорил одновременно с Борном. – Кроме этого, я должен придумать, как опечатать все поместье, не привлекая людей из Лэнгли, попутно следя за тем, чтобы кто-нибудь из двадцатитысячной армии Пентагона, включая канцелярию генерала и пару сотен заказчиков и поставщиков из отдела снабжения, не попытался связаться со Свайном... Господи, это нереально!

– Это просто замечательный план, – возразил Борн как раз в тот момент, когда в дверях неожиданно появился доктор Иван Джакс. – Наша небольшая игра в дестабилизацию начнется прямо на этой «ферме». У тебя есть телефон Кактуса?

– С собой нет. Должно быть, лежит где-нибудь дома в коробке из-под обуви.

– Позвони Панову, у него он точно есть. Потом свяжись с Кактусом и скажи, чтобы он позвонил мне сюда из таксофона.

– Что ты еще задумал? Я начинаю нервничать, когда слышу имя этого старика.

– Ты сам сказал, что я должен найти кого-нибудь, на кого смогу рассчитывать, кроме тебя. Я только что нашел такого человека. Алекс, звони ему.

Джейсон положил трубку.

– Простите, доктор... хотя, наверное, при данных обстоятельствах я могу обращаться к вам по имени. Привет, Иван!

– Привет, незнакомец. Я бы все же предпочел обращаться к вам по-старому. Особенно после того, как вы произнесли это имя.

– Вы это про Алекса?.. Хотя нет, это не может быть наш друг Алекс, мы же оба его знаем, – с пониманием произнес Борн и, тихо посмеиваясь, отошел от стола. – Вы имеете в виду Кактуса, не так ли?

– Я просто зашел спросить, нужно ли закрывать ворота, – ответил Джакс, игнорируя вопрос.

– Вы не обидитесь, если я скажу, что не думал о нем, пока не увидел вас?

– Некоторое сходство вполне очевидно. Вы закроете ворота?

– Доктор, вы ведь тоже многим обязаны Кактусу? – Джейсон решил добиться ответа.

– Я ему обязан стольким, что ни за что не стал бы впутывать его в это дело. Ради бога, он же старый человек, и к каким бы выводам ни пришли в Лэнгли, сегодня было совершено убийство, очень жестокое убийство. Нет, я бы не стал его ко всему этому привлекать.

– Но вы не я. Видите ли, я должен это сделать. Он мне никогда не простит, если я этого не сделаю.

– Не слишком ли вы самоуверенны?

– Доктор, закройте, пожалуйста, ворота. Когда они будут закрыты, я смогу включить сигнализацию.

Джакс замешкался, как будто не зная, что ответить.

– Послушайте, – сбивчиво начал он, – у большинства нормальных людей должны быть серьезные причины, чтобы так говорить и совершать такие поступки. Мне кажется, что вы вполне нормальный. Поэтому свяжитесь с Алексом, если я вам понадоблюсь... если я понадоблюсь старику Кактусу.

Доктор быстро вышел за дверь.

Борн повернулся и оглядел комнату. После того как Фланнаган и Рейчел уехали три часа назад, он уже успел исследовать каждый фут генеральского кабинета, а также его отдельную спальню на третьем этаже. Те вещи, которые собирался унести с собой, Борн сложил на кофейном столике и сейчас изучал их. Это были три коричневые кожаные папки одинакового размера, в каждой из них находились скрепленные пружинкой листы; это был настольный набор для заметок. В первой папке было расписание визитов,

во второй – личная телефонная книга с именами и телефонами, записанными от руки; последняя папка предназначалась для учета расходов, но в ней почти не было записей. Кроме этого, на столе лежали одиннадцать листков из телефонного блокнота с разнообразными служебными записками, которые Джейсон обнаружил в карманах Свайна, плюс карточка с результатами игры из гольф-клуба и несколько записей, сделанных в Пентагоне. Наконец, здесь же был и бумажник генерала, в котором лежала целая книга внушительных удостоверений и очень мало денег. Борн мог бы передать все это Алексу в надежде, что будут обнаружены какие-нибудь зацепки, но, как ему казалось, ничего особенного или непосредственно относящегося к теперешней деятельности «Медузы» среди найденного не оказалось. И это его озадачивало, ведь должно же быть хоть что-то. Это же дом генерала, кабинет – его святая святых! Здесь должно быть что-то, он знал, он чувствовал это, но не мог найти. И Борн возобновил поиски, обследуя уже не фут за футом, а дюйм за дюймом.

Четырнадцать минут спустя, когда Борн снимал и переворачивал фотографии на стене позади стола, справа от застекленного эркера с мягкими креслами, который выходил на лужайку, он вспомнил, как Конклин сказал проверить окна и задернуть шторы, чтобы никто не смог проникнуть внутрь или увидеть, что происходит в доме.

– ...Черт, зрелище, должно быть, довольно неприятное.

– Да уж, приятного мало...

Приятного было действительно немного. На стеклах эркера оставались брызги крови и кусочки кожи. А это что... медная задвижка? Она не только не была заперта, само окно было открыто – совсем немного, но тем не менее оно было открыто. Борн оперся коленями на кресло и внимательно осмотрел блестящее медное крепление и стекло. Среди ручейков засохшей крови и плоти виднелись пятна и какие-то следы, придававшие кровавому узору неправильные очертания. А на уровне подоконника он увидел то, что мешало закрыться окну. Конец левой занавески был снаружи, и бахрома застряла под нижней рамой. Джейсон отошел назад. Он был озадачен, но не очень сильно. Именно это он и искал, это был недостающий элемент головоломки под названием «смерть Нормана Свайна».

Кто-то выбрался через это окно после выстрела, разнесшего генералу череп. Кто-то, кто не мог допустить, чтобы видели, как он выходит через переднюю и главный вход. Кто-то, кто знал дом, окружающую территорию... и собак. Жестокий убийца из отряда «Медуза». Черт бы его побрал.

Но кто? Кто был здесь? Фланнаган... жена Свайна! Они знали, они должны были знать!

Борн наклонился к телефону на столе; тот зазвонил, прежде чем его рука дотронулась до трубки.

– Алекс?

– Нет, Братец Кролик, всего лишь твой старый приятель. А я и не подозревал, что мы теперь запросто обращаемся друг к другу по имени.

– Это не так, простите, – быстро ответил Джейсон, с трудом сдерживая волнение. – Только что случилось нечто важное. Я кое-что обнаружил.

– Успокойся, мой мальчик. Чем я могу тебе помочь?

– Вы нужны мне здесь, там, где я сейчас нахожусь. У вас есть время?

– Давай посмотрим. – Кактус усмехнулся в трубку. – Я должен присутствовать на нескольких собраниях членов правления, а в Белом доме хотят, чтобы я пришел на важный завтрак... Так когда и где, Братец Кролик?

– Вы мне нужны не один, старина. Нужно еще три или четыре человека. Это возможно?

– Не знаю. А что ты собираешься делать?

– Тот парень, что отвез меня в город после встречи с вами... поблизости есть похожие граждане?

– Честно говоря, не уверен, но думаю, смогу найти парочку. А зачем они тебе?

– Для охраны. Все очень просто. Вы будете у телефона, а они будут из-за закрытых ворот сообщать окружающим, что это частные владения и посетители нежелательны. Особенно разные важные гуси на лимузинах.

– Что ж, братьям это должно понравиться.

– перезвоните мне, и я сообщу, что надо делать. – Борн повесил трубку и тут же снял снова, дожидаясь длинного гудка. Он набрал номер Конклина в Вене.

– Да? – Алекс взял трубку.

– Доктор был прав, а я упустил нашего палача из «Снейк Леди».

– Жену Свайна, ты хочешь сказать?

– Нет, но она и ее говорливый сержант знают убийцу – они должны знать, кто здесь был! Поймайте и задержите их. Они меня обманули, так что сделка не состоится. Кто бы ни устроил это отвратительное «самоубийство», он должен был получить приказ от верхушки «Медузы». Он мне нужен. Он экономит наше время.

– Но мы не сможем до него добраться.

– Что ты сказал?

– Не сможем, потому что сержант и его любовница вне досягаемости. Они исчезли.

– Этого не может быть! Если я знаю Святого Алекса, а я его знаю, ты должен был следить за ними все время с того момента, как эта парочка ушла отсюда.

– Я следил с помощью электроники, а не вел визуальное наблюдение. Не забывай, ты настоял, чтобы мы не привлекали к делу «Медузы» ни ребят из Лэнгли, ни Питера Холланда.

– И что ты предпринял?

– Я разослал во все авиакомпании, обслуживающие международные рейсы, полноформатные предупреждения центральным компьютерам служб предварительного заказа билетов. На восемь двадцать сегодняшнего вечера наши объекты забронировали места на десятичасовой рейс «Пан Америкэн» в Лондон...

– В Лондон? – перебил Джейсон. – Но они же направлялись совсем в другую сторону, в Тихий океан, на Гавайи!

– Наверное, так оно и есть, потому что на самолет «Пан Америкэн» они не сели. Кто знает?

– Черт возьми, ты должен знать!

– Как ты себе это представляешь? Двое граждан Соединенных Штатов летят на Гавайи; им не надо предъявлять паспорта, чтобы попасть в наш пятидесятый штат. Сойдет водительское удостоверение или регистрационная карточка для голосования на выборах. Ты сам мне сказал, что они планировали все это довольно долго. Неужели ты думаешь, что сержанту с тридцатилетней выслугой будет сложно организовать пару водительских удостоверений на две разные фамилии?

– Но для чего им это?

– Чтобы сбить с толку тех, кто будет их искать, – например, нас или кого-нибудь из боссов «Медузы».

– Вот дерьмо!

– Профессор, старайтесь не употреблять вульгарных выражений. Ты произнес нехорошее слово.

– Помолчи, мне нужно подумать.

– Подумай о том, что мы по уши увязли и надо выбираться. Пришло время Питера Холланда. Он нужен нам. Как и люди из Лэнгли.

– Нет, еще рано! Ты кое о чем забываешь. Холланд приносил присягу, и, судя по всему, он относится к этому серьезно. Иногда он и может обойти какое-нибудь правило, но, если столкнется с «Медузой», у которой сотни миллионов долларов на счетах в Женеве и которая скупил пол-Европы, он может сказать: «Так, ребята, стоп, хватит!»

– Придется рискнуть. Дэвид, он нужен нам как никогда.

– Никакого Дэвида, черт тебя дери! Меня зовут Борн, Джейсон Борн, ты меня сотворил, и я у тебя за это в долгу! Моя семья у тебя в долгу! И никак иначе!

– И ты меня убьешь, если я не сделаю по-твоему?

Повисла пауза. Оба молчали, пока Дельта Один из сайгонского отряда «Медуза» не нарушил тишину:

– Да, Алекс, тогда я убью тебя. Не потому, что ты пытался убить меня в Париже, а из тех неясных соображений, которые заставили тебя тогда это сделать. Ты понимаешь?

– Да, – еле слышно ответил Конклин. – Невежество всегда самоуверенно, это ведь любимая фраза у вас в Вашингтоне; в вашем исполнении она звучит как восточная мудрость. Но тебе тоже придется поубавить самоуверенности. Одни мы мало что сможем сделать.

– А с другой стороны, сделать нужно так много, что мы можем все испортить, если будем действовать не в одиночку. Посмотри, чего мы уже добились. С нуля добрались до двузначных чисел – и это за двое-четверо суток. Алекс, дай мне два дня, прошу тебя! Мы почти выяснили, что такое эта «Медуза». Один прокол с нашей стороны, и они элементарно от меня избавятся. Вспомни про Шакала.

– Я сделаю все, что смогу. Кактус говорил с тобой?

– Да. Он перезвонит и приедет сюда. Позже все объясню.

– Должен тебе сказать, что они друзья с нашим доктором.

– Знаю. Иван мне рассказал... еще, Алекс, мне нужно передать тебе некоторые вещи – телефонную книгу Свайна, его бумажник, расписание визитов и кое-что еще. Я все упакую и отправлю к тебе на проходную кого-нибудь из людей Кактуса. Отдай все в лабораторию и посмотри, что они скажут.

- Ты, кажется, упомянул парней Кактуса? Что ты там задумал?
- Делаю за тебя твою работу. Хочу все здесь опечатать. Войти никто не сможет, а вот кто будет пытаться, посмотреть стоит.
- Да, это будет нелишне. Кстати, работники питомника приедут за собаками около семи утра, так что не запирайся очень крепко.
- Похоже на то, – перебил его Борн, – что я снова на службе и зря вызвал охранников. В их услугах больше нет необходимости, но все равно каждому по почте вышлют вознаграждение в указанное место.
- О каком вознаграждении ты говоришь? Лэнгли не в деле, забыл? Питер Холланд тоже не с нами, а я не так уж богат.
- Зато я богат. Позвоню в свой банк в штате Мэн, и они доставят тебе чек фед-эксом. Попроси своего друга Кассета забрать его утром около твоей квартиры.
- Черт, забавно, – задумчиво протянул Конклин. – Я и забыл, что у тебя есть деньги. То есть я совсем об этом не думал. Как-то вылетело из головы.
- Такое бывает, – веселым тоном подхватил Борн. – Чиновнику, живущему в тебе, может привидеться какой-нибудь бюрократ, который придет к Мари и скажет: «А кстати, миссис Вебб, или Борн, или как вас там; когда вы работали на канадское правительство, вы сбежали с пятью без малого миллионами долларов, которые принадлежали мне».
- Она все сделала правильно, Дэвид-Джейсон. Ты обязан ей каждым долларом.
- Алекс, не гони. Она потребовала в два раза больше, чем было нужно.
- И была права. Благодаря этому все заткнулись... Что ты собираешься делать дальше?
- Подожду звонка от Кактуса, потом позвоню сам.
- Кому?
- Своей жене.

Мари сидела на балконе предоставленной ей виллы в «Транквилити Инн» и смотрела на залитое лунным светом Карибское море, всеми силами пытаясь не сойти с ума от страха. Ее мучил не страх оттого, что ей могут причинить физический вред; и это само по себе было странно, глупо и даже опасно. Она жила с Джейсоном Борном, этой машиной для убийства, в Европе и на Дальнем Востоке и знала, на что он способен. Нет, дело было не в Борне, а в

Дэвиде, в том, что Борн делает с Дэвидом Веббом. Она должна это остановить!.. Они могли бы уехать далеко-далеко, в какое-нибудь безопасное место, и начать новую жизнь под новыми именами, создать свой мир, в котором нет места Карлосу. У них достаточно денег для этого, они могут это сделать. Такие вещи происходили все время – сотни, тысячи мужчин, женщин и детей, жизни которых угрожала опасность, были спасены их правительствами; а если правительство и должно было защитить какого-нибудь человека, то это был Дэвид Вебб!.. «Нелепо об этом думать», – решила Мари, встав со стула и подойдя к перилам веранды. Этого никогда не произойдет, потому что для Дэвида это не выход. Там, где замешан Шакал, Дэвидом Веббом управлял Джейсон Борн, который был способен уничтожить тело своего хозяина. Боже, что с нами будет?

Зазвонил телефон. Мари на мгновение застыла, потом бросилась в спальню и сняла трубку:

– Алло?

– Привет, сестричка, это Джонни.

– А, это ты...

– Из чего следует, что о Дэвиде новостей нет.

– Нет, братишка, и мне немного не по себе.

– Он позвонит, как только сможет, ты же знаешь.

– Неужели ты звонишь, чтобы сказать мне об этом?

– Нет, просто проверка. Я застрял на большом острове, и, похоже, мне придется пробыть здесь какое-то время. Мы с Генри сейчас в Доме правительства и ждем, когда губернатор лично поблагодарит меня за услуги Министерству иностранных дел.

– Я ничего не понимаю...

– Прости. Генри Сайкс, помощник губернатора Ее Величества, попросил меня помочь тому престарелому герою французского Сопротивления, который живет недалеко от тебя. А если королевский губернатор собирается тебя отблагодарить, ты должен ждать, пока тебя отблагодарят, – ибо, когда связи исчерпаны, Дом правительства – это то, что надо таким, как я.

– Джонни, ты меня совсем запутал.

– От Бас-Тер надвигается шторм. Он начнется через несколько часов.

– От кого?

– Откуда, ты хотела сказать. Неважно, я вернусь до его начала. Скажи горничной, чтобы приготовила мне постель.

– Джон, тебе совсем не обязательно здесь оставаться. Господи, тут за оградой и внизу на пляже вооруженные люди и черт знает кто еще.

– Ничего, это нормально. Пока, и обними за меня детей.

– Они спят, – успела ответить Мари, когда ее младший брат положил трубку.

Забывшись, Мари тоже опустила трубку и, глядя на телефон, вслух произнесла: «А ведь я совсем тебя не знаю, братишка... наш дорогой, неисправимый братишка. А сколько про тебя знает мой муж, черт бы вас обоих побрал!»

Снова зазвонил телефон, испугав ее. Мари сняла трубку:

– Алло?

– Это я.

– Слава богу!

– Его нет в городе, но все в порядке. Со мной все хорошо, и дело продвигается.

– Тебе не нужно этого делать! Нам всем не нужно этого делать!

– Нет, нужно, – ответил Джейсон Борн, как будто Дэвида Вебба никогда и не было. – Просто знай, что я люблю тебя – он тебя любит...

– Прекрати! Опять это происходит...

– Ну, извини меня, пожалуйста, прости.

– Ты ведь Дэвид!

– Конечно, Дэвид. Я просто пошутил...

– Нет, ты не шутишь!

– Я говорил с Алексом, только и всего. Мы просто немного поругались!

– Нет, ты меня обманываешь. Я хочу, чтобы ты вернулся, чтобы ты приехал сюда!

– В таком случае я больше не могу с тобой говорить. Я люблю тебя.

Послышались короткие гудки, а Мари Сен-Жак-Вебб бросилась на кровать, и покрывало заглушило ее стоны отчаяния.

Александр Конклин, с красными от напряжения глазами, стучал по клавиатуре своего компьютера, глядя на записи в папках, которые Борн прислал из поместья генерала Свайна. Двойной зуммер неожиданно разорвал тишину комнаты. Это был равнодушный сигнал машины о том, что обнаружено очередное двойное соответствие. Он проверил результат. R.G. Что это значит? Ввел значение еще раз, но ничего не нашел. Снова начал печатать, словно бездушный автомат. Тройной зуммер. Алекс продолжал нажимать раздражающе светлые клавиши, все быстрее и быстрее... Четыре сигнала зуммера... пять... шесть. Стереть написанное – остановиться – продолжить. R.G. R.G. R.G. R.G. Что это может быть?

Он перепроверил данные по записям из трех кожаных папок. На экране зеленым цветом вспыхнул набор заурядных цифр: 617-202-0011. Телефонный номер. Конклин соединился с Лэнгли, вызвал ночного дежурного и попросил оператора из ЦРУ проверить полученный номер.

– Он не проходит по нашей базе, сэр. Это один из трех телефонов одного человека в Бостоне, штат Массачусетс.

– Назовите имя абонента.

– Гейтс, Рэндольф. Дом номер...

– Благодарю, оператор, – не дал ему закончить фразу Алекс, который уже узнал все, что нужно.

Рэндольф Гейтс, ученый, юрист и адвокат для избранных, для сильных мира сего. Ничего удивительного, что такой человек замешан в миллионных махинациях американского интереса в Европе... Нет, минутку. Это странно, это просто невозможно! Не может быть, чтобы этот адвокат был связан с сомнительной и незаконной организацией типа «Медузы». Бред какой-то! Никто не был в восторге, когда этот известный знаток юриспруденции чисто выиграл очень спорное дело по поводу нарушения прав собственности в Ассоциации барменов. Он был известным приверженцем буквы закона, использовал малейшие юридические лазейки в свою пользу, но никому и в голову не приходило сомневаться в его честности. Взгляды Гейтса на судебную систему и на жизнь вообще были так непопулярны среди элиты либерально настроенных юристов, что его бы давным-давно исключили из профессионалов, дай он хоть малейший повод сомневаться в своей профпригодности.

И несмотря на все это, имя Гейтса три раза фигурировало в расписании визитов одного из членов «Медузы», виновного в растрате денег, направленных на развитие национальной обороны. Ненадежного представителя «Медузы», чье недавнее самоубийство оказалось убийством.

Конклин посмотрел на экран, на дату последней записи Свайна, относящейся к R.G. Она была сделана второго августа, едва ли неделю назад. Алекс взял дневник в кожаном переплете и открыл его на втором августа. Он сосредоточивался на именах, а не на пояснениях, если только они не казались ему важными, – он не был уверен, что поступает правильно, но доверял своему чутью. Если бы он точно знал, кто этот R.G., рукописная шифровка около последней записи о многом бы рассказала.

RG н хчт нзнач мйр Крфт. Крфт нужен в свм отдл. Ключ. Париж – 7 лт назад. Второе дело у нас.

Какое отношение к этому имеет Париж? – не мог понять Алекс, хотя и все остальные записи Свайна пестрели иностранными и экзотическими названиями, как будто генерал собирался поразить тех, кто будет читать его дневник. Кроме того, Конклин уже чертовски устал; если бы не результат поиска по компьютеру, он бы не стал задерживаться на персоне доктора Рэндольфа Гейтса, этого представителя адвокатского Олимпа.

Париж – 7 лт назад. Второе дело у нас.

Первая часть шифровки была понятна, вторая более неопределенна, но тоже доступна для анализа. Слово «второе» скорее всего относилось к армейской разведке, отделу G-2, а «дело» – к данным о каком-то происшествии, добытым агентами в Париже – 7лт назад и выкраденным из картотеки. Это была дилетантская попытка использовать в качестве шифра жаргон разведчиков, употребляя его не так, как принято. «Ключ», должно быть, обозначал что-то типа «решения проблемы» – боже, да ведь Свайн просто идиот! В своем блокноте Алекс выписал закодированную информацию так, как она должна была звучать на самом деле:

«Рэндольф Гейтс не хочет и слышать о возможном назначении майора Крафта (Крофта или даже Кристофера, потому что рукописное „f“ могло на самом деле оказаться „s“). (Но) Крфт нужен нам в своем отделе. Проблему можно решить с помощью информации из картотеки G-2 о деятельности Гейтса в Париже 7 лет назад, папка с указанными данными выкрадена и находится у нас».

«Если это и не совсем точная передача смысла шифровки, основная идея именно такова», – решил Конклин и посмотрел на наручные часы. Было три двадцать утра, время, когда даже самый уравновешенный человек вздрогнет от неожиданного телефонного звонка. Но почему бы и нет? Дэвид – то есть Джейсон – был прав. Дорог каждый час. Алекс снял трубку и начал набирать номер в Бостоне, штат Массачусетс.

Телефон продолжает надрываться, а эта сучка не хочет поднять трубку у себя в спальне! Гейтс перевел взгляд на светящийся экран коммутатора, и кровь отхлынула от его головы. Звонили по секретному номеру, которым могли воспользоваться очень немногие. Адвокат опустил на кровать с широко открытыми от страха глазами; этот странный звонок из Парижа пугал его все больше. Звонили по поводу рейса на остров Монтсеррат, Гейтс чувствовал это! Посланная им информация оказалась неверной... Префонтейн обманул его, и теперь Париж требует объяснений! Боже, ведь они придут за ним, они все узнают! Нет, еще есть выход, можно все объяснить, рассказать правду. Он доставит предателей в Париж, точнее, представителю парижского отделения организации здесь, в Бостоне. Он напоит Префонтейна и этого мерзкого сыщика и заставит все рассказать единственному человеку, который сможет его оправдать... Телефон! Нужно ответить. Нельзя, чтобы подумали, будто он что-то скрывает. Гейтс протянул руку и схватил с трезвонящего аппарата трубку, поднес ее к уху.

– Да?

– Господин адвокат, – произнес тихий голос на другом конце линии, – это произошло семь лет назад. Мне напомнить вам, что у нас есть вся информация о вашей деятельности в то время? Второй отдел оказывает нам гораздо большее содействие, чем вы.

– Меня обманули, клянусь вам! – закричал Гейтс, у которого от страха тряслись ноги и охрип голос. – Вы ведь не думаете, что я способен передать неверные данные. Я еще не рехнулся!

– Мы знаем, что иногда вы можете самовольничать. Мы послали обычный запрос...

– Клянусь, я сделал все возможное. Господи, я заплатил пятнадцать тысяч долларов, чтобы сохранить все в тайне, чтобы ничего нельзя было проследить – конечно, дело не в деньгах...

– Вы заплатили? – переспросил тихий голос.

– Я могу показать вам банковские чеки!

– На что же вы потратили эти деньги?

– На оплату нужных сведений, естественно. Я нанял бывшего судью, у которого есть связи...

– На оплату сведений о Крафте?

– Что-что?

– О Крафте... О Кристофере?

– О ком?

– О нашем майоре, господин адвокат. О майоре.

– Если это ее кодовое имя, то да, да, о ней!

– Ее кодовое имя?

– Женщины. И двоих детей. Они вылетели на остров Монтсеррат. Клянусь, мне так сказали.

Раздался неожиданный щелчок, и связь прервалась.

Глава 13

Рука Конклина судорожно сжимала телефонную трубку, лицо покрылось испариной. Положив трубку на место, он отпрянул от компьютера, со страхом на него оглядываясь, как на монстра, заманившего его в параллельный мир, где ничему нельзя верить и ничто не подчиняется привычным законам. Как такое возможно? Каким образом Рэндольф Гейтс узнал про остров Монтсеррат, про Мари и детей? Как?

В голове Алекса царил хаос, мысли сталкивались друг с другом. С бешено стучащим сердцем он опустил в кресло, не зная, что и думать. Его левая рука сжала правое запястье, ногти впились в кожу. Он должен успокоиться, должен что-нибудь придумать – что-нибудь предпринять! Ради жены и детей Дэвида.

Но какая связь существовала между всеми этими людьми? Да и возможна ли такая связь? Казалась нереальной даже невольная причастность Гейтса к деятельности «Медузы», не то что его связь с Карлосом-Шакалом. Это просто невозможно! Но по всему выходило, что такая связь существовала. Неужели Карлос был частью «Медузы», к которой принадлежал Свайн? Все, что им было известно про Шакала, решительно говорило об обратном. Сила этого убийцы в том и заключалась, что он не принадлежал ни к одной организации; Джейсон Борн доказал это тринадцать лет назад в Париже. Никто не мог найти Шакала самостоятельно, необходимо было послать сообщение, и он сам выходил на связь. Единственной организацией, которую признавал международный наемный киллер, была армия его стариков, раскинувшая свои сети от Средиземного моря до Балтики; в нее входили всевозможные отбросы общества, влачившие жалкое существование и щедро одаренные им преступники, готовые умереть за своего благодетеля. Какое же место занимал – мог занимать – в происходящем такой человек, как Рэндольф Гейтс?

Он не мог быть связан с этим, решил Алекс, перебрав в уме все, что было известно о Гейтсе, – нельзя доверять непроверенным фактам, даже если они

кажутся очевидными. Известный адвокат не мог иметь отношение к Карлосу, как не мог он быть и членом «Медузы». Он был аберрацией объектива, дефектом линзы, еще одним достойным человеком, совершившим единственный ошибочный поступок, о котором узнали две разные группировки с почти безграничными возможностями. Все знали, что Шакал обладал связями в Интерполе и французской службе госбезопасности, ну а про то, что «Медуза» имела доступ к материалам G-2, и говорить не приходилось. Это было единственно возможное объяснение, потому что Гейтс был слишком неординарен, слишком могуч, чтобы так долго и заметно вращаться в высших кругах общества, если его можно было легко скомпрометировать. Нет, только хищники типа Шакала и «Медузы» способны настолько глубоко проникнуть в суть дела и докопаться до таких серьезных вещей, что это позволило шантажировать Рэндольфа Гейтса. Несомненно, Карлос первым добрался до него.

Конклин вспомнил неоднократно подтверждавшуюся истину: мир коррупционеров планетарного масштаба был на самом деле небольшим многоуровневым сообществом со строгой геометрией, в котором пересекались цели и интересы всех его участников. Да и как иначе? Жители этого смертельно опасного мира предлагали свои услуги клиентам особого племени – отребьям человеческого общества. Грабь, шантажируй, убивай. Шакал и члены «Медузы» принадлежали к этому же тайному братству. Братству Любителей Наживы.

Это осложняло задачу. С такими трудностями мог бы справиться Джейсон Борн – но не Дэвид Вебб, а последний все еще представлял собой значительную часть личности Борна. Кроме того, обе части одного человека находились в тысяче миль от острова Монтсеррат, места, которое Карлос выбрал для убийства. Остров Монтсеррат?.. Ну, конечно же, Джонни Сен-Жак! «Младший брат», который в полной мере проявил себя в глуши северных районов Канады, несмотря на непонимание семьи и особенно обожаемой сестры. Это человек, который способен убить в гневе – который убивал в ярости – и будет снова убивать, если его дорогая сестра и ее дети окажутся под прицелом Шакала. Дэвид верил в него – Джейсон Борн в него верил, а это было еще важнее.

Алекс посмотрел на автоответчик и быстро поднялся из кресла. Он бросился к столу, сел и нажал клавишу перемотки пленки, отыскивая на ней нужный участок. Алекс гонял ее взад-вперед, пока не нашел место, где был записан испуганный голос Гейтса.

– ...Господи, я заплатил пятнадцать тысяч долларов...

Нет, решил Конклин, не здесь.

– ...Я могу показать вам банковские чеки...

Дальше!

– ...Я нанял бывшего судью, у которого есть связи...

Вот оно. Судья.

– ...Они вылетели на остров Монтсеррат...

Алекс открыл ящик, в котором лежал лист бумаги с каждым номером, по которому он звонил в течение последних двух дней, на случай, если какой-нибудь ему срочно понадобится. Он нашел номер «Транквилити Инн» в Карибском море, снял трубку и позвонил. После большого количества гудков, чем казалось нужным, сонный голос ответил:

– Транквилити слу...

– Это очень важно, – перебил Конклин. – Мне нужно срочно поговорить с Джоном Сен-Жаком. И побыстрее, пожалуйста.

– Сэр, я очень сожалею, но мистера Сен-Жака здесь нет.

– Я должен его найти. Еще раз повторяю – это очень важно. Где он сейчас?

– На большом острове...

– На Монтсеррате?

– Да...

– Где именно?.. Моя фамилия Конклин. Ему нужно поговорить со мной – ему просто необходимо со мной поговорить. Пожалуйста!

– Со стороны Бас-Тер пришел большой ветер, и до утра все полеты отменены.

– Что-что пришло?

– Тропический циклон...

– А-а, шторм.

– Мы предпочитаем говорить ТЦ, сэр. Мистер Сен-Жак оставил телефонный номер, по которому ему можно позвонить в Плимут.

– Как ваше имя? – неожиданно спросил Алекс.

Портье ответил, что его зовут Причард, и Конклин продолжил:

– Мистер Причард, я собираюсь задать вам один вопрос очень деликатного свойства. Важно, чтобы ваш ответ меня успокоил. В противном случае вам нужно будет сделать то, что я скажу. Мистер Сен-Жак подтвердит все мои

слова, когда я с ним свяжусь; но сейчас у меня нет на это времени. Вы понимаете меня?

– О чем вы хотите спросить? – В голосе администратора чувствовалось оскорбленное достоинство. – Я уже не ребенок.

– Простите, я не хотел вас...

– Спрашивайте, мистер Конклин. Вы ведь торопитесь.

– Ах да, конечно... Скажите, сестра мистера Сен-Жака и ее дети... они в надежном месте? Мистер Сен-Жак позаботился об их безопасности?

– Вы имеете в виду вооруженных охранников на вилле и нашу обычную охрану на пляже внизу? – спросил администратор. – Ответ положительный.

– Это то, что я и хотел услышать. – Алекс глубоко вздохнул, дыхание у него все еще было учащенным. – В таком случае дайте мне номер, по которому я могу связаться с мистером Сен-Жаком.

Клерк продиктовал Конклину телефон, потом добавил:

– Сэр, многие аппараты не работают. Будет лучше, если вы оставите свой номер. Ветер еще сильный, но мистер Сент-Джей, без сомнения, вернется сюда с рассветом, как только сможет.

– Да, конечно. – Алекс выпалил номер телефона квартиры в Вене, который не прослушивался, и заставил администратора на острове Монтсеррат повторить его. – Все, спасибо, – закончил Конклин. – Теперь попробую позвонить в Плимут.

– Скажите, как пишется ваша фамилия. К-о-н-ч...

– К-о-н-к, – не дал ему закончить Алекс, бросая трубку и тут же набирая номер в Плимуте, столице острова Монтсеррат. Опять ответил удивленный заспанный голос, произнесший невразумительное приветствие.

– С кем я говорю? – нетерпеливо поинтересовался Конклин.

– Не понял, какого черта – а я с кем говорю? – сердито переспросил человек по-английски.

– Я пытаюсь найти Джона Сен-Жака. Это очень важно, и мне дали этот номер в конторе «Транквилити Инн».

– Господи, неужели их телефоны не пострадали?

– Как видите. Пожалуйста, скажите, Джон там?..

– Да, да, конечно. Он здесь, напротив, через холл; я его позову. Как вас представить?..

– Скажите, что с ним хочет поговорить Алекс.

– Просто «Алекс»?

– Да, и побыстрее, пожалуйста!

Двадцать секунд спустя в трубке послышался голос Джона Сен-Жака:

– Конклин? Это ты?

– Слушай меня. Они знают, что Мари и дети улетели на Монтсеррат.

– Нам сообщили, что кто-то в аэропорту наводил справки о женщине с двумя детьми...

– Так вот почему ты переселил их из дома в гостиницу.

– Да.

– А кто ими интересовался?

– Мы не знаем. Звонили по телефону... Я не хотел оставлять их одних даже на несколько часов, но пришлось явиться в Дом правительства, а к тому времени, когда этот сукин сын королевский губернатор закончил, уже налетел шторм.

– Знаю. Я поговорил с портье, и он дал мне этот номер.

– Это единственный способ связи, телефоны все еще работают. Обычно в такую погоду они отключаются, поэтому мы и стараемся быть поближе к Короне.

– Как я понял, ты выставил охрану...

– Ты чертовски догадлив! – прокричал в трубку Сен-Жак. – Проблема в том, что я не знаю, кого искать, кроме чужаков в лодках или на пляже; а если они не будут останавливаться и вразумительно представляться, я приказал стрелять.

– Я могу немного помочь...

– Говори!

– У нас появилась зацепка – не спрашивай как; из воздуха, но это и неважно, главное – зацепка реальная. Человек, который проследил путь Мари на Монтсеррат, воспользовался услугами судьи, у которого, по-видимому, есть связи на островах.

– Судья? – Владелец «Транквилити Инн» просто взорвался. – Господи, он там! Боже мой, он там! Я убью этого грязного подонка...

– Прекрати, Джонни! Возьми себя в руки – кто там?

– Судья, и он еще настоял, чтобы его называли другим именем. Я даже внимания на это не обратил – пара чудаковатых стариков с похожими именами...

– Стариков?... Не торопись, Джонни, это важно. Что за два старика?

– Один, о котором ты говоришь, – из Бостона...

– Это он! – подтвердил Алекс.

– Другой прилетел из Парижа...

– Из Парижа? Господи боже! Парижский старик!

– Что?..

– Шакал! Карлос подослал на острова своих стариков!

– Так, Алекс, теперь ты не торопись. – В трубке было слышно дыхание Сен-Жака. – Теперь ты выражайся яснее.

– Нет времени, Джонни. У Карлоса есть армия – собственная армия – из стариков, которые умрут за него, убьют за него. На пляже не будет никаких чужаков, они уже там! Ты можешь вернуться на остров?

– Да, как-нибудь постараюсь! Я свяжусь с моими людьми в «Транквилити». Эти два куса дерьма за все заплатят!

– Джон, поторопись!

Сен-Жак нажал маленький рычаг старого телефона, отпустил его и услышал пульсирующий гудок. Он набрал телефон гостиницы на острове Транквилити.

– Приносим свои извинения, – произнес записанный голос. – В связи с плохими погодными условиями установить связь с вызываемой местностью невозможно. Правительство прилагает все усилия для восстановления линии. Пожалуйста, попробуйте перезвонить позже. Удачного вам дня.

Джон Сен-Жак с такой силой бросил трубку, что телефон раскололся надвое.

– Катер! – закричал он. – Мне нужен катер отдела по борьбе с наркотиками!

– Ты с ума сошел, – возразил помощник губернатора из другого конца комнаты. – Ты видел, какие там волны?

– Морской катер, Генри! – произнес преданный брат, опуская руку к поясу и медленно вынимая автоматический револьвер. – Или мне придется сделать то, о чем я даже думать не хочу, но я достану себе катер.

– Дружище, я не могу в это поверить.

– Я тоже не могу, Генри... Но мне придется это сделать.

Сиделка жены Жан-Пьера Фонтейна сидела за своим туалетным столиком перед зеркалом и заправляла тщательно уложенные узлом светлые волосы под черную шляпу от дождя. Она взглянула на часы, вспоминая каждое слово самого необычного телефонного разговора, несколько часов назад состоявшегося у нее с Аржентолем, где находился великий человек, для которого нет ничего невозможного.

– Недалеко от вас живет американский адвокат, который называет себя судьей.

– Мсье, я не знаю такого человека.

– Тем не менее он там. Наш герой вполне правомерно жалуется на его присутствие, а то, что этому адвокату звонили домой в Бостон, лишний раз подтверждает, что это именно он.

– Вы хотите сказать, что его присутствие здесь нежелательно?

– Его присутствие там у вас мне противно. Он делает вид, что в долгу передо мной – его долг огромен, и одно это уже могло бы его погубить, – но все равно его поведение дает мне понять, что он неблагодарен, что он хочет уйти от уплаты долга, предав меня. А предав меня, он предаст вас.

– Считайте, что он уже труп.

– Правильно. В прошлом я ценил его, но времена меняются. Найдите его и убейте. Обставьте его смерть как несчастный случай... И еще, раз уж это наш последний разговор до вашего возвращения на Мартинику, вы все приготовили для последнего поручения?

– Да, мсье. Хирург из госпиталя в Форт де Франс подготовил два шприца. Он выражает вам свою преданность.

– Это естественно. Ведь он жив, чего нельзя сказать о нескольких дюжинах его пациентов.

– Они ничего не знают про его другую жизнь на Мартинике.

– Я в курсе... используйте препарат через сорок восемь часов, когда шумиха начнет стихать. Осознание того, что наш герой был моим изобретением – а я сделаю так, что это узнают все, – заставит Хамелеона почувствовать унижение.

– Будет исполнено. А вы сами скоро прилетите сюда?

– Ко времени, когда всех охватит шок. В течение ближайшего часа я вылетаю и прибуду на Антигуа до того, как на Монтсеррате наступит полдень. Если все пройдет по плану, я буду как раз вовремя, чтобы наблюдать жестокие мучения Джейсона Борна, прежде чем поставить свою подпись – пулю в его глотку. Тогда американцы поймут, кто победил. Adieu.

Словно в религиозном экстазе, сиделка склонила голову перед зеркалом, повторяя про себя мистические слова своего всеведущего владыки. «Пора», – решила она, открыла ящик туалетного столика и выбрала из украшений бриллиантовое ожерелье, подарок своего наставника. Все будет очень просто. Она без труда узнала, кто такой этот судья и где он остановился, – старый, болезненно худой человек, живущий через три виллы. Все будет организовано очень четко, «несчастный случай» станет всего лишь прелюдией к тому ужасу, который начнется на двадцатой вилле менее чем через час. Во всех виллах Транквилити имелись керосиновые лампы на случай перебоев с электричеством или поломки генератора. Испуганный старик с плохими нервами от страха, вызванного бушующим штормом, может попытаться зажечь лампу, чтобы успокоиться. Какая трагическая случайность, что верхняя часть его тела упадет в разлитый керосин, и шея обгорит дочерна; шея, на которой будет удавка. Сделай это, настаивали голоса в ее голове. Ты должна подчиниться. Если бы не Карлос, ты бы давно была обезглавленным трупом в Алжире.

Она сделает это – она сделает это прямо сейчас.

Резкий стук дождя по крыше и окнам и свистящий, воющий ветер утонули в слепящей вспышке молнии, за которой последовал оглушительный раскат грома.

Жан-Пьер Фонтейн беззвучно плакал, стоя на коленях перед кроватью; его лицо находилось в нескольких дюймах от лица жены, и слезы падали на холодную кожу ее руки. Она была мертва, и все объясняла записка около неподвижных белых пальцев: «Maintenant nous deux sommes libres, mon amour»¹⁹.

Они оба свободны. Она – от ужасной боли, он – от уплаты цены, затребованной мсье. Цены, истинного значения которой он не раскрывал, но она все равно понимала, что это было что-то чудовищное. Сам он уже несколько месяцев знал, что его подруга приготовила таблетки, которые быстро оборвут ее жизнь, когда она станет невыносимой. Он подолгу, подчас с яростью искал их, но найти не мог. Сейчас он понимал почему, глядя на маленькую коробочку с ее любимыми пастилками, безобидными

лакричными конфетками, которые его жена долгие годы со смехом отправляла в рот.

– Будь благодарен, mon cher20, они так похожи на икринки тех дорогих наркотиков, которыми балуются богачи.

Это были не икринки, а яд, смертельный яд.

Шаги. Это сиделка! Она вышла из комнаты, но еще не знает, что произошло с его женой. Фонтейн вскочил с кровати, как мог вытер глаза и заспешил к двери. Он открыл ее, удивленный видом женщины; она стояла прямо перед ним, подняв руку, чтобы постучать в дверь костяшками пальцев.

– Мсье!.. Вы напугали меня.

– По-моему, мы напугали друг друга.

Жан-Пьер выскользнул наружу, быстро притворив за собой дверь.

– Реджина наконец-то заснула, – прошептал он, поднося указательный палец к губам. – Этот ужасный шторм всю ночь не давал ей уснуть.

– Но ведь он послан нам – то есть вам – небесами, не так ли? Иногда мне кажется, что монсеньор способен управлять такими вещами.

– Тогда я сомневаюсь, что это послание небес. Не они являются источником его могущества.

– К делу, – перебила сестра, не оценив последнего высказывания и отходя от двери. – Вы готовы?

– Буду через несколько минут, – ответил Фонтейн, направляясь к столу, в ящике которого были заперты приспособления для убийства. Он опустил руку в карман и вытащил ключ.

– Не могли бы вы повторить план действий? – повернувшись, попросил он.
– Для меня, конечно. В этом возрасте детали обычно забываются.

– Да, я повторяю, тем более что произошли небольшие перемены.

– Неужели? – Старый француз поднял брови. – В мои годы неожиданные перемены также нежелательны.

– Это касается всего лишь времени проведения операции, разница составит не более четверти часа, возможно, немного меньше.

– Я готовился к этому целую вечность, – заметил Фонтейн, когда очередная вспышка молнии, на доли секунды опередившая свой раскат грома, залила ярким светом потоки дождя, стучавшего по окнам и крыше.

– Снаружи довольно опасно; эта молния ударила совсем рядом.

- Если вы так считаете, подумайте о том, каково охранникам.
 - Так что за «некоторые перемены»? Соизвольте объяснить.
 - Я ничего не буду вам объяснять, кроме того, что это приказ из Аржентоля и вы за это отвечаете.
 - Судья?
 - Сделайте выводы самостоятельно.
 - Так, значит, он не был послан, чтобы...
 - Я ничего больше не скажу. Что касается перемен. Вместо того чтобы бежать отсюда к охранникам двадцатой виллы и просить помочь спасти вашу жизнь, я скажу, что возвращалась из администрации, где жаловалась на отсутствие телефонной связи, и увидела пожар на четырнадцатой вилле – она третья в ряду от нас. Без сомнения, начнется переполох; прибавьте сюда шторм и то, что все будут кричать и звать на помощь. Это сигнал для вас. Используйте общее замешательство; проникните на виллу той женщины и уберите всех, кто останется, – перед этим не забудьте убедиться, что глушитель в порядке. После этого входите внутрь и делайте то, что поклялись сделать.
 - То есть я жду, когда начнется пожар и вы с охранниками вернетесь на одиннадцатую виллу?
 - Именно. Оставайтесь у выхода, за закрытой дверью, естественно.
 - Само собой.
 - Мне может понадобиться пять или даже двадцать минут, но вы должны оставаться на месте.
 - Да, конечно... Могу я спросить, мадам – или, может быть, мадемуазель, хотя последнее маловероятно...
 - Что вас интересует?
 - Вам понадобится пять или двадцать минут для чего?
 - Вы старый дурак. Для того чтобы сделать то, что нужно.
 - А, ну, конечно же.
- Сиделка накинула на себя плащ, затянула пояс и направилась к парадной двери виллы.
- Забирайте свои приспособления, и чтобы через три минуты вас здесь не было, – приказала она.

– Да, конечно.

Дверь за женщиной захлопнулась от ветра, она вышла наружу под проливной дождь, который стеной сомкнулся за ней. Ошеломленный и озадаченный, старый француз застыл на месте, пытаясь понять, что происходит. Ситуация менялась слишком быстро, а его разум еще был затуманен зрелищем предсмертных страданий жены. Но у него не было времени ни чтобы погоревать, ни чтобы прочувствовать случившееся... Нужно соображать, и соображать быстро. Открытие следовало за открытием, оставляя вопросы, на которые необходимо найти ответы, чтобы все понять – понять происходящее на острове Монтсеррат!

Сиделка представляла собой что-то большее, чем просто связующее звено с Аржентодем; этот ангел спасения был и ангелом смерти, убийцей. Так для чего же понадобилось посылать его за тысячи миль, чтобы выполнить работу, которую мог так же хорошо выполнить другой; и без этого искусственного маскарада с его прибытием. Старый герой французского Сопротивления... это было совсем не обязательно. А что касается возраста, ведь на острове появился еще один человек – еще один старик, который совсем не был киллером. Возможно, думал фальшивый Жан-Пьер Фонтейн, он совершил ужасную ошибку. Возможно, другой «старик» приходил не убивать, а предупредить его!

– Mon Dieu, – прошептал француз, – парижский старик, из армии Шакала! Как много вопросов!

Фонтейн быстро прошел к двери в спальню сиделки и открыл ее. Ловкими, отработанными благодаря долгой практике движениями, лишь немного ослабленными возрастом, он начал методично обыскивать комнату женщины – чемодан, шкаф, одежду, подушки, матрасы, комод, туалетный столик, письменный стол... стол. Запертый ящик в столе – и такой же запертый ящик стола в соседней комнате. Его «принадлежности». Теперь это неважно! Его жены больше нет, а осталось слишком много вопросов!

На столе стояла тяжелая лампа на толстой медной подставке – он поднял ее, выдернув шнур, и ударил по ящику. Еще раз, еще и еще, пока дерево не расщепилось, раздробив углубление, где находился язычок замка. Он резко выдвинул ящик и со смешанным чувством ужаса и понимания стал разглядывать его содержимое.

Рядом друг с другом в пластиковых коробочках на бархатной подстилке лежали два шприца, наполненные одинаковым желтоватым раствором. Ему не нужно было выяснять его составляющие; эффективных препаратов было гораздо больше, чем он знал. Жидкая смерть в вены.

И уж тем более у него не возникло сомнений в том, кому это предназначалось. *Cete a cete dans le lit 21*. Два тела рядом на кровати. Он и его жена в объятиях окончательного приговора. Как же мсье все тщательно продумал! Мертвый! Один мертвый старик из стариковской армии Шакала перехитрил охрану, убив и искалечив близких Джейсона Борна, злейшего врага Карлоса. А за этой безупречной махинацией, естественно, стоит сам Шакал!

Ce n'est pas le contrat! 22 Я – да, но не моя жена. Вы же мне обещали!

Сиделка. Ангел не спасения, но смерти. Человек, известный на острове Транквилити как Жан-Пьер Фонтейн, со всех ног бросился в соседнюю комнату. К своим принадлежностям.

Большой серебристый гоночный катер с двумя огромными двигателями пробивался сквозь волны, то зарываясь в них, то взлетая вверх. Стоя на низком коротком мостике, Джон Сен-Жак по памяти вел катер патрульной службы через опасные рифы, помогая себе мощным прожектором, который высвечивал вздыбившиеся воды то в двадцати, то в сотне футов перед носом судна. Джон все время кричал в свою рацию, микрофон которой болтался перед его залитым водой лицом, вопреки логике надеясь предупредить кого-нибудь в «Транквилити Инн».

Он находился в трех милях от острова, который вулканическим образованием, поросшим буйной растительностью, возвышался над водой. Остров Транквилити был на несколько километров ближе к Плимуту, чем к аэропорту Блэкбурн, и, зная прибрежный фарватер, до него было ненамного дольше добираться на скоростном катере, чем на гидроплане. Джонни не мог найти другого объяснения этим размышлениям, кроме того, что они его немного успокаивали, доказывая, что он предпринимает все возможное. Черт! Почему он всегда предпринимает все возможное, а не просто все? Он не мог опять оплошать, только не сейчас, не сегодня! Боже, он всем обязан Мари и Дэвиду. Быть может, даже в большей степени этому сумасшедшему ублюдку, который был его зятем, чем своей сестре. Дэвид, чокнутый Дэвид; он иногда сомневался, знает ли Мари о том, что такой человек вообще существовал!

– Не впутывайся в это, братишка, я сам со всем разберусь.

– Дэвид, ты не сможешь, ведь я это сделал. Я их убил!

– Я сказал, не лезь.

– Я просил помочь, а не заменить меня!

– Видишь ли, я и есть ты. Я бы поступил точно так же, и это делает тебя мной в моих глазах.

– Ты с ума сошел!

– Без этого никак. Когда-нибудь я научу тебя убивать чисто, без следов. А пока слушайся адвокатов.

– А если они проиграют дело?

– Я вытащу тебя. Я тебя вытащу.

– Как?

– Снова буду убивать.

– Я не могу тебе поверить! Учитель, ученый – я не верю тебе, я не хочу тебе верить – ты муж моей сестры.

– Ну и не верь мне, Джонни. Забудь все, что я тебе сказал, и никогда не рассказывай сестре о нашем разговоре.

– Это сейчас говорит та другая личность в тебе, не так ли?

– Ты очень дорог Мари.

– Это не ответ! Здесь, сейчас – ты ведь Борн, ведь так? Джейсон Борн!

– Джонни, мы больше никогда не будем возвращаться к этой теме. Ты меня понял?

«Нет, я не понял», – думал Сен-Жак, когда порывы ветра и вспышки молнии, казалось, окутали судно. Даже когда Мари и Дэвид сыграли на его слабых струнах и предложили ему построить новую жизнь на островах. Вкладывая деньги, сказали они; построй нам дом, а потом посмотрим, захочешь ли ты оттуда уезжать. Мы будем поддерживать тебя, насколько это возможно. Зачем они это сделали? Зачем?

Это сделали не «они», это сделал «он». Джейсон Борн.

Джонни Сен-Жак понял это сегодня утром, когда поднял трубку около бассейна и услышал от местного пилота, что кто-то в аэропорту интересовался женщиной с двумя детьми.

Когда-нибудь я научу тебя убивать чисто, без следов. – Джейсон Борн.

Огни! Он увидел огни на пляже Транквилити. До берега оставалось меньше мили!

Дождь лил в лицо старого француза, порывы ветра валили с ног, пока он шел по дорожке к четырнадцатой вилле. Он прятал голову от дождя, щурился, вытирал лицо левой рукой; правая сжимала оружие, пистолет, казавшийся больших размеров из-за цилиндра с отверстием – глушителя. Он держал пистолет за спиной, как делал и много лет назад, пробегая вдоль железнодорожного полотна с динамитными пашками в одной руке и немецким «люгером» в другой, готовый бросить и то и другое, если появится патруль нацистов.

Кто бы ни были те люди, что находились сверху по тропинке, для него они были как боши. Все были как боши! Довольно он прислуживал другим. Его жены больше нет; он теперь принадлежит сам себе, потому что ему остались только собственные решения, его собственные чувства, его личное понимание того, что правильно, а что нет... Так вот Шакал был не прав! Апостол Карлоса мог понять необходимость убийства женщины; это понятно, это его долг, но только не детей, не говоря уже о пытках. Это было против бога, а он и его жена скоро предстанут перед Ним; должны же быть какие-то смягчающие обстоятельства?

Остановить ангела смерти! Что она собиралась делать? Что это за пожар, о котором она говорила?.. Тут он увидел его – огромные языки пламени за оградой виллы номер четырнадцать. В окне! Том самом окне, за которым должна была находиться спальня этого шикарного розового дома.

Фонтейн дошел до мощеной дорожки, которая вела к парадному входу, удар грома сотряс под ним землю. Он упал, потом поднялся на четвереньки, подполз к розовой веранде, ее мигающий верхний свет падал на дверь. Расшатать или выломать замок не представлялось возможным, поэтому он поднял пистолет, два раза спустил курок и прострелил замок. Поднялся на ноги и вошел внутрь.

Внутри что-то происходило. Из-за двери главной спальни хозяина доносились крики. Старик француз бросился туда, ноги не слушались его, пистолет дергался в правой руке. Собрав все оставшиеся силы, он выбил дверь и увидел сцену, достойную преисподней.

Сиделка, держа стальной хваткой голову старика, пыталась опустить свою жертву в бушующее керосиновое пламя на полу.

– Arratez! – закричал человек по имени Жан-Пьер Фонтейн. – Assez! Maintenant! 23

Сквозь колышущееся, распространяющееся во все стороны пламя прозвучали выстрелы, и два тела рухнули на пол.

Огни пляжа Транквилити приближались, а Джон Сен-Жак все кричал в микрофон: «Это я! Это Сент-Джей! Не стреляйте!»

Несмотря на это, обтекаемый серебристый патрульный катер был встречен стаккато выстрелов из автоматического оружия. Сен-Жак упал на палубу и продолжал кричать:

- Это я – я причаливаю! Прекратите огонь, черт возьми!
- Это вы, топ? – раздался то радио неуверенный голос.
- Ты хочешь получить зарплату на следующей неделе?
- Конечно, мистер Сент-Джей.

Громкоговорители на пляже на время заглушили ветер и гром с Бас-Тер.

– Все на пляже, прекратите стрелять! Это своя лодка, топ! Это наш босс-топ, мистер Сент-Джей!

Катер выскочил из воды на темный пляж, двигатели взревели, винты зарылись в песок, заостренный корпус смялся, не выдержав натиска. Сен-Жак распрямился из позы эмбриона и перемахнул через планшир.

– Двадцатая вилла! – заорал он, продвигаясь под дождем по пляжу к каменным ступеням, ведущим к дорожке. – Вы все, быстро туда!

Он бежал по мокрой от дождя лестнице и неожиданно вздрогнул. Ему показалось, что все его естество взорвалось тысячью горящих осколков. Выстрелы! Один за другим. В восточной части аллеи! Его ноги работали все быстрее и быстрее, перескакивая через две, а то и три ступени за раз; он добрался до дороги и, словно одержимый, понесся к вилле номер двадцать, в замешательстве оглянулся направо, и это только усилило его опасения. Люди – мужчины и женщины из его служащих – столпились около входа в четырнадцатую виллу!.. А кто там живет?.. Господи, судья!

Его легкие не справлялись, мускулы и сухожилия ног были готовы порваться, когда Сен-Жак добежал до дома сестры. Он проломился сквозь ворота, подбежал к двери, бросился на нее, выбил и влетел внутрь. Его глаза расширились вначале от ужаса, а потом от невыразимой боли, и он с криком рухнул на колени. На белой стене с убийственной четкостью темно-красным были написаны слова:

Джейсон Борн, брат Шакала.

Глава 14

– Джонни! Джонни, прекрати! – Голос сестры ворвался в его уши, она обвила его голову одной рукой, вторую протянула над ним, схватив за

волосы, и едва не выдернула их из головы. – Ты слышишь меня? Братишка, с нами все в порядке! Дети на другой вилле – мы в порядке!

Лица вокруг него и над ним постепенно обретали прежние черты. Среди них были и два старика, один из Бостона, другой из Парижа.

– Вот они! – закричал Сен-Жак, бросаясь вперед, но его остановила Мари, повиснув на нем. – Я убью этих ублюдков!

– Нет! – вскрикнула его сестра, сдерживая его, ей помогал охранник, чьи сильные чернокожие руки держали ее брата за плечи. – Сейчас они наши лучшие друзья.

– Ты не знаешь, кто они! – кричал Сен-Жак, пытаясь освободиться.

– Нет, мы знаем, – перебила Мари, понизив голос и приблизив губы к его уху. – И знаем достаточно, чтобы понять, что они приведут нас к Шакалу...

– Они работают на Шакала!

– Один работал, – сказала его сестра. – Другой никогда и не слышал о Карлосе.

– Ты не понимаешь! – прошептал Сен-Жак. – Это те старики – «парижские старики», армия Шакала! Конклин позвонил мне в Плимут и объяснил... они убийцы!

– Опять-таки, один был убийцей, но больше им не является; ему больше нет смысла убивать. Другой... ну, другой – просто ошибка, глупая, жестокая ошибка, это все, что он собой представляет, и надо благодарить бога за это – за него.

– Это невозможно!..

– Невозможно, – согласилась Мари, кивнув охраннику, чтобы тот помог ее брату подняться. – Пойдем, Джонни, нам нужно поговорить.

Шторм улетел, словно неистовый непрошенный гость, скрылся в ночи, оставив после себя следы своей ярости. Сквозь восточный горизонт пробивалась заря, постепенно сквозь туман заливая светом голубовато-зеленые острова Монтсеррат. Первые лодки осторожно и неторопливо поплыли к привычным местам рыбалки, от улова зависело выживание в течение еще одного дня. Мари, ее брат и два старика сидели вокруг стола на веранде незанятой виллы. За кофе они провели почти целый час, спокойно обсуждая ужасные события прошедшей ночи, бесстрастно выделяя факты. Престарелому фальшивому герою Франции обещали сделать все

необходимое для похорон жены, как только восстановится телефонная связь с большим островом. Если возможно, он хотел бы похоронить ее на островах; она поймет. Во Франции ей не светило ничего, кроме позорной дешевой могилы. Если это возможно...

– Это возможно, – сказал Сен-Жак. – Благодаря вам моя сестра жива.

– Из-за меня, молодой человек, она могла погибнуть.

– Неужели вы убили бы меня? – спросила Мари, изучающе глядя на старого француза.

– Конечно, нет, после того как я узнал, что Карлос собирается сделать со мной и моей женой. Он нарушил договор, а не я.

– А до того?

– Когда я еще не нашел шприцы, понимал ли я, что от меня требуется?

– Да.

– Трудно сказать; договор есть договор. Моя жена мертва, и ее смерть в какой-то степени была вызвана сознанием того, что от меня требуют совершить ужасный поступок. Выполни я это поручение, и, возможно, она бы осталась жива, понимаете? С другой стороны, даже несмотря на ее гибель, я не могу винить во всем монсеньора – без него годы относительного счастья были бы невозможны... Я просто не знаю. Я готов был по его просьбе лишить вас жизни – убить вас, но только не детей... и не делать остального.

– Чего остального? – поинтересовался Сен-Жак.

– Лучше не спрашивайте.

– Я думаю, вы бы меня все же убили, – сказала Мари.

– Говорю вам, не знаю. Здесь не было ничего личного. Вы не были для меня человеком, а просто частью сделки... Однако, как я уже сказал, моей жены больше нет, а я старый человек, и жить мне осталось недолго. Быть может, посмотри я вам в глаза или услышь мольбы детей – и, кто знает, возможно, я бы направил пистолет на себя. А может, и нет.

– Боже, вы настоящий убийца, – тихо произнес брат.

– И много кто еще, мсье. Я не ищу прощения в этом мире; другое дело мир иной. Ведь всегда бывают обстоятельства...

– Французская логика, – вставил Брендан Патрик Пьер Префонтейн, бывший судья первого окружного суда Бостона, и рассеянно потрогал ободранную кожу на шее пониже опаленных седых волос. – Слава богу, мне никогда не приходилось спорить перед les tribunaux²⁴; обычно ни одна

сторона не признает себя виновной. – Лишенный практики адвокат усмехнулся. – Вы видите перед собой преступника, справедливо допрошенного и справедливо осужденного. Единственное обстоятельство, которое снимает с меня обвинения, – это то, что меня поймали, тогда как столько других не были и не будут отданы правосудию.

– Вероятно, мы все же похожи, Monsieur le Juge²⁵.

– Сэр, если уж сравнивать, то мой жизненный путь чем-то напоминает жизнь святого Фомы Аквинского...

– Что же насчет шантажа? – перебила Мари.

– Нет, на самом деле в мои обязанности входило должностное преступление. Получить вознаграждение за принятие нужных решений – это... Господи, вы же знаете, у нас, бостонцев, большие зубы! А в Нью-Йорке это вообще стандартная процедура: оставляете свои денежки главному судье, столько, чтобы хватило на всех.

– Я не о Бостоне говорю, меня интересует, почему вы здесь. Это же шантаж.

– Ну, вы утрируете, хотя в принципе это верно. Как я вам уже сказал, человек, который мне заплатил, чтобы я узнал, где вы находитесь, также заплатил мне изрядную сумму за молчание. В связи с этим и так как у меня не очень плотный график визитов, я решил, что будет логично провести небольшое расследование. Подумайте сами, если мои столь скромные сведения принесли так много, сколько же я смогу получить, если узнаю чуть больше?

– Мсье, вы тут что-то, кажется, говорили о французской логике? – перебил его француз.

– Просто по ходу дела, – ответил бывший судья, бросив быстрый взгляд на Жан-Пьера, и снова повернулся к Мари. – Однако, моя дорогая, я наткнулся на нечто, что очень сильно помогло в моих переговорах с клиентом. Проще говоря, ваша личность была засекречена и находилась под защитой правительства. Это была серьезная информация, которая напугала одного очень солидного и влиятельного человека.

– Мне нужно его имя, – сказала Мари.

– Тогда мне тоже потребуется защита, – заявил Префонтейн.

– Она у вас будет...

– И кое-что еще, – продолжал отставной адвокат. – Мой клиент не знает, что я здесь, не знает о том, что произошло; все это могло бы увеличить мой гонорар, расскажи я ему, через что я прошел и чему стал свидетелем. Он бы

побоялся, чтобы его имя упоминалось в связи с такими событиями. Кроме того, учитывая, что меня чуть было не убила эта тевтонская амазонка, я действительно заслужил большего.

– Мсье, следует ли из этого, что я получу вознаграждение за спасение вашей жизни?

– Если бы у меня было что-то ценное – кроме моего юридического опыта, который в вашем полном распоряжении, – я бы с радостью поделился. Дорогой кузен, так и будет, если я что-нибудь получу.

– *Merci bien, Cousin*²⁶.

– *D'accord, mon ami*²⁷, но прошу вас, ничего не рассказывайте этим ирландским язычникам.

– Что-то не похоже, чтобы вы бедствовали, судья, – заметил Джон Сен-Жак.

– Выходит, что внешность так же обманчива, как и давно забытое звание, о котором вы столь благородно упомянули... Смею добавить, что мои запросы не так уж велики, ведь я одинок, и роскошь не является для меня предметом первой необходимости.

– Так, значит, вы тоже потеряли жену?

– Хотя это и не ваше дело, скажу, что моя жена покинула меня двадцать девять лет назад, а мой тридцативосьмилетний сын, сейчас – преуспевающий адвокат на Уолл-стрит, живет под ее фамилией, а когда кто-нибудь из любопытства его спрашивает, отвечает, что никогда не знал меня. Мы не виделись с тех пор, как ему исполнилось десять лет; это было не в его интересах, ну, вы понимаете.

– *Quelle tristesse*²⁸.

– *Quel* дерьмо, друг мой. Этот парень унаследовал мозги от меня, а не от ветреницы, которая его родила... Но мы отвлеклись. Мой аристократичный французский «родственник» имеет свой интерес – скорее всего, основанный на предательстве – сотрудничать с вами. У меня тоже есть серьезные причины вам помогать, но я не могу забывать и о себе. Мой новый престарелый друг может вернуться и спокойно дожить свой век в Париже, тогда как мне, кроме как в Бостон, податься некуда, а за жизнь у меня скопилось не так много возможностей сводить концы с концами. Поэтому мое искреннее желание помочь должно подождать. С той информацией, которой я обладаю, я не проживу и пяти минут на улицах Бостона.

– Зацепка, – произнес Джон Сен-Жак, пристально глядя на Префонтейна. – Мне жаль, судья, но мы в вас не нуждаемся.

– Что? – Мари выпрямилась на стуле. – Брат, прошу тебя, нам нужна любая помощь!

– Только не от него. Мы знаем, кто его нанял.

– Это правда?

– Конклин знает; он назвал это «зацепкой». Он сообщил мне, что человек, проследивший твой путь с детьми сюда, воспользовался для этого услугами судьи. – Брат указал кивком на бостонца. – Его услугами. Вот почему я угробил катер за сотню тысяч долларов, чтобы сюда добраться. Конклин знает, кто его клиент.

Префонтейн снова посмотрел на старого француза:

– Вот теперь самое время для *Quelle tristesse*, господин Герой. У меня ничего не осталось. Моя настойчивость принесла мне только порезанное горло и опаленный скальп.

– Это совсем не так, – вмешалась Мари. – Вы же юрист, и не мне вам это объяснять. Подтверждение фактов – это тоже помощь. Вы можете потребоваться нам, чтобы засвидетельствовать все, что вы знаете, определенным людям в Вашингтоне.

– Чтобы привлечь меня как свидетеля, потребуется повестка в суд, моя дорогая. Я все подтверждаю под присягой, вот вам мое честное личное и профессиональное слово.

– Мы не будем обращаться в суд. Никогда.

– Да?.. Понимаю.

– Нет, судья, вы еще ничего не понимаете. Все же, если вы согласитесь помочь нам, вам хорошо заплатят... Секунду назад вы говорили о причинах, которые заставляют вас помогать, и что они второстепенны по отношению к вашему желанию разбогатеть...

– Моя дорогая, а вы часом не юрист?

– Нет, экономист.

– Святая Мария, это еще хуже... Вы хотите знать мои причины?

– Они касаются вашего клиента, человека, который нанял вас следить за нами?

– Да. Его августейшая персона – как в «Цезаре Августе» – должна быть выкинута на помойку. Если отбросить незаурядный интеллект, он настоящая проститутка. Он мне столько всего наобещал, но все пошло прахом, когда он поставил на первое место свою личную выгоду.

– Мари, о чем это он?

– Думаю, о человеке с большим влиянием и властью, которых нет у него самого. Наш обвиняемый вступил в борьбу за чистоту нравов.

– И это говорит экономист? – спросил Префонтейн, снова машинально дотрагиваясь до ожогов на шее. – Экономист, рассуждающий о своем последнем прогнозе, вызвавшем неверное поведение на бирже и потери, которые многие игроки смогли выдержать, но большинство – нет.

– Мой голос никогда не обладал таким весом, но я уверяю вас, что эти рассуждения о тех многих, кто никогда не рисковал, потому что их прогнозы оставались только прогнозами, всего лишь теория. Это безопасная позиция... В отличие от вашей, судья. Вам может потребоваться защита, которую мы готовы предоставить. Каков ваш ответ?

– Господи Иисусе и Пресвятая Богородица, ну и деловой же у вас подход...

– Я не могу иначе, – ответила Мари, глядя на старика из Бостона. – Я хочу, чтобы вы остались с нами, но не собираюсь вас упрашивать. Если нет – я просто оставлю вас ни с чем, и можете возвращаться обратно, на улицы Бостона.

– Вы уверены, что вы не юрист – или, скорее, верховный палач?

– Как вам будет угодно. Просто ответьте мне.

– Да кто-нибудь мне в конце концов объяснит, что тут происходит?! – не выдержал Джон Сен-Жак.

– Ваша сестра, – отозвался Префонтейн, нежно глядя на Мари, – только что завербовала рекрута. Она четко обрисовала все перспективы, что очень ценят адвокаты, и ее железная логика, вкупе с прелестным личиком, обрамленным темно-рыжими волосами, не оставляет мне выбора.

– Что?..

– Он предпочел остаться на нашей стороне, Джонни. Проехали.

– Да зачем он нам нужен?

– По множеству различных причин, молодой человек, – ответил судья. – В определенных ситуациях самодеятельность – не лучший способ решить проблемы, если только вы хорошенько не защищены с юридической точки зрения.

– Сестра, ты думаешь, это будет правильно?

– Во всяком случае, братишка, это не так плохо. Но решать Джейсону – черт – Дэвиду!

– Нет, Мари, – сказал Джон Сен-Жак, пристально глядя в глаза сестре. – Пусть решает Джейсон.

– Мне кажется или я где-то встречал это имя? – спросил Префонтейн. – Имя «Джейсон Борн» было написано на стене вашей виллы.

– Это было сделано по моему указанию, – объяснил не совсем фальшивый герой Франции. – Так надо.

– Не понимаю... и тем более не понимаю, что это за «Шакал» или «Карлос», о котором вы так свирепо меня расспрашивали, когда я еще не знал, на каком свете нахожусь. Я думал, что «Шакал» – это миф.

Старик по имени Жан-Пьер Фонтейн посмотрел на Мари; та кивнула.

– Карлос по прозвищу Шакал действительно легенда, но никак не миф. Он профессиональный убийца, которому пошел шестой десяток; говорят, что он болен, но все еще полон яростной ненависти. Он человек со множеством лиц и облиций; одни люди по каким-то причинам его любят, другие ненавидят, считая исчадием ада, – и все по-своему правы. Я как раз тот, кто испытал к нему всю гамму чувств, относился к нему и так, и этак, но вы вряд ли сможете это понять, мы с вами слишком разные, преподобный Фома Аквинский.

– Merci bien²⁹.

– Однако ненависть, которая владеет Карлосом, растет, словно раковая опухоль в его стареющем мозгу. Единственный человек сумел вычислить его; этот же человек обманул его, перехватил пальму первенства по убийствам, лишив Шакала работы; убийство за убийством он сводил Карлоса с ума, когда тот пытался вернуть свою репутацию непревзойденного киллера. Этот же человек повинен в смерти любовницы Шакала – не просто любовницы, а женщины, которую Карлос знал и любил еще с детства, прошедшего в Венесуэле, она была его главным союзником. Это единственный человек, один из сотен или даже тысяч, посланных правительствами разных стран, который когда-либо видел лицо Шакала. Человек, который все это сделал, – продукт американской разведки, необычный человек, он вел смертельно опасный образ жизни на протяжении трех лет. И Карлос не успокоится, пока этот человек не будет наказан... и убит. А зовут этого человека Джейсон Борн.

Ошарашенный рассказом француза, с недоверием в глазах, Префонтейн перегнулся через стол.

– А кто такой этот Джейсон Борн? – спросил он.

– Мой муж, Дэвид Вебб, – ответила Мари.

– Господи, – прошептал судья. – Можно мне чего-нибудь выпить?

Джон Сен-Жак позвал:

– Рональд!

– Да, босс! – отозвался снаружи охранник, чьи сильные руки час назад держали хозяина за плечи на двадцатой вилле.

– Будь добр, принеси нам виски и бренди. Бар должен быть полон.

– Уже иду, сэр.

На востоке неожиданно запыхало оранжевое солнце; его лучи проникали сквозь еще висевшую кое-где над морем утреннюю дымку. Тишина за столом была нарушена тихим и напряженным голосом старого француза.

– Я не привык, чтобы меня обслуживали, – произнес он, отрешенно глядя поверх перил на светлеющие воды Карибского моря. – Когда кого-нибудь о чем-то просят, я всегда думаю, что это относится ко мне.

– Больше этого не будет, – тихо сказала Мари и после небольшой паузы добавила —...Жан-Пьер.

– С этим именем каждый может жить...

– Почему бы вам не остаться здесь?

– Qu'est-ce que vous dites, madame? 30

– Подумайте об этом. Париж может оказаться не менее опасным для вас, чем улицы Бостона для нашего судьи.

Упомянутый судья пребывал в этот момент в задумчивости, рассматривая принесенные на стол бутылки, бокалы и ведро со льдом. Без особых церемоний Префонтейн протянул руку и налил себе хорошую порцию из ближайшей к нему бутылки.

– Я должен задать пару вопросов, – с ударением произнес он. – Можно?

– Валяйте, – ответила Мари. – Не уверена, что смогу или захочу ответить, но давайте попробуем.

– Эти выстрелы, надпись на стене – мой «кузен» утверждает, что красные слова появились по его указанию...

– Так и есть, mon ami. Так же, как громкие выстрелы.

– Для чего?

– Все должно выглядеть естественно. Выстрелы должны были дополнительно привлечь внимание к тому, что произошло.

– Но зачем?

– Мы научились этому во времена Сопротивления – не то чтобы я был «Жан-Пьером Фонтейном», но тоже внес небольшой вклад в общее дело. Мы называли это расстановкой акцентов, давая понять, что в случившемся замешаны подпольщики. Все в округе знали об этом.

– Но для чего это нужно нам здесь?

– Сиделка Шакала мертва. Никто не сможет ему сообщить, что его инструкции не были выполнены.

– Французская логика. Непостижимо.

– Французский здравый смысл. Он непреложен.

– Но все равно, зачем нам это?

– Карлос будет здесь завтра около полудня.

– О боже!

Внутри виллы зазвонил телефон. Джон Сен-Жак поднялся с кресла, но его опередила сестра, махнув рукой перед лицом брата и бросившись через дверь в гостиную. Она сняла трубку.

– Дэвид?

– Это Алекс, – произнес задыхающийся голос. – Господи, у меня телефон три часа стоял на автодозвоне. У вас все в порядке?

– Как ни странно, мы еще живы.

– Старики! Парижские старики! Джонни, он...

– Джонни все сделал, но они на нашей стороне.

– Кто?

– Старики...

– Вы что там, с ума посходили?!

– Еще нет! Здесь все под контролем. Что с Дэвидом?

– Не знаю! Телефонную линию перерезали. Творится черт знает что! Я отправил туда полицию...

– К черту полицию, Алекс! – закричала Мари. – Подключай армию, морскую пехоту, гребаное ЦРУ. Они нам нужны!

– Джейсон не разрешит это сделать. Я не могу его подводить.

- Тогда слушай. Шакал будет здесь завтра!
- Боже! Я должен где-то найти для Дэвида реактивный самолет.
- Так придумай что-нибудь!
- Мари, ты не понимаешь. Старая «Медуза» всплыла на поверхность...
- О «Медузе» расскажешь моему мужу! Шакал не «Медуза», и он прилетает сюда уже завтра!
- Дэвид будет там, ты же знаешь.
- Да, знаю... Потому что сейчас он Джейсон Борн.

– Братец Кролик, все уже не так, как было тринадцать лет назад, и ты ведь тоже не такой, как тогда. От тебя не только не будет никакой пользы, ты будешь только мешать, если не отдохнешь, а еще лучше – поспи. Выключай свет и давай вздремни на том большом диване в гостиной. Я поставлю людей у телефона, хотя вряд ли кто позвонит в четыре часа утра.

Голос Кактуса постепенно затих, пока Джейсон на ватных ногах добрал до темной гостиной; веки его слипались, будто свинцовые. Он упал на диван, с трудом, одну за другой, поднял на него ноги и уставился в потолок. Отдых – это оружие, победа или поражение... Филипп де Анжу. «Медуза». Его внутренний экран выключился, и он уснул.

Сквозь сон пробила оглушительно воющая, пульсирующая и непрекращающаяся сирена, эхом разносясь по пустому дому, словно звуковой торнадо. Борн рывком повернулся и спрыгнул с дивана, сперва потеряв ориентацию, не понимая, где он находится, и на какие-то мгновения забыв, кто он такой.

– Кактус! – закричал он и бросился из богато украшенной гостиной в коридор. – Кактус! – Он крикнул еще раз, но голос утонул в частых и ритмичных завываниях сирены. – Где ты?

Ответа не последовало. Он подбежал к двери в кабинет, схватил ручку. Заперто! Отступил назад и навалился плечом, раз, другой, третий – прикладывая максимум сил, которые сумел собрать. Дверь треснула, потом чуть подалась, и Джейсон стал бить по центральной панели ногой, пока та не развалилась. Он вошел внутрь, и картина, которую он увидел, наполнила созданную «Медузой» машину для убийства холодной яростью. Кактус растянулся на столе под светом единственной лампы, сидя на том самом

стуле, на котором был убит генерал; его кровь собралась красной лужей на книге для записей – он был мертв... Нет, нет, он жив! Правая рука шевельнулась. Кактус был жив!

Борн бросился к столу и аккуратно поднял голову старика; пронзительный, оглушающий, доносящийся со всех сторон визг сирены не давал разговаривать – да и вряд ли Кактус мог говорить. Но тут он открыл свои темные глаза, и трясущаяся правая рука поползла по записной книжке, барабанив скрюченным указательным пальцем по столешнице.

– Что такое? – прокричал Джейсон. Рука продолжала двигаться к краю записной книжки, барабанив все сильнее.

– Внизу? Снизу?

Кактус почти неуловимо утвердительно кивнул.

– Под столом! – закричал Борн, начиная понимать. Он упал на колени справа от Кактуса и поискал рукой под тонким верхним ящиком, потом чуть дальше – есть! Кнопка. Он снова аккуратно откатил тяжелый стул с колесиками на несколько дюймов вправо и внимательнее посмотрел на кнопку. Под ней на черной пластиковой планке мелким белым шрифтом была набрана все объясняющая надпись:

Вспом. сигнализация.

Джейсон нажал на кнопку; звуковой ад тут же прекратился. Наступившая тишина была почти столь же оглушительна, к ней было трудно сразу привыкнуть.

– Куда тебя ранило? – спросил Борн. – Как давно?.. Если можешь говорить, просто шепчи, не напрягайся, ты меня понял?

– Ох, Братец, ты меня с кем-то путаешь, – прошептал Кактус, преодолевая боль. – Я был черным таксистом в Вашингтоне, приятель. И не в такие передраги попадал. Ничего серьезного, пуля попала в плечо.

– Я сейчас же вызову доктора – нашего друга Ивана. Но если можешь, расскажи мне, что случилось, а пока я положу тебя на пол и осмотрю рану.

Джейсон медленно и аккуратно опустил старика со стула на ковер под окном эркера. Он разорвал на Кактусе рубашку; пуля прошла сквозь мышцы левого плеча. Короткими, быстрыми движениями Борн порвал рубашку на полоски и несколько раз обмотал другу грудь, пропустив примитивный бинт под мышкой и через плечо.

– Это не сильно поможет, – заметил Джейсон, – но позволит тебе продержаться какое-то время. Ну, что случилось?

– Брат, он там, снаружи! – лежа на полу, Кактус тяжело кашлял. – У него здоровенный «магнум» пятьдесят седьмого калибра с глушителем; он подстрелил меня через окно, потом разбил его и забрался внутрь... Он – он...

– Не спеши! Лучше помолчи, это неважно...

– Я должен. Там снаружи братья, а у них нет оружия. Он их перестреляет!.. Я притворился мертвым, а он спешил – о, и еще как спешил! Взгляни-ка вон туда.

Джейсон повернул голову в направлении, куда указывала рука Кактуса. Около дюжины книг были скинуты с полки на боковой стене и разбросаны по полу. Старик продолжал слабеющим голосом:

– Он судорожно рылся в книжном шкафу, пока не нашел то, что искал... потом пошел к двери, держа наготове «магнум», если ты еще следишь за моей мыслью... Я понял, что ему был нужен ты, он увидел через окно, как ты ушел в другую комнату, и, скажу тебе, мое колено прыгало как бегущая выхухоль, потому что час назад я обнаружил эту кнопку и понимал, что его надо остановить...

– Не напрягайся!

– Я должен тебе это сказать... Я не мог шевелить руками, потому что он бы это заметил, но коленом я сумел нажать на эту хрень, и чертова сирена чуть не сдула меня со стула... А этот ублюдок растерялся. Он захлопнул дверь, запер ее и ушел через окно. – От нового болевого приступа и слабости голова Кактуса запрокинулась. – Братец Кролик, он там...

– Все, хватит! – приказал Борн, осторожно приподнимаясь и выключая настольную лампу; теперь через разбитую дверь в комнату проникал лишь слабый свет из коридора. – Я позвоню Алексу, он пришлет доктора...

Неожиданно откуда-то снаружи раздался пронзительный крик, крик боли и страдания, так хорошо знакомый Джейсону. Как и Кактусу, крепко зажмурившему глаза.

– Он убил одного. Этот говнюк убил одного из братьев!

– Я звоню Конклину, – бросил Джейсон, схватив со стола телефон. – А после этого пойду и прикончу его... Черт! Телефон не работает – линию перерезали!

– Этот мерзавец знает усадьбу как свои пять пальцев.

– И я тоже, Кактус. Лежи как можно тише. Я за тобой вернусь...

Раздался еще один крик, на этот раз более тихий и короткий, больше похожий на вздох, чем на крик.

– Господи, прости меня, – с искренней болью в голосе прошептал черный старик. – Остался только один брат...

– Если кто и должен просить прощения, так это я! – не своим голосом, задыхаясь, прокричал Борн. – Проклятие! Кактус, клянусь тебе, я никогда не думал, даже не предполагал, что все так обернется.

– Конечно, не предполагал. Я тебя очень давно знаю, Брат, и ни разу не слышал, чтобы ты просил рисковать ради себя... Так было всегда.

– Я сейчас тебя отсюда перетащу, – перебил Джейсон, хватаясь за ковер и волоча Кактуса к правой части стола, чтобы старик мог легко достать рукой до кнопки вспомогательной сигнализации. – Если ты что-нибудь услышишь, увидишь или просто почувствуешь, врубай сирену.

– А ты куда? Я имею в виду, как ты собираешься выбраться?

– Через окно в соседней комнате.

Борн прополз по полу до изуродованной двери, проскользнул в проем и бросился в гостиную. В ее дальнем конце были два французских окна, выходившие во внутренний двор; он вспомнил белую садовую мебель из кованого железа в южной части дома, которую увидел, проверяя расположение охранников. Повернул ручку и выбрался наружу, вытащил из-за пояса свой пистолет, прикрыл правую створку дверей и, пригнувшись, стал продвигаться туда, где заканчивалась лужайка и начинались кусты. Он должен двигаться быстро. На кону была не только третья жизнь, жизнь ничего не подозревавшего и не имевшего непосредственного отношения к происходящему человека, но и киллер, который мог бы стать его пропуском к преступлениям новой «Медузы», а эти преступления были приманкой для Шакала! Они могли отвлечь его, стать магнитом, ловушкой... так, а вот и сигнальные патроны – часть снаряжения, которое он привез с собой в Манассас. Две аварийные «свечи» лежали в его левом заднем кармане, каждая шести дюймов длиной и дававшая столько света, что ее было видно за несколько миль; если зажечь их на некотором расстоянии одну от другой, они осветят владения Свайна, как два прожектора. Одну на южную подъездную аллею, другую в сторону собачьих будок – разбудить дремлющих псов, разозлить и взбесить их – сделай это! Быстрее!

Джейсон полз через лужайку, осматриваясь по сторонам, пытаясь определить, где прячется убийца и как невинная жертва, вовлеченная в происходящее Кактусом, пытается спастись. Один из них обладал большим

опытом, а другой нет, и Борн не мог допустить, чтобы жизнь последнего просто так оборвалась.

Это случилось! Его засекли! Справа и слева от него, разрезая воздух, прошелестели пули, выпущенные из пистолета с глушителем. Перебежав мощенную плитками аллею, Джейсон достиг ее южного края и нырнул в кусты. Достал осветительный заряд, положил на землю пистолет, щелкнул зажигалкой, поджег фитиль и бросил шипящую свечу вправо от себя. Она упала на дорогу; через несколько секунд она вспыхнет ослепляющим пламенем. Прячась за соснами, Борн побежал влево, в сторону задней части усадьбы, держа второй пиропатрон и зажигалку в одной руке, а револьвер в другой. Он бежал параллельно собачьим вольерам; заряд на дороге уже извергал голубовато-белое пламя. Он поджег второй и тоже бросил, тот описал дугу в сорок футов и упал перед вольерами. Он ждал.

Второй патрон начал разбрызгивать огонь, два шара слепящего белого света зловеще осветили дом и окрестности южной части поместья. Три собаки заскулили, потом несколько раз робко тявкнули; скоро их тихая злоба превратится в настоящий лай. Тень. Напротив западной белой стены дома – она двигалась в потоке света между собачьими вольерами и домом. Неясная фигура направлялась к спасительной тени кустов; она неслышно кралась, припадая к земле, но все же выделяясь на фоне неподвижных листьев. Но кто это – убийца или его жертва, последний «брат», которого привел Кактус?.. Был только один быстрый способ это выяснить, достаточно рискованный, если он окажется первым из двух и неплохим стрелком в придачу.

Борн поднялся в полный рост из подлеска, закричал и рванул вправо, через доли секунды развернулся, вспахав ногой мягкую почву, пригнулся и нырнул влево.

– Беги к будке! – проорал он.

И ответ не заставил себя долго ждать. Еще два щелчка, два порыва воздуха – и пули зарылись в землю справа от него. Убийца был опытным; не профессионалом, конечно, но дело свое знал. В «магнуме» 57-го калибра шесть патронов; пять из них использованы, но времени перезарядить опустевший барабан у убийцы было предостаточно. Нужно придумать что-то еще – и быстро!

Неожиданно показалась другая фигура, это был человек, бежавший по дороге в сторону задней стены будки Фланнагана. Он был как на ладони – его же пристрелят!

– Я здесь, ублюдок! – рявкнул Джейсон, подпрыгивая и вслепую паля из своего пистолета по кустам у дома. Тут же прозвучал ответный выстрел, но

он обрадовал Борна. Выстрел был только один, один щелчок и тишина. Киллер не перезарядил оружие! Может быть, у него кончились патроны – неважно, главная цель теперь в пределах досягаемости. Борт выбрался из кустарника и рванул через лужайку, в глаза ему бил свет пиропатронов; собаки успели окончательно рассвирепеть, были слышны их угрожающее рычание и лай. Убийца выскочил из кустов на дорогу и помчался к главным воротам, стараясь держаться в тени. Джейсон знал, что беглецу теперь не уйти. Ворота были закрыты, боец «Медузы» оказался в тупике. Борт крикнул:

– Ну что, «Снейк Леди», дальше бежать некуда! Так что не торопись...

Снова раздался плевок, щелчок. Он перезарядился на бегу! Джейсон выстрелил; человек упал на землю. Вслед за этим непостоянную тишину ночи разорвал рокот мощного двигателя, и показались вспыхивающие красные и голубые огни быстро приближающейся по подъездной дороге патрульной машины. Полиция! Должно быть, сигнализация соединялась с участком в Манассасе, о чем Борт как-то не подумал; он решил, что такое невозможно там, где собирались члены «Медузы». Это было нелогично; охрана была внутренней; посторонние в «Снейк Леди» не допускались. Здесь было слишком много того, что необходимо держать в тайне, – ведь это же кладбище!

Киллер извивался на дороге, все ближе и ближе к окружавшим аллею соснам. Он что-то сжимал в руке. Джейсон подбежал к нему в тот момент, когда двое полицейских вылезали за воротами из своей машины. Он размахнулся, пнул лежащего ногой, выбив из его рук какой-то предмет, и нагнулся, чтобы его поднять. Предмет оказался книгой в кожаном переплете, как том из собрания сочинений Диккенса или Теккерея, с золотым тиснением на обложке, больше пригодный для выставления напоказ, чем для чтения. Что за черт? Но, перелистнув несколько страниц, Джейсон все понял. Внутри не было печатного текста, только рукописные каракули на белых листках. Это дневник, записная книжка!

Здесь только полиции и не хватало! Особенно сейчас. Он не мог допустить, чтобы полицейские узнали о том, что вдвоем с Конклином им удалось проникнуть в тайны деятельности «Медузы». Надо от них отделаться!

– Мистер, к нам поступил вызов, – начал патрульный средних лет, подходя к решетчатым воротам вместе с молодым напарником. – В участке все на уши повставали. Мы на всякий случай приехали, но, как я уже сообщил диспетчеру, здесь часто устраиваются довольно шумные вечеринки; не обижайтесь, сэр. Мы все любим иногда повеселиться, ведь так?

– Совершенно верно, офицер, – отозвался Джейсон, всеми силами стараясь успокоить дыхание и одновременно кося глазами в поисках раненого киллера

– тот исчез! – Ненадолго отключилось электричество, должно быть, это как-то повлияло на телефонные линии.

– Да, такое часто бывает, – подтвердил молодой патрульный. – Достаточно неожиданного ливня или летней грозы. Когда-нибудь они уберут все кабели под землю. Вот в доме у моей родни...

– Дело в том, – перебил Борн, – что все уже почти в порядке. Как видите, свет в доме частично восстановился.

– Я ничего не вижу из-за этих бенгальских огней, – сказал молодой полицейский.

– Генерал всегда старается подстраховаться, – пояснил Джейсон. – Похоже, у него есть для этого основания, – немного не к месту добавил Борн и спохватился: – В любом случае, как я уже сказал, все приходит в норму. Видите?

– Да, вижу, – ответил патрульный постарше, – но у меня сообщение для человека по имени Вебб. Он здесь?

– Это я, – насторожившись, произнес Джейсон Борн.

– Еще лучше. Вас просили как можно скорее позвонить «мистеру Конку». Это очень важно.

– Важно?

– Нам сказали, что чрезвычайно важно. Сообщение передали по рации.

Джейсон услышал, как где-то по периметру владений Свайна задрожала ограда. Киллер уходит!

– Видите ли, офицер, телефоны в доме еще не заработали... у вас в машине есть аппарат?

– Простите, сэр, но он не для частного пользования.

– Но вы сказали, что это очень важно.

– Что ж, я думаю, раз вы гость генерала, это можно устроить. Но, если будете звонить далеко, лучше сразу назовите номер своей кредитки.

А больше вам ничего не сказать?

Борн открыл ворота и бросился к патрульной машине, в этот момент в доме снова сработала сигнализация – сработала и тут же выключилась. Скорее всего, оставшийся в живых брат нашел Кактуса.

– Это еще что? – вскрикнул молодой полицейский.

– Не обращайтесь внимания! – ответил Джейсон, прыгая в машину и вытаскивая из гнезда такой знакомый полицейский телефон. Он продиктовал полицейскому оператору номер Алекса в штате Виргиния и все повторял одну и ту же фразу: «Это очень важно, это очень важно!»

– Да? – ответил Алекс, узнав голос полицейского диспетчера.

– Это я!

– Что там у тебя случилось?

– Нет времени объяснять. Что ты хотел мне сказать?

– Я достал для тебя частный реактивный самолет в аэропорту «Рестон».

– «Рестон»? Это к северу отсюда...

– Полоса в Манассасе не подходит. Я высылаю за тобой машину.

– Но зачем?

– Полетишь на Транквилити. Мари и дети в порядке, они в порядке! Это все по ее просьбе.

– Что все это значит?

– Расскажу, когда приедешь в «Рестон».

– Я хочу знать!

– Завтра на острова прилетает Шакал.

– Мать божья!

– Собери вещи и жди машину.

– Я возьму эту!

– Нет! Нет, если не хочешь все испортить. У нас есть время. Давай, собирайся.

– Кактус... он ранен – его подстрелили.

– Я вызову Ивана. Он сможет быстро вернуться.

– В живых остался один брат – только один, Алекс. Я убил двух других – они погибли из-за меня.

– Прекрати. Хватит. Делай, что должен делать.

– Не могу, черт тебя дери. Кто-то должен здесь оставаться, а ведь я уеду!

– Да, ты прав. Там слишком много такого, о чем никто не должен знать, а ты должен быть на Монтсеррате. Я сам приеду и сменю тебя.

- Алекс, скажи мне, что произошло на Транквилити?!
- Старики... эти твои «парижские старики», вот что произошло.
- Им не жить, – просто и тихо сказал Джейсон Борн.
- Не торопись. Они изменились – по крайней мере, один по-настоящему изменился, а другой, слава богу, вообще не имел к этому отношения. Теперь они на нашей стороне.
- Они никогда не будут ни на чьей стороне, кроме стороны Шакала; ты их плохо знаешь.
- Ты тоже. Жена тебе все расскажет. А сейчас иди в дом и запиши все, что мне может пригодиться. И еще, Джейсон, я должен тебе кое-что сказать. Я молю бога, чтобы ты смог решить свою – нашу – проблему на Транквилити. Если все так пойдет и дальше, я начну серьезно опасаться за свою жизнь, и придется сообщить начальству. Думаю, ты меня знаешь.
- Ты же обещал!
- У тебя тридцать шесть часов, Дельта.

Среди деревьев за оградой крался раненый человек, пряча испуганное лицо за листвой. В ярком свете фар он заметил высокого мужчину, который сел в патрульную машину и теперь выходил из нее, неловко и нервно благодаря полицейских. На территорию усадьбы он их, однако, не пустил.

Вебб. Убийца расслышал имя Вебб.

Это все, что им надо было знать. Все, что надо было знать «Снейк Леди».

Глава 15

- Господи, как я люблю тебя! – сказал Дэвид Вебб, склонившись к телефону в кабинке зала ожидания частного аэродрома в Рестоне, штат Виргиния. – Самое страшное было ждать, ждать возможности с тобой поговорить, услышать от тебя, что с вами все в порядке.
- А ты думаешь, мне самой было легко, дорогой? Алекс сказал, что телефонную линию перерезали и он послал к тебе полицейских, а я хотела, чтобы это была целая армия.
- Мы не можем допустить присутствия полиции, и сейчас не будет никаких официальных заявлений. Конклин обещал мне еще по крайней мере тридцать шесть часов... Может быть, теперь они нам и не понадобятся. Во всяком случае, сейчас, когда Шакал сам появится на Монтсеррате.

- Дэвид, что произошло? Алекс упомянул «Медузу»...
- Он прав, все зашло слишком далеко, ему пора поставить в известность начальство. Ему, а не нам. Мы будем от этого в стороне. Далеко в стороне.
- Но что случилось? – настаивала Мари. – При чем тут старая «Медуза»?
- Появилась новая «Медуза», которая на самом деле является продолжением старой. Она огромная и страшная, и она убивает, то есть они убивают. Я был этому свидетелем сегодня вечером; один из их стрелков пытался шлепнуть меня, думая, что застрелил Кактуса и двух ни в чем не повинных людей.
- Боже мой! Алекс сказал мне, что Кактус с тобой, но он не говорил ничего такого. Что с твоим Дядюшкой Римусом?
- Он будет жить. Приехал доктор из Управления и забрал его вместе с последним братом.
- Братом?
- Объясню, когда встретимся... Сейчас там хозяйничает Конклин. Он все приберет и восстановит телефонную связь. Я позвоню ему с Транквилити.
- Ты совсем измучился...
- Я устал, хотя и не понимаю, с чего бы это. Кактус настоял, чтобы я немного поспал, и я спал целых двенадцать минут.
- Бедненький.
- Мне нравится тон твоего голоса, – сказал Дэвид. – А еще больше слова, но только я не бедный. Ты позаботилась об этом в Париже тринадцать лет назад.
- Неожиданно на другом конце линии его жена замолчала, и Вебб насторожился. – Что такое? Ты в порядке?
- Не знаю, – тихим, но твердым голосом ответила Мари, чувствовалось, что она о многом успела подумать, это не было проявлением эмоций. – Ты говоришь, что эта новая «Медуза» большая и страшная и она пыталась тебя убить – они пытались тебя убить.
- Но не убили.
- Но все равно они, или она, хотят, чтобы ты умер. Почему?
- Потому что я был там.
- Никто не станет убивать человека только потому, что он был в чьем-то доме...

– Сегодня в этом доме многое произошло. Мы с Алексом проникли в его тайны, и нас видели. Идея заключалась в том, чтобы использовать нескольких богатых и известных бандитов из старого сайгонского отряда как наживку для Шакала, которого они наняли бы меня убить. Это был отличный план, но он не сработал.

– Господи, Дэвид, ты что, ничего не понимаешь? Тебя засекли! Они сами за тобой придут!

– Каким образом? Подосланный «Медузой» киллер не мог разглядеть моего лица, потому что я держался в тени, так что они понятия не имеют, кто я такой. Я – неизвестный, который просто исчезнет... Нет, Мари, если Карлос объявится на Монтсеррат и я смогу сделать то, что я точно смогу сделать, мы будем свободны. «Наконец-то свободны», извини за избитое выражение.

– У тебя меняется голос, тебе не кажется?

– Что у кого делается?

– Он на самом деле меняется. Я чувствую.

– Не знаю, о чем ты говоришь, – заметил Джейсон Борн. – Меня зовут. Подали самолет. Скажи Джонни, чтобы глаз не спускал с тех двоих стариков!

По острову Монтсеррат, словно ключья тумана, поползли слухи. Что-то ужасное произошло на Транквилити.

– Плохие времена, топ...

– Злой дух пришел на Антильские острова с Ямайки, и там была смерть, и всех охватило безумие...

– И кровь на стенах смерти, топ, проклятие семьи зверя...

– Тс-с-с! Там была кошка с двумя котятами!..

Звучали и другие голоса...

– Господи, сделай так, чтобы никто ничего не узнал! Весь туристический бизнес, который мы построили, может рухнуть!..

– Никогда еще такого не было – чтобы к нам с другого острова приезжали на разборки из-за наркотиков!

– Так и есть, топ! Я слышал, это все какой-то придурок, наглотававшийся дури...

– А мне сказали, что быстрая лодка, как дикий ураган, умчала его в море. Он исчез!

– Молчи об этом, говорю тебе! Помнишь, что случилось на Виргинских островах? Резню на Фаунтенхэде? Они только через несколько лет оправились. Молчи!

Наконец, был еще один голос:

– Это ловушка, сэр, и, если все пройдет удачно, как мы рассчитываем, о нас будут говорить по всей Вест-Индии, мы станем героями Карибского моря! Это будет замешательно для нашего имиджа. Закон и порядок, и все такое.

– Благодарение небесам! Но кого-нибудь все-таки убили?

– Одну женщину, но она как раз собиралась прикончить другого человека.

– Женщина? Силы небесные, не хочу больше ничего об этом слушать, пока все не кончится.

– Будет лучше, если к вам нельзя будет обратиться за комментариями.

– Отличная мысль. Я выйду на яхте в море; после шторма рыба хорошо клюет.

– Замечательно, сэр. А я буду поддерживать с вами связь по радио.

– Может, не стоит? Нас могут подслушать.

– Я сказал это только для того, чтобы сообщить вам, когда следует возвращаться – чтобы это было наиболее эффектное появление. А пока я буду вашим заместителем.

– Да, конечно. Вы отличный человек, Генри.

– Благодарю вас, господин королевский губернатор.

Десять часов утра. Они крепко обнялись, но времени на разговоры не было, только на недолгую радость от того, что все теперь вместе и в безопасности. Спокойствия прибавляло знание того, чего не знает Шакал; это обстоятельство давало им огромное преимущество. Однако это было всего лишь преимущество, а не гарантия – там, где замешан Карлос, ее быть не могло. Оба, и Джейсон, и Джон Сен-Жак, твердо решили: Мари с детьми должна улететь в Гваделупу на остров Бас-Тер. Там они побудут под присмотром миссис Купер, дородной горничной семейства Вебб, плюс охраны до тех пор, пока их не вызовут обратно на Монтсеррат. Мари стала возражать, но ее протест был встречен молчанием; ее муж отдавал распоряжения быстро и холодно.

– Ты должна улететь, потому что у меня работа. И хватит это обсуждать.

– Опять, как в Швейцарии... Как в Цюрихе, да? Джейсон?

– Это уж как хочешь, – ответил Борн, уже занятый другими мыслями; все трое стояли в начале пирса, а в нескольких ярдах от его края два гидросамолета покачивались на воде. Один из них доставил Джейсона с Антигуа прямо на Транквилити; другой заправляли перед полетом в Гваделупу, миссис Купер с детьми уже находились на его борту.

– побыстрее, Мари, – поторопил Борн. – Я хочу все обсудить с Джонни, а потом вздуть этих двух старых мерзавцев.

– Дэвид, они не мерзавцы. Благодаря им мы живы.

– С чего ты это взяла? Только потому, что они провалили свое задание и теперь спасают собственные задницы?

– Это несправедливо.

– Это справедливо, пока я так считаю, и они будут мерзавцами, пока не смогут убедить меня в обратном. Ты не знаешь стариков Шакала, а я их знаю. Они могут сказать и сделать все, что угодно, обмануть и пустить слезу, а чуть что не так – воткнут нож тебе в спину. Он владеет ими – телом, разумом и душой, если от нее еще что-то осталось... А теперь давай в самолет, не заставляй пилота ждать.

– Неужели ты не хочешь увидеться с детьми, сказать Джеми, что...

– Нет, на это нет времени. Веди ее к самолету, Джонни. Я хочу проверить пляж.

– Дэвид, я проверил абсолютно все, – произнес Сен-Жак тоном на грани вызова.

– Я сам скажу тебе, все ты проверил или нет, – отрезал Борн, сердито оглядывая песчаный берег, и, не оборачиваясь, громко добавил: – У меня к тебе много вопросов, и моли бога, чтобы ты смог на них ответить!

Сен-Жак напрягся, шагнул вперед, но его остановила сестра.

– Братишка, не обращай внимания. – Она положила свою руку на его. – Он боится.

– Он что? Да он просто злобный сукин сын, вот он что такое!

– Да, я знаю.

Брат посмотрел на сестру:

– Это про того чужака ты говорила вчера?

– Да, только теперь все стало сложнее. Поэтому он боится.

– Ничего не понимаю.

– Он постарел, Джонни. Ему уже пятьдесят, и он не знает, сможет ли делать все то, что делал когда-то давно – во время войны, в Париже, в Гонконге. Это его терзает и гложет, поскольку он знает, что придется выкладываться больше, чем когда-либо раньше.

– Думаю, он справится.

– Я знаю, что он справится, потому что у него есть на это очень веские причины. У него уже однажды отняли жену и двоих детей. Он почти ничего не помнит, но именно в этом причина его страданий; Мо Панов тоже так думает, да и я сама... А теперь, спустя столько лет, новая жена и дети под угрозой. Естественно, что у него нервы на взводе.

Неожиданно с пляжа с расстояния в три сотни футов донесся голос Борна, перекрывая шум морского ветра:

– Черт побери, я же тебе сказал – быстрее!.. Ну а ты, мистер Эксперт! Это что такое – риф, который по цвету сливается с отмелью. Ты об этом подумал?

– Джонни, успокойся. Пойдем к самолету.

– Какая отмель? О чем он?.. О, дьявол, кажется, понимаю!

– А я нет, – заметила Мари, когда они быстро зашагали по пирсу.

– Восемьдесят процентов берега острова окружены рифами, из которых девяносто пять процентов сосредоточены около пляжа. Они разбивают волны, поэтому остров и зовется Транквилити; здесь совсем нет прибоя.

– И что же?

– А то, что любой пловец с аквалангом не рискует разбиться о рифы, он может лечь на отмель перед рифом. Тогда он сможет наблюдать за пляжем и охраной и подползти ближе, когда все будет чисто, оставаясь в воде в нескольких футах от берега, пока не появится возможность снять охранника. Я никогда об этом не думал.

– Зато он подумал, братишка.

Борн сидел на углу стола, перед ним на диване расположились два старика, его шурин стоял у окна, выходявшего на пляж нежилой виллы.

– Мсье, зачем мне – то есть зачем нам – вас обманывать? – спросил герой Франции.

– Потому что все это звучит как французский фарс. Похожие, но разные фамилии; когда одна дверь открывается, другая закрывается, двойник появляется, произносит свою реплику и исчезает. Здесь что-то нечисто.

– Быть может, вы поклонник Мольера или Расина?..

– Я поклонник необычных совпадений, особенно когда в этом замешан Шакал.

– Мне кажется, между нами нет ни малейшего сходства, – заметил судья из Бостона. – Кроме, пожалуй, нашего возраста.

Зазвонил телефон. Джейсон быстро спрыгнул со стола и снял трубку:

– Да?

– В Бостоне все сходится, – произнес голос Конклина. – Его зовут Префонтейн, Брендан Префонтейн. Он был федеральным судьей первого округа, которого поймали на жульничестве в государственном масштабе и обвинили в злостном нарушении служебных обязанностей – проще говоря, он брал большие взятки. Ему дали двадцать один год, из которых он отсидел десять, чего, впрочем, оказалось достаточно, чтобы его не брали на работу. Сейчас он, что называется, алкоголик со стажем, этакий персонаж грязных районов Бин-тауна, но вполне безобиден – его там по-своему любят. Также считается, что в трезвом виде он хорошо соображает, и, как мне сказали, многие шалопаи не получили бы оправдания или более короткого срока заключения, не дай он дельный совет их адвокатам. Можно сказать, что он закулисный «серый юрист», кулисами в его случае являются салуны, бильярдные и, по-видимому, ночлежки... А так как я был в той местности, где он балуется выпивкой, он кажется мне сильной личностью. Он справляется с этим гораздо лучше меня.

– Но ты же бросил пить.

– Если бы я лучше показал себя в этой стране вечных сумерек, может быть, и не пришлось бы. Выпивка часто помогает.

– Что с его клиентом?

– Ужасно, наш бывший судья был помощником профессора права в Гарварде, где Гейтс у него прослушал два курса лекций. Никаких сомнений, Префонтейн его знает... Верь ему, Джейсон. Ему незачем врать. Он просто хотел подзаработать.

– Ты следишь за клиентом?

– Использую все штучки, какие только есть в моей шкатулке. Он приведет нас к Карлосу... Связь с «Медузой» вывела нас на ложный след. Это была

глупая попытка глупого генерала из Пентагона внедрить кого-нибудь во внутренние дела Гейтса.

– Ты в этом уверен?

– Теперь уверен. Гейтс работает высокооплачиваемым консультантом юридической конторы, защищающей интересы компании, производящей системы глобальной обороны, за которой следит антимонопольный комитет. Он даже не отвечал на звонки Свайна, потому что, если бы отвечал, оказался бы еще глупее, чем Свайн, а это не так.

– Ну, дружище, это уже твои проблемы. Если здесь все пройдет по-моему, о «Снейк Леди» я больше и слышать не хочу. На самом деле, я даже не припоминаю, слышал ли я о ней вообще.

– Спасибо, что сваливаешь все на меня, – я тебе даже немного благодарен. Кстати, в школьной записной книжке, которую ты вырвал у того гробовщика в Манассасе, есть интересные вещи.

– Неужели?

– Помнишь тех троих частых посетителей из регистрационной книги отеля «Мэйфлауэр», которые прилетали в Филадельфию восемь месяцев назад и снова остановились в отеле в то же время восемь месяцев спустя?

– Конечно.

– Их имена записаны в блокноте Свайна с Микки-Маусом на обложке. Они не имеют к Карлосу никакого отношения, они из «Медузы». В этой книжке целые залежи не имеющей отношения к нашему делу информации.

– Мне это неинтересно, так что пользуйся на здоровье.

– Так и сделаем, причем очень осторожно. Через несколько дней за этим блокнотом будут охотиться буквально все.

– Рад за тебя, но мне нужно делать свое дело.

– И ты не хочешь помощи?

– Абсолютно. Я ждал этого момента тринадцать лет. Как я уже говорил, это встреча один на один.

– Сцена из фильма «Жаркий полдень»?

– Нет, логическое продолжение одной очень интеллектуальной шахматной партии. Выигрывает игрок, у которого ловушка хитрее, а самая хитрая ловушка у меня, потому что я использую его собственную. Но малейшая ошибка – и он все поймет.

– Профессор, мы слишком хорошо тебя обучили.

– За что вам спасибо.

– Удачной охоты, Дельта.

– Пока.

Борн положил трубку и перевел взгляд на двух стариков, которые с умильным любопытством смотрели на него с дивана.

– Судья, вы прошли проверку на вшивость, – обратился Джейсон к Префонтейну. – А что же делать с вами, господин «Жан-Пьер»? Моя собственная жена, которая признает, что вы убили бы ее без малейшего зазрения совести, говорит мне, что я должен вам верить. И что мне думать после этого?

– Я – это я, и я сделал то, что сделал, – с достоинством произнес отставной адвокат. – Но мой клиент зашел слишком далеко. Его самонадеянную персону надо уничтожить, а пепел пустить по ветру.

– Я – выражаюсь не так цветисто, как мой новообретенный ученый родственник, – заметил престарелый герой Франции. – Но я знаю, что эти убийства надо прекратить; это же пыталась внушить мне жена. Это, конечно, лицемерие с моей стороны, потому что к убийствам я имею некоторое отношение, скажу только, что такие убийства пора прекратить. Это не бизнес, убийство не принесет никакого дохода, это просто месть окончательно спятившего сумасшедшего, совершенно не нужное убийство матери и ее детей. Какая от этого выгода?.. Нет, Шакал зашел слишком далеко. Теперь его обязательно нужно остановить.

– Черт, более хладнокровного рассуждения на такие темы я в жизни не слышал! – вскричал Джон Сен-Жак у окна.

– Я считаю, что вы нашли нужные слова, – одобрительно заметил бывший судья, обращаясь к преступнику из Парижа. – *Tres bien*³¹.

– *D'accord* ³².

– А я пока не знаю, что с вами обоими делать, – вмешался Джейсон Борн. – Но сейчас у меня небольшой выбор... Джентльмены, уже без двадцати пяти двенадцать. Время бежит.

– Что-что? – не понял Префонтейн.

– Если что-то и произойдет, то произойдет в ближайшие два, пять, десять или двадцать четыре часа. Я отправлюсь обратно в аэропорт Блэкбурна, где устрою сцену – понесший тяжелую утрату муж и отец, обезумевший от

убийства жены и детей. Уверяю вас, для меня это будет несложно; я там организую настоящее представление... Потребую, чтобы мне тут же предоставили самолет на Транквилити, а когда я сюда прибуду, на набережной будут стоять три сосновых гроба, предположительно с моей женой и детьми.

– Замечательная мысль, – перебил француз. – Bien.

– Очень bien, – подтвердил Борн. – Я буду настаивать, чтобы один открыли, а потом закричу, или упаду, или сделаю и то и другое, смотря что придет в голову, чтобы те, кто будет смотреть, надолго запомнили увиденное. Сен-Жак будет меня опекать – Джонни, поглубже и поубедительнее, – и в конце концов меня отведут на другую виллу, ближайшую к лестнице, ведущей на пляж в восточной части острова... Останется подождать.

– Этого Шакала? – спросил бостонец. – Он будет знать, где вы?

– Естественно. Многие, в том числе и прислуга, увидят, куда меня поселят. Он все узнает, для него это детская задача.

– И вы будете ждать его, мсье? Вы считаете, что Шакал попадется на такую уловку? Это смешно!

– Совсем нет, мсье, – спокойно ответил Джейсон. – Начнем с того, что меня там не будет, а к тому времени, когда он это поймет, я уже найду его.

– Бог ты мой, почему ты так в этом уверен?! – почти прокричал Сен-Жак.

– Потому что я лучше его, – объяснил Джейсон Борн. – И всегда был лучше.

Все прошло по плану, и работники аэропорта Блэкбурн на острове Монтсеррат долго не могли прийти в себя от оскорблений рослого истеричного американца, который их всех обвинил в убийстве, в том, что позволили террористам убить его жену и детей – что они, черномазые, с радостью помогли подлым убийцам. Жителей острова не только охватила тихая ярость, были оскорблены их лучшие чувства. Ярость была тихая, потому что все сочувствовали его горю, а оскорбленными островитяне себя ощущали потому, что не могли понять, как он мог обвинять их, да еще такими обидными словами, которых никогда до этого не употреблял. Разве может такое быть, топ, что этот богатый брат веселого Джонни Сент-Джея, этот богатый-богатый друг, который вложил столько денег в остров Транквилити, на самом деле вовсе и не друг, а совсем наоборот, белокожий мусор, обвинивший их в ужасных вещах, к которым они не имеют никакого отношения, только потому, что у них черная кожа. Это ужасная загадка, топ. Это часть того безумия, того злого духа, что пришел через море с гор Ямайки

и наслал проклятие на их остров. Следите за ним, братья. Следите за каждым его движением. Возможно, он тоже шторм, только не тот, что рождается на юге или востоке, а еще более опасный. Следите за ним, топ. В гневе он страшен.

И за ним стали следить. Все – от простых жителей до чиновников, потому что нервный Генри Сайкс держал слово. Официальное расследование находилось под его личным контролем. Оно было скрытым, тщательным – и несуществующим.

На пристани «Транквилити Инн» Борн повел себя даже еще хуже, он колотил собственного шурина, дружелюбного Сент-Джея, пока молодой человек его не успокоил и не отвел по лестнице к ближайшей вилле. Прислуга бегала взад-вперед, принося к воротам подносы с едой и напитками. Избранным посетителям разрешили принести свои соболезнования, включая главного помощника королевского губернатора при полном параде и орденах, символах королевской заботы. Еще был старик, прошедший войну и не понаслышке знакомый со смертью; он настоял на своем посещении убитого горем мужа и отца – его сопровождала одетая в форму сиделки женщина, в соответствии с моментом в шляпе с темной траурной вуалью. Пришли два постояльца отеля из Канады, близкие друзья владельца, которые оба встречались с Джейсоном, когда под канонаду грандиозного фейерверка отель «Транквилити Инн» открывали несколько лет назад, – они попросили позволить им выразить сочувствие и утешить несчастного. Джон Сен-Жак согласился, но с условием, что их посещение будет по возможности недолгим и что они с пониманием отнесутся к тому, что его зятю лучше оставаться в углу затемненной гостиной с зашторенными окнами.

– Все это так ужасно, так бессмысленно! – тихо произнес гость из Торонто, обращаясь к неясной фигуре в кресле в другом конце комнаты. – Я надеюсь, что вы верующий человек, Дэвид. Я – верующий. В такие моменты вера очень помогает. Ваши родные сейчас в руках господ.

– Благодарю вас. – Короткий порыв ветра с моря поколебал занавески, позволив прямому солнечному лучу проникнуть в комнату. Этого оказалось достаточно.

– Постойте, – произнес второй канадец. – Вы не... Бог ты мой, вы не Дэйв Вебб! У Дэйва...

– Тихо, – проронил Сен-Жак, стоя у дверей позади двоих посетителей.

– Джонни, я несколько часов провел в рыбацкой лодке вместе с Дэйвом, и я сразу его узнаю, когда увижу!

– Заткнитесь! – приказал владелец «Транквилити Инн».

– О боже! – тихо вскрикнул помощник королевского губернатора рубленым британским акцентом.

– Слушайте меня, вы оба, – сказал Сен-Жак, бросаясь между двумя канадцами и закрывая собой кресло. – Я жалею, что вообще вас сюда пустил, но с этим ничего не поделаешь... Я думал, вы придадите событию вес, как еще два свидетеля, на случай, если кто-нибудь станет задавать вопросы. А так и будет, и вот что вы скажете. Вы разговаривали с Дэвидом Веббом, утешали Дэвида Вебба. Понятно?

– Я ни черта не понимаю, – возразил сбитый с толку посетитель, который искал утешения в вере. – Кто это?

– Он старший помощник королевского губернатора, – пояснил Сен-Жак. – Я вам об этом говорю и надеюсь, что вы понимаете...

– Ты имеешь в виду эту армейскую шишку, который прибыл при полном параде со взводом черномазых солдат? – спросил гость, который рыбачил с Дэвидом Веббом.

– Кроме всего прочего, он еще и старший военный помощник. Он бригадный генерал...

– Но мы видели, как этот метис уходил, – запротестовал рыбак. – Из гостиной, мы все видели, как он уходил! Вместе со старым французом и сиделкой...

– Вы видели другого человека. Он был в черных очках.

– Это был Вебб?

– Джентльмены! – Помощник губернатора поднялся со стула, облаченный в скверно сидящую на нем куртку, в которой Джейсон Борн прилетел на Транквилити из аэропорта Блэкбурн. – Вы дорогие гости на нашем острове, но, как гости, вы будете выполнять чрезвычайные постановления Короны. И либо вы будете им следовать, либо мы будем вынуждены поместить вас под охрану, как мы обычно делаем в плохую погоду.

– Эй, Генри, перестань. Это друзья...

– Друзья не называют бригадиров «метисами»...

– Господин генерал, вы бы сделали то же самое, если бы вас понизили в звании до капрала, – вставил человек веры. – Мой друг не хотел вас обидеть. Задолго до того, как вся чертова канадская армия стала нуждаться в услугах инженеров его компании, он служил в пехоте. Кстати, о его компании. Ведь он не очень хорошо зарекомендовал себя в Корее.

- Хватит молоть всякую чушь, – перебил приятель Вебба по рыбалке. – То есть мы были здесь и говорили с Дэвидом, так?
- Да. И это все, что я могу вам сказать.
- Этого достаточно, Джонни. У Дэвида проблемы, чем мы можем помочь?
- Ничем – абсолютно ничем, просто следуйте расписанию мероприятий гостиницы. Час назад на ваши виллы принесли по копии.
- Лучше скажи сам, – заметил религиозный канадец. – Никогда не читаю эти чертовы увеселительные программки.
- Гостиница устраивает специальный ленч, все за счет заведения, и выступит работник метеоцентра с Подветренных островов с кратким сообщением о том, что произошло прошлой ночью.
- Это вы про шторм? – спросил пониженный в звании рыбак, а в настоящий момент владелец крупнейшей промышленной компании. – Шторм и есть шторм на этих островах. Что тут объяснять?
- Ну, почему они происходят и почему так быстро кончаются; как себя вести – в общем, успокоить общественность.
- И нужно, чтобы мы все там были, ты это хочешь сказать?
- Да, именно это.
- И это поможет Дэйву?
- Да, поможет.
- Тогда там будут все, я обещаю.
- Весьма благодарен, но как вы это устроите?
- Я разошлю еще одно приглашение, в котором будет сообщаться, что Ангус Макферсон Маклеод, председатель совета директоров «Ойл Канада Инжиниринг», платит десять тысяч долларов тому, кто задаст самый интересный вопрос. Как тебе это, Джонни? Богатеи всегда любили халяву, это наша главная слабость.
- Ловлю вас на слове, – только и смог ответить Сен-Жак.
- Пошли, – обратился Маклеод к своему религиозному другу из Торонто. – Мы будем со слезами на глазах распространять эти новости. А потом, дурацкий полковник – вот кто ты был, – где-нибудь через час мы сменим пластинку и станем рассказывать только про десять тысяч долларов и бесплатный ужин. При воздействии пляжа и солнца человеческое внимание можно удерживать приблизительно две с половиной минуты; в холодную

погоду не более четырех. Поверь, я провел специальное компьютерное исследование... Джонни, на твоей вечеринке сегодня будет весь народ.

Маклеод повернулся и пошел к двери.

– Скотти, – прокричал верующий, торопясь за рыбаком. – Ты не думаешь, что говоришь! Внимание, две минуты, четыре минуты, компьютерное исследование – ни слову не верю!

– Правда? – спросил Ангус, уже взявшись за ручку двери. – Но ведь десяти тысячам долларов ты поверишь, не так ли?

– Само собой.

– Вот увидишь, это тоже мое маркетинговое исследование... Именно поэтому я владелец компании. А сейчас на мои глаза навернутся слезы – это еще одна причина, почему я глава компании.

В темной подсобке на четвертом этаже главного здания «Транквилити Инн» Борн, который уже сбросил военный мундир, и старый француз сидели на стульях перед окном, выходившим на восточную и западную аллеи, протянувшиеся вдоль берега. Внизу виллы располагались по обеим сторонам каменной лестницы, ведущей к пляжу и пристани. У каждого в руках было по мощному биноклю, через которые они внимательно оглядывали людей, прогуливавшихся по аллеям или поднимавшихся и спускавшихся по вырубленной в скале лестнице. На подоконнике перед Борном лежала переносная рация, настроенная на выделенную частоту отеля.

– Он поблизости, – тихо произнес Фонтейн.

– Что? – закричал Борн, отняв бинокль от глаз и поворачиваясь к старику. – Где? Скажите мне, где он!

– Мы не видим его, но он где-то рядом с нами.

– Что вы хотите сказать?

– Я его чувствую. Как животные чувствуют приближение грозы. Это сидит внутри вас; это страх.

– Что-то не совсем вас понимаю.

– Это касается только меня. Наверное, вы и не сможете понять. Соперник Шакала, человек со множеством лиц, Хамелеон – убийца, известный как Джейсон Борн, – не ведает страха, им движет исключительно храбрость, и это следствие его силы. Так нам говорили.

В ответ Джейсон мрачно усмехнулся.

– Выходит, вас обманывали, – тихо сказал он. – Часть этого человека охвачена таким животным страхом, какой редко кому приходилось испытывать.

– Мсье, мне трудно в это поверить...

– Уж поверьте. Ведь я и есть этот человек.

– Правда, мистер Вебб? Но все несложно исправить. Вам приходится мириться со своим вторым Я из-за этого страха?

Дэвид Вебб внимательно смотрел на старика.

– Господи, а что мне еще остается?

– Вы могли бы на время исчезнуть, вы и ваша семья. Вы могли бы мирно жить, в полной безопасности, ваше правительство бы помогло.

– Он придет за мной – за нами, – куда бы мы ни отправились.

– Но как долго он сможет вас преследовать? Год? Полтора? В любом случае меньше чем два года. Он болен; весь Париж – мой Париж – это знает. Учитывая нереальные затраты и сложности, которые сейчас возникли из-за всей этой подготовки, чтобы заманить вас в ловушку, мне кажется, это последняя попытка Карлоса. Бросайте это, мсье. Отправляйтесь к вашей жене на Бас-Тер, а потом улетайте за тысячи миль отсюда. Позвольте ему вернуться в Париж и умереть в разочаровании. Разве этого не будет достаточно?

– Нет. Он придет за мной, за всеми нами! Нужно покончить с этим здесь, сейчас.

– Похоже, скоро я воссоединюсь со своей женой, поэтому сейчас я позволяю себе не соглашаться с некоторыми людьми, такими, как вы, например, Monsieur Le Cameleon 33, с кем я бы точно согласился раньше.

Теперь все обстоит именно так. Я считаю, что вы можете уехать далеко-далеко. Я считаю, что вы можете забыть про Шакала и жить нормальной жизнью, за короткое время ее перестроив, но вы ведь так не поступите. Что-то внутри вас останавливает; вы не можете позволить себе стратегическое отступление, что было бы не менее благородно, поскольку позволит избежать насилия. Ваша семья в безопасности, но другие могут погибнуть, и даже это вас не останавливает. Вы должны победить...

– По-моему, хватит этого лепета, – перебил Борн, вновь поднося бинокль к глазам и концентрируясь на происходящем внизу под окнами.

– И так всегда, не правда ли? – спросил француз, изучающе глядя на Le Cameleon и не трогая свой бинокль. – Они вас слишком хорошо тренировали, слишком глубоко вбили в вас ту личность, которой вы должны были стать. Джейсон Борн против Карлоса Шакала, и Борн должен победить, необходимо, чтобы он победил... Два стареющих льва, которых давным-давно натравили друг на друга, оба горящие ненавистью, которую в них вложили недалекие стратеги, не предполагавшие, к каким последствиям это приведет. Сколько лишились жизни, потому что пересеклись с вами? Сколько ни о чем не подозревающих мужчин и женщин было убито...

– Заткнитесь! – закричал Джейсон, но словно наяву перед ним проплыли короткие видения: Париж, а также Гонконг, Макао и Пекин – и недавняя ночь в Манассасе, штат Виргиния. Так много смертей!

Неожиданно, без всякого предупреждения, открылась дверь в темную подсобку, и внутрь быстро вошел запыхавшийся судья Брендан Префонтейн.

– Он здесь, – сообщил бостонец. – Один из патрульных отрядов, посланных Сен-Жаком, который состоял из трех человек и находился в миле отсюда по восточному берегу, не отвечал на вызовы по радио. Сен-Жак послал охранника найти их, и тот только что вернулся, но тут же убежал. Все трое убиты, у каждого по пуле в глотке.

– Это Шакал! – воскликнул француз. – Это его *carte de visite* – его визитная карточка. Он объявляет о своем прибытии.

Глава 16

Послеполуденное солнце неподвижно висело в небе, обжигая воздух и землю, шар огня, который стремился иссушить все под собой. А не внушавшее доверия «исследование», предложенное канадским промышленником Ангусом Маклеодом, вполне себя оправдало. Несмотря на то что несколько гидросамолетов прилетели, чтобы увезти испуганные пары, коллективное внимание обычных людей после таких событий можно было удержать на период времени более продолжительный, чем от двух с половиной до четырех минут. Как все поняли, во время предрассветного шторма имело место ужасное происшествие, акт мести. В него был замешан человек, желавший отомстить старым врагам, убийца, давно покинувший остров. После того как убрали ужасные гробы вместе с прибитым к берегу искореженным катером и по радио прозвучали успокаивающие слова правительства, а также тут и там стали периодически появляться ненавязчивые охранники, к людям возвратилось чувство безопасности – конечно же, не абсолютной безопасности, потому что среди них был скорбящий человек, но он не показывался на людях и, как им сказали, должен был скоро покинуть остров. И, несмотря на весь ужас

произошедшего – естественно, безмерно преувеличенный чрезвычайно суеверным населением острова, – их лично это не касалось. Это был акт насилия, не имевший к ним непосредственного отношения, и, невзирая ни на что, жизнь продолжалась. Семь пар остались в гостинице.

– Бог мой, мы платим по шестьсот долларов в день...

– За нами-то никто не охотится...

– Черт, со следующей недели снова придется торчать в отделе закупок, так что надо ловить момент...

– Не бойся, Ширли, они не будут упоминать наших имен – они мне обещали...

Под палящим и неподвижным полуденным солнцем маленький грязный заговор на обширных карибских просторах как-то потерялся, и с каждым следующим глотком «Bain de Soleil» или рома смерть отступала все дальше. Несмотря на то что прежнее настроение полностью вернуть было невозможно, синие-зеленые волны все так же набегали на пляж, маня редких купальщиков войти в воду, околдовывая их тела прохладным текучим ритмом бесконечного океана. На остров Транквилити вернулось относительное спокойствие.

– Вон там! – закричал герой Франции.

– Где? – закричал в ответ Борн.

– Четыре священника. Идут шеренгой по аллее.

– Они черные.

– Цвет кожи не имеет значения.

– Он был священником. Когда я видел его в Париже, в церкви Нейл-сюр-Сьен.

Фонтейн опустил бинокль и посмотрел на Джейсона.

– В церкви Святого Причастия? – тихо спросил он.

– Я не помню... Который из них он?

– Вы видели его в одеждах священника?

– А этот сукин сын видел меня. И он знал, что я знал, что это был он. Который из них?

– Его там нет, мсье, – ответил Жан-Пьер, медленно поднося бинокль к глазам. – Это еще одна *carte de visite*. Карлос все предвидит; он любит

геометрию. К нему не добраться по прямой линии, только через стороны и переходя с уровня на уровень.

– Звучит, как чертова восточная мудрость.

– Значит, вы все понимаете. Ему пришло в голову, что на этой вилле вас может и не быть, а если это так, он хочет, чтобы вы знали, что ему все известно.

– Как в Нейл-сюр-Сьен...

– Нет, не совсем. Сейчас у него нет полной уверенности. А в церкви Святого Причастия она у него была.

– И что мне делать?

– А как думает Хамелеон?

– Самым очевидным решением будет ничего не предпринимать, – произнес Борн, глядя на творящееся внизу. – Его это не устроит, потому что его неуверенность слишком велика. Он скажет себе: «Он слишком для этого умен. Я мог бы взорвать его ракетой вместе с виллой, значит, он где-то еще».

– Думаю, вы правы.

Джейсон нагнулся и взял с подоконника ручную рацию. Он нажал кнопку и вызвал:

– Джонни?

– Да?

– Видишь тех четырех черномазых священников на дороге?

– Да.

– Пошли охранника, пусть их остановит и приведет в вестибюль. Пусть скажет, что их желает видеть владелец гостиницы.

– Эй, они не собираются заходить на виллу, они просто идут мимо и молятся за тех несчастных, кто внутри. Викарий позвонил мне из города, и я дал разрешение. Дэвид, это свои.

– Черта с два, – возразил Джейсон Борн. – Делай, как я говорю.

Хамелеон повернулся на стуле и оглядел кладовку. Он соскочил со своего места и прошел к комоду с зеркалом. Выхватил из-за пояса пистолет, разбил зеркало, поднял осколок и отнес его Фонтейну. – Через пять минут после моего ухода начинайте время от времени сигналить через окно.

– А что собираетесь делать вы?

– То же, что и он. Превращусь в туриста на острове Монтсеррат, беспечного «постояльца» «Транквилити Инн». – Борн снова потянулся за рацией; взял ее, нажал на кнопку и начал отдавать приказы. – Отправляйся вниз, в магазин мужской одежды, и принеси мне три разных рубашки, пару сандалий, две или три соломенные шляпы с большими полями и серые или черные шорты. Потом пошли кого-нибудь в магазин спортивного снаряжения за мотком лески, рассчитанной на вес в сотню фунтов, складным ножом – и парой сигнальных патронов. Жду тебя у лестницы. Поторапливайся.

– Значит, вы не прислушаетесь к моим словам, – сказал Фонтейн, опуская бинокль и глядя на Джейсона. – Monsieur Le Cameleon отправляется на работу.

– Да, он отправляется на работу, – подтвердил Борн, возвращая рацию на подоконник.

– Если вы, или Шакал, или оба будете убиты, могут погибнуть другие, совершенно невинные люди...

– Не из-за меня.

– Разве это важно? Разве важно для жертв или их семей, кто несет ответственность?

– Старина, не я выбирал обстоятельства, а они меня.

– Но вы можете их изменить.

– Как и он.

– У него нет совести...

– Кто бы говорил.

– Я принимаю упрек, но я потерял кое-что очень для меня ценное. Может быть, поэтому я вижу, что у вас совесть есть – у вашего второго «я».

– Бойтесь этого лицемерного реформатора. – Джейсон направился к двери, рядом с которой висел украшенный перевязями военный мундир с офицерской фуражкой. – Кроме всего прочего, он еще и зануда.

– А не лучше ли вам посмотреть, как будут задерживать священников? Чтобы принести вещи, которые вам нужны, Сен-Жаку понадобится какое-то время.

Борн остановился и оглянулся, холодно глядя на многословного француза. Он хотел уйти, скрыться от этого старого человека, старика, который так много говорит – и так много уже сказал! Но Фонтейн прав. Было бы глупо не посмотреть, что произойдет внизу. Неловкая, необычная реакция, быстрый,

испуганный взгляд в сторону – незаметные, обычно неосознанные неверные движения, которые так часто указывали на скрытую струну, ведущую к детонатору взрывоопасной ловушки. Джейсон в тишине вернулся к окну, взял бинокль и поднес его к глазам.

Офицер в черно-красной форме полиции острова Монтсеррат приблизился к процессии из четырех священников; он, очевидно, в равной степени смущался и испытывал почтение – вежливо склонил голову и начал жестами указывать на стеклянные двери вестибюля; все четверо собрались вместе, чтобы его послушать. Взгляд Борна двигался в пределах видимого через бинокль, изучая выражение лица каждого черного монаха, быстро перебегая от одного к другому. Он тихо обратился к французу:

– Вы видите то же самое, что и я?

– Четвертый из них, который шел последним, – отозвался Фонтейн. – Он насторожился, а остальные нет. Он боится.

– Его подкупили.

– За тридцать сребреников, – ухмыльнулся француз. – Вы, конечно же, пойдете вниз и прикончите его.

– Конечно же, нет, – возразил Джейсон. – Он мне нужен именно там, где он сейчас. – Борн схватил с подоконника рацию. – Джонни?

– Да?.. Я в магазине. Буду через несколько минут...

– Ты знаешь этих священников?

– Только одного, который называет себя «викарием»; он регулярно приходит за подаванием. И они не совсем священники, Дэвид, они скорее «служители» религиозного ордена. Очень религиозного и очень местного.

– А викарий среди них?

– Да. Он всегда идет первым.

– Хорошо... Небольшое изменение плана. Отнеси одежду к себе в контору, потом пойди и встреть священников. Скажи им, что с ними хочет увидаться правительственный чиновник и сделать пожертвование в знак благодарности за их молитвы.

– Что?

– Потом все объясню. А теперь поторопись. Встретимся в вестибюле.

– Ты имеешь в виду мою контору, да? Не забывай, я еще принесу одежду.

– Они появятся позже – приблизительно через минуту, я уже успею сменить одеяние. У тебя там есть фотоаппарат?

– Три или четыре. Постояльцы их часто теряют...

– Сложи их вместе с одеждой, – перебил Джейсон. – Действуй!

Борн прикрепил было рацию к поясу, но передумал. Он отстегнул ее и отдал Фонтейну.

– Вот, держите. Я найду другую и буду на связи... Что там внизу?

– Наш насторожившийся святоша оглядывается, они уже подходят к дверям вестибюля. Похоже, теперь он всерьез напуган.

– Куда он смотрит? – спросил Борн, хватая бинокль.

– Это не поможет. Он смотрит во все стороны.

– Черт!

– Они уже у дверей.

– Я сейчас оденусь...

– Я вам помогу.

Старик француз встал со стула и пошел к вешалке. Он снял мундир и фуражку.

– Если вы собираетесь проделать то, что я думаю, старайтесь держаться поближе к стене и не оборачивайтесь. Помощник губернатора немного полнее вас, поэтому сзади мундир придется собрать в складки.

– А вы знаете, что делаете, не так ли? – заметил Борн, вытягивая руки, чтобы француз помог вдеть их в рукава мундира.

– Немецкие солдаты всегда были толще нас, особенно капралы и сержанты – ну, вы понимаете, сардельки и все такое. Так что приходилось идти на некоторые хитрости.

Неожиданно, как будто его подстрелили или с ним сделали судороги, Фонтейн вскрикнул и обежал Борна, встав перед его лицом.

– Mon Dieu!.. C'est terrible! 34 Губернатор...

– Что такое?

– Королевский губернатор!

– Что с ним?

– Все произошло в аэропорту, так быстро, так стремительно! – крикнул старый француз. – Да еще все, что случилось потом – моя жена, убийство, – все равно, это для меня непростительно!

– Да о чем вы говорите?

– Тот человек на вилле, военный офицер, чью форму вы носите. Он его помощник!

– Мы это знаем.

– А вот чего вы, мсье, не знаете, – это того, что первые указания мне исходили от королевского губернатора.

– Какие указания?

– Указания Шакала! К.Г. – его связной.

– О боже, – прошептал Борн, бросаясь к стулу, на котором Фонтейн оставил рацию. Он взял ее, проглотил комок в груди, мысли путались, но Джейсон взял себя в руки. – Джонни?

– Господи, у меня заняты обе руки, и я иду к конторе, а эти проклятые попы уже ждут меня в вестибюле! Что еще тебе надо?

– Успокойся и слушай очень внимательно. Насколько хорошо ты знаешь Генри?

– Сайкса? Помощника королевского губернатора?

– Да. Джонни, я с ним несколько раз встречался, но я его не знаю.

– А я его отлично знаю. Если бы не он, у тебя бы не было сейчас дома, а у меня «Транквилити Инн».

– Он поддерживает связь с губернатором? Я имею в виду, сейчас он докладывает К.Г. о том, что здесь происходит? Подумай, Джонни. Это важно. На той вилле есть телефон; он может постоянно общаться с Домом правительства. Он это делает?

– Ты имеешь в виду, общается ли он с самим К.Г.?

– С любым человеком оттуда.

– Нет, поверь мне. Все настолько тихо, что даже полиция не знает о происходящем. А что касается К.Г., то ему лишь обрисовали ситуацию, без имен, без всего, сообщили только то, что готовится ловушка. К тому же он сейчас на своей яхте и знать ничего не хочет, пока все не закончится... Это его распоряжение.

– Это на него похоже.

- А почему ты спрашиваешь?
- Потом объясню. Пошевеливайся!
- Слушай, прекрати командовать!

Джейсон отложил рацию и обернулся к Фонтейну:

– Все ясно. Губернатор не из стариковской армии Шакала. Он наемник другого типа, наверное, как тот юрист Гейтс из Бостона – просто подкуплен или запуган, но ничего личного.

– Вы уверены? Ваш шурин уверен?

– Губернатор сейчас на рыбалке. Ему дали приблизительную информацию, не более того, и он приказал ничего ему не сообщать, пока все не закончится.

Француз вздохнул:

– Жаль, что мои мозги успели так постареть и заизвестковаться. Если бы я вспомнил раньше, мы могли бы его использовать. Ладно, давайте наденем на вас мундир.

– А как бы мы его использовали? – спросил Борн, вновь протягивая руки.

– Он ушел в... – как это сказать?

– В тень. Он вне игры, просто наблюдатель.

– Я знал многих, таких, как он. Все они хотят, чтобы Карлос проиграл; он хочет, чтобы Карлос проиграл. Это для него единственный выход, но сам он слишком боится поднять на Шакала руку.

– И как бы мы его переманили на нашу сторону? – Джейсон застегивал мундир, в то время как Фонтейн занялся ремнем, прилаживая под ним материю.

– Le Cameleon задает такой вопрос?

– Я давно не занимался этими вещами.

– Ах да, – согласился француз, ту же затягивая ремень. – А я-то перед ним распинаюсь.

– Заткнитесь... Просто скажите, как?

– Tres simple, monsieur³⁵. Мы сказали бы ему, что Шакал уже знает о том, что он его предал, – я бы сам ему это сказал. Кому же это знать, как не агенту монсеньора?

– А вы здорово соображаете. – Борн подтянул живот, а Фонтейн заставил его повернуться и стал проверять планки и нашивки на мундире.

– Я просто стараюсь выжить, не лучше и не хуже других, – за исключением моей жены. Просто у меня это получается удачнее, чем у многих.

– Вы ее очень сильно любили, да?

– Любовь? Да, думаю, это так, хотя внешних проявлений было немного. Может быть, нам было просто хорошо вместе, но страсти не было. Не обязательно заканчивать предложение, чтобы тебя поняли, а чтобы засмеяться, достаточно посмотреть друг другу в глаза, и не нужно слов. Наверное, это приходит с годами.

Некоторое время Джейсон не двигался, со странным выражением глядя на француза.

– Я хочу прожить столько же лет, сколько прожили вы, старина, я очень, очень сильно этого хочу. Те годы, что я провел с моей... женой... оставили шрамы, которые не заживут, не смогут зажить, пока внутри меня что-то не изменится, не очистится или не исчезнет. Вот так.

– В таком случае вы слишком сильный, или слишком упрямый, или слишком глупый!.. И не надо на меня так смотреть. Я уже сказал, что не боюсь вас, я больше никого не боюсь. Но если то, что вы говорите, – правда, если у вас внутри действительно такое творится, по-моему, вам будет лучше отбросить все мысли о любви и сконцентрироваться на ненависти. И если у меня не получается урезонить Дэвида Вебба, я должен подействовать на Джейсона Борна. Охваченный ненавистью Шакал должен умереть, и только Борн может его убить... Вот ваша фуражка и темные очки. Держитесь поближе к стене, иначе будете выглядеть как военный петух, задравший хвост цвета хаки, чтобы нагадить.

Не говоря ни слова, Борн поправил фуражку и очки, открыл дверь и вышел. Он дошел до лестницы и побежал вниз, едва не врезавшись в чернокожего слугу в белоснежной куртке, который выходил из дверей, ведущих на третий этаж, с подносом в руках. Он кивнул молодому человеку, тот посторонился, давая ему пройти, как вдруг тихий звук, похожий на звук расстегиваемой «молнии», и резкое движение, которое он заметил боковым зрением, заставили его обернуться. Официант доставал из кармана электронный жучок! Джейсон круто развернулся и бросился вверх по лестнице, его руки с размаху врезались в тело юноши, выбив приборчик у того из рук вместе с подносом, который упал на лестничную площадку. Стоя над ним, сжимая одной рукой жучок, а другой горло официанта, Борн неслышно, шепотом спросил:

– Кто приказал тебе это сделать? Отвечай!

– Эй, топ, я буду с вами драться! – закричал юноша, вывернулся, освободил правую руку и кулаком вмазал Борну по левой скуле. – Мы здесь не хотим плохих топ! Наш босс-топ самый лучший! Вы не испугаете меня!

Слуга ударил Джейсона коленом в пах.

– Ах ты, сопливый сукин сын! – взвился Le Cameleon, левой рукой хлеща юношу по лицу, а правой держась за пострадавшее мужское достоинство. – Я его друг, его брат! А ну, прекрати!.. Джонни Сент-Джей мой брат! Шурин, если это так важно!

– Да? – отозвался рослый, молодой и атлетичный на вид слуга, в его широко открытых, смущенных карих глазах читалась обида. – Вы топ сестры нашего босса Сент-Джея?

– Я ее муж. А ты кто такой?

– Я старший коридорный третьего этажа, сэр! Скоро я буду на втором, потому что я очень хороший. И еще я очень хороший боец – меня обучил отец, правда, сейчас он уже старый, как вы. Хотите еще подраться? Я думаю, что смогу вас победить! У вас волосы седые...

– Заткнись! Зачем тебе жучок? – спросил Джейсон, держа в руке маленькую коричневую коробочку и медленно отстраняясь от молодого официанта.

– Я не знаю, топ – сэр! Плохие вещи случились. Нам сказали, что, если увидим людей, бегающих по лестнице, то надо нажать кнопки.

– Но почему?

– Лифты, сэр. У нас очень быстрые лифты. Зачем гостям бегать по лестницам?

– Как тебя зовут? – спросил Борн, вновь надевая шляпу и солнцезащитные очки.

– Измаил, сэр.

– Как в «Моби Дике»?

– Я таких не знаю, сэр.

– Еще узнаешь.

– Почему?

– Точно не знаю. Ты очень хорошо дерешься.

– Я не вижу связи, топ – сэр.

– Я тоже. Я хочу, чтобы ты мне помог, Измаил. Что ты скажешь?

– Только если ваш брат мне разрешит.

– Разрешит. Он мой брат, в конце концов.

– Я должен услышать это от него самого, сэр.

– Отлично. Ты мне не доверяешь.

– Нет, сэр, не доверяю, – ответил Измаил, опускаясь на колени и собирая то, что упало с подноса, отделяя разбитые тарелки от целых. – А вы сами поверили бы здоровому мужчине с сединой в волосах, который бежит по лестнице, набрасывается на вас и говорит вещи, которые может сказать любой?.. Давайте еще поборемся, и проигравший расскажет всю правду. Хотите еще подраться?

– Нет, я не хочу драться, и не надо меня уговаривать. Я не так стар, а ты не так уж хорошо дерешься, мой юный друг. Бросай свой поднос и идем со мной. Я все объясню мистеру Сен-Жаку, который, еще раз тебе напомню, мой брат – брат моей жены. И довольно об этом – пошли!

– Что вам от меня нужно, сэр? – спросил официант, поднимаясь на ноги и следуя за Джейсоном.

– Слушай меня, – начал Борн, остановившись на ступеньках чуть выше площадки второго этажа и повернувшись. – Иди впереди меня в вестибюль к главному входу. Почисти пепельницы или что-нибудь еще, главное, води себя так, как будто ты очень занят, но не забывай поглядывать по сторонам. Я приду через несколько минут, и ты увидишь, как я подойду и поговорю с Сент-Джеем и четырьмя священниками, которые будут рядом с ним.

– Там будут священники? – перебил удивленный Измаил. – Монахи, сэр? Даже четверо? А что они здесь делают, mon? Случились еще плохие вещи? Опять пришел злой дух?

– Они пришли сюда молиться, чтобы дурные вещи прекратились – больше не будет никакого злого духа. Но для меня важно поговорить с одним из них с глазу на глаз. Когда они будут выходить из вестибюля, монах, с которым мне надо встретиться, может отделиться от остальных, чтобы побыть в одиночестве... или встретиться с кем-нибудь еще. Как думаешь, сможешь идти за ним так, чтобы он тебя не заметил?

– А мистер Сент-Джей позволит мне это сделать?

– Давай он посмотрит в твою сторону и кивнет.

– Тогда я все сделаю. Я быстрее мангусты и, как и она, знаю каждую тропинку на Транквилити. Он куда-нибудь пойдет, а я уже буду знать, куда

он направляется, и первым окажусь на месте... Но как мне определить, за каким священником идти? Отойти может и не один монах.

– Я поговорю со всеми по отдельности. Он будет последним.

– Тогда я буду знать.

– А ты быстро соображаешь, – заметил Борн. – Ты прав, все они могут разойтись.

– Я хорошо соображаю, топ. Я пятый по успеваемости в классе в техническом училище острова Монтсеррат. Передо мной только четыре девушки, а им не нужно работать.

– Интересное наблюдение...

– Через пять или шесть лет у меня будут деньги на учебу в Барбадосском университете!

– Возможно, что и раньше. А теперь иди. Прямо к дверям вестибюля. Позже, когда монахи уйдут, я приду за тобой, но уже не в этой форме. Так что ты можешь меня не узнавать. Если я тебя не найду, давай встретимся через час... Вот только где? Где здесь тихое место?

– У церкви Транквилити, сэр. На тропинке в лесу над восточным пляжем. Туда никто не ходит, даже по воскресеньям.

– Помню это место. Хорошая идея.

– Сэр, надо уладить еще кое-что...

– Вот пятьдесят долларов. Американских.

– Благодарю вас, сэр!

Джейсон подождал у двери девяносто секунд, потом приоткрыл ее на дюйм. Измаил находился у входа, и он мог видеть, как Джон Сен-Жак разговаривает с четырьмя священниками в нескольких футах справа от конторки. Борн одернул мундир, по-военному расправил плечи и вошел в вестибюль, направляясь к монахам и владельцу «Транквилити Инн».

– Ваши преподобия, ваш визит большая честь для меня, – обратился Борн к четверем чернокожим служителям. Сен-Жак с удивлением и любопытством смотрел на него. – Я на островах человек новый и, должен сказать, просто поражен. Правительство сочло чрезвычайно любезным шагом с вашей стороны, что вы нашли возможность успокоить наши бурные воды, – продолжал Джейсон, крепко сцепив руки за спиной. – За ваши усилия королевский губернатор поручил мистеру Сен-Жаку выписать чек на сумму в

сто фунтов для вашей церкви – естественно, все будет возмещено за счет казначейства.

– Это такой великодушный жест, что я даже не знаю, как вас благодарить, – искренне ответил викарий высоким мелодичным голосом.

– Просто скажите мне, чей это был порыв, – попросил Хамелеон, – это так трогательно, так трогательно.

– О, не смею приписывать себе эту честь, сэр, – ответил викарий, как и двое других, оглядываясь на четвертого спутника. – Это все Самюэль. Он такой хороший и порядочный наставник для нашей паствы.

– Замечательно, Самюэль. – Борн бросил быстрый и острый взгляд на четвертого монаха. – Но я хотел бы лично поблагодарить каждого из вас. И узнать ваши имена.

Джейсон пошел вдоль линии, пожимая одну за другой три руки и негромко обмениваясь любезностями. Он подошел к последнему священнику, который старался не встречаться с ним взглядом.

– Конечно же, я знаю, как вас зовут, Самюэль, – произнес Джейсон еще более тихим, почти неслышным голосом. – И хотел бы узнать, чья это была затея на самом деле.

– Я вас не понимаю, – прошептал Самюэль.

– Еще как понимаете – такой хороший и порядочный человек, – должно быть, вы получили еще одно щедрое пожертвование.

– Сэр, вы меня с кем-то путаете, – промямлил четвертый священник, на мгновение в его темных глазах мелькнул страх.

– Я никогда не ошибаюсь, ваши дружки это знают. Я найду тебя, Самюэль. Может быть, не сегодня, но наверняка завтра или послезавтра.

Отпустив руку священника, Борн продолжил уже более громко:

– Ваши преподобия, еще раз прошу принять глубокую признательность правительства. Корона выражает вам свою благодарность. А теперь прошу меня извинить, мне необходимо ответить на дюжину телефонных звонков... Сен-Жак, вы позволите пройти в ваш кабинет?

– Да, конечно, господин генерал.

В кабинете Джейсон стянул с себя форму и начал рыться в той куче одежды, которую ему принес брат Мари. Он надел серые шорты-бермуды до колен, выбрал рубашку с красными и белыми полосками и самую широкополую шляпу. Он снял носки и ботинки, надел сандалии, встал и выругался.

– Вот черт!

Скинул сандалии и всунул босые ноги в свои тяжелые ботинки на резиновой подошве. Потом осмотрел несколько фотоаппаратов и их принадлежности, выбрав самый легкий и многофункциональный, и перекинул его за ремешок через плечо. В комнату вошел Джон Сен-Жак с маленькой рацией в руках.

– Ты откуда такой явился? С Майами-Бич?

– Бери немного севернее – скажем, из Помпано. Я не настолько безвкусно и кричаще нарядился. Чтобы не выделяться.

– Да, ты прав. Некоторые мои здешние приятели присягнут, что ты представитель старых добрых западных консерваторов. Вот рация.

– Спасибо. – Джейсон убрал компактное устройство в нагрудный карман.

– Что собираешься делать?

– Пойду поговорю с Измаилом, тем пареньком, кивнуть которому я тебя попросил.

– С Измаилом? Но я не кивал Измаилу, ты просто сказал мне кивнуть в сторону входа.

– Это то же самое. – Борн засунул свой пистолет за пояс под рубашку и оглядел снаряжение, которое принесли из магазина спортивных товаров. Он взял моток стофунтовой лески, складной нож и рассовал их по карманам, потом открыл пустой футляр от фотоаппарата и положил в него два аварийных сигнальных патрона. Это было не все, что он хотел, но должно хватить. Он уже не такой, как тринадцать лет назад, да и тогда он не был очень молод. Борн с неохотой признал тот факт, что его разум должен работать быстрее и лучше, чем тело. Проклятие!

– Измаил хороший парень, – сказал брат Мари. – Он очень умен и силен, словно молодой призовой бык из Саскачевана. Я подумываю о том, чтобы где-нибудь через годик сделать его охранником. Будет больше зарабатывать.

– Лучше отправь его в Гарвард или Принстон, если справится с сегодняшним заданием.

– О-па, ну ты замахнулся. Кстати, ты знаешь, что его отец был чемпионом островов по борьбе? Конечно, сейчас он слегка постарел...

– С дороги, черт тебя подери. – Джейсон направился к двери. – Тебе тоже не восемнадцать! – добавил он, быстро обернувшись перед тем, как выйти.

– А я и не говорю, что мне восемнадцать. Что с тобой?

– Может быть, дело в той отмели, которую вы не заметили, мистер Секьюрити.

Борн хлопнул дверью и выбежал в коридор.

– Какие мы обидчивые. – Сен-Жак медленно покачал головой и разжал свой тридцатичетырехлетний кулак.

Прошло почти два часа, а Измаила нигде нет! Как зачарованный, Борн вышагивал по всей территории «Транквилити Инн», внимательно глядя по сторонам через свою «зеркалку», и видел все, но только не молодого Измаила. Уже два раза он подходил по лесной тропинке к одинокому прямоугольному строению из бревен, соломенной крыши и цветных витражей, которое представляло собой церковь этого курорта, убежище для медитации, выстроенное больше для красоты, чем для настоящих служб. Как заметил молодой черный слуга, церковь редко посещали, но она упоминалась в путеводителях для отдыхающих.

Карибское солнце становилось все более оранжевым, медленно клонясь к горизонту. Уже скоро по острову Монтсеррат и ближайшим островам поползут вечерние тени. А потом и совсем стемнеет, а Шакал любит темноту. Но и Хамелеона она тоже устраивала.

– Кладовка, что-нибудь заметили? – Борн взялся за рацию.

– Rien, monsieur³⁶.

– Джонни?

– Я на крыше, шесть наблюдателей на своих местах. Пока тихо.

– Что там с ужином, с сегодняшней вечеринкой?

– Наш метеоролог десять минут назад прибыл из Плимута на лодке... Он боится летать. А Ангус приколот к доске объявлений чек на десять тысяч долларов на предъявителя, осталось только поставить подпись. Скотти был прав, придут все семь пар. Мы общество равнодушия, все забываем сразу после минуты молчания.

– Ну, братец, ты мне еще будешь рассказывать... Конец связи. Я возвращаюсь к церкви.

– Рад слышать, что хоть кто-то в нее ходит. Этот проклятый туристический агент из Нью-Йорка сказал, что часовня станет очень милым дополнением всего комплекса. Больше я его не видел. Держись на связи, Дэвид.

– Так и сделаю, – отозвался Джейсон Борн.

На аллее, ведущей к церкви, становилось темно. Высокие пальмы и густой подлесок помогали сумраку, задерживая лучи садящегося солнца. Джейсон уже собрался развернуться и направиться к магазину спорттоваров и маяку, как вдруг, словно фотоэлектрический мираж, ожили синие и красные лампы, посылая с земли круги света на листья пальм. На мгновение Борн почувствовал, что резко, даже слишком резко вошел в коридор сочных красок, вырезанный из тропической растительности. Он не позволял ориентироваться и просто мешал. Борн почувствовал себя освещенной движущейся мишенью в красочном тире.

Он быстро укрылся в тени кустарника за границей огней; в его голые ноги впились колючки диких растений. Когда он углубился в листву и в потемках продолжал двигаться в сторону церквушки, ему мешали влажные ветви и лианы, цеплявшиеся за руки и ноги. Это инстинкт. Держись в тени, подальше от ярких помпезных огней, больше принадлежащих островному *carnivale*.

Какой-то резкий звук! Он выпадал из строя естественных звуков прибрежного леса. Потом послышался стон, превратившийся в спазм, – и неожиданно прекратился, оборвался... или его заглушили? Джейсон двигался вперед и шаг за шагом продирался через тормозившую движение непролазную стену растений, пока не увидел солидную деревянную дверь часовни. Она была приоткрыта, и сквозь лучи синих и красных фонарей на дорожку проникал мягкий мерцающий отсвет электрических свечей.

Думай. Напряги память. Вспоминай! Он был в часовне всего один раз, тогда в шутку отчитывал шурина за то, что тот потратил большие деньги на бессмысленный придаток к «Транквилити Инн».

– По крайней мере, церковь очень изящна, – заметил Сен-Жак.

– Ничего подобного, брат, – ответила Мари. – Она совсем не вписывается в окружающую обстановку. И не похожа на последнее пристанище.

– А если кто-нибудь получит плохие известия? Ну, знаешь, совсем плохие...

– Организуй ему выпивку, – сказал Дэвид Вебб.

– Да вы войдите внутрь. У меня здесь на витражах символы пяти разных религий, включая синто.

– Главное, не показывай сестре счета, – прошептал Вебб.

А что внутри? Там была дверь? Второй выход?.. Нет, не было. Только пять или шесть рядов церковных скамеек да какие-то перила перед приподнятым аналоем, а над всем этим примитивное окно с цветными стеклами, сработанное местным умельцем.

А что сейчас? Кто-то внутри. Измаил? Загрустивший постоялец Транквилити? Запоздавший молодожен, проводящий на острове медовый месяц? Он снова достал маленькую рацию из нагрудного кармана. Приблизил ее к губам и позвал:

– Джонни?

– Да, я на крыше.

– Я у церкви. Вхожу внутрь.

– Измаил там?

– Не знаю. Но кто-то тут есть.

– В чем дело, Дэйв? Почему ты так тихо...

– Все в порядке, – перебил Борн. – Я просто проверю... Что находится за часовней? К востоку?

– Лес.

– Тропинки есть?

– Несколько лет назад была одна; сейчас заросла. Строители ходили по ней за водой... Я пошлю пару охранников...

– Нет! Если что-то понадобится, я тебя вызову. Конец связи. – Джейсон убрал рацию и продолжил красться, не спуская глаз с двери.

Тишина. Изнутри не доносилось ни звука, ни движения, ничего, кроме мерцания «свечей». Борн подобрался к краю тропинки, снял фотоаппарат и соломенную шляпу и открыл футляр с пиропатронами. Он вынул один и засунул за пояс, вытащив пистолет. Залез в левый карман рубашки за зажигалкой, взял ее, поднялся и тихо и стремительно прошел к углу маленького здания – этой нелепой церквушке в тропическом лесу над пляжем. «Он привык использовать сигнальные патроны еще задолго до событий в Манассасе, штат Виргиния, – подумал Борн, медленно подбираясь из-за угла ко входу в церковь. Все началось еще в Париже – тринадцать лет назад, Париж, кладбище Рамбулье. И Карлос...» – Он добрался до дверного проема приоткрытой двери, медленно и осторожно приблизил к стояку лицо и заглянул внутрь.

Джейсон ахнул, дыхание перехватило, его охватил ужас и ярость, он не хотел верить своим глазам. На возвышении перед рядами отполированных скамеек лежал юный Измаил, его тело было перекинута через аналой, руки безжизненно повисли, темнокожее лицо было все в кровоподтеках и ссадинах, изо рта на пол сочилась кровь. Джейсона оглушило чувство вины;

оно было неожиданным, всеохватывающим и уничтожающим, в ушах стоял голос старика француза: «... могут погибнуть другие, совершенно невинные люди...»

«Погибнут! Этого ребенка убили! Парень выполнил поручение, но поплатился жизнью. О боже, что я наделал?.. Что мне теперь делать?»

По его лицу стекал пот, перед глазами все плыло. Борн выхватил из кармана пиропатрон, щелкнул зажигалкой и трясущейся рукой поднес ее к красному кончику. Патрон тут же вспыхнул, разбрасывая белые искры и пламя, шипя, словно сотня рассерженных змей. Джейсон бросил его в дальний конец часовни, проскользнул в дверной проем, повернулся и захлопнул за собой тяжелую дверь. Он прижался к полу под последним рядом скамеек, вытащил из кармана рацию и нажал кнопку «вызов».

– Джонни, церковь. Окружай ее!

Он не стал дожидаться ответа Сен-Жака; того, что он сказал, было достаточно. Шипящая сигнальная шашка продолжала извергать снопы искр, отражавшиеся в витражах, а Борн с пистолетом в руке полз к дальнему приделу часовни, его глаза перебегали с предмета на предмет, обшаривая уже незнакомые углы церкви «Транквилити Инн». Единственным местом, куда он больше не мог смотреть, был аналой с распростертым телом мальчишки, которого он убил... По обеим сторонам возвышения располагались скрытые занавесями проходы, похожие на сценические двери, ведущие в крошечный придел, куда можно было попасть и справа и слева. Несмотря на тоску, в Борне росло чувство глубокого удовлетворения, даже какого-то нездорового восторга. Он победит в этой смертельной игре. Карлос подготовил тщательно спланированную западню, а Хамелеон сумел все изменить. Дельта из отряда «Медуза» все развернул на сто восемьдесят градусов. За одним из этих занавешенных проходов находится убийца из Парижа.

Борн поднялся, прислонился спиной к правой стене и поднял пистолет. Он дважды выстрелил в правый проход, с каждым выстрелом занавес колыхался, а он бросился вдоль последнего ряда, дополз до конца, встал на колени и еще дважды выстрелил в правый проход.

Какая-то фигура в панике пробиравась через занавеси. Вот она начала падать вперед, вцепилась в материю, но темно-красный занавес сорвался с крючков и упал на плечи человека, и тот рухнул на пол. Борн бросился вперед, выкрикивая имя Карлоса, стреляя из пистолета, пока не опустел магазин. Неожиданно откуда-то сверху раздался взрыв, разрушивший целый витраж в верхней части левой стены. Разноцветные осколки еще кувыркались в воздухе и падали на пол, когда стоявший на карнизе снаружи человек

вышел в самый центр открытого пространства над шипящей, слепящей сигнальной шашкой.

– У тебя кончились патроны, – сказал Карлос ошеломленному Джейсону внизу. – Тринадцать лет, Дельта, тринадцать проклятых лет. Но теперь они узнают, кто победил.

Шакал поднял свой пистолет и выстрелил.

Глава 17

Что-то обжигающее и одновременно ледящее прошло сквозь шею Борна, и он рухнул на церковную скамью, а потом в проход между вторым и третьим рядом, ударившись головой и бедрами о блестящее коричневое дерево и вцепившись в пол. Перед глазами поплыли круги, и он начал проваливаться в темноту. Откуда-то очень-очень издалека слышались истеричные крики. Потом темнота стала абсолютной.

– Дэвид.

Криков больше не было; голос звучал низко и настойчиво и звал его по имени, которое он не узнавал.

– Дэвид, ты меня слышишь?

Борн открыл глаза и тут же осознал две вещи. На его шее была широкая повязка, и он в одежде лежал на кровати. Справа постепенно обрело четкие очертания обеспокоенное лицо Джона Сен-Жака; слева находился незнакомый человек, мужчина средних лет со спокойным и пристальным взглядом.

– Карлос, – сумел выдавить Джейсон, вновь овладев голосом. – Это был Шакал!

– В таком случае он все еще на этом острове.

Сен-Жак был возбужден.

– Все произошло менее часа назад, и Генри полностью окружил Транквилити. В море постоянно находятся патрульные катера, со всеми поддерживается связь по радио и визуально. Он представил это как «операцию по поимке наркоторговцев», очень секретную и официальную. Приплыло несколько лодок, но ни одна не была и не будет выпущена.

– А он кто такой? – спросил Борн, глядя на человека справа.

– Врач, – пояснил брат Мари. – Постоялец гостиницы и мой приятель. Он лечил меня в...

– Я думаю, нам следует быть осторожными, – решительным тоном и твердо перебил его канадский доктор. – Вы попросили меня помочь и соблюсти конфиденциальность, что я с радостью выполнил, но, учитывая природу событий и то обстоятельство, что ваш зять не будет находиться под моей профессиональной опекой, давайте опустим мое имя.

– Абсолютно с вами согласен, доктор, – согласился Джейсон, затем вздрогнул, вскинул голову, широко раскрыв глаза от вновь нахлынувшего чувства вины и паники. – Измаил! Он мертв – я убил его!

– Он жив, и ты никого не убивал, – спокойно ответил Сен-Жак. – Он в ужасном состоянии, но не погиб. Он крепкий парень, как и его отец, и он выкарабкается. Мы отправили его самолетом на Мартинику.

– Я хочу, чтобы его поместили в лучший госпиталь.

– Я так и приказал.

– Отлично. – Борн перевел взгляд на доктора. – Что со мной?

– Без рентгена и не зная, как вы двигаетесь – симптоматически, – я могу сделать только приблизительное заключение.

– Валяйте.

– Не считая ранения, я бы сказал, что у вас в первую очередь травматический шок.

– Забудьте про него. У меня не может быть никакого шока.

– Кто бы говорил. – Доктор добродушно рассмеялся.

– Я говорю, и не пытаюсь шутить. Меня интересует, что с телом, а не с головой. С головой я сам разберусь.

– Он случайно не из туземцев? – спросил доктор, глядя на владельца «Транквилити Инн». – Этаким Измаил, постарше и побелей. По-моему, он однозначно не врач.

– Ответьте ему, пожалуйста.

– Ну хорошо. Пуля прошла сквозь левую сторону вашей шеи, в миллиметрах от нескольких жизненно важных точек, попади в которые она бы наверняка оставила вас немым или убила. Я промыл рану и наложил швы. Какое-то время вам будет трудно двигать шеей, но это только поверхностная оценка повреждений.

– Короче говоря, у меня одеревеневшая шея, но если я смогу ходить... отлично, ходить я могу.

– Да, в двух словах все так и обстоит.

– Все-таки сигнальный патрон меня выручил, – тихо произнес Джейсон, аккуратно укладываясь обратно на подушку. – Он ослепил его.

– Что? – Сен-Жак перегнулся через кровать.

– Ничего... Давайте проверим, хорошо ли я передвигаюсь – как вы это сказали – симптоматично.

Борн соскользнул с кровати, аккуратно спустил ноги на пол, шурин попытался помочь ему.

– Не надо, брат. Я должен попробовать сам.

Он встал; стягивающая повязка на шее становилась все более неудобной. Он сделал шаг вперед, заныли синяки на бедрах, но это были синяки – не страшно. Горячая ванна снимет боль, а лекарства – ударная доза аспирина и мазь – вернут подвижность. Если бы не эта проклятая повязка на шее; она не только душила его, но и заставляла поворачивать весь корпус, чтобы посмотреть по сторонам... Однако, решил он, для человека своего возраста он не так уж беспомощен, как мог бы быть.

– Доктор, нельзя ли ослабить повязку? Она меня удавит.

– Только если чуть-чуть. Вы же не хотите порвать швы.

– Как насчет эластичного пластыря? Он подойдет.

– При таком ранении в шею это несерьезно. Вы забудете про него.

– Обещаю, что не забуду.

– А вы забавный.

– А вот чувствую я себя ничуть не забавно.

– Ну смотрите, это ваша шея.

– Конечно, моя. Джонни, ты можешь принести пластырь?

– Доктор, что скажете? – Сен-Жак посмотрел на врача.

– Не думаю, что мы сможем его остановить.

– Я пошлю кого-нибудь в аптеку.

– Прошу прощения, доктор, – сказал Борн, когда брат Мари направился к телефону. – Я хотел бы задать Джонни несколько вопросов и не думаю, что вам захочется их услышать.

– Я уже и так услышал больше, чем хотел. Я подожду в соседней комнате.

Доктор пересек комнату и вышел.

Пока Сен-Жак говорил по телефону, Джейсон ходил по комнате, поднимая и опуская руки и двигая ладонями, чтобы проверить работоспособность моторных центров. Он присел и выпрямился четыре раза подряд, с каждым разом все быстрее. Он должен быть готов – он должен!

– Все принесут через несколько минут, – сказал его шурин, вешая трубку. – Причард пойдет вниз и откроет аптеку. Он принесет ленты разных размеров.

– Спасибо. – Борн прекратил ходить и остановился. – Джонни, а кого я подстрелил через занавески? Он упал в том проходе, но его лица я не разглядел.

– Я его не знаю, хотя думал, что знаком с каждым белым человеком на этих островах, который может позволить себе дорогой костюм. Должно быть, он был туристом – туристом со спецзаданием... от Шакала. У него не нашли документов. Генри отправил его на Монтсеррат.

– Сколько человек в курсе происходящего?

– Кроме персонала, здесь только четырнадцать постояльцев, и никто ни о чем не догадывается. Я закрыл церковь – объяснил, что пострадала от шторма. А те, кто кое-что знает – как доктор или парни из Торонто, – не знают всего, только отрывочки, и они друзья. Я им доверяю. Остальные налегают на местный ром.

– А как же стрельба в часовне?

– А как же самый громкий и шумный оркестр этих островов? К тому же ты был в тысяче футов, в лесу... Слушай, Дэвид, уехали почти все, кроме некоторых твердолобов, которые не остались бы здесь, не будь они старыми канадскими приятелями, демонстрирующими мне свое расположение, да еще нескольких случайных гостей, которые скорее всего проведут отпуск в Тегеране. Что я могу тебе сказать, бар работает вовсю.

– Это как запутанная шарада, – тихо произнес Борн, вновь аккуратно опуская голову на подушку и глядя в потолок. – Двигаются силуэты непонятных фигур, за белыми шторами происходят ужасные вещи, никакого смысла, можно подумать все, что угодно.

– Это для меня слишком сложно, профессор. К чему ты клонишь?

– Террористами не рождаются, Джонни, их готовят, обучают по программе, которую ты не встретишь ни в одном академическом учебнике. Если особо не задумываться о том, почему они то, что они есть – а причины могут

варьироваться от вполне логичных до психопатической мании величия, как у Шакала, – нужно продолжать играть в шарады, потому что они играют в свои.

– И что? – Сен-Жак хмурился, стараясь понять.

– А то, что мы управляем своими игроками, говоря, что нужно делать, но не объясняя зачем.

– Это то, чем мы занимаемся здесь и чем занимается Генри в море вокруг Транквилити.

– Ты так во всем уверен?

– Да, черт возьми.

– Я тоже так думал, но ошибался. Я переоценил большого умного ребенка, которому поручил простую, безобидную работу, и недооценил робкого, испуганного священника, продавшегося за тридцать сребреников.

– О чем ты?

– О Измаиле и брате Самюэле. Самюэль, должно быть, смотрел на мучения мальчишки глазами Торквемады.

– Турки кого?

– Загвоздка в том, что мы не можем быть абсолютно уверены в игроках. К примеру, в охранниках, которых ты послал к церкви...

– Дэвид, я что, похож на идиота? – запротестовал Сен-Жак. – Когда ты попросил окружить церковь, я на свой вкус выбрал двоих, самых лучших, я подумал, что пара «узи» компенсирует отсутствие третьего человека и компаса. Они мои лучшие бойцы и бывшие королевские командос; они отвечают за безопасность, и, как и Генри, я им доверяю.

– Генри? Ведь он неплохой парень, да?

– Иногда он – словно гвоздь в заднице, но он лучший на островах.

– А королевский губернатор?

– Этот просто задница.

– А Генри это знает.

– Конечно, знает. Он не стал бы бригадным генералом только из-за внешности и своего брюха. Он не просто хороший солдат, он хороший управленец. Он тут многим занимается.

– И ты уверен, что он ничего не докладывал К.Г.?

– Он сказал, что сперва сообщит мне, прежде чем связываться с этим напыщенным кретином, и я ему верю.

– Искренне надеюсь, что ты прав, – потому что этот напыщенный кретин на самом деле эмиссар Шакала на острове Монтсеррат.

– Что? Быть не может!

– И тем не менее. Сведения надежные.

– Но это невозможно!

– Возможно. Это в стиле Шакала. Он ищет уязвимое место и нанимает или покупает его обладателя. Лишь очень немногие находятся вне его зоны досягаемости.

Ошарашенный Сен-Жак бесцельно прошел до балконных дверей, пытаясь осознать невероятные вещи.

– Тогда это многое объясняет. Ведь губернатор происходит из рода влиятельных землевладельцев, его брат занимает высокий пост в Министерстве иностранных дел и близок с премьер-министром. Почему в таком возрасте его назначили сюда, вернее, почему он согласился? Было бы логичнее отправиться как минимум на Бермуды или Британские Виргинские острова. Плимут хорош как промежуточный этап, но не завершение карьеры.

– Ранее губернатор побывал в опале. Скорее всего, Карлос уже давно выяснил причину этого и внес его в свой список. Он занимается этим годами. Большинство людей читают газеты, книги и журналы для развлечения; а Шакал роется в кипе разведывательных отчетов из всех мыслимых источников, которые он может нарыть, а нарыл он столько, о чем ЦРУ, КГБ, МИ-5 и 6, Интерпол и еще дюжина служб могут только мечтать... Гидросамолеты прилетали сюда четыре или пять раз за то время, что я вернулся из Блэкбурна. Кто на них прибыл?

– Пилоты, – обернувшись, ответил Сен-Жак. – Они увозили людей, а не доставляли их сюда, я же тебе уже говорил.

– Да, ты говорил. А ты проверял?

– Проверял кого?

– Каждый прилетающий самолет.

– Эй, кончай! Ты заставил меня одновременно делать сотню дел.

– А как же тогда двое чернокожих командос, которым ты так доверяешь?

– Господи, они проверяли и расставляли других охранников по местам.

– То есть мы не знаем, кто мог прилететь на тех самолетах, так получается? Может, они спрыгнули с поплавков самолета над рифами – прямо на отмель.

– Черт возьми, Дэвид, эти пилоты выполняют чартерные рейсы, и я давным-давно знаю каждого. Они бы никогда такого не допустили. Никогда!

– Ты хочешь сказать, что это было бы невероятно.

– Иди к черту.

– Как и связной Шакала на Монтсеррате. Королевский губернатор.

Владелец «Транквилити Инн» уставился на своего зятя:

– В каком мире ты живешь?

– В таком, что жалею, что тебе пришлось стать его частью. Но теперь ничего не изменишь, и тебе придется играть по его правилам – по моим правилам.

Отблеск, вспышка, тонкий луч красного света из темноты за стеной! Инфракрасное излучение! С вытянутыми руками Борн прыгнул на Сен-Жака, сбил его с ног, отталкивая от балконной двери.

– Пригнись! – закричал Джейсон в падении, оба рухнули на пол. Над их головами одна за другой просвистели три пули и ударились в стену виллы.

– Что за черт...

– Он там, снаружи, и хочет, чтобы я это знал! – сказал Борн, пригнув своего шурина еще ниже, отполз за него и сунул руку в карман рубашки.

– Он знает, кто ты, поэтому ты первый в очереди на тот свет, он рассчитал, что, так как ты брат Мари, твоя смерть доведет меня до сумасшествия – ты член семьи, и этим он мне постоянно угрожает. Моей семьей!

– Господи! Что нам делать?

– Я все сделаю! – ответил Джейсон, доставая из кармана вторую сигнальную ракету. – Я отправлю ему послание. Послание, в котором сообщу, что я жив, и объясню, почему я буду жив, когда он умрет. Оставайся здесь!

Борн вытащил из правого кармана зажигалку и поджег ракету. Полусогнувшись, он пробежал мимо балконных дверей и бросил шипящий, ослепляющий снаряд в темноту. Раздались два щелчка, пули срикошетили от черепичной крыши и качнули зеркало на туалетном столике.

– У него «МАК-10» с глушителем, – сказал Дельта из отряда «Медуза», врезавшись в стену и хватаясь за раненую шею. – Мне пора убираться отсюда!

– Дэвид, ты же ранен!

– Это замечательно.

Джейсон Борн вскочил на ноги и бросился к двери; захлопнув ее, он рванул в сторону гостиной, но столкнулся с доктором из Канады, который нахмурил брови.

– Я слышал оттуда какой-то шум, – сказал доктор. – Все в порядке?

– Я должен идти. Ложитесь на пол.

– Нет, подождите! У вас кровь на повязке, швы...

– Вашу мать, живо на пол!

– Мистер Вебб, вам уже не двадцать один год...

– Не лезьте в мои дела! – крикнул Борн, бросился к выходу и выбрался наружу. По освещенной аллее он побежал в сторону главного корпуса, неожиданно его оглушил громкий оркестр, звук от которого разносился по всей территории, усиленный множеством динамиков, подвешенных на деревьях.

Пульсирующая какофония оглушала, и это было ему на руку, решил Джейсон. Ангус Маклеод сдержал слово. В огромной застекленной круглой гостиной находились немногие оставшиеся гости и еще меньше персонала – значит, Хамелеону пора сменить цвет. Он знал ход мыслей Шакала так же хорошо, как свой собственный, а из него следовало, что при таких обстоятельствах убийца предпримет те же шаги, что и он сам. Голодный, истекающий слюной волк залез в логово своей загнанной в тупик, обезумевшей жертвы и отхватил от нее призовой кусок. Так же поступит и он, сбросив кожу мистического хамелеона, обернувшись еще более крупным хищником – скажем, бенгальским тигром, – который может перекусить шакала пополам... Почему эти образы так важны? Почему? Он знал почему, и это знание наполняло его пустотой, желанием обрести нечто, потерянное в прошлом, – он больше не был Дельтой, опасным партизаном «Медузы», как не был он и Джейсоном Борном из Парижа и Дальнего Востока. Постаревший, сильно постаревший Дэвид Вебб продолжал борьбу, пытаясь разобраться во всем этом насилии и безумии.

Нет! Убирайся! Ты ничто, а я все!... Уходи, Дэвид, ради бога, уходи.

Борн сошел с аллеи и побежал по жесткой и острой тропической траве к боковому входу в гостиницу. Еле переводя дыхание, он перешел на шаг, заметив, что кто-то выходит из дверей, но, узнав человека, побежал дальше. Это был один из немногих работников Транквилити, кого он запомнил, и

один из немногих, кого он хотел бы забыть. Невыносимый сноб, помощник управляющего по имени Причард, болтливый зануда, хотя и трудолюбивый, всегда всем напоминавший про высокое положение своей семьи на острове Монтсеррат – особенно дяди, заместителя начальника иммиграционной службы; как подозревал Дэвид Вебб, это было не случайное совпадение для «Транквилити Инн».

– Причард! – крикнул Борн, приближаясь к нему. – Ты взял пластырь?

– Сэр, это вы! – вскрикнул с искренней тревогой помощник управляющего.
– Вы еще здесь? Нам сказали, что вы уехали после обеда...

– О черт!

– Сэр?.. Мне так больно выражать вам свое сочувствие...

– Вот и молчи, Причард. Понимаешь меня?

– Конечно, ведь я не смог поздороваться с вами утром, потому что меня здесь не было, а после обеда я не смог с вами попрощаться и принести свои соболезнования, так как мистер Сент-Джей дал мне работу на вечер, даже на ночь...

– Причард, я тороплюсь. Отдай мне пластырь и никому – никому – не говори, что видел меня. Ты все понял?

– О да, сэр, я понял, – ответил Причард, отдавая три рулона эластичной ленты разного размера. – Я надежно сохраню такую важную информацию, как и то, что ваши жена с детьми были здесь – о господи, прости меня! Простите меня, сэр!

– Я прощу, и Он простит, если будешь держать язык за зубами.

– Обещаю. Я буду молчать. Это такая честь для меня!

– Если ты нарушишь обещание, тебя застрелят. Это понятно?

– Сэр?

– Не падай в обморок, Причард. Иди на виллу и передай мистеру Сент-Джею, что я буду на связи и чтобы он оставался на месте. Уловил? Он должен оставаться на месте... И ты тоже.

– А если мне...

– Даже не думай. Убирайся отсюда!

Разговорчивый помощник управляющего понесся через лужайку к аллее, ведущей к восточным виллам, а Борн добежал до дверей и вошел внутрь. Джейсон прыгал через две ступеньки – в былые времена он перепрыгивал

три – и, опять запыхавшись, добрался до кабинета Сен-Жака. Он вошел, закрыл дверь и бросился к шкафу, где, как он знал, его шурин хранил несколько смен одежды. Они оба носили примерно один размер – безразмерный, по словам Мари, – и Джонни часто заимствовал во время своих визитов куртки и рубашки Дэвида Вебба. Джейсон выбрал в шкафу наиболее неприметную комбинацию. Легкие серые брюки и темно-синий спортивный пиджак из хлопка, единственная натуральная рубашка тоже оказалась кстати коричневой и с короткими рукавами. Ничто не будет блестеть и отражать свет.

Он начал переодеваться, когда почувствовал острую, горячую боль на левой стороне шеи. Он с тревогой посмотрел в зеркало на дверце шкафа, и то, что увидел, его взбесило. На сдавливающей повязке расплывалось пятно крови. Он разорвал упаковку самой широкой ленты; было слишком поздно менять повязку, он мог только уплотнить ее в надежде приостановить кровотечение. Он несколько раз обернул пластырь вокруг шеи, оторвал от мотка и дополнительно закрепил маленькими кусочками ленты. Повязка получилась надежной, и он тут же позабыл о ней.

Борн переоделся, высоко подняв ворот коричневой рубашки, засунул пистолет за пояс. А моток лески положил в карман пиджака... Шаги! Когда дверь открылась, он прижался к стене, держа руку на пистолете. Вошел старый Фонтейн; некоторое время он стоял, глядя на Борна, потом закрыл дверь.

– Я искал вас, честно говоря, не будучи уверен, что вы еще живы, – произнес француз.

– Без крайней необходимости мы не пользуемся рациями. – Джейсон отошел от стены. – Я думал, вам передали.

– Да, и это правильно. У Карлоса к этому времени могла появиться своя рация. Ему помогают, как вы знаете. Поэтому-то я искал вас. Потом подумал, что вы со своим шурином можете быть здесь наверху, в его кабинете, в штабе, так сказать.

– Не очень осмотрительно с вашей стороны открыто передвигаться.

– Я не дурак, мсье. Иначе меня бы уже давно не было на свете. Где бы я ни ходил, я всегда делаю это очень осторожно... Честно говоря, именно поэтому я и решил разыскать вас, надеясь, что вы еще не убиты.

– Я не убит, и вы меня нашли. Что дальше? Вы с судьей должны оставаться на пустой вилле, а не шляться где попало.

– Мы так и делали. Видите ли, у меня есть план, stratageme 37, думаю, это вас заинтересует. Я поговорил с Бренданом...

– С Бренданом?

– Его так зовут, мсье. Он считает, что это хороший план, а он умнейший человек, очень sagace...

– Сообразительный? Да, без сомнения, он умен, но он не участвует в нашем деле.

– Он тоже борется за жизнь. С этой точки зрения мы все заняты одним делом. Он считает, что мой план немного рискованный, но в данной ситуации без риска нельзя.

– Что за план?

– Заманить Шакала в ловушку, почти не подвергая остальных постояльцев опасности.

– Это вас беспокоит, не так ли?

– Я уже объяснял вам почему, так что не буду повторяться. Здесь остались люди...

– Рассказывайте, – перебил раздраженным тоном Борн, – что там у вас за стратегия, и лучше вам понять, что я собираюсь покончить с Шакалом, даже если придется взять в заложники весь остров. Я больше не собираюсь уступать. Я и так слишком много потерял.

– То есть вы с Карлосом будете гоняться ночью друг за другом? Пара стареющих сумасшедших охотников, одержимых жаждой убить друг друга, которым плевать, если по ходу кто-то еще будет убит, ранен или на всю жизнь останется калекой.

– Если вы ищете сочувствия, тогда идите в церковь и обратитесь к своему богу, которому плевать на эту планету! У него либо извращенное чувство юмора, либо он садист. Теперь говорите, иначе я ухожу.

– Я все продумал...

– Говорите!

– Я знаю мсье, знаю ход его мыслей. Он планировал убить нас с женой, но не одновременно с вами, чтобы не отвлекаться от главной цели – бесповоротной победы над вами. Наше время настанет позже. Открытие того, что я, так называемый герой Франции, на самом деле являюсь инструментом Шакала, его творением, будет финальным аккордом его триумфа. Понимаете?

Джейсон молча посмотрел на старика.

– Да, понимаю, – тихо ответил он. – Не то чтобы я когда-нибудь рассчитывал на таких, как вы, но такой подход – это основа моих действий. У него мания величия. Он считает себя королем ада и хочет, чтобы весь мир признал его и его трон. По его мнению, его гений не оценили, а низвели до уровня начинающих преступников, мафиозных киллеров. А ему хочется, чтобы играли трубы и били барабаны на фоне затихающих сирен и вялых расспросов во время полицейских опознаний.

– C'est vrai³⁸. Однажды он даже пожаловался мне, что в Америке о нем почти никто не знает.

– Так оно и есть. Там считают, что он персонаж из романов и фильмов, если вообще о нем думают. Он пытался это исправить тринадцать лет назад, когда прилетел из Парижа в Нью-Йорк, чтобы убить меня.

– Небольшая поправка, мсье. Вы вынудили его.

– Это в прошлом. Но какое отношение это имеет к сегодняшней ситуации... к вашему плану?

– Все произошедшее подсказывает нам, как вынудить Шакала выйти на свет, чтобы поймать меня, встретиться со мной. Сегодня. Сейчас.

– И как же?

– Я буду открыто передвигаться по территории гостиницы, чтобы он или один из его приспешников увидел и услышал меня.

– А почему это заставит его выйти на вас?

– Потому что я буду не с медсестрой, которую он ко мне приставил. Я буду с кем-нибудь другим, кого он не знает и кому нет нужды меня убивать.

Борн снова молча посмотрел на старого француза.

– То есть вы станете наживкой, – наконец произнес Джейсон.

– Приманкой настолько соблазнительной, что он будет беситься, пока не схватит ее – вцепится в меня, чтобы задать вопросы... Понимаете, я ему жизненно необходим – точнее, необходимо, чтобы я умер, – но в свое время. Точность – это его... его *dicition*, или как это сказать?

– Его отличительная черта, его метод действий; в этом наши мнения совпадают.

– Именно благодаря этому он выжил, извлекая максимум прибыли из каждого убийства, которые способствовали укреплению его репутации *assassin supreme*³⁹. Пока с Дальнего Востока не пришел человек по имени Джейсон Борн... с тех пор все изменилось. Но вы все это знаете...

– Меня это не интересует, – перебил Джейсон. – Как вы сказали, «всему свое время». Продолжайте.

– Когда меня не станет, он сможет открыть, кем на самом деле был герой Франции Жан-Пьер Фонтейн. Самозванец, его самозванец, его создание, орудие смерти, который был ловушкой для Джейсона Борна. Какой триумф для него!.. Но он не добьется триумфа, пока я жив. Говоря проще, это было бы очень неудобно. Я слишком много знаю, слишком многих своих коллег в трущобах Парижа. Нет, я должен умереть, чтобы его триумф состоялся.

– В таком случае он убьет вас, как только увидит.

– Не раньше, чем получит ответы на свои вопросы, мсье. Где его сиделка-убийца? Что с ней произошло? Нашел ли ее Le Cameleon, переманил ли на свою сторону, разделался ли с ней? Или ее схватили британские власти? Находится ли она на пути в Лондон к МИ-6 со всеми их химическими штучками, чтобы под конец быть переданной Интерполу? Так много вопросов... Нет, он не убьет меня, пока не узнает все, что ему нужно. Чтобы он все разузнал, может потребоваться всего несколько минут, но я верю, что вы будете рядом и спасете мою жизнь.

– А как же сестра? Кто бы она ни была, ее застрелят.

– Нет, совсем нет. Я раздраженно прогоню ее с глаз долой при первом признаке контакта. А пока я буду с ней идти, стану жаловаться на отсутствие моей новой дорогой подруги, ангела милосердия, которая так хорошо заботится о моей жене, и буду громко интересоваться: «Что с ней случилось? Куда она подевалась? Почему я ее весь день не видел?» Вдобавок я спрячу на себе рацию, включенную, разумеется. Куда бы меня ни повели – а в том, что сперва подойдет один из людей Карлоса, нет никаких сомнений, – я начну задавать вопросы старого беспомощного человека. А зачем мне туда идти? Зачем мы здесь?... А вы будете следовать за нами – искренне надеюсь, достаточно быстро. В этом случае Шакал – ваш.

Держа голову прямо на негнувшейся шее, Борн подошел к столу Сен-Жака и присел на край.

– Ваш друг, судья Брендан – как там его по фамилии, – прав...

– Префонтейн. Хотя Фонтейн не настоящая моя фамилия, мы решили, что они родственные. Когда первые переселенцы покинули Эльзас-Лоран и отправились в Америку в восемнадцатом веке вместе с Лафайетом, они прибавили Pre, чтобы отличаться от Фонтейнов, которые распространились по всей Франции.

– Это он вам рассказал?

– Он умнейший человек, этот почтенный судья.

– Лафайет родом из Эльзас-Лорана?

– Я не знаю, мсье. Я там никогда не был.

– Умнейший человек, говорите... Что более важно, он прав. Ваш план весьма хорош, но он подразумевает и немалый риск. И я буду откровенен с вами, Фонтейн, мне абсолютно все равно, как сильно вы рискуете, или что случится с женщиной, которую я не знаю, или с кем-нибудь еще. Мне нужен Шакал, и, если это будет стоить жизни вам или этой женщине – мне неважно. Хочу, чтобы вы это понимали.

Старик-француз посмотрел на Джейсона слезящимися глазами и мягко рассмеялся:

– Вы так откровенно себе противоречите. Джейсон Борн никогда бы не сказал ничего подобного. Он бы промолчал, принял мое предложение без комментариев, но осознавая его преимущества. Однако муж миссис Вебб должен озвучить свои опасения. Он против и хочет, чтобы это знали.

Неожиданно Фонтейн заговорил очень жестко:

– Избавьтесь от него, мсье Борн. Он не сможет меня спасти, не сможет прикончить Шакала. Гоните его прочь.

– Он ушел. Клянусь вам, его нет. – Хамелеон спрыгнул со стола, шею свело от боли. – Пора начинать.

Оркестр ударных инструментов продолжал свое оглушающее выступление, но теперь лишь в застекленном вестибюле и смежной с ним гостиной. По приказу Сен-Жака все динамики были отключены, а сам владелец «Транквилити Инн» вместе с канадским доктором и беспрестанно щебечущим Причардом под охраной двух командос с «узи» покинули необитаемую виллу. Помощнику управляющего было приказано вернуться в вестибюль и никому ничего не говорить о том, чему он стал свидетелем за последний час.

– Я буду нем как рыба, сэр. А если спросят, скажу, что по телефону разговаривал с властями с Монтсеррата.

– О чем же? – поинтересовался Сен-Жак.

– Ну, я подумал...

– Не думай. Ты проверял работу горничных на западных виллах, и это все.

– Да, сэр. – Обиженный Причард направился к двери конторы, которую только что открыл безымянный доктор из Канады.

– Неважно, проговорится он или нет, – заметил доктор после ухода помощника. – Там настоящий зоопарк в миниатюре. Смесь вчерашних событий, сегодняшнего солнца и алкогольной невосдержанности вечером приведут к чувству глубокого разочарования утром. Джон, моя жена полагает, что вашему метеорологу почти нечего будет сказать.

– Да?

– Он и сам слегка приложился, но даже если он останется наполовину трезвым, для него не найдется и пяти адекватных слушателей.

– Лучше я тоже спущусь туда. Мы можем превратить вечеринку в небольшой *carnivale*. Это сэкономит Скотти десять тысяч долларов, и чем больше будет шума, тем лучше. Я поговорю с музыкантами и барменом и сейчас вернусь.

– Нам нельзя здесь оставаться, – сказал Борн, когда его шурин ушел и из личной ванной Сен-Жака в кабинет вошла крепкая чернокожая девушка в полной экипировке сиделки.

– Очень хорошо, дитя мое, ты отлично выглядишь, – сказал француз. – Теперь слушай, я буду держать тебя за руку, пока мы будем ходить и говорить, но когда я сожму тебе руку, и повышу голос, и скажу, чтобы ты оставила меня, ты так и сделаешь, поняла?

– Да, сэр. Я должна быстро уйти, дуясь на вас за то, что вы такой нелюбезный.

– Именно. И не надо бояться, это просто игра. Мы хотим поговорить с одним очень стеснительным человеком.

– Как ваша шея? – спросил доктор, глядя на Джейсона и не видя повязки, спрятанной под коричневым воротником рубашки.

– С ней все в порядке.

– Давайте посмотрим, – предложил канадец и шагнул вперед.

– Спасибо, доктор, не сейчас. Я бы посоветовал вам спуститься вниз и присоединиться к вашей жене.

– Хорошо. Я так и думал, что вы это скажете, но позвольте мне кое-что сообщить вам очень быстро.

– Очень быстро.

– Я врач, и мне приходилось делать много такого, что мне не нравилось, и это как раз такой случай. Но когда я думаю о том молодом человеке и о том, что с ним случилось...

– Прошу вас, – перебил Джейсон.

– Да, да, я понимаю. В любом случае я всегда к вашим услугам, я просто хотел, чтобы вы это знали... Я не слишком доволен своими предыдущими словами. Я видел то, что видел, и у меня есть имя, и я готов давать показания в суде. Другими словами, я готов помогать следствию.

– Доктор, не будет ни суда, ни допроса свидетелей.

– Правда? Но ведь это серьезные преступления!

– Мы знаем, что это такое, – перебил Борн. – Мы высоко ценим вашу помощь, но остальное вас не касается.

– Понятно, – сказал доктор, с интересом поглядывая на Джейсона. – Ну, тогда я пойду. – Канадец приблизился к двери и обернулся: – Будет лучше, если вы потом позволите мне осмотреть вашу шею. Если вы ее не лишитесь.

Доктор ушел, и Борн повернулся к Фонтейну:

– Мы готовы?

– Готовы, – ответил француз, мило улыбаясь рослой, импозантной и заинтригованной чернокожей девушке. – А что вы, моя милая, собираетесь делать с деньгами, которые сегодня заработаете?

Девушка смущенно хихикнула, обнажив в улыбке блестящие белые зубы:

– У меня есть парень. Куплю ему хороший подарок.

– Чудесно. Как зовут твоего друга?

– Измаил, сэр.

– Идем, – решительно произнес Джейсон.

Осуществить план было легко, как и любую хорошую стратегию, какой бы она ни казалась сложной. Маршрут движения старого Фонтейна по территории «Транквилити Инн» был тщательно разработан. Сперва Фонтейн с девушкой должны были возвратиться на его виллу, вроде бы для того, чтобы провести его больную жену перед тем, как отправиться на обязательную вечернюю прогулку, благотворную с медицинской точки зрения. Они должны были оставаться в пределах главной освещенной аллеи, время от времени прохаживаясь по лужайкам – капризный старик, ведомый

своими причудами, и раздосадованная спутница. Это была картина, которую можно наблюдать по всему миру – слабый, раздражительный старикан, разменявший восьмой десяток, третирующий своего опекуна или опекуншу.

Двое бывших королевских командос, один небольшого роста, другой довольно высокий, выбрали несколько точек, где француз с «сиделкой» должны были развернуться и сменить маршрут. Когда старик с девушкой переходили на следующий запланированный отрезок маршрута, второй командос в темноте опережал своего напарника до следующего пункта, используя им одним известные невидимые тропинки, вроде той, которая шла от вилл над берегом к нижнему пляжу через буйную тропическую растительность. Чернокожие охранники передвигались по джунглям, словно два огромных паука, стремительно и легко перебираясь с веток и камней на сучки и лианы, не отставая от охраняемых. Борн следовал за вторым командос, его рация работала на прием, и сквозь помехи слышался сердитый голос Фонтейна:

– А где та, другая сестра? Та милая девушка, которая ухаживает за моей женой? Где она? Я ее целый день не видел!

Фразы на повышенных тонах повторялись вновь и вновь с растущей враждебностью.

Джейсон поскользнулся. Он запутался! Борн был за стеной, идущей вдоль линии берега, и его левая нога запуталась в толстых лианах. Он не мог ее высвободить – не хватало сил. Повертел головой, плечами – попытки высвободиться отдались в шее острой болью. Не выходит. Выбраться, высвободиться, вырваться!.. С готовыми разорваться легкими, хлещущей из раны на шее кровью, он рывком освободил ногу и пополз дальше.

Неожиданно показались разноцветные огни. Они дошли до тропинки, ведущей к церкви, – это были голубые и красные фонари, освещавшие вход в опечатанное святилище «Транквилити Инн». Последняя остановка на маршруте перед тем, как повернуть обратно к вилле Фонтейна, и все посчитали, что она пригодится только для того, чтобы старик смог немного перевести дыхание. В этом месте Сен-Жак оставил охранника, чтобы никто не входил в покинутую церковь. Здесь контакт был невозможен. Но тут Борн услышал по рации слова – слова, которые должны отослать ненастоящую сиделку от ее фальшивого подопечного.

– Уйди от меня! – взвился Фонтейн. – Ты мне не нравишься. Где наша обычная сестра? Что ты с ней сделала?

Впереди под прикрытием стены бок о бок пробирались двое командос. Они обернулись и посмотрели на Джейсона, выражение их лиц на фоне этих

сверхъестественных лучей света говорило о том, что он и так знал. С этого момента он принимает решения; они довели, сопровождали его до врага. Остальное зависит от него самого.

Неожиданности редко ставили Борна в тупик, но сейчас произошло именно это. Неужели Фонтейн ошибся? Неужели старик забыл про охранника и принял его за посланца Шакала? Неужели его старые глаза приняли вполне объяснимую удивленную реакцию охранника за попытку контакта? Все было возможно, но, учитывая прошлое француза – его стремление выжить на протяжении всей жизни – и сообразительность его острого ума, такая ошибка была маловероятна.

Тогда стала вырисовываться другая возможность, и она просто пугала. Неужели сторожа убили или подкупили, заменили на другого? Карлос был мастером таких штучек. Говорили, он выполнил все условия контракта по убийству Анвара Садата даже без применения оружия – просто подменил инструкции, данные неопытным охранникам египетского президента, – потраченные в Каире деньги были многократно возмещены антиизраильскими организациями Ближнего Востока. А если это правда, то происходящее на Транквилити для него просто детская забава.

Джейсон поднялся на ноги, дотянулся до края стены и медленно, преодолевая боль – а шея причиняла ему невероятные страдания, – подтянулся вверх и опять медленно, дюйм за дюймом, начал по очереди вытягивать руки, чтобы ухватиться за противоположный край. Увиденное поразило его!

Фонтейн замер с открытым ртом и округлившимися от удивления глазами, а в это время к нему подошел еще один старик в темном габардиновом костюме и обнял престарелого героя Франции. Фонтейн в панике оттолкнул подошедшего. Из рации в кармане Борна неслись слова:

– Claude! Quelle secousse! Vous tes ici! 40

Старый друг Фонтейна ответил по-французски дрожащим старческим голосом:

– Это большая честь, что наш хозяин разрешил мне приехать. В последний раз повидаться с моей сестрой и утешить моего друга и ее мужа. И вот я здесь, с тобой!

– Со мной? Он прислал тебя сюда? Ну, конечно, иначе и быть не могло!

– Я должен отвести тебя к нему. Великий человек хочет с тобой поговорить.

– Ты знаешь, что делаешь – что ты уже наделал?

– Я с тобой и с ней. Разве остальное имеет значение?

– Она мертва! Она покончила с собой прошлой ночью! А он собирался убить нас обоих.

«Выключите рацию! – мысленно кричал Борн. – Разбейте рацию!»

Слишком поздно. Левая дверь часовни открылась, и из нее в залитый разноцветными огнями коридор вышел мужчина. Это был молодой мускулистый блондин с резкими чертами лица и прямой осанкой. Неужели Шакал готовил кого-то занять свое место?

– Идите, пожалуйста, со мной, – произнес блондин спокойным голосом, в котором слышались металлические командные нотки. – А вы, – добавил он, обращаясь к человеку в коричневом габардиновом костюме, – стойте, где стоите. При малейшем шорохе стреляйте... Достаньте пистолет. Держите его в руке.

– Oui, monsieur 41.

Джейсон беспомощно смотрел, как Фонтейна отвели в церковь. Из кармана его пиджака послышался всплеск помех и щелчок; рацию француза обнаружили и уничтожили. И все же что-то было не так, что-то сместилось, не было равновесия – или же, наоборот, все было слишком симметрично. Карлосу не имело смысла второй раз использовать то же место, где его постигла неудача, это было совершенно бессмысленно! Появление шурина Фонтейна стало неожиданным шагом, достойным Шакала, по-настоящему незаурядным приемом, сбившим всех с толку, но только не это, только не несуразная церковь «Транквилити Инн». Это было слишком методично, слишком однообразно, слишком очевидно. Неправильно.

«И поэтому правильно?» – размышлял Борн. Была ли это непостижимая логика убийцы, который почти тридцать лет скрывается от сотни разведслужб всего мира? «Он этого не сделал бы – так не бывает!.. О да, он может, потому что он знает, что мы считаем, что так не бывает». Был ли сам Шакал в церкви? Если нет, то где он? Где он расставил свою ловушку?

Эта смертельная шахматная партия была не только очень сложной, она была глубоко личной. Другие могли погибнуть, и только один из них останется в живых. Все могло кончиться только так. Либо смерть торговца смертью, либо смерть его покупателя, один из которых желает увековечить миф, а другой – сохранить семью и собственную жизнь. У Карлоса было преимущество; ему нечего терять, потому что, как сказал Фонтейн, он умирал, и ему все равно. А Борну было ради чего жить, он был еще не старым охотником, жизнь которого навсегда распалась, раскололась на две

половины после смерти жены и детей очень давно в далекой Камбодже, о чем он смутно помнил. Это не может повториться, это не произойдет опять!

Джейсон скользнул с наклонной стены вниз. Он подполз к двум бывшим командос и прошептал:

– Они увели Фонтейна внутрь.

– Где охранник? – спросил ближайший к Борну спецназовец, в его шепоте слышались удивление и злость. – Я сам поставил его здесь и дал особые указания. Никого не пускать внутрь. Он должен был тут же сообщить по рации, как только кого-нибудь увидит!

– Боюсь, что он его не увидел.

– Кого?

– Блондина, который говорит по-французски.

Оба бойца переглянулись, после чего второй повернулся к Джейсону и тихо попросил:

– Опишите его, пожалуйста.

– Среднего роста, широкая грудь и плечи...

– Довольно, – перебил первый охранник. – Наш человек его видел, сэр. Он один из трех начальников правительственной полиции, офицер, владеющий несколькими языками, и глава отдела по борьбе с наркоторговлей.

– Но почему он здесь, топ? – спросил второй командос своего коллегу. – Мистер Сент-Джей сказал, что королевская полиция всего не знает, что они не с нами.

– Это сэр Генри, топ. У него королевские катера, шесть или семь, патрулирующие побережье с приказом задерживать всех, кто попытается покинуть Транквилити. Это катера, которые используют против наркоторговцев, топ. Сэр Генри назвал это патрульными учениями, так что начальник отдела по борьбе с наркоторговлей должен быть... – Напевный речитатив уроженца Вест-Индии замер на половине фразы, и он посмотрел на своего напарника: —...Но тогда почему он не в море, топ? На главном катере, топ?

– Он вам не нравится? – спросил Борн, повинувшись какому-то подсознательному импульсу и сам удивляясь своему вопросу. – То есть вы его побаиваетесь? Возможно, я не прав, но, по-моему, я что-то почувствовал...

– Вы правы, сэр, – перебил первый охранник. – Начальник жестокий человек, и он не любит «панджаби», как он нас называет. Он очень быстр на расправу, и многие уже потеряли работу из-за его несправедливых обвинений.

– А почему вы не жалуетесь, не пытаетесь избавиться от него? Британцы вас послушают.

– Королевский губернатор не станет слушать, сэр, – объяснил второй охранник. – Он очень расположен к своему начальнику по наркотикам. Они хорошие друзья и часто вместе отправляются за большой рыбой.

– Понятно. – Джейсон все понял и неожиданно встревожился, очень встревожился. – Сент-Джей говорил мне, что за часовней есть тропинка. Он говорил, что она могла зарости, но должна была остаться.

– Так точно, – подтвердил первый командос. – Обслуга до сих пор по ней спускается к морю, когда дают отгул.

– Она длинная?

– Метров тридцать пять – сорок. Ведет к скалистому обрыву, в котором вырубili ступеньки, чтобы можно было спуститься на пляж.

– Кто из вас быстрее бежит? – спросил Борн, опуская руку в карман и доставая катушку с леской.

– Я.

– Я!

– Я выбираю тебя, – сказал Джейсон, кивнув первому охраннику, который был ниже ростом своего напарника, и дал ему катушку. – Спустишься к краю этой тропинки и везде, где сможешь, натянешь поперек нее эту леску; старайся привязывать к сучкам, стволам или самым толстым веткам, которые найдешь. Тебя не должны заметить, поэтому будь начеку, ты должен видеть даже в темноте.

– Нет проблем, мон!

– У тебя есть нож?

– Вы еще спросите, есть ли у меня глаза!

– Отлично. Отдай мне свой «узи». Пошел!

Охранник пополз в сторону по оплетенному лианами склону и скрылся за листвой. Заговорил второй королевский командос:

– По правде говоря, сэр, я бегаю гораздо быстрее, потому что у меня ноги намного длиннее.

– Именно поэтому я и выбрал его, и подозреваю, ты знаешь почему. Здесь длинные ноги не преимущество, а только помеха, я сам в этом убедился. К тому же он невысок, и его труднее засечь.

– Коротышкам всегда достаются лучшие задания. Нас вечно выставляют на парады и заставляют драться на ринге по правилам, которых мы не понимаем, а невысокие солдаты получают весь «свинец».

– «Свинец»? Лучшую работу?

– Да, сэр.

– Самые опасные задания?

– Да, mon!

– Смирись с этим, большой человек.

– Что будем делать дальше, сэр?

Борн посмотрел вверх на стену и мягкий свет разноцветных фонарей.

– Это называется тактика выжидания – никаких любовных серенад, только ненависть к тем, кто хочет тебя убить, когда ты хочешь жить. На это мало что похоже, потому что ты ничего не можешь предпринять. Все, что тебе остается, – это думать о том, что сделает или не сделает враг и не придумал ли он что-то такое, что не приходило тебе в голову. Как когда-то сказал один человек, лучше бы я был в Филадельфии.

– Где, mon?

– Не обращай внимания. Это было давно и неправда.

Неожиданно, наполняя воздух леденящим ужасом, раздался длинный мучительный крик, за которым последовали слова, полные боли:

– Non, non! Vous tes monstrueux!.. Arratez, arratez, je vous supplie! 42

– Пошли! – закричал Джейсон, повесив «узи» на плечо и прыгая на стену; он схватился за край, подтянулся, но тут из его шеи брызнула кровь. Он не может подняться! Он не может перелезть! В этот момент сильные руки подхватили его, и он упал на верхнюю часть стены.

– Фонари! – закричал он. – Стреляй по фонарям!

Из «узи» рослого командос вырвались всполохи, и ряды фонарей по обеим сторонам тропинки, ведущей к часовне, начали взрываться. И опять сильные черные руки поставили его на землю уже с другой стороны стены. После

этого появился луч желтого света, быстро обшаривающий окружающий лес; это был мощный галогеновый фонарь в левой руке командос. На тропинке лежало скорчившееся тело истекающего кровью старика в темном габардиновом костюме, ему перерезали горло.

– Стойте! Во имя Всевышнего, стойте, где стоите! – раздался из церкви голос Фонтейна; через наполовину открытую дверь проникал мерцающий свет электрических свечей. Они приблизились ко входу, держа оружие перед собой, готовые открыть огонь... но не готовые увидеть то, что увидели. Борн закрыл глаза, картина была слишком чудовищна. Старый Фонтейн, как и юный Измаил, был распят на аналое под выбитым витражом левой стены, из ран на лице текла кровь, а к его телу были прикреплены провода, тянувшиеся к нескольким черным коробочкам по обеим сторонам часовни.

– Назад! – закричал Фонтейн. – Бегите, идиоты! Меня привязали...

– О господи!

– Не горюйте обо мне, Monsieur Le Cameleon. Я с радостью воссоединюсь со своей женой! Этот мир слишком жесток даже для меня. Я больше не хочу в нем жить. А теперь бегите! Сейчас все взорвется – они следят за нами!

– Сэр, mon! Бежим! – заорал второй командос, схватил Джейсона за пиджак и потащил к стене, потом поднял на руки и перемахнул с ним через каменную кладку в густую листву.

Взрыв был мощный, ослепляющий и оглушающий. Ощущение было такое, словно в этот маленький участок маленького острова попала самонаводящаяся ракета с ядерной боеголовкой. Языки пламени поднялись в ночное небо, но быстро опали и превратились в горящие искры, которые унес ветер.

– Тропинка! – хриплым шепотом прокричал Джейсон, поднимаясь из листьев на ноги. – Быстрее туда!

– Вы неважно выглядите, mon...

– Я о себе позабочусь, а ты думай о себе!

– По-моему, я позаботился о нас обоих.

– Хорошо, ты получишь гребаную медаль, и я еще добавлю к ней много денег. А теперь води нас к тропинке!

С трудом продираясь и пробиваясь сквозь заросли, ноги Борна уже передвигались, как неуправляемый механизм. Двое мужчин добрались до границы тропинки в тридцати футах от дымящихся руин церкви. Они залегли в листве, и через несколько секунд первый командос присоединился к ним.

– Они к югу среди пальм, – произнес он задышающим голосом. – Ждут, пока рассеется дым, чтобы посмотреть, остался ли кто-нибудь живой, но долго они там сидеть не будут.

– Ты был там? – спросил Джейсон. – С ними?

– Нет проблем, топ. Я же говорил вам, сэр.

– Что происходит? Сколько их там?

– Четверо, сэр. Я убил того, на чье место встал. Он был черный, так что в темноте не видно никакой разницы. Все прошло быстро и тихо. Я перерезал ему горло.

– А кто остался?

– Начальник по наркотикам с Монтсеррата, естественно, и двое других...

– Опиши их!

– Я не мог их хорошо разглядеть, но, по-моему, один был тоже черный, высокий и почти без волос. Третьего я совсем не смог рассмотреть, потому что он – или она – был одет в странную одежду, с накидкой на голове, типа женской шляпы от солнца или москитной сетки.

– Это была женщина?

– Возможно, сэр.

– Женщина?.. Им придется убираться оттуда – ему придется убираться!

– Очень скоро они побегут к этой тропинке, а потом вниз на пляж, где спрячутся среди деревьев в бухте, пока за ними не придет лодка. У них нет выбора. Они не могут вернуться в гостиницу, потому что чужаков сразу заметят, и хотя мы сейчас далеко и всюду играет оркестр, люди из наружного наблюдения наверняка слышали взрыв. Они доложат.

– Слушайте меня, – начал Борн напряженным охрипшим голосом. – Один из тех троих – тот, кто мне нужен, и он нужен мне лично! Так что сразу не стреляйте, потому что я узнаю его, только когда увижу. Мне плевать на остальных, их можно выкурить из бухты потом.

Из тропического леса раздалась неожиданная очередь, и со стороны еще недавно освещенного прохода за развалинами часовни послышались крики. Потом одна за другой на тропинку из густой растительности выбежали три фигуры. Первым за леску зацепился светловолосый полицейский офицер с Монтсеррата, натянутая на уровне пояса невидимая прозрачная нить опрокинула его в грязь и порвалась, словно тонкая, туго натянутая струна. Второй человек, худой, высокий, со смуглым лицом и небольшой щеточкой

волос на лысой голове, подбежал к первому, поднял его на ноги и, повинуясь инстинкту или просто что-то заметив, открыл огонь из своего автомата, вычерчивая очередями арки, срезая нити над тропинкой, которая вела к обрыву и дальше на пляж. Появилась третья фигура. Это была не женщина. Это был мужчина в монашеском одеянии. Священник. Это был он. Шакал!

Борн вскочил на ноги и вышел из листвы на тропинку, сжимая в руках «узи»; это была его победа, его свобода, его семья! Как только облаченная в длинные одежды фигура достигла вершины примитивной лестницы в скале, Джейсон согнул указательный палец и не разжимал его, поливая врага очередями из «узи».

Силуэт монаха согнулся, потом он упал, и его тело стало катиться, кувыркаться и сползать по ступеням из вулканической породы, наконец оно достигло конца лестницы и распласталось на песке внизу. Борн, за которым следовали оба командос, побежал по неудобной лестнице со ступенями разной высоты вниз. Он спустился на пляж, бросился к труп и откинул с его лица влажный капюшон. Джейсон с ужасом уставился на смуглое лицо Самюэля, священника острова Транквилити, Иуды, продавшего душу Шакалу за тридцать сребреников.

Неожиданно в отдалении послышался рев двух мощных двигателей, огромный катер выскользнул из затененной части бухты и помчался к проходу между рифами. Вспыхнул луч прожектора, осветив края скал, выступающие из бурлящей черной воды, и развевающийся вымпел правительственного подразделения по борьбе с оборотом наркотиков. Карлос!.. Шакал не был хамелеоном, но и он изменился! Постарел, похудел и полысел – он уже не походил на тот четкий, широкий и мускулистый образ с густой шевелюрой, который отпечатался в памяти Джейсона. Остались только неясные, смуглые латиноамериканские черты лица... лицо и непривычная загоревшая лысина. И вот он исчез!

Двигатели катера в унисон взвыли, когда судно преодолело предательский проход между рифами и вылетело в открытое море. А потом в тропической бухте эхом разнеслись слова на английском языке с сильным акцентом, усиленные далеким громкоговорителем до металлического оттенка:

– В Париж, Джейсон Борн! Приезжай в Париж, если посмеешь! Или, может быть, в один небольшой университет в штате Мэн, а, доктор Вебб?

У Борна окончательно разошлись швы на шее, он тяжело опустился в набегающие волны, и его кровь смешалась с морской водой.

Глава 18

Стивен Де Соле, хранитель самых сокровенных тайн Центрального разведывательного управления, с усилием поднял свое тяжелое тело с водительского сиденья. Он оказался на пустынной стоянке небольшого торгового центра в Аннаполисе, штат Мэриленд, где единственным источником света были неоновые лампы вывески закрытой бензоколонки, в витрине которой спала здоровенная немецкая овчарка. Де Соле поправил свои очки в металлической оправе и покосился на наручные часы, с трудом различая флуоресцирующие стрелки. Насколько он смог определить, было где-то между 3.15 и 3.20 утра, из чего следовало, что он приехал даже раньше, и это было хорошо. Ему надо собраться с мыслями, а он не мог сделать это за рулем, так как его куриная слепота (он плохо видел в темноте) требовала полной концентрации на дороге, а о том, чтобы нанять такси или водителя, не могло быть и речи.

Вначале ему сообщили информацию... ну, просто имя... довольно распространенное имя. Его зовут Вебб, произнес звонивший. Спасибо, ответил он. Ему дали примерное описание, которое подошло бы нескольким миллионам мужчин, поэтому он поблагодарил звонившего еще раз и повесил трубку. Но потом в закоулках его аналитического ума, который в силу профессии и тренировки являл собой хранилище всевозможных необходимых и случайных сведений, сработало нечто вроде сигнализации. Вебб, Вебб... амнезия? Клиника в Виргинии много лет назад. Скорее мертвого, чем живого, мужчину доставили самолетом из госпиталя в Нью-Йорке, его медицинская карта была настолько засекречена, что ее нельзя было бы показать даже в Овальном кабинете. Но специалисты по допросам любят поговорить в темных углах, чтобы снять напряжение или удивить слушателя, и он кое-что узнал о не поддающемся обработке, неуправляемом пациенте, потерявшем память, которого они называли «Дэви», а иногда коротко, грубо и враждебно «Вебб». Он был бывшим бойцом печально известной сайгонской «Медузы», человеком, которого они подозревали в симуляции потери памяти... Потери памяти? Точно, Алекс Конклин сказал им, что боец «Медузы», которого готовили для работы под прикрытием против Карлоса-Шакала, агент-provokator по имени Джейсон Борн, потерял память. Потерял память и был близок к тому, чтобы потерять жизнь, так как его начальство не поверило в историю с амнезией! Этого человека звали Дэви... Дэвид. Дэвид Вебб был Джейсоном Борном Конклина! Иначе и быть не могло.

Дэвид Вебб! И он находился в доме Нормана Свайна в ту ночь, когда в Управление сообщили, что этот несчастный рогоносец Свайн покончил с собой, хотя никаких рапортов по поводу происшедшего составлено не было, чего Де Соле никак не мог понять. Дэвид Вебб. Старая «Медуза». Джейсон Борн. Конклин. Где же здесь связь?

Со стороны дальнего конца парковки темноту прорезали фары приближающегося лимузина, они описали полукруг в сторону аналитика ЦРУ, которому пришлось зажмуриться – преломленные в его очках с толстыми линзами лучи света причиняли боль. Он должен был четко описать свои пожелания этим людям. Они были его средствами к существованию, к такой жизни, о какой он всегда мечтал вместе с женой, – они принесут ему деньги. Не те чиновничьи копейки, что ему платили, а настоящие деньги. Образование в лучших университетах для его внуков – не в государственных колледжах и не на пособие, которое входило в его зарплату госслужащего – госслужащего настолько высокого класса, что ему становилось жалко самого себя. Де Соле Немой Крот, вот как его называли, но не считали нужным достойно оплачивать его квалифицированный труд, который мешал устроиться на работу в частный сектор, опутав его столькими закрепленными в законе ограничениями, что было бесполезно и пытаться. Когда-нибудь Вашингтон научится ценить своих служащих, но он не доживет до этого момента, так что приходится делать выбор в пользу шестерых внуков. Возродившаяся «Медуза» манила своей щедростью, и он с тяжелым сердцем продался ей.

Де Соле решил, что это не более неэтичный поступок с его стороны, чем те, которые каждый год совершает огромное количество служащих Пентагона, покидающих Арлингтон и оказывающихся прямо в корпоративных руках их старых друзей – поставщиков оборонных систем. Как ему однажды сказал армейский полковник, «это называется: работай сейчас, а заплатим потом», и бог свидетель, что Стивен Де Соле как одержимый старался для своей страны, а она так и не отблагодарила его за все усилия. С другой стороны, он ненавидел само слово «Медуза» и очень редко им пользовался, потому что это был символ из прошлого, зловещий и обманчивый. Крупнейшие нефтяные и железнодорожные компании начинали свою историю с махинаций и коррупционной деятельности криминальных баронов, но сегодня все изменилось. Пусть «Медуза» и родилась в загнивающем, опустошенном войной Сайгоне и поначалу финансировалась из сомнительных источников, прежней «Медузы» больше нет; на ее месте появились десятки новых имен и компаний.

– Мы не совсем чистокровны, мистер Де Соле, и не являемся международным конгломератом, подконтрольным Америке, – сказал наниматель Стивена. – И это правда, нам нужно то, что некоторые могли бы назвать несправедливым экономическим преимуществом на основе эксклюзивной информации. Секретов, если хотите. Видите ли, нам приходится идти на это, потому что наши конкуренты по всей Европе и на Дальнем Востоке занимаются тем же самым. Разница между ними и нами заключается в том, что их правительства поддерживают их усилия, тогда как

наше правительство – нет. Торговля, мистер Де Соле, торговля и получение прибыли. Это самые здоровые устремления на земле. «Крайслер» может недолго любить «Тойоту», но мудрый господин Якокка не станет призывать к бойкоту Токио. Пока, во всяком случае. Он находит способы объединиться с японцами.

Да, размышлял Де Соле, когда лимузин остановился в десяти футах от него, то, что он делал для «корпорации», как он предпочитал ее называть, в отличие от того, что он делал для Компании, можно было даже назвать благотворительностью. Прибыль, в конце концов, лучше, чем бомбы... а его внуки смогут учиться в лучших школах и университетах страны. Из лимузина вышли двое мужчин и подошли к нему.

– Как выглядит этот Вебб? – спросил Альберт Армбрустер, председатель Федеральной комиссии по торговле, пока они прогуливались вдоль бордюра стоянки.

– У меня есть только описание от садовника, который прятался за забором на расстоянии в тридцать футов от него.

– Что он вам сказал? – Неизвестный напарник председателя, невысокий коренастый мужчина с пронизательными темными глазами и темными ресницами под темной шевелюрой, смотрел на Де Соле. – И поточнее, – добавил он.

– Так, минутку, – решительно запротестовал аналитик. – Я всегда говорю точно, и, по правде говоря, кто бы вы ни были, мне совсем не нравится ваш тон.

– Смотрите, он расстроился, – пояснил Армбрустер, как будто его напарника можно было не принимать в расчет. – Он один из главарей макаронников Нью-Йорка и никому не доверяет.

– А кому можно доверять в Нью-Йорке? – спросил низкий смуглый человек, смеясь и тыкая локтем в широкий бок Альберта Армбрустера. – Вы, «истинные американцы», хуже всех, у вас в руках все банки, amico!

– Пусть все так и останется, и не будем доводить дела до суда... Так вы нам его опишете? – Председатель посмотрел на Де Соле.

– Описание неполное, но там присутствует давняя связь с «Медузой», о которой я расскажу – в точности.

– Валяй, приятель, – отозвался человек из Нью-Йорка.

– Сам он довольно рослый – высокий, скажем так, – и объекту где-то около пятидесяти, и...

– Он седой? – перебил Армбрустер.

– Ну да, по-моему, садовник что-то такое говорил – насчет седины или чего-то в этом духе. Очевидно, именно поэтому он и решил, что ему около пятидесяти.

– Это Симон, – сказал Армбрустер, глядя на ньюйоркца.

– Кто? – Де Соле остановился, его спутники тоже остановились и посмотрели на него.

– Он называл себя Симоном, и ему все про вас известно, мистер ЦРУ, – произнес председатель. – Про вас, и про Брюссель, и про всю эту нашу затею.

– О чем вы говорите?

– Для начала о вашем чертовом факсе и личной линии связи с той шишкой в Брюсселе.

– Это зашифрованная выделенная линия! Она защищена!

– Кто-то подобрал ключ, мистер Точность, – без тени улыбки заметил ньюйоркец.

– О боже мой, это ужасно! Что мне делать?

– Поговорите с Тигартемом, но только воспользуйтесь таксофоном, – продолжал мафиози. – Кто-нибудь из вас что-нибудь придумает.

– Вы знаете про... Брюссель?

– Существует очень мало того, чего я не знаю.

– Этот сукин сын заставил меня поверить, что он один из нас, и обвел меня вокруг пальца! – злился Армбрустер, шагая вместе с итальянцем вдоль ограды стоянки, за ними трусливо и нерешительно семенил Де Соле. – Я думал, он знает все, но теперь понял, что он выдавал только крохи информации – очень солидные крохи, вроде Бартона, вас и Брюсселя, – а я, как последний дурак, передал ему столько сведений. Дьявол!

– Эй, не спешите! – закричал аналитик ЦРУ, опять заставляя всех остановиться. – Я не понимаю – я стратег, и я не понимаю. Что Дэвид Вебб – или Джейсон Борн, если он действительно Джейсон Борн, – делал на днях в доме Свайна?

– Да кто этот чертов Джейсон Борн?! – заорал председатель Федеральной комиссии по торговле.

– Он связан с сайгонской «Медузой», я только что об этом говорил. Тринадцать лет назад Управление дало ему имя Джейсон Борн – настоящий

Борн к тому времени был уже мертв – и под прикрытием отправило на задание класса «четыре нуля» – задание повышенной опасности, если угодно...

– Смертельной опасности, если хочешь сказать по-английски, *raisan*.

– Да, да, именно так... Но все пошло прахом; он потерял память, и операция провалилась, хотя сам Борн выжил.

– Святая Дева, это не операция, а просто пучок зуччины!

– Что вы можете рассказать нам про этого Вебба... или Борна – или Симона – или Кобру? Господи, да этот человек просто ходячее варьете!

– Вероятно, именно так он и поступал раньше. Действовал под разными именами и обличьями. Его обучили этому для охоты на убийцу по имени Шакал – он должен был найти и устранить его.

– Шакал? – удивился крестный отец коза ностры. – Как в кино, что ли?

– Нет, он не из кино и не из книг, кретин...

– Эй, полегче, *amíco*.

– А, да заткнись ты... Ильич Рамирес Санчес, он же Карлос Шакал, реально существующий человек, профессиональный киллер, на которого международные спецслужбы охотятся уже более четверти века. Кроме подтвержденных преступлений, многие полагают, что это он стоит за тем облачком дыма на травянистом холме в Далласе – что на самом деле он убил Джона Кеннеди.

– Чушь какая!

– Уверяю вас, это не чушь. Из самых высоких секретных источников Управления нам стало известно, что спустя все эти годы Карлос выследил единственного оставшегося в живых человека, который может опознать его, – Джейсона Борна. А по моему твердому убеждению, Борн и Дэвид Вебб – одно и то же лицо.

– За вашим источником должен кто-то стоять! – взорвался Альберт Армбрустер. – Кто это?

– Ах да. Все так неожиданно, так ошеломляюще... Это уволенный на пенсию агент с травмированной ногой по имени Конклин, Александр Конклин. Он и еще психиатр – Панов, Моррис Панов – близкие друзья Вебба... или Джейсона Борна.

– Где они сейчас? – угрюмо поинтересовался мафиози.

– О, вам не удастся не то что добраться до них, но даже просто поговорить с ними. Они оба находятся под очень надежной охраной.

– Меня не интересуют деловые встречи, *raison*, я спросил, где они?

– Ну, Конклин проживает в режимном жилом комплексе в Вене – это владения Управления, куда никто не сможет пробраться, – а квартира и контора Панова находятся под круглосуточным наблюдением.

– Вы дадите мне адреса, не правда ли?

– Конечно, но гарантирую, что они не станут с вами разговаривать.

– Да? Какая жалость. А мы как раз ищем парня, который знает дюжину имен, задает вопросы, сам предлагает помощь.

– Они не купятся.

– Кто знает, может быть, мне удастся с ними сторговаться.

– Проклятие, в чем же тут загвоздка? – не выдержал Армбрустер, но тут же понизил голос. – Что делал этот Вебб, или Борн, или как его там, в поместье Свайна?

– Это пробел, который я не могу заполнить, – ответил Де Соле.

– Что?

– В агентстве этот термин обозначает: «неизвестно».

– Неудивительно, что страна завязла по уши в дерьме.

– Это не так...

– А теперь вы заткнитесь! – приказал человек из Нью-Йорка, вытаскивая из кармана маленький блокнот и шариковую ручку. – Напишите адреса этого отставного привидения и еврейской вонючки. Быстро!

– Я плохо вижу, – сказал Де Соле, поворачивая блокнот так, чтобы на него падал свет неоновых ламп бензоколонки. – Вот. Номер квартиры неточный, но это где-то рядом, и имя Панова будет на почтовом ящике. Но я еще раз вам повторяю, он не станет с вами разговаривать.

– Тогда нам просто придется извиниться за беспокойство.

– Да, скорее всего, так и получится. Полагаю, он не станет выдавать сведения, касающиеся его пациентов.

– Неужели? Он что, такой же скрытный, как тот телефонный провод вашего факса?

– Нет, нет, это не был телефонный провод. Есть специальный технический термин. «Кабель номер три», если быть точным.

– А вы всегда точны, не так ли, *païsan*?

– А вы всегда всех бесите?..

– Нам пора, – перебил Армбрустер, увидев, что мафиози убрал блокнот и ручку. – Успокойтесь, Стивен, – добавил он, явно сдерживая гнев и направляясь к лимузину. – Запомните, для нас нет ничего невозможного. Когда будете говорить с Джимми Ти из Брюсселя, не забудьте придумать правдоподобное объяснение происшедшего, хорошо? Если не сумеете, не переживайте, мы сами все наверху уладим.

– Конечно, господин Армбрустер. Могу я задать один вопрос? Мой счет в Берне готов к немедленному использованию – на случай... ну, вы понимаете... на случай...

– Конечно, готов, Стивен. Все, что вы должны сделать, это прилететь на место и переписать номер счета своей рукой. Та ваша подпись на папке, помните?

– Да, да, я помню.

– К этому моменту должно было набежать более двух миллионов.

– Спасибо. Спасибо вам... сэр.

– Вы их заработали, Стивен. Доброй ночи.

Двое мужчин вернулись на заднее сиденье лимузина, но напряжение не спало. Когда водитель за стеклянной перегородкой повернул ключ зажигания, Армбрустер взглянул на мафиози:

– Где вторая машина?

Итальянец включил в салоне свет и посмотрел на свои часы.

– Сейчас он уже припарковался в миле от заправки. Подхватит Де Соле, когда тот поедет обратно, и будет следовать за ним, пока не подвернется подходящий случай.

– Твой человек точно знает, что делать?

– Брось, он не девица. У него на машине установлен такой мощный прожектор, что его свет будет виден в Майами. Он пойдет на обгон, включит прожектор и повернет его. Твой двухмиллионный подхалим ослепнет и выйдет из игры, а мы получим за работу всего четверть от его вознаграждения. Сегодня твой день, Альби.

Председатель Федеральной комиссии по торговле откинулся в тень левого заднего сиденья и стал смотреть сквозь тонированное стекло на проносящиеся мимо темные ночные силуэты.

– Знаешь, – тихо произнес он, – если бы кто-нибудь лет двадцать назад сказал мне, что я буду сидеть в этой машине с кем-нибудь вроде тебя и говорить то, что я говорю, я бы заверил его, что такое невозможно.

– Как раз это нам и нравится в таких особах, как ты. Вы задираете перед нами нос и чихаете на нас до тех пор, пока мы вам не понадобится. А потом мы неожиданно становимся «компаньонами». Не переживай, Альби, мы решили для тебя еще одну проблему. Возвращайся в свою большую Федеральную комиссию и решай, какие компании замешаны в темных делишках, а какие нет – решения не обязательно принимать необоснованно, так ведь?

– Замолчи! – заорал Армбрустер, стукнув кулаком по подлокотнику. – Этот Симон – этот Вебб! Откуда он взялся? Что ему от нас нужно? Чего он хочет?

– Возможно, ему что-то нужно от того Шакала.

– Это бессмысленно. Мы никак не связаны с Шакалом.

– Конечно, зачем тебе? – ухмыльнулся мафиози. – У тебя же есть мы, а?

– Очень неудачное сравнение... Вебб – Симон, черт бы его побрал, – кто бы он ни был, мы должны его найти! Учитывая все, что он узнал и что я ему рассказал, он очень опасен!

– Он крупная рыба, да?

– Крупная, – согласился председатель, снова глядя через окно наружу.

Он сжал правую руку, а пальцами левой неистово забарабанил по подлокотнику.

– Хочешь поторговаться?

– Что? – выпалил Армбрустер, поворачиваясь и глядя на невозмутимое сицилийское лицо подельника.

– Ты все слышал, только я использовал не то слово и прошу за это прощения. Мы не станем торговаться, я просто назову тебе сумму, и ты ее либо примешь, либо нет.

– Ты предлагаешь... контракт? На Симона – на Вебба?

– Нет, – ответил мафиози, медленно качая головой, – на персону по имени Джейсон Борн. Лучше убить того, кто уже мертв, правда?.. А так как мы

только что сохранили для тебя полтора «лимона», цена контракта составит пять.

– Пять миллионов?

– Стоимость устранения проблем среди больших рыб высока. А опасных рыб – еще выше. Пять миллионов, Альби, половина, как всегда, задатком в течение двадцати четырех часов.

– Это просто грабеж!

– Тогда откажись. Но когда придешь снова, цена будет уже семь пятьдесят; а придешь еще раз – в два раза больше. Пятнадцать миллионов.

– А какие гарантии того, что вы его хотя бы найдете? Ты слышал, что сказал Де Соле? Он проходит под грифом «четыре нуля», а это означает, что он недоступен, находится в надежном укрытии.

– Ну так мы его откопаем и спрячем сами.

– Каким образом? Два с половиной миллиона – за одни только обещания это немало. Как?

Снова ухмыльнувшись, мафиози залез в карман и вытащил маленький блокнот, который ему вернул Де Соле.

– Близкие друзья – лучший источник информации, Альби. Спроси тех негодяев, которые царапают колонки светских сплетен. У меня есть два адреса.

– Да ты к ним на километр не подберешься.

– Эй, перестань. Думаешь, тут перед тобой старые чикагские братки? Сумасшедший Пес Капоне или Нитти-Трясущиеся-Пальцы? Сегодня на нас работают профессионалы. Гении. Ученые, молодые талантливые электронщики, доктора. К тому моменту, когда мы закончим с привидением и вонючкой, они даже не поймут, что произошло. А мы узнаем, где Джейсон Борн, которого как бы и не существует, ведь официально он мертв.

Альберт Армбрустер кивнул и молча отвернулся к окну.

– Мы закроемся на шесть месяцев, сменим название, потом начнем новую рекламную кампанию в журналах, перед тем как открыться вновь, – сказал Сен-Жак, стоя у окна, пока доктор колдовал над его зятем.

– Все уехали? – спросил сидящий в халате на кресле Борн и вздрогнул – канадец затянул последний шов на его шее.

– Как бы не так. Остались все семь чокнутых канадских парочек плюс мой старинный приятель, который в данный момент тычет тебе в глотку иглой. Нет, ты представляешь, они хотели организовать отряд, чтобы отыскать этих сволочей.

– Это была идея Скотти, – мягко уточнил доктор, сосредоточиваясь на ране.
– Я не в счет. Я слишком стар.

– Он тоже, только не знает об этом. Потом он решил объявить о награде в сто тысяч за любую информацию, которая помогла бы, ну и так далее! В конце концов мне удалось его убедить, что чем меньше будет рассказано, тем лучше.

– Лучше всего, если вообще никто ничего не будет рассказывать, – добавил Джейсон выразительно.

– Это немного трудновато, Дэвид, – отозвался Сен-Жак, не понимая, почему Борн так красноречиво на него смотрит. – Извини, но это так. На все вопросы местных мы отвечаем неправдоподобной историей об утечке пропана, а на это очень мало кто покупается. Конечно, для остального мира землетрясение здесь не стоит и шести строк на последней странице газеты объявлений, но по Подветренным островам поползли слухи.

– Ты сказал про вопросы местных... а что там с внешним миром? Оттуда что-нибудь поступало?

– Еще поступит, но не будет связано с Транквилити. Скорее, с Монтсеррата, и новость займет колонку в лондонской «Таймс» и, возможно, дюйм-другой в газетах Нью-Йорка и Вашингтона, но не думаю, что это как-то коснется нас.

– Кончай темнить.

– Поговорим об этом позже.

– Говори, что хочешь, Джон, – вмешался доктор. – Я почти закончил, так что все равно почти не слушаю, а даже если и услышу, у меня есть на это полное право.

– Расскажу вкратце, – произнес Сен-Жак и обошел кресло справа. – Ты был прав насчет королевского губернатора, во всяком случае, я так полагаю.

– Почему?

– Известие пришло, пока ты был занят. Обнаружили яхту К.Г. – она разбилась о самые опасные рифы недалеко от Антигуа, на полпути к Барбуда. Никто не спасся. В Плимуте полагают, что это был один из тех грозowych шквалов, которые иногда налетают с юга, но в это верится с трудом. Вернее, шквал вполне мог налететь, но это еще не все.

– То есть?

– С ним не было еще двоих членов команды, с которыми он обычно выходил в море. Губернатор отпустил их еще в яхт-клубе, заявив, что хочет поплавать на яхте один, хотя Генри он сказал, что собирается в море за большой рыбой...

– А это значит, что ему обязательно понадобилась бы команда, – перебил канадский доктор. – Ой, простите.

– Да, именно так, – согласился владелец «Транквилити Инн». – Невозможно одновременно ловить крупную рыбу и управлять яхтой – во всяком случае, это задача не для К.Г. Он от карты-то всегда боялся глаза отвести.

– Но он разбирался в них, не так ли? – спросил Борн. – Он понимал морские карты?

– Ну, конечно, он не был таким навигатором, как капитан Блад, плававший в Тихом океане по звездам, но вполне мог избежать неприятностей.

– Ему велели выйти в море одному, – произнес Борн. – Приказали встретиться с другим судном в таком месте, где ему действительно пришлось не отводить глаз от карты.

Тут до Джейсона неожиданно дошло, что проворные пальцы доктора больше не касаются его шеи; вместо этого на шее появилась повязка, а доктор стоял рядом и поглядывал вниз.

– И как у нас дела? – поинтересовался Борн, взглянув вверх, и скривил рот в подобие благодарной улыбки.

– Мы закончили, – ответил канадец.

– Что ж... тогда, полагаю, нам лучше встретиться попозже и чего-нибудь выпить, что скажете?

– Как можно, вы же как раз добрались до самого интересного места.

– Это неинтересно, доктор, совсем неинтересно, и я буду очень неблагодарным пациентом – а я им не являюсь, – если невольно позволю вам услышать вещи, которые будут вам неприятны.

Почтенный канадец посмотрел в глаза Джейсону:

– Вы ведь это серьезно, да? Несмотря на все происходящее, вы не хотите вовлекать меня дальше. И это не дешевый спектакль, не секретность ради секретности – вы действительно серьезно обеспокоены, да?

– Похоже, что так.

– Учитывая то, что с вами случилось – а я не имею в виду исключительно последние события, в которых сам принял участие, – я про те шрамы на вашем теле, которые вы, судя по всему, получили ранее; так вот, это просто невероятно, что вы все еще способны заботиться о ком-то, кроме себя. Вы странный, мистер Вебб. Иногда вы ведете себя как два совершенно разных человека.

– Я не странный, доктор, – ответил Джейсон Борн, на мгновение крепко зажмурив глаза. – И не хочу казаться странным, необычным или диковинным. Я хочу быть таким же обычным и нормальным, как вот этот приятель, и я не шучу. Я всего лишь преподаватель, и им хочу остаться. Но с учетом сложившейся ситуации я вынужден делать то, что делаю.

– То есть я должен убраться ради моего собственного блага.

– Да.

– И если я когда-нибудь узнаю всю правду, то выяснится, что ваши указания были весьма полезны с образовательной точки зрения.

– Надеюсь.

– Чувствую, вы неплохой преподаватель, мистер Вебб.

– Доктор Вебб, – неожиданно поправил Джон Сен-Жак, как будто это уточнение было обязательным. – Мой зять тоже доктор. Как и у моей сестры, у него докторская степень; он владеет парой восточных языков и настоящий профессор медицины. Такие заведения, как Гарвард, МакГилл и Йельский университет, годами охотятся за ним, но он не поддается...

– Замолчи, прошу тебя, – произнес Борн, готовый добродушно рассмеяться над Джоном. – Мой предприимчивый молодой друг восхищается любыми приставками к имени, забывая, что, если бы я жил на свои собственные доходы, то смог бы позволить себе отдых в такой вилле не более чем на пару дней.

– Не набивай себе цену.

– Я сказал, свои собственные доходы.

– А вот тут ты прав.

– У меня богатая жена... Простите нас, доктор, это старый семейный спор.

– Вы не только хороший преподаватель, – повторил доктор, – но под угрюмой внешностью, подозреваю, скрывается еще и довольно обаятельный человек.

Канадец подошел к двери, повернулся и добавил:

– Я еще напомню вам про обещанную выпивку, теперь я действительно хочу с вами выпить.

– Благодарю, – отозвался Джейсон. – Благодарю за все.

Доктор кивнул и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Борн обернулся к своему шурину.

– Он хороший человек, Джонни.

– Честно говоря, обычно он очень сдержан, но врач просто замечательный. Ни разу до сегодняшнего дня не видел, чтобы он вел себя так непосредственно... Значит, ты думаешь, что Шакал встретил королевского губернатора где-то недалеко от берегов Антигуа, получил от него всю информацию, убил, а тело отправил на корм акулам.

– Попутно пустив яхту ко дну, – закончил мысль Джейсон. – Возможно, он выжал газ и направил ее на подводные скалы. Трагедия в море – и нить, ведущая к Карлосу, исчезает; он именно этого добивался.

– Меня здесь кое-что смущает, – сказал Сен-Жак. – Я сам там не был, но участок моря к северу от Фольмаута, где все произошло, зовется Пастью Дьявола, и такое место не рекламируется. Прогулочные яхты туда не заходят, и все стараются молчать о том, сколько людей и судов там погибло.

– И что?

– А то. Допустим, Шакал передал К.Г., где должна произойти их встреча, очевидно, где-то неподалеку от Пасти Дьявола, но как сам Шакал узнал про это место?

– А два твоих командос тебе не рассказывали?

– О чем? Я послал их к Генри, чтобы все доложить ему, пока мы тут с тобой возились. На совещания и всякие выяснения не было времени, и, кроме того, я подумал, что дорога каждая минута.

– Тогда к этому моменту Генри должен быть в курсе, и, думаю, он в шоке. Он за два дня потерял два катера, причем компенсацию сможет получить только за один, и он еще ничего не знает про своего босса, этого достойного уважения королевского губернатора, прислужника Шакала, выставившего Министерство иностранных дел дураками, ведь они приняли второсортного парижского киллера за почтенного героя Франции. Этой ночью телефонные провода между Домом правительства и Уайт-холлом раскалятся.

– Еще один катер отдела по наркотикам? Что ты пытаешься мне сказать? И что такое Генри знает теперь – о чем ему могли рассказать мои охранники?

– Минуту назад ты спросил, как Шакал смог узнать о рифах Пасти Дьявола неподалеку от Антигуа.

– Поверьте мне, доктор Вебб, я помню, что спрашивал. Так как же он это узнал?

– Потому что у него здесь был третий человек, вот что твои королевские командос уже должны были сообщить Генри. Блондинистый сукин сын, который возглавлял отдел по борьбе с наркотиками на Монтсеррате.

– Он? Рикман? Этот ходячий британский Ку-клукс-клан? Самодур-Рикман, несчастье для любого, кто побоится огрызнуться в ответ на его выходки? Святые силы, Генри в это не поверит!

– А почему бы и нет? Ты как раз выдал подходящее описание для наемника Карлоса.

– Может быть, но это слишком невероятно. Ведь он же просто слуга господ. Каждое утро перед работой – молитвы, призывы к господу помочь в борьбе с Сатаной, никакого спиртного, никаких женщин...

– Как Савонарола?

– Да, пожалуй, такое определение подойдет – исходя из того, что я помню по курсу истории.

– Тогда он именно тот человек, который и нужен Шакалу. А Генри придется во все верить, когда его главный катер не вернется в Плимут, а тела членов команды прибьет к берегу или они просто не придут на богослужение.

– Ты считаешь, Карлос сбежал именно так?

– Да. – Борн кивнул и указал рукой на диван в нескольких футах от себя, перед которым стоял стол со стеклянной столешницей. – Садись, Джонни. Нам надо поговорить.

– А до этого мы что делали?

– Не о том, что уже случилось, брат, а о том, что еще произойдет.

– А что должно произойти? – спросил Сен-Жак, опускаясь на диван.

– Я уезжаю.

– Нет! – вскричал молодой человек, вскакивая на ноги, как будто его ударило током. – Ты не можешь!

– Я должен. Ему известны наши имена и адреса. Он знает все.

– Куда ты собрался?

– В Париж.

– Черт, только не туда! Ты не можешь так обойтись с Мари! И с детьми, ради бога, Дэвид. Я тебя не отпущу!

– Ты не сможешь меня остановить.

– Господи, Дэвид, послушай меня! Если Вашингтону плевать или ты сам не хочешь к ним обращаться, вспомни про Оттаву. Моя сестра работала на правительство, и наше правительство не бросает своих людей только потому, что это неудобно или слишком дорого. У меня есть связи – те же Скотти, док и другие. Стоит шепнуть им пару слов, и ты окажешься в безопасной крепости в Калгари. До тебя никто не сможет добраться!

– Ты считаешь, что мое правительство не поступило бы так же? Позволь сказать тебе кое-что, братишка: в Вашингтоне есть люди, которые рисковали своей жизнью, чтобы Мари, дети и я остались в живых. Забыв про себя и не ради правительства. Если бы я захотел тихого пристанища, где нас никто не смог бы и тронуть, я бы выбрал поместье в Виргинии, с лошадьми и прислугой и взводом вооруженных солдат для круглосуточной охраны.

– Так что тебе мешает? Сделай это!

– Зачем, Джонни? Чтобы жить в своей собственной персональной тюрьме? Чтобы дети не могли ходить в гости к друзьям, чтобы их сопровождали охранники, если они идут в школу, а не занимаются самостоятельно, и никаких «останусь на ночь», никаких подушечных битв – никаких соседей? Мари и я, мы смотрим друг на друга, а потом на луч прожектора за окном, прислушиваемся к шагам охраны, каждому чиху и покашливанию или, не дай боже, выстрелу – а это всего лишь потому, что в сад пробрался кролик. Это не жизнь, а тюремное существование. Мы с твоей сестрой такого не выдержим.

– Такого и я не выдержу, особенно после того, как ты это описал. Но что может решить Париж?

– Я могу найти его. Я могу его уничтожить.

– У него там своя армия.

– А у меня есть Джейсон Борн, – ответил Дэвид Вебб.

– Ты же понимаешь, что это полный бред!

– Бред, согласен, но пока все срабатывало... Я прошу тебя об одолжении, Джонни. Помоги мне. Скажи Мари, что со мной все в порядке, я не ранен, и у меня есть ниточка, ведущая к Шакалу, которую мне смог предоставить только старый Фонтейн – а так и есть на самом деле. Кафе «Le Coeur du

Soldat» 43 в Аржентоле. Передай ей, что я задействую Алекса Конклина и всех, кого сможет предоставить Вашингтон.

– Но ты ведь не сделаешь это на самом деле?

– Нет. Иначе Шакал все узнает; у него уши по всей набережной д’Орсе. Там можно действовать только в одиночку.

– А ты не думаешь, что она догадается?

– Она может что-то заподозрить, но не будет знать наверняка. Я попрошу Алекса ей позвонить и подтвердить, что вся тяжелая артиллерия Парижа к нашим услугам. Все же первым должен сообщить ей ты.

– Но зачем врать?

– Зачем спрашивать, ты и сам знаешь, братишка. Я больше не хочу подвергать ее опасности.

– Хорошо, я ей скажу, но она мне не поверит. Она увидит меня насквозь, она всегда меня насквозь видела. Еще когда я был ребенком, эти огромные карие глаза постоянно заглядывали в мои, обычно с сердитым выражением, но не как это было у братьев, нет, – даже не знаю, как это выразить, – не с таким отвращением, какое было написано на их лицах из-за того, что «мелкий» опять напакостил. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Это называется заботой. Она всегда о тебе заботилась – даже когда ты хулиганил.

– Да, Мари просто золото.

– Я думаю, даже нечто большее. Позвони ей через пару часов, и пусть приезжают обратно сюда. Здесь для них самое безопасное место.

– А как же ты? Как ты собираешься добираться до Парижа? Сообщение с Антигуа и Мартиникой отвратительное, рейсы иногда полностью раскуплены за несколько дней.

– Я все равно не могу пользоваться этими авиалиниями. Нужно попасть в Париж незаметно и скрытно. Одному человеку в Вашингтоне придется что-нибудь придумать. Что-нибудь. Он должен это сделать.

Александр Конклин, прихрамывая, вышел из маленькой кухни служебной квартиры ЦРУ в Вене; с его лица и волос текла вода. В былые дни, до того, как его жизнь превратилась в дистиллированное прозябание, и до того, как события начинали развиваться слишком быстро и стремительно, он спокойно покидал свое рабочее место – где бы оно ни находилось – и совершал

неизменный ритуал. Находил лучший мясной ресторан – опять-таки где бы он ни находился, заказывал два сухих мартини и толстый непрожаренный бифштекс с самой жирной картошкой, какая только была в меню. Сочетание уединенности, небольшого количества алкоголя, кровавого бифштекса и в особенности обжаренного в жире картофеля оказывали на него такое успокоительное воздействие, что вся неразбериха, все запутанные дела беспокойного дня утрясались, и торжествовал рассудок. Он возвращался к себе – была ли это элегантная квартира на площади Белгравия в Лондоне или задняя комната публичного дома в Катманду – со множеством готовых решений. За это он и получил прозвище Святой Алекс Конклинский. Однажды он поведал об этом гастрономическом феномене Мо Панову, который лаконично заметил:

– Если тебя не погубит твоя сумасшедшая башка, это сделает твой желудок.

Однако теперь, когда на выпивке был поставлен крест и навалилась куча других неприятностей, таких, как высокий уровень холестерина и слишком низкий триглицерида, или как там все это называется, нужно было искать другое решение. И оно пришло совершенно случайно. Однажды утром, во время транслирования антииранских выступлений, которые он находил самой забавной развлекательной программой, его телевизор сломался. Впав в бешенство, Алекс включил переносной радиоприемник, которым не пользовался несколько месяцев, а то и лет, так как в телевизоре было встроенное радио – которое, естественно, тоже не работало, – но батарейки в приемнике уже давным-давно успели расплавиться в мутное желе. Чувствуя боль в протезе, он прошел на кухню к телефону с сознанием того, что один звонок телевизионному мастеру, которому он оказал несколько услуг, заставит того мчаться к нему, словно карету «Скорой помощи». К сожалению, в трубке раздался лишь злой обличительный голос жены мастера, прокричавший, что ее муж, этот «ублажатель клиентов», сбежал с «богатой озабоченной черной шлюхой с Посольской улицы!» (как потом стало известно, в Заир). Понимая, что его сейчас хватит удар, Конклин бросился к кухонной раковине, над которой на подоконнике лежали его таблетки от давления и успокоительное, и включил холодную воду. Кран сорвало с крепления, он подлетел до потолка, и мощная струя воды окатила голову Алекса. *Caramba!* Но, как ни странно, он понемногу успокоился и вспомнил, что выступления еще будут целиком показывать вечером по кабельному телевидению. Обрадовавшись, Конклин вызвал сантехника, а потом пошел и купил новый телевизор.

Итак, с того утра, стоило его собственным переживаниям или положению в мире – его мире – начать действовать ему на нервы, он опускал голову в

кухонную раковину и открывал холодную воду. В это утро он так и поступил. В это чертово, проклятое утро!

Де Соле! Погиб в автокатастрофе на пустынном сельском шоссе в штате Мэриленд в 4.30 утра. Какого черта Стивен Де Соле, в чьих правах было ясно написано, что он страдает куриной слепотой, делал на окраинном шоссе около Аннаполиса в 4.30 утра? А потом еще этот Чарли Кассет, очень злой Кассет, позвонил ему в шесть утра и, повысив свой обычно спокойный голос, наорал на Алекса, заявив, что воткнет в главнокомандующего НАТО гвоздь и потребует объяснений по поводу секретной факсимильной линии между генералом и погибшим начальником службы секретности, который стал жертвой не аварии, а убийства! Более того, одному отставному агенту по фамилии Конклин будет лучше самому рассказать обо всем, что ему известно про Де Соле, Брюссель и все, что с этим связано, иначе обязательства по отношению к вышеупомянутому отставному агенту и его неуловимому другу Джейсону Борну аннулируются. И сделать это следует не позже полудня! А потом позвонил Иван Джакс! Замечательный чернокожий врач ямайского происхождения сообщил, что хочет отвезти тело Нормана Свайна туда, откуда забрал, потому что не желает наживать себе неприятности из-за еще одной неудачной операции Управления. Но это не было операцией Управления, кричал про себя Конклин, не в силах объяснить Ивану Джаксу настоящую причину того, почему он обратился к нему за помощью. Здесь замешана «Медуза». И у Джакса просто не получится отвезти труп обратно в Манассас, потому что полиция по приказу федеральных властей – точнее, по приказу одного отставного агента, использовавшего соответствующие коды, которые он не имел права использовать, – без всяких объяснений опечатала поместье генерала Нормана Свайна.

– Что же мне делать с телом? – взвился Джакс.

– Подержи его еще некоторое время в холоде для Кактуса.

– Для Кактуса? Я провел с ним в госпитале всю ночь. Он поправится, но он не больше моего знает о том, что за чертовщина происходит!

– Мы, работники спецслужб, не всегда имеем право все рассказывать, – ответил Алекс, и сам скривился от такого нелепого объяснения. – Я тебе перезвоню.

Поэтому он пошел на кухню и подставил голову под струю холодной воды. Неужели это еще не все? Так и есть, звонок.

– «Пончики Данкина», – произнес Конклин, поднося к уху трубку.

– Вытаскивай меня отсюда, – сказал Джейсон Борн, в голосе не чувствовалось и тени Дэвида Вебба. – Мне нужно в Париж!

– Что произошло?

– Он сбежал, вот что произошло, и я должен под прикрытием попасть в Париж, и никакой иммиграционной службы, никакой таможни. У него везде люди, а я не могу ему позволить следить за собой... Алекс, ты меня слушаешь?

– Прошлой ночью в четыре часа утра погиб Де Соле, погиб в аварии, которая была подстроена. «Медуза» все ближе.

– Мне плевать на «Медузу»! Для меня она в прошлом; она чуть не завела нас в сторону. Мне нужен Шакал, и я знаю, где начать его поиски. Я могу найти его, могу уничтожить!

– И оставишь меня один на один с «Медузой»...

– Ты сказал, что хочешь обратиться к начальству – что дашь мне сорок восемь часов, так и произошло. Переводи стрелки вперед. Сорок восемь часов истекли, так что самое время обратиться наверх, только вытащи меня отсюда и доставь в Париж.

– Они захотят с тобой поговорить.

– Кто?

– Питер Холланд, Кассет, да мало ли кого еще они с собой притащат... генпрокурор, господа, сам президент.

– А о чем?

– Ты много общался с Армбрустером, женой Свайна и тем сержантом, Фланнаганом, а я нет. Я лишь использовал несколько кодовых фраз, которые заставили выйти на связь Армбрустера и посла Аткинсона в Лондоне, и больше ничего существенного. У тебя полная картина из первых рук. Мои сведения слишком ненадежны. Им нужно поговорить с тобой.

– И отодвинуть Шакала на второй план?

– Всего на день, от силы на два.

– Черт возьми, нет. Потому что так не пойдет, и ты это знаешь! Как только я там окажусь, то стану их единственным живым свидетелем, и меня начнут возить с одного закрытого допроса на другой; а если я буду молчать, то окажусь под арестом. Нет, Алекс, не выйдет. У меня только одна цель, и она находится в Париже!

– А теперь послушай меня, – сказал Конклин. – Есть вещи, которые я могу контролировать, а есть такие, что не могу. Мы нуждаемся в Чарли Кассете, и он нам здорово помог, но он не тот человек, которого стоит дурить, и я этого

делать не собираюсь. Он знает, что смерть Де Соле не случайна – человек с куриной слепотой не станет совершать четырехчасовую поездку в четыре часа утра, – а еще он знает, что мы знаем про Де Соле и Брюссель гораздо больше, чем рассказываем ему. Если мы хотим заручиться поддержкой Управления, а она нам нужна для таких вещей, как посадить тебя на военный или дипломатический рейс во Францию, и бог знает еще для чего, когда ты туда прилетишь, то я не могу не брать в расчет Кассета. Он станет давить на нас и имеет на это полное право.

Борн молчал; было слышно только его дыхание.

– Хорошо, – сказал он. – Все понятно. Передай Кассету, что если он нам предоставит то, что сейчас попросим, мы – хотя нет, тебе лучше держаться в стороне, – я передам ему достаточно информации для того, чтобы Министерство юстиции выловило в правительстве очень крупных негодяев, если, конечно, Министерство само не стало подразделением «Снейк Леди»... Можешь добавить, что я укажу и местоположение кладбища, которое прольет свет на многое.

Настала очередь Конклина замолчать.

– Ему этого может показаться недостаточно, учитывая твои далеко идущие планы.

– Да?.. Ладно, понимаю. На случай, если я проиграю... Хорошо, прибавь, что когда я прилечу в Париж, то найму стенографиста и надиктую все, что мне известно, и отошлю материалы тебе. Доверю доставку Святому Алексу. По странице-другой за раз, чтобы желание помогать у них сразу не пропало.

– Это я улажу... Теперь насчет Парижа. Насколько я помню, Монтсеррат недалеко от Доминики и Мартиники, не так ли?

– До каждого из них менее часа лету, и Джонни знает каждого пилота на большом острове.

– Мартиника принадлежит Франции, этим и воспользуемся. Я знаю людей из Второго бюро. Двигай туда и звони мне из аэропорта. К тому времени я обо всем договорюсь.

– Хорошо... Последнее, Алекс. Мари. Она с детьми вернется сюда после обеда. Позвони ей и скажи, что меня будет прикрывать весь Париж.

– Ах ты, лживый сукин сын...

– Прошу тебя!

– Конечно, позвоню. Да, на эту же тему и без дураков – если я переживу этот день, то у меня дома вечером будет ужин с Мо Пановым. Готовит он отвратительно, но воображает себя еврейской Джулией Чайлд. Я должен ввести его в курс последних событий, он меня убьет, если я этого не сделаю.

– Само собой. Без него мы бы давно оказались в палате с мягкими стенами и кожаными кляпами во рту.

– Ладно, еще поговорим. Удачи.

На следующий день в 10.25 утра по вашингтонскому времени доктор Моррис Панов вышел вместе со своим охранником из госпиталя имени Вальтера Рида после сеанса психической реабилитации отставного лейтенанта, страдающего от последствий учений в Джорджии из-за случившегося двумя месяцами ранее по его вине происшествия, унесшего жизни более двадцати подчиненных ему курсантов. Мо почти ничего не мог сделать: лейтенант был виноват в том, что слишком рьяно стремился выиграть соревнование по подготовленности курсантов и перестарался, так что теперь ему предстояло провести остаток жизни с чувством вины. То обстоятельство, что он происходил из богатой семьи черных родителей и окончил Уэст Пойнт, не помогло. Большинство из двадцати погибших курсантов также были черными, и к тому же из необеспеченных семей.

Решая, что делать с пациентом, Панов посмотрел на охранника и неожиданно замер:

– Ты новенький, не так ли? То есть я думал, что всех вас знаю.

– Так точно, сэр. Нас часто на некоторое время меняют, чтобы мы поддерживали форму.

– Ожидание предсказуемых событий – это может усыпить любого.

Психиатр направился по тротуару далее к тому месту, где его обычно ждала бронированная машина. Машина была незнакомой.

– Это не мой автомобиль, – в замешательстве произнес Панов.

– Садитесь, – приказал охранник, вежливо открывая дверь.

– Что?

Пара рук, высунувшихся из салона, схватила его, и человек в форме втащил его на заднее сиденье. К ним присоединился и охранник, зажав Панова между собой и вторым человеком. Они оба держали психиатра, и тот, кто все время сидел в машине, стянул с его плеча льняной пиджак и закатал

короткий рукав летней рубашки. После этого он воткнул в руку Панова шприц.

– Спокойной ночи, доктор, – пожелал солдат с эмблемой медицинских войск на лацканах формы. – Звони в Нью-Йорк, – добавил он.

Глава 19

«Боинг-747» авиакомпании «Эр Франс» кружил над аэропортом Орли в вечерней парижской дымке; он опаздывал на четыре часа двадцать две минуты из-за нелетной погоды в Карибском море. После того как пилот повел самолет на снижение, командир подтвердил диспетчеру разрешение на посадку, а потом переключился на специальную частоту и по-французски передал последнее сообщение в секретный коммуникационный пункт:

– Второй отдел, спецгруз. Пожалуйста, попросите встречающую сторону пройти в отведенную зону. Спасибо. Конец связи.

– Инструкции приняты и переданы, – последовал короткий ответ. – Конец связи.

Упомянутый выше спецгруз сидел у перегородки на левом кресле в последнем ряду салона первого класса; согласно совместным инструкциям Второго бюро и Вашингтона, соседнее место было не занято. Охваченный нетерпением, раздраженный, так и не сомкнувший глаз из-за повязки на шее, Борн, на грани полного изнеможения, размышлял о событиях последних девятнадцати часов. Мягко говоря, все прошло не так гладко, как ожидал Конклин. Второе бюро упиралось более шести часов, пока между Вашингтоном, Парижем и Веной, штат Виргиния, происходили напряженные телефонные переговоры. Загвоздка заключалась в том, что ЦРУ не могло организовать секретную операцию, не назвав имени Джейсона Борна, а это зависело только от Александра Конклина, который отказывался это делать, понимая, что связи Шакала в Париже простираются повсюду, за исключением разве что кухонь Тур-д'Аржан. Наконец, совершенно отчаявшись и прикинув, что в Париже настало время обеденных перерывов, Алекс по обычным телефонным линиям совершил несколько международных звонков в некоторые кафе на правом берегу Сены и в одном из них на улице Вожирар отыскал старинного приятеля из Второго бюро.

– Помнишь тинамэ и американца, который был моложе, чем сейчас, и оказал тогда тебе небольшую услугу?

– А, тинаму, птичка с маленькими крыльями и жестокими когтями! Да, это было отличное время, мы были молоды. А поскольку несколько постаревшему американцу пожаловали статус святого, то я его никогда не забывал.

– И не забудь сейчас, ты мне нужен.

– Это ты, Александр?

– Да, и у меня проблема с Бюро.

– Считай, что она уже решена.

Проблема действительно решилась, но вот погоду изменить было нельзя. Шторм, налетевший на центральные Подветренные острова два дня назад, был только прелюдией к тропическому ливню и ветру, пришедшим со стороны Гренадин; а за ними следовал еще один шторм. На островах начинался сезон ураганов, поэтому такая погода никого не удивляла, она просто была задерживающим фактором. Под конец, когда до разрешения на взлет оставалось очень немного времени, в крайнем правом двигателе была обнаружена неисправность; никто не роптал, пока неполадку искали, обнаружили и устранили. Однако на это потребовалось еще три часа.

За исключением мучивших Джейсона мыслей, полет прошел для него без происшествий; к размышлениям о том, что его ожидает – Париж, Аржентоль, *safe* с провокационным названием «*Le Cœur du Soldat*» («Сердце солдата»), – примешивалось чувство вины. Это чувство было особенно острым во время короткого перелета с Монтсеррата на Мартинику, когда они пролетали над Гваделупой и островом Бас-Тер. Он знал, что под ним на расстоянии всего в несколько тысяч футов находится Мари с детьми, готовясь лететь обратно на остров Транквилити, к мужу и отцу, которого там уже не окажется. Его малолетняя дочь Элисон, конечно же, ничего не поймет, но Джеми поймет; его огромные глаза станут еще больше и затуманятся, когда пойдут разговоры о рыбалке и купании... а Мари – господи, даже подумать страшно! Это невыносимо!

Она решит, что он ее предал, сбежал ради жестокого поединка с врагом из прошлого в еще одну свою чужую жизнь, которая больше не была их жизнью. Она будет думать так же, как старый Фонтейн, пытавшийся убедить его увезти семью за тысячи миль от рыщущего Шакала, но они оба не могли его понять. Стареющий Карлос может и умереть, но на своем смертном одре он оставит наследство, завещание, в котором будет значиться смертный приговор Джейсону Борну – Дэвиду Веббу и его семье. Я прав, Мари! Попытайся меня понять. Я должен найти его, должен убить его! Мы не можем жить в персональной тюрьме всю жизнь!

– Мсье Симон? – растягивая гласные звуки, спросил рослый, элегантно одетый пожилой француз с короткой седой бородой.

– Так точно, – ответил Борн, пожимая протянутую ему руку в каком-то узком пустынном коридоре в недрах аэропорта Орли.

– Меня зовут Бернардин, Франсуа Бернардин, я старый сослуживец нашего общего друга Святого Алекса.

– Алекс говорил о вас, – сказал Джейсон, слегка улыбнувшись. – Имени, он, конечно, не называл, но сказал, что вы можете упомянуть о его причастности к лику святых. Так я должен был убедиться, что вы действительно его сослуживец.

– Как он? До нас тут доходили слухи. – Бернардин пожал плечами. – Обычные сплетни. Ранен в бесполезной вьетнамской войне, спился, уволен, опозорен, возвращен обратно как герой Управления – столько противоречивых известий.

– Большая часть верна, и он сам не стесняется это признать. Сейчас он калека, больше не пьет, и он действительно был героем. Поверьте мне.

– Понятно. Опять истории, слухи, не знаешь, чему и верить. Фантастические сведения из Пекина, Гонконга – про связь с человеком по имени Джейсон Борн.

– Я их тоже слышал.

– Ах да, конечно... Вот теперь еще Париж. Наше святейшество сообщил, что вам будет необходимо жилье, одежда, купленная en scene, как он выразился, французская до мозга костей.

– Да, не очень обширный, но разнообразный гардероб, – подтвердил Джейсон. – Я знаю, куда пойти, что купить, и у меня достаточно денег.

– Тогда остается вопрос жилья. Какой отель предпочитаете? «Ля Тремоли»? «Георг Пятый»? «Плаза-Атене»?

– Что-нибудь поменьше и подешевле.

– Значит, с деньгами все-таки проблемы?

– Никаких. Только с внешностью. Вот что я вам скажу: я знаю Монмартр и сам подыщу себе что-нибудь. Что мне понадобится, так это машина – зарегистрированная на другое имя, желательно несуществующее.

– Что означает погибшего владельца. Все уже готово; стоит в подземном гараже на бульваре Капуцинов, недалеко от площади Вандом. – Бернардин вытащил из кармана связку ключей и отдал Джейсону. – Старый «Пежо», секция «Е». В Париже таких тысячи, а регистрационный номер написан на брелоке.

– Алекс сообщил вам, что у меня очень секретное задание?

– Это было и так понятно. Думаю, наш святой перекопал все кладбища в поисках полезных имен, когда работал здесь.

– Я тоже научился этому от него.

– Мы все многому научились у этого выдающегося ума, лучшего в нашей профессии, и все равно такого скромного, такого... *je ne sais quoi* 44... такого «почему бы не попробовать», правда?

– Да, именно «почему бы не попробовать».

– Должен, однако, сказать, – заметил Бернардин со смехом, – что однажды он выбрал имя, вероятно, с надгробной плиты, которое просто привело «Surete» 45 в *fou* – в бешенство. Оказалось, что это прозвище серийного маньяка, убивавшего своих жертв топором; власти охотились за ним много месяцев.

– Действительно, забавно, – усмехнулся Борн.

– Да, очень. Потом он рассказал мне, что приметил это имя в Рамбулье – там на окраине есть кладбище.

Рамбулье! Кладбище, на котором Алекс пытался убить его тринадцать лет назад. На лице Борна не осталось и тени улыбки, когда он пристально посмотрел на друга Алекса из Второго бюро.

– Ведь вам известно, кто я, не правда ли? – тихо спросил он.

– Да, – ответил Бернардин. – Было несложно догадаться, учитывая все эти слухи и домыслы, приходящие с Дальнего Востока. Да и потом, ваша европейская деятельность проходила именно в Париже, мистер Борн.

– Еще кто-нибудь знает об этом?

– *Mon Dieu, non!* 46 И никто не узнает. Должен объяснить, я обязан жизнью Александру Конклину, этому скромному святому *les operations noires* – тайных операций, по-вашему.

– Это лишнее, я неплохо говорю по-французски... или Алекс не сообщил вам об этом?

– Бог ты мой, вы мне не доверяете. – Агент Второго бюро поднял брови. – Учтите, молодой человек – именно молодой человек, мне уже почти семьдесят, – если я забываю какие-то слова, а потом исправляюсь – это потому, что я стараюсь быть вежливым, а не пытаюсь что-то от вас скрыть.

– *D'accord. Je regrette* 47. Честно.

– Bien. Алекс моложе меня на несколько лет, но мне все равно интересно, как он с этим справляется. С возрастом, я имею в виду.

– Так же, как вы. Плохо.

– Был такой английский поэт – точнее, он был родом из Уэльса, – который написал: «Не уходи покорно в ночь». Вы помните эти строки?

– Да. Его звали Дилан Томас, и он умер, не дожив до сорока. Еще он говорил, что нужно до последнего сражаться, словно тысяча чертей. Не сдавайтесь.

– И не собираюсь.

Бернардин снова залез в карман и вытащил визитку.

– Вот адрес моей конторы – я всего лишь консультант, как вы понимаете, – а на обороте я написал номер домашнего телефона; у меня особенный, просто уникальный аппарат. Позвоните мне, и получите все, что потребуется. Помните, я ваш единственный друг в Париже. Больше никто не знает о том, что вы здесь.

– Могу я задать вам один вопрос?

– Mais certainement 48.

– Как вам удастся делать все это для меня, когда вас давным-давно отправили на покой?

– Ах, – воскликнул консультант из Второго бюро. – Молодежь начинает кое-что понимать! Как и у Алекса, у меня в голове много сведений. Я знаю тайны. Да и как иначе?

– Но ведь вас можно устранить, нейтрализовать – подстроить несчастный случай.

– Stupide 49, молодой человек! Все, что мы держим в головах, давно записано и спрятано, чтобы эти данные можно было обнародовать, случись с нами такая неприятная история... Конечно, это несерьезно, ведь что мы такого знаем, чего нельзя бы было отрицать или обозвать старческим маразмом? Но они этого не знают. Страх, мсье. Это самое могущественное оружие в нашей профессии. Следующим, конечно, идет боязнь больших скандалов, но это прерогатива КГБ и вашего Федерального бюро расследований, которые боятся скандалов больше, чем врагов своих стран.

– Признайтесь, вы с Конклином росли на одной улице?

– Ну конечно. Насколько мне известно, у нас обоих нет жен и семей, только время от времени появляются любовницы, да еще шумные, надоедливые

племянники и племянницы, чтобы скрасить скуку в праздник; и у нас нет близких друзей, никого, кроме нескольких врагов, которых мы уважаем и которые, как нам известно, готовы подстрелить или отравить нас, даже когда мы уже вышли из игры. Мы должны жить одни, видите ли, мы профессионалы – мы никак не пересекаемся с нормальным миром; мы его всего лишь используем как *couverture*⁵⁰ – когда пробираемся по темным аллеям, шантажируем людей или платим за секреты, которые ничего не стоят во время встреч на высшем уровне.

– Так зачем вам это? Почему вы не хотите все прекратить, если это так бесполезно?

– Это у нас в крови. Нас этому научили. Побеждать врага в смертельной схватке – либо вы, либо вас, и лучше, чтобы вы.

– Это глупо.

– Без сомнения. Это все глупо. Так почему же Джейсон Борн приехал за Шакалом в Париж? Почему бы ему просто не отойти в сторону и не сказать: «Довольно!» Стоит только попросить, и вам предоставят надежное убежище.

– Тюремного типа. Не могли бы вы доставить меня отсюда в город? Я найду отель и свяжусь с вами.

– Перед тем как связываться со мной, позвоните Алексу.

– Что?

– Алекс хочет, чтобы вы ему позвонили. Что-то случилось.

– Где здесь телефон?

– Нет, не сейчас. Ровно в два по вашингтонскому времени; у вас еще более часа. До того момента его не будет.

– Он не сказал, в чем дело?

– Думаю, сейчас он пытается это выяснить. Судя по голосу, он был очень расстроен.

Комната в отеле «Пон-Рояль» на улице Монталамбер оказалась довольно маленькой и находилась в уединенном углу гостиницы, в нее можно было попасть, поднявшись в медленном и скрипучем лифте с медными ручками на последний этаж и преодолев два узких пересекающихся коридора. Все это как нельзя лучше подходило Борну, напоминая ему удаленную и безопасную пещеру в горах.

Чтобы как-то занять время до звонка Алексу, он прошелся по ближайшему бульвару Сен-Жермен, совершая необходимые покупки. К туалетным принадлежностям присоединились несколько предметов одежды; повседневные джинсы потянули за собой летние футболки и ветровку-сафари; к темным носкам добавились теннисные туфли, которые можно было особенно не жалеть. Все эти покупки сэкономят ему время в будущем. К счастью, не пришлось просить у старого Бернардина оружие. Пока ехали из Орли в Париж, француз молча открыл бардачок, вынул перевязанную лентой коричневую коробку и протянул ее Джейсону. Внутри оказался пистолет и две коробки патронов. Под ними лежала аккуратная пачка денег, в которой оказалось тридцать тысяч франков купюрами различного достоинства, что равнялось примерно пяти тысячам американских долларов.

– Завтра я организую для вас способ получения денег на текущие расходы. В пределах разумного, конечно же.

– Никаких пределов, – возразил Борн. – Я попрошу Конклина перевести вам сто тысяч, и, если потребуется, еще столько же потом. Просто скажете ему номер счета.

– Это из чрезвычайного фонда?

– Нет. Из моего личного. И спасибо за пистолет.

Сжимая в обеих руках пакеты с покупками, Джейсон направился обратно к отелю на улице Монталамбер. Через несколько минут в Вашингтоне будет два часа дня, а в Париже восемь вечера. Торопливо идя по улице, он старался не думать о том, что ему скажет Алекс, – а это была непосильная задача. Если что-то случилось с Мари и детьми, он просто сойдет с ума! Но что могло произойти? К этому времени они должны были вернуться на Транквилити, а это для них самое безопасное место. Более безопасного просто не существует! Он был в этом уверен. Войдя в лифт и опустив сумки, чтобы правой рукой нажать номер этажа и вытащить ключ от номера, он почувствовал колющую боль в шее; он запыхался – наверное, шел слишком быстро и потянул нити шва. Однако все обошлось – кровь не текла, просто небольшое предупреждение. Он бросился через два узких коридора к своей комнате, открыл дверь, швырнул пакеты с покупками на кровать и тут же в три шага достиг телефона. Конклин был пунктуален; в Вене, штат Виргиния, трубку сняли после первого же звонка.

– Алекс, это я. Что случилось? Что-то с Мари?..

– Нет, – коротко перебил Конклин. – Я разговаривал с ней около полудня. Она с детьми вернулась в гостиницу и готова меня убить. Она не поверила не

единому моему слову, и пленку магнитофона придется стереть. В последний раз я такое слышал в дельте Меконга.

– Она расстроена...

– Я тоже, – вновь перебил Алекс, не обращая внимания на слова Борна. – Мо исчез.

– Что?

– Ты слышал. Панов исчез, испарился.

– Боже, каким образом? Его же все время охраняли!

– Это мы и пытаемся выяснить; я уже был на месте, в госпитале.

– В госпитале?

– Имени Вальтера Рида. Он проводил психиатрическую экспертизу одного военного, а когда все закончилось, он так и не пришел сделать заключение. Его ждали около двадцати минут, а потом пошли искать его и охранников, потому что у него очень плотный график работы. И выяснилось, что он уже уехал.

– Но это невозможно!

– Невозможно, и с каждой минутой все больше пугает. Дежурная сестра на этаже сказала, что пришел военный врач, хирург, показал удостоверение и попросил ее передать доктору Панову, что изменился маршрут его передвижений и что он должен воспользоваться выходом через восточное крыло госпиталя, так как перед главным входом ожидалась акция протеста. Из восточного крыла в психиатрическое отделение ведет отдельный коридор, однако армейский хирург воспользовался главным входом.

– Повтори.

– Он прошел мимо наших охранников в коридоре.

– И скорее всего так же вышел и обошел корпус, появившись перед восточным входом. Ничего необычного. Врач с допуском в запретную зону вошел и вышел, а пока был внутри, передал ложные указания... Но, Алекс, кто это сделал? Карлос все это время летел обратно сюда, в Париж! Он уже получил от Вашингтона все, что хотел. Он нашел меня, нашел нас. Больше ему ничего не нужно!

– Это Де Соле, – тихо произнес Конклин. – Де Соле знал про меня и Панова. Когда я рассказывал в Управлении про нас двоих, Де Соле тоже находился в конференц-зале.

– Что-то я тебя не понимаю. Что ты хочешь сказать?

– Де Соле, Брюссель... «Медуза».

– Так, начинаю понимать.

– Это не он, Дэвид, это они. Де Соле устранили, связь оборвалась. Это «Медуза».

– Да пошли они! Они меня не интересуют!

– Зато ты их интересуешь. Ты пробил их защиту. Теперь ты им нужен.

– Сейчас меня это волнует меньше всего. Я сказал тебе вчера, что у меня интересует только один человек, и он находится в Париже, в первом квартале Аржентоля.

– Дело в том, что это еще не все. – Голос Алекса зазвучал тихо и обреченно.
– Вчера вечером мы с Мо вместе ужинали. Я ему обо всем рассказал. О Транквилити, о том, что ты вылетаешь в Париж, о Бернардине... обо всем!

Бывший федеральный судья первого округа, проживающий в городе Бостон, штат Массачусетс, США, стоял вместе с небольшой группой людей над двумя свежевырытыми могилами на плоской вершине самого высокого холма острова Транквилити. Кладбище является местом последнего пристанища – *in voce verbatim via amicus curiae*, как он авторитетно объяснил властям острова Монтсеррат. Брендан Патрик Пьер Префонтейн смотрел, как два роскошных гроба, заказанных щедрым владельцем «Транквилити Инн», опустили в землю под аккомпанемент совершенно непостижимых благословений местного священника, который, без всякого сомнения, частенько держал шею мертвого цыпленка, творя заклинания вуду. Жан-Пьер Фонтейн и его жена обрели покой.

И как бы то ни было, это может показаться невероятным, Брендан, этот полуспившийся уличный юрист с площади Гарвард, нашел себе новую цель в жизни. Цель, которая не имела отношения к его личному стремлению выжить, что само по себе уже было поразительно. Рэндольф Гейтс, лорд Рэндольф Гейтский, Дэнди-Рэнди высшего света, на самом деле оказался мерзавцем, причиной смертей на островах Карибского моря. В постепенно проясняющемся мозгу Префонтейна начала вырисовываться определенная картина, чему, помимо других нечеловеческих жертв, способствовало то обстоятельство, что он неожиданно отказался от своих обычных четырех рюмок водки по утрам. Гейтс предоставил всю информацию, которая привела несостоявшихся убийц семейства Веббов на остров Транквилити. Почему?.. Даже с юридической точки зрения это было невозможно; чтобы Гейтс передал сведения об их местонахождении известным убийцам, заранее

зная, что они убийцы, – нет, быть того не может. Это же соучастие в убийстве, убийстве нескольких человек. Дэнди-Рэнди в тисках, и, если немного нажать, он расскажет – ему придется рассказать – о вещах, которые помогут семье Веббов, особенно этой рыжеволосой женщине. Префонтейн спрашивал у Всевышнего, почему он не встретил ее пятьдесят лет назад?

Судья должен был отправиться обратно в Бостон утром, но он спросил у Джона Сен-Жака, можно ли ему как-нибудь вновь посетить Транквилити. Возможно, без предварительной договоренности.

– Судья, мой дом – ваш дом, – последовал ответ.

– Надеюсь, я честно отработаю такую привилегию.

Альберт Армбрустер, председатель Федеральной комиссии по торговле, выбрался из лимузина и стоял на тротуаре перед крутыми ступеньками своего дома в Джорджтауне.

– Отвезешь меня в контору завтра утром, – сказал он водителю, который придерживал заднюю дверь. – Знаешь, здоровье у меня уже не то.

– Да, сэр. – Водитель закрыл дверь. – Вам помочь, сэр?

– К черту. Поезжай.

– Есть, сэр.

Его личный шофер сел в машину; неожиданный рев двигателя и стремительность, с которой он помчался по улице, совсем не походили на вежливый отъезд.

Армбрустер взбирался по каменной лестнице, его живот и грудь колыхались при каждом шаге; увидев силуэт своей жены за стеклянной дверью их веранды в викторианском стиле, он выругался себе под нос.

– Ленивая сучка, – тихо сказал он, хватаясь за перила, перед тем как встретиться со спутницей тридцати лет своей жизни.

Из темноты откуда-то со стороны соседнего дома послышался тихий хлопок. Армбрустер вскинул руки, его запястья изогнулись, как будто в попытке схватиться за рану, но было уже поздно. Председатель Федеральной комиссии по торговле покатился вниз по каменной лестнице, и его громадная мертвая туша неуклюже растянулась на тротуаре внизу.

Борн переоделся во французские джинсы, натянул темную футболку с короткими рукавами и хлопчатобумажную ветровку, положил деньги,

оружие и все документы – как фальшивые, так и настоящие – в карманы и вышел из «Пон-Рояля». Перед этим, однако, он соорудил на постели из подушек подобие спящей фигуры и повесил на стуле на видном месте некоторые из своих вещей. Он неторопливо прошел через нарядный холл, а как только оказался снаружи на улице Монталамбер, бросился к ближайшей телефонной будке. Опустил монетку и позвонил домой Бернардину.

– Это Симон.

– Я так и подумал, – ответил француз. – Я ждал вашего звонка. Алекс мне только что обо всем рассказал, поэтому я попросил его не говорить мне, где вы находитесь; ведь о том, чего не знаешь, не сможешь и рассказать. Но все равно, будь я на вашем месте, я бы нашел другую гостиницу, хотя бы на ночь. Вас могли заметить в аэропорту.

– А как же вы?

– Я собираюсь побыть *canard*.

– Уткой?

– Подсадной. Бюро постоянно наблюдает за моей квартирой. Возможно, меня навестят; это будет удобно, *n'est-ce pas?* 51

– Вы не сообщили в свой отдел про...

– Про вас? – перебил Бернардин. – Как я могу, мсье, когда я вас даже не знаю? Мое драгоценное Бюро полагает, что я получил угрожающий звонок от старого противника, известного психопата. На самом деле я много лет назад уничтожил его в наших заморских территориях, но не закрыл дело...

– Следует ли говорить про такие вещи по домашнему телефону?

– По-моему, я уже упоминал, что это уникальный аппарат.

– Да.

– Достаточно сказать, что он не будет работать, если линия прослушивается... Мсье, вам необходимо отдохнуть. Без этого вы будете бесполезны даже для себя самого. Найдите место, где можно выспаться. К сожалению, сам я не могу вам в этом помочь.

– «Отдых – это оружие», – сказал Джейсон, повторяя фразу, которая была для него правдой жизни, жизненно необходимой для выживания в том мире, который он ненавидел.

– Пардон?

– Не обращайтесь внимания. Я найду себе комнату и перезвоню вам утром.

– Тогда до завтра. Bonne chance, mon ami 52. Нам обоим.

* * *

Борн нашел комнату в недорогом отеле «Авенир» на улице Гей-Люссак. Зарегистрировавшись под вымышленным и тут же забытым именем, он поднялся по лестнице в номер, скинул одежду и упал на кровать.

«Отдых – это оружие», – сказал он себе, глядя в потолок, по которому, словно по экрану из белого гипса, перемещались огни парижских улиц.

Приходил ли отдых в горной пещере или на рисовом поле в дельте Меконга, не имело значения; это было оружие, зачастую более мощное, чем пистолеты и пулеметы. Этот урок вдолбил в его голову де Анжу, который отдал свою жизнь в пекинском лесу за то, чтобы Джейсон Борн мог жить дальше. Отдых на самом деле оружие, решил он, дотрагиваясь до повязки на шее, но почти ее не ощущая – Джейсон постепенно погружался в сон, и сдавливающее чувство от повязки исчезало.

Просыпался он медленно и неторопливо, до его окон снизу долетал уличный шум; металлические сигналы клаксонов, словно раздраженное карканье злобных ворон, перемежались с шумом двигателей, которые то набирали обороты, то вдруг замолкали. Обычное утро на узких улицах Парижа. Стараясь держать шею неподвижно, Борн спустил ноги с несколько короткой для его роста кровати на пол и посмотрел на часы. Он удивился, на мгновение решив, что забыл перевести на местное время. Ничего подобного. 10.07 утра по Парижу. Он проспал почти одиннадцать часов – это подтверждало и урчание в животе. Усталость сменилась голодом.

С едой, однако, придется подождать; есть вещи и поважнее, и первым делом надо позвонить Бернардину, а потом выяснить, насколько безопасен отель «Пон-Рояль». Он встал на одеревеневшие ноги, слегка пошатнулся, ноги и руки охватил утренний озноб. Ему был нужен горячий душ, о котором в «Авенире» нечего было и думать, потом небольшая зарядка, чтобы размять тело, а ведь все это не понадобилось бы еще всего несколько лет назад. Он вытащил из брюк кошелек, взял визитку Бернардина, вернулся к кровати и снял трубку.

– Боюсь, Le canard никто не навещал, – сообщил ветеран Второго бюро. – Даже никакого намека на охотника, что, я думаю, не так уж плохо.

– Плохо, пока не найдем Панова – если мы его вообще найдем. Чертовы ублюдки!

– Да, с этим приходится мириться. Это самая неприятная часть нашей работы.

– Проклятие, я не могу забыть о таком человеке, как Мо, только потому, что «с этим приходится мириться»!

– А я вас и не прошу об этом. Я только пытаюсь вернуть вас в реальность. Ваши чувства вам дороги, но они ничего не изменят в реальном мире. Я не хотел вас обидеть.

– А я просто сорвался. Простите. Дело в том, что он особенный человек.

– Я понимаю... Какие у вас планы? Что вам нужно?

– Пока не знаю, – ответил Борн. – Я возьму такси на бульваре Капуцинов и через час или около того смогу что-то сказать. Вы будете дома или в Бюро?

– Пока вы мне не позвоните, буду у себя, рядом с моим уникальным телефоном. Учитывая сложившуюся ситуацию, я бы предпочел, чтобы вы не звонили мне в контору.

– Это что-то новенькое.

– Сегодня я уже не знаю всех во Втором бюро, а в моем возрасте осторожность не только главная составляющая храбрости, а подчас просто ее замена. К тому же, если вы так быстро откажетесь от моей защиты, пойдут слухи о моей старческой немощи... До скорого, mon ami.

Джейсон положил трубку, его разбирало желание снова поднять ее и позвонить в «Пон-Рояль», но это был Париж, город осмотнительных людей, где портье не склонны делиться информацией по телефону и откажутся сообщать что-либо постояльцам, которых не знают. Он быстро оделся, спустился вниз, чтобы оплатить ночное пребывание, и вышел на улицу Гей-Люссак. На углу находилась остановка такси; через восемь минут он входил в вестибюль «Пон-Рояля» и направлялся к портье.

– Je m'appelle Monsieur Simon⁵³, – обратился он к служащему и назвал номер своей комнаты. – Вчера вечером я встретил знакомую, – продолжал он на безупречном французском, – и остался у нее. Вы не знаете, не искал ли меня кто-нибудь или, может быть, просто спрашивал про меня?

Борн вытащил несколько купюр большого достоинства, его глаза явно говорили портье, что конфиденциальность будет щедро вознаграждена.

– Возможно, кто-то даже меня описывал, – тихо добавил он.

– Merci bien, monsieur ⁵⁴... Я понимаю. Я спрошу у ночного портье, но, поверьте, он оставил бы мне записку, если бы кто-то пришел сюда разыскивать вас.

– Почему вы так уверены?

– Потому что он оставил мне записку для вас. Я звонил в ваш номер с семи часов, как только пришел на работу.

– Что было в записке? – спросил Джейсон и затаил дыхание.

– То, что я собираюсь вам сказать. «Свяжись с его другом с противоположной стороны Атлантики. Он звонил всю ночь». Могу подтвердить это, мсье. Коммутатор ясно сообщает, что последний звонок был менее получаса назад.

– Полчаса назад? – Джейсон взгляделся в портье, потом посмотрел на часы. – Сейчас там пять утра... всю ночь?

Служащий кивнул, и Борн кинулся к лифту.

– Господи, Алекс, что случилось? Мне сказали, что ты звонил всю...

– Ты в отеле? – быстро перебил Конклин.

– Да, а что?

– Найди таксофон на улице и перезвони мне. Быстро.

Вновь медленный неуклюжий лифт; выцветший вестибюль, уже наполовину заполненный беспрестанно что-то обсуждающими парижанами, многие из которых направлялись в бар за утренним аперитивом; и опять залитая солнцем жаркая летняя улица и сводящие с ума машины, идущие сплошным потоком. Где же телефон? Он быстро шел по тротуару в сторону Сены – где здесь телефон? Нашел! На другой стороне улицы дю Бак виднелась будка с красной куполообразной крышей, со всех сторон обклеенная рекламой.

Пробравшись сквозь строй наседающих легковушек и небольших грузовиков, в которых сидели взбешенные водители, Борн перебежал на противоположную сторону улицы и бросился к телефонной будке. Влетел в нее, бросил в щель монету, и спустя несколько мучительных мгновений, пока он объяснял, что звонит не в Австрию, международный оператор принял номер его карточки AT&T и соединил с Веной, штат Виргиния.

– Какого черта я не могу разговаривать из отеля? – сердито спросил Борн. – Я тебе звонил оттуда прошлой ночью!

– Это было прошлой ночью, а не сегодня.

– О Мо что-нибудь известно?

– Пока ничего, но, возможно, похитители допустили ошибку. Вероятно, мы найдем этого военного врача.

– Расколите его!

– С удовольствием. Отстегну свой протез и буду бить его по роже до тех пор, пока он не согласится помогать нам – естественно, если он окажется тем, кто нам нужен.

– Отлично, но, думаю, ты звонил мне всю ночь не для того, чтобы об этом сообщить, ведь так?

– Да. Вчера я пять часов общался с Питером Холландом. Я встретился с ним после нашего с тобой разговора, и его реакция была как раз такой, как я и предсказывал, с небольшими отклонениями.

– Ему нужна «Медуза»?

– Да. Он настаивает на том, чтобы ты немедленно возвращался; только у тебя есть сведения из первых рук. Это приказ.

– Вот дерьмо! С какой стати он будет мне говорить, что делать, да еще приказывать!

– Питер завернет все краны, и я не смогу с этим ничего поделать. А если тебе что-нибудь быстро понадобится, он не станет помогать.

– Но Бернардин предложил мне свою помощь. «Все, что вам понадобится» – это его собственные слова.

– Бернардин ограничен в средствах. Как и я, он может раздобыть что-то в счет былых заслуг, но без доступа к основным ресурсам организации на многое рассчитывать не приходится.

– А ты сказал Холланду, что я изложу на бумаге все, о чем мне говорили, ответ на каждый мой вопрос?

– А ты действительно собираешься все это записать?

– Да.

– Его это не устраивает. Он хочет допросить тебя – говорит, что не может задавать вопросы бумаге.

– Но я слишком близок к Шакалу! И не стану делать то, что хочет Холланд. Он просто безмозглый сукин сын!

– Думаю, Питер старается поступать по совести, – возразил Конклин. – Он догадывается, что тебе приходится испытывать и через что ты уже прошел, но после семи часов вчерашнего вечера все изменилось.

– Почему?

– Армбрустера застрелили на пороге собственного дома. Официально об этом говорят как о разбойном нападении в Джорджтауне, что, разумеется, вовсе не так.

– О господи!

– Я должен сообщить тебе еще кое-что. Во-первых, мы предаем «самоубийство» Свайна огласке.

– Боже мой, зачем?

– Чтобы тот, кто его убил, решил, что он вне подозрений, и – что более важно – нужно проследить, кто появится в течение ближайшей недели-двух.

– На похоронах?

– Нет, это будет «закрытая семейная церемония», без гостей и формальностей.

– Тогда кто же должен появиться и где?

– Кто-то должен прийти в поместье. Мы навели справки у адвоката Свайна, естественно, вполне официально, и он подтвердил то, что тебе сообщила жена генерала. Свайн завещал все имение какому-то фонду.

– Какому именно? – поинтересовался Борн.

– Такому, о котором ты никогда не слышал, – его на протяжении нескольких лет финансировали состоятельные близкие друзья нашего августейшего генерала. Причем выглядит все очень трогательно. Он проходит под названием «Фонд помощи солдатам, морякам и морским пехотинцам»; и у него уже сменился совет директоров.

– На людей «Медузы».

– Или на их подставных лиц. Но мы это выясним.

– Алекс, а что с теми именами, что я тебе дал, там же был список – шесть или семь имен, которые Фланнаган назвал мне? И еще куча номеров машин, которые он записывал во время собраний.

– О, с этим вообще отдельная история, и просто очаровательная, – произнес Конклин загадочным тоном.

– И что в ней такого очаровательного?

– Да взять хотя бы имена и фамилии – все принадлежат к низшим слоям общества, никакой связи с верхушкой Джорджтауна. Их скорее встретишь в «Нэшнл инквайрер», чем в «Вашингтон пост».

– Но как же номера, собрания! Это ведь просто кладезь информации.

– Если бы, – заметил Алекс. – С ними вообще глухо... Каждый из номеров зарегистрирован на компанию по прокату лимузинов. Думаю, мне не нужно тебе объяснять, какие железные алиби будут у всех, кого бы мы ни попытались найти.

– Но там же кладбище!

– Где именно? Какие у него размеры? Поместье занимает двадцать восемь акров...

– Так начинайте искать!

– Чтобы все поняли, что нам об этом известно?

– Ты прав; ты все делаешь правильно... Алекс, скажи Холланду, что не смог до меня дозвониться.

– Шутишь?

– Нет, я серьезно. Я договорился с портье, он меня прикроет. Передай Холланду название отеля и имя служащего, пусть позвонит сам или пришлет проверить кого-нибудь из посольства. Портье подтвердит, что я зарегистрировался вчера и с тех пор он меня не видел. Пусть проверят список не принятых телефонных звонков. Мне нужно несколько дней, прошу тебя.

– Холланд все равно может отказать в дальнейшей поддержке, и, скорее всего, он так и сделает.

– Нет, если будет думать, что я вернусь, когда ты меня найдешь. Я просто хочу, чтобы он продолжал искать Мо и чтобы в Париже про меня пока не знали. Кровь из носу – никакого Вебба, Симона или Борна!

– Попробую.

– Еще что-нибудь есть? Мне надо многое сделать.

– Да. Этим утром Кассет вылетает в Брюссель. Он собирается прижать Тигартена – тебя это не коснется.

– Хорошо.

В одном из переулков Андерлехта, в трех милях южнее Брюсселя, военный седан с флажками четырехзвездного генерала на капоте припарковался у тротуара перед террасой придорожного кафе. Генерал Джеймс Тигартен, главнокомандующий НАТО, на мундире которого красовалась планка орденов в пять рядов, осторожно вышел из машины на залитую ярким послеполуденным солнцем улицу. Он обернулся и подал руку очаровательному майору женской вспомогательной службы сухопутных

войск США, которая улыбнулась в ответ и вышла из машины. Галантно, по-военному, Тигартен отпустил руку женщины, взял ее за локоть и повел через широкий тротуар к столикам с зонтиками за рядом декоративных кадок с цветами – это была часть кафе под открытым небом. Они прошли под узорчатой аркой, увитой бутонами роз, и оказались внутри. Все столики, кроме одного в дальнем конце, были заняты, голоса обедающих смешивались с приглушенным звоном винных бутылок о края бокалов и тихим постукиванием столовых приборов о фарфоровые тарелки. Неожиданно разговоры притихли, и генерал, зная, что его присутствие неизбежно привлекает всеобщее внимание, вызывая дружественные взмахи рук, а нередко и сдержанные аплодисменты, добродушно улыбнулся сразу всем присутствующим и направился со своей спутницей к пустому столику, на котором стояла согнутая уголком карточка с надписью «Reserve» 55.

Хозяин кафе вместе с двумя официантами, которые увивались за ним, словно заботливые цапли, буквально проплыл между столиками, чтобы поприветствовать своего именитого гостя. После того как главнокомандующего усадили, появилась охлажденная бутылка «Кортон-Шарлемань» и началось обсуждение меню. Бельгийский ребенок, мальчик лет пяти-шести, робко подошел к столику, приложил ладонь ко лбу и улыбнулся – он отдавал генералу честь. Тигартен поднялся на ноги, выпрямился и в свою очередь ответил на воинское приветствие.

– Vous tes un soldat distingué, mon camarade 56, – сказал генерал, его командный голос был слышен за каждым столиком кафе, его открытая улыбка завоевала сердца людей, которые ответили одобрительными аплодисментами. Ребенок ушел, и ленч продолжился.

Спустя час, проведенный за неторопливой трапезой и беседой, Тигартена и его спутницу побеспокоил водитель генерала, сержант средних лет – на лице его отражалось внутреннее беспокойство. Главнокомандующему НАТО по спецсвязи передали в машину срочное сообщение, и у водителя хватило ума записать сообщение на бумагу. Он подал Тигартену записку.

Генерал поднялся, его загорелое лицо побледнело, он начал оглядываться по сторонам в уже наполовину опустевшем кафе, его глаза сузились, в них читались смутение и испуг. Он залез в карман и вытащил сложенную пополам пачку бельгийских франков, отделил несколько купюр большого достоинства и бросил их на столик.

– Идем, – сказал он женщине-майору. – Быстрей... А ты, – повернулся он к водителю, – заводи машину!

– Что случилось? – поинтересовалась спутница генерала.

- Сообщение из Лондона. Телефонограмма. Армбрустер и Де Соле убиты.
- О боже мой! Как?
- Это неважно. Правду мы все равно не узнаем.
- Что происходит?
- Я не знаю. Но нам надо убираться отсюда. Идем!

Генерал и женщина выбежали через узорчатую арку, пересекли широкий тротуар и сели в военный автомобиль. Чего-то не хватало с обеих сторон капота. Это сержант убрал два красно-золотых флажка, указывавших на внушительное звание его начальника, главнокомандующего НАТО. Автомобиль рванулся вперед, но не проехал и полусотни ярдов, когда это случилось.

Сильнейший взрыв подбросил седан вверх; осколки стекла и металла, куски плоти и кровавые брызги разлетелись по узкой улице Андерлехта.

– Мсье! – кричал напуганный официант, пока отряды полиции, пожарные и специалисты санитарно-гигиенической службы занимались своей неприятной работой на дороге.

– Ну, что там? – отозвался близкий к помешательству владелец кафе, которого все еще трясло после грубого полицейского допроса и нападок целой орды журналистов. – Я разорен. О нас будут говорить как о «Cafe de la Mort» – кафе смерти.

– Мсье, смотрите! – Официант указывал на столик, за которым сидели генерал и его спутница.

– Полиция уже все там осмотрела, – сказал безутешный хозяин.

– Нет, мсье. Посмотрите!

По стеклянной поверхности столика бежали небрежно написанные красной помадой с блестками прописные буквы, складывавшиеся в имя:

ДЖЕЙСОН БОРН

Глава 20

Не веря своим глазам, Мари смотрела телевизор, новости, которые транслировались через спутник из Майами. Она вскрикнула, когда камера показала стеклянный столик в бельгийском городе Андерлехте и имя, написанное красным на столешнице.

– Джонни!

Сен-Жак выскочил из двери спальни своих апартаментов на третьем этаже «Транквилити Инн».

– Господи, что такое?

Мари в ужасе указывала на телевизор, по ее лицу текли слезы. Диктор новостей вещал монотонным голосом, характерным для таких передач.

– ...как будто запятнанный кровью варвар из прошлого вернулся, чтобы терроризировать цивилизованное общество. Печально известный киллер Джейсон Борн, уступающий на рынке заказных убийц лишь Карлосу Шакалу, взял на себя ответственность за взрыв, унесший жизни генерала Джеймса Тигартена и его спутников. Противоречивые сведения поступают от разведслужб Вашингтона и Лондона и представителей полиции. Источник в Вашингтоне заявляет, что убийца, известный как Джейсон Борн, был выслежен и уничтожен в Гонконге пять лет назад в ходе совместной англо-американской операции. В то же время, по словам представителя британской разведки и Министерства иностранных дел, Великобритании ничего не известно о такой операции, и совместное мероприятие такого характера в принципе весьма маловероятно. Однако другие источники, на этот раз из штаб-квартиры Интерпола в Париже, утверждают, что их филиалу в Гонконге было известно о предполагаемой гибели Джейсона Борна, но в связи с тем, что опубликованные фотографии и появившиеся сообщения были очень размыты и неопределенны, они не могли являться доказательством правдивости истории. Как уже сообщалось, предполагают, что Борн скрылся в Китайской Народной Республике, отправившись совершать заказное убийство, которое привело к его собственной гибели. Однако несомненно то, что сегодня в красивейшем бельгийском городе Андерлехте был убит генерал Джеймс Тигартен, главнокомандующий НАТО, и кто-то, называющий себя Джейсоном Борном, взял на себя ответственность за убийство этого замечательного и популярного военного... Сейчас на ваших экранах – старый фоторобот из архива Интерпола, составленный на основе показаний лиц, которые предположительно видели Борна с близкого расстояния. Следует иметь в виду, что это фоторобот, составленный из частей лиц со множества других фотографий, и, учитывая способность киллера менять внешность, он, вероятно, не представляет большой ценности для расследования.

Экран неожиданно заполнило немного искаженное лицо мужчины с неопределенными чертами.

– Это не Дэвид! – сказал Сен-Жак.

– Он мог быть таким в прошлом, братишка, – отозвалась его сестра.

– Теперь к другим сообщениям. Засуха, охватившая обширные районы Эфиопии...

– Да выключи ты этот чертов ящик! – закричала Мари, вскочила с кресла и направилась к телефону, пока ее брат выключал телевизор.

– Где был телефон Конклина? Я его оставила где-то здесь, на твоём столе... А, вот он, в записной книжке. Святому Алексу придется многое объяснить, сукин он сын!

Мари сердито, но аккуратно набрала номер и села в кресло Сен-Жака, постукивая по подлокотнику сжатым кулаком. По ее щекам все еще текли слезы. Слезы горя и ярости.

– Это я, ты, мерзавец!.. Ты убил его! Ты позволил ему уехать – помог ему уехать – и ты убил его!

– Мари, я не могу сейчас с тобой говорить, – ответил холодный спокойный голос Александра Конклина. – У меня разговор с Парижем по другой линии.

– К черту Париж! Где он? Вытащи его оттуда!

– Поверь мне, мы пытаемся его найти. Здесь, судя по всему, просто светопреставление! Англичане хотят крови Питера Холланда даже за намек на связь с событиями на Дальнем Востоке, а французы проявляют недовольство из-за того, что у них есть определенные подозрения, которые они не могут подтвердить, – к примеру, что это был за спецгруз для Второго бюро на рейсе с Мартиники, который поначалу не хотели принимать. Я перезвоню тебе, клянусь!

Послышались короткие гудки, и Мари бросила трубку.

– Джонни, я лечу в Париж, – сказала она, тяжело дыша и вытирая слезы с лица.

– Что?

– Ты слышал. Я хочу просить помощи у миссис Купер. Джеми ее обожает, и она лучше ладит с Элисон, чем я, – да это и неудивительно. Она мать семерых взрослых детей, которые до сих пор собираются у нее каждое воскресенье.

– Ты с ума сошла! Я тебе не позволю!

– Подозреваю, – произнесла Мари, направив на брата испепеляющий взгляд, – то же самое ты сказал и Дэвиду, когда он тебе сообщил, что собирается в Париж.

– Да, именно так!

– И тебе не удалось его остановить, так же как ты не сможешь остановить и меня.

– Но зачем лететь тебе?

– Затем, что я знаю каждое место в Париже, которое знает он, каждую улицу, каждое кафе, каждый бульвар, от Сакр-Кёр до Монмартра. Он наверняка там появится, и я смогу найти его гораздо раньше, чем это сделает Второе бюро или Сюртэ.

Зазвонил телефон; Мари сняла трубку.

– Я же говорил, что перезвоню, – произнес голос Алекса Конклина. – У Бернардина появилась интересная идея.

– Кто такой Бернардин?

– Мой старинный приятель из Второго бюро и просто друг, который помогает Дэвиду.

– Что за идея?

– Он достал для Дэвида – для Джейсона – машину. Ему известен регистрационный номер; он сообщит его по радио всем полицейским постам и патрулям Парижа с приказом доложить, если машину заметят, но не останавливать и не беспокоить водителя. Просто продолжать наблюдение и докладывать лично ему.

– И ты думаешь, что Дэвид – Джейсон – не сможет заметить «хвост»? У тебя плохая память, хуже, чем у моего мужа.

– Это не единственная возможность, есть еще другие.

– Например?

– Ну... ну, ему в любом случае придется позвонить мне. У него не будет другого выхода, когда он узнает новости о Тигартене.

– Это еще почему?

– Как ты сама сказала: чтобы я вытащил его оттуда!

– В тот момент, когда он почти добрался до Карлоса? Ни малейшего шанса, дорогуша. У меня есть идея получше. Я лечу в Париж.

– Тебе нельзя!

– Не хочу больше это слышать и не услышу. Ты мне поможешь или придется обойтись без твоей помощи?

– Мне теперь французский торговый автомат не продаст даже марки, а Холланду не удастся узнать адрес Эйфелевой башни.

– Получается, что я буду сама по себе, что, честно говоря, для меня гораздо безопаснее в этой ситуации.

– Но что ты можешь предпринять, Мари?

– Не буду утомлять тебя подробностями – я навещу все те места, где мы с ним останавливались, прятались, когда были в бегах. Так или иначе, он снова придет туда. Ему придется так поступить, потому что на вашем сумасшедшем жаргоне эти места были «надежными», и он вернется туда, потому что своей сумасшедшей башкой сообразит, что они надежные.

– Храни тебя бог, моя милая.

– Он оставил нас, Алекс. Бога нет.

Префонтейн вышел из дверей терминала бостонского аэропорта Логан на заполненную людьми площадь перед аэровокзалом и поднял руку, чтобы остановить такси. Но, оглядевшись, он опустил руку и встал в очередь – все изменилось за прошедшие тридцать лет. Все, включая аэропорты, превратилось в закусочные; приходилось стоять в очереди за порцией третьесортного жаркого, это же относилось и к такси.

– Отель «Риц-Карлтон», – сказал судья водителю.

– У вас нет багажа? – поинтересовался тот. – Ничего, кроме этой маленькой сумки?

– Нет, нету, – отозвался Префонтейн и, не удержавшись, добавил: – Мой гардероб всегда ждет меня там, куда я приезжаю.

– Вот это жизнь, – сказал таксист, вытаскивая из волос огромную расческу с редкими зубьями и направляя машину в общий поток.

– У вас забронирован номер, сэр? – спросил портье в смокинге из-за конторки отеля «Риц».

– Полагаю, это сделал один из моих поверенных. Меня зовут Скофилд, судья Верховного суда Вильям Скофилд. Мне бы не хотелось думать, что в «Рице» так небрежно относятся к предварительным заказам, особенно сейчас, когда все кричат о защите прав потребителей.

– Судья Скофилд?.. Я уверен, это где-то здесь, сэр.

– Я специально попросил апартаменты «3-С», я уверен, посмотрите по своему компьютеру.

– «3-С»... этот номер забронирован...

– Что?

– Нет, нет, я ошибся, господин судья. Они еще не прибыли... То есть я хотел сказать, что это ошибка... они в другом номере.

Администратор яростно застучал по своему звонку:

– Коридорный, коридорный!

– Это ни к чему, молодой человек, я путешествую налегке. Просто дайте мне ключ и скажите, куда идти.

– Слушаюсь, сэр!

– Надеюсь, в моем номере найдется несколько бутылок приличного виски, а?

– Если их там нет, то мы их доставим, господин судья. Какие сорта предпочитаете?

– Хорошую хлебную водку, хороший бурбон и хороший бренди. А вино – это для слабаков, верно?

– Так точно, сэр. Сию минуту, сэр!

Двадцать минут спустя, умывшись и со стаканом в руке, Префонтейн снял трубку и набрал номер доктора Рэндольфа Гейтса.

– Резиденция Гейтса, – произнес женский голос.

– Брось, Эди, я бы узнал твой голос даже под водой, а ведь прошло почти тридцать лет.

– Ваш голос мне тоже знаком, но я никак не могу вспомнить, кому он принадлежит.

– Скажем, одному неотесанному ассистенту профессора из юридической академии, который сильно допекал твоего мужа, что, впрочем, производило на него небольшое впечатление, и это хорошо, потому что я в конце концов оказался за решеткой. Я был первым из местных судей, которого отстранили от дел, – к тому же совершенно справедливо.

– Брендан? Боже правый, это ты! Я никогда не верила тому, что о тебе говорили.

– Поверь, дорогая, это правда. Но сейчас мне нужно поговорить с лордом Гейтским. Он дома?

– Наверное, хотя не могу сказать наверняка. В последнее время он мало со мной общается.

– Отношения разладились, моя милая?

– Я хотела бы поговорить с тобой, Брендан. У него появились проблемы, о которых я ничего не знала.

– Знаю, Эди, и мы обязательно с тобой о них поговорим. Но в данный момент мне необходимо поговорить с ним. Прямо сейчас.

– Я вызову его по интеркому.

– Эдит, не говори ему, что это я. Скажи, что звонит человек по имени Блэкбурн с острова Монтсеррат в Карибском море.

– Что?

– Эди, дорогая, делай, как я говорю. Это для его же блага, впрочем, и для твоего тоже – возможно, даже больше для твоего, по правде говоря.

– Брендан, он себя неважно чувствует.

– Я знаю. Давай попробуем ему помочь. Позови его к телефону.

– Подожди.

Тишина тянулась невыносимо долго, пока через две минуты, больше похожие на два часа, на другом конце линии не послышался раздраженный голос Рэндольфа Гейтса.

– Кто вы? – прошипел знаменитый адвокат.

– Расслабься, Рэнди, это Брендан. Эдит не могла меня вспомнить, а я сразу узнал ее голос. Ты счастливчик.

– Чего тебе нужно? Что ты там наплел про Монтсеррат?

– Видишь ли, я только что оттуда...

– Что?

– Я подумал, что пора взять отпуск.

– Быть того не может!.. – В шипении Гейтса появились панические нотки.

– Да что ты, еще как может, и в связи с этим вся твоя жизнь скоро изменится. Так получилось, что я встретился с одной женщиной и ее двумя детьми, которыми ты интересовался, помнишь? Это занимательная история, и я хотел бы поведать ее тебе во всех очаровательных подробностях... Ты помогал подготовить их убийство, Дэнди-Рэнди, а это табу. Строгое табу.

– Я не знаю, о чем ты говоришь! Я никогда не слышал ни про Монтсеррат, ни про какую женщину с двумя детьми. Ты безнадежный сопливый

алкоголик, и я буду отрицать твои бредовые заявления как пьяные фантазии осужденного преступника.

– Хорошо сказано, господин адвокат. Но отрицание моих заявлений вряд ли тебе поможет. И причина этому в Париже.

– В Париже?..

– Один человек из Парижа, тот, кого я считал вымышленным персонажем, но убедился, что это не так. Немного неясно, как все произошло, но на Монтсеррате случилась странная вещь. Меня спутали с тобой.

– Тебя... что? – Гейтса было едва слышно, его тонкий голос дрожал.

– Вот-вот. Странно, не правда ли? Полагаю, что, когда этот человек из Парижа пытался дозвониться тебе в Бостон, кто-то сообщил ему, что твоя имперская особа изволила куда-то отбыть, и так началась эта путаница. Мы оба блестящие юристы, оба имеем некоторое отношение к этой женщине с ее двумя детьми, и тот господин из Парижа решил, что я – это ты.

– И что произошло?

– Успокойся, Рэнди. Сейчас он, скорее всего, полагает, что ты мертв.

– Что?

– Он пытался убить меня – то есть тебя. За неповиновение.

– О боже!

– Так что, если он узнает, что ты жив и отлично себя чувствуешь в Бостоне, он не допустит второго промаха.

– Господи Иисусе!

– Но еще можно найти выход, Дэнди-Рэнди, поэтому ты должен со мной встретиться. Кстати, я чисто случайно остановился в том же номере «Рица», в котором жил ты, когда я приходил к тебе. Апартаменты «3-С», нужно всего лишь подняться на лифте. Приезжай через полчаса и помни, что я не терплю клиентов, которые опаздывают, потому что я очень занятой человек. Да, мой гонорар составляет двадцать тысяч долларов в час, так что не забудь деньги, Рэнди. Много денег. Наличными.

Готов, решил Борн, внимательно изучив свое отражение в зеркале и оставшись довольным тем, что увидел. Последние три часа он провел в подготовке к поездке в Аржентоль, в ресторан «Le Coeur du Soldat», этот пункт сбора и отправки донесений для «черного дрозда», Карлоса Шакала. Хамелеон оделся так, чтобы соответствовать той обстановке, в которой ему

предстояло оказаться; одежда была простая, лицу и телу тоже надлежало придать соответствующие черты. Для решения первой задачи потребовался поход по секонд-хэндам и ломбардам Монмартра, где он нашел потертые брюки, французскую армейскую рубашку и такую же потертую нашивку, которая указывала на то, что ее обладатель являлся раненым в бою ветераном. Решение второй задачи представляло более сложную проблему, для этого пришлось перекрасить волосы, отрастить суточную щетину и сделать еще одну повязку, на этот раз вокруг правого колена. Повязка получилась такой тугой, что Борн вряд ли бы теперь забыл о том, что для полной иллюзии необходимо прихрамывать. Его волосы и ресницы приобрели тусклый рыжий оттенок – выглядели они грязными и всклокоченными, что как нельзя лучше соответствовало новому окружению, а именно дешевому отелю в Монпарнасе, где заветным желанием администрации было как можно реже общаться со своими постояльцами.

Его раненая шея теперь скорее вызвала раздражение, чем доставляла серьезные неудобства, – либо он постепенно привыкал двигать ею осторожно и с усилием, либо начал работу таинственный процесс заживления. А неестественность движений в настоящий момент даже не являлась помехой; скорее наоборот, она была преимуществом. Разочаровавшийся в жизни инвалид войны, забытый сын Франции, получивший два ранения. Джейсон засунул пистолет Бернардина в карман брюк, проверил деньги, ключи от машины, охотничий нож в чехле – последний был куплен в магазине хозтоваров и висел на ремешке под рубашкой. После этого Борн заковылял к двери маленькой, грязной, наводящей уныние комнатки. Следующая остановка – бульвар Капуцинов и неприметный «Пежо» в подземном гараже. Он готов.

Он знал, что до остановки такси придется пройти несколько кварталов; такси были редкостью в этом районе Монпарнаса... То же относилось и к ажиотажу вокруг газетного киоска на углу. Люди кричали, многие бурно жестикулировали, сжимая в руках газеты, в их голосах слышался гнев и испуг. Борн инстинктивно прибавил шаг, дошел до ларька, бросил несколько монет и схватил газету.

У него перехватило дыхание, когда он попытался подавить шок, волнами накатывавшийся на него. Тигартен убит! Убийца – Джейсон Борн! Джейсон Борн! Это безумие, сумасшествие! Что происходит? Неужели возвращаются события в Гонконге и Макао? Или он окончательно теряет рассудок? Может быть, это ночной кошмар, но настолько реалистичный, что он оказался в его измерении, в ловушке ужасного безумного сновидения, и чудовищные, созданные воображением видения стали явью? Он вырвался из толпы, неверной походкой пересек тротуар и прислонился к каменной стене здания

– ему не хватало воздуха, шея горела от боли, мысли в беспорядке сменяли друг друга. Алекс! Телефон!

– Что случилось? – крикнул он в трубку, обращаясь к Вене, штат Виргиния.

– Успокойся и не паникуй, – спокойным голосом сказал Алекс. – Слушай меня. Я должен точно знать, где ты находишься. Бернардин подберет тебя и увезет оттуда. Он посадит тебя на рейс «Конкорда» в Нью-Йорк.

– Подожди – подожди минуту!.. Это ведь дело рук Шакала, так?

– По переданной нам информации, это было убийство, заказанное радикальной мусульманской группировкой из Бейрута. Они взяли на себя ответственность за происшедшее. Непосредственный исполнитель не так важен. Может, это и правда, а может, и нет. Поначалу я в это не верил, особенно после гибели Де Соле и Армбрустера, но сейчас начинаю думать, что все не так просто. Тигартен постоянно настаивал на том, что в Ливан необходимо направить войска НАТО и сровнять с землей каждое подозрительное палестинское поселение. Ему и раньше угрожали; и уж слишком случайной мне кажется связь с «Медузой». Но, отвечая на твой вопрос, скажу, что это, естественно, был Шакал.

– И он свалил это на меня, Карлос свалил это на меня!

– Он изобретательный мерзавец, в этом ему не откажешь. Ты приезжаешь за ним, а он подстраивает все так, что ты застреваешь в Париже.

– Тогда мы должны повернуть все в нашу пользу!

– О чем ты говоришь? Немедленно убирайся оттуда!

– Нет. Пока он будет думать, что я убегая, прячусь, скрываюсь, – я напрямик направлюсь в его логово.

– Ты с ума сошел! Убирайся оттуда, пока мы еще можем тебя оттуда вытащить!

– Нет, я останусь тут. Первое, он понимает, что я вынужден это сделать, чтобы добраться до него, но, как ты сказал, он меня заморозил. Он думает, что после всех этих лет я, как обычно, запаникую и наделаю глупостей – господи, я достаточно их наделал на Транквилити – и настолько напортачу, что его стариковская армия найдет меня, просто заглянув в нужные места и зная, кого надо искать. Видит бог, он хорошо придумал! Выведи противника из равновесия, чтобы он допустил ошибку. Я знаю его, Алекс. Я научился читать его мысли, и я его перехитрю. Буду продолжать поиски, и никакого пребывания в укрытии.

– Укрытии? Каком укрытии?

– Образное выражение, не обращай внимания. Я приехал сюда до того, как появились сообщения о смерти Тигартена, и со мной все в порядке.

– Ничего не в порядке, ты там как живая мишень! Убирайся оттуда!

– Прости, Святой Алекс, но именно здесь я сейчас хочу находиться. Я иду за Шакалом.

– Что ж, может быть, мне удастся вытащить тебя из места, к которому ты так прицепился. Пару часов назад я разговаривал с Мари. Угадай, что она мне сказала, ты, престарелый неандерталец? Она летит в Париж. За тобой.

– Ей сюда нельзя!

– Я сказал то же самое, но Мари не была расположена слушать. Она сказала, что знает все места, которыми вы с ней пользовались тринадцать лет назад, когда убегали от нас. И что ты воспользуешься ими вновь.

– Да. У меня есть несколько на примете. Но она не должна лететь сюда!

– Скажи об этом ей, а не мне.

– Какой телефон на Транквилити? Я боялся звонить ей – честно говоря, я пытался выбросить ее и детей из головы.

– Это самое здоровое заявление, которое ты сегодня сделал. Вот телефон.

Алекс по памяти назвал номер с кодом 809, и Борн тут же бросил трубку.

Закипая от ярости, Джейсон прошел мучительный процесс смены вызываемой области и номеров телефонных кредиток, который сопровождался зуммером и запинками во время установления связи с бассейном Карибского моря, и наконец, наорав на какого-то кретина, находившегося за конторкой «Транквилити Инн», Борн прорвался к своему шурину.

– Позови Мари! – приказал он.

– Дэвид?

– Да... Дэвид. Зови Мари.

– Не могу. Ее нет. Она уехала час назад.

– Куда?

– Она мне не сказала. Она наняла самолет в Блэкбурне, но не сказала, на какой остров собирается. Поблизости только Антигуа и Мартиника, но она могла полететь на Синт Маартен или в Пуэрто-Рико. Она направляется в Париж.

- Неужели ты не мог ее остановить?
- Боже, Дэвид, я старался. Черт побери, очень старался!
- Тебе не приходила в голову мысль запереть ее?
- Запереть Мари?
- Понимаю, что ты хочешь сказать... Самое раннее, она доберется сюда завтра утром.
- Ты слышал новости? – закричал Сен-Жак. – Генерал Тигартен убит, и говорят, что это сделал Джейсон...
- Заткнись, – сказал Борн, положил трубку и вышел из будки на улицу, пытаясь собраться с мыслями.

Питер Холланд, директор Центрального разведывательного управления, поднялся из-за стола и начал кричать на человека с протезом, который сидел напротив него:

- Ничего не делать? Ты что, совсем спятил?
- Это ты спятил, когда заявил о совместной англо-американской операции в Гонконге!
- Но это правда!
- Есть одна правда, а есть и другая правда, когда надо отрицать очевидное, если это может навредить организации.
- Дерьмо! Игры политиканов!
- Не согласен, мистер Чингисхан. Я знал таких же людей, которые были готовы встать к стенке и погибнуть, но не предать свои жизненные убеждения. Ты что-то не то говоришь, Питер.

Холланд сердито опустил обратно в кресло.

- Может, это вообще занятие не для меня.
- Может быть, но дай себе еще немного времени. У тебя еще есть шанс запятнать себя так же, как сделали мы все.

Директор Управления откинулся назад, запрокинул голову на спинку кресла и произнес дрогнувшим голосом:

- Я хуже вас всех, Алекс. Я до сих пор просыпаюсь по ночам и вижу лица мальчишек, которые в недоумении смотрят на меня, пока я ножом

распарываю им грудь; а в голове у меня крутится мысль, что они даже не понимают, что делают на войне и что с ними происходит.

– Либо ты, либо тебя. Они бы сделали в твоей голове дырку, будь у них такая возможность.

– Да, наверное, это так.

Директор Центральной разведки подался вперед и уставился на Конклина:

– Но мы ведь сейчас говорим не об этом.

– Можно сказать, что это вариация одной и той же темы.

– Кончай нести чушь.

– Это музыкальный термин. Я люблю музыку.

– Тогда начинай играть основную тему, Алекс. Я тоже люблю музыку.

– Хорошо. Борн исчез. Он сказал мне, что нашел укрытие – это его слово, не мое – и он уверен, что сможет добраться до Шакала. Он не сказал, что это за укрытие, и одному богу известно, когда он мне снова позвонит.

– Я послал нашего человека из посольства в «Пон-Рояль» навести справки о человеке по имени Симон. То, что они тебе сказали, – правда. Симон зарегистрировался, покинул отель и больше не возвращался. Где он?

– Держится в тени. У Бернардина была идея, как его можно выследить, но ничего не получилось. Он хотел незаметно выйти на Борна, разослав постовым номер его машины, но она так и осталась стоять в гараже, и мы оба согласились, что он за ней вряд ли придет. Сейчас он никому не доверяет, даже мне, а учитывая то, что произошло в прошлом, у него есть на это полное право.

Взгляд Холланда стал холодным и злым.

– А ты не обманываешь меня, а, Конклин?

– С какой стати я стану обманывать в такое время, когда речь идет о человеке, который столько для нас сделал?

– Это не ответ, это вопрос.

– Нет, не обманываю. Я правда не знаю, где он.

Алекс и в самом деле не знал, где Борн.

– Значит, ты считаешь, что не надо ничего предпринимать?

– А что мы можем предпринять? Все равно рано или поздно он мне позвонит.

– А ты подумал, что скажут на сенатском расследовании через пару недель или месяцев, когда все выплывет наружу, а это именно так и будет?! Мы тайно посылаем человека, известного как Джейсон Борн, в Париж, который расположен так же близко от Брюсселя, как Нью-Йорк от Чикаго...

– Думаю, даже ближе...

– Спасибо, а то я не знал... Прославленный главнокомандующий НАТО убит кем-то, кто называет себя Джейсоном Борном и берет на себя ответственность за убийство, а мы ничего никому не говорим! Господи, да меня отправят чистить галюны на буксирах!

– Но он его не убивал.

– Ты это знаешь, и я это знаю, но в прошлом с ним приключилось небольшое психическое заболевание, о котором станет известно, как только записи из нашей клиники попадут к тем, кто ведет расследование.

– Но у него была амнезия, это никак не связано с тягой к убийствам.

– Конечно, но это еще хуже. Он не помнит, что делал.

Конклин поиграл своей тростью, в его блуждающем взгляде отражалась напряженная работа мысли.

– Мне плевать, как все выглядит, но это ловушка. Все инстинкты подсказывают мне, что убийство Тигартена связано с «Медузой». Где-то как-то пересеклись два потока сообщений; какое-то сообщение было перехвачено, и начались ложные и отвлекающие маневры.

– По-моему, я знаю английский не хуже тебя, – сказал Холланд. – Но сейчас я тебя не понимаю.

– А нечего понимать, это не арифметика и не геометрическая прогрессия. Я просто не знаю... Но в этом замешана «Медуза».

– По результатам твоей работы я могу задержать Бартона из объединенного комитета начальников штабов, да и Аткинсона в Лондоне.

– Нет, не трогай их. Наблюдай за ними, но не спеши их топить. Как и Свайн, пчелы рано или поздно слетятся на мед.

– Так что ты предлагаешь?

– То же самое, что предложил, как только сюда вошел. Ничего не делать – это игра в ожидание.

Алекс неожиданно стукнул тростью по столу:

– Будь я проклят, если это не «Медуза». Точно говорю!

Лысый старик с морщинистым лицом с трудом поднялся со скамьи кабинки для исповеди в Нейл-сюр-Сьен на окраине Парижа. С усилием передвигая ноги, он добрел до второй слева исповедальни. Отдернув черный занавес, он опустился на ноющие колени перед зарешеченным окошком, скрытым за черной материей.

– Angelus domini, сын мой, – произнес голос за перегородкой. – Как ты себя чувствуешь?

– Гораздо лучше благодаря вашей щедрости, монсеньор.

– Это радует меня, но, как ты знаешь, этого мне недостаточно... Что произошло в Андерлехте? Что моя возлюбленная и щедро одаренная армия сообщает мне? Кто посмел это сделать?

– Мы разделились и работали все последние восемь часов, монсеньор. Все, что мы пока смогли выяснить, – это то, что из Соединенных Штатов прилетели двое – мы так решили, потому что они говорили на американском английском – и сняли номер в *pension de famille* напротив ресторана. Они покинули его через несколько минут после взрыва.

– Радиоуправляемая взрывчатка!

– Скорее всего, мсье. Больше нам ничего не известно.

– Но почему? Почему?

– Мы не умеем читать мысли, монсеньор.

А с другой стороны Атлантики, в богатой квартире на Бруклин Хайтс, за окнами которой красиво переливались огни Бруклинского моста и Ист-Ривер, на мягком диване развалился крестный отец со стаканчиком «Перье» в руке. Он разговаривал со своим приятелем, который сидел в кресле напротив и пил джин-тоник. Молодой человек был худой, темноволосый и очень миловидный.

– Знаешь, Фрэнки, я не просто умен, я гениален, понимаешь, о чем я? Я обращаю внимание на все нюансы – определяю, что важно, а что нет, – и тщательно все обдумываю. Я слушаю, о чем говорит малохолный *païsan*, складываю четыре и четыре и вместо восьми получаю двенадцать! Банк, господа! Вот и ответ. К примеру, этот парень, который зовет себя Джейсоном Борном, кретин, считающий себя лучшим киллером, которым он на самом деле не является, – он ничтожество, еска, наживка для рыбы покрупнее, но он именно тот, кто нам нужен, улавливаешь? Потом, одна еврейская вонючка,

будучи под кайфом, рассказывает мне все, что нужно. У этого парня только полбашки, *testa balzana*, и он часто не понимает, кто он такой и что делает, понимаешь?

– Да, Лу.

– И вот этот Борн оказывается в Париже, во Франции, в двух кварталах от по-настоящему большой помехи, расфранченного генерала, которого скромные ребята с другой стороны океана хотят убрать. *Capisce?* Понимаешь?

– Я *capisco*, Лу, – ответил симпатичный молодой человек из кресла. – Ты очень умен.

– Ты даже не знаешь, о чем я говорю, ты, *zabaglione*. Может, я вообще говорю сам с собой... Итак, у меня получается двенадцать, и я решаю, почему бы не кинуть свои верные кости, на которых всегда выпадает нужное число, понимаешь?

– Понимаю, Лу.

– Нам необходимо устранить этого чертового генерала, потому что он мешает многим хорошим людям, которым нужны наши услуги, так?

– Так, Лу. Именно меша...

– Не суетись, *zabaglione*. Так я и решаю про себя, почему бы нам его не взорвать, а потом не сказать, что это сделал тот горячий *cannoli*, ясно?

– О да, Лу. Ты по-настоящему умен.

– Так мы избавляемся от помехи и подставляем горячего канноли, этого Джейсона Борна, которого там и не было, под выстрелы, сечешь? Если мы до него не доберемся или не доберется этот Шакал, то это сделают федералы, я прав?

– Эй, это просто поразительно, Лу. Хочу сказать, я по-настоящему тебя уважаю.

– Не надо пустословия, *bello ragazzo*⁵⁷. В этом доме другие правила. Иди-ка сюда и покажи мне настоящую любовь.

Молодой человек поднялся с кресла и направился к дивану.

Мари сидела в хвосте самолета, пила кофе из пластиковой чашки, отчаянно пытаюсь вспомнить каждое место – каждое место, где можно было спрятаться и передохнуть, – которое они с Дэвидом использовали тринадцать лет назад. Это были и низкопробные кафе на Монпарнасе, дешевые отели; а еще мотель – где он был? – в десяти милях от Парижа, и гостиница с террасой в

Аржентоле, где Дэвид – Джейсон – в первый раз сказал ей, что любит ее и именно поэтому не может остаться с ней – подлый мерзавец! А потом Сакр-Кёр, на ступенях которого Джейсон – Дэвид – встретил на затененной аллее человека, который передал им нужные сведения – что же он им тогда сказал и кто это был?

– Mesdames et messieurs, – раздался голос из динамиков. – Je suis votre capitaine. Bienvenu⁵⁸.

Пилот продолжил говорить по-французски, затем он и его экипаж повторили сообщение на английском, немецком, итальянском и наконец, с помощью девушки-переводчика, на японском языке:

– Нас ожидает очень спокойный перелет в Марсель. Расчетное время полета составляет семь часов четырнадцать минут, мы приземлимся по расписанию или с небольшим опережением графика полета около шести часов утра по парижскому времени. Приятного полета.

Мари Сен-Жак Вебб посмотрела в иллюминатор – снаружи лунный свет купался в океане далеко внизу. Она долетела до Сан-Хуана, столицы Пуэрто-Рико, и пересела на ночной рейс в Марсель, где в отделении французской иммиграционной службы в лучшем случае творилась полная неразбериха, а в худшем все работали с нарочитой неряшливостью. По крайней мере так дело обстояло тринадцать лет назад, а она снова как бы оказалась в том времени. Потом она сядет на внутренний рейс до Парижа и найдет его. Как и тринадцать лет назад, она найдет его. Она должна это сделать! Как и тринадцать лет назад, если она его не найдет, мужчина, которого она любит, погибнет.

Глава 21

Моррис Панов равнодушно сидел на стуле перед окном, выходящим на фермерское пастбище где-то, как он решил, в Мэриленде. Он находился в маленькой спальне на третьем этаже в больничной пижаме, и его голая правая рука подтверждала то, что он и так отлично знал. Его накачали наркотиками – он слетал к луне – на языке тех, кто обычно проводил такие процедуры. Его психику изнасиловали, грубо проникли в мозг, его самые сокровенные мысли и секреты с помощью химических препаратов вытащили наружу и обнажили.

Урон, который он при этом нанес, невозможно было измерить, и Панов это понимал; а чего он не понимал, так это почему он еще жив. Что еще более озадачивало – это весьма почтительное к нему отношение. Почему его охранник с глупой физиономией так вежлив, а пища такая обильная и хорошая? Как будто его похитители хотели, чтобы он поправил здоровье,

сильно ослабленное наркотиками, и старались с возможно большими удобствами устроить его при таких сложных обстоятельствах. Но почему?

Открылась дверь, и вошел его охранник в маске, невысокий коренастый человек с хрипловатым голосом, по предположению Панова, выходец откуда-то из северо-восточной части Соединенных Штатов или Чикаго. В другой ситуации он бы мог показаться комичным, со слишком массивной головой для этой нелепой повязки супергероя комиксов, которая несколько бы не помешала в случае чего тут же его опознать. Однако в данный момент он вовсе не казался смешным, сама его обходительность пугала. Через его левую руку была перекинута одежда психиатра.

– Вам пора одеваться, док. Я проследил, чтобы все почистили и погладили, даже белье. Как вам это понравится?

– Хотите сказать, что у вас здесь есть химчистка и прачечная?

– Конечно, нет, мы все отвозим в – э, нет, вы меня так не подловите, док! – Охранник обнажил в улыбке желтоватые зубы. – Неплохо соображаете. Решили, что я скажу вам, где мы находимся, да?

– Да нет, просто интересно.

– Да, конечно. Это как мой племянник, сын моей сестры, ему тоже все всегда «просто интересно», и он задает мне такие вопросы, на которые совсем не хочется отвечать. Типа: «Слушайте, дядюшка, а как это вы устроили меня в медицинский институт, а?» Да! Он врач, как и вы, ну, что вы на это скажете?

– Скажу, что брат его матери очень великодушный человек.

– Это да, неплохо, правда?.. Ладно, док, натягивайте ваши шмотки, и мы немножко покатаемся.

Охранник протянул Мо его одежду.

– Думаю, глупо спрашивать, куда мы поедem, – заметил Панов, вставая со стула. Он снял больничную пижаму и надел трусы.

– Очень глупо.

– Думаю, все же не настолько глупо, как то, что ваш племянник ничего не говорит вам о кое-каких признаках заболевания, которые бы меня насторожили, будь я на вашем месте, – заметил Мо, натягивая брюки.

– О чем это вы?

– Да так, – ответил Панов, надев рубашку и наклоняясь, чтобы натянуть носки. – Когда вы в последний раз виделись с племянником?

- Пару недель назад. Я положил немного денег на его страховку. Черт, эти матери просто вымогательницы!.. А вам-то что до того, когда я видел этого обормота?
- Просто интересно, не сказал ли он вам чего-нибудь.
- Насчет чего?
- Насчет вашего рта. – Мо, зашнуровывая ботинки, кивнул. – Над столиком есть зеркало, взгляните сами.
- На что? – Мафиози быстро подошел к зеркалу.
- Улыбнитесь.
- Кому?
- Себе... Видите желтизну на зубах и как изменяется цвет десен снизу вверх?
- Ну и что? Они всегда были такими...
- Возможно, что ничего страшного и нет, но он должен был это заметить.
- Господи, заметить что?
- Амелобластома ротовой полости. Вероятно.
- Это еще что за гадость? Я не люблю чистить зубы и ходить к зубным врачам. Они все просто мясники!
- Хотите сказать, что уже довольно долго не посещали дантиста или ортодонта?
- Допустим. – Охранник вновь оскалился перед зеркалом.
- Это может объяснить, почему ваш племянник ничего вам не сказал.
- И почему?
- Скорее всего, он полагает, что вы регулярно проверяете зубы, поэтому вам это должен объяснить специалист.
- Закончив шнуровать ботинки, Панов выпрямился.
- Я вас не понимаю.
- Видите ли, он благодарен за все, что вы для него сделали, он ценит вашу щедрость. Я могу понять, почему он не решается вам сказать.
- Сказать что? – Итальянец отвернулся от зеркала.
- Я могу ошибаться, но, по-моему, вам следует посетить пародонтолога. – Мо надел пиджак. – Я готов, – сказал он. – Что дальше?

Мафиози покосился на Панова, его лоб пересекли морщины недоверия и непонимания. Он залез в карман и вытащил большой черный платок.

– Простите, док, придется завязать вам глаза.

– Это из милосердных побуждений? Чтобы, когда вы соберетесь всадить мне в голову пулю, я не знал об этом?

– Нет, доктор. Для вас не будет пиф-паф. Вы слишком ценный.

– Ценный? – задал риторический вопрос крестный отец в своей богато украшенной гостиной на Бруклин Хайтс. – Словно золотую жилу целиком вынули из земли и положили вам на тарелку. Этот еврей промывал мозги самым крупным фигурам в Вашингтоне. Его сведения по ценности равняются стоимости Детройта.

– Луис, вам их не получить, – заметил одетый в дорогой костюм привлекательный мужчина средних лет, сидящий напротив своего собеседника. – Их надежно спрячут и доставят в такое место, где вы их не достанете.

– Что ж, мы над этим работаем, мистер Парк Авеню Манхэттен. Скажем – ну, смеха ради, – что мы их раздобыли. Во сколько вы их оцените?

Гость позволил себе тонкую аристократическую улыбку.

– В стоимость Детройта, – ответил он.

– *Va bene!* Вы мне нравитесь, люблю людей с чувством юмора.

Так же быстро, как на нем появилась улыбка, лицо мафиози стало серьезным, даже пугающим.

– Наша пятимиллионная сделка насчет этого Борна-Вебба еще в силе, не правда ли?

– С небольшим дополнительным условием.

– Я не люблю дополнительные условия, мистер Юрист, просто терпеть их не могу.

– Мы можем обратиться к кому-нибудь еще. Вы не одни такие в этом городе.

– Позвольте мне вам кое-что объяснить, *Signor Avvocato*. По большому счету мы – мы – единственные в этом городе. Мы не устраиваем разборок с другими семьями, понимаете, о чем я? Наш совет решил, что разборки – это слишком личное, это развращает.

– Так вы хотите узнать мое условие? Оно должно вам понравиться.

- Валяйте.
- Нельзя ли сказать это иначе...
- Рассказывайте.
- Вы получите бонус в размере двух миллионов, потому что мы настаиваем, чтобы вы занялись женой Вебба и его правительственным дружкой Конклином.
- Заметано, мистер Парк Авеню Манхэттен.
- Хорошо. Теперь о других делах.
- Хочу поговорить с вами про нашего еврея.
- О нем мы поговорим...
- Сейчас.
- Не пытайтесь мной командовать, – сказал адвокат одной из крупнейших контор на Уолл-стрит. – Вы не в том положении, вор59.
- Эй, farabutto! Не смейте так со мной разговаривать!
- Я буду разговаривать с вами так, как мне удобно... С виду, и это помогает вам во время переговоров, вы очень мужественны, этакий мачо. – Юрист невозмутимо закинул ногу на ногу. – Но внутри вы другой, не так ли? У вас податливое сердце или, может быть, кое-что еще, когда дело касается молодых мужчин.
- Silenzio! 60 – Итальянец вскочил с дивана.
- Я не собираюсь использовать эти сведения вам во вред. С другой стороны, не думаю, что обсуждения прав сексменьшинств занимают первое место в повестке дня собраний коза ностры, как вы полагаете?
- Ах вы, сукин сын!
- Знаете, когда я был молодым военным адвокатом в Сайгоне, мне довелось защищать лейтенанта-кадровика, замеченного в flagrante delicto61 с вьетнамским мальчишкой, который зарабатывал на жизнь проституцией. С помощью юридических ухищрений, используя допускающие двоякое толкование положения военного кодекса в отношении гражданских лиц, мне удалось спасти его от позорного изгнания, но было очевидно, что ему придется оставить службу. К сожалению, он так и не вернулся к нормальной жизни – застрелился через два часа после оглашения приговора. Видите ли, он стал изгоем, позорящим своих сослуживцев, и не смог этого вынести.

– Говорите, что вы там хотели, – произнес крестный отец Луис тихим и подавленным голосом, полным ненависти.

– Благодарю... Во-первых, я оставил конверт на столике в вашей прихожей. В нем гонорар за трагическую гибель Армбрустера в Джорджтауне и не менее трагическое убийство Тигартена в Брюсселе.

– Из того, что мы вытянули из еврейского доктора, – перебил мафиози, – следует, что вас интересуют еще двое. Посол в Лондоне и тот адмирал из объединенного комитета. Не хотите прибавить еще один бонус?

– Может быть, чуть погодя, не сейчас. Им мало что известно, а про финансовые операции они вообще ничего не знают. Бартон считает, что мы представляем собой организацию, лоббирующую определенные интересы ультраконсервативных ветеранов Вьетнама. С юридической точки зрения это для него проблема, но нельзя забывать, что он патриот. Аткинсон просто богатый дилетант, он делает то, что ему говорят, но он не знает, зачем это делает и кто это придумал. Он сделает что угодно, лишь бы ублажить английское правительство; и он был связан только с Тигартеном... Конклин напал на настоящую жилу в лице Свайна, Армбрустера, Тигартена и, естественно, Де Соле, но последние два – всего лишь прикрытие, респектабельное прикрытие. Интересно, как это получилось?

– Когда я это выясню, а я выясню это, то бесплатно сообщу вам.

– Да? – Адвокат поднял брови. – И как вы это сделаете?

– Мы это обсудим потом. Что у вас еще?

– Две вещи, обе чрезвычайно важные, и первую я сообщу вам тоже бесплатно. Избавьтесь от своего любовника. Он ходит туда, куда ему ходить не следует, и сорит деньгами, как дешевый ффраер. Говорят, он хвастает своими связями с высшим светом. Мы не знаем, что еще он говорит и что ему известно, но он нас беспокоит. Думаю, вам это тоже небезразлично.

– *Il prostituto!* – взревел Луис, ударив сжатым кулаком по подлокотнику дивана. – *Il pinguino!* Ему не жить.

– Принимаю вашу благодарность. Другая вещь гораздо более важная, для нас, естественно. Это дом Свайна в Манассасе. Пропала книга, дневник, который адвокат Свайна в Манассасе – наш адвокат в Манассасе – не смог найти. Он лежал на полке, в таком же переплете, как и весь ряд книг на полке. Тот, кто это сделал, должен был точно знать, какую книгу брать.

– Так чего вы от меня хотите?

– Садовник был вашим человеком. Он делал там свою работу, и ему дали единственно надежный телефонный номер, а именно телефон Де Соле.

– И что?

– Чтобы выполнить свою миссию и наверняка подстроить самоубийство, он должен был тщательно изучить распорядок дня Свайна. Вы сами мне про это все уши прожужжали, когда затребовали свой грабительский гонорар. Не так сложно представить, как ваш человек заглядывает через окно в кабинет Свайна, где предположительно Свайн покончил с собой. Через какое-то время ваш человек замечает, что генерал постоянно берет с полки одну и ту же книгу, что-то в нее записывает и возвращает на прежнее место. Это должно было его заинтересовать; он должен был решить, что книга содержит ценные записи. Так почему ему ее не взять? Я бы взял, и вы тоже. Так где же она?

Мафиози медленно, угрожающе поднялся на ноги:

– Послушайте меня, *avvocato*, бросайте эти свои прозрачные намеки, у нас нет никакой книги, и вот как я могу вам это доказать! Если бы у меня были в письменном виде какие-то сведения, компрометирующие вас, я бы уже махал ими перед вашим носом, *carisce*!

– В этом есть доля истины, – заметил элегантно одетый адвокат, переменив позу и снова закидывая ногу на ногу, пока обиженный мафиози с угрюмым видом садился обратно на диван. – Это Фланнаган, – продолжал юрист с Уолл-стрит. – Конечно же... Фланнаган. Он и его сучка парикмахерша должны были как-то подстраховаться, без сомнения, с нарушением условий сделки. Честно говоря, это меня успокаивает. Они не смогут этим воспользоваться, не выдав себя. Примите мои извинения, Луис.

– Вы закончили?

– Похоже, что так.

– Теперь поговорим о еврейской вонючке.

– А что такое?

– Как я уже говорил, он просто золотая россыпь.

– Полагаю, без историй болезней своих пациентов он немного стоит.

– Ошибаетесь, – возразил Луис. – Как я уже сообщал Армбрустеру до того момента, когда он стал для вас помехой, у нас тоже есть врачи. Специалисты всех областей медицины, включая тех, которые занимаются моторикой и, как вам нравится это называть, «управлением механизмом памяти с помощью

внешнего воздействия» – я специально запомнил. Это просто новый вид пушки у вашего виска, только после выстрела не будет крови.

– Похоже, это что-то интересное.

– Можете поспорить на свой загородный клуб. Мы собираемся перевезти нашего еврея в одно место в Пенсильвании, что-то вроде частной лечебницы для состоятельных людей, где они проходят реабилитацию от алкогольной или наркотической зависимости, думаю, вы понимаете?

– Пожалуй, да. Там самое передовое оборудование, превосходный обслуживающий персонал, хорошо охраняемая территория.

– Конечно, вы все это знаете. Такие, как вы, часто там оказываются...

– Продолжайте, – перебил адвокат, взглянув на свой золотой «Ролекс», – у меня мало времени.

– Не торопитесь. По словам моих специалистов – я намеренно использую слово «мои», – по заранее составленному расписанию, скажем, через каждые четыре или пять дней, новый пациент «отправляется на луну» – бог свидетель, они сами так говорят, я ничего не придумываю. Между этими сеансами к нему относятся как нельзя лучше, правильно кормят, проводят процедуры, заставляют много спать, ну и так далее... Мы должны заботиться о своем здоровье, так, avvocato?

– Некоторые из нас регулярно играют в сквош.

– Ха, простите меня, мистер Парк Авеню Манхэттен, но я сквош заменяю перцем зуччини, и я его ем.

– Иногда языковые и культурные различия дают о себе знать, не так ли?

– Да, не могу с вами не согласиться, Consigliere⁶².

– Это естественно. Правда, мой титул – всего лишь адвокат.

– Дайте мне время. Он может превратиться в Consigliere.

– Луис, у нас не настолько длинные жизни. Вы продолжите или я пойду?

– Продолжу, господин адвокат... Так вот, каждый раз, когда, как говорят мои специалисты, эта еврейская вонючка отправляется на луну, он находится в отличной форме, понимаете?

– Периодические ремиссии – по-моему, это нормально. Впрочем, я не врач.

– Не знаю, о чем вы там сейчас говорили, но я тоже не врач, поэтому поверю моим специалистам на слово. Получается, что каждый раз, когда его отправляют в путешествие, его разум и память превосходно работают, и ему

начинают скармливать одно имя за другим. Многие, может быть, большинство не вызовут никакой реакции, но время от времени одно вызовет, а потом еще одно и еще. По каждому такому имени они начинают делать то, что называется зондированием, – выуживают кусочки информации, достаточные, чтобы составить приблизительный портрет пациента, о котором он говорит, и достаточные, чтобы до смерти напугать мерзавца, когда до него доберутся. Не забывайте, что времена сейчас тяжелые, а этот Небебз врачует самых жирных котов Вашингтона, в том числе и из правительства. Что вы на это скажете, господин адвокат?

– Это действительно интересно, – медленно ответил гость, изучающе глядя на крестного отца. – Конечно, его медицинские карты были бы гораздо предпочтительнее.

– Что ж, да, как я уже говорил, мы над этим работаем, но получение карт займет какое-то время. А это можно сделать прямо сейчас, immediately⁶⁴. Он будет в Пенсильвании через пару часов. Хотите заключить сделку? Со мной?

– Насчет чего? Того, чего у вас нет и, вероятно, никогда не будет?

– Эй, бросьте, кто я, по-вашему?

– Уверен, вам не понравится, если я скажу...

– Прекратите. Допустим, через день-другой или через неделю мы встречаемся, и я даю вам список имен, которые могут вас заинтересовать, по каждому из которых нам что-то известно – или, скажем, вскоре станет известно. Вы выбираете одно-два имени или не выбираете вообще, ведь вы ничего не теряете. Никто ничего не узнает, потому что это наша личная сделка. Кроме моего специалиста и его ассистента, никто не участвует, а они вас не знают, так же как вы не знаете их.

– Сделка на стороне, да?

– Можно и так сказать. В зависимости от информации я установлю стоимость. Миллион-другой, или двадцать, или вообще бесплатно, кто знает? Все будет по-честному, потому что я хочу продолжать вести с вами дела, carisse.

– Занятное предложение.

– Знаете, что говорит мой специалист? Мы могли бы открыть сеть загородных домов отдыха, как он выразился. Сцапать дюжину вонючек со связями в правительстве, например, в Сенате или даже Белом доме...

– Понимаю, – перебил адвокат, поднимаясь с кресла, – но мне пора... Составьте мне список, Луис.

Гость направился к небольшой, отделанной мрамором прихожей.

– Надеюсь, вы не принесли с собой никаких адских машинок, Signor Avvocato? – спросил мафиози, тоже поднимаясь с дивана.

– Чтобы порадовать детекторы у вас в дверях?

– Эй, вы же понимаете, мир снаружи так жесток.

– Спасибо, что открыли мне глаза.

Адвокат с Уолл-стрит ушел, и, как только за ним захлопнулась дверь, Луис бросился через всю комнату к инкрустированному столу в стиле королевы Анны и буквально вцепился во французский телефон из слоновой кости – как обычно, пару раз свалив высокий изящный аппарат, прежде чем взять трубку одной рукой, а другой набрать номер.

– Проклятый телефон, – бормотал он. – Черт бы побрал этого декоратора!.. Mario?

– Привет, Лу, – произнес приятный голос человека, который находился в Нью-Рошель. – Ты ведь звонишь, чтобы поздравить Энтони с днем рождения, так?

– Кого?

– Моего мальчика, Энтони. Ему сегодня пятнадцать исполняется, ты что, забыл? Вся семья собралась в саду, нам только тебя не хватает, кузен. И видел бы ты мой сад в этом году, Лу. Я просто художник.

– И, возможно, кое-кто еще.

– Не понял?

– Купи Энтони подарок, а мне пришли счет. Ему уже пятнадцать, так что купи шлюху. Он готов к взрослой жизни.

– Лу, это слишком. Есть и другие вещи...

– Есть только одна вещь, Марио, и я хочу услышать правду из твоих уст, или мне придется их у тебя вырезать!

В Нью-Рошель возникла небольшая пауза, пока палач с приятным голосом не заговорил вновь:

– Я не заслуживаю такого обращения, cugino.

– Это как сказать. Из дома того генерала в Манассасе пропала книга, очень ценная книга.

– Значит, они уже обнаружили пропажу?

– Проклятье! Это ты ее взял?

– Я, Лу. Хотел подарить ее тебе, но потерял.

– Ты потерял ее? Каким образом, ты что, в такси ее оставил?

– Нет, я спасал свою шкуру. Этот маньяк с фейерверками, как его, Вебб, разрядил в меня обойму у выезда из поместья. Он меня ранил, я упал, и чертова книга вылетела у меня из рук – а тут как раз подъехала полиция. Он схватил книгу, а я на всех парах побежал к забору.

– Так она у Вебба?

– Получается, что так.

– Святые угодники!..

– Еще что-нибудь, Лу? Мы собираемся зажечь свечи на торте.

– Да, Марио, ты можешь понадобится мне в Вашингтоне – надо разобратся с одним человеком без ноги, но с книгой.

– Эй, минутку, sugino, ты знаешь мои правила. Месяц отдыха между деловыми поездками. Сколько я был в Манассасе? Шесть недель? А прошлым маем в Ки Уэст – три, почти четыре недели? Мне некогда позвонить, некогда написать открытку – нет, Лу, месяц. У меня есть обязательства перед Энджи и детишками. Я не хочу быть родителем на расстоянии; им надо показывать пример, понимаешь?

– У меня Оззи Нельсон вместо кузена. – Луис с силой бросил телефон на стол и тут же вновь его поднял; на хрупкой трубке слоновой кости появилась трещина. – Лучший убийца в нашем деле, но какой же кретин, – бормотал крестный отец, вновь яростно набирая номер.

Когда подняли трубку на другом конце линии, тревога и злоба пропали из его голоса – их нельзя было услышать, но они не исчезли.

– Привет, Фрэнки, дорогой, как поживает мой дружок?

– О, привет, Лу, – раздался журчащий, немного нерешительный томный голос из дорогой квартиры в Гринвич-Вилидж. – Можно, я перезвоню тебе через пару минут? Я сейчас сажаю маму в такси, она уезжает в Джерси. Хорошо?

– Конечно, милый. Жду.

Маму? Вот проститутка! Il pinguino! Луис подошел к украшенному зеркалами мраморному бару, где над бутылками виски летали розовые ангелы в стиле Лалика. Он наполнил стакан и сделал несколько глотков, которые его немного успокоили. Зазвонил телефон, встроенный в бар.

- Да, – сказал он, аккуратно взяв хрустальную трубку.
 - Это Фрэнки, Лу. Я попрощался с мамой.
 - Ты молодец, Фрэнки. Не забываешь свою маму.
 - Никогда не забываю, Лу. Ты меня этому научил. Ты сказал, что устроил своей матери самые пышные похороны в Восточном Хартфорде.
 - Да, я снял целую чертову церковь.
 - Это просто замечательно.
 - Давай займемся еще кое-чем замечательным, лады? Сегодня был такой бурный день, Фрэнки, понимаешь меня?
 - Конечно, Лу.
 - Вот и отлично. Мне нужно немного расслабиться. Приезжай ко мне, Фрэнки.
 - Лечу так быстро, как едет такси, Лу.
- Prostituto! Для Болтуна Фрэнки это будет его последняя встреча.

Элегантно одетый адвокат прошел по улице два квартала на юг и один квартал на восток, где его ждал лимузин у подъезда другого впечатляющего особняка на Бруклин Хайтс. Коренастый водитель средних лет приветливо болтал с одетым в форму швейцаром, с которым уже успел неплохо познакомиться. Увидев хозяина, водитель быстро подошел к задней дверце лимузина и открыл ее. Через несколько минут они уже двигались в потоке машин в сторону моста.

В тишине салона лимузина адвокат расстегнул свой пояс из крокодильей кожи, надавил на нижний и верхний ободки пряжки, и к его ногам выпала маленькая коробочка. Он взял ее и застегнул ремень.

Держа картридж так, чтобы на него падал свет через тонированные стекла машины, он внимательно осмотрел миниатюрный диктофон, включавшийся голосом. Это было замечательное устройство, достаточно маленькое и с механизмом, выполненным из пластика, что позволяло проносить его незамеченным через самые современные детекторы. Адвокат подался вперед и заговорил с водителем.

- Вильям?
- Да, сэр. – Водитель посмотрел в зеркало заднего обзора и увидел протянутую руку хозяина; он взял то, что в ней лежало.

– Будь добр, отвези это домой и все перепиши на кассету.

– Слушаюсь, господин майор.

Юрист с Манхэттена откинулся назад на сиденье, улыбаясь про себя. Теперь он получит от Луиса все, что угодно. У мафии не принято заключать сторонние сделки, затрагивающие интересы всей семьи, не говоря уже о том, что Луис признался в своей не совсем традиционной ориентации.

Моррис Панов сидел с завязанными глазами на переднем сиденье седана, рядом со своим охранником, его руки были не туго, практически только для видимости, связаны, как будто мафиози считал, что выполняет излишние распоряжения. Они в молчании ехали уже почти полчаса, когда охранник заговорил.

– Кто такой этот пара-о-донтолог? – спросил он.

– Челюстно-лицевой хирург, врач, обученный лечить заболевания зубов и десен в ротовой полости пациента.

Тишина. Семь минут спустя:

– А что за заболевания?

– Любые, от инфекций и удаления зубного нерва до более сложного хирургического вмешательства, обычно совместно с онкологом.

Тишина. Четыре минуты спустя:

– А зачем этот последний, как его, «около» кто-то?

– На случай рака челюсти. Если вовремя заметить, болезнь можно остановить, просто удалив часть кости... Если же запустить, придется расстаться со всей челюстью.

Панов почувствовал, как машину слегка занесло, когда водитель на мгновение потерял контроль над собой.

Тишина. Через полторы минуты:

– Что, со всей челюстью целиком? Это же пол-лица!

– Либо так, либо придется целиком расстаться с жизнью.

Через полминуты:

– Думаете, у меня что-то похожее?

– Я врач, а не распространитель слухов. Я просто заметил симптомы, я не проводил диагностику.

– Так, черт возьми, проведите эту вашу, как вы сказали?!

– Но я не специалист в этой области.

– Проклятие! Но вы же врач, ведь так? Я хочу сказать, настоящий врач, а не fasullo65, который называет себя врачом, но у которого нет ни одного настоящего диплома.

– Если вы хотите знать, закончил ли я медицинский институт, тогда да, я именно такой врач.

– Так осмотрите меня!

– Не могу. У меня глаза завязаны.

Неожиданно Панов почувствовал, как здоровая ручища охранника схватила его за голову и содрала повязку. Полутемный салон автомобиля ответил на вопрос, интересовавший Мо: «Как можно ехать в машине с пассажиром, у которого завязаны глаза?» Это не было проблемой при езде в такой машине – за исключением ветрового стекла, окна были не просто тонированы, они были практически черные, а значит, снаружи они просто черные. То есть нельзя разглядеть, что происходит внутри.

– Давайте, осматривайте! – не отрывая глаз от дороги, мафиози неуклюже наклонил свою большую голову к Панову; он обнажил зубы, словно ребенок, строящий зверские рожи зеркалу, и снова крикнул: – Так что вы видите?!

– Здесь слишком темно, – ответил Мо, увидев через переднее стекло именно то, что ему было нужно: они ехали по проселочной дороге, такой узкой и проселочной, хуже которой могла быть только просто грязь. Куда бы его ни везли, его везли туда круглым путем.

– Так откройте чертово окно! – взвился охранник, все еще неестественно выгибая шею и стараясь не спускать глаз с дороги; его поза с разинутым ртом напоминала карикатурное изображение кита, которого тошнит. – И не вздумайте ничего скрывать. Я сломаю этому гаденышу все пальцы! Будет делать операции локтями!.. Говорил ведь своей дуре сестре, что не будет из этого мозгляка толку. Все время читает книжки, на улицу не показывается, понимаете, о чем я?

– Если вы на мгновение прекратите орать, я смогу вас осмотреть, – сказал Панов, опустив стекло со своей стороны, за которым проносились лишь деревья и плотный подлесок наполовину заброшенной дороги, которую и найти-то, пожалуй, было можно не на каждой карте.

– Так, посмотрим, – продолжал Мо, поднимая свои нетуго связанные руки к лицу мафиози, но глядя на дорогу впереди. – О боже мой! – закричал он.

– Что там такое? – заорал охранник.

– Гной. Гнойники повсюду. На нижней и верхней челюсти. Очень плохой знак.

– О господи! – Машина резко вильнула, но все-таки не так сильно, как было нужно Мо.

Огромное дерево. Впереди. На левой стороне этой пустынной дороги! Моррис Панов протянул свои связанные руки к рулю, привстал с сиденья и крутанул баранку влево. За секунду до того, как машина врезалась в дерево, он отскочил вправо и успел сгруппироваться.

Удар был чудовищным. Осколки стекла и искореженный металл смешались со струями пара, вырывавшимися из развороченных цилиндров, а горящие ручейки вязкого масла потекли к бензобаку. Охранник стонал и был практически без сознания, его лицо заливала кровь. Панов выволок его из разбитой машины и оттащил в траву как можно дальше, насколько хватило сил, и тут рванул бензобак.

В густой влажной траве, немного придя в себя, но все еще ощущая страх, Мо освободил руки от повязки и вытащил из лица своего охранника осколки стекла. Потом он проверил, целы ли у того кости – подозрение вызывали правая рука и левая нога, и с помощью канцелярского набора, стянутого из гостиницы, названия которой он никогда не слышал и который он вынул из кармана итальянца, Панов написал ручкой свое заключение. Кроме того, он обнаружил пистолет – марку он определить не смог, – но тот был слишком большим и тяжелым для его кармана, да и пояс провисал под его тяжестью.

Хватит. У врачей тоже есть пределы терпению.

Панов обыскал одежду охранника, удивившись количеству денег – около шести тысяч долларов – и набору водительских удостоверений – пять разных удостоверений из пяти штатов. Он забрал деньги и удостоверения, чтобы передать их Алексу Конклину, но не тронул оставшегося содержимого кошелька итальянца. Там лежали фотографии семьи, детей, внуков и другой родни – где-то среди них был молодой хирург, которого за деньги засунули в медицинский институт.

– Ciao, amico66, – мысленно произнес Мо, на четвереньках выбрался на дорогу, встал на ноги и начал приводить в порядок свою одежду, стараясь по возможности вернуть ее в такое состояние, чтобы она внушала доверие.

Здравый смысл говорил ему, что следует продолжать идти на север, куда ехала машина; возвращаться на юг было не только бесполезно, но и просто опасно. Неожиданно его поразила одна мысль.

Бог ты мой! Неужели я это сделал?

Он начал дрожать, но его натренированная часть сознания говорила ему, что это просто посттравматический стресс.

Черт побери, ну ты и осел. Это был не ты!

Он направился вперед, и все шел и шел. Это был даже не проселок – просто заброшенная дорога. Нигде не было видно никаких признаков цивилизации: ни одного следа автомобиля, никаких построек – даже развалин старой фермы или хотя бы примитивной каменной стены, которая могла указать на то, что здесь ступала нога человека. Мо проходил милю за милей, борясь с последствиями наркотического истощения. А сколько же прошло времени? У него отобрали часы, которые в маленьком окошке показывали день недели и дату, так что он не имел ни малейшего понятия о том, который был час и сколько времени минуло с того момента, когда его похитили из госпиталя Вальтера Рида. Ему нужно найти телефон. Нужно связаться с Алексом Конклином! Вскоре должно что-то произойти!

И оно произошло.

Он услышал нарастающий шум двигателя и обернулся. С юга на большой скорости приближался красный автомобиль – он просто летел, как будто педаль газа вдавили в пол. Панов энергично замахал руками, сигнализируя, что ему нужна помощь. Никакого эффекта; силуэт машины пронесся мимо него... потом, к его радостному удивлению, в воздух поднялась туча пыли и раздался визг тормозов. Автомобиль остановился! Он бросился бежать вперед, покрышки закрипели, и машина дала задний ход. Он вспомнил слова матери, которая не уставала их ему повторять, когда он еще был мальчишкой из Бронкса:

– Всегда говори только правду, Моррис. Это защита, которую нам послал господь, чтобы мы оставались благочестивыми.

Панов не был готов подписаться под таким заявлением, но иногда он чувствовал, что такой подход помогает общению с окружающими. Похоже, сейчас как раз такой случай. Немного запыхавшись, он подошел к опущенному стеклу со стороны пассажирского сиденья красной машины. Мо взглянул внутрь на женщину, сидевшую за рулем, – это была блондинка с волосами цвета платины, лет тридцати пяти, с сильно накрашенным лицом и объемным бюстом, заключенным в кофточку с таким вырезом, который больше соответствовал порнофильму, чем богом забытой дороге в Мэриленде. Несмотря на это, слова матери снова зазвучали у него в голове, и он сказал правду:

– Мадам, я понимаю, что выгляжу довольно потрепанным, но, уверяю вас, это только внешняя сторона. Я врач, и я оказался в аварии...

– Садитесь, умоляю вас!

– Большое вам спасибо.

Как только Мо закрыл дверь, женщина сменила передачу, набрала максимальную скорость, и машина практически взлетела над дорогой.

– Похоже, вы торопитесь, – заметил Панов.

– На моем месте вы бы тоже торопились, приятель. Где-то позади мой муженек ремонтирует свой грузовик, чтобы ехать за мной!

– Да что вы?

– Тупой придурок! Он три недели в месяц колесит по стране и по дороге не пропускает ни одной потаскухи, а стоит ему узнать, что я тоже немного позабавилась, как он начинает сходить с ума.

– О, мне так жаль.

– Вам будет еще и не так жаль, если он нас догонит.

– Прошу прощения?

– Вы правда врач?

– Да.

– Что ж, это хорошо.

– Прошу прощения?

– Вы в состоянии сделать аборт?

Моррис Панов закрыл глаза.

Глава 22

Почти час Борн шагал по улицам Парижа, пытаясь собраться с мыслями, и в конце концов дошел до моста Солферино через Сену, который другим своим концом упирался в набережную и сады Тюильри. Он прислонился к ограждению и стал невидящим взглядом следить за лодками, лениво бороздившими воду внизу, а в голове его молотом стучал вопрос: почему, почему, почему? Да что это Мари себе позволяет? Лететь в Париж! Это была не просто глупая затея, это был идиотизм – а ведь его жена не была ни дурой, ни идиоткой. Она была очень умной женщиной с отличным самообладанием и острым аналитическим умом. Это и делало ее решение таким непонятным. Что она надеялась сделать? Ведь ей прекрасно известно, что ему безопасней

работать одному, чем еще и беспокоиться за нее, одновременно выслеживая Шакала. Даже если она его найдет, для них обоих риск возрастет вдвойне, а это-то она просто обязана была знать. Цифры и прогнозы были ее профессией. Так почему же?

Был только один разумный ответ, и он приводил Борна в ярость. Она думала, что он опять может сорваться в пропасть, как это уже случилось в Гонконге, где она одна смогла привести его в чувство, вернуть в реальный мир, полный пугающих недомолвок и смутных воспоминаний, с которыми она успела смириться за пройденные вместе годы. Боже, как он ее обожал; он ее так любил! А то обстоятельство, что она пошла на этот глупый, идиотский, непонятный шаг, только усиливало эту любовь, потому что это было так бескорыстно, так невероятно самозабвенно. На Дальнем Востоке бывали моменты, когда он страстно желал умереть, чтобы только загладить свою вину перед ней за то, что ставил ее в такие опасные – непонятные? – ситуации. Чувство вины не ушло, оно всегда было с ним, но стареющий человек в нем не забывал и еще кое о чем. О детях. Поэтому раковую опухоль Шакала необходимо вырезать из их жизни раз и навсегда. Неужели она этого не понимает и не может на время оставить его одного?

Нет. Потому что она летела в Париж не для того, чтобы спасти его жизнь, – она была уверена в способности Джейсона Борна позаботиться о себе. Она летела в Париж, чтобы спасти его разум. Я справлюсь, Мари. Я могу, и я справлюсь!

Бернардин. Вот кто ему поможет. Второе бюро в состоянии задержать ее в аэропорту Орли или Шарль де Голль. Задержать и схватить, взять под стражу и поселить в отеле, где никто о ней не узнает. Джейсон добежал от моста Солферино до набережной Тюильри и влетел в первую же попавшуюся телефонную будку.

– Вы сможете это сделать? – спросил Борн. – У нее только один паспорт, и он американский, а не канадский.

– Попробую, – ответил Бернардин, – но без помощи Бюро. Не знаю, что вам сообщил Святой Алекс, но меня сняли с должности консультанта и, полагаю, выкинули мой рабочий стол в окно.

– Вот дерьмо!

– Трнадцать *merde, mon ami*. На набережной д'Орсе хотят, чтобы я сгорел вместе с одеждой, и, не будь мне кое-что известно про некоторых членов Ассамблеи, они, без сомнения, возродили бы заново казнь на гильотине.

– Сможете сунуть немного денег людям из иммиграционной службы?

– Надеюсь, Бюро не так быстро распространяется о своих внутренних скандалах, поэтому будет лучше, если я стану действовать, пользуясь утраченным служебным положением. Скажите ее полное имя.

– Мари Элиза Сен-Жак Вебб...

– Ах да, теперь я вспоминаю, Сен-Жак, во всяком случае, – перебил Бернардин. – Известный канадский экономист. В газетах были ее фотографии. *La belle mademoiselle*⁶⁷.

– Она могла вполне обойтись без этого публичного афиширования.

– Согласен.

– Алекс что-нибудь говорил про Мо Панова?

– Вашего друга-врача?

– Да.

– Боюсь, что нет.

– Проклятие!

– Позволю себе дать вам совет – сейчас вам следует больше думать о себе.

– Понимаю.

– Вы заберете машину?

– А стоит?

– Честно говоря, на вашем месте я бы не стал. Хотя и маловероятно, но это может привести их на мой след. А это уже риск, правда, небольшой.

– Я тоже об этом подумал. Поэтому купил схему метро. Буду пользоваться подземкой... Когда вам можно снова позвонить?

– На объезд аэропортов потребуется четыре или пять часов. Как объяснил наш святоша, ваша жена могла вылететь из нескольких разных пунктов. Потребуется время, чтобы получить все эти списки пассажиров.

– Обращайте особое внимание на рейсы, которые прибывают завтра рано утром. Она не сможет подделать паспорт, она не знает, как это делается.

– По словам Алекса, Мари Элизу Сен-Жак нельзя недооценивать. Он даже заговорил по-французски. Сказал, что она *formidable*⁶⁸.

– Она способна свалиться на вас ниоткуда, это верно.

– *Qu'est-ce que c'est?* ⁶⁹

– Она очень изобретательна, скажем так.

– А вы что будете делать?

– Пойду в метро. Уже темнеет. Позвоню вам после полуночи.

– Bonne chance⁷⁰.

– Merci.

Борн вышел из телефонной будки, уже зная, что предпримет дальше, и заковылял вниз по набережной – повязка вокруг колена не давала ему забыть о том, что он изображает инвалида. Около Тюильри была станция метро, оттуда он доехал до Гавр-Комартен и пересел на пригородный поезд северного направления, который мимо базилики Сен-Дени следовал до Аржентоля. Аржентоль, город, основанный в Темные века двенадцать столетий назад Карлом Великим ради монахинь, теперь, спустя столько времени, стал центром доставки сообщений для жестокого убийцы, таинственного мужчины, странствующего по кровавым полям со смертоносным оружием, радуясь и воспевая жестокость под покровом религии.

Кабак «Le Coeur du Soldat» находился не на улице, бульваре или авеню. Напротив, он располагался в тупике, за углом напротив давно заброшенной фабрики, чья выцветшая вывеска свидетельствовала о том, что когда-то это был процветающий металлургический комбинат в самой неприглядной части города. В телефонной книге о «Сердце» не было никаких упоминаний; чтобы его найти, надо было спрашивать незнакомцев, и интересующийся испытывал une grosse secousse⁷¹, пытаясь найти это замаскированное pissoir⁷². Чем неприглядней и отвратительней становились окружающие дома и улицы, тем точнее становились указания, как его найти.

Борн стоял в темном узком переулке, прислонившись к старой стене грубой кирпичной кладки, напротив входа в забегаловку. Над толстой массивной дверью висела неяркая красная вывеска, исполненная рублеными прописными буквами, некоторых из которых не доставало: «L C eur d Soldat». Время от времени дверь открывалась, чтобы впустить или выпустить посетителя, тогда переулок наполнялся металлическими звуками военного марша; сами клиенты заведения явно не принадлежали к миру высокой моды. Его наряд как раз подойдет, решил Борн, чиркнул спичкой о кирпичную стену, раскурил тонкую черную сигару и захромал в сторону двери.

«Если бы не звучащий говор и не оглушающая музыка, заведение могло вполне сойти за портовый кабак где-нибудь в сицилийском Палермо», – думал Борн, пробираясь к стойке бара, украдкой осматривая окружающих и стараясь не упустить ни одной детали обстановки – тут Джейсон немного смутился, недоумевая, когда это он успел побывать в Палермо?

Крупных размеров мужчина в футболке без рукавов поднялся со стула; Джейсон тут же его занял. Когтеобразная кисть схватила его за плечо; Борн вскинул правую руку вверх, схватил человека за запястье и начал выкручивать его по часовой стрелке, потом откинул стул ногой и поднялся в полный рост.

– Какие-то проблемы? – тихо спросил он по-французски, но достаточно громко, чтобы гигант его услышал.

– Это мое место, свинья! Я просто иду в туалет!

– В таком случае, может быть, к тому моменту, когда ты закончишь, я тоже захочу в туалет, – сказал Джейсон, пристально глядя в глаза мужчине. Хватка у Борна была крепкая – к тому же большим пальцем руки он давил на болевую точку, что имело мало отношения к силе.

– Ага, так ты чертов калека!.. – заорал мужчина, стараясь не морщиться от боли. – Инвалидов не трогаю.

– Вот что я тебе скажу, – сказал Борн, снимая палец с болевой точки. – Ты вернешься, и мы пойдем прогуляемся. Я закажу тебе выпивку за каждый раз, когда тебе удастся сбить меня с этой моей чертовой ноги, идет?

Глядя на Джейсона, здоровенный мужик слегка улыбнулся:

– Эй, а ты неплохой парень.

– Может быть, но я совсем не хочу затевать драку. Черт, да ты меня сейчас в пол вгонишь. – Борн отпустил мускулистую руку человека в безрукавке.

– Не уверен, – засмеялся гигант, потирая запястье. – Сиди, сиди! Я схожу отлить, вернусь и угощу тебя. Ты не очень похож на ходячий мешок с франками.

– Знаешь, говорят, что внешность обманчива, – ответил Джейсон, садясь обратно на стул. – У меня есть отличная одежда, но я жду здесь старинного приятеля, а он попросил ее не надевать... Я только что вернулся из Африки, поднял там неплохие деньги. Знаешь, обучал дикарей...

В этот момент оглушительно грянули литавры, а глаза мужчины широко раскрылись.

– Из Африки? – перебил незнакомец. – Я так и знал! Эта хватка – ведь ты служил в LPN.

То, что осталось от банков памяти Хамелеона, выдало результат расшифровки аббревиатуры. LPN – Legion Patria Nostra. Французский

иностраннный легион, наемники со всего мира. Об этом он как-то не подумал, но все равно неплохо.

– Господи, и ты оттуда? – спросил он грубовато, наивным голосом.

– La Legion trangere! 73 «Легион – наша отчизна»!

– Не может этого быть!

– Может, просто мы себя не афишируем. Нам тут все дико завидуют – мы были лучшими, и нам за это хорошо платили, хотя эти люди все равно наши братья. Они тоже солдаты!

– Когда ты ушел из Легиона? – спросил Борн, чувствуя, что могут возникнуть некоторые сложности.

– А-а, девять лет назад! Меня выкинули прямо перед повторным призывом из-за избыточного веса. Они были правы и, возможно, спасли мне жизнь. Я капрал, родом из Бельгии.

– Меня уволили месяц назад, хотя мой контракт еще не закончился. Все из-за нескольких ранений во время нашей операции в Анголе, да еще они выяснили, что мне лет больше, чем указано в документах. А они не платят тем, кто подолгу лечится.

Как же просто он находил нужные слова.

– Ангола? Мы и там побывали? О чем только думают на набережной д’Орсе?

– Не знаю. Я солдат, выполняю приказы и не задаю вопросов о том, чего все равно не смогу понять.

– Сиди! У меня сейчас почки взорвутся. Я быстро. Может, у нас найдутся общие знакомые... Не подозревал, что мы успели добраться и до Анголы.

Джейсон оперся локтями о выпуклую стойку бара и заказал une biere 74, радуясь тому, что бармен слишком занят, а музыка слишком громкая, чтобы тот смог подслушать их разговор. Кроме того, Борн был бесконечно благодарен Святому Алексу Конклинскому, который всегда говорил агентам, что «сперва нужно испортить отношения с тем, кого хотите завербовать, и только после этого стараться их наладить». Его теория утверждала, что переход от враждебности к приветливости гораздо надежнее, чем обратный. Борн с удовольствием выпил свое пиво. В «Сердце солдата» у него теперь появился друг. Это была случайность, незначительный эпизод, но он мог сыграть определенную роль в будущем.

Мужчина в безрукавке возвратился, его массивная рука за плечи обнимала молодого человека лет двадцати, среднего роста и комплекцией

напоминавшего сейф; он был одет в армейскую куртку американского образца. Джейсон начал было вставать со стула.

– Сиди, сиди! – крикнул его новый друг, подавшись вперед, чтобы его было слышно – вокруг гомонила толпа и громко играла музыка. – Я привел нам девственницу.

– Что?

– Уже забыл? Он собирается поступить на службу в Легион.

– А, вот ты о чем, – засмеялся Борн, чтобы скрыть свою неосведомленность. – Я не думал, что в таком месте...

– В таком месте, – вмешался обладатель футболки без рукавов, – можно встретить любого человека. Я подумал, что ему стоит с тобой переговорить. Он американец, и его французский довольно grotesque⁷⁵, но если будешь говорить не очень быстро, он тебя поймет.

– Это ни к чему, – произнес Джейсон по-английски с легким акцентом. – Я вырос в Нёфшателе, но провел несколько лет в Штатах.

– Рад эта слышать, – речь американца с головой выдавала выходца Южных штатов; он простодушно улыбнулся, настороженно, но без страха глядя на собеседников.

– Тогда начнем, – по-английски с сильным акцентом сказал бельгиец. – Меня зовут... Моррис – отличное имя, не хуже других. А этого моего молодого приятеля зовут Ральф, во всяком случае, он так сказал. А как твое имя, мой раненый герой?

– Франсуа, – отозвался Борн, который в этот момент думал о Бернардине и том, насколько успешно тот справляется со своей миссией в аэропортах. – И никакой я не герой – мои враги умирали слишком быстро... Заказывайте выпивку, я плачу.

Они так и сделали, и Борн заплатил, судорожно соображая и пытаясь вспомнить то небольшое, что ему было известно о французском Иностранном легионе.

«Как же легко дались первые слова», – подумал Хамелеон.

– Почему ты решил записаться в Легион, Ральф?

– Решил, что это будет для меня правильнее всего – исчезнуть на несколько лет, минимум на пять.

– Если сможешь хотя бы первый год продержаться, mon ami, – вставил бельгиец.

– Моррис прав. Слушай то, что он говорит. Офицеры там строгие и жестокие...

– Все они французы! – добавил бельгиец. – Не меньше девяноста процентов. Только один иностранец из трех сотен дослуживается до офицерских погон. Так что не питай иллюзий.

– Но у меня хорошее образование. Я инженер.

– Значит, будешь строить хорошие нужники на территории лагеря и проектировать отличные дырки для засранцев во время сражения, – хохотнул Моррис. – Скажи ему, Франсуа. Объясни, как там обращаются с учеными.

– Те, у кого есть образование, в первую очередь должны уметь драться, – сказал Борн, надеясь, что он прав.

– Святая правда! – воскликнул бельгиец. – Потому что их образованность будет вызывать подозрения. А не станут ли они слишком много думать? Не станут ли они думать, когда им платят только за то, чтобы они выполняли приказы?... Нет, *mon ami*, я бы не стал выпячивать свою *erudition* 76.

– Пусть она проявляется постепенно, – добавил Борн. – Показывай ее, когда она кому-то понадобится, а не когда ты захочешь ею похвастать.

– *Bien!* 77 – закричал Моррис. – Он знает, что говорит. Настоящий *legionnaire!* 78

– Ты умеешь драться? – спросил Джейсон. – Сможешь убить человека?

– Я собственными руками убил свою невесту вместе с ее двумя братьями и кузеном – я их зарезал. Она трахалась с одним банкиром из Нешвилла, а они ее покрывали и получали за это много денег... Да, я могу убивать, господин Франсуа.

Облава на сумасшедшего убийцу в Нешвилле.

Подающий большие надежды молодой инженер скрылся от полиции.

Борн вспомнил заголовки газет всего лишь недельной давности и пристально посмотрел в лицо молодого американца.

– Ты создан для Легиона, – сказал он.

– Если надо будет замолвить словечко, господин Франсуа, могу я упомянуть вас?

– Это не поможет тебе, парень, а только навредит. Если на тебя станут давить, просто расскажи правду. Это и будет твоей рекомендацией.

– Aussi bien! 79 Он знает законы Легиона. Они стараются не брать маньяков, но если что, они... как это сказать, Франсуа?

– Полагаю, закроют глаза.

– Oui 80. Они закроют на что-то глаза, если есть...

– Если есть смягчающие обстоятельства.

– Видишь? У моего друга Франсуа тоже имеются мозги. Не понимаю, как ему удалось выжить?

– Я тщательно скрывал их, Моррис.

Официант в самом грязном фартуке из тех, что доводилось видеть Джейсону, хлопнул бельгийца по шее.

– Votre table, Rene 81.

– Ну и что? – пожал плечами Моррис. – Еще одно имя. Quelle difference? 82 Давайте теперь поедим, и если повезет, то не отравимся.

Спустя пару часов, когда Моррис и Ральф успели опустошить четыре бутылки дешевого vin ordinaire вместе с подозрительной на вид рыбой, посетители «Сердца солдата» приступили к выполнению обычного ночного ритуала. Тут и там вспыхивали драки, прекращаемые мускулистыми официантами. Пронзительно звучащая музыка воскрешала в памяти выигранные и проигранные сражения, вызывая споры между старыми солдатами, бывшими пехотинцами, пушечным мясом, которые тут же становились обидчивыми и гордыми от того, что выжили, потому что они выжили посреди такого кровавого ужаса, какой и не снился их начальникам в расшитых золотом мундирах. Это был гомон толпы бесправных пехотинцев, который можно было слышать во все времена – начиная с эпохи фараонов и заканчивая войной в Корее и Вьетнаме. Облаченные в красивую форму офицеры отдавали приказы из-за линии огня, и пехота погибала, чтобы оправдать мудрые решения своих командиров. Борн вспомнил Сайгон и не смог осудить существование такого места, как «Сердце солдата».

Старший бармен, массивный лысый мужчина с очками в металлической оправе, взял телефонную трубку, скрытую до этого под дальним концом стойки, и приложил ее к уху. Джейсон наблюдал за ним из-за движущихся фигур. Глаза бармена осматривали заполненный людьми зал – то, что он слышал, было важным, а на то, что видел, можно было не обращать особого внимания. Говорил он недолго, затем опустил руку под стойку и некоторое

время не вынимал – он набирал номер. Опять быстро что-то сказал и спокойно вернул трубку на место. Старина Фонтейн описывал эту процедуру на острове Транквилити. Сообщение принято, сообщение передано. А на другом конце линии находился Шакал.

Это все, что он хотел увидеть этим вечером; нужно было заняться еще кое-чем, возможно, нанять людей, как он делал в прошлом. Людей, которых он нанимал на один раз и которые ничего для него не значили, – им можно было заплатить или дать взятку, использовать шантаж или запугать, чтобы они выполнили то, что ему нужно, и не задавали лишних вопросов.

– Я только что заметил человека, с которым должен был здесь встретиться, – сообщил он еще пребывающим в относительном сознании Моррису и Ральфу. – Он хочет, чтобы я вышел на улицу.

– Ты нас покидаешь? – чуть не плача, спросил бельгиец.

– Эй, приятель, не нада этава делать, – добавил молодой южанин.

– Я уйду только на вечер, – Борн перегнулся через стол. – У меня есть интерес еще с одним *legionnaire*, он собирается проверить прибыльное дельце. Я вас не знаю, но выглядите вы порядочными людьми.

Борн вытащил пачку денег и отделил тысячу франков, по пять сотен на каждого компаньона.

– Вот, держите – и спрячьте в карманы, быстро!

– Ма-а-терь божья!

– Merde! 83

– Не могу сказать точно, но вы можете нам понадобиться. Держите язык за зубами и уходите отсюда через десять-пятнадцать минут после меня. Да, и больше не пить. Завтра вы нужны мне трезвыми... Моррис, когда открывается этот притон?

– Я не уверен, что он вообще закрывается. Сам я как-то приходил сюда в восемь утра. Народу, конечно, было поменьше...

– Будьте здесь к полудню. И постарайтесь протрезветь, хорошо?

– Я опять стану *le caporal extraordinaire*⁸⁴ из Легиона. Тем, кем я когда-то был! Мне надеть форму? – Моррис рыгнул.

– Спятил? Конечно, нет.

– А я надену костюм и галстук. У меня есть костюм и галстук, честное слово! – у американца началась икота.

– Нет. Вы должны выглядеть как сейчас, но быть со свежими головами. Поняли меня?

– Ты говоришь *tres americain, mon ami* 85.

– Это точно.

– Я не американец, хотя правдивость здесь еще никому не принесла пользы, ведь так?

– Я знаю, о чем ты. Я это тут хорошо усвоил. Но насчет галстука это ты зря.

– Никакого галстука, Ральф. До завтра.

Борн поднялся со стула, и неожиданно ему в голову пришла одна идея. Вместо того чтобы идти к двери, он осторожно пробрался к дальнему краю стойки, где орудовал лысый бармен. Все стулья были заняты, поэтому он с осторожностью вежливо пролез между двумя посетителями, заказал «Перно» и попросил салфетку, чтобы написать записку – якобы личного плана, которая никак не повредит заведению и присутствующим. На обратной стороне негнущейся, словно небольшой щит, салфетки он написал авторучкой по-французски следующее:

Гнездо черного дрозда стоит миллион франков. Необходима личная встреча с вами. Если заинтересовались, приходите к старой фабрике за углом через тридцать минут. Вам ничего не угрожает. Дополнительно получите 5000 франков, если придете один.

Борн зажал в руке салфетку и бумажку в сто франков и посигналил бармену, который с таким видом поправил свои очки в металлической оправе, как будто неизвестный клиент позволил себе какую-то дерзость. Его огромное тело неторопливо двинулось вперед, толстые руки в татуировках оперлись о стойку бара.

– Чего тебе? – не очень приветливо поинтересовался он.

– Я тут вам кое-что написал, – ответил Хамелеон, не мигая глядя на очки бармена. – Я один, и, надеюсь, вы исполните мою просьбу. На моем солдатском теле много ранений, но я не бедняк.

Борн быстро, но осторожно – очень осторожно – взял руку бармена и вложил в нее записку и сто франков. Бросив напоследок выразительный взгляд на оторопевшего здоровяка, Джейсон повернулся и направился к двери, сильно прихрамывая.

Выйдя наружу, он быстро пошел по изрезанному трещинами тротуару в сторону выхода из переулочка. Борн прикинул, что его представление в баре длилось около восьми-двенадцати минут. Понимая, что бармен следит за ним,

он нарочно не стал смотреть, сидят ли еще его приятели за столом, но решил, что они пока не ушли. Обладатели безрукавки и армейской куртки находились не в самой лучшей форме, в их состоянии минуты не имели особого значения; он лишь надеялся, что полученные каждым пять сотен франков как-то повлияют на их чувство ответственности и они уйдут вовремя. Как ни странно, он больше верил в Морриса-Рене, чем в молодого американца, называвшего себя Ральфом. У бывшего капрала Иностранного легиона выработан безусловный рефлекс на выполнение приказов, он будет слепо ему повиноваться и в трезвом, и в пьяном виде. Джейсон очень на это рассчитывал – ему могла понадобиться их помощь, если только бармен из «Сердца солдата» воспринял всерьез солидную сумму, да и само предложение поговорить наедине с калекой, которого он мог спокойно убить одной рукой с наколками.

Борн ждал на улице, тусклые фонари в переулке почти не давали света, все меньше и меньше людей входило и выходило из закуской, причем те, кто входил, находились в гораздо более хорошей форме, чем те, кто выходил, – и все они проходили мимо, не удостоивая вниманием прислонившегося к кирпичной стене инвалида.

Инстинкт одержал верх. Моррис вытолкнул более молодого обладателя армейской куртки наружу и, когда тяжелая дверь захлопнулась, врезал американцу по лицу, неразборчиво призывая его слушаться приказов, потому что они стали богатыми и могут разбогатеть еще.

– Это лучше, чем если тебя подстрелят в Анголе! – закричал бывший *legionnaire*, достаточно громко, чтобы Борн смог разобрать его слова. – Но что они забыли в Анголе?

Джейсон остановил их, когда парочка уже шла по переулку, затащив обоих за угол кирпичного здания.

– Это я, – сообщил он командным голосом.

– *Sacrebleu!*..86

– Что еще за дьявол!..

– Тихо! Можете сейчас заработать еще по пятьсот франков, если хотите. Не хотите, я найду еще двадцать желающих.

– Но ведь мы товарищи! – запротестовал Моррис-Рене.

– Я надеру вам задницу за то, что так нас напугали... но мой приятель прав, мы товарищи – погоди-ка, Рене, а ты случайно не коммунист?

– *Taisez-vous!*

– Это значит «заткнись», – объяснил Борн.

– Я знаю. Я такое часто слышал...

– Слушайте меня. Через несколько минут из кафе может выйти бармен, чтобы встретиться со мной. Может, он выйдет, а может, и нет – я не знаю. Это тот лысый гигант в очках. Вы его знаете?

Американец пожал плечами, но бельгиец кивнул своей покачивающейся от возлияний головой.

– Это Санчес, и он *espagnol*.

– Испанец?

– Или *latino-americain*. Никто не знает.

«Ильич Рамирес Санчес, – подумал Джейсон. – Карлос Шакал, родившийся в Венесуэле, террорист-изгой, с кем не смогли справиться даже Советы. Конечно же, он будет работать со своими земляками».

– А насколько хорошо ты его знаешь?

Теперь бельгиец пожал плечами.

– В «Сердце солдата» он царь и бог. Он способен пробить голову тому, кто будет себя плохо вести. Сперва он всегда снимает очки, а это первый признак того, что случится нечто, чего не хотели бы увидеть даже бывалые солдаты... Если он и правда придет сюда, чтобы с тобой встретиться, я бы посоветовал тебе делать ноги, пока не поздно.

– Он может прийти сюда, потому что захочет со мной поговорить, а не чтобы что-то мне сделать.

– Тогда это не Санчес...

– Тебе не нужно знать подробности, они тебя не касаются. Но если он все же выйдет из этой двери, я хочу, чтобы ты вовлек его в беседу, сможешь это сделать?

– *Mais certainement*⁸⁷. Я несколько раз отсыпался на его диване наверху, Санчес меня лично относил, когда приходили уборщицы.

– Наверху?

– Он живет над кафе, на втором этаже. Говорят, что он никогда никуда не выходит, даже на рынок. Для него все покупают другие или необходимое просто доставляют к двери.

– Понятно. – Джейсон вытащил пачку денег и дал каждому нетвердо державшемуся на ногах товарищу еще по пятьсот франков. – Идите обратно

в переулок и, если появится Санчес, ведите себя так, словно слегка перебрали. Попросите у него денег, выпивки, чего угодно.

Словно дети, Моррис-Рене и Ральф зажали в руках купюры, бросив друг на друга победный взгляд заговорщиков. Франсуа, этот сумасшедший *legionnaire*, сорит деньгами, словно сам их печатает! Их коллективный энтузиазм все увеличивался.

– И сколько ты хочешь, чтобы мы дразнили этого индюка? – поинтересовался южанин.

– Я насквозь проговорю его ушастую лысину! – пообещал бельгиец.

– Не стоит, мне просто надо убедиться, что он будет один, – сказал Борн, – что с ним или за ним никого нет.

– Проще простого, приятель.

– Мы заслужим не только твои деньги, но и твое уважение. Слово капрала-легионера!

– Я тронут. А теперь – вперед.

Пьяная парочка потащилась обратно в переулок, причем владелец армейской куртки с триумфом похлопывал Морриса по спине. Джейсон прислонился спиной к кирпичной стене в нескольких дюймах от угла здания и стал ждать. Прошло шесть минут, прежде чем он услышал то, что так хотел услышать.

– Санчес! Мой дорогой и хороший друг, Санчес!

– Рене, что ты тут делаешь?

– У моего юного американского друга заболел живот, но теперь все хорошо – его вырвало.

– Он из Америки?..

– Позволь вас познакомить, Санчес. Он станет великим воином.

– А что, опять начались детские крестовые походы? – Борн осторожно выглянул за угол; лысый бармен в это время смотрел на Ральфа. – Удачи тебе, мой маленький. Иди, поиграй в войну в песочнице.

– Мистер, вы очень быстро говорите по-французски, но кое-что я все-таки понял. Вы трепло, а я, между прочим, очень злобный человек!

Бармен рассмеялся и без каких-либо затруднений заговорил на английском:

– Тогда, малыш, тебе лучше злобствовать где-нибудь в другом месте. В «Сердце солдата» мы пускаем только миролюбивых посетителей... А теперь мне надо идти.

– Санчес! – закричал Моррис-Рене. – Одолжи мне десять франков. Я забыл свой бумажник дома.

– Если у тебя когда-то и был бумажник, ты оставил его еще в Северной Африке. Ты знаешь мои правила. Ни единого су вашему брату.

– Черт, я ведь столько выложил за твою проклятую рыбу! А от нее стошнило моего друга!

– Тогда в следующий раз поезжайте обедать в «Риц»... Ах да! Помнится, ты мне еще должен за один обед.

Джейсон быстро скрылся за углом, потому что в этот момент бармен повернул голову и оглядел переулок.

– Спокойной ночи, Рене. И тебе тоже, малыш. А у меня дела.

Борн побежал по тротуару в сторону ворот старой фабрики. Санчес шел на встречу с ним. Один. Перейдя на ту сторону улицы, которая была скрыта в тени покинутого комбината, он замер, лишь опустил руку, чтобы ощутить холодный и надежный металл своего пистолета. С каждым шагом приближавшегося Санчеса Шакал был все ближе! Несколько мгновений спустя объемная фигура показалась из переулка, пересекла плохо освещенную улицу и приблизилась к ржавым воротам.

– Я пришел, мсье, – сказал Санчес.

– Весьма вам признателен.

– Я бы хотел сперва получить обещанное. Кажется, вы упомянули в своей записке о пяти тысячах франков.

– Они здесь. – Джейсон вытащил из кармана деньги и отдал их управляющему «Сердца солдата».

– Благодарю, – произнес Санчес, подходя ближе и принимая деньги. – Взять его! – добавил он.

Неожиданно за спиной Борна распахнулись старые ворота фабрики. Из них выскочили двое мужчин, и прежде чем Джейсон успел вытащить оружие, его ударили по голове каким-то тяжелым тупым предметом.

Глава 23

– Мы одни, – произнес голос из противоположного конца темной комнаты, когда Борн открыл глаза. В сравнении с огромным телом Санчеса, его

немаленькое кресло казалось миниатюрным, единственный торшер со слабой лампой подчеркивал белизну большой лысой головы. Джейсон попытался выгнуть шею и почувствовал болезненную опухоль на макушке; он сидел в углу дивана.

– Череп не проломлен, крови нет, ничего, кроме, как мне кажется, довольно неприятной шишки, – заметил человек Шакала.

– Весьма точный диагноз, особенно что касается последней части.

– Вас стукнули твердой резиной, замотанной в тряпку. Результат вполне предсказуем, если только не случается сотрясения мозга. Там около вас на подносе лежит мешок со льдом. Это поможет.

Борн протянул руку в неясном свете, схватил объемистый холодный мешок и приложил его к голове.

– А вы очень предусмотрительны, – без особого энтузиазма произнес он.

– А почему бы нет? Нам ведь еще надо кое-что обсудить... например, миллион франков.

– Он ваш на прежних условиях.

– Кто вы? – внезапно спросил Санчес.

– Это в договор не входило.

– Вы уже немолоды.

– Не то чтобы это имело какое-то значение, но вы тоже не юнец.

– При вас был пистолет и нож. Последний больше подходит молодежи.

– Кто это сказал?

– Наши рефлексы... Что вам известно о черном дрозде?

– С таким же успехом можете спросить, откуда я узнал о «Сердце солдата».

– И откуда же?

– Мне сказал один человек.

– Кто?

– Простите, это тоже не входило в договор. Я посредник, и у меня свои методы работы. Мои клиенты рассчитывают на это.

– А на то, что вы будете заматывать колено и симулировать травму, они тоже рассчитывают? Когда вы открыли глаза, я надавил на повязку – и

никакой реакции на боль, непохоже, что это растяжение или перелом. Потом, у вас нет при себе документов, зато есть приличная сумма – к чему все это?

– Я не собираюсь обсуждать свои методы, просто упомяну о кое-каких ограничениях, как я их понимаю. Я передал вам записку, не так ли? Так как я не знал телефонного номера, то сомневался, что все пройдет успешно, если я появлюсь в вашем заведении в деловом костюме и с атташе-кейсом в руке.

Санчес засмеялся.

– Вы бы даже внутрь попасть не смогли. Вас бы остановили и раздели еще в переулке.

– Об этом-то я и подумал... Так мы будем совершать миллионную сделку?

Человек Шакала пожал плечами:

– Полагаю, что, если покупатель упоминает такую сумму в первом же своем предложении, это не предел. Скажем, полтора миллиона. Или даже два.

– Но я не покупатель, я посредник. Мне было приказано заплатить миллион, что, по-моему, уже многовато, но время не терпит. Так что решайте, согласны ли вы на миллион, у меня на примете есть еще желающие.

– Правда?

– Не сомневайтесь.

– А если ваш обезображенный труп выловят из Сены?

– Вот, значит, как?

Джейсон оглядел затененную квартиру; она мало походила на убогое кафе внизу. Мебель была большая, под стать своему безразмерному владельцу, но подобрана со вкусом, без особой элегантности, но не дешевая. Что немного ошарашивало, так это книжные полки, занимавшие всю стену между двумя окнами. Сидящий в Борне ученый сразу же захотел прочитать их названия, это помогло бы ему составить более ясное представление об этом странном, большом человеке, чья речь могла принадлежать выпускнику Сорбонны – снаружи ярый грубиян, но, вероятно, внутри кто-то другой. Он вновь посмотрел на Санчеса.

– Получается, что мне не удастся свободно отсюда выйти, не так ли?

– Верно, – ответил связной Шакала. – Это было возможно, ответ вы на мои простые вопросы, но вы говорите, что условия – ограничения – вашей работы этого не позволяют... Что ж, у меня тоже есть свои правила, и в соответствии с ними вы либо останетесь в живых, либо умрете.

– Предельно ясно.

– Еще бы.

– Да, только вы лишаетесь шанса получить миллион франков – или, как вы сами предложили, несколько большей суммы.

– Тогда позволю себе еще одно предположение, – сказал Санчес, скрещивая толстые руки и рассеянно глядя на свои крупные татуировки, – что человек с такими средствами не только расстанется с ними в обмен на свою жизнь, но и с радостью поделится нужной информацией, чтобы избежать мучительной боли.

Человек Шакала неожиданно грохнул сжатым кулаком по подлокотнику кресла и заорал:

– Что вам известно о черном дрозде? Кто сказал вам про «Сердце солдата»? Откуда вы взяли, кто вы такой и кто ваш клиент?

Борн замер, ни один мускул его тела не шевелился, а мозг соображал, прикидывал, обдумывал. Он должен выбраться! Он должен связаться с Бернардином – сколько часов назад он должен был позвонить? Где Мари? В то же время то, что он хотел сделать, должен был сделать, будет невозможно, если он станет возражать гиганту, сидящему напротив него. Санчес не был ни вруном, ни дураком. Он способен убить и убьет голыми руками своего пленника без всяких колебаний... и его не удастся одурачить откровенной ложью или туманными намеками. Человек Шакала охранял две территории – свою и хозяина. У Хамелеона оставался только один выход: открыть часть правды, настолько опасную, что она будет внушать доверие, настолько правдоподобную, что риск ее неприятия был просто недопустим. Джейсон положил мешок со льдом на поднос и начал медленно говорить из тени широкого дивана:

– Сами понимаете, что я не горю желанием умереть за клиента или быть замученным, утаивая его информацию, поэтому я расскажу вам то, что мне известно, правда, знаю я не так много, как хотелось бы при сложившихся обстоятельствах. Буду отвечать на ваши вопросы по порядку, если только с перепугу не перепутаю очередность. Начнем с того, что средства лично мне недоступны. Я встречаюсь в Лондоне с человеком, которому передаю информацию, а он переводит деньги на счет в Берне, в Швейцарии, на имя и номер – любое имя и любой номер, – который я ему даю... Пропустим угрозу моей жизни и «мучительную боль» – на это я уже ответил. Так, что мне известно о черном дрозде. Кстати, сюда же относится и вопрос о «Сердце солдата»... Мне сказали, что один пожилой человек – имени и национальности его я не знаю, но подозреваю, что это француз, – обратился к известному общественному деятелю с предупреждением, что тот является объектом заговора с целью убийства. Кто поверит старому пьянице, долго

состоящему на учете в полиции и желающему получить вознаграждение? К сожалению, убийство действительно произошло, но, к счастью, помощник убитого находился поблизости, когда его предупреждал старик. Кроме того, помощник был и является близким другом моего клиента, а убийство было на руку им обоим. Помощник по секрету сообщил, что рассказал старик. Черный дрозд получает сообщения через кафе «Сердце солдата» в Аржентоле. Этот черный дрозд должен быть необычайным человеком, и теперь мой клиент хочет на него выйти... Что касается меня, мои офисы – это гостиничные номера в разных городах. Сейчас я зарегистрирован под именем Симон в отеле «Пон-Рояль», и там же находится мой паспорт и другие документы. – Борн сделал паузу и развел руками. – Вот я и рассказал вам всю правду.

– Не совсем всю правду, – поправил Санчес низким грудным голосом. – Кто ваш клиент?

– Меня убьют, если я вам скажу.

– Я сам убью вас прямо сейчас, если вы не скажете, – произнес связной Шакала, вынимая охотничий нож Джейсона из-за своего широкого кожаного пояса; его лезвие блеснуло в свете торшера.

– Почему бы вам не передать моему клиенту нужную ему информацию, вместе с именем и номером счета – любым именем и номером счета, – и я гарантирую вам получение двух миллионов франков. Все, о чем просит мой клиент, это чтобы я был единственным посредником. Вы ничем не рискуете. Черный дрозд может просто отказать мне и предложить катиться к черту... Три миллиона!

В глазах Санчеса промелькнула нерешительность, словно искушение было слишком велико.

– Может быть, мы поговорим об этом позже...

– Сейчас.

– Нет!

Человек Карлоса поднял свое огромное тело из кресла и направился к дивану, угрожающе выставив перед собой нож.

– Ваш клиент?!

– Их много, – ответил Борн. – Группа влиятельных лиц из Соединенных Штатов.

– Кто именно?

– Они охраняют свои имена, как ядерные секреты, но я знаю одного, и этого вам должно хватить.

– Кто он?

– Выясняйте сами – по крайней мере, убедитесь в масштабности того, о чем я вам говорю. Защищайте своего черного дрозда всеми способами!

Убедитесь, что я говорю вам правду, и по ходу дела сделайте себя настолько богатым, чтобы заниматься остаток жизни тем, чем вам хочется. Вы сможете путешествовать, исчезнуть, у вас будет время для этих ваших книг – и вам больше не придется хороводиться с этим сбродом внизу. Как вы сами заметили, мы оба уже не молоды. Я получу хороший процент за посредничество, а вы станете богатым человеком, свободным от всяких забот, от нудной суеты... Опять-таки, что здесь плохого? Мое предложение можно отклонить, отказать моему клиенту. В этом нет никакого подвоха. Мои клиенты не горят желанием видеть его. Они хотят нанять его.

– Как это сделать? Как мне убедиться в том, что это правда?

– Придумайте себе какой-нибудь высокий пост и свяжитесь с американским послом в Лондоне – его зовут Аткинсон. Скажите ему, что вы получили секретные указания от «Снейк Леди». Спросите, должны ли вы их выполнить.

– «Снейк Леди»? Это еще что такое?

– «Медуза». Они называют себя «Медузой».

Мо Панов извинился и выскользнул из-за столика. Он начал пробираться сквозь наполненную людьми придорожную закусочную в сторону туалета, яростно оглядывая стену в противоположном конце в поисках таксофона. Ни одного! Единственный проклятый телефон находился в десяти футах от машины и отлично просматривался платиновой блондинкой с безумным взглядом, чья параноя так же крепко засела в ее голове, как и темные корни ее крашенных волос. Когда он как бы вскользь заметил, что мог бы позвонить себе на работу и сообщить своим сослуживцам о происшествии и о том, где он находится, в ответ полетели отборные ругательства.

– И чтобы за тобой прилетел рой копов?! Даже не думай об этом, мистер врач. Твои люди вызовут фараонов, те свяжутся с моим благоверным, который протащит меня задницей по всем ограждениям из колючей проволоки, какие только есть в этой стране. Он заодно со всеми копами на дорогах. Вероятно, рассказывает им, где можно неплохо развлечься.

– Но мне незачем упоминать о вас, да я и не собираюсь этого делать. Вы же сами сказали, что он может меня обидеть.

– Обидеть – это еще не то слово. Он просто отрежет твой маленький нос. Я не хочу рисковать – непохоже, что ты очень надежен. Ты расскажешь о том, что случилось, – а потом приедут копы.

– Знаете, вы просто несете какую-то чушь.

– Ладно, будет тебе чушь. Я закричу «Насилуют!» и скажу этим милым дальнбойщикам, что подобрала тебя на дороге два дня назад и с тех пор была у тебя сексуальной рабыней. Как тебе это понравится?

– Не очень. Но хоть в туалет-то мне можно сходить? Я больше не могу терпеть.

– Конечно. В таком месте в сортиры телефонов не вешают.

– Правда?.. Нет, честное слово, я не огорчен и не разочарован – мне просто любопытно. Почему? Водители неплохо зарабатывают; они не станут воровать четвертаки.

– Боже, док, вы что, с луны свалились? На дорогах разное случается; надо держать ухо востро, понимаете? Если кто-то звонит, другие хотят знать, кто именно звонит и почему.

– Правда?..

– О господи. Давайте скорее. У нас времени в обрез, чтобы перекусить, так что я закажу. Он поедет по семидесятому, а не по девяносто седьмому. Он не догадается.

– Не догадается о чем? Что такое «семидесятое» и «девяносто седьмое»?

– Боже мой – шоссе! Здесь везде есть шоссе, клистирная вы трубка. Шевелите мозгами, тогда, может быть, мы остановимся в мотеле и обсудим наше дело, а вы получите аванс.

– Пардон?

– Я за разрешение абортв. Это против вашей религии?

– Господи, нет. Я тоже твердо «за».

– Хорошо. Давайте быстрее!

Итак, Панов направился в туалет и убедился в том, что женщина права. Телефона там не было, а окно наружу было таким крохотным, что в него смогла бы пролезть только маленькая кошка или большая крыса... Но ведь у него есть еще деньги, много денег, и пять водительских удостоверений разных штатов. На языке Джейсона Борна это было оружие, особенно деньги. Мо подошел к писсуару – и весьма своевременно, – а потом повернулся к двери; он приоткрыл ее на несколько дюймов, чтобы посмотреть, что делает

блондинка. Неожиданно дверь распахнулась на несколько футов, и Панов отлетел к стене.

– Эй, прости, приятель! – крикнул невысокий коренастый человек, схватив психиатра за плечи, пока Мо держался за лицо. – Ты в порядке?

– О, конечно. Да, ничего страшного.

– Как бы не так, у тебя кровь хлещет из носу! Иди-ка сюда, тут есть полотенца, – произнес водитель в футболке, под закатанным рукавом которой была прижата пачка сигарет. – Давай, запрокинь голову, а я пока намочу полотенце холодной водой и приложу к твоему шнобелю... Расслабься и обопрись о стену. Вот так, уже лучше; мы его враз заткнем.

Невысокий мужчина привстал на носки и начал аккуратно прижимать мокрое полотенце к лицу Панова, другой рукой придерживая его за шею и через каждые несколько секунд проверяя, идет ли еще кровь из ноздрей Мо.

– Вот и все, дружище, кровотечение уже почти остановилось. Теперь просто подыши через рот, поглубже, понимаешь? И запрокинь голову, хорошо?

– Благодарю, – сказал Панов, сжимая полотенце и удивляясь, что кровотечение можно так быстро остановить. – Большое спасибо.

– Не благодари меня, я приложил тебя случайно, – ответил водитель, справляя нужду. – Ну что, полегчало? – спросил он, застегивая ширинку.

– Да, гораздо лучше, – и, вопреки советам своей дорогой почившей матери, Мо решил воспользоваться ситуацией и развить успех, пренебрегая правдой. – Но должен заметить, что это была моя ошибка, а не ваша.

– Как это? – спросил дальнобойщик, который уже мыл руки.

– Честно говоря, я спрятался за дверью, чтобы понаблюдать за женщиной, от которой пытаюсь сбежать – если вы меня понимаете.

Личный врач Панова рассмеялся, подставив руки под сушилку.

– А кто же этого не поймет? Это вечная история рода человеческого, приятель! Они хватают вас в свои лапы, они визжат, и вы не знаете, что вам делать, они кричат – и вот вы у их ног. Хотя у меня все по-другому. Я женился на настоящей европейке, улавливаешь? Она не очень хорошо говорит по-английски, но она благодарная... Отличная мать, отличная жена и до сих пор возбуждает меня своим видом. Не то что эти чертовы принцессы вон там.

– Это очень интересное, даже интуитивное, наблюдение, – сказал психиатр.

– Это что?

– Ничего. Но я все еще хочу выбраться отсюда так, чтобы она меня не увидела. У меня есть деньги...

– Подожди с деньгами. Которая?

Оба подошли к двери, и Панов приоткрыл ее на несколько дюймов.

– Она вон там – блондинка, что постоянно смотрит то сюда, то на входную дверь. Похоже, она волнуется...

– Вот черт, – перебил невысокий водитель. – Это жена Бронка! Она сбилась с курса.

– С курса? А кто такой Бронк?

– Он работает на восточных маршрутах, но не здесь. Какого дьявола она тут делает?

– Думаю, пытается от него скрыться.

– Точно, – согласился спутник Мо. – Я слышал, что она шалила и даже не брала деньги за это.

– Вы ее знаете?

– Черт возьми, да. Я был пару раз у них на барбекю. Он готовит отличный соус.

– Мне надо выбраться отсюда. Как я уже говорил, у меня есть деньги...

– Да, но поговорим об этом потом.

– Где?

– В моем грузовике. Красный полуприцеп с белыми полосками, как флаг. Он прямо перед входом, чуть справа. Иди за кабину и не высовывайся.

– Она увидит, как я выйду.

– Нет, не увидит. Я подойду к ней и слегка припугну. Скажу, что о ней трещат все радиоприемники и телевизоры, а Бронк направляется на юг в Каролину – по крайней мере, так я слышал.

– Не знаю, как мне вас благодарить!

– Например, воспользовавшись теми деньгами, о которых ты столько говоришь. Хотя мне много не надо. Бронк настоящее животное, и я чувствую себя возродившимся христианином.

Коротышка направился к двери, чуть не припечатав Панова к стене во второй раз. Мо наблюдал, как его друг-конспиратор приблизился к даме, протянул свои конспираторские руки и обнял старую приятельницу, а потом

начал что-то быстро говорить – женщина смотрела на него во все глаза, словно находясь под гипнозом. Панов выскочил из туалета, пробежал через вход в закусочную и бросился к огромному грузовику в красно-белую полосу. Задыхаясь, он забежал за кабину – его грудь тяжело вздымалась – и стал ждать.

Неожиданно жена Бронка вылетела из кафе, ее платиновая шевелюра причудливо развевалась за ней, пока она неслась к своему ярко-красному автомобилю. Спустя мгновение после того, как она прыгнула внутрь, взревел двигатель, и она помчалась на север на глазах пораженного Мо.

– Как ты тут, приятель, и где ты, черт возьми?! – крикнул невысокий незнакомец, который не только ловко остановил кровотечение, но и спас его от маниакально настроенной чужой жены, чьи параноидальные настроения брали начало в желании отомстить и чувстве вины.

«Не делай этого, кретин!» – подумал про себя Панов и подал голос:

– Я здесь... приятель!

Спустя тридцать пять минут они доехали до окраины неизвестного города, и дальнобойщик остановился перед торговым рядом, протянувшимся вдоль шоссе.

– Тут ты найдешь телефон, дружище. Удачи.

– Вы уверены? – спросил Мо. – Насчет денег, я имею в виду.

– Конечно, я уверен, – ответил невысокий человек из-за баранки. – Две сотни долларов – это неплохо, даже может быть, что я их и заработал, – но больше уже ни к чему, это отдает продажностью, не так ли? Мне раз пятьдесят предлагали заняться перевозкой такого, что мне не по нраву, и знаешь, что я им сказал?

– Что вы им сказали?

– Сказал, чтобы шли мочиться против ветра вместе со своей отравой. Пусть все летит обратно и прямо им в глаза.

– Вы хороший человек, – сказал Панов, спускаясь на тротуар.

– Я должен компенсировать кое-что из прошлого. – Дверь кабины захлопнулась, и огромный грузовик рванул вперед, а Мо повернулся и стал искать телефон.

– Черт тебя дери, где ты сейчас? – бесновался Александр Конклин у телефона в Виргинии.

– Я не знаю! – ответил Панов. – Будь я пациентом, я бы неуклюже объяснил, что это было продолжением какого-то фрейдовского кошмарного видения, потому что это не может случиться, но случилось со мной. Они всего меня искололи, Алекс!

– Не переживай. Мы так и подумали. Нам надо знать, где ты находишься. Не забывай, они тебя тоже ищут.

– Хорошо, хорошо... Погоди-ка! Тут через улицу какая-то аптека. На вывеске написано «Battle Ford's Best» 88, это поможет?

На другом конце линии в Виргинии послышался вздох.

– Да, поможет. Если бы ты был добропорядочным гражданином и имел представление о Гражданской войне, а не был полным ничтожеством, то и сам бы все понял.

– Что все это значит?

– Иди на старое поле сражения у Спуска Форда. Это национальная достопримечательность, там везде указатели. Вертолет будет через тридцать минут, и не вздумай ни с кем разговаривать!

– Ты знаешь, как обидно тебя слушать? А ведь это меня жестоко мучили...

– Отбой!

Борн вошел в «Пон-Рояль» и тут же направился к ночному портье, вытащил пятисотенную банкноту и без лишних движений вложил ее в руку служащего.

– Меня зовут Симон, – улыбнулся он. – Меня какое-то время не было. Для меня что-нибудь есть?

– Сообщений нет, мсье Симон, – последовал тихий ответ, – но снаружи расположились двое – один на улице Монталамбер, другой на дю Бак.

Джейсон вытащил бумажку в тысячу франков и протянул ее портье.

– Я плачу за такие зоркие глаза, и плачу хорошо. Так держать.

– Конечно, мсье.

Борн направился к лифту с медными ручками. Поднявшись на свой этаж, он стремительно преодолел пересекающиеся коридоры и вошел в номер. Ничего не изменилось; все осталось на тех же местах, где было до его ухода, за исключением того, что постель оказалась прибранной. Постель. О боже, ему нужен отдых, нужен сон. Больше так не может продолжаться. Что-то происходило внутри него – не хватало сил, не хватало дыхания. А ему было

необходимо и то и другое, причем как никогда раньше. О господи, как же хочется прилечь... Нет. Еще оставалась Мари. Оставался Бернардин. Он подошел к телефону и по памяти набрал номер.

– Прошу прощения за опоздание, – сказал он.

– Четырехчасовое опоздание, mon ami. Что случилось?

– Нет времени рассказывать. Что насчет Мари?

– Ничего. Абсолютно ничего. Ее нет ни на одном международном рейсе, который сейчас в воздухе или должен вскоре взлететь по расписанию. Я даже проверил линии из Лондона, Лиссабона, Стокгольма и Амстердама – ничего. Нигде не значится имя Мари Элизы Сен-Жак Вебб, находящейся на пути в Париж.

– Оно должно где-то быть. Она не могла передумать, это на нее не похоже. И она не знает, как обойти иммиграционный контроль.

– Повторяю. Ее нет ни в одном списке пассажиров ни одного международного рейса, направляющегося в Париж.

– Проклятие!

– Я продолжу попытки, мой друг. У меня в ушах еще звенят слова Святого Алекса. Нельзя недооценивать *la belle mademoiselle*.

– Она не мадемуазель, она моя жена... Она не одна из нас, Бернардин, она не агент на задании, который может обмануть всех раз, другой и третий. Она так не сможет. Но она летит в Париж. Я знаю это!

– А авиакомпания нет, что еще я могу сказать?

– Что и сказали, – ответил Джейсон, его охватило чувство, что легким не хватает воздуха, а веки сейчас закроются сами. – Продолжайте поиск.

– А что случилось сегодня? Скажите мне.

– Завтра, – ответил Дэвид Вебб еле слышным голосом. – Завтра... Я слишком устал, а мне надо стать другим.

– О чем ты говоришь? У тебя даже голос изменился.

– Ни о чем. Завтра. Мне нужно подумать... Или, может быть, мне не следует думать.

Мари стояла в очереди на прохождение паспортного контроля в аэропорту Марселя, к счастью, из-за раннего часа, очередь была небольшой и навевала скуку. Мари положила паспорт на конторку.

– Americaine 89, – произнес полусонный служащий. – Вы здесь по делу или путешествуете, мадам? – спросил он по-английски с сильным акцентом.

– Je parle francais, monsieur. Je suis canadienne d'origine – Quibec. Separatiste 90.

– Ah, bien! – Глаза заспанного сотрудника таможенной службы раскрылись немного шире, когда он перешел на французский. – Вы по работе?

– Нет, это поездка за воспоминаниями. Мои родители родом из Марселя, они оба недавно умерли. Я хочу повидать их родные места, узнать, где они жили, – словом, я здесь за тем, что пропустила.

– Как это трогательно, милая леди, – сказал служащий, оценив весьма симпатичную путешественницу. – Может быть, вам будет нужен гид? В этом городе нет такого места, которое бы не отпечаталось навечно в моей голове.

– Вы очень любезны. Я буду в «Sofitel Vieux Port». Как вас зовут? Мое имя вам уже известно.

– Лафонтен, мадам. К вашим услугам!

– Лафонтен? Не может быть.

– Именно так!

– Как интересно.

– Я вообще очень интересный человек, – заметил работник таможни, полуприкрыв глаза, но не от сонливости, беспечно ставя штампы своими резиновыми печатями на документы «туристки». – Всегда к вашим услугам, мадам!

«Я знаю, как общаться с подобными типами», – думала Мари, направляясь в зал выдачи багажа. Теперь она сможет сесть на внутренний рейс до Парижа под любым именем.

* * *

Франсуа Бернадин вздрогнул и проснулся; он приподнялся на локтях, нахмурился и задумался. Она летит в Париж, я знаю это! Слова ее мужа, а он-то ее должен знать лучше всех. Ее нет ни в одном списке пассажиров ни одного международного рейса, направляющегося в Париж. Его собственные слова. Париж. Ключевым словом является «Париж»!

А если допустить, что это не Париж?

Ветеран Второго бюро стремительно выбрался из постели, освещаемый утренними лучами солнца, пробивавшимися через высокие узкие окна его квартиры. Наспех побрившись, он закончил умываться, оделся и спустился

на улицу к своему «Пежо», где под дворником на ветровом стекле красовалась неизбежная квитанция за неправильную парковку – увы, это больше нельзя было исправить тихим телефонным звонком. Он вздохнул, снял ее со стекла и сел за руль.

Спустя пятьдесят восемь минут он припарковал машину перед маленьким кирпичным зданием посреди громадного комплекса по сортировке грузов аэропорта Орли. Снаружи это было весьма непримечательное строение, но вот о той работе, что велась внутри, этого сказать было нельзя. Там располагался филиал Департамента иммиграции, крайне важный отдел, известный просто как Бюро авиационных прилетов, где мощнейшие компьютеры в реальном времени вели статистику на всех прилетающих во Францию путешественников через все международные аэропорты. Это было важно для службы иммиграционного контроля, но из Второго бюро сюда редко обращались за информацией, потому что те, кто интересовал Бюро, обычно пользовались другими способами проникновения в страну, которых было предостаточно. Несмотря на это, в течение многих лет, руководствуясь теорией о том, что самое очевидное обычно не замечают, Бернардин пользовался сведениями Бюро авиационных прилетов. И иногда его усилия вознаграждались. Ему было интересно, случится ли так в это утро.

Через девятнадцать минут он получил ответ. Был именно тот случай, но ценность полученной информации оказалась невысокой, потому что она поступила слишком поздно. В вестибюле Бюро был таксофон; Бернардин опустил монетку и соединился с «Пон-Роялем».

– Да? – кашлянул в трубку Джейсон Борн.

– Извините, если разбудил вас.

– Франсуа?

– Да.

– Я как раз собирался вставать. Там внизу на улице стоят двое, гораздо более уставшие, чем я, если только их не подменяли.

– Это связано с тем, что произошло вчера? Они были там всю ночь?

– Да. Расскажу, когда встречу с вами. Вы за этим позвонили?

– Нет. Я сейчас в Орли, и боюсь, что у меня плохие новости, которые доказывают, что я идиот. Я должен был это предусмотреть... Ваша жена прилетела в Марсель чуть больше двух часов назад. Не в Париж. В Марсель.

– Так разве это плохие новости? – вскрикнул Джейсон. – Теперь мы знаем, где она! Мы можем – о, черт, я, кажется, понял, что вы имеете в виду. – Голос Борна стал тише. – Она может сесть на поезд, нанять машину...

– Она даже может прилететь в Париж под любым именем, – добавил Бернардин. – Несмотря на это, у меня есть одна идея. Скорее всего, она так же никчемна, как и мои мозги, но тем не менее... У вас и у нее есть особые – как это сказать? – прозвища друг для друга? Ласковые *sobriquets*?⁹¹

– Честно говоря, мы не очень любим эти трогательные телячьи нежности... Хотя постойте. Пару лет назад Джеми – это наш сын – не мог выговорить слово «мама». Он перевернул его, и получилось «амам». Это было очень забавно, и я называл ее так несколько месяцев, пока он не научился выговаривать слово правильно.

– Я знаю, что она свободно говорит по-французски. Она читает газеты?

– Истово, по крайней мере, финансовую хронику. Не думаю, что она серьезно в нее вникает – это ее утренний ритуал.

– Даже во время кризиса?

– Особенно во время кризиса. Она утверждает, что это ее успокаивает.

– Давайте пошлем для нее сообщение – на финансовых страницах.

Посол Филипп Аткинсон уселся за утреннюю рутинную работу с бумагами в американском посольстве в Лондоне. Рутинная дополнялась нудным пульсированием в висках и отвратительным привкусом во рту. Это было не похоже на обычное похмелье, потому что он пил виски очень редко и вот уже более двадцати пяти лет ни разу не напивался. Еще очень давно, примерно тридцать месяцев спустя после того, как сдался Сайгон, он узнал предел своих талантов, своих возможностей и, кроме всего прочего, своих ресурсов. Когда он вернулся с войны с приличным, если не сказать исключительным, послужным списком в возрасте двадцати девяти лет, его семья купила для него место на нью-йоркской фондовой бирже, где за тридцать последующих месяцев он умудрился потерять что-то около трех миллионов долларов.

– Ты хоть что-нибудь выучил в Эндовере и Йеле?! – орал его отец. – Хоть связями на Уолл-стрит обзавелся?

– Пап, они все завидовали мне, ты же знаешь. Из-за моей внешности, девочек – я же вылитый ты, пап, – они все были против меня. Иногда мне даже кажется, что через меня они пытались достать тебя! Ты же знаешь, как

говорят. Старший и Младший, видное положение в обществе и всякое такое... Помнишь заметку в «Дейли Ньюс», где нас сравнили с Фербенксами?

– Я знал Дугласа сорок лет! – вскричал его отец. – Он один из лучших наверху.

– Но он не учился в Эндове и Йеле, отец.

– А ему и не надо было, черт возьми!.. Погоди-ка. Дипломатическая служба?.. Какую степень ты получил в Йеле?

– Бакалавр искусств.

– К черту! Там было что-то еще. Курсы, что ли.

– У меня профилирующей дисциплиной была английская литература, второй – политология.

– Точно! Сказочки нас не интересуют. Ты был бесподобен в другом – в политологии.

– Папа, это не было моей сильной стороной.

– Ты смог сдать экзамен?

– Да... с трудом.

– Не с трудом, а на «отлично»! И точка!

Вот так Филипп Аткинсон III начал свою дипломатическую карьеру с помощью влиятельного в политических кругах отца, и никогда не жалел об этом. И хотя этот известный человек умер восемь лет назад, его сын никогда не забывал последнего наставления своего старика:

– Не делай глупостей, сын. Захочешь выпить или пройтись по девочкам – делай это в своем собственном доме или где-нибудь в безлюдной пустыне, понял? И относись к этой своей жене – как там ее зовут – со всей возможной привязанностью, когда находишься на людях, усек?

– Да, папа.

Вот почему этим утром Филипп Аткинсон так неважно себя чувствовал. Предыдущий вечер он провел на вечеринке со второстепенными членами королевской семьи, которые пили до тех пор, пока выпитое не полилось у них из ноздрей, и со своей женой, которая оправдывала их поведение тем, что они члены королевской семьи, хотя он мог переносить их только после семи стаканов «Шабли». Бывали моменты, когда он скучал по беззаботным пьяным временам старого Сайгона.

Неожиданно зазвонил телефон, и Аткинсон испортил свою подпись на документе, который не значил для него ровным счетом ничего.

– Да?

– Старший уполномоченный Венгерского Центрального Комитета на линии, сэр.

– Да? А кто это – кто они такие? Мы их – его – знаем?

– Не знаю, господин посол. Я не могу выговорить его имя.

– Хорошо, соединяй.

– Господин посол? – произнес глухой голос с сильным акцентом. – Господин Аткинсон?

– Да, это я. Простите, но я что-то не могу припомнить ни вашего имени, ни этой венгерской организации, к которой вы принадлежите.

– Это неважно. Я говорю от имени «Снейк Леди»...

– Постойте! – крикнул американский посол при английском правительстве.

– Не кладите трубку, я поговорю с вами через двадцать секунд.

Аткинсон опустил руку, включил свой шифратор и стал ждать, когда стихнут воющие звуки начавшего работать устройства.

– Хорошо, продолжайте.

– Я получил указания от «Снейк Леди» и инструкцию подтвердить у вас их достоверность.

– Подтверждаю!

– И я должен выполнить эти указания?

– Боже, конечно же! Что бы в них ни говорилось. Господи, посмотрите, что произошло с Тигартенем в Брюсселе, с Армбрустером в Вашингтоне! Защитите меня! Делайте все, что вам скажут!

– Благодарю вас, господин посол.

* * *

Стоя в душе, Борн пустил самую горячую воду, какую только мог вытерпеть, потом открыл холодную. Затем сменил повязку на шее, прошел обратно в свой маленький номер и упал на кровать... Значит, Мари нашла простой и нехитрый способ добраться до Парижа. Проклятие! Как ему найти ее, защитить ее? Она вообще думает, что творит? Дэвид должен уйти из его

головы. Он запаникует и наделает тысячу ошибок... О господи, ведь я и есть Дэвид!

Стоп. Не поддаваться. Не терять контроль.

Зазвонил телефон; он взял его с прикроватного столика.

– Да?

– Санчес хочет встретиться с вами. С миром в сердце.

Глава 24

Вертолет службы экстренной медицинской помощи приземлился на свою площадку; двигатель выключили, и через какое-то время лопасти прекратили вращаться. В соответствии с правилами высадки пациентов, только после этого открылась дверь и металлическая лесенка выдвинулась до земли. Первым из вертолета вышел медик неотложки в белом халате, обернулся и помог Панову спуститься на бетон, где другой человек в штатском сопровождал его до ожидающего лимузина. Внутри находились Питер Холланд, директор ЦРУ, и Алекс Конклин – последний расположился на откидном сиденье, по-видимому, чтобы было удобней разговаривать. Психиатр занял сиденье рядом с Холландом, несколько раз глубоко вздохнул и откинулся на спинку.

– Я маньяк, – заявил он, с ударением произнося каждое слово. – Признан сумасшедшим и сам подпишу все бумаги с подтверждением диагноза.

– Вы в безопасности, а это самое главное, док, – сказал Холланд.

– Рад видеть тебя, Сумасшедший Мо, – добавил Конклин.

– Да вы хоть представляете, что я сделал?.. Я специально направил машину в дерево, находясь в ней! Потом, когда я пешком прошел как минимум половину расстояния до Бронкса, меня подвезла самая безумная в мире особа, у которой в голове еще меньше винтиков, чем у меня. У нее воспаленное либидо, и она на всех парах убегала от своего мужа-дальнобойщика – впоследствии я узнал, что у него милое имя Бронк. Моя гулящая водительница берет меня в заложники, грозит закричать «Насилуют!» в закускойной, полной самых плотоядных шоферов грузовиков – за исключением одного, который и помог мне оттуда выбраться. – Панов неожиданно замолчал и опустил руку в карман. – Вот, – продолжил он, передавая пять водительских лицензий и около шести тысяч долларов в руки Конклину.

– Что это? – спросил удивленный Алекс.

– Я ограбил банк и решил стать профессиональным водителем!.. А ты как думаешь? Я забрал это у того человека, который меня охранял. Вертолетчикам я как мог объяснил, где произошла авария. Они полетели искать его. Найдут. Он не сможет никуда уйти.

Питер Холланд взял телефон и нажал три клавиши. Менее чем через две секунды он начал говорить:

– Передайте в службу экстренной медпомощи Арлингтона, борту пятьдесят семь. Человек, которого они заберут, должен быть тут же доставлен в Лэнгли. В госпиталь. И держите меня в курсе происходящего... Простите, доктор. Продолжайте.

– Продолжать? А что еще сказать? Меня похитили, держали на какой-то ферме и вкололи столько этаминала натрия, если не ошибаюсь, что его вполне хватило, чтобы сделать меня... жителем Луны, в чем меня недавно обвиняла мадам Сцилла Харибдовна.

– Что вы такое несете? – подозрительно спросил Холланд.

– Ничего, господин адмирал, или господин директор, или...

– Просто Питер, Мо, – перебил Холланд. – Но я вас не понимаю.

– А тут, кроме фактов, и понимать нечего. Мои литературные аллюзии – это всего лишь навязчивые попытки продемонстрировать несуществующую эрудицию. Проще говоря, это называется посттравматическим шоком.

– А, конечно, теперь все ясно.

Панов обернулся к директору Центрального разведывательного управления с нервной улыбкой.

– Прошу простить меня, Питер. Я все еще не в себе. Этот последний день не совсем соответствовал моему обычному жизненному укладу.

– Он не соответствовал ничьему укладу, – запротестовал Холланд. – Мне тоже не раз крепко доставалось, но ничего подобного со мной не происходило, мозги мне ни разу не промывали. Не вышло.

– Не торопись, Мо, – добавил Конклин. – Не надо себя насиловать; тебе и так пришлось несладко. Если хочешь, мы отложим брифинг на пару часов, чтобы ты отдохнул и пришел в себя.

– Не говори глупостей, Алекс! – резко ответил психиатр. – Уже второй раз из-за меня жизнь Дэвида оказалась в опасности. Сознание этого куда хуже любого наказания. Нельзя терять ни минуты... Забудьте про Лэнгли, Питер. Везите меня в одну из своих клиник. Я хочу, чтобы меня обработали, и в

сознательном или бессознательном состоянии я выдам все, что смогу вспомнить. И давайте быстрее. Я скажу врачам, что нужно делать.

– Вы шутите, – произнес Холланд, глядя на Панова.

– Какие тут могут быть шутки. Вы оба должны хотя бы представлять, что известно мне – на сознательном и подсознательном уровне. Вы это понимаете?

Начальник опять взялся за телефон и нажал одну клавишу. На переднем сиденье, за стеклянной перегородкой, водитель взял телефонную трубку, вмонтированную в соседнее сиденье.

– Планы меняются, – сказал Холланд. – Едем в Стерилизатор Пять.

Лимузин сбавил ход и на следующем перекрестке повернул направо, в сторону холмов и зеленых полей охотничьих угодий штата Виргиния. Моррис Панов закрыл глаза, как будто погрузившись в транс, или как человек, ожидающий сурового испытания – может быть, даже собственной казни. Алекс посмотрел на Питера Холланда; потом они оба перевели взгляд на Мо и снова переглянулись. Что бы ни делал Панов, для этого была причина. Пока через полчаса они не достигли ворот поместья, где размещался Стерилизатор номер пять, никто не проронил ни слова.

– Дэ-це-эр и компания, – сказал водитель охраннику в форме частной охранной конторы, которая на самом деле была одним из отделов ЦРУ. Лимузин поехал по длинной, обсаженной деревьями подъездной аллее.

– Спасибо, – произнес Мо, открывая глаза и мигая. – Как вы уже, наверное, догадались, я пытаюсь очистить голову и понизить давление.

– Вы не должны этого делать, – настаивал Холланд.

– Нет, должен, – ответил Мо. – Может быть, через какое-то время я и смогу с некоторой точностью восстановить все подробности происшедшего, но сейчас это невозможно, а у нас нет времени. – Мо повернулся к Конклину: – Что ты можешь мне рассказать?

– Питеру все известно. Чтобы у тебя опять не подскочило давление, в детали вдаваться не буду, главное, что с Дэвидом пока все в порядке. По крайней мере, других сведений не поступало.

– А Мари? Дети?

– Они на острове, – ответил Алекс, избегая взгляда Холланда.

– А что это за Стерилизатор Пять? – спросил Панов, глядя на Холланда. – Подозреваю, тут найдутся специалист или специалисты, которые мне нужны.

– Работают посменно круглые сутки. Думаю, некоторых вы знаете.

– Лучше бы не знал.

Длинный черный автомобиль развернулся и остановился перед каменной лестницей особняка с колоннами в георгианском стиле, который находился в центре поместья.

– Идем, – тихо сказал Мо, вылезая из машины.

Рельефные белые двери, мраморные полы розового цвета и изящные винтовые лестницы огромного холла служили роскошным прикрытием для работы, которая велась в Пятом Стерилизаторе. Перебежчики, двойные и тройные агенты, оперативники, возвращавшиеся после выполнения сложных заданий для отдыха и разбора полетов, потоком проходили через его отделы. Персонал, каждый член которого имел допуск уровня «четыре нуля», состоял из двух врачей и трех сестер, которые работали по сменам, поваров и горничных, набранных из дипломатических представительств – в большинстве своем из посольств США в других странах, – и охранников, прошедших службу в десантных диверсионно-разведывательных подразделениях или их аналогах. Они неслышно передвигались по особняку и территории поместья, постоянно находясь настороже, у всех имелось скрытое под одеждой или видимое оружие – его не было только у медперсонала. Всем без исключения посетителям на лацкан прикреплялись маленькие таблички, выдачей которых заведовал обходительный управляющий в темном костюме, пропускавший и направлявший пришедших в соответствующие расписанию отделения. Человек этот был уже седовласым, переводчиком ЦРУ в отставке, но с таким представительным видом, что его можно было принять за важную шишку.

Увидев Питера Холланда, управляющий удивился. Он гордился тем, что знал все расписание визитов по памяти.

– Незапланированное посещение, сэр?

– Рад видеть тебя, Фрэнк. – Директор ЦРУ пожал руку бывшему переводчику. – Помнишь Алекса Конклина?..

– Господи, Алекс, это ты? Сколько лет! – еще одно рукопожатие. – Когда же мы виделись в последний раз?.. Это была та сумасшедшая женщина из Варшавы, не так ли?

– Кагэбэшники, наверное, до сих пор посмеиваются, – улынулся Конклин. – Единственный секрет, который ей был известен, – это рецепт самых отвратительных *goluprki*, которые я когда-либо пробовал... Еще работаешь, Фрэнк?

– Иногда, – ответил управляющий и досадливо поморщился. – Эти молодые переводчики не могут отличить пирог с заварным кремом от kluski.

– Поскольку я тоже не смогу их отличить, – сказал Холланд, – то можно тебя на пару слов, Фрэнк?

Двое пожилых мужчин отошли в сторону, тихо переговариваясь, пока Алекс и Мо молча стояли, причем последний постоянно хмурился и время от времени делал глубокий вдох. Директор вернулся и вручил своим коллегам по табличке.

– Я знаю, куда идти, – сказал он. – Фрэнк их предупредит.

Трое поднялись по красивой винтовой лестнице, причем Конклин, как обычно, прихрамывал, а потом пошли по гасящему звуки шагов ковру по коридору влево в заднюю часть огромного дома. Справа была толстая дверь, непохожая на все остальные двери, которые они миновали; она была лакированная дубовая, в верхней ее части располагались четыре маленьких окошка, а около ручки виднелись две черные кнопки. Холланд вставил в замок ключ, повернул его и нажал нижнюю кнопку; в тот же момент на камере под потолком вспыхнул красный огонек. Двадцать секунд спустя послышалось характерное металлическое поскрипывание, которое производит останавливающийся лифт.

– Заходите, джентльмены, – пригласил директор.

Дверь закрылась, и лифт начал спускаться.

– Мы что, поднимались вверх, чтобы спуститься вниз? – спросил Конклин.

– Из соображений безопасности, – пояснил Холланд. – Это единственный способ попасть туда, куда мы направляемся. На первом этаже лифта нет.

– А можно человеку с одной ногой узнать почему? – не сдавался Алекс.

– Я думал, ты сообразишь быстрее меня, – заметил директор. – Все проходы в подвал закрыты – кроме двух лифтов, которые минуют первый этаж и для которых нужен ключ. Один лифт – это тот, в котором мы сейчас, а второй находится в другой стороне дома. Этот везет нас туда, куда нам надо, а шахта второго спускается к котельной, системе вентиляции и другому оборудованию, которое обычно устанавливают в подвале. Фрэнк дал мне ключ. Если он не будет возвращен на свое место через положенное время – сработает сигнализация.

– Мне все это кажется излишне сложным, – коротко и нервно проронил Панов. – Дорогие игрушки.

– Не совсем, Мо, – мягко перебил Конклин. – Взрывчатку очень легко спрятать в системе отопления или в трубах канализации. И известно ли тебе, что в последние дни существования бункера Гитлера самые здравомыслящие из его помощников пытались пробить воздушные фильтры отравляющим газом? Это просто меры предосторожности.

Лифт остановился, и дверь открылась.

– Налево, доктор, – сказал Холланд.

Коридор сиял девственно-белым покрытием, которое само по себе должно было отпугивать всех микробов, что не было удивительным, так как этот подземный комплекс представлял собой очень сложный медицинский центр. Его предназначение заключалось не только в лечении людей, но и в том, чтобы сломить их сопротивляемость и получить информацию – правду, которая могла помочь предотвратить провал рискованных операций и часто спасала жизни.

Они вошли в комнату, разительно отличавшуюся от белоснежного коридора, залитого сиянием ламп дневного света. Здесь стояли массивные кресла, из скрытых светильников струился мягкий свет, на столике стоял кофейник с чашками; на других столах аккуратными пачками лежали газеты и журналы, и все это вместе создавало обстановку максимального комфорта для тех, кто ожидал здесь чего-либо или кого-либо. Из внутренних дверей показался одетый в белый медицинский халат мужчина, он хмурился и выглядел неуверенным.

– Господин Холланд? – спросил он, подходя к Питеру и протягивая руку. – Я доктор Уолш, вторая смена. Думаю, вы понимаете, мы не ожидали вашего визита.

– Боюсь, что у нас неотложное дело, и оно не доставляет мне особой радости. Разрешите представить вам доктора Морриса Панова – если только вы с ним не знакомы.

– Конечно, знаком, – Уолш еще раз протянул руку. – Это большое удовольствие и честь видеть вас, доктор.

– Вы успеете взять свои слова обратно раньше, чем мы уйдем отсюда, доктор. Можем мы поговорить наедине?

– Разумеется. Мой кабинет внутри. – Двое мужчин исчезли в дверях.

– А ты разве не пойдешь с ним? – спросил Конклин, глядя на Питера.

– А почему бы не пойти тебе?

– Черт возьми, ты же начальник. Ты должен настоять на своем!

– Ты его ближайший друг. Так что это твое дело.

– Но меня тут никто не знает.

– Мо в нас больше не нуждается. Давай-ка лучше выпьем кофе. У меня от этого места мурашки по коже бегают.

Холланд подошел к столику с кофейником и наполнил две чашки.

– Ты какой любишь?

– Чтобы в нем было больше молока и сахара, чем принято. Я сам положу.

– А я все еще пью черный, – сказал директор, отходя от столика и доставая из кармана рубашки пачку сигарет. – Моя жена говорит, что кофеин меня однажды прикончит.

– Другие считают, что это сделает табак.

– Что?

– Гляди, – Алекс указал на табличку на противоположной стене. На ней было написано: «Благодарим вас за то, что вы воздерживаетесь от курения».

– Меня тут все знают, – тихо заявил Холланд, щелкнув зажигалкой, и закурил.

Прошло почти двадцать минут. Все это время то один, то другой брали газету или журнал, чтобы через пару мгновений положить их на место и посмотреть на внутреннюю дверь. Наконец, по прошествии двадцати восьми минут с того момента, как он удалился с Пановым, в дверях вновь появился доктор Уолш.

– Он сказал мне, что вы в курсе, о чем он просит, и у вас нет возражений, мистер Холланд.

– У меня полно возражений, но, судя по всему, он их все отклонил... О, простите меня, доктор, это Алекс Конклин. Он один из самых близких друзей Панова.

– А что скажете вы, мистер Конклин? – спросил Уолш, отвечая на приветствие Алекса кивком.

– Мне очень не нравится то, что он делает – хочет сделать, – но он настаивает, что так надо. Если это так и это действительно нужно, тогда я его прекрасно понимаю. Если же нет, я сам вытащу его отсюда, даже на моей одной ноге. Доктор, это правда необходимо? И каков риск?

– Риск всегда появляется там, где замешаны наркотики, особенно это касается обмена веществ, и ему это известно. Именно для этого он

разработал метод внутривенного введения, который усиливает психологическую боль, но в какой-то мере снижает вероятность неблагоприятных последствий.

– В какой-то мере? – вскрикнул Алекс.

– Я говорю так, как есть на самом деле. Он и сам этого не скрывает.

– Какой из этого следует вывод, доктор? – спросил Холланд.

– В худшем случае ему грозит два или три месяца интенсивной терапии.

– Но все это действительно необходимо? – настаивал Конклин. – Без этого правда нельзя обойтись?

– Да, – ответил Уолш. – Все произошло недавно, и он еще находится под впечатлением. Случившееся завладело его сознанием, это может означать только то, что он испытал потрясение и на подсознательном уровне. Он прав. Ему будет сложно заставить свою память работать... Я обращаюсь к вам чисто формально. Он настаивает на процедуре, и после того, что он мне рассказал, я не могу не поддержать его. Я бы сделал то же самое. Каждый из нас пошел бы на это.

– А меры предосторожности? – спросил Алекс.

– Сестра будет находиться за дверью. Внутри будет только диктофон на батарейках... и кто-нибудь из вас – или вы оба. – Врач повернулся к двери, затем оглянулся. – Я вас позову, – добавил он и скрылся за дверью.

Конклин и Холланд переглянулись. Начался второй период ожидания.

К их удивлению, он продлился всего минут десять. В комнату отдыха вошла сестра и попросила следовать за ней. Они пошли по лабиринту из белых стен, однообразие которых прерывалось лишь утопленными в них панелями со стеклянными ручками – это были двери. Только раз во время своего краткого путешествия они встретили еще одно человеческое существо – это был мужчина в белом халате, с белой хирургической маской на лице, который вышел из еще одной белой двери. Его острые напряженные глаза над куском белой материи смотрели немного осуждающе, признав в них пришельцев из другого мира, который не был Пятым Стерилизатором. Сестра открыла дверь, сверху над ней мигала красная лампа. Она приложила палец к губам, прося соблюдать тишину. Холланд и Конклин тихо вошли внутрь темного помещения и оказались перед белым занавесом, скрывавшим кровать или операционный стол; через него пробивался маленький кружок яркого света. Они слышали тихий голос доктора Уолша:

– Вы отправляетесь в прошлое, доктор, не очень далеко, на день или около того, к тому моменту, когда вы начали ощущать тупую тянущую боль в вашей руке... вашей руке, доктор. Зачем они причиняют боль вашей руке? Вы были на ферме, маленькой ферме с полями за окном, а потом они надели вам на глаза повязку и стали причинять боль вашей руке. Вашей руке, доктор.

Неожиданно на потолке отразилась неяркая вспышка зеленого света. Занавес сам раздвинулся на несколько футов, открыв кровать, пациента и врача. Уолш убрал палец с кнопки около кровати и посмотрел на них, делая жесты руками и как бы говоря: «Здесь больше никого нет. Убедились?»

Оба свидетеля кивнули, сперва замороженные, а потом охваченные ужасом от увиденного: по искаженному гримасой бледному лицу Панова из широко открытых глаз катились слезы. Одновременно они увидели и белые ремни, выступавшие из-под белой простыни, которые держали Мо – скорее всего он сам приказал себя связать.

– Рука, доктор. Мы должны начать с инъекции, не так ли? Вы же знаете ее предназначение, доктор, не так ли? За ней последует другая инъекция, чего вы не можете допустить. Вы должны это остановить.

Раздался пронзительный крик ужаса и протеста:

– Нет, нет! Я не скажу вам! Я убил его один раз и не буду убивать его еще раз! Уйдите от меняааа!..

Алекс пошатнулся и сполз на пол. Питер Холланд, этот сильный широкоплечий адмирал, участник самых тайных операций на Дальнем Востоке, схватил его и аккуратно и неслышно вывел за дверь, передав сестре.

– Уведите его отсюда, прошу вас.

– Да, сэр.

– Питер, – кашлянул Алекс, пытаюсь встать и вновь падая. – Прости меня, господи, прости меня!

– За что? – тихо спросил Холланд.

– Я должен смотреть, но я не могу это делать!

– Я понимаю. Это слишком тяжело. Будь я на твоём месте, я бы тоже не смог.

– Нет, ты не понимаешь! Мо говорит, что убил Дэвида, но это совсем не так. А я собирался, я действительно хотел его убить! Я был не прав, но всеми силами старался его убить! И вот я опять сделал то же самое. Послал его в Париж... Это не Мо виноват, а я!

– Прислоните его к стене, мисс. Пусть опустится на пол, и, пожалуйста, оставьте нас одних.

– Да, сэр! – сестра сделала, как ей было велено, и ушла, оставив Холланда и Алекса наедине в белом лабиринте.

– Так, а теперь послушай меня, Агент, – прошептал седоволосый директор Центрального разведывательного управления, опускаясь на колени перед Конклином. – Пора остановить эту карусель вины и самобичевания – ее нужно остановить, – или мы ничего не добьемся. Мне все равно, что ты или Панов сделали тринадцать или пять лет назад или даже сейчас! Мы все умные люди, и каждый из нас делал то, что считал в то время правильным... Знаешь что, Святой Алекс? Да-да, я знаю твое прозвище. Мы все совершаем ошибки. Это нехорошо, не так ли? Наверное, мы не так уж и умны. Наверное, Панов не самый лучший психиатр, а ты не самый лучший агент, которого канонизировали, и, вероятно, я не самый великий стратег, каким меня представляют. Ну и что с того? Мы все равно должны заниматься своей работой.

– Черт, прошу тебя, замолчи! – закричал Конклин, пытаясь опереться на стену и встать.

– Тихо!

– О, проклятие! Не хватало только, чтобы ты читал мне проповеди! Будь у меня нога, я бы тебя сейчас отделал.

– Ты угрожаешь мне?

– У меня был черный пояс. Так и знай, адмирал.

– Ну и ну. А я даже на руках бороться не умею.

Их взгляды встретились, и Алекс первым тихо засмеялся.

– Ты невыносим, Питер. Я тебя понял. Помоги подняться. Пойду в комнату отдыха и подожду тебя там. Дай мне руку.

– Черта с два, – сказал Холланд, поднимаясь на ноги и глядя на Конклина сверху вниз. – Помоги себе сам. Кто-то рассказал мне, что Святой преодолел сто сорок миль по вражеской территории, прошел реки и джунгли и добрался до базы «Фокстрот». Где первым делом спросил, нет ли у кого-нибудь бутылочки виски.

– Да, но, черт побери, тогда было другое дело. Я был гораздо моложе, и у меня было две ноги.

– Представь, что сейчас их у тебя тоже две, Святой Алекс, – Холланд подмигнул. – Я иду обратно внутрь. Кто-то из нас должен быть там.

– Мерзавец!

Конклин просидел в приемной час и сорок семь минут. Его никогда не беспокоил протез, но сейчас происходило именно это. Он не мог понять, что означает это невероятное ощущение, но зуд в несуществующей ноге не прекращался. Об этом стоило подумать, и он с тоской вспомнил молодость, когда у него было две ноги и все было иначе. О, как он хотел изменить мир! И каким справедливым считал то, что волею судьбы он стал самым молодым выпускником, прочитавшим речь на выпускном вечере своей школы, самым молодым студентом Джорджтауна, ярким, ярким светом, сверкавшим в конце тоннеля его академии. Трудности начались, когда кто-то где-то узнал, что его настоящим именем было не Александр Конклин, а Алексей Николаевич Консоликов. И какой-то человек, чьего лица он не мог вспомнить, как бы между прочим задал ему вопрос, изменивший всю жизнь Конклина.

– А вы случайно не говорите по-русски?

– Конечно, – ответил он, удивленный, что его посетитель мог даже предположить, что это не так. – Как вы, вероятно, знаете, мои родители были иммигрантами. У меня была не только русская семья, но и русские соседи – по крайней мере, когда я был маленьким. Вы не смогли бы купить буханку хлеба, если бы не знали языка. А в церковно-приходской школе священники и монахини, особенно поляки, неистово боролись за употребление родной речи... Уверен, в немалой степени из-за этого я и не стал священнослужителем.

– Но это было давно, как вы сами сказали.

– Да.

– Что же изменилось?

– Полагаю, это есть в каком-нибудь из ваших правительственных отчетов и вряд ли порадует вашего отвратительного сенатора Маккарти.

Тут Алекс вспомнил лицо своего собеседника. Это было лицо человека средних лет, и оно неожиданно застыло, а в глазах угадывался затаенный гнев.

– Уверяю вас, мистер Конклин, я никоим образом не связан с сенатором. Вы называли его мерзким, я же оперирую другими словами, но они здесь неуместны... Так что же изменилось?

– Под закат своих дней мой отец стал тем, кем он когда-то был в России – преуспевающим купцом, капиталистом. Он владел семью супермаркетами в престижных торговых центрах. Они называются «Conklin's Corners». Сейчас ему за восемьдесят, и, хотя я его горячо люблю, мне неприятно говорить о том, что он ярый сторонник сенатора. Я просто учитываю его возраст, его трудолюбие, его ненависть к Советам и избегаю говорить на эти темы.

– Вы очень умны и дипломатичны.

– Да, умен и дипломатичен, – согласился Алекс.

– Мне приходилось делать покупки в магазинах вашего отца. Они довольно дорогие.

– О да.

– А откуда взялся «Конклин»?

– Это придумал отец. Мама говорит, что он увидел это слово на рекламном щите моторного масла, через четыре-пять лет после их переезда сюда. Да и к тому же фамилию Консоликов в любом случае пришлось бы сменить. Как однажды сказал мой отец, «с русскими фамилиями делать здесь деньги могут только евреи». Опять-таки я стараюсь не касаться этого вопроса.

– Вы очень дипломатичны.

– Это не так сложно. У него немало хороших качеств.

– Даже если бы у него их и не было, я уверен, вы бы вели себя так же убедительно и мастерски скрывали свои чувства.

– Почему мне кажется, что вы сделали на последних словах ударение?

– Потому что оно так и есть, мистер Конклин. Я представляю правительственное управление, которое чрезвычайно в вас заинтересовано и где у вас будет такое же безграничное по возможностям будущее, как и у всех его потенциальных сотрудников, с которыми я разговаривал за последние десять лет...

«Этот разговор произошел почти тридцать лет назад», – подумалось Алексу, и он в очередной раз взглянул на внутреннюю дверь комнаты отдыха Пятого Стерилизатора, этого необычного медицинского центра. А какими сумасшедшими были прошедшие годы. Во время кризиса его отец попытался расширить бизнес, но переоценил возможности, вложив в дело огромные суммы, существовавшие только в его воображении и головах алчных банкиров. Он потерял шесть из семи супермаркетов – оставшийся был самым маленьким, и его доходов не хватало на тот образ жизни, который отец

считал приемлемым; но тут его как раз хватил удар, и он умер в тот момент, когда самостоятельная жизнь Алекса только начиналась.

Берлин – Восточный и Западный. Москва, Ленинград, Ташкент и Камчатка. Вена, Париж, Лиссабон и Стамбул. И опять через полземного шара в Токио, Гонконг, Сеул, Камбоджу, Лаос и, наконец, Сайгон и этот ужас, случившийся во Вьетнаме. Все это время он набирался опыта, совершенствовал знание языков и стал главным специалистом Управления по проведению секретных операций, главным разведчиком, а подчас и разработчиком спецопераций. Но одним туманным утром в дельте Меконга взрыв мины сломал Алексу всю жизнь, лишив его ноги. Агенту, в своей работе опиравшемуся на мобильность, остался небогатый выбор: уход с оперативной работы, и никакого просвета. Он начал пить, хотя это пристрастие и можно было объяснить генами. Русская зима депрессии превратилась в весну, лето, а затем осень. Скелетоподобной развалине, бывшей когда-то жизнерадостным человеком, была дана отсрочка. Дэвид Вебб – Джейсон Борн – вернулся в его жизнь.

Открылась дверь, милосердно прервав его воспоминания, и в холл медленно вошел Питер Холланд. У него было бледное и осунувшееся лицо, глаза затуманены, а в левой руке он держал две маленькие пластиковые коробочки, вероятно, в каждой из которых лежало по кассете пленки.

– Пока я жив, – глухим тихим голосом, не громче шепота, сказал Холланд, – я молю бога, чтобы мне никогда больше не пришлось стать свидетелем подобного еще раз.

– Как там Мо?

– Не думал, что он выживет... У меня мелькнула мысль, что он себя убьет. Уолш постоянно делал паузы. Могу сказать тебе, доктор был напуган не меньше меня.

– Но, господи, почему же тогда он все не прекратил?

– Я спросил его об этом же. Он сказал, что Мо не только все подробно описал на словах, но и записал свои указания на бумагу и подписал ее, приказав слово в слово все выполнить. Не знаю, может быть, у врачей по отношению друг к другу работает какой-то неписанный этический кодекс, но одно я знаю точно – Уолш все время смотрел на монитор ЭКГ, практически не спускал с него глаз. Как и я – просто на него было легче смотреть, чем на Мо. Боже, давай пойдем отсюда!

– Погоди. А что же с Пановым?

– Он еще не готов к вечеринке по случаю возвращения. Пару дней пробудет здесь под наблюдением. Уолш позвонит мне утром.

– Но мне надо увидеть его. Я хочу его увидеть.

– Там не на что смотреть, кроме как на униженное человеческое естество. Поверь мне, ты не захочешь этого видеть, да и Мо не хотелось бы, чтобы ты это видел. Идем.

– Куда?

– К тебе домой – в наш комплекс в Вене. Полагаю, у тебя там есть магнитофон?

– У меня есть все, кроме разве что лунного модуля, но большей частью всего этого я не умею пользоваться.

– По пути я хочу купить виски.

– У меня дома есть все, что нужно.

– А это тебе не помешает? – спросил Холланд, изучающе глядя на Алекса.

– Даже если и так, какое это имеет значение.

– Никакого... Насколько я помню, там есть вторая спальня, не так ли?

– Да.

– Отлично. Мы можем просидеть всю ночь за прослушиванием вот этого, – глава ЦРУ поднял кассеты. – Первые два прослушивания ничего не дадут. Все, что мы услышим, – это боль, а не информация.

Было уже за пять часов вечера, когда они покинули поместье, известное в Управлении как Пятый Стерилизатор. Дни уже становились короче, на пороге был сентябрь, садящееся солнце оповещало, что скоро осень.

– Перед смертью свет всегда кажется ярче, – сказал Конклин, откидываясь на сиденье лимузина рядом с Холландом и глядя в окно.

– Я нахожу это высказывание не только неуместным, но и довольно глупым, – устало заявил Питер. – Не смогу с ним согласиться до тех пор, пока не узнаю, кто это сказал. И кто это был?

– Иисус, я думаю.

– Что-то я не припоминаю такой строки в Писании.

Алекс тихо рассмеялся в ответ.

– А ты хоть раз читал ее? Библию, я имею в виду.

– Почти всю.

– Потому что тебя заставляли?

– Нет. Мои отец и мать были такими скептиками, насколько ими могут быть два человека, чтобы только на них не вешали ярлык воинствующих безбожников. Они ничего сами не рассказывали, а просто отправляли меня и двух моих сестер в первое воскресенье на протестантскую службу, во второе – на католическую, а после этого – в синагогу. Все это происходило без особой регулярности, но мне кажется, они делали это, чтобы мы уловили общую идею. Вот что заставляет детей читать. Естественное любопытство, подогретое мистикой.

– Этому нельзя противостоять, – согласился Конклин. – Я утратил веру, но теперь, после долгих лет духовной независимости, мне кажется, что чего-то не хватает.

– То есть?

– Спокойствия, Питер. Я не чувствую душевного спокойствия.

– Зачем оно тебе?

– Не знаю. Может быть, мне беспокойно из-за того, что происходят вещи, которые мне не подвластны.

– Хочешь сказать, тебе не хватает чувства оправданности, метафизического оправдания. Прости, Алекс, это не наш случай. Мы в ответе за свои поступки, и никакое отпущение грехов этого не изменит.

Конклин повернул голову и широко раскрытыми глазами уставился на Холланда.

– Спасибо, – сказал он.

– За что?

– За то, что сказал это, как я, даже слова такие же использовал... Пять лет назад я вернулся из Гонконга, а на моем копье развевался флаг с девизом «Ответственность».

– Что ты несешь?

– Забудь. Все в порядке... «Остерегайтесь ошибок церковной вседозволенности и самонадеянности».

– А это еще кто сказал?

– Савонарола или Сальвадор Дали – не помню, кто именно.

– Так, ладно, кончай! – рассмеялся Холланд.

– Почему? Мы в первый раз разговорились по душам. А что с твоими двумя сестрами? Что с ними стало?

– Это еще забавнее, – ответил Питер, склонив подбородок и с озорством улыбаясь. – Одна стала монахиней в Нью-Дели, вторая – президент своей собственной компании, занимающейся связями с общественностью в Нью-Йорке, и говорит на идиш лучше, чем большинство ее коллег по цеху. Пару лет назад она мне сказала, что ее перестали называть шикса. Ей нравится ее образ жизни, так же, как и другой моей сестре в Индии.

– И, несмотря на это, ты выбрал военную карьеру.

– Не «несмотря», Алекс... Из-за этого я ее выбрал. Я был недовольным молодым человеком, который искренне полагал, что эту страну обманывают. Происходил из обеспеченной семьи; деньги, влияние, дорогое образование – все это гарантировало мне автоматическое поступление в Академию ВМФ в Аннаполисе – мне, а не черному парню с улиц Филадельфии или Гарлема. И я просто решил, что должен как-то заслужить эти привилегии. Должен доказать, что подобные мне люди не пользуются своим положением, чтобы избегать ответственности, а наоборот, стремятся к еще большей ответственности, чем остальные.

– Возрождение аристократии, – сказал Конклин. – *Noblesse oblige* – положение обязывает.

– Не издевайся, – запротестовал Холланд.

– Я не издеваюсь, это абсолютно серьезно. *Aristo* по-гречески означает «лучший», *kratia* – «власть». В Древних Афинах такие молодые люди вели за собой армии, и их мечи сверкали впереди войска, а не позади него, чтобы доказать солдатам, что они готовы погибнуть вместе с ними, людьми низкого происхождения, потому что эти самые люди низкого происхождения находились у них в подчинении.

Питер Холланд прислонил затылок к подголовнику вельветового сиденья и прикрыл глаза.

– Наверное, это тоже там было, я не уверен – я просто не знаю. Мы слишком много хотели... а ради чего? Резни на Порк-Чоп Хилл? Неизвестной, никому не нужной земли у Меконга? Зачем? Господи, ну для чего? Ради того, чтобы в людей стреляли, им разворачивало грудь и живот пулей противника, находившегося от них в двух футах, – вьетконговца, знавшего джунгли лучше, чем они? Что это была за война?.. Если бы ребята вроде меня не шли вместе с другими, как бы говоря «Эй, смотри, я тоже тут, я вместе с вами», то как бы, по-твоему, все это могло продолжаться? Начались бы просто массовые бунты, и, может быть, это было бы правильно.

Эти ребята были теми, кого кто-то зовет ниггерами, латиносами и просто отбросами, они умели читать и писать лишь на уровне третьего класса. А у таких, как я, была отсрочка – отсрочка, чтобы не успеть запачкаться в этой грязи, – или местечко, которое спасало от службы. У тех же ничего этого не было. И если то, что я – привилегированный сукин сын – был там вместе с ними, хоть что-то значит – это лучшее, чего я достиг в своей жизни. – Холланд неожиданно замолчал и закрыл глаза.

– Прости, Питер. Я не хотел ворошить прошлое, правда. Да и начал я со своей вины, а не с твоей... Правда странно, как все переплелось и одно тянет другое? Как ты это назвал? Карусель вины? Когда она остановится?

– Сейчас, – ответил Холланд, выпрямился на сиденье и расправил плечи и спину. Он взял трубку внутренней связи, нажал пару клавиш и заговорил: – Высадите нас в Вене, пожалуйста. А после этого отыщите китайский ресторан и привезите нам лучшее из того, что у них есть... Честно говоря, обожаю цыпленка с лимоном и обжаренные ребрышки.

Предположения Холланда оказались недалеко от истины. Первое прослушивание того, что Панов выдавал под действием сыворотки, было просто мучительным, голос подвергающегося процедуре путал мысли, эмоциональная составляющая мешала усвоению информации, и это было особенно сложно сделать тем, кто лично знал психиатра. Второе прослушивание, как ни странно, прошло при неослабевавшей концентрации внимания, что было, без сомнения, следствием той боли, которую они слышали в каждой фразе. Времени на копание в собственных чувствах не оставалось: информация внезапно приобрела решающее значение. Оба начали делать пометки на бумаге, постоянно останавливая и перематывая пленку, чтобы прояснить и понять неясные моменты. Третье прослушивание принесло дополнительные детали; а к концу четвертого захода Алекс и Питер Холланд исписали от тридцати до сорока страниц каждый. Еще час они провели в молчании, анализируя свои записи.

– Ты готов? – спросил глава ЦРУ с дивана, сжимая в руке карандаш.

– Да, – Конклин сидел за своим столом, на котором находилось его разнообразное электронное оборудование, подпирая локтем магнитофон.

– Есть какие-нибудь соображения?

– Есть, – ответил Алекс, – девяносто девять целых сорок четыре сотых процента всего, что мы слышали, не дает нам ничего, кроме доказательства того, каким ужасным мастером допроса является этот Уолш. Он делал

выводы и строил дальнейшие вопросы по ключевым словам раньше, чем я их замечал, а мои навыки ведения допроса совсем не на любительском уровне.

– Согласен, – сказал Холланд. – Я тоже неплохо с этим справлялся, особенно когда у меня в руке был какой-нибудь увесистый предмет. Но Уолш молодец.

– Даже больше, чем молодец, но это нас не интересует. А интересует то, что он вытянул из Мо, – и опять появляется «но». Важно не то, что он вспомнил о том, как рассказал все, что узнал от меня, – а он раскололся почти полностью, это очевидно. Важно, что он слышал, – Конклин отделил несколько листов. – Вот пример. «Семья будет довольна... наш сюприм даст нам свое благословение». Он повторяет чьи-то слова, а не собственные. Но дело в том, что Мо не знаком с криминальным жаргоном, во всяком случае, не до такой степени, чтобы проводить параллели, а они здесь имеются. Возьмем слово «сюприм» и прибавим одну гласную. «Сюпримо» – «саро супремо» 92, а это совсем не ангел. Тогда «семья» сразу на несколько световых лет удаляется от Нормана Роквелла, а «благословение» заменяется вознаграждением или бонусом.

– Мафия, – сказал Питер, чей взгляд оставался острым и внимательным, несмотря на количество выпитого к этому времени. – Я это тоже инстинктивно отметил, хотя и не обдумал... Так, тут есть еще кое-что из этой серии – я уловил нехарактерные для Панова фразы, – Холланд пролистал свою пачку бумаги и выбрал один листок. – Вот. «Нью-Йорку нужно все», – Питер пролистал еще несколько страниц. – И здесь. «Этот парень с Уолл-стрит просто нечто», – директор ЦРУ перевернул пару страниц. – И вот еще. «Блондинчики» – дальше ничего интересного.

– Я это пропустил. То есть я это слышал, но не понял, о чем идет речь.

– Ничего удивительного, мистер Алексей Консоликов, – улыбнулся Холланд. – Под этой англосаксонской внешностью и образованием бьется русское сердце. Тебя не может задеть то, что приходится терпеть некоторым из нас.

– Да?

– Я истинный американец англосаксонского происхождения, а «блондинчик» – это еще одно уничижительное определение, которое нам дали, скажем, некоторые пострадавшие меньшинства. Подумай об этом. Армбрустер, Свайн, Аткинсон, Бартон, Тигартен – все они «блондинчики». Да и «парень с Уолл-стрит», этого финансового оплота «белой кости».

– «Медуза», – кивнул Алекс. – «Медуза» и мафия...

– У нас есть телефонный номер! – Питер подался вперед. – Он был в дневнике, который Борн достал в доме Свайна.

– Я же уже пробовал, помнишь? Там только автоответчик, и больше ничего.

– Ну и отлично. Мы можем узнать, где он находится.

– И что? Кто бы ни забирал сообщения, он делает это удаленно, а если у него или нее есть хоть немного мозгов, то из уличного таксофона.

Забирающего сообщения не только нельзя отследить, но он к тому же может их все стереть, так что нам ничего не светит.

– Ты не очень ладишь с достижениями технического прогресса, а, Агент?

– Недавно, – ответил Конклин, – я купил себе видеомэгнитофон, чтобы иметь возможность смотреть старые фильмы, и не знал, как отключить эти проклятые мигающие часы. Я позвонил продавцу, а он сказал: «Прочитайте инструкцию на внутренней панели». Я не смог найти внутреннюю панель.

– Тогда позволь тебе объяснить, что мы можем сделать с автоответчиком... Мы можем его дистанционно заблокировать.

– Да неужели? И что нам это даст? Кроме того, что мы лишимся еще одного источника информации?

– Ты кое-что забываешь. По номеру мы узнаем, где автоответчик находится.

– Допустим.

– Кто-то должен будет придти и починить его.

– Ага.

– Мы хватаем его и узнаем, кто его послал.

– Знаешь, Питер, а у тебя есть способности. Неплохо для новичка, если не брать в расчет твое сегодняшнее абсолютно незаслуженное положение.

– Прости, не могу предложить тебе выпить по этому случаю.

Брюс Огилви, из адвокатской конторы «Огилви, Споффорд, Крофорд и Коэн», диктовал чрезвычайно запутанный отчет для антимонопольного комитета Министерства юстиции, когда раздался звонок по очень секретной линии – телефон, подключенный к ней, звонил только у него на столе. Он поднял трубку, нажал зеленую клавишу и быстро сказал: «Подождите». Потом посмотрел на свою секретаршу.

– Вы не оставите меня на пару минут?

– Конечно, сэр. – Секретарша поднялась со стула, пересекла элегантный просторный кабинет и исчезла за дверью.

– Да, в чем дело? – спросил Огилви, вновь берясь за телефон.

– Автоответчик не работает, – сказал голос на другом конце защищенной линии.

– Что случилось?

– Не знаю. Там постоянно «занято».

– Там стоит самое лучшее оборудование. Наверное, кто-то позвонил прямо перед тобой.

– Я пытался прозвониться последние два часа. Тут что-то не так. Даже лучшие машины могут сломаться.

– Хорошо, пошли кого-нибудь там все проверить. Кого-нибудь из ниггеров.

– Естественно. Никакой белый туда не пойдет.

Глава 25

Было немного за полночь, когда Борн вышел из поезда метро в Аржентоле. Он разделил свой день на части, отведя несколько часов на необходимые приготовления, а остальное время посвятил поискам Мари, перемещаясь из одного места в другое, заглядывая в каждое кафе, каждый магазин, каждый маленький и большой отель, который мог по его воспоминаниям быть частью их кошмарного бегства тринадцать лет назад. Не раз у него перехватывало дыхание, когда на улице или в противоположном конце кафе он видел знакомый женский затылок, быстрый поворот головы или копну темно-рыжих волос, которые в неясном свете кафе могли принадлежать его жене. Но каждый раз оказывалось, что это не Мари. Это было самое тяжелое время дня; остальные часы были наполнены усталостью и ощущением собственной вины.

Алекс! Где этот проклятый Конклин? Он не мог дозвониться ему в Виргинию! Из-за разницы во времени он рассчитывал на то, что Алекс уточнит детали и, главное, ускорит перевод денег. На восточном побережье Соединенных Штатов рабочий день начинался в четыре часа по парижскому времени, а в Париже рабочий день заканчивался в пять часов или еще раньше, естественно, по парижскому времени. Таким образом, оставался примерно час на перевод около миллиона американских долларов некоему мистеру Симону в один из выбранных им парижских банков, а это в свою очередь означало, что упомянутый мистер Симон должен был открыть счет в

указанном выше, еще не выбранном парижском банке. С этим помог Бернардин. Помог, как же! Просто сделал это возможным.

– Есть один банк на улице дю Гренель, которым часто пользуются сотрудники Бюро. Они могут обналичить счет за несколько часов, закрыв глаза на отсутствие одной-двух подписей, но просто так от них ничего не получить, и они никому не доверяют, особенно тем, кто имеет отношение к нашему филантропическому социалистическому правительству.

– Хотите сказать, что даже если их завалят телетайпами, а денежный перевод еще не пришел, то денег вам не видать?

– Ни единого су. Даже если им позвонит сам президент, ему посоветуют получить свои деньги в Москве, ставленником которой он является – по мнению правления банка.

– Я не смог дозвониться Алексу, поэтому банк в Бостоне отпадает, но я связался с нашим человеком на Каймановых островах, куда Мари поместила крупную сумму. Он канадец, и сам банк тоже канадский. Он ждет распоряжений.

– Я ему позвоню. Вы сейчас в «Пон-Рояле»?

– Нет. Я вам перезвоню.

– А где же вы?

– Думаю, можно сказать, что я, словно растерянная и заблудившаяся бабочка, порхаю от одного места воспоминаний к другому.

– Ищете ее?

– Да. Но ведь в этом нет ничего странного, не так ли?

– Простите меня, но где-то в глубине души я надеюсь, что вы ее не найдете.

– Благодарю за поддержку. Я перезвоню вам через двадцать минут.

Он отправился к очередному запомнившемуся месту – Трокадеро, а потом в «Пале де Шало». В прошлом его подстрелили на одной из этих террас; слышалась стрельба, люди бежали вниз по бесконечной каменной лестнице, скрываясь за позолоченными скульптурами, струями фонтанов, и, наконец, исчезали среди кустов французского парка, в недостижимости для выстрелов. Что же случилось? Почему он вспомнил Трокадеро?.. Но Мари была где-то там – где-то там. Но где же она была в этом огромном комплексе? Где?.. На террасе! Она была на террасе! Около памятника – но памятника кому?.. Декарту? Расину? Талейрану? Первым на ум пришел памятник Декарту. Он найдет его.

Он нашел памятник, но Мари там не было. Взглянул на часы – прошло уже почти сорок пять минут с момента, когда он закончил разговор с Бернардином. Как и люди из его воспоминаний, он побежал вниз по лестнице. К телефону.

– Отправляйтесь в «Банк Норманди» и попросите мсье Табури. Он уже знает, что мсье Симон собирается перевести около семи миллионов франков с Каймановых островов, и его личность по голосу должен подтвердить его персональный банкир на островах. Мсье Табури будет счастлив предоставить вам для этого свой телефон, но, поверьте мне, в свои комиссионные он включит и стоимость международного звонка.

– Спасибо, Франсуа.

– Где вы сейчас?

– В Трокадеро. Это сумасшествие. У меня были самые необычные чувства, словно какие-то вибрации, но ее здесь нет. Наверное, дело в том, что здесь когда-то произошло. Черт, меня же здесь чуть не подстрелили.

– Поезжайте в банк.

Борн так и сделал, и через тридцать пять минут после того, как он позвонил на Каймановы острова, непрестанно улыбающийся мсье Табури с желтовато-коричневой кожей подтвердил, что деньги переведены. Джейсон попросил обналичить 750 000 франков самыми крупными банкнотами. Они были принесены ему, а подобострастно скалящийся банкир отвел его в сторонку, прочь от стола – что выглядело довольно нелепо, потому что в помещении и так больше никого не было, – и, когда они подошли к окну, полусшепотом заговорил:

– Сейчас в Бейруте есть очень выгодные предложения в сфере недвижимости – поверьте мне, я это знаю. Я специалист по Среднему Востоку, и эти дурацкие конфликты скоро сойдут на нет. Mon Dieu, там просто никого не останется в живых! А потом все возродится, словно средиземноморский Париж. Поместья за половину стоимости, отели по бросовым ценам!

– Звучит заманчиво. Я буду на связи.

Борн с такой поспешностью покинул «Банк Норманди», словно в нем находился рассадник смертельных заболеваний. Он вернулся в «Пон-Рояль» и вновь попытался дозвониться Алексу Конклину в Соединенные Штаты. В Вене, штат Виргиния, уж был час пополудни, но все, что услышал Борн, был автоответчик, просивший голосом Алекса оставить сообщение. По некоторым причинам Джейсон решил этого не делать.

И вот он уже в Аржентоле, поднимается по лестнице из метро, а потом осторожно идет по грязным улицам в сторону «Сердца солдата». Ему дали четкие указания. Он не должен был выглядеть, как прошлой ночью, никакой хромоты, никакого армейского тряпья, чтобы никто из бывших вчера в кафе не смог его узнать. Он должен превратиться в обыкновенного работягу, дойти до ворот закрытой фабрики, закурить сигарету и прислониться к стене. Это должно произойти между 12.30 и часом ночи. Не раньше и не позже.

Когда он спросил посланцев Санчеса – после того, как вручил им несколько сотен франков за беспокойство, – с чем связаны такие предосторожности, наиболее разговорчивый из них пояснил, что «Санчес никогда не покидает „Сердце солдата“.»

– Но он покинул его прошлой ночью.

– Только на несколько минут, – возразил разговорчивый посланец.

– Понимаю, – кивнул Борн, хотя ничего не понял, он мог только догадываться. Не был ли Санчес своего рода пленником Шакала, обреченным дни и ночи проводить в этом неприглядном кафе? Это был интересный вопрос, особенно учитывая размеры и недюжинную силу управляющего, подкрепленную далеко не средним интеллектом.

Было 12.37, когда Джейсон, одетый в голубые джинсы, кепку и темный запачканный свитер с V-образным вырезом, дошел до ворот фабрики. Он вытащил пачку сигарет «Галуаз», прислонился спиной к стене и зажег одну сигарету спичкой, которую не сразу потушил. Его мысли вернулись к загадочному Санчесу, главному связному армии Карлоса, наиболее доверенному лицу Шакала, человеку, чей французский мог бы принадлежать воспитаннику Сорбонны, если бы он не был латиноамериканцем. Выходцем из Венесуэлы, если Борна не обманывали его инстинкты. Очень интересно. И Санчес хотел встретиться с ним с «миром в сердце». «Браво, amigo», – подумал Джейсон. Санчес задал напуганному послу в Лондоне такой провокационный вопрос, по сравнению с которым политические выборы могли бы показаться невинным занятием. Аткинсону ничего другого не оставалось, как категорически, если не панически, настаивать на том, что любые указания «Снейк Леди» должны быть выполнены. Сила «Снейк Леди» была единственной защитой посла, его последней надеждой.

Таким образом Санчес мог изменить свою жизнь; эта мысль укоренилась в его сознании, и чувство долга ничего не могло с ней поделать. Связной хотел выбраться из сточной канавы, в которую превратилась его жизнь, а с перспективой получить три миллиона франков и скрыться в любом – на выбор – месте на земном шаре, разум Санчеса приказал ему прислушаться к предложению. Иногда жизнь предоставляет возможности для действий. И

такая возможность предоставилась Санчесу, вассалу Карлоса, чья верность своему сюзерену была поколеблена. Борн инстинктивно нащупал нужные слова – и сделал особое ударение на фразах типа: «Вы сможете путешествовать, исчезнуть... станете богатым человеком, свободным от всяких забот, от нудной суеты». Ключевыми словами были «свободным» и «исчезнуть», и Санчес не смог на них не среагировать. Он был готов заглотить трехмиллионную наживку, а Борн был рад позволить ему порвать леску и уплыть с ней.

Джейсон посмотрел на часы – прошло пятнадцать минут. Без сомнения, люди Санчеса проверяли улицы, делали последние приготовления перед появлением своего верховного жреца. Борн подумал о Мари, о том чувстве, что возникло у него в Трокадеро, вспомнил слова старого Фонтейна, когда они наблюдали за аллеями «Транквилити Инн» из окна подсобки, ожидая появления Карлоса. Я его чувствую. Как животные чувствуют приближение грозы. Нечто отдаленно – очень отдаленно – напоминающее это Джейсон ощутил в Трокадеро. Все, хватит! Хватит думать о Санчесе! О Шакале!

На его часах был уже час ночи, когда двое давешних посланцев, пришедших к нему в «Пон-Рояль», показались из переулка, перешли улицу и приблизились к воротам старой фабрики.

- Сейчас Санчес встретится с тобой, – произнес самый речистый.
- Я его не вижу.
- Ты должен пойти с нами. Он не выходит из «Сердца солдата».
- Мне это не нравится.
- Тебе не о чем беспокоиться. В его сердце мир.
- А как же его нож?
- У него нет ножа, вообще нет оружия. Он никогда его не носит.
- Рад слышать. Тогда идем.
- Ему оно просто не нужно, – не очень обнадеживающе добавил посланец.

Его провели по переулку, мимо входа с неоновой вывеской к еле различимому проходу между зданиями. Один за другим, причем Джейсон шел между двумя мужчинами, они протиснулись через проход к задней части кафе, где находилось самое невероятное из того, что Борн ожидал бы увидеть в этом запущенном районе города. Это был... да, это был английский сад. Участок земли длиной около тридцати футов и шириной футов в двадцать, где на шпалерах цвели разнообразные растения, сияя под луной всевозможными оттенками.

– Ничего себе, – вырвалось у Джейсона. – Такое само собой не вырастает.

– А, это просто страсть Санчеса! Его не понимают, но никто даже пальцем не смеет прикоснуться к цветам.

Очень интересно.

Борна подвели к небольшому внешнему лифту, чья стальная шахта крепилась к каменной стене дома. Другого способа попасть внутрь не было. Все трое с трудом поместились в кабине, и, когда железная дверь закрылась, молчавший до этого момента провожатый нажал в темноте кнопку и заговорил:

– Санчес, мы здесь. Камелия. Поднимай нас.

– Камелия? – не понял Джейсон.

– Теперь он знает, что все в порядке. Если бы что-то было не так, то мой друг сказал бы «лилия» или «роза».

– И что бы было тогда?

– Не думаю, что тебе захочется это узнать. Мне бы не хотелось.

– Понимаю.

Пару раз вздрогнув, лифт остановился, и неразговорчивый посланец открыл толстую стальную дверь, для чего ему пришлось приложить немалое усилие. Борн оказался в уже знакомой комнате, где стояла со вкусом подобранная дорогая мебель, книжные шкафы и единственный торшер, освещавший Санчеса, сидевшего в своем безразмерном кресле.

– Можете идти, друзья мои, – сказал гигант, обращаясь к своим посланцам. – Заберите свое вознаграждение у бармена и, бога ради, скажите ему, чтобы дал Рене и американцу, который называет себя Ральфом, по пятьдесят франков и выпроводил их вон. Они там где-то гадят по углам... Пусть скажет, что это деньги от их вчерашнего друга, который забыл о них.

– О черт! – вырвалось у Джейсона.

– Вы же и правда забыли, не так ли? – усмехнулся Санчес.

– У меня голова была забита другим.

– Да, сэр! Да, Санчес!

Два посланца, вместо того чтобы пойти в заднюю комнату и сесть в лифт, открыли дверь в левой стене и исчезли. Борн с удивлением посмотрел на них.

– Там лестница, которая ведет в нашу кухню, – пояснил Санчес, отвечая на молчаливый вопрос Джейсона. – Дверь открывается только с этой стороны,

со стороны лестницы ее могу открыть только я... Садитесь, мсье Симон. Будьте моим гостем. Как ваша голова?

– Уже в порядке, спасибо. – Борн сел на обширный диван и утонул в подушках – позиция не была надежной, скорее всего, так и было задумано. – Как я понимаю, в вашем сердце мир.

– А в алчном уголке этого сердца еще и желание получить три миллиона франков.

– Так вас удовлетворил звонок в Лондон?

– Никто бы не подумал, что у этого человека будет такая реакция. «Снейк Леди» действительно существует и внушает немалый страх людям высшего света – а это означает, что у этой змеи большая сила.

– Именно это я и хотел донести до вас.

– Считайте, что вам это удалось. Теперь позвольте мне повторить вашу просьбу, ваше требование...

– Мои ограничения, – перебил Джейсон.

– Хорошо, пусть будут ваши ограничения, – согласился Санчес. – Вы, и только вы один, должны выйти на связь с черным дроздом, так?

– Совершенно верно.

– Я должен спросить еще раз – почему?

– Честно говоря, вам и так уже известно много лишнего, о чем не знают мои клиенты, но, с другой стороны, они не подвергали свои жизни опасности, как я на втором этаже этого кафе в Аржентоле. Они не хотят, чтобы между ними и вами существовала какая-либо, даже малейшая, связь, – а с этой точки зрения вы уязвимы.

– То есть как? – Санчес хватил кулаком по креслу.

– Старик из Парижа, который неоднократно оказывался в полиции и пытался предупредить члена Ассамблеи, что его должны убить. Он рассказал о черном дрозде, он рассказал о «Сердце солдата». К счастью, наш человек услышал его и передал услышанное моим клиентам, но этого мало. Сколько еще в Париже таких же стариков, которые могут упомянуть в своем старческом бреде о «Сердце солдата» – и о вас?.. Нет, вам нельзя встречаться с моими клиентами.

– Даже через вас?

– Я исчезну, а вы нет. Хотя, признаться, надеюсь, вы о таком варианте тоже подумаете... Вот, у меня для вас кое-что есть.

Борн выпрямился на диване и залез в задний карман. Он вытащил плотную пачку франков, перетянутых широкой резинкой.

– Двести тысяч франков – мне поручили передать их вам. Чтобы вы приложили максимум старания. Вы дадите мне нужную информацию, я доставляю ее в Лондон, и не имеет значения, примет черный дрозд предложение моих клиентов или нет, вы получаете три миллиона.

– Но ведь вы можете исчезнуть еще до того, ведь так?

– Установите за мной слежку, как вы делали до этого, наблюдайте, как я отправлюсь в Лондон и вернусь обратно. Я даже позвоню вам и сообщу названия авиакомпаний и номера рейсов. Что может быть надежнее?

– Кое-что все же может, мсье Симон, – ответил Санчес, подняв свое огромное тело из кресла и величественно прошествовав к карточному столику, стоящему около лакированной кирпичной стены. – Прошу вас, подойдите сюда.

Джейсон поднялся с дивана и подошел к карточному столу, немало удивившись тому, что он увидел.

– Похоже, вы основательно ко всему подходите.

– Стараюсь... О, не вините портье, они преданы вам. Я летаю пониже. Мне больше по душе посыльные и горничные. Они не так испорчены, и никто не расстроится, если однажды они не выйдут на работу.

На столе лежали три паспорта Борна, сделанные в Вашингтоне стараниями Кактуса, а также пистолет и нож, отобранные у него прошлой ночью.

– Это очень убедительно, но ничего не решает, вам не кажется?

– Посмотрим, – отозвался Санчес. – Я возьму ваш задаток – чтобы приложить максимум старания, – но, вместо того чтобы лететь в Лондон самому, сделайте так, чтобы человек из Лондона прилетел сюда. Завтра утром. Когда он прибудет в «Пон-Рояль», вы позвоните мне – естественно, я дам вам свой личный номер, – и мы поиграем в советских разведчиков. Встреча на мосту, обмен пленниками. Будем менять деньги на информацию.

– Вы с ума сошли, Санчес. Мои клиенты не пойдут на такое безрассудство. Вы просто потеряете оставшуюся часть трех миллионов.

– А почему бы вам все-таки не попробовать? Они всегда могут нанять человека со стороны, разве нет? Невинного туриста с чемоданом от «Луиса Вуиттона» с двойным дном. Бумажки сложно обнаружить. Попробуйте! Только так вы сможете получить желаемое, мсье.

– Сделаю, что смогу, – ответил Борн.

– Вот мой телефон. – Санчес взял заранее приготовленный квадратик бумаги со стола. – Позвоните мне, когда прибудет лондонец. И, уверяю вас, за вами все время будут следить.

– А вы знаете свое дело.

– Я провожу вас до лифта.

Мари сидела в кровати в комнате без света, потягивая маленькими глоточками чай и слушая звуки Парижа, долетавшие с улицы. Она не могла мириться со сном, это была трата времени. Каждый час имел значение. Из Марселя она вылетела самым ранним рейсом в Париж и напрямик отправилась в отель «Морис» на дю Риволи, тот самый отель, где она ждала тринадцать лет назад одного мужчину, чтобы либо вразумить его, либо потерять, вместе с большей частью своей жизни. Тогда она заказала чай в чайнике, и он вернулся к ней; сейчас она тоже, быть может, повинувшись подсознанию, попросила ночного дежурного по этажу принести ей чай, словно это повторение ритуала было способно повторить его возвращение, как случилось много лет назад.

О господи, но ведь она видела его! Это не было галлюцинацией, не было ошибкой – это точно был Дэвид! Она покинула отель еще утром и начала поиск по списку, составленному в самолете, перемещаясь из одного места в другое без всякой определенной последовательности, просто следуя своей интуиции. Это был урок, который она выучила у Джейсона Борна тринадцать лет назад: «Если ты от кого-то скрываешься или, наоборот, охотишься, перебирай все варианты, но обязательно помни тот, который первым пришел тебе в голову. Обычно он самый безопасный и лучший из всех. И в большинстве случаев следует воспользоваться именно им».

Итак, она стала следовать списку, пройдя от «Бато Муш» у набережной в начале авеню Георга V до банка на улице Мадлен, а оттуда к Трокадеро. Она стала бесцельно бродить по террасам, словно находясь в трансе, ища определенную скульптуру, которую никак не могла вспомнить, сталкиваясь с вездесущими группами туристов под предводительством громогласных и чрезвычайно деятельных гидов. Все скульптуры перемешались у нее в голове, Мари почувствовала головокружение. Глаза слепило позднее августовское солнце. Она уже хотела сесть на мраморную скамейку, вспомнив еще одну цитату из Джейсона Борна: «Отдых – это оружие». Неожиданно она увидела впереди себя мужчину в свитере с V-образным вырезом и в кепке; он повернулся и побежал в сторону великолепной лестницы, спускавшейся к

авеню Густава V. Она знала эту походку, знала лучше, чем кто-либо! Как часто она наблюдала за ним – подчас из-за трибун, оставаясь в тени, – как он наматывал круги по университетскому стадиону, убегая от мучивших его мыслей. Это был Дэвид! Она вскочила со скамейки и побежала за ним.

– Дэвид! Дэвид, это я!.. Джейсон!

Она налетела на гида, сопровождавшего группу японцев. Мужчина пришел в ярость, но она неистово, с бешеной энергией пробивала себе дорогу сквозь строй ошеломленных азиатов, большая часть которых были ниже ее. Муж исчез. Куда он подевался? Скрылся в парке? Растворился на улице среди толпы и машин, которые ехали с д'Иенского моста? Господи, ну где же он?

– Джейсон! – закричала она во всю силу своих легких. – Джейсон, вернись!

На нее стали оглядываться, некоторые с сопереживающими взглядами покинутых любовников, но большинство просто с неодобрением. Она сбежала по этим бесконечным ступеням на улицу и долго – потом она не могла вспомнить, сколько именно, – искала его. Наконец, обессилив, взяла такси обратно в «Морис». Как в тумане, добрела до своего номера и упала на кровать, еле сдерживая слезы. На них не было времени. Ей нужно немного отдохнуть и перекусить, восстановить силы, как учил Джейсон Борн. И опять на улицы – продолжать поиск. И вот, лежа в своем номере, она почувствовала, что ей словно бы щемит грудь, и даже появилось ощущение какой-то странной радости. Пока она искала Дэвида, он искал ее. Ее муж не убежал от нее, сам Джейсон Борн не убежал. Ни одна из личностей, живущих в этом человеке, просто не могла увидеть ее. Для его неожиданного и спешного бегства из Трокадеро была другая, неизвестная причина, но для его появления в Трокадеро причина могла быть только одна. Он тоже искал воспоминания о Париже тринадцатилетней давности. Он тоже понимал, что где-то там, где-то среди воспоминаний, он найдет ее.

Она отдохнула, заказала в номер еды, а через два часа снова отправилась на улицы Парижа.

И теперь, допивая чай, она не могла дождаться рассвета. Наступающий день будет отдан поискам.

– Бернардин!

– Mon Dieu, сейчас четыре часа утра, так что, полагаю, вы не стали бы беспокоить семидесятилетнего человека, не будь это что-то важное?

– У меня проблема.

– По-моему, у вас много проблем, и это не делает вам большой чести. В чем дело?

– Я почти у цели, но мне нужен финализирующий человек.

– Прошу вас, говорите по-английски проще, или по-французски, но тоже так, чтобы я мог вас понять. Полагаю, это американский термин, этот ваш «финализирующий человек». Хотя, с другой стороны, вы всегда произносите так много непонятных слов. Я уверен, что в Лэнгли кто-то специально сидит и придумывает их.

– Перестаньте, у меня нет времени на ваши bon mots⁹³.

– Да ладно вам, мой друг. Я не пытаюсь умничать, я просто пытаюсь проснуться... Вот, мои ноги уже на полу, а во рту у меня сигарета. Итак, в чем дело?

– Мой связной с Шакалом хочет, чтобы этим утром из Лондона прилетел англичанин с двумя миллионами восьмьюстами тысячами франков...

– Что гораздо меньше того, что у вас есть под рукой, как я полагаю, – перебил Бернардин. – С «Банк Норманди» легко найти общий язык, не так ли?

– Очень. Деньги здесь, а этот ваш Табури просто отличный человек. Пытался продать мне недвижимость в Бейруте.

– Этот Табури настоящий грабитель – но насчет Бейрута я бы подумал.

– Прошу вас!

– Простите. Продолжайте.

– За мной следят, так что я не могу пойти в банк, и у меня нет англичанина, который бы принес мне то, что я не могу взять, сюда, в «Пон-Рояль».

– И это ваша проблема?

– Да.

– Вы готовы расстаться, скажем, с пятьюдесятью тысячами франков?

– Для чего?

– Для Табури.

– Наверное.

– Вы, конечно же, подписывали документы.

– Разумеется.

– Подпишите еще одну бумагу, ее следует также написать от руки, и в ней будет говориться о передаче денег... подождите минуту, мне нужно дойти до стола.

На другом конце провода наступила тишина – по-видимому, Бернардин ходил в другую комнату; потом его голос раздался вновь:

– Алло?

– Я здесь.

– Это замечательно, – нараспев произнес бывший работник Бюро. – Я потопил его в его же яхте у отмели недалеко от Коста Брава. Акулы были просто вне себя от счастья – он был такой упитанный и приятный на вид. Его звали Антонио Скарзи, уроженец Сардинии, торговал наркотиками в обмен на информацию, хотя вам, конечно, об этом ничего неизвестно.

– Естественно. – Борн вслух повторил имя по буквам.

– Правильно. Запечатайте конверт, потом возьмите ручку или карандаш и потрите стержнем большой палец, после чего поставьте опечатки на конверт. И отдайте его портье для мистера Скарзи.

– Понял. А как же насчет англичанина? Ведь он должен появиться утром, а осталось всего несколько часов.

– Это не проблема. А то, что скоро утро и у нас есть всего несколько часов, – это действительно проблема. Деньги из банка в банк перевести несложно – нажал кнопки, компьютеры все тут же проверили, и – раз! – цифры уже на бумаге. Но совсем другое собрать почти три миллиона франков наличными, а этот ваш связной, конечно же, не станет брать фунты или доллары из-за страха быть схваченным, когда придется их менять или класть на счет. Прибавьте сюда необходимость собрать достаточно крупные банкноты, чтобы их можно было компактно упаковать и пронести мимо таможенников... Ваш связной, *mon ami*, должен быть в курсе всего этого.

Джейсон поглядел на стену перед собой, обдумывая сказанное Бернардином.

– Думаете, он проверяет меня?

– Именно.

– Деньги можно собрать по филиалам разных иностранных банков. Маленький частный самолет может перелететь канал и приземлиться на каком-нибудь пастбище, где его будет ждать машина, чтобы отвезти пассажира в Париж.

– Bien. Конечно же. Но имейте в виду, что подготовка отнимает время даже у самых влиятельных людей. Нельзя, чтобы казалось, будто все получилось очень просто, это вызовет подозрения. Держите связного в курсе происходящего, делайте упор на секретность, что нет никакого риска быть обнаруженным, объясняйте, чем вызваны задержки. В противном случае он может решить, что это ловушка.

– Я вас понимаю. Это то же самое, о чем вы и говорили – нельзя, чтобы казалось, будто все получается легко и просто, потому что это не внушает доверия.

– Есть и еще кое-что, mon ami. Хамелеон может принимать разные обличья днем, но ночью он все равно в большей безопасности.

– Вы что-то забыли, – сказал Борн. – Как насчет англичанина?

– До встречи, старина, – ответил Бернардин.

Это была одна из самых успешных операций, которая когда-либо разрабатывалась Джейсоном или свидетелем которой он был, возможно, благодаря способностям одного талантливого человека, которого слишком быстро отправили в отставку. В то время как в течение дня Борн периодически звонил Санчесу, Бернардин послал своего человека забрать конверт с инструкциями и принести к нему, после чего встретился с мсье Табури. Вскоре после четырех тридцати пополудни ветеран Второго бюро вошел в «Пон-Рояль», облаченный в такой откровенно английский костюм в тонкую полоску, который просто кричал, что его купили на Сэвайл Роу 94. Он прошел в лифт, преодолел два коридора и, наконец, оказался в номере Борна.

– Вот деньги, – сказал он, бросая атташе-кейс на пол, и напрямик направился к встроенному бару. Взял две миниатюрные бутылки джина «Танкерей», открыл и вылил содержимое в стакан, чистота которого вызывала сомнения.

– A votre sante! 95 – добавил он, выпил половину, тяжело перевел дыхание и быстро допил оставшееся. – Уже много лет я ничего подобного не делал.

– Правда?

– Честное слово, нет. Такие вещи для меня делали другие. Это слишком опасно... Как бы то ни было, Табури ваш вечный должник, и должен сказать, что он сумел убедить меня в том, что мне следует обдумать его предложение насчет Бейрута.

– Что?

– Конечно же, я не обладаю такими средствами, как вы, но проценты от сорокалетних *les fonds de contingence*⁹⁶ нашли дорогу в Женеву. Я не бедный человек.

– Вы можете стать мертвым человеком, если они перехватят вас, когда вы будете выходить из отеля.

– Но я не собираюсь уходить, – сказал Бернардин, еще раз обыскивая небольшой холодильник. – Я останусь здесь, пока вы не закончите свои дела.

Он откупорил еще две бутылки и вылил в стакан.

– Теперь, надеюсь, мое старое сердце станет биться чуть спокойнее, – добавил он, подошел к небольшому столу, поставил на него стакан, а потом вытащил из карманов и положил в ряд перед стаканом два пистолета и три гранаты. – Да, вот теперь я могу расслабиться.

– Это еще что такое?! – заорал Джейсон.

– Насколько я знаю, вы, американцы, называете это политикой сдерживания, – отозвался Бернардин. – Хотя, признаться, по-моему, вы и Советы просто играете друг с другом, вкладывая огромные деньги в вооружения, которые не работают. А я человек другого времени. Когда выйдете из номера – оставьте дверь открытой. Если кто-нибудь пойдет по этому узкому коридору, он увидит в моей руке гранату. Это не ядерная угроза, это политика сдерживания.

– Ладно, – сказал Борн, направляясь к двери. – Пора со всем этим покончить.

Оказавшись на улице Монталамбер, Джейсон дошел до угла, прислонился к стене и закурил сигарету, как он делал это у ворот старой фабрики в Аржентоле. Борн ждал, приняв небрежную позу, но оставаясь настороже.

Со стороны дю Бак к нему шел человек. Это был давешний разговорчивый посланец; он подошел, держа руку в кармане куртки.

– Где деньги? – спросил мужчина по-французски.

– А где информация? – ответил Борн.

– Вначале деньги.

– Мы так не договаривались. – Без предупреждения Джейсон схватил подошедшего за воротник и сбил его с ног. Затем вскинул свободную руку и сжал посланцу горло.

– Возвращайся к Санчесу и передай ему, чтобы катился к черту. Я так дела не делаю.

– Хватит! – произнес низкий голос; его владелец появился из-за угла справа от Джейсона. Это был Санчес. – Отпустите его, Симон. Он ни при чем. Это наше с вами дело.

– А я думал, вы никогда не покидаете «Сердце солдата».

– Но вы же сами это изменили, не так ли?

– Вероятно. – Борн отпустил посланца, который посмотрел на Санчеса. Тот кивнул своей огромной головой, и человек быстро удалился.

– Ваш англичанин прибыл, – сказал Санчес, когда они остались одни. – Он нес чемодан, я сам видел.

– Да, он прибыл с чемоданом, – согласился Джейсон.

– Значит, Лондон пошел на попятную, да? Они боятся.

– Ставки очень высоки, и это все, что я могу вам сказать. Теперь, если не возражаете, мне нужна информация.

– Давайте сперва еще раз проясним порядок действий.

– Мы это делали уже несколько раз... Вы предоставляете мне информацию, мой клиент говорит, как мне действовать; и, если контакт будет успешным, я приношу вам оставшуюся часть трех миллионов.

– Вы говорите «успешный контакт». Что вы под этим подразумеваете? Как вы определите, что все в порядке? И как я могу быть уверен, что вы не заявите о том, что контакт установить не удалось, и не украдете мои деньги, тогда как на самом деле ваши клиенты получают то, за что заплатили?

– А вы подозрительный человек, господин Санчес.

– О, очень подозрительный. В нашем мире, мсье Симон, живут не святые, не так ли?

– Возможно, их больше, чем вы думаете.

– Это бы меня очень удивило. Но ответьте на мои вопросы.

– Хорошо. Попробую... Как я узнаю, что контакт надежен? Очень просто. Я просто буду знать, потому что это моя работа. За это мне платят, а человек на моем месте не станет делать ошибок, когда все зашло настолько далеко, а потом просить за них прощения. У меня есть отработанная методика, я провел свои собственные исследования, и я просто задам два-три вопроса. И все станет ясно – так или иначе.

– Это очень уклончивый ответ.

– В нашем мире, мистер Санчес, уклончивость не такой уж порок, не так ли?.. Теперь что касается того, что я вас обману и сбегу с вашими деньгами. Уверяю вас, я не люблю заводить таких врагов, как вы или та организация, которой управляет ваш черный дрозд, и тем более не хочу огорчать своих клиентов. Это просто безумие, которое сильно сокращает жизнь.

– Я просто восхищаюсь вашей проницательностью и осторожностью, – сказал посредник Шакала.

– Книжные шкафы меня не обманули. Вы образованный человек.

– Это не имеет отношения к делу, хотя у меня есть кое-какой диплом. Внешность может сослужить хорошую службу, а может и доставить неудобства... То, что я собираюсь вам сказать, мсье Симон, известно только четверем людям на земле, причем все они свободно говорят по-французски. Как вы будете использовать эту информацию – дело ваше. Однако если вы даже просто намекнете, что узнали ее в Аржентоле, я тут же об этом узнаю, и вы не сможете покинуть «Пон-Рояль» живым.

– Контакт можно установить так быстро?

– С помощью одного телефонного звонка. Но вы не станете звонить по крайней мере в течение часа с того момента, как мы расстанемся. Если вы это сделаете, я тоже об этом узнаю, и тогда вам тем более не жить.

– Час. Что ж, хорошо... Этот номер известен еще только троим людям? Почему бы не выбрать одного, который вам не очень по душе, чтобы я мог косвенно сослаться на него – если это будет необходимо.

Санчес позволил себе хмурую улыбку.

– Москва, – тихо сказал он. – Важная персона с площади Дзержинского.

– КГБ?

– Черный дрозд ищет клиентов в Москве, именно в Москве, он просто одержим этим.

«Ильич Рамирес Санчес, – подумал Борн. – Прошел подготовку в Новгороде. Отстранен Комитетом из-за психической неуравновешенности. Это Шакал!»

– Я буду иметь это в виду – если это пригодится. А теперь назовите мне номер.

Санчес дважды произнес его вместе со словами, которые Борн должен был сказать. Он говорил медленно, удивившись, что Борн ничего не записывает.

– Запомнили?

– Железно, и не нужно никакого карандаша или бумаги... Если все пройдет успешно, каким образом вы бы хотели получить от меня деньги?

– Позвоните мне, у вас есть мой номер. Я приеду к вам из Аржентоля. А вы больше не должны там появляться.

– Удачи, Санчес. Что-то говорит мне, что вы это заслужили.

– Как никто другой. Я слишком часто пил яд.

– Сократ, – сказал Борн.

– Не совсем. «Диалоги» Платона, если быть точным. Au revoir⁹⁷.

Санчес пошел прочь, а Борн, с участвовавшим сердцебиением, направился обратно в «Пон-Рояль», тщетно стараясь подавить желание побежать. Бегущий человек вызывает любопытство и становится мишенью. Одна из заповедей Джейсона Борна.

– Бернардин! – закричал Борн, несясь по узкому пустынному коридору в сторону своего номера. Через открытую дверь был виден старик, сидевший за столом, в одной руке у него была граната, в другой – пистолет. – Бросайте свои игрушки, дело выгорело!

– И кто платит? – спросил ветеран Бюро, когда Джейсон закрыл дверь.

– Я, – ответил Борн. – Если все получится так, как я рассчитываю, ваш женеvский счет может увеличиться.

– Мой друг, я делаю это не ради денег. У меня даже и в мыслях такого не было.

– Знаю, но раз мы тратим франки, словно печатаем их в гараже, почему бы вам не получить свою честно заработанную долю?

– Что ж, против этого у меня возражений нет.

– Остался час, – объявил Джейсон. – Сорок три минуты, точнее.

– До чего?

– До того момента, когда можно будет убедиться, правда ли все это. – Борн бросился спиной на кровать, положил руки на подушку под голову, его глаза ожили. – Запишите это на бумагу, Франсуа, – Джейсон продиктовал телефонный номер, полученный от Санчеса. – Можете купить, дать взятку или запугать каждого известного вам влиятельного чиновника в парижской телефонной службе, но достаньте мне местоположение этого номера.

– Это не потребует таких уж больших расходов...

– Еще как потребует, – возразил Борн. – Это его охраняемый, недоступный номер, иначе и быть не может. О нем знают только четыре человека.

– Тогда, возможно, нам не стоит залезать так высоко наверх, а, наоборот, нужно спуститься вниз, даже под землю. В туннели телефонной сети под улицами.

Джейсон повернул голову к Бернардину.

– Я об этом не подумал.

– Ничего удивительного. Вы же не из Второго бюро. Наши источники – техперсонал, а не бюрократы за конторками... Я знаю нескольких. Выберу одного и позвоню ему вечером...

– Вечером? – перебил Борн и поднялся на кровати.

– Это обойдется где-то в тысячу франков, но вы получите местоположение телефона.

– Я не могу ждать до вечера.

– Тогда вы увеличите риск, попытавшись связаться с таким специалистом, когда он работает. За ними постоянно наблюдают; в телефонной службе никто никому не доверяет. Это парадокс нашего социалистического правительства – наделить своих рабочих ответственностью, но не дать им никаких индивидуальных полномочий.

– Подождите! – сказал Джейсон с кровати. – У вас есть их домашние номера, так?

– Они у меня в записной книжке, да.

– Пусть чья-нибудь жена позвонит на работу. Скажет, что что-то случилось. И нужно вернуться домой.

Бернардин кивнул:

– Неплохая мысль, мой друг. Весьма неплохая.

Минуты превращались в четверти часа, а отставной офицер Второго бюро все еще не мог добиться результата. Елейным голосом он обещал женам технических служащих вознаграждение, если они сделают все так, как он им скажет. Две из них просто бросили трубку, еще трое отказали ему с использованием выражений, рожденных в трущобах Парижа; но шестая дама, приостановив поток ругательств, заявила: «Ладно». Только пусть эта канализационная крыса, за которую она вышла замуж, так и знает, что ему вознаграждения не видать.

Прошел час, и Джейсон покинул отель. Он медленно, не торопясь, шел по тротуару и миновал четыре улицы, пока наконец не увидел таксофон около Сены на набережной Вольтера. На Париж уже медленно опускались сумерки, на речных трамвайчиках и мостах зажигались огни. Подойдя к красной телефонной будке, он постарался успокоить дыхание, сделал несколько глубоких вдохов – Борн думал, что ему никогда не удастся вернуть себе самообладание. Ему предстояло совершить самый важный телефонный звонок своей жизни, но он не мог допустить, чтобы Шакал это понял, если, конечно, это действительно телефон Шакала. Он вошел в таксофон, опустил в щель монетку и позвонил.

– Да? – Голос был женский, он произнес французское «oui» резко и отрывисто. Парижанка.

– В небе кружат черные дрозды, – начал Борн, по-французски повторяя слова, сказанные Санчесом. – Они все шумят – все, кроме одного. Он безмолвен.

– Откуда вы звоните?

– Из Парижа, но сам я не парижанин.

– Откуда же вы?

– Оттуда, где зимы гораздо холоднее, – ответил Джейсон, чувствуя, как у него на лбу выступил пот. Спокойно. Спокойно! – Мне нужно срочно поговорить с черным дроздом.

Неожиданно в трубке наступила тишина, звуковой вакуум, и Борн задержал дыхание. Затем раздался низкий, спокойный голос – и такой же пустой, как тишина перед ним.

– Мы говорим с москвичом?

Шакал! Это действительно Шакал! Правильный и быстрый французский не мог скрыть легкого акцента выходца из Латинской Америки.

– Я этого не говорил, – ответил Борн; сам он говорил на французском диалекте, который часто использовал, – это был гасконский вариант с гортанной окраской. – Я всего лишь сказал, что зимы там холоднее, чем в Париже.

– Кто вы?

– Тот, кому некто, хорошо вас знающий, счел возможным сказать этот номер вместе со словами, которые следует произнести. Я могу предложить вам контракт всей вашей жизни. Вознаграждение не имеет значения – назовите, какое пожелаете, – а заказчики относятся к самым

могущественным людям Соединенных Штатов. Они контролируют большую часть американской промышленности, финансовые институты страны и имеют прямой доступ к нервным центрам правительства.

– Это очень необычный звонок. Очень странный.

– Если вы не заинтересованы, я забуду этот номер и обращусь еще куда-нибудь. Я всего лишь посредник. Будет достаточно простого «да» или простого «нет».

– Я не имею дела с неизвестными мне людьми.

– Поверьте, на вас бы произвели впечатление занимаемые моими работодателями посты, если бы я был вправе об этом рассказать. Однако сейчас мне не нужно ваше согласие, необходима лишь ваша заинтересованность. Если вы ответите «да», то я смогу рассказать больше. Если «нет» – что ж, я пытался, но буду вынужден искать другого человека. Газеты говорят, только вчера он был в Брюсселе. Я найду его.

При упоминании Брюсселя и намеке на Джейсона Борна в трубке послышался звук, как будто у кого-то на мгновение перехватило дыхание.

– Так «да» или «нет», черный дрозд?

Тишина. Наконец Шакал заговорил.

– перезвоните мне через два часа, – приказал он и повесил трубку.

Получилось! Джейсон прислонился к стене таксофона, по его лицу ручьем струился пот и стекал на шею. «Пон-Рояль». Он должен вернуться к Бернардину!

– Это был Карлос! – объявил он, закрыв дверь, и направился напрямик к прикроватному телефону, вынимая из кармана карточку с телефоном Санчеса. Он набрал номер и через несколько секунд заговорил.

– Птица согласилась, – сказал он. – Дайте мне имя, любое имя.

Последовала небольшая пауза.

– Понял. Товар будет оставлен у портье. Он будет заперт и надежно упакован; пересчитайте содержимое и пришлите мне обратно мои паспорта. Пусть ваш посыльный все заберет и отзовет ваших ищек. Они могут привести черного дрозда на вас.

Джейсон положил трубку и обернулся к Бернардину.

– Телефонный номер находится в пятнадцатом округе, – сказал ветеран Бюро. – Нашему человеку это стало сразу понятно, когда я ему его продиктовал, или, во всяком случае, он так думает.

– Что он собирается делать?

– Вернется обратно под землю и узнает наверняка.

– Он нам сюда позвонит?

– К счастью, он на мотоцикле. Он сказал, что через десять минут или около того уже будет на работе и позвонит нам сюда в течение часа.

– Отлично!

– Не совсем. Он хочет пять тысяч франков.

– Да пусть просит хоть в десять раз больше... А что означает это «в течение часа»? Сколько осталось до его звонка?

– Вы ушли примерно тридцать – тридцать пять минут назад, а он позвонил мне вскоре после вашего ухода. Я бы сказал, что он позвонит в течение получаса.

Раздался звонок. Двадцать секунд спустя у них был адрес на бульваре Лефевр.

– Я иду, – сказал Джейсон Борн, беря со стола пистолет Бернардина и засовывая в карман две гранаты. – Вы не против?

– Ну что вы, – ответил тот, залезая под куртку и вытаскивая второй пистолет из-за пояса. – В Париже столько карманников, что всегда нужно иметь небольшой запас... Но зачем это вам?

– У меня еще по меньшей мере два часа, и я хочу осмотреться.

– Один?

– А как иначе? Если мы вызовем подмогу, я рискую быть подстреленным или провести остаток жизни за решеткой по обвинению в убийстве, совершенном в Бельгии, к которому я не имею никакого отношения.

Бывший судья бостонского окружного суда, некогда уважаемый Брендан Патрик Префонтейн, наблюдал за плачущим, несчастным Рэндольфом Гейтсом, сидевшим на диване в номере отеля «Риц-Карлтон» с закрытым руками лицом.

– О господи, как же печален может быть конец сильных мира сего, – заметил Брендан, наливая себе немного виски со льдом. – Так тебя надули, Рэнди. Французский стиль! Твои куриные мозги и внушительная внешность не помогли, когда ты оказался «а Пари», не так ли? Лучше бы ты «оставался на ферме», солдатик.

– Боже, Префонтейн, ты не знаешь, что это было такое! Я создавал картель – Париж, Бонн, Лондон и Нью-Йорк плюс рынки труда Дальнего Востока, – предприятие, стоящее миллиарды, когда меня похитили из «Плаза-Атене», посадили в машину и надели на глаза повязку. Потом меня бросили в самолет и доставили в Марсель, где со мной произошли ужасные вещи. Меня держали в комнате и каждые несколько часов кололи наркотики – более шести недель! Приводили женщин, делали фотографии – но это был не я!

– Возможно, ты просто не подозревал об этой стороне своей личности, Дэнди-Рэнди. Той же, что научилась получать мгновенные удовольствия, если это выражение здесь уместно. Ты делал своих клиентов чрезвычайно состоятельными на бумаге, и они торговали этим на биржах, а в это время тысячи людей теряли рабочие места. О да, мой дорогой роялист, это мгновенное удовольствие.

– Вы не правы, судья...

– Так приятно вновь услышать этот титул. Спасибо, Рэнди.

– Профсоюзы стали слишком сильными. Промышленность оказалась в кризисе. Многие компании были вынуждены переводить капиталы за рубеж, чтобы выжить.

– И при этом молчать? Как ни странно, возможно, в этом и есть доля истины, но ведь ты никогда не думал о других путях... Но мы отклонились. Из марсельского заточения ты вышел наркоманом – и, кроме того, появились еще фотографии знаменитого адвоката при компрометирующих обстоятельствах.

– Что мне оставалось делать? – вскрикнул Гейтс. – Я был на грани гибели!

– Мы знаем, что ты сделал. Ты стал агентом Шакала в мире высоких финансов, в мире, где конкуренция является нежелательным багажом, который лучше бы сбросить где-нибудь по дороге.

– Надо начать с того, что он и меня именно так нашел. Создаваемый нами картель пересекал японские и тайваньские интересы. Они наняли его... О боже, он убьет меня!

– Еще раз? – спросил судья.

– Что?

– Ты забыл. Благодаря мне он думает, что ты уже мертв.

– У меня на носу несколько дел, на следующей неделе слушания в конгрессе. Он узнает, что я жив!

- Не узнает, если ты не появишься.
- Я должен! Мои клиенты рассчитывают...
- Тогда согласен, – перебил Префонтейн. – Он убьет тебя. Мне очень жаль.
- Что мне делать?
- Есть выход, Дэнди-мальчик, и он не только облегчит сложившуюся ситуацию, но и все последующие годы. Конечно, тебе придется кое-чем пожертвовать. Для начала длительный курс лечения в частном реабилитационном центре, но еще раньше от тебя потребуется полное сотрудничество. Первое гарантирует твое незамедлительное исчезновение, второе – поимку и устранение Карлоса Шакала. Ты будешь свободен, Рэнди.
- Все, что угодно!
- Как ты с ним связываешься?
- У меня есть телефонный номер! – Гейтс начал искать свой кошелек, вытащил его из кармана и дрожащими пальцами начал в нем рыться. – Его знают только четыре человека!

Префонтейн принял свой первый почасовой гонорар в размере двадцати тысяч долларов, велел Рэнди идти домой, молить прощения у Эдит и готовиться завтра же покинуть Бостон. Брендан слышал о частной клинике в Миннеаполисе, где, по его сведениям, состоятельные люди анонимно получали помощь; он уточнит все утром и позвонит ему, естественно рассчитывая получить второе вознаграждение за свои услуги. Как только потрясенный Гейтс покинул номер, Префонтейн подошел к телефону и позвонил Джону Сен-Жаку в «Транквилити Инн».

– Джон, это судья. Не задавай мне вопросов, у меня есть срочная информация, которая может оказаться бесценной для мужа твоей сестры. Я знаю, что не смогу связаться с ним, но мне известно, что он работает с кем-то из Вашингтона...

– Его имя Алекс Конклин, – перебил Сен-Жак. – Минуту, судья, Мари записала номер в записную книжку на столе. Дайте мне туда перейти. – Раздались звуки, как если бы телефон поставили на твердую поверхность, а затем раздались щелчки – это взяли другую трубку. – Вот он, – брат Мари продиктовал номер.

- Я все потом объясню. Спасибо тебе, Джон.
- Проклятие, все мне говорят одно и то же!

Префонтейн набрал номер с кодом штата Виргиния.

– Да? – коротко и отрывисто сказали из трубки.

– Мистер Конклин, моя фамилия Префонтейн, а этот номер мне дал Джон Сен-Жак. Мне нужно сообщить вам нечто очень важное.

– Вы тот судья, – перебил Алекс.

– Боюсь, это в прошлом, далеком прошлом.

– Так в чем дело?

– Я знаю, как связаться с человеком, которого вы называете Шакалом.

– Что?

– Слушайте меня.

Бернардин смотрел на звонящий телефон, какое-то время решая про себя, стоит ли снимать трубку. Но выбора не было, он должен был это сделать.

– Да?

– Джейсон? Это ты или нет?.. Возможно, я позвонил в другой номер.

– Алекс? Ты?

– Франсуа? А ты что там делаешь? Где Джейсон?

– Все произошло очень быстро. Я знаю, что он пытался связаться с тобой.

– Это был трудный день. Мы вернули Панова.

– Хорошие новости.

– Есть и другие. Например, телефонный номер, по которому можно позвонить Шакалу.

– У нас он тоже есть! И его местоположение. Наш герой отправился туда час назад.

– Господи, как же вы его раздобыли?

– Очень затейливым способом, который мог придумать только твой Борн. Он чрезвычайно изобретателен, настоящий Cameleon.

– Давай сравним, – предложил Алекс. – У тебя какой номер?

Бернардин продиктовал номер, выписанный по указанию Джейсона.

Тишина в трубке была подобна немоу крику.

– Номера не совпадают, – произнес наконец Алекс задыхающимся голосом.
– Они не совпадают!

– Ловушка, – сказал ветеран Бюро. – Святые небеса, это ловушка!

Глава 26

Борн дважды прошел мимо темного и тихого ряда старых каменных домов на бульваре Лефевр, что расположился на окраине пятнадцатого округа Парижа. Потом кружным путем он вернулся обратно на д'Алезья и нашел придорожное кафе. На столиках, выставленных на улицу, мерцали свечи под стеклянными колпаками, а большинство посетителей составляли бурно жестикулирующие и вечно о чем-то спорящие студенты из расположенных поблизости Сорбонны и Монпарнаса. Было уже почти десять вечера, и официанты в фартуках становились все более раздражительными, потому что большинство их клиентов не отличались ни щедростью сердца, ни толщиной кошелька. Джейсон хотел только крепкого эспresso, но хмурая гримаса на лице подошедшего *garçon*'а убедила его, что он получит просто грязь в чашке, если закажет один кофе, поэтому он прибавил к заказу самый дорогой бренди из тех, что у них был.

Когда официант вернулся к стойке, Джейсон вытащил свой маленький блокнот и шариковую ручку, закрыл на мгновение глаза и потом по памяти сделал набросок увиденного ряда домов. Там были три корпуса, каждый состоял из двух примыкающих друг к другу домов; корпуса разделялись узкими переулками. Каждое двойное строение имело три этажа в высоту, к каждому входу вела крутая кирпичная лестница, а с обоих концов ряда не было никаких построек – только строительный мусор, развалины соседних зданий. Дом, в котором располагался телефон Шакала с защищенным номером – его адрес можно было узнать в подземных туннелях, но только в случае, если требовался ремонт, – был последним справа, хотя вероятнее всего Шакал занимал все здание, если не весь ряд домов.

Карлос был законченным параноиком, поэтому надо было рассчитывать на то, что его парижский командный пост окажется крепостью, со всеми мыслимыми человеческими и электронными средствами защиты, которые могли предоставить преданность и высокие технологии. А этот на первый взгляд изолированный, если не покинутый, квартал пятнадцатого округа подходил целям Карлоса куда больше, чем любой другой многолюдный район города. Из-за этого Борн заплатил пьяному бродяге, чтобы пройти вместе с ним мимо домов во время своего первого вторжения на вражескую территорию, причем сам Борн шел пьяной походкой в тени рядом со своим спутником, а для второй рекогносцировки он нанял в качестве прикрытия

проститутку средних лет и теперь уже шел нормальным шагом. Он изучил место действия, и это было началом конца. Он поклялся себе в этом!

Появился официант с его эспрессо и коньяком, и только после того, как Джейсон положил на стол бумажку в сто франков и махнул рукой, его недоброжелательное выражение лица немного смягчилось.

– Merci, – выдавил официант.

– Здесь поблизости есть таксофон? – спросил Борн, вынимая еще десять франков.

– Вниз по улице, через пятьдесят-шестьдесят метров, – ответил официант, глядя на деньги.

– А ближе ничего нет? – Джейсон отделил еще одну банкноту в двадцать франков. – Мне нужно позвонить в дом, который находится поблизости, в нескольких кварталах отсюда.

– Идите за мной, – сказал облаченный в фартук garson, робко взял деньги и повел Борна через открытые двери кафе к кассирше, сидевшей за высокой стойкой в дальнем конце ресторана. Женщина с худым лицом землистого оттенка заранее приняла сердитое выражение – по-видимому, она решила, что к ней направлялся чем-то недовольный клиент. – Дай ему позвонить с твоего телефона, – сказал официант.

– Зачем еще? – выпалила ведьма за кассой. – Чтобы он позвонил в Китай?

– Ему нужно позвонить в один из соседних домов. Он заплатит.

Джейсон протянул десять франков, глядя невинными глазами прямо на полную подозрений женщину.

– А, ладно, – сказала она, вытаскивая телефон из-под стойки кассового аппарата, и схватила деньги. – У него длинный шнур, так что можешь отойти к стене, как все делают. Мужчины! Бизнес и постель – это все, о чем вы думаете!

Он набрал телефон «Пон-Рояля» и попросил соединить его со своим номером, ожидая, что Бернардин снимет трубку после первого или второго звонка. После четвертого гудка Борн насторожился, после восьмого он не знал, что и думать. Бернардина там не было! Или Санчес?.. Нет, ветеран Второго бюро был вооружен и знал, как пользоваться «политикой сдерживания» – по меньшей мере, там бы была громкая стрельба, а в крайнем случае, номер бы разнесло гранатой. Бернардин сам покинул гостиницу. Но почему?

Для этого могло быть несколько причин, размышлял Борн, отдав телефон владелице и возвращаясь за свой столик на террасе. Первой и самой желанной были новости о Мари; старый офицер разведки не стал бы бросать слов на ветер и питать ложные надежды, описывая расставленные по городу сети, это действительно было так, Борн был в этом уверен... Других причин в голову Борна не приходило, поэтому лучше пока вообще не думать о Бернардине. У него есть дела и поважнее, ведь от них сейчас зависела его жизнь. Джейсон вернулся к своему кофе и блокноту, надлежало продумать каждый шаг.

Спустя час он допил свой эспрессо, отхлебнул немного коньяку, а остальное вылил на тротуар под стол, накрытый красной замусоленной скатертью. Он вышел из кафе и покинул улицу д'Алезья, повернул направо и медленно, словно ему было гораздо больше лет, чем на самом деле, направился к бульвару Лефевр. Чем ближе он подходил к последнему перед бульваром углу, тем отчетливее становились пульсирующие, завывающие звуки, доносящиеся с нескольких сторон. Сирены! Двухтональные сирены машин парижской полиции! Что произошло? Что происходит? Джейсон сменил свою старческую поступь на бег и бросился к углу дома, другой своей стороной выходящего на бульвар Лефевр и ряд старых каменных зданий. Заглянув за угол, он был повергнут в шок, ярость и изумление, которые вместе заставили его запаниковать. Что они делают?

Пять патрульных машин с разных сторон подъехали к ряду каменных домов, и каждая с визгом затормозила у крайнего правого здания. Затем появился большой черный полицейский автобус, он развернулся перед входом в здание, и на нем вспыхнул прожектор, после чего из автобуса высыпался отряд бойцов в черной форме с автоматами, которые крадучись заняли места вокруг дома, скрываясь за патрульными машинами, – они готовились к штурму!

Идиоты. Чертовы идиоты! Предупредить Карлоса Шакала значило упустить его! Убийство было его профессией, а уход от погони – его страстью. Тринадцать лет назад Борну сказали, что в огромном убежище Карлоса среди деревенских холмов Витри-сюр-Сен недалеко от Парижа больше потайных дверей и скрытых лестниц, чем в дворянском замке на Луаре во времена Людовика XIV. Тот факт, что никто так и не установил, какое именно это было поместье и кому оно принадлежало, нисколько не делал эти слухи неправдоподобными. А поскольку на бульваре Лефевр стояли три на первый взгляд отделенных друг от друга строения, было логично предположить, что они соединяются друг с другом подземными переходами.

Но, господи боже, кто же это сделал? Неужели произошла чудовищная ошибка? Неужели он и Бернардин оказались настолько тупыми, чтобы

решить, что Второе бюро или люди Питера Холланда в Париже не догадаются поставить его телефон в «Пон-Рояле» на прослушивание и не смогут подкупить или завербовать сменных операторов гостиничного коммутатора? Если и так, то эта тупость основывалась на очевидном: практически невозможно установить в телефон подслушивающее устройство, находясь в небольшом отеле, так, чтобы тебя не заметили. В гостинице должен был появиться чужак, и, даже если бы он попытался подкупить портье, тот уже давно получил немаленькое вознаграждение от своего постояльца. Или это Санчес? Нанял коридорного или горничную поставить в комнате жучки? Вряд ли. Гигант-связной не станет выдавать Шакала, особенно после того, как он изменил своему с ним договору. Но тогда кто же? И как? Этот вопрос огненными буквами горел перед глазами Джейсона, пока он с ужасом и отчаянием наблюдал за происходящим на бульваре Лефевр.

– Это полиция, все жильцы должны покинуть здание, – приказ из громкоговорителя металлическим эхом разнесся по улице. – У вас есть одна минута, прежде чем мы применим силу.

«Какую силу? – чуть не закричал Борн. – Вы упустили его. Я упустил его. Это сумасшествие! Кто это сделал? Зачем?»

Первой открылась дверь над кирпичными ступенями в левой части здания. Испуганный мужчина – низенький, тучный, в нижней рубашке и брюках на подтяжках – осторожно ступил в круг света, образованный прожектором, вытянув перед лицом руки и повернув голову, чтобы защититься от слепящих лучей.

– Что случилось, господа? – закричал он дрожащим голосом. – Я просто булочник – законопослушный булочник, – но не знаю ничего такого об этой улице, кроме того, что здесь низкая арендная плата! Уже и это для полиции преступление?

– Мсье, вы нас не интересуете, – ответил голос из динамика.

– Не интересую, говорите? Вы приезжаете, словно армия, пугаете мою жену и детей, которые решили, что наступили последние минуты их жизни, и после этого говорите, что я вас не интересую? Что это за объяснение? Мы что, живем среди фашистов?

«Быстрее! – молил Джейсон. – Боже, поторопитесь! Каждая секунда – это еще одна минута, а то и час для Шакала, чтобы скрыться!»

Теперь открылась и правая дверь, из которой появилась монахиня, облаченная в ниспадающие черные одежды. Она демонстративно остановилась на пороге и почти оперным голосом, без тени страха, громко произнесла:

– Да как вы смеете? Сейчас время вечерней молитвы, а вы имеете наглость так себя вести. Лучше просите прощения за свои прегрешения, а не мешайте тем, кто молится Господу!

– Отлично сказано, сестра, – ответил полицейский офицер через громкоговоритель. – Но у нас есть несколько иные сведения, и мы вежливо настаиваем на обыске вашего дома. Если вы нам в этом откажете, мы будем вынуждены выполнить свой приказ, но уже по-другому.

– Мы сестры милосердия святой Магдалены, – воскликнула монахиня. – Это священные покои женщин, посвятивших себя служению Христу!

– Мы уважаем ваше положение, сестра, но все равно нам необходимо попасть внутрь. Если то, что вы говорите, – правда, я уверен, что власти сделают вам щедрое пожертвование.

«Вы теряете время! – мысленно кричал Борн. – Он уходит!»

– Тогда будьте вы прокляты за этот поступок – давайте, топчите эту святую землю!

– Вы уверены, сестра? – спросил из громкоговорителя другой офицер. – Не думаю, что каноны позволяют вам отправлять души в ад за такие мелкие прегрешения... Вперед, мсье инспектор. Под этим костюмом монашенки может скрываться белье, более подходящее для района Фабург.

Он знает этот голос! Это Бернардин! Но что это значит? Неужели Бернардин не был другом? Неужели это все было игрой, вкрадчивыми речами предателя? Если это так, то этой ночью произойдет еще одно убийство!

Отряд одетых в черную форму бойцов с террористами с автоматами на изготовку подбежал к подножию кирпичных ступеней, а в это время жандармы оцепили бульвар Лефевр с юга и севера. Красные и синие огни патрульных машин не прекращали свое мигание, отчетливо говоря всем, кто находился вне опасной зоны: «Не подходить».

– Могу я вернуться внутрь? – крикнул булочник. Никто не ответил, и толстяк исчез в дверях, придерживая штаны руками.

Человек в штатском, очевидный руководитель операции, присоединился к штурмовой группе на тротуаре перед лестницей. Он кивнул и вместе со своими людьми быстро преодолел ступени, скрывшись за дверью, которую вызывающе держала открытой монахиня.

Джейсон все еще стоял у края здания, прижавшись к стене, по его лицу и шее тек пот, глаза не могли оторваться от представления, которое

разыгрывалось перед ним на бульваре Лефевр. Теперь он знал, кто стоит за всем этим, но не понимал почему? Неужели это правда? Неужели тот, кому безоговорочно доверял Алекс Конклин и он сам, на деле оказался еще одной парой глаз и ушей Шакала? Господи, он не хотел в это верить!

Прошло двенадцать минут, и из дома вышел парижский вариант американских отрядов SWAT 98 и их предводитель, причем некоторые члены отряда кланялись и целовали руку настоящей или будущей настоятельницы монастыря. В этот момент Борн понял, что его и Конклина инстинкты не обманулись.

– Бернардин! – заорал человек в штатском, подходя к первой патрульной машине. – Тебе конец! Вылезай! Больше не смей разговаривать даже с новобранцем из Бюро, даже с чистильщиком сортиров! Ты для нас больше не существуешь!.. Будь моя воля, я бы тебя пристрелил!.. Убийство иностранца на бульваре Лефевр! Друг Бюро! Агент, которого мы должны защитить!.. А вместо этого – чертов женский монастырь, сукин ты сын! Дерьмо! Монастырь!.. Убирайся из моей машины, вонючая свинья. Убирайся, пока я случайно не спустил курок и твои кишки не оказались на мостовой, где им самое место!

Бернардин выбрался из патрульной машины, его старые ноги с трудом держали равновесие, и он два раза едва не упал на тротуар. Джейсон ждал, готовый броситься к своему другу на помощь, но понимал, что сейчас этого делать нельзя. Полицейские машины и автобус уехали, а Борн все равно должен был ждать, переводя взгляд с Бернардина на подъезд дома Шакала и обратно. Это действительно был дом Шакала, появление монахини это подтверждало. Карлос никак не мог бросить свою утерянную веру; он пользовался ею, как удобным прикрытием, хотя она и была для него чем-то большим. Гораздо большим.

Бернардин, пошатываясь, добрал до тени давно покинутой витрины магазина на первом этаже с другой стороны улицы. Джейсон завернул за угол, пробежал по тротуару и схватил ветерана Второго бюро, который опирался о стеклянную витрину и тяжело дышал.

– Боже мой, что случилось? – закричал Борн, обхватив Бернардина за плечи.

– Поттише, mon ami, – выдохнул Бернардин. – Та свинья, рядом с которым я сидел – политикан, без сомнения, искал случая выслужиться, – ударил меня в грудь, перед тем как выкинуть из машины... Я говорил вам, что не знаю всех людей, присосавшихся к Бюро в эти дни. У вас такие же проблемы в Америке, так что, пожалуйста, не читайте мне нотаций...

– Я совсем не собираюсь этого делать... Это тот самый дом, Бернардин. Он перед нами, прямо перед нами!

– Это тоже ловушка.

– Что?

– Мы с Алексом выяснили это. Телефонный номер был другим. Подозреваю, вы не позвонили Санчесу, как он вам сказал.

– Нет. Я получил адрес и решил все проверить. Какая разница? Это тот самый дом!

– Да, сюда должен был попасть мистер Симон, и если бы он действительно оказался мистером Симоном, его бы отвели на другую встречу. Но если бы он оказался не мсье Симоном, а кем-то еще, то его бы убили, и он бы стал еще одним трупом, как многие другие, кто искал Шакала.

– Вы не правы! – настаивал Джейсон, качая головой, и быстро продолжил: – Возможно, это и ловушка, но за ней все равно стоит Карлос. Он хочет сам покончить со мной и не позволит сделать это никому другому. Это его приказ.

– А ваш приказ – разобраться с ним?

– Да. У меня есть семья, а у него – распадающийся миф о нем же. Мне достаточно того, что есть у меня, а для него уже ничего не имеет значения. Он дошел до предела. Единственное, что ему остается, – это вторгнуться на мою территорию – территорию Дэвида Вебба – и уничтожить Джейсона Борна.

– Вебба? Дэвида Вебба? Господи, а это еще кто?

– Я, – ответил БORN, грустно улыбнувшись, и прислонился к витрине рядом с Бернардином. – Это безумие, не правда ли?

– Абсолютное! – закричал бывший сотрудник Бюро. – Это просто fou! Сумасшествие, я отказываюсь в это верить!

– Но это так.

– У вас есть семья и дети – и вы делаете эту работу?

– Разве Алекс не говорил вам?

– Если даже и говорил, то я пропустил это мимо ушей, приняв за прикрытие, – здесь каждый использует все, что возможно. – Старик тряхнул головой и посмотрел на своего более высокого спутника. – У вас действительно есть семья, от которой вы не пытаетесь скрыться?

– Наоборот, я хочу вернуться к ним как можно быстрее. Они единственные на земле, кто мне действительно дорог.

– Но вы же Джейсон Борн, киллер по прозвищу Хамелеон! Самые отчаянные представители криминального мира трясутся при упоминании вашего имени!

– А, да бросьте вы, это уже чересчур, даже для вас.

– Ничего подобного! Вы Борн, номер второй после Шакала...

– Нет! – неожиданно закричал Борн. – Ему далеко до меня! Я сделаю его! Я убью его!

– Очень хорошо, очень хорошо, *mon ami*, – успокаивающим тоном сказал Бернардин, глядя на человека, которого не мог понять. – Что мне надо делать?

Джейсон Борн повернулся к стеклу и несколько секунд тяжело дышал – но вот сквозь пелену нерешительности проступила стратегия Хамелеона. Он обернулся и посмотрел на темную улицу и каменное строение справа.

– Полиция уехала, – тихо сказал он.

– Вижу.

– А вы поняли, что никто из двух других зданий так и не вышел? Несмотря на то что в некоторых окнах горит свет.

– Что я могу сказать, я был занят. Я не заметил, – тут Бернардин поднял брови, неожиданно что-то вспомнив. – Но в окнах были чьи-то лица, несколько лиц, я их видел.

– И все же никто не вышел на улицу.

– Это вполне объяснимо. Полиция... вокруг бегают люди с оружием. В такой ситуации лучше не высовываться, разве нет?

– Даже после того, как полиция, люди с оружием и патрульные машины уехали? И все как ни в чем не бывало вернулись к своим телевизорам? Никто не вышел, чтобы проверить, не случилось ли чего с соседями? Это неестественно, Франсуа, но в этом нет ничего странного. Все так и было задумано.

– Что вы хотите сказать? Как это?

– Один человек выходит на крыльцо и начинает кричать в луче прожектора. Внимание переключается на него, и бесценные секунды преимущества испаряются. Затем с другой стороны появляется монахиня, пропитанная святым негодованием, – и еще несколько секунд потеряно, а для Карлоса это не секунды, а часы. Начинается штурм, а в результате Второе бюро остается

с носом... Но когда все заканчивается, тут же воцаряется спокойствие – а это весьма необычно. Все было сделано по заранее разработанному плану, поэтому нет места никакому любопытству – нет ни людей на улице, никакого возбуждения, ни даже коллективного возмущения после отъезда полиции. Просто люди в этих домах знают свои роли. Это вам ни о чем не говорит?

Бернардин кивнул.

– Заранее разработанный план действий, осуществленный профессионалами, – сказал бывший агент.

– И я так думаю.

– Нет, это вы заметили, а не я, – возразил Бернардин. – Не надо жалеть меня, Джейсон. Я слишком долго оставался не у дел. Размяк, постарел, лишился воображения.

– Как и я, – сказал Борн. – Просто для меня ставки настолько высоки, что мне приходится заставлять себя думать, как человек, о котором я хотел бы забыть.

– Это говорит мсье Вебб?

– Наверное, да.

– Так что же мы имеем?

– Взбешенного булочника и злую монахиню, а в случае, если они окажутся ни при чем, – остаются люди в окнах. У нас есть какое-то время, но его совсем немного, максимум до рассвета.

– Прошу прощения?

– Карлос прикроет эту лавочку, и сделает это быстро. Теперь у него нет выбора. Кто-то из его преторианской гвардии выдал кому-то местонахождение его парижской штаб-квартиры, и можете побиться об заклад на свою пенсию – если вы ее все еще получаете, – что он на стены лезет, пытаясь понять, кто его предал...

– Назад! – закричал Бернардин, схватил Джейсона за черную куртку и оттащил глубже в тень у витрины. – Не высовывайтесь! Ложитесь на землю!

Оба мужчины бросились на мостовую и ничком распростерлись на потрескавшемся асфальте. Справа появился еще один фургон темного цвета, но это была не полиция. Фургон двигался быстрее, он был меньше и уже полицейского автобуса, к тому же более приземистый и мощный. С полицейским автобусом его роднил яркий, слепящий прожектор... нет, не один, а два прожектора по обеим сторонам ветрового стекла, каждый из

которых обшаривал пространство вокруг фургона. Джейсон вытащил из-за пояса пистолет – тот, который он одолжил у Бернардина, – зная, что его напарник уже достал свое оружие из кармана. Луч левого прожектора прошел над ними, и Борн прошептал:

– Отличная работа, но как вы его заметили?

– По движущимся отражениям ламп на окнах, – ответил Франсуа. – Вначале я было подумал, что это мой бывший коллега возвращается, чтобы довершить начатое. Выпустить мои кишки на мостовую... Боже, вы посмотрите!

Фургон пронесся мимо первых двух зданий, а потом неожиданно вильнул в сторону и остановился у бордюра перед последним домом примерно в двухстах футах от витрины – этот дом находился дальше всех от того, адрес которого соответствовал телефону Шакала. Как только фургон затормозил, задние двери распахнулись, и из них выпрыгнули четыре человека с оружием в руках, двое из которых побежали в сторону улицы, один по тротуару в сторону подъезда, а последний охранник с угрожающим видом остался у открытых дверей, готовый открыть огонь из своего «МАК-10». На верхней площадке перед ступенями появилось пятно тусклого света – открылась дверь, и наружу вышел человек в черном плаще. Какое-то время он стоял, глядя вниз и вверх вдоль бульвара Лефевр.

– Это он? – шепотом спросил Франсуа.

– Нет, если только он не в парике, – ответил Джейсон, залезая в карман своей куртки. – Я узнаю его, когда увижу, – потому что я вижу его каждый день своей жизни!

Борн вытащил одну из гранат, которые он также одолжил у Бернардина. Положив на землю пистолет, он проверил механизм, взяв в руки рубчатый металлический цилиндр, слегка потянул за чеку, чтобы удостовериться, что она не заржавела.

– Какого черта вы делаете? – спросил ветеран Бюро.

– Тот человек просто приманка, – бесстрастным монотонным голосом ответил Джейсон. – Через несколько мгновений его место займет другой, сбежит по лестнице вниз и залезет в фургон – либо на передние сиденья, либо через задние двери – надеюсь, что именно через последние, хотя это и не так важно.

– Вы с ума сошли! Вас убьют! Что хорошего будет вашей семье от того, что вы станете трупом?

– Вы не думаете, Франсуа. Охранники побегут обратно и заберутся в фургон через задние двери, потому что спереди нет места. А между выпрыгиванием из машины и залезанием в нее большая разница. Во-первых, это более медленный процесс... К тому времени, когда последний из них залезет внутрь и потянется, чтобы захлопнуть двери, в этом фургоне уже будет моя граната без чеки... И я совсем не собираюсь становиться трупом. Оставайтесь здесь!

Прежде чем Бернардин успел что-либо возразить, Дельта из отряда «Медуза» крадучись выбрался на темный бульвар Лефевр, освещаемый только прожекторами – теперь их лучи расходились перпендикулярно бокам машины, что делало Борна еще более незаметным. Яркий белый свет вокруг фургона сгустил окружающую его темноту до непроницаемости, поэтому реальную опасность представлял лишь охранник у открытых дверей. Прячась в тени витрин, словно он пробирался сквозь густую траву дельты Меконга к залитому светом прожекторов лагерю пленных, Джейсон продвигался чуть вперед каждый раз, когда мужчина у задних дверей фургона отводил взгляд в сторону. Глаза Борна постоянно следили за человеком, стоявшим у двери над кирпичной лестницей.

Неожиданно появилась еще одна фигура – это была женщина с небольшим чемоданом в одной руке и большой дамской сумкой в другой.

Она что-то сказала мужчине в черном плаще, и охранник обернулся в их сторону. Борн пополз, неслышно перебирая локтями и коленями по асфальту, пока не оказался в достаточной близости от фургона, откуда мог наблюдать за происходящим на лестнице с минимальным риском оказаться замеченным. Он с облегчением смотрел, как два охранника, стоявшие на улице, постоянно щурились и мигали от яркого света прожекторов. У Джейсона мгновенно возник план действий с учетом такой сложной обстановки. Теперь все зависело от точного расчета времени, и он старался собрать воедино весь свой опыт, полученный в те времена, которых он почти не помнил и которые теперь были задернуты какой-то пеленой. Он должен вспомнить; его инстинкты должны помочь ему пробиться сквозь туман воспоминаний. Прямо сейчас. Потому что конец этого кошмара был близок.

Все произошло очень быстро. Неожиданно около дверей дома началась какая-то возня, и из проема стремительно вышел еще один человек, присоединившийся к двум другим. Ростом он был ниже своего коллеги, на голове у него был берет, а в руке он держал портфель. Вероятно, он отдал какие-то приказы – они касались и охранника, стоявшего у задних дверей фургона, потому что тот подбежал к тротуару, а вновь прибывший метнул

свой портфель вниз с лестницы. Охранник зажал оружие левой рукой и без особых усилий поймал кожаный снаряд на излете.

– Allez-vous-en. Nous partons! Vite! 99 – прокричал второй человек, жестом показывая двум своим спутникам на лестнице, чтобы они шли впереди него к фургону. Они так и сделали – мужчина в плаще присоединился к охраннику у задних дверей, женщина следовала за тем, кто отдавал приказы... Это Шакал? Это Карлос? Это действительно он?

Борн отчаянно хотел в это верить – значит, это был он! Послышался щелчок закрываемой боковой двери, сразу же после чего завелся мощный двигатель – и то и другое стало сигналом. Трое других охранников бросились к задним дверям фургона. Пропустив вперед мужчину в черном плаще, один за другим они стали залезать внутрь, вытягивая ноги, работая руками и плечами, цепляясь за два металлических поручня и одним мускульным усилием забрасывая себя в фургон – свои автоматы они кидали в салон перед собой. Затем изнутри протянулась пара рук, чтобы схватиться за ручки задних дверей...

Пора! Борн выдернул чеку гранаты, вскочил на ноги и побежал с такой скоростью, с какой не бегал ни разу в жизни, стараясь приблизиться к захлопывающимся задним дверям фургона. Он поднырнул, перевернувшись в воздухе, ухватился за левую створку дверей и швырнул внутрь гранату; чека осталась у него в руке. Шесть секунд – и произойдет взрыв. Джейсон коснулся земли коленями, вытянул руки и захлопнул двери фургона. Раздалась автоматная очередь. Но тут случилось непредвиденное чудо – так как фургон Шакала был бронированным, он представлял непробиваемую преграду и для пуль, выпущенных изнутри! Сталь нигде не была пробита, слышались только взвизгивания и свист рикошетов... и крики раненых внутри фургона.

Светя прожекторами, автомобиль рванулся вперед по бульвару Лефевр, а Борн, пригнувшись, побежал в сторону пустых витрин на восточной стороне улицы. Он практически преодолел широкую улицу, когда случилось невозможное. Невозможное!

Фургон Шакала взорвался, осветив темное парижское небо, и в ту же секунду из-за ближайшего угла, визжа покрышками, вылетел коричневый лимузин с опущенными стеклами, в темных проемах окон появились вооруженные люди, которые обрушили на весь окружающий район громоподобный, беспощадный огонь. Джейсон вжался в ближайшее углубление, стараясь как можно компактнее сгруппироваться в тени здания, осознавая тот факт – без какого-либо страха, но с бешеной яростью, – что, возможно, это последние мгновения его жизни. Он потерпел поражение.

Подвел Мари и детей!.. Но он не сдастся просто так. Он будет убивать, убивать! Он Джейсон Борн.

И тут произошло невероятное. Невероятное. Звуки сирены? Полиция? Коричневый лимузин рванулся вперед, объехал горящие обломки фургона Шакала и исчез во мраке улицы в тот момент, когда из темноты с противоположной стороны вылетела патрульная машина с включенной сиреной – взвыли тормоза, автомобиль занесло, и он замер в нескольких ярдах от взорванного фургона. «Что за чертовщина!» – подумал Джейсон. Ведь было же пять патрульных машин, а вернулась только одна. Почему? И даже этот вопрос был неважен. Карлос разработал план, включавший семерых, а возможно, и всех восьмерых подставных лиц, одноразовых лиц, обреченных на гибель этим законченным параноиком. Шакал вырвался из ловушки, поставленной его ненавистной жертвой, Дельтой, творением «Медузы», созданием американской разведки. Киллеру опять удалось перехитрить его, но не убить. Будет другой день, будет другая ночь.

– Бернадин! – закричал служащий Второго бюро, который менее тридцати минут назад официально отрекся от своего коллеги. Выпрыгнув из патрульной машины, он опять закричал: – Бернадин! Где ты?.. Господи, ну где же ты? Я вернулся, старина, потому что я не могу бросить тебя! Боже, ведь ты был прав, я и сам теперь это вижу! О господи, ну скажи мне, что ты жив! Ответь мне!

– Другой мертв, – последовал ответ Бернардина, когда его худая фигура с трудом отделилась от пустынной витрины в сотне футов к северу от того места, где был Борн. – Я пытался сказать вам, но никто не хотел слушать...

– Я поступил слишком опрометчиво! – вскричал служащий, подбежал к старику и обнял его, пока те, кто находился в полицейской машине, выходили из нее, прикрывая лица руками, и окружали горящий фургон, правда, на почтительном расстоянии.

– Я передал нашим людям по рации, чтобы они возвращались! – добавил чиновник. – Поверь мне, старина, я вернулся, потому что не мог оставить тебя в таком состоянии, только не моего старого товарища... Я просто не знал, что эта свинья напала на тебя, ударила тебя. Когда он сказал мне об этом, я выкинул его вон из машины!.. Я вернулся за тобой, вот, видишь? Но, бог мой, я не ожидал увидеть ничего подобного!

– Это ужасно, – сказал ветеран Второго бюро, осторожно, но быстро оглядывая бульвар и окрестности. Он особо отметил множество испуганных, напряженных лиц в окнах трех каменных домов. Сценарий развалился после

взрыва фургона и исчезновения коричневого лимузина. Вассалы остались без своего господина, и ими овладела тревога.

– Это не только твоя ошибка, старый друг, – продолжил он с извиняющейся ноткой в голосе. – Это был не тот дом.

– Ага! – триумфально воскликнул сотрудник Второго бюро. – Не тот дом? Это действительно закономерная ошибка, а, Франсуа?

– Закономерные последствия могли бы быть гораздо менее трагичными, если бы вы не поступили так опрометчиво, как вы метко выразились. Вместо того чтобы прислушаться к человеку с таким большим опытом, как у меня, вы велели мне выйти из машины только для того, чтобы я стал свидетелем кошмара, произошедшего после вашего отъезда.

– Мы выполняли ваши приказы! Мы обыскали дом – не тот дом!

– Если бы вы остались, если бы задержались хотя бы ненадолго, этого можно было бы избежать, и мой друг был бы сейчас жив. Я буду вынужден включить это в рапорт.

– Прошу вас, дружище, – вставил сотрудник. – Давай поразмыслим вместе на благо Бюро... – На этот раз их перебило шумное появление пожарной машины. Бернардин поднял руку и перевел своего сопротивлявшегося бывшего товарища через бульвар, как бы чтобы не мешаться пожарникам, а на самом деле чтобы оказаться поближе к Джейсону Борну. – Когда придут наши люди, – продолжил сотрудник, авторитетным тоном повысив голос, – мы очистим дома и задержим всех жителей для тщательного допроса!

– Боже, – воскликнул Бернардин, – не добавляй к некомпетентности ослиного упрямства!

– Что?

– Лимузин, коричневый лимузин – вы же видели его.

– Да, конечно. Водитель сказал, что он уехал.

– И это все, что он вам сказал?

– Ну, грузовик загорелся, и было столько всяких радиосообщений для персонала...

– Посмотрите на разбитое стекло! – велел Франсуа, указывая на витрины магазинов в стороне от углубления, где прятался Борн. – Посмотрите на выбоины в асфальте. Перестрелка, мой друг. Стрелявшие скрылись, думая, что убили меня!.. Ничего не говорите, ничего не делайте. Оставьте этих людей в покое.

– Я вас не понимаю...

– Глупец. Если вдруг по какой-то причине существует хоть малейшая вероятность того, что хотя бы одному из тех убийц будет приказано вернуться сюда, не должно быть никаких препятствий.

– Выражайся понятнее.

– Куда уж понятнее, – возразил Бернардин. Пожарники поливали из шлангов и гигантских огнетушителей пылающий фургон. – Пошли своих людей в каждый дом, пусть они спрашивают, все ли в порядке, и объясняют одно – власти определили, что эти ужасные события на улице имеют криминальную основу. Кризис прошел; причин для тревоги больше нет.

– А это правда?

– Это то, во что нам нужно, чтобы они поверили.

Завывая сиренами, на улицу ворвалась «Скорая» в сопровождении двух дополнительных патрульных машин. По обеим сторонам улицы д'Алезья стояли жители квартир, многие в поспешно натянутой домашней одежде – штанах и рубашках, другие в ночных пижамах и поношенных тапочках. Заметив, что фургон Шакала представляет собой теперь дымящуюся массу искореженного железа и битого стекла, Бернардин продолжил:

– Дай толпе время удовлетворить свое нездоровое любопытство, затем вели своим людям загнать их обратно по домам. Где-то через час, когда место будет оцеплено и увезут тела, объяви во всеуслышание своему полицейскому отряду, что в их присутствии больше нет необходимости, пусть они все, кроме одного, вернутся в свои участки. Оставшийся должен будет дежурить здесь, пока с улицы не уберут обломки. Ему также должно быть велено не препятствовать никому, кто попытается выйти из домов. Понятно?

– Нисколько. Но ты же сказал, что кто-то может прятаться...

– Я знаю, что я сказал, – настаивал бывший консультант Второго бюро. – Это ничего не меняет.

– Значит, ты останешься здесь?

– Да. Я буду медленно, не привлекая внимания, обходить территорию.

– Понятно... А что с рапортом полиции? И с моим рапортом?

– Дай немного правды, хотя не всю, конечно. Ты получил информацию – от некоего информатора, – что на бульваре Лефевр ровно в этот час должен был произойти акт насилия, имеющий отношение к отделу Бюро по борьбе с наркотиками. Ты повел сюда отряд полицейских и ничего не обнаружил, но

вскоре после этого твои инстинкты профессионала заставили тебя вернуться назад – к сожалению, слишком поздно, чтобы предотвратить бойню.

– За такое мне даже может быть объявлена благодарность, – сказал сотрудник и неожиданно озабоченно нахмурился. – А твой рапорт? – тихо спросил он.

– Посмотрим. Ведь, может быть, он и не понадобится, – ответил вновь действующий консультант.

Команда медиков завернула тела жертв и убрала их в машину, а ремонтники оттащили остатки уничтоженного фургона на пустырь, несколько напоминающий свалку. Команда подмела улицу, шутя, что не нужно слишком усердствовать, а то никто не узнает бульвар Лефевр. Четверть часа спустя работы были завершены; ремонтная машина уехала, один патрульный присоединился к ее команде, чтобы его подбросили до ближайшего полицейского телефона в нескольких кварталах отсюда. Шел уже пятый час утра, и скоро небо над Парижем озарится рассветом, и под этим небом забурлит человеческая суeta. Однако сейчас единственным признаком жизни на бульваре Лефевр были пять освещенных окон в ряде каменных домов, контролируемых Карлосом Шакалом. В этих комнатах были мужчины и женщины, которым спать было нельзя. Они должны были работать ради их монсеньора.

Борн сидел на тротуаре, вытянув ноги, прислонившись к стене в углублении между витринами напротив дома, где так недавно испуганный, но любящий поспорить булочник и возмущенная монашка оказывали сопротивление полиции. Бернардин находился в похожем углублении в нескольких сотнях футов от него, напротив первого дома, где остановился фургон Шакала, приехавший за своим проклятым грузом. Их уговор был таков: Джейсон должен был пойти следом и захватить силой любого, кто выйдет первым из какого-либо из этих домов; а старый ветеран Второго бюро последует за вторым, чтобы выяснить пункт его или ее назначения, не вступая в контакт. По мнению Борна, либо булочник, либо монашка были связными киллера, и он выбрал северный конец ряда каменных домов.

Борн был частично прав, но он не предвидел возможности появления посторонних людей и транспортных средств. В 5.17 с южной стороны бульвара, позвякивая приглушенными звонками на рулях велосипедов, появились две монашки, в широких платьях, с белыми шляпами. Они остановились перед домом, который, вероятно, был главной квартирой

магдаленских сестер милосердия. Дверь открылась, и еще три монашки, каждая с велосипедом, вышли и спустились по кирпичным ступенькам, чтобы присоединиться к своим сестрам. Они с достоинством водрузились на сиденья, и вся процессия тронулась вверх по улице. Единственным утешением для Джейсона было то, что сердитая монашка Карлоса заняла отдельную позицию чуть позади. Не зная, как он это сделает, зная только, что это необходимо, Борн выскочил из своего укрытия и перебежал темный бульвар. Только он добежал до теней пустующей стоянки рядом с домом Шакала, открылась другая дверь. Он присел, наблюдая, как толстый гневный булочник переваливающейся походкой быстро спустился по ступенькам и пошел на юг. «Бернардин знает свое задание», – подумал Джейсон, поднялся на ноги и побежал за своей процессией велосипедисток.

Парижское движение – невероятная головоломка, независимо от времени дня или ночи. Оно предоставляет отличный оправдательный повод для тех, кому надо куда-либо приехать раньше, или опоздать, или приехать не туда. Одним словом, парижане за рулем воплощают последние цивилизованные остатки смертельно опасного импульсивного поведения – превосходимые разве что своими коллегами в Риме или Афинах. Так было и в отношении магдаленских сестер милосердия, особенно касательно официозной клуши, следующей чуть позади. На перекрестке улицы Лекурб с Монпарнасом череда грузовиков не позволила ей последовать за своими набожными коллегами. Она помахала им, чтобы они продолжали свой путь, а сама неожиданно свернула на узкую боковую улицу, ускорив ход. Борн, чья рана, с острова Транквилити, пульсировала на шее, не стал ускоряться: в этом не было необходимости. На стене первого дома той улицы висела голубая вывеска с белыми буквами: IMPASSE, тупик; выхода с улицы не было.

Он обнаружил велосипед, привязанный к столбу с перегоревшим фонарем, и стал ждать в тени подъезда не более чем в пятнадцати футах от него. Затем поднял руку и коснулся теплой влаги на повязке вокруг шеи; кровотечение было незначительным. О боже, как устали ноги – нет, «устали» не то слово. Они ныли болью, исходящей от мышц, непривычных к той нагрузке, которую им пришлось выдержать, ритмичные движения бега трусцой или чуть быстрее не годились в качестве подготовки к прыжкам, поворотам или резким остановкам и рывкам. Тяжело дыша, он прислонился к камню, не спуская глаз с велосипеда, пытаясь подавить возвращавшуюся с бесившей регулярностью мысль: всего несколько коротких лет назад он бы даже не заметил какого-либо неудобства в ногах. Усталости бы просто не было.

Тишину предрассветной улицы прервал щелчок замка, за которым последовал скрип открываемой тяжелой двери. Это была дверь квартиры напротив привязанного велосипеда. Прижавшись спиной к стене, Джейсон

достал пистолет и следил за женщиной в монашеском одеянии, поспешившей к фонарному столбу. Она завозилась с ключом в неясном свете, неловко пытаясь вставить его в скважину замка. Борн вышел из тени и быстро, бесшумно подошел к ней.

– Вы опоздаете на утреннюю службу, – сказал он.

Женщина развернулась, выронив ключ, ее черная одежда от этого движения раскрылась. Она сунула правую руку между складками робы. Джейсон ринулся к ней, схватил левой рукой ее руку, а правой сорвал с нее шляпу. Увидев открывшееся лицо, он чуть не задохнулся.

– Боже, – прошептал он. – Это ты!

Глава 27

– Я тебя знаю! – воскликнул Борн. – Париж... много лет назад... тебя зовут Лавьер... Жаклин Лавьер. У тебя был один из магазинов одежды... «Ле Классик» – Сен-Оноре – убитая Карлосом в Фабурге! Я нашел твоё тело в кабинке для исповеди в Нейл-сюр-Сьен. Я думал, ты мертва.

Резкое, морщинистое, стареющее лицо женщины исказилось в гневе. Она попыталась выкрутиться из его хватки, но Джейсон шагнул в сторону, когда она крутнулась, и ловким круговым движением прижал ее к стене, надавив предплечьем на ее горло.

– Но ты не была мертва. Ты была частью ловушки, которая закончилась в Лувре, взорвалась возле Лувра!.. Клянусь богом, ты пойдешь со мной. В той ловушке погибли люди – погибли французы, – и я не мог объяснить им, как это случилось и кто был в ответе за это... В моей стране, если ты убьешь копа, тебе это с рук не сойдет. Здесь это тоже так; и если это копы, то они не перестают искать. О, они помнят Лувр, они помнят своих людей!

– Ты ошибаешься! – пробормотала женщина, тараща большие зеленые глаза.
– Я не та, за кого ты меня принимаешь...

– Ты Лавьер! Королева Фабурга, единственный контакт к женщине Шакала, жене генерала. Не пытайся уверить меня, что я ошибаюсь... Я следил за вами обеими до самой Нейл – до той церкви со звенящими колоколами и священниками повсюду – одним из которых был Карлос! Его шлюха скоро вышла, а ты – нет. Она поспешно ушла, и я забежал внутрь и описал тебя старому священнику – если это был священник, – и он сказал мне, что ты была во второй кабинке слева. Я подошел и откинул занавеску, и ты действительно была там. Мертвая. Я решил, что тебя убили, и все происходило слишком быстро. Карлос должен был быть где-то там! До него было рукой подать, он мог быть у меня на прицеле – или я у него. Я начал

бегать вокруг, как маньяк, и наконец увидел его! Увидел на улице в его черной церковной робе – я увидел его, я знал, что это был он, потому что он тоже меня увидел и побежал через дорогу. И потом я его потерял, я потерял его!.. Но у меня еще оставалась одна карта. Ты. Я распространил слух – Лавьер мертва... Именно этого от меня и ожидали, не так ли? Не так ли?

– Говорю же тебе, ты ошибаешься! – женщина больше не боролась; это было бессмысленно. Напротив, она неподвижно стояла у стены, будто надеялась, что так ей разрешат говорить. – Может, ты меня выслушаешь? – спросила она с трудом: рука Джейсона все еще упиралась ей в горло.

– И не надейтесь, леди, – ответил Борн. – Тебя уведут отсюда без сознания, и какой-то незнакомец будет помогать сестре милосердия, а вовсе не нападать на нее. Сейчас ты упадешь в обморок. В твоем возрасте это не редкость, не правда ли?

– Подожди!

– Слишком поздно.

– Мы должны поговорить!

– Поговорим.

Отпустив руку, Джейсон тут же обрушил обе ладони одновременно в основание шеи, где сухожилия вплетаются в мышцы. Она обмякла; он поймал ее и вынес из узкого переулочка, как, наверное, выносил бы восхищенный религиозный фанатик объект своего поклонения. Утренний свет начал заполнять небо, и несколько ранних прохожих, один из которых был молодым бегуном в шортах, приблизились к человеку, несущему монашку.

– Она сидела с моей женой и больными детьми почти два дня без сна! – взмолился Хамелеон на уличном французском. – Пожалуйста, кто-нибудь, найдите мне такси, чтобы я мог отвезти ее обратно в монастырь в девятом округе!

– Я найду! – вызвался молодой бегун. – На улице де Сивр есть круглосуточный пост, и я очень быстро бегу!

– Вы просто подарок, мсье, – сказал Джейсон, принимая его помощь, но сразу же почувствовав антипатию к слишком доверчивому, слишком молодому бегуну.

Через шесть минут прибыло такси вместе с молодым парнем.

– Я сказал водителю, что у вас есть деньги, – доложил он, выбираясь из машины. – Надеюсь, это так.

– Конечно. И спасибо.

– Передайте сестре, что я оказал помощь, – добавил молодой человек в спортивных шортах, помогая Борну осторожно уложить бесчувственную женщину на заднее сиденье такси. – Когда придет мое время, мне пригодится любая помощь.

– Надеюсь, ничего опасного? – спросил Джейсон, пытаясь вернуть молодому человеку его улыбку.

– Вряд ли! Я буду представлять свою фирму на марафоне.

Дитя-переросток начал бежать на месте.

– Спасибо еще раз. Надеюсь, вы победите.

– Пусть сестра помолится за меня! – крикнул атлет, убегая прочь.

– Булонский лес, – сказал Борн, захлопнув дверь и обращаясь к водителю.

– Лес? Этот вертлявый парень сказал, что монашке надо в больницу.

– Она выпила слишком много вина, что еще я могу вам сказать?

– Булонский лес, – кивнул водитель. – Пусть проветрится. У меня есть племянница в монастыре Лионс. Когда она выходит оттуда на неделю, то пропитывается до самой макушки. Но можно ли за это винить?

Скамейка на каменистой тропинке в «лесу» постепенно заливалась теплыми лучами раннего солнца. Женщина в монашеском одеянии начала трести головой.

– Как ты себя чувствуешь, сестра? – спросил Джейсон, сидевший рядом со своей пленницей.

– Как если бы меня переехал армейский танк, – ответила женщина, моргая и глотая воздух ртом. – Или по меньшей мере трейлер.

– О которых, подозреваю, ты знаешь больше, чем о продуктовой тележке магдаленских сестер милосердия.

– Именно, – согласилась она.

– Можешь не искать свой пистолет, – сказал Борн. – Я вытащил его из-за очень дорогого ремня под твоей робой.

– Рада, что ты оценил его стоимость. Это часть того, о чем мы должны поговорить... Из того, что я не в полицейском участке, могу сделать вывод, что ты решил удовлетворить мою просьбу о разговоре.

– Только если то, что ты скажешь, будет полезно для моих целей – думаю, ты это понимаешь.

– Видишь ли, это совершенно точно будет полезно для твоих целей, как ты выразился. Я провалилась. Меня захватили. Я не там, где должна быть, и, который бы ни был сейчас час, свет говорит мне о том, что слишком поздно оправдываться. К тому же мой велосипед либо исчез, либо все еще прицеплен к столбу.

– Я не взял его.

– Тогда я труп. Теперь я труп в любом случае, понимаешь?

– Потому что ты исчезла? Ты не там, где должна быть?

– Конечно.

– Ты Лавьер!

– Это верно. Я Лавьер. Но не та женщина, которую ты знал. Ты знал мою сестру Жаклин – а я Доминик Лавьер. Мы не сильно отличались возрастом и с детства были очень похожи друг на друга. Но ты не ошибаешься насчет Нейл-сюр-Сьен и того, что ты там видел. Моя сестра была убита, потому что нарушила главное правило, совершила смертельный грех, если угодно. Она запаниковала и привела тебя к женщине Карлоса, его самому драгоценному и полезному секрету.

– Меня?.. Ты знаешь, кто я?

– Весь Париж – Париж Шакала – знает, кто ты, мсье Борн. Не в лицо, уверяю тебя, но они знают, что ты здесь, и они знают, что ты ищешь Карлоса.

– И ты являешься частью этого Парижа?

– Да.

– Боже правый, леди, он же убил твою сестру!

– Я в курсе.

– И все равно работаешь на него?

– Бывают случаи, когда выбор резко ограничен. Например, между жизнью и смертью. Когда шесть лет назад у «Ле Классик» сменился владелец, это было жизненно необходимо монсеньору. Я заняла место Жаклин...

– Вот так запросто?

– Это было нетрудно. Я была моложе и, что важнее, выглядела моложе, – черты ее лица изогнулись в краткой задумчивой улыбке. – Моя сестра всегда говорила, что это благодаря жизни на Средиземном море... Как бы то ни

было, косметические операции – обычное дело в мире высокой моды. Жаклин предположительно поехала в Швейцарию для подтяжки кожи лица... И я после восьминедельной подготовки вернулась в Париж.

– Как ты могла? Зная то, что ты знала, как, черт возьми, ты могла?

– Я не знала раньше то, что узнала позже, тогда, когда это уже ничего не меняло. И мне был предоставлен выбор, о котором я только что говорила. Жизнь или смерть.

– Тебе никогда не приходило в голову обратиться в полицию или Сюртэ?

– В отношении Карлоса? – женщина посмотрела на Борна, будто осуждая глупого ребенка. – Как говорят британцы в Кап Феррат, ты определенно шутишь.

– И ты с радостью вступила в эту убийственную игру?

– Неосознанно. Меня вводили в нее постепенно, скармливая мне информацию медленно, по кусочкам... Сначала мне сказали, что Жаклин погибла в результате несчастного случая на лодке со своим тогдашним любовником и что мне будут очень хорошо платить, если я займу ее место. «Ле Классик» был более чем фешенебельным салоном...

– Намного более, – согласился Джейсон, перебив ее. – Это было место сбора самых важных военных и разведывательных секретов Франции, которые собирала для Шакала его женщина, жена известного всем генерала.

– Я не знала об этом еще долго после того, как генерал убил ее. Кажется, его звали Вилье.

– Именно так, – Джейсон посмотрел через тропинку на спокойные темные воды пруда, по которым плавали скопления белых лилий. Перед ним снова встали образы из прошлого. – Это я нашел его... нашел их. Вилье был в кресле с высокой спинкой, в руке у него был пистолет, его жена лежала на кровати – обнаженная, окровавленная, мертвая. Он собирался застрелиться. Это была подходящая казнь для предателя, сказал он, потому что преданность жене ослепила его и в этой слепоте он предал свою возлюбленную Францию... Я убедил его, что есть другой путь; это почти сработало – тринадцать лет назад. В странном доме на Семьдесят первой улице в Нью-Йорке.

– Я не знаю, что произошло в Нью-Йорке, но генерал Вилье оставил инструкции, чтобы после его смерти все события в Париже стали достоянием публики. Когда он умер и стала известна правда, говорят, Карлос впал в бешенство и убил несколько высоких военных чиновников просто потому, что они были генералами.

– Это все в прошлом, – резко перебил Борн. – А мы здесь и сейчас, тринадцать лет спустя. Что происходит сейчас?

– Я не знаю, мсье. Мои шансы равны нулю, не так ли? Так или иначе, я думаю, ты меня убьешь.

– Может, и нет. Помоги мне взять его, и ты избавишься от нас обоих. Сможешь вернуться на Средиземное море и жить спокойно. Тебе даже не придется прятаться – ты просто вернешься куда бы то ни было после нескольких прибыльных лет в Париже.

– Прятаться? – переспросила Лавьер, изучая изможденное лицо своего захватчика. – То есть «исчезнуть»?

– В этом не будет необходимости. Карлос не сможет достать тебя, потому что он будет мертв.

– Да, эту часть я понимаю. Меня интересует исчезновение вместе с «прибыльными» годами. Будет ли эта прибыль исходить от тебя?

– Да.

– Понятно... Ты это предложил Санчесу? Прибыльное исчезновение?

Эти слова словно приобрели твердость руки и дали ему пощечину. Джейсон посмотрел на пленницу.

– Значит, это был Санчес, – промолвил он. – Лефевр действительно был ловушкой. Боже, он хорош.

– Он мертв, «Сердце солдата» вычищено и закрыто.

– Что? – Борн оцепенело вытаращился на Лавьер. – Это была его награда за то, что он загнал меня в угол?

– Нет, за измену Карлосу.

– Я не понимаю.

– У монсеньора везде есть глаза – уверена, это не сюрприз для тебя. Было замечено, что Санчес, полный отшельник, отправил несколько тяжелых ящиков вместе со своим главным поставщиком провизии, а вчера утром он не подстриг и не полил свой драгоценный сад, его летний ритуал, неизменный, как солнце. На склад поставщика был послан человек, чтобы открыть ящики...

– Книги, – тихо вставил Джейсон.

– Отданные на сохранение до дальнейших указаний, – закончила Доминик Лавьер. – Санчесу следовало отправиться быстро и тайно.

- И Карлос узнал, что никто в Москве не выдавал его номер.
- Прошу прощения?
- Ничего... Что за человек был этот Санчес?
- Я не была с ним знакома, никогда даже не видела. До меня доходили только немногочисленные слухи.
- У меня нет времени на многие. Что за слухи?
- Похоже, это был очень большой человек...
- Это я знаю, – нетерпеливо перебил Джейсон. – Судя по его книгам, он был хорошо начитан, возможно, хорошо образован, даже его речь говорила об этом. Откуда он взялся и почему он работал на Шакала?
- Говорят, он кубинец и участвовал в революции Фиделя и что он был глубоким мыслителем, а также учился на юридическом вместе с Кастро и был некогда отличным атлетом. Потом, конечно, как это бывает во всех революциях, с победой начались внутренние распри – по крайней мере, так мне говорили мои старые друзья по баррикадам тревожных дней.
- Не понял. Растолкуй.
- Фидель ревновал к лидерам некоторых определенных отрядов, особенно к Че Геваре и к человеку, известному тебе как Санчес. Кастро не мог терпеть конкуренции. Че был отправлен на задание, стоившее ему жизни, а против Санчеса были выдвинуты надуманные обвинения в контрреволюции. До его казни оставался час, когда Карлос со своими людьми ворвался в тюрьму и похитил его.
- Похитил? Скорее, увел в одежде священника.
- Вполне допускаю это. Когда-то церковь со всеми своими средневековыми безумствами держала Кубу в руках.
- Ты говоришь это как будто с горечью.
- Я женщина, а папа римский – нет; он пережиток Средневековья.
- Суд вынес приговор... Значит, Санчес объединил свои силы с Карлосом, два разочарованных марксиста в поисках своего собственного дела – или, быть может, своего собственного Голливуда.
- Я в этом деле слишком мелкая сошка, мсье, но, судя по твоим словам, эта фантазия принадлежит великолепному Карлосу; на долю Санчеса выпало горькое разочарование. Он задолжал Шакалу свою жизнь, так почему бы ее не отдать? Что еще ему оставалось?.. Пока не появился ты.

– Это все, что мне было нужно. Спасибо. Я просто хотел заполнить несколько пробелов.

– Пробелов?

– Некоторые сведения о событиях, которые я не знаю.

– Так что мы теперь будем делать, мсье Борн? Разве не это был ваш начальный вопрос?

– А что вы хотите делать, мадам Лавьер?

– Я знаю точно, что не хочу умирать. И я не мадам Лавьер в смысле семейных отношений. Связанные с этим ограничения всегда претили мне, а преимущества не были необходимы. Многие годы я была дорогой девушкой по вызову в Монте-Карло, Ницце и Кап-Феррате, пока красота не покинула меня. От того времени у меня остались друзья, временные любовники, которые заботились обо мне в память о былых временах. Большинство из них уже умерли, к сожалению.

– Кажется, ты говорила, что тебе очень хорошо платят за замену сестры.

– О, мне платили и отчасти все еще платят, поскольку я все еще ценна. Я вращаюсь в элитных кругах Парижа, где процветают сплетни, а это часто бывает полезно. У меня превосходная квартира на авеню Монтейн. Антиквариат, отличные картины, прислуга, банковский счет – все, что должно быть у женщины, бывшей некогда в моде, для кругов, в которых она все еще обитает. И деньги. Каждый месяц на мой счет переводится восемьдесят тысяч франков из Женевы – несколько больше, чем мне необходимо для оплаты счетов. Поскольку, видишь ли, именно я должна их оплачивать, никто больше не может этого сделать.

– Значит, у тебя есть деньги.

– Нет, мсье. У меня есть стиль жизни, а не деньги. Так хочет Шакал. Не считая своих стариков, всем остальным он платит только за то, что получает на условиях срочной службы. Если бы на десятый день каждого месяца из Женевы не приходили деньги, я была бы полностью разорена в течение тридцати дней. Но в том случае, если бы Карлос решил избавиться от меня, в деньгах не было бы необходимости. Со мной просто было бы все покончено – как сейчас. Если бы я вернулась сегодня утром в мою квартиру на Монтейне, я бы уже оттуда не вышла... как моя сестра не вышла из той церкви в Нейл-сюр-Сьен.

– Ты уверена в этом?

– Конечно. Та остановка, с велосипедом, была сделана с целью получения инструкций от одного из стариков. Приказания были конкретными, и их следовало исполнять немедленно. Одна моя знакомая должна была встретить меня через двадцать минут у пекарни в Сен-Жермене, где нам следовало обменяться одеждой. После этого ей надлежало поехать дальше в Магдаленскую миссию, а мне – встретить курьера из Афин в номере отеля Тремоли.

– Магдаленская миссия?.. Ты хочешь сказать, что те женщины на велосипедах действительно монашки?

– Соблюдающие обеты целомудрия и бедности, мсье. Я – часто навещаю их и превосхожу их по субординации, поскольку прибываю из монастыря в Сен-Мало.

– А женщина в пекарне. Она?..

– Она изредка срывается с катушек, но при этом отличный управляющий.

– Боже, – пробормотал Борн.

– Это слово часто слетает с их губ... Теперь ты понимаешь всю безнадежность моего положения?

– Не уверен.

– У меня есть повод усомниться, что ты действительно тот самый Хамелеон. Меня не было в пекарне. Встреча с греческим курьером не состоялась. Так куда же я делась?

– Ты задержалась. Сломалась велосипедная цепь; тебя задел один из тех грузовиков на улице Лекурб. Черт, тебя пытались изнасиловать. Какая разница? Ты задержалась.

– Давно ты меня вырубил?

Джейсон глянул на часы, которые теперь были хорошо видны в ярком утреннем свете.

– Думаю, чуть больше часа назад; может быть, полтора. Учитывая то, как ты была одета, таксист долго выкруливал, пытаясь найти место, чтобы можно было донести тебя до скамьи, не привлекая лишнего внимания. Я ему хорошо заплатил за помощь.

– Полтора часа? – переспросила Лавьер с ударением.

– И?

– И почему же я не позвонила в пекарню или в отель Тремоли?

– Затруднения?.. Нет, слишком легко проверить, – добавил Борн, качая головой.

– Или? – Лавьер встретила своими большими зелеными глазами с его. – Или, мсье?

– Бульвар Лефевр, – тихо и медленно проговорил Джейсон. – Засада. После того как я обратил его засаду на меня против него самого, он обратил мою засаду против меня тремя часами позже. Тогда я изменил стратегию и взял тебя.

– Именно, – бывшая проститутка Монте-Карло кивнула. – И он не может знать в точности, что между нами произошло... а потому я обречена на казнь. Пешкой жертвуют, на то она и пешка. Она ничего, по сути, не сможет рассказать властям; она никогда не видела Шакала; она может только повторять сплетни смиренных подданных.

– Ты его никогда не видела?

– Может, и видела, но я об этом не знаю. И снова слухи носят по Парижу. То ли этот, со смуглой латинской кожей, то ли тот, с черными глазами и темной бородкой; «Знаешь, на самом деле это Карлос», – сколько раз я это слышала! Но нет, никто еще не подошел ко мне и не сказал: «Это я, именно я делаю твою жизнь приятной, ты, стареющая элегантная проститутка». Я просто докладываю старикам, которые время от времени передают мне информацию, которую мне следует знать, – как, например, этим вечером на бульваре Лефевр.

– Понятно, – Борн поднялся на ноги, потянулся и осмотрел свою пленницу на скамейке. – Я могу вывезти тебя, – сказал он тихо. – Из Парижа, из Европы. Туда, где тебя не достанет Карлос. Ты хочешь этого?

– Так же сильно, как этого хотел Санчес, – ответила Лавьер с мольбой во взгляде. – Я с радостью передаю свою верность от него к тебе.

– Почему?

– Потому что он старый, серый и неровня тебе. Ты предлагаешь мне жизнь; он предлагает смерть.

– Разумное решение, – натянуто, но тепло улыбнулся Джейсон. – У тебя есть деньги? С собой, я имею в виду.

– Монашкам следует быть бедными, мсье, – ответила Доминик Лавьер, возвращая ему его улыбку. – Вообще-то у меня есть несколько сотен франков. А что?

– Этого мало, – продолжил Борн, достав из кармана внушительный сверток французских банкнот. – Здесь три тысячи, – сказал он, передавая ей деньги. – Купи где-нибудь какую-нибудь одежду – уверен, ты знаешь, как это делается, – и сними комнату в... в «Морисе» на улице Риволи.

– Какое имя мне использовать?

– Какое тебе нравится?

– Как насчет Бриэль? Чудный приморский городок.

– Почему бы и нет?.. Дай мне десять минут, чтобы уйти отсюда, и потом уходи сама. Вечером я найду тебя в «Морисе».

– От всего моего сердца, Джейсон Борн!

– Давай забудем это имя.

Хамелеон направился из Булонского леса на ближайшую парковку такси. Через несколько минут один из таксистов с восторгом принял сотню франков за то, чтобы оставаться на месте в конце ряда из трех машин, в то время как его пассажир лег на заднее сиденье, ожидая его слов.

– Монашка выходит, мсье! – воскликнул водитель. – Она садится в первое такси!

– Следуй за ними, – велел Джейсон, поднявшись.

На авеню Виктора Гюго такси Лавьер замедлило ход и остановилось перед одним из немногих парижских отступлений от традиций – открытым, с пластиковой крышей, общественным телефоном.

– Останови здесь, – приказал Борн.

Как только водитель свернул на обочину, он выбрался из машины и, прихрамывая, быстро, но тихо подошел прямо к телефону и остановился почти за спиной возбужденной монашки. Она не видела его, но он отчетливо слышал ее слова, стоя в нескольких футах позади нее.

– «Морис»! – прокричала она в трубку. – Имя – Бриэль. Он будет там вечером... Да, да, я остановлюсь у себя на квартире, сменю одежду и буду там через час.

Лавьер повесила трубку, повернулась и чуть не задохнулась при виде Джейсона.

– Нет! – воскликнула она.

– Боюсь, что да, – сказал Борн. – Чьим такси мы воспользуемся – твоим или моим?.. «Он старый и серый» – так, кажется, ты сказала, Доминик. Чертовски точное описание для того, кто никогда не видел Карлоса.

* * *

Бернардин, сгорающий от гнева, вышел из «Пон-Рояль» вместе со швейцаром, который его позвал.

– Это возмутительно! – воскликнул он, подходя к такси. – Впрочем, нет, – передумал он, заглянув внутрь. – Это просто безумно.

– Садись, – сказал Джейсон, сидевший у дальней двери рядом с женщиной в монашеской одежде. Франсуа подчинился, пялясь на черное одеяние, белую остроконечную шляпу и бледное лицо монашки между ними. – Познакомься с одним из самых талантливых исполнителей Шакала, – добавил Борн. – Клянусь, она могла бы заработать целое состояние в твоём cinema-variete.

– Я вообще-то не очень религиозный человек, но я надеюсь, что ты не ошибаешься... Я вот – или правильнее будет сказать «мы»? – ошиблись с этим свиньей-булочником...

– Почему?

– Он булочник, и не более того! Я разве что не сунул гранату в его печь, но никто, кроме французского булочника, не смог бы умолять так, как это делал он!

– Вполне разумно, – сказал Джейсон. – Нелогичная логика Карлоса – не помню, чьи это слова, возможно мои же. – Такси развернулось на сто восемьдесят градусов и въехало на улицу дю Бак. – Мы едем в «Морис», – добавил Борн.

– Уверен, на это есть причина, – утвердительно произнес Бернардин, все еще разглядывая загадочно безучастное лицо Доминик Лавьер. – Слушай, эта милая старая леди упорно молчит.

– Я не старая! – яростно воскликнула женщина.

– Конечно, нет, дражайшая, – согласился ветеран Второго бюро. – Подобные женщины только еще более желанны в ваши зрелые годы.

– О, мальчик, в самую точку!

– Почему «Морис»? – спросил Бернардин.

– Это очередная ловушка Шакала для меня, – ответил Борн. – Жест доброй воли со стороны нашей убедительной магдаленской сестры милосердия. Он ожидает, что я там буду, – и я там буду.

– Я позвоню в Бюро. Благодаря нашему пугливому бюрократу теперь они сделают все, что я скажу. Не подвергай себя опасности, друг мой.

– Не хочу тебя обидеть, Франсуа, но ты сам говорил мне, что знаешь в Бюро не всех. Я не могу допустить ни малейшего шанса утечки. Даже один человек сможет предупредить его.

– Позвольте мне помочь, – низкий тихий голос Доминик Лавьер прорезал проникающий в салон шум двигателя, напоминающий завывания завожасьей бензопилы. – Я могу помочь.

– Я уже понадеялся на твою помощь, леди, и она вела меня к собственной гибели. Нет уж, спасибо.

– Это было раньше, а не сейчас. Как тебе должно быть очевидно, мое положение сейчас действительно безнадежно.

– Кажется, я это где-то уже недавно слышал?

– Нет, не это. Я добавила слово «сейчас»... Ради бога, поставь себя на мое место. Не стану делать вид, что поняла все, но, кажется, этот древний boulevardier рядом со мной только что случайно упомянул, что позвонит в Deuxième – в Бюро, мсье Борн! Да это же почти французское гестапо! Даже если мне удастся выжить, я помечена этим правительственным отделом. Меня, несомненно, сошлют в какую-нибудь ужасную колонию на другом конце света – о, я весьма наслышана о Втором бюро!

– Да ну? – удивился Бернардин. – А я – нет. Звучит вполне даже симпатично. Просто замечательно!

– Кроме того, – продолжала Лавьер, пристально глядя на Джейсона и стягивая с головы белую остроконечную шляпу – жест, от которого брови водителя, видевшего это через зеркало заднего обзора, поползли вверх. – Без меня, без моего присутствия в совершенно другой одежде в «Морисе» Карлос и близко не подойдет к улице Риволи... – Бернардин постучал по ее плечу, поднеся указательный палец к губам и кивая в сторону переднего сиденья, после чего Доминик быстро добавила: – Человека, с которым вы хотите побеседовать, там не будет.

– В этом что-то есть, – сказал Борн, наклонившись вперед и глядя мимо Лавьер на ветерана Бюро. – У нее квартира на Монтейне, где она должна сменить одежду, и ни один из нас при этом не должен пройти с ней.

– Дилемма, не так ли? – ответил Бернардин. – И мы не сможем прослушать телефон с улицы, верно?

– Идиоты!.. Да у меня нет другого выбора, кроме как сотрудничать с вами, и если вы не можете этого понять, то вас смогут обвести вокруг пальца даже дрессированные собаки! Этот старик... пожилой человек рядом со мной найдет мое имя в файлах Второго бюро с первой же попытки, как известно великому Джейсону Борну, если он хотя бы вскользь знаком с Бюро, и поднимется несколько интересных вопросов – кстати, некогда заданных моей сестрой Жаклин. Кто такой этот Борн? Он настоящий или нет? Это киллер из Азии или просто обманщик, подсадная утка? Однажды ночью она сама позвонила мне из Ниццы, перебрав бренди, – ту ночь мсье Хамелеон, быть может, помнит – чрезвычайно дорогой ресторан за городом. Ты угрожал ей... во имя влиятельных безымянных людей ты угрожал ей! Ты требовал, чтобы она открыла тебе то, что знала о каком-то ее знакомом – кто это был, я тогда не имела понятия, – но ты напугал ее. Она говорила, что ты был в бешенстве, глаза у тебя блестели и ты выкрикивал слова на непонятном ей языке.

– Я помню, – ледяным тоном перебил Борн. – Мы вместе ужинали, я угрожал ей, и она была напугана. Она пошла в дамскую комнату, заплатила кому-то, чтобы тот позвонил, и мне пришлось убраться оттуда.

– И теперь Второе бюро в союзе с теми влиятельными безымянными людьми? – Доминик Лавьер несколько раз покачала головой и понизила голос: – Нет, мсье, я хочу жить и не хочу бороться против таких обстоятельств. В баккара самое важное – знать, когда не следует делать передачу.

После короткого молчания заговорил Бернардин:

– Так каков адрес вашей квартиры на Монтейне? Я дам его водителю, но перед этим: поймите меня, мадам, если ваши слова окажутся ложными, на вас обрушатся все истинные ужасы Второго бюро.

Мари сидела за столиком, привезенным комнатной службой, в своем маленьком номере в «Морисе», читая газеты. Ее внимание все время отвлекалось на разные мысли; ни о какой концентрации не могло быть и речи. Беспокойство не давало ей заснуть, когда она вернулась в отель вскоре после полуночи, несколько раз обойдя пять кафе, где они с Дэвидом часто бывали много лет назад. Наконец, к четырем с чем-то часам утра, усталость взяла свое – она заснула при включенной у кровати лампе и проснулась от того же света почти шесть часов спустя. Это был самый долгий ее сон с той самой ночи на острове Транквилити, ставшей теперь отдаленным воспоминанием, если не считать жгучей боли расставания с детьми.

Не думай о них, это слишком больно. Думай о Дэвиде... Нет, думай о Джейсоне Борне! Где? Сконцентрируйся!

Она отложила парижскую «Трибюн» и налила себе третью чашку черного кофе, поглядывая на французские двери, ведущие на небольшой балкон, с которого открывался вид на улицу Риволи. Ее раздражало то, что некогда яркое утро превратилось в унылый серый день. Скоро начнется дождь, еще больше затрудняя ее поиск. Она глотнула кофе и поставила элегантную чашку на элегантное блюдце, жалея, что это не одна из тех простых кружек, которым они с Дэвидом отдавали предпочтение в своем сельском домике в Мейне. О боже, вернутся ли они туда когда-нибудь? Не думай о таких вещах! Сконцентрируйся! Невозможно.

Она снова взяла «Трибюн» и стала бесцельно просматривать страницы, видя только отдельные слова – никаких предложений или абзацев, никаких связных мыслей – только слова. Потом взгляд ее остановился внизу очередной бессмысленной колонки, на единственной бессмысленной строчке, заключенной в скобки, в самом низу бессмысленной страницы.

Это было слово Амам, за которым следовал телефонный номер; и несмотря на тот факт, что вся газета была на английском языке, ее легко переключающийся на французский мозг тут же попытался перевести это слово. Она собиралась уже перевернуть страницу, когда другая часть ее мозга крикнула ей: Стоп!

Амам... Имя, перевернутое ребенком, впервые пытающимся освоить язык. Джеми – их Джеми! Шутливое перевернутое имя, которым он звал ее несколько недель подряд! Дэвид шутил об этом, тогда как она беспокоилась, не страдает ли их сын дислексией.

– Он, возможно, тоже сконфужен, амам, – смеялся тогда Дэвид.

Дэвид! Она встряхнула страницу; это был финансовый раздел газеты – раздел, которому она каждое утро за чашкой кофе инстинктивно уделяла больше внимания. Дэвид отправил ей послание! Она оттолкнула стул, отчего тот опрокинулся на пол, схватила газету и ринулась к телефону на столе. Дрожащими пальцами набрала номер. Ответа не было. Решив, что в суматохе она ошиблась или не набрала местный парижский код, набрала еще раз, медленно, тщательно.

Нет ответа. Но это был Дэвид, она чувствовала, она знала это! Он искал ее в Трокадеро и теперь воспользовался прозвищем, известным только им двоим! Любимый, любимый, я нашла тебя!.. Она также знала, что теперь неспособна оставаться в четырех стенах маленького номера отеля, меряя его шагами и поминутно набирая номер, сходя с ума от каждого неотвеченного звонка.

Когда ты отчаешься и закрутишься, чуть не разрываясь на части, найди какое-нибудь место, где ты сможешь двигаться, оставаясь незамеченной. Не переставай двигаться! Это жизненно важно. Не позволяй голове взорваться. Один из уроков Джейсона Борна. У нее кружилась голова. Мари оделась быстрее, чем когда-либо в жизни, вырвала послание из «Трибюн» и покинула угнетающий номер, с трудом заставляя себя не бежать к лифту, желая влиться в парижские уличные толпы, где она сможет двигаться незамеченная. От одной телефонной будки к другой.

Спуск в лифте в вестибюль был бесконечно долгим и невыносимым, последнее – из-за пары американцев: он был нагружен фотоаппаратурой, а она была с пурпурными веками и уложенными в высокую прическу выбеленными перекисью волосами, и оба не переставая жаловались, что слишком немногие в Париже, во Франции, говорят по-английски. Двери лифта наконец разъехались, и Мари торопливо вышла в многолюдный вестибюль «Мориса».

Идя по мраморному полу к большим стеклянным дверям шикарно отделанного подъезда, она вдруг непроизвольно остановилась, когда пожилой мужчина в тяжелом кожаном кресле справа от нее в темном костюме в полоску чуть не задохнулся, уставившись на нее, его худое тело выпрямилось, тонкие губы разомкнулись от удивления, глаза выражали шок.

– Мари Сен-Жак! – прошептал он. – Боже, уходите отсюда!

– Прошу про... Что?

Пожилый француз торопливо, с трудом, поднялся на ноги, воровато стрельнув глазами по вестибюлю.

– Нельзя, чтобы вас здесь видели, миссис Вебб, – сказал он по-прежнему резким и повелительным шепотом. – Не смотрите на меня! Посмотрите на часы. Опустите голову. – Ветеран Второго бюро глянул в сторону, бесцельно кивнув нескольким людям в соседних креслах, продолжая говорить, еле шевеля губами. – Выходите через дальнюю слева дверь, ту, что используется для багажа. Быстрее!

– Нет! – ответила Мари, опустив голову и глядя на часы. – Вы меня знаете, а я вас – нет! Кто вы?

– Друг вашего мужа.

– Боже, он здесь?

– Вопрос в том, почему здесь вы?

– Я останавливалась в этом отеле раньше. Я думала, он может вспомнить об этом.

– Он вспомнил, но, боюсь, по другому поводу. Дьявол, он бы ни за что не выбрал его, если бы подумал про это. А теперь – уходите.

– Не уйду! Я должна найти его. Где он?

– Вы уйдете, или у вас будет шанс найти только его труп. Для вас есть послание в парижской «Трибюн»...

– Оно в моей сумочке. Финансовая страничка. «Амам»...

– перезвоните через несколько часов.

– Вы не можете поступать со мной так.

– Это вы не можете поступать так с ним. Вы убьете его! Убирайтесь отсюда. Сейчас же!

Едва не ослепнув от ярости, страха и слез, Мари направилась к левой стороне вестибюля, сгорая от желания оглянуться, но прекрасно понимая, что этого делать нельзя. Она дошла до узких двойных стеклянных дверей и столкнулась с портье в униформе, заносащим чемоданы.

– Извините, мадам!

– Moi aussi 100, – бросила она, протискиваясь мимо багажа, и вышла на тротуар. Что может она сделать? Что она должна сделать? Дэвид где-то в отеле – в отеле! И странный мужчина узнал ее и велел ей уйти – уйти из отеля! Что происходит?.. Боже, кто-то пытается убить Дэвида! Пожилой француз так и сказал... Кто же он... кто они? Где они?

«Помоги мне! Ради бога, Джейсон, скажи, что мне делать. Джейсон?.. Да, Джейсон... помоги мне!» Она стояла, застыв, на тротуаре. От полуденного потока машин отделялись такси и лимузины и подъезжали к парковке отеля, где под большим козырьком швейцар, весь в золотых галунах, встречал новоприбывших и проживающих и рассылал портье во всех направлениях. Под козырек медленно вкатился длинный черный лимузин с небольшой неброской религиозной эмблемой на пассажирской двери, крестообразный герб какого-то высокого церковного чина. Мари уставилась на эмблему; она была круглой и не более шести дюймов в диаметре, сфера королевского пурпурного цвета, окружающая вытянутый золотой крест. Мари вздрогнула и затаила дыхание; теперь ее паника приобрела новое измерение. Она видела эту эмблему раньше, и та внушала ей ужас.

Лимузин остановился; улыбающийся, кланяющийся швейцар открыл обе дверцы со стороны тротуара, и из них появились пять священников: один с

переднего сиденья, четверо – из просторной задней секции. Эти последние тут же влились в полуденную толпу прохожих на тротуаре: двое вперед, двое назад, при этом один из них проскользнул мимо Мари, задев ее черной накидкой, его лицо было так близко, что она могла видеть сверкавшую греховность глаз человека, который не имел отношения к религии... И тут ассоциация с эмблемой, религиозным гербом, снова вернулась!

Годы назад, когда Дэвид – когда Джейсон – находился под пристальным наблюдением Панова, Мо велел ему зарисовывать любые образы, которые он вспоминал. Время от времени появлялся этот ужасный круг с вытянутым распятием... неизменно разорванный в ключья или истыканный острием карандаша. Шакал!

Неожиданно ее взгляд замер на фигуре, пересекавшей улицу Риволи. Это был высокий мужчина в темной одежде – в темном свитере и брюках, – и он хромал, маневрируя среди машин. Рукой он прикрывал лицо от мороси, которая скоро должна была превратиться в дождь. Прихрамывание было ложным! Нога выпрямилась только на мгновение, и движение плеча было характерным жестом, так хорошо ей знакомым. Это был Дэвид!

Другой, не более чем в восьми футах от нее, тоже увидел то, что увидела она. У рта мужчины тут же оказался миниатюрная рация. Мари рванулась вперед, выставив ногти, словно когти тигрицы, и набросилась на киллера в одежде священника.

– Дэвид! – прокричала она, раздирая в кровь лицо человека Шакала.

На улице Риволи прогремели выстрелы. Толпа запаниковала, многие побежали в отель, другие побежали прочь от крытого подъезда, все кричали, визжали, искали защиты от смертоносного безумства, неожиданно возникшего на цивилизованной улице. В яростной борьбе с человеком, который хотел убить ее мужа, бравая канадская девушка выхватила автоматический пистолет из его пояса и выстрелила ему в голову; кровь и куски кости полетели в воздухе.

– Джейсон! – крикнула она снова, когда киллер упал, тут же сообразив, что стоит одна рядом с трупом – и теперь она была мишенью! Тут же близость смерти сменилась неожиданной возможностью жизни. Старый аристократический француз, узнавший ее в вестибюле, проломился через передний вход, стреляя из пистолета по черному лимузину. На мгновение он замер, чтобы сменить цель, и разнес ноги «священника», целившегося в него.

– Эй, друг! – прокричал Бернардин.

– Здесь! – отозвался Борн. – Где она?

– A votre droite! Aupres de 101... – Из-за двойных стеклянных дверей вырвался выстрел. Падая, ветеран Бюро выкрикнул: – Les Capucines, mon ami. Les Capucines! – и Бернардин уткнулся в тротуар; второй выстрел оборвал его жизнь.

Мари была так парализована ужасом, что не могла пошевелиться. Все смешалось, ураган ледяных частиц врезался в ее лицо с такой силой, что она не могла ни думать, ни искать смысл. Потеряв контроль, она упала на колени, потом рухнула на улице, крича:

– Мои дети... о боже, мои дети!

– Наши дети, – проронил Джейсон Борн, чей голос не был похож на голос Дэвида Вебба. – Мы убираемся отсюда, понимаешь?

– Да... да! – Мари неловко, болезненно подогнула под себя ноги и поднялась с помощью мужа, которого она и знала, и не знала. – Дэвид?

– Конечно, Дэвид. Пойдем!

– Ты меня пугаешь...

– Я сам себя пугаю. Идем! Бернардин дал нам выход. Беги за мной; держись за мою руку!

Они побежали по улице Риволи, свернули на восток на бульвар Сен-Мишель и бежали, пока присутствие парижских прохожих в их nonchalance de jour 102 не дало им понять, что они уже в безопасности от ужасов «Мориса». Они остановились в переулке и держали друг друга.

– Зачем ты это сделал? – спросила Мари, обняв ладонями его лицо. – Зачем ты убежал от нас?

– Потому что мне лучше без вас, и ты это знаешь.

– Раньше было не так, Дэвид... или Джейсон?

– Имена не имеют значения. Мы должны двигаться!

– Куда?

– Какая разница? Но мы можем двигаться, и это важно. Есть выход. Бернардин дал его нам.

– Старый француз?

– Давай не будем говорить о нем, ладно? По крайней мере некоторое время. Я и так разрываюсь.

– Хорошо, не будем говорить о нем. И все же, он упомянул капуцинов – что он имел в виду?

– Это наш выход. На бульваре Капуцинов ждет машина. Это он и пытался мне сказать. Идем!

Они мчались из Парижа на юг в неприметном «Пежо», выбрав Барбизонское шоссе, ведущее к Вилинью-Сен-Джордж. Мари сидела, прижавшись к мужу, ее ладонь лежала на его руке. Однако она с болью ощущала, что тепло, передаваемое ею, вопреки ожиданиям не возвращается ей в той же мере. Только часть напряженного человека за рулем была ее Дэвидом; остальная часть была Джейсоном Борном, и он был сейчас главным.

– Ради бога, поговори со мной! – воскликнула она.

– Я думаю... Зачем ты приехала в Париж?

– Боже правый! – взорвалась Мари. – Чтобы найти тебя, чтобы помочь тебе!

– Уверен, ты сочла это правильным... Хотя это и не так, видишь ли.

– Снова этот голос, – протестовала Мари. – Этот проклятый бездушный тон! Кем ты себя возомнил, чтобы так говорить? Богом? Просто говоря – это не так, грубо говоря – у тебя проблемы с памятью, дорогой мой.

– Только не о Париже, – возразил Джейсон. – Я помню все, что связано с Парижем. Все.

– Твой друг Бернардин так не думал! Он сказал мне, что ты бы ни за что не выбрал «Морис», если бы помнил.

– Что? – Борн кратко, резко глянул на жену.

– Подумай. Почему ты выбрал – а ты ведь выбрал – именно «Морис»?

– Не знаю... Не уверен. Это отель; я просто вспомнил его название.

– Подумай. Что произошло много лет назад в «Морисе» – прямо у входа?

– Я... Я знаю, что-то было... Ты?

– Да, любимый, я. Я остановилась там под вымышленным именем, и ты пришел, чтобы со мной встретиться, и мы дошли до газетного киоска на углу, где в один кошмарный момент оба поняли, что моя жизнь больше никогда не будет прежней – с тобой или без тебя.

– О боже, я забыл! Газеты – твоя фотография была на всех первых страницах. Ты была канадской чиновницей...

– Сбежавшей канадской экономисткой, – поправила Мари, – преследуемой властями по всей Европе за многочисленные убийства в Цюрихе, а также за кражи многих миллионов из швейцарских банков! Такие заголовки никого не

оставляют в покое, правда? Их можно опровергнуть, может быть доказана их полная ложность, но всегда останется сомнение. Нет дыма без огня. Мои собственные коллеги в Оттаве – дорогие, близкие друзья, с которыми я работала годами, – боялись даже разговаривать со мной!

– Минутку! – воскликнул Борн, снова стрельнув глазами на жену Дэвида. – Эти обвинения были фальшивыми – тредстоунская уловка, чтобы выйти на меня, – ты тогда это поняла, а я – нет!

– Конечно, я поняла, потому что твои мысли витали в таких высотах, что ты не мог этого видеть. Это не имело тогда значения, потому что я своим аналитическим умом тогда уже приняла решение – умом, который готова сравнивать с твоим каждый день в неделю, мой милый профессор.

– Что?

– Следи за дорогой! Ты пропустил поворот, точно как пропустил поворот к нашей хижине всего несколько дней назад – или это было годы назад?

– Что за чертовщину ты несешь?

– Та маленькая таверна, в которой мы остановились за городом в Барбизоне. Ты вежливо попросил их разжечь огонь в столовой – хотя, кроме нас, там больше никого не было. Это был третий раз, когда я увидела сквозь маску Джейсона Борна кого-то другого, кого-то, в которого я все глубже влюблялась.

– Не делай этого.

– Я должна, Дэвид. Хотя бы ради себя. Я должна знать, что ты еще есть.

Молчание. Разворот на шоссе, и водитель утопил акселератор в пол.

– Я здесь, – прошептал муж, подняв правую руку и прижимая к себе жену. – Не знаю насколько, но я здесь.

– Торопись, милый.

– Постараюсь. Я просто хочу держать тебя в руках.

– А я хочу позвонить детям.

– Теперь я целиком здесь.

Глава 28

– Либо ты добровольно расскажешь нам все, что мы хотим знать, либо отправишься на такую химическую орбиту, о которой твои хитрые специалисты даже и не слышали, – заявил Питер Холланд, директор Центрального разведывательного управления, жестким и ровным, как

полированный гранит, голосом. – Дай-ка я более подробно опишу тебе те крайности, на которые с удовольствием пойду, если ты предоставишь мне хоть малейший повод, ведь я приверженец старой школы, *raisan*. Мне наплевать на правила, если они благоприятствуют всяким отбросам. Будешь вешать мне лапшу на уши – и я похороню тебя живьем в ста милях от Хаттераса в корпусе торпеды. Понятно выражаюсь?

Левая рука и правая нога *saro subordinato* были в гипсе. Он лежал на кровати в опустевшей палате Лэнгли, опустевшей после того, как директор ЦРУ велел всему медицинскому персоналу уйти из зоны слышимости ради их же безопасности. И без того пухлое лицо мафиози стало еще больше из-за отеков вокруг глаз и распухших губ – таковы были последствия удара головой о приборную доску, когда Мо Панов направил машину в мэрилендский дуб. Он поднял глаза на Холланда, потом перевел тяжелый взгляд на Александра Конклина, сидевшего на стуле и вертевшего в нервных руках неизменную трость.

– Вы не имеете права, мистер Большая Шишка, – мрачно ответил мафиози, – потому что права есть у меня – понимаете, о чем я?

– У доктора тоже были права, а ты их нарушил – боже правый, как ты их нарушил!

– Я не обязан говорить без своего адвоката.

– А где, черт возьми, был адвокат Панова? – вскричал Алекс, ударив тростью в пол.

– Система работает не так, – протестовал пациент, пытаясь негодующе поднять брови. – Кроме того, я был добр к доку. А он воспользовался моей добротой, да поможет мне бог!

– Да ты просто смешон, – сказал Холланд. – Как карикатура. Здесь нет адвокатов, *linguine*, только мы трое. И торпедный корпус в твоей ближайшей перспективе.

– Чего вы от меня хотите? – вскричал мафиози. – Что я знаю? Я просто делаю, что мне велят, как делал мой старший брат – да покоится он с миром, – и мой отец – да покоится он тоже с миром, – и, возможно, его отец тоже, о котором я ничего не знаю.

– У вас это семейное, – заметил Конклин. – Паразиты никогда не покидают свою кормушку.

– Эй, попридержи язык: ты говоришь о моей семье, и это не следует делать, о чем бы, мать твою, ты ни говорил.

– Мои извинения вашей родословной, – добавил Алекс.

– А мы как раз в твоей семье и заинтересованы, Оги, – вставил директор. – Оги, верно? Это имя было на одном из пяти водительских удостоверений, и нам оно показалось наиболее правдоподобным.

– Ну, вы не так уж умны, мистер Большая Шишка! – выплюнул обездвиженный пациент сквозь распухшие губы. – Ни одно из тех имен мне не принадлежит.

– Ну, должны же мы тебя как-то называть, – сказал Холланд. – Надо же будет вырезать твое имя на корпусе торпеды в Хаттерасе, чтобы какой-нибудь гениальный археолог смог идентифицировать твои зубы несколько тысяч лет спустя.

– Как насчет Чонси? – спросил Конклин.

– Слишком этично, – отозвался Питер. – Мне больше нравится Ослиный Зад, потому что это он и есть. Скоро его запакут в цилиндр и сбросят над континентальным шельфом, и он отправится на морскую глубину в шесть миль за преступления, совершенные другими людьми. Это, по-моему, и значит быть ослиной задницей.

– Хватит! – рявкнул мистер Ослиный Зад. – Ладно, меня зовут Николо... Николас Деллакрус. Уже за одно только это имя вы должны обеспечить мне защиту! Как с Валачи, это часть сделки.

– Да ну? – Холланд нахмурился. – Что-то не припомню.

– Тогда вы не получите ничего!

– Ты ошибаешься, Ники, – вступил Алекс из дальнего конца комнаты. – Мы получим все, что нам нужно, просто-напросто пустив тебя в расход. Правда, при этом мы не сможем устроить тебе перекрестный допрос, или притащить тебя в федеральный суд, или хотя бы заставить тебя подписать свои показания.

– Хм?

– Потому что ты превратишься в тупой огурец со спаленными мозгами. Впрочем, я думаю, это своего рода благо. Ты даже не будешь знать об этом, когда тебя упакуют в торпеду в Хаттерасе.

– Эй, что ты несешь?

– Всего лишь логика, – ответил бывший морской десантник и теперешний глава Центрального разведывательного управления. – Ты ведь не думаешь, что, после того как тебя обработает наша команда медиков, мы оставим тебя

в живых? Вскрытия будет достаточно, чтобы упечь нас в тюрьму лет эдак на тридцать, а у меня, прямо скажу, нет столько времени... Твое слово, Ники. Будешь говорить с нами или позвать тебе священника?

– Я должен подумать...

– Пойдем, Алекс, – спокойно сказал Холланд, направляясь к двери. – Я пошлю за священником. Этот несчастный сукин сын должен получить отпущение грехов.

– В такие моменты, – добавил Конклин, опираясь на трость и поднимаясь со стула, – я всерьез поражаюсь бесчеловечности отношения людей друг к другу. Но я быстро передумываю. Это не жестокость, жестокость – это формальная абстракция; а здесь всего лишь стандартная деловая практика в том деле, в котором мы все замешаны. Но все же, вот индивидуум – его разум и плоть, все его такие чувствительные нервные окончания. Это мучительная боль. Слава небесам, я всегда был в тени, вне досягаемости – как друзья нашего Ники. Они ужинают в элегантных ресторанах, в то время как он опускается в торпеде на шесть миль под воду и его тело сплющивается под давлением.

– Ну ладно, ладно! – возопил Николо Деллакрус, дергаясь всем своим тучным телом и комкая простыни. – Задавайте свои долбанные вопросы, но обещайте защитить меня, *carisce*?

– Это зависит от искренности твоих ответов, – сказал Холланд, возвращаясь к кровати.

– На твоем месте, Ники, я был бы сама честность, – отметил Алекс, опускаясь обратно на стул. – Одно неверное слово – и будешь кормить рыб – так у вас, кажется, обычно говорят?

– Мне не нужны дополнительные указания.

– Давайте начнем, мистер Деллакрус, – сказал шеф ЦРУ, доставая из кармана маленький диктофон. Он проверил заряд и положил его на высокий белый стол рядом с кроватью больного, подтащил стул и заговорил, обращаясь к маленькой серебряной коробочке: – Меня зовут адмирал Питер Холланд, в настоящее время директор Центрального разведывательного управления, при необходимости возможно подтверждение голоса. Это интервью с информатором, которого мы будем называть Джон Смит. Его голос будет искажен на основной межведомственной пленке, идентификация – в секретных файлах ЦРУ... Ну-с, мистер Смит, отбросим всякую шелуху в сторону и займемся существенными вопросами. И я ожидаю от вас конкретных ответов... На кого вы работаете, мистер Смит?

– «Атлас Койн Вендинг Машинз», Лонг-Айленд Сити, – ответил Деллакрус. Он говорил грубо и неразборчиво.

– Кому эта компания принадлежит?

– Я не знаю, кому она принадлежит. Большинство из нас работает «на дому» – пятнадцать, может, двадцать ребят, понимаете, о чем я? Мы обслуживаем машины и отсылаем отчеты.

Холланд переглянулся с Конклином; оба улыбнулись. Таким ответом мафиози поместил себя внутри большого круга потенциальных информаторов. Николо не был новичком в этой игре.

– Кто подписывает чеки, которыми вам платят, мистер Смит?

– Некий мистер Льюис ДеФазио, очень законопослушный бизнесмен, насколько мне известно. Он же выдает нам наши назначения.

– Вы знаете, где он живет?

– Бруклин Хейтс. Я слышал, где-то у реки.

– Куда вы направлялись, когда вас перехватили наши сотрудники?

Деллакрус поморщился перед тем, как ответить.

– Один из погрузочно-разгрузочных складов где-то на юге Филли – да вы и сами знаете, мистер Большая Шишка, ведь вы нашли в машине карту.

Холланд сердито вырубил диктофон.

– Ты уже на полпути к Хаттерасу, сукин ты сын!

– Эй, вы получаете информацию своими способами, а я даю ее своими, ладно? Карта была – она всегда бывала, – и задачей любого из нас было ехать по этим раздолбанным дорогам, как если бы мы везли президента или *don superiore* на собрание аппалачей... Дайте мне блокнот и карандаш, и я нарисую вам все с точностью до медной таблички на каменных воротах, – мафиози поднял здоровую правую руку и ткнул указательным пальцем в сторону директора. – Все будет точно, мистер Большая Шишка, потому что я не хочу кормить рыб, *carisce*?

– Но ты не хочешь, чтобы это было на пленке, – раздраженно произнес Холланд. – Почему?

– Пленка – дерьмо! Как ты сказал? Основная межведомственная хрень? Ты что, думаешь, наши люди не смогут вломиться сюда? Ха! Этот ваш гребаный доктор, возможно, один из нас!

– Нет, он не один из вас, но мы поедem к армейскому доктору, который как раз один из вас. – Питер Холланд взял блокнот и карандаш со стола и протянул их Деллакросу. Он не стал включать диктофон. Некогда было возиться с формальностями.

На 138-й улице в Нью-Йорке, между Бродвеем и Амстердамским авеню, в самом центре Гарлема, большой, неопрятного вида негр лет тридцати шел, шатаясь, по тротуару. Он врезался в щербатую кирпичную стену полуразрушенного квартирeного дома и грохнулся на асфальт, вытянув ноги и зарыв небритое лицо в воротник рваной армейской гимнастерки.

– Посмотрите на меня, – сказал он тихо в миниатюрный микрофон под материей, – можно подумать, что я только что вторгся в фешенебельный только-для-белых район в Палм-Спрингс.

– Ты великолепен, – прозвучал металлический голос из крошечного динамика, вшитого в отворот воротника. – Мы держим это место под наблюдением; будем обо всем тебе сообщать. Этот автоответчик так перегружен – аж дымится.

– Как же вы двое умудрились не попасть в ту ловушку, когда отключали его?

– Очень рано этим утром, так рано, что никто не запомнил, как мы выглядели.

– Никак не мог дожидаться, когда же вы наконец выйдете; в толпе человек, как иголка в стоге сена, никто его не видит. Кстати, копов предупредили? Я бы очень не хотел, чтобы меня загребли, после того как я отрастил эту щетину на лице. Она ужасно чешется, и мою новую жену она не устраивает.

– Тебе следовало оставаться с первой женой, приятель.

– Забавный белый человечек. Ей не нравилось ни время, ни место. Словно пора заниматься делом в Зимбабве – а ты три недели отсутствуешь... Ты ответишь, наконец?

– У копов есть твоe описание и сценарий. Ты участвуешь в федеральной облаве, так что они не будут тебя беспокоить... Постой-ка! Конец разговорам. Должно быть, это и есть наш человек; у него на поясе висит телефонный чехол... Да, это он. Идет к дверям. Все в твоих руках, император Джоунс.

– Забавный белый человечек... Я его вижу и могу сказать, что он похож на шоколадную пасту. До усрачки боится идти в этот дворец.

– Это означает, что он не преступник, – сказал металлический голос в воротнике. – Это хорошо.

– Это плохо, малыш, – тут же возразил черный агент. – Если ты прав, то он ничего не знает, и от него до источника будет, как до неба.

– Да ну? С чего ты взял?

– Техническая образованность. Надо будет следить за цифрами, когда он будет вводить их.

– Что, черт возьми, это значит?

– Он, может быть, и не преступник, но он испуган, и совсем не здешними апартаментами.

– И что это значит?

– Парень, у него все на лице написано. Он может ввести ложные цифры, если заподозрит, что за ним следят.

– Ты меня окончательно запутал, приятель.

– Он должен набрать цифры, соответствующие приемнику, чтобы сигналы могли быть переданы...

– Не надо об этом, – сказал голос из воротника. – Я не специалист по высоким технологиям. К тому же у нас есть человек в этой компании, Реко-чего-то-там. Он ждет тебя.

– Тогда мне пора браться за дело. Конец связи, но смотрите в оба.

Агент поднялся с асфальта и неуверенным шагом вошел в ветхое здание. Ремонтник телефонов уже поднялся на второй этаж, где свернул направо в узкий грязный коридор. Он определенно бывал здесь раньше, судя по тому, что не колебался и не сверялся с еле видными номерами на дверях. Все шло не так уж и плохо, с некоторым облегчением подумал агент ЦРУ, потому что его задание выходило за рамки компетенции Управления. Компетенции, черт побери?.. Это было просто незаконно.

Агент побежал по лестнице, перешагивая сразу по три ступеньки. Его мягкие ботинки с двойной резиновой подошвой делали шаги почти бесшумными, оставляя лишь неизбежное поскрипывание старой лестницы. Прижавшись спиной к стене, он выглянул из-за угла заваленного мусором коридора и проследил, как ремонтник вставил три разных ключа в три расположенных один над другим замка, повернул их по очереди и вошел в последнюю дверь слева. Дела, передумал агент, возможно, идут не так уж и хорошо. В момент, когда ремонтник закрыл за собой дверь, он побежал по коридору и остановился, прислушиваясь. Ну, могло бы быть и хуже, подумал он, услышав, как защелкнулся только один из замков: ремонтник, очевидно, спешил. Он приложил ухо к отслаивавшейся дверной краске и затаил

дыхание, чтобы никакой хрип в его легких не мешал слушать. Тридцать секунд спустя он отвернулся, выдохнул, набрал полную грудь воздуха и вновь обратился к двери. Хотя и не очень разборчиво, он услышал достаточно слов, чтобы сложить из них смысл.

– Центральная, это Майк, Сто тридцать восьмая улица, секция двенадцать, прибор шестнадцать. Есть ли в этом здании другой аппарат? Впрочем, я бы не поверил, если бы вы сказали, что есть. – Секунд двадцать за дверью была тишина. – ...Нет, да? Что ж, у нас тут частотные помехи, чего я не понимаю... Что-что? Спутниковое телевидение? Здесь во всей округе людям есть-то нечего... А, я понял тебя, братец. Спутниковая антенна. Наркодилеры неплохо живут, а? Их адреса, может, и дерьмо, но внутри у них все круто устроено... Так очисти линию и дай связь в обход. Я буду здесь, пока не получу чистый сигнал, понял, братец?

Агент снова отвернулся от двери и глубоко вздохнул, на сей раз с облегчением. Он мог смело уходить – получив, что хотел. Сто тридцать восьмая улица, секция двенадцать, прибор шестнадцать, и они знали фирму, установившую оборудование. «Реко-Метрополитэн Компани», Шеридан Сквер, Нью-Йорк. Вот кто может пролить слабый свет. Он пошел назад к сомнительной лестнице и поднял воротник своей армейской гимнастерки.

– На случай, если меня переедет грузовик, вот вам данные. Как слышите?

– Отлично, император Джоунс.

– Прибор шестнадцать в том, что они называют секцией двенадцать.

– Принято! Ты заработал свой чек.

– Мог бы сказать: «Превосходно, дружище».

– Эй, это ты учился в колледже, а не я.

– Некоторые из нас быстро учатся... Тихо! Я не один!

Внизу у лестницы появился невысокий крепкий негр. Вытаращив глаза, он уставился на агента и выхватил пистолет. Агент бросился за угол, когда коридор содрогнулся от четырех выстрелов, прогремевших один за другим. Его револьвер был уже у него в руках. Молниеносно высунувшись из-за угла, он выстрелил дважды, хотя первого выстрела было уже достаточно. Нападавший рухнул на пол.

– Меня ранило рикошетом в ногу! – крикнул агент. – Но он упал – мертвый или нет, не знаю. Подгоните машину и заберите нас обоих отсюда. Pronto103.

– Уже в пути. Оставайся на месте!

В начале девятого часа следующего утра Алекс Конклин приковылял в офис Питера Холланда. Его непосредственный доступ к директору произвел некоторое впечатление на охранников у входа в ЦРУ.

– Есть что-нибудь? – спросил Д.Ц.Р., оторвавшись от бумаг на столе.

– Ничего, – сердито ответил бывший полевой командир, направляясь к дивану у стены, презрев стул. – Ничегошеньки. Черт, какой дерьмовый день – а ведь он даже еще не успел начаться! Кассет и Валентино сидят в подвале и рассылают запросы по всем парижским канализациям, но пока – ничего... Боже, взгляни ты на это дело и дай мне хоть малейшую зацепку! Свайн, Армбрустер, Де Соле – наш крот-молчун, сукин сын. И, наконец, Тигартен с визиткой Борна, когда мы отлично знаем, что это ловушка для Джейсона, спланированная Шакалом. Но я не вижу никакой связи между Карлосом и Тигарتنем, да еще и «Медузой». Чушь полная, Питер. Мы потеряли стержень – ничто не сходится!

– Успокойся, – сказал Холланд мягко.

– Как, черт возьми? Борн исчез – действительно исчез, если вообще не погиб. И нет следов Мари, ни весточки от нее. И тут мы узнаем, что Бернардин убит несколько часов назад на Риволи – боже, застрелен среди бела дня! А это значит, что там был Джейсон – он просто должен быть там!

– Однако, поскольку ни один из убитых или раненых не соответствует его описанию, мы можем сделать вывод, что он выжил, не так ли?

– Будем надеяться, да.

– Ты просил зацепку, – размышлял Д.Ц.Р. – Не уверен, что могу предоставить тебе ее, но могу предложить нечто похожее.

– Нью-Йорк? – Конклин выпрямился на диване. – Автоответчик? Эта крыша ДеФазио в Бруклин Хейтс?

– Мы еще дойдем до Нью-Йорка и всего остального. Сейчас давай сконцентрируемся на твоей зацепке и стержне, о котором ты упомянул.

– Я не самый тупой парень в квартале, но все же, где же она?

Холланд откинулся на спинку кресла, посмотрел на бумаги на столе и перевел взгляд на Алекса.

– Семьдесят два часа назад, решив во всем мне признаться, ты сказал, что идея, кроющаяся за стратегией Борна, в том, чтобы убедить Шакала и эту давешнюю «Медузу» объединить силы против общей цели – Борна. Чем не

предпосылка? Обе стороны жаждут его смерти. У Карлоса на это две причины: месть и то, что, по его мнению, Борн может его опознать; а члены «Медузы» хотят убить Борна, потому что он слишком много о них узнал?

– Да, это была главная предпосылка, – кивнул Конклин. – Именно поэтому я стал копать в этом направлении и сделал все те телефонные звонки, даже не предполагая найти то, что нашел. Боже, глобальный картель, образовавшийся двадцать лет назад в Сайгоне и включающий в себя несколько крупнейших шишек из правительства и военных. Да я и знать-то этого не хотел. Я надеялся выйти на десять-двенадцать неожиданных миллионеров с пост-Сайгонскими банковскими счетами, которые не выдержали бы более тщательного расследования, но только не это, только не эта «Медуза».

– Проще говоря, – продолжил Холланд, морща лоб и снова переводя взгляд на бумаги и обратно на Алекса, – как только «Медуза» с Карлосом договорились, Шакалу сообщили, что имеется человек, которого «Медуза» жаждет уничтожить, а цена – не вопрос. Пока все правильно?

– Здесь ключевым моментом был калибр и статус тех, кто связался с Карлосом, – объяснил Конклин. – Они должны были находиться как можно ближе к bona fide Olympians. Таких клиентов у Шакала нет и никогда не было.

– Тогда они открывают имя цели – скажем, что-то вроде «Джон Смит, некогда известный под именем Джейсон Борн» – и Шакал на крючке. Борн, тот самый, чьей смерти он желает больше всего на свете.

– Да. Именно поэтому члены «Медузы», обратившиеся к Карлосу, должны были быть солидными, чтобы внушить ему доверие и исключить малейшее подозрение о ловушке.

– Потому что, – добавил директор ЦРУ, – Джейсон Борн – выходец из сайгонской «Медузы» – это известный Карлосу факт – никогда не участвовал в делах поздней, послевоенной «Медузы». Это подоплека, не так ли?

– Логичнее некуда. Три года его использовали, и он чуть не погиб в одной из операций. И, видимо, за это время он обнаружил, что больше чем несколько незаметных сайгонских прыщей ездили на «Ягуарах», катались на яхтах и получали шестизначные гонорары, пока он получал правительственную пенсию. Это не оставило бы равнодушным даже Иоанна Крестителя, не говоря уж о Карабасе-Барабасе.

– Чудесное либретто, – улыбка медленно расплылась на лице Холланда. – Я уже слышу триумфальное пение теноров и гудение макиавеллиевских басов за кулисами... Не хмурься на меня, Алекс, я серьезно! Это почти гениально. Это так логично построено, что стало похоже на самовыполняющееся пророчество.

– Какого черта ты несешь?

– Твой Борн был прав с самого начала. Все произошло так, как он это видел, но совсем не так, как он мог себе представить. Потому что это было неизбежно; в какой-то момент произошло перекрестное опыление.

– Прошу тебя, спустись с Марса и объясни все глупому землянину.

– «Медуза» использует Шакала! Вот смотри. Убийство Тигартена доказывает это, если только ты не думаешь, что это Борн взорвал ту машину в окрестностях Брюсселя.

– Конечно, нет.

– Тогда имя Карлоса должно было всплыть вместе с кем-то в кругах «Медузы», кто уже знал о Джейсоне Борне. Иначе быть не могло. Ты ведь не упоминал кого-либо из них в разговоре с Армбрустером, или Свайном, или Аткинсоном в Лондоне?

– Конечно, нет. Момент был неподходящий; мы не были готовы дернуть за эти рычаги.

– Кто остался? – спросил Холланд.

Алекс уставился на Д.Ц.Р.

– Боже правый, – выдохнул он. – Де Соле?

– Да, Де Соле, очень низкооплачиваемый специалист, который так занятно, но непрерывно жаловался, что нет никакой возможности дать детям и внукам хорошее образование на правительственную зарплату. Он был в курсе всего, что мы обсуждали, начиная с твоего нападения на нас в конференц-зале.

– Да, но это ограничивалось Борном и Шакалом. Не было никакого упоминания об Армбрустере или Свайне, никакого Тигартена или Аткинсона – теперешняя «Медуза» вообще никак не фигурировала. Дьявол, Питер, да ты сам не имел о ней представления каких-то семьдесят два часа назад.

– Да, но Де Соле знал, потому что продался; он уже был частью ее. Должно быть, его предупредили. «...Будь осторожен. В нас внедрились. Какой-то маньяк хочет нас разоблачить»... Ты сам говорил мне, что везде, от Комиссии по торговле до отдела снабжения Пентагона и посольства в Лондоне, стали жать на сигналы тревоги.

– Ну да, – согласился Конклин. – Да так, что двоих из них пришлось удалить вместе с Тигартеном и нашим раздраженным кротом. Старейшины «Снейк Леди» быстро поняли, кто у них слабое место. Но как сюда вписываются Карлос и Борн? Не вижу связи.

– Кажется, мы решили, что она все-таки есть.

– Де Соле? – Конклин покачал головой. – Это провокационная мысль, но она не подходит. Он не мог предположить, что я знал о внедрении в «Медузу», потому что мы тогда еще не начали это внедрение.

– Но после начала последовательность событий не могла не беспокоить его хотя бы потому, что неприятности слишком быстро следовали одна за другой. Как быстро? Через какие-то часы.

– Меньше чем через двадцать четыре... Но они все равно ничем не были связаны друг с другом.

– Не для аналитика, – возразил Холланд. – Если что-либо ходит, как утка, и крякает, как утка, – ищи утку. Я не исключаю, что в какой-то момент Де Соле как-то увязал между собой Джейсона Борна и психа, просочившегося в «Медузу» – новую «Медузу»...

– Ради всего святого, как?

– Не знаю. Возможно, все из-за того, что, по твоим словам, БORN – выходец из старой сайгонской «Медузы» – почему бы не начать с этого.

– Боже, может, ты и прав, – сказал Алекс, откинувшись на диване. – Движущей силой, которую мы дали нашему безымянному психу, было то, что он оказался отрезан от новой «Медузы». Я сам так говорил по телефону. «Он потратил годы, чтобы собрать сведения...». «У него есть имена, должности и банковские счета в Цюрихе...». Боже, я слепец! Я говорил все это совершенно посторонним людям во время телефонной операции и ни разу даже не задумался о том, что упоминал связь Борна с «Медузой» на той встрече, когда Де Соле был здесь.

– Но почему ты должен был об этом подумать? Ты со своим человеком решили играть каждый свою игру.

– На то были веские причины, – ответил Конклин. – Из того, что я знал, ты сам мог оказаться членом «Медузы».

– Вот спасибо.

– «Рады вас видеть, но не надо нам этого дерьма. Мы уже получили всю информацию из Лэнгли...» – вот что я слышал из Лондона. Что бы ты об этом подумал и что предпринял?

– То же, что и ты, – ответил Холланд с натянутой улыбкой. – Но тебе следовало быть гораздо умнее, чем я.

– Вот спасибо.

– Не вини себя, ты сделал то же, что сделал бы любой из нас на твоём месте.

– За это я тебе благодарен. И, конечно, ты прав. Это наверняка был Де Соле; как он это сделал, я не знаю, но это точно был он. Он помнит все за многие годы. Его мозг как губка, которая все в себя впитывает и ничего не выпускает. Он мог вспоминать слова и выражения, даже спонтанные выкрики одобрения или осуждения, которые остальные из нас забыли... А я дал ему полную историю Борна – Шакала. А потом кто-то из «Медузы» использовал ее в Брюсселе.

– Они сделали даже больше, Алекс, – сказал Холланд, наклоняясь вперед и поднимая несколько бумаг со стола. – Они украли твой сценарий, узурпировали твою стратегию. Они сравнили Джейсона Борна с Карлосом-Шакалом, но ситуацию контролируешь не ты, а «Медуза». Борн вернулся в Европу, где он был тринадцать лет назад, с женой или без, с той лишь разницей, что теперь, помимо того, что Карлос, Интерпол и каждый полицейский континента готов убить его при первой возможности, он заполучил еще одного смертельного врага.

– Это написано в тех бумажках, которые ты читаешь, да? Информация из Нью-Йорка?

– Не совсем это, но я так думаю. Это перекрестное опыление, о котором я уже говорил, – та пчелка, что перелетает с одного сгнившего цветка на другой, перенося яд.

– Ну же?

– Николо Деллакрус и те, что над ним.

– Мафия?

– Это не противоречит обстоятельствам и даже социально приемлемо. «Медуза» выросла из сайгонского корпуса офицеров, и она все еще поручает грязную работу голодным работягам и продажным сержантам. Типа Ники Д. и людей вроде сержанта Фланнагана. Когда дело доходит до убийства, похищения или применения наркотиков к захваченным, высокопоставленные чистюли стоят в стороне, чтобы не засветиться.

– Но, как я понимаю, ты их нашел, – прервал его нетерпеливый Конклин.

– Опять же, мы так думаем – после осторожной консультации с Нью-Йоркской антикриминальной организацией, называемой Взвод U.S.

– Никогда раньше не слышал о них.

– Это в основном американцы итальянского происхождения; они называют себя «неприкасаемыми сицилийцами». Отсюда аббревиатура U.S. с двойным смыслом.

– Остроумно.

– Да, в отличие от их работы... Согласно архивам счетов «Реко-Метрополитэн»...

– Кого-кого?

– Компании, установившей автоответчик на Сто тридцать восьмой улице в Манхэттене.

– Извини. Продолжай.

– По их данным, автоответчик был сдан в аренду маленькой плодоимпортной компании, расположенной на Одиннадцатой авеню в нескольких кварталах от пирса. Час назад мы получили телефонные записи по этой фирме за последние два месяца, и угадай, что мы нашли?

– Не томи, – взмолился Алекс.

– Девять звонков на вполне рядовой номер в Бруклин Хейтс и три звонка с промежутком в час на совершенно невероятный номер на Уолл-стрит.

– Кто-то сильно волновался...

– Так мы и подумали – «мы» в данном случае – наше подразделение. Мы спросили сицилийцев, что они знают о Бруклин Хейтс.

– ДеФазио?

– Скажем так, он живет там, но телефон зарегистрирован на имя компании «Атлас Койн Вендинг Машинз» в Лонг-Айленд Сити.

– Это подходит. Криво, но подходит. А что сам ДеФазио?

– Это глава среднего уровня, хотя и весьма амбициозный, в семье Джианкавалло. Он очень близкий, очень скрытный, очень порочный... и очень «голубой».

– Боже правый!..

– неприкасаемые просили нас держать язык за зубами. Они сами намереваются это использовать.

– Ерунда, – тихо проговорил Конклин. – Одна из первых истин, которую мы усвоили в этом деле, это то, что надо врать всем и каждому, особенно тем, кто имеет глупость нам доверять... А что со вторым номером?

– Чуть ли не самая мощная юридическая фирма на Уолл-стрит.

– «Медуза», – твердо заключил Алекс.

– Я тоже так думаю. У них два этажа в здании и в штате семьдесят шесть юристов. Который – или которые из них – «Медуза»?

– Да мне наплевать! Надо следить за ДеФазио и любыми указаниями, которые он посылает в Париж. В Европу для Шакала. Это они охотятся за Джейсоном, и это все, что меня сейчас интересует. Надо работать над ДеФазио. Эта ниточка может нас к кому-нибудь привести!

Питер Холланд откинулся на спинку стула, серьезный и напряженный.

– Все шло к этому, не так ли, Алекс? – спросил он тихо. – У каждого из нас есть свои приоритеты... Я сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти жизни Джейсона Борна и его жены, но не стану нарушать клятву защищать прежде всего эту страну. Я не могу так поступить, и ты это знаешь. Мой приоритет – «Медуза», как ты сам сказал, картель, имеющий своей целью создать правительство внутри нашего правительства. За ними я и должен охотиться. В первую очередь, немедленно и не заботясь о потерях. Проще говоря, друг мой, а я надеюсь, что ты мой друг, – Борны, кем бы они ни были, могут быть пущены в расход. Мне очень жаль, Алекс.

– На самом деле ты меня за этим вызвал, не так ли? – спросил Конклин, опираясь на трость и неловко поднимаясь с дивана.

– Да.

– Что ж, у тебя свой план игры против «Медузы» – и мы не можем быть частью его.

– Да, не можете. Это фундаментальный конфликт интересов.

– Я понимаю. Мы бы, не задумываясь, все тебе испортили, если бы это помогло Джейсону и Мари. Вообще-то, по моему личному и профессиональному мнению, если все долбаное правительство Соединенных Штатов не может избавиться от «Медузы», не пожертвовав мужчиной и женщиной, и без того лишившимися многого, то я не уверен, что оно вообще чего-то стоит!

– Я тоже не уверен, – сказал Холланд, встав со стула, – но я обязан действовать так.

– У меня остались какие-нибудь привилегии?

– Все, что я смогу для тебя сделать, если это не компрометирует нашу охоту за «Медузой».

– Как насчет двух мест на военном самолете, в обход всех агентств, до Парижа?

– Двух мест?

– Для меня и Панова. Мы вместе ехали в Гонконг, так почему бы не махнуть и в Париж?

– Алекс, ты сошел с ума!

– По-моему, ты еще не понимаешь, Питер. Жена Мо умерла через десять лет после их свадьбы, и мне тоже никогда не хватало смелости на брак. Видишь ли, Джейсон Борн и Мари – вся наша семья. И, позволь заметить, Мари делает обалденные отбивные.

– Два билета до Парижа, – пробормотал Холланд с пепельно-бледным лицом.

Глава 29

Мари смотрела, как ее муж расхаживает туда-сюда размеренным энергичным шагом. Он сердито топал от письменного стола к освещенным солнцем занавескам на двух окнах, выходивших на газон перед «Гостиницей для художников» в Барбизоне. Это была та самая деревенская таверна, которую помнила Мари, но в памяти Дэвида Вебба ее не было, и когда он сказал об этом, его жена прикрыла глаза и слышала другой голос из прошлых лет.

«Более всего его нужно беречь от экстремального стресса, какой бывает, например, при угрожающих жизни обстоятельствах. Если вдруг ты увидишь, как он впадает в это состояние – а ты поймешь, когда увидишь, – останови его. Соблазни его, ударь его, заплачь, рассердись... – все, что угодно, только останови его». – Моррис Панов, дорогой друг, доктор и путеводная сила в лечении ее мужа.

Она уже попыталась его соблазнить, как только они остались одни. Это оказалось напрасным, даже нелепым, неудобным для обоих. Ни один из них ничуть не был возбужден. Но при этом не было и раздражения; они понимающе лежали в объятиях друг друга на кровати.

Джейсон Борн откатился к краю кровати и встал.

– Мне надо составить список, – сказал он деловито, направляясь к старомодному деревенскому столу у стены, служившему письменным столом и местом для телефона. – Нужно разобраться, где мы есть и куда направляемся.

– А я позвоню Джонни на остров, – добавила Мари, поднимаясь на ноги и расправляя юбку. – Потом поговорю с Джеми. Постараюсь его разубедить и скажу, что мы скоро вернемся.

Она подошла к столу, но ее муж – и одновременно не ее муж – остановил ее.

– Нет, – негромко произнес Борн, качая головой.

– Не смей мне это говорить, – возразила мать, сердито сверкнув глазами.

– Три часа назад в Риволи все изменилось. Теперь все по-другому, как ты не понимаешь?

– Я понимаю, что мои дети сейчас в нескольких тысячах миль от меня, и я намерена с ними связаться. Это ты понимаешь?

– Конечно, понимаю, но не могу этого допустить, – ответил Джейсон.

– Черт тебя дери, мистер Борн!

– Выслушай меня... Ты поговоришь с Джонни и Джеми – мы оба поговорим с ними, – но не отсюда и не пока они на острове.

– Что?..

– Сейчас я позвоню Алексу и скажу ему, чтобы он забрал их всех оттуда, включая миссис Купер, конечно.

Мари уставилась на Алекса, вдруг все поняв.

– О боже. Карлос!

– Да. В данный момент у него есть одна опорная точка для нашего поиска – «Транквилити». Если он еще не знает, то скоро выяснит, что Джеми и Элисон там с Джонни. Я доверяю твоему брату и его личным тоннам макутам, но все же хочу, чтобы они убрались оттуда до наступления ночи. Я также не знаю, есть ли у Карлоса связи, чтобы отследить звонок отсюда туда, но точно знаю, что телефон Алекса стерилен. Поэтому нельзя звонить сейчас. Отсюда туда.

– Так, бога ради, звони Алексу! Какого черта ты медлишь?

– У меня нет определенности.

На мгновение в глазах ее мужа мелькнула паника – то были глаза Дэвида Вебба, а не Джейсона Борна.

– Надо решить, куда отправить детей.

– Алекс решит, Джейсон, – сказала Мари, вперившись взглядом в его глаза.

– Ну же.

– Да... да, конечно. Прямо сейчас, – его взгляд вновь обрел смысл, и Борн протянул руку к телефону.

Александра Конклина не оказалось в Вене, штат Виргиния, США. В ответ, словно гром, звучал только монотонный голос электронного оператора: «Набранный вами номер больше не обслуживается».

Он трижды повторил заказ звонка, надеясь, что это была ошибка французской телефонной службы. И трижды получал в ответ: «Набранный вами номер больше не обслуживается».

Он снова стал мерить шагами расстояние от стола до окна и обратно. Снова и снова он нервно поглядывал в окно, потом склонился над растущим списком имен и мест. Мари предложила что-нибудь перекусить; он ее не услышал, и она продолжала наблюдать за ним молча.

Быстрые, проворные движения ее мужа походили на движения большой раздраженной кошки: плавные, текучие, настороженные. Это были движения Джейсона Борна, Дельты из «Медузы», а не Дэвида Вебба. Она вспомнила медицинские записи, сделанные Мо Пановым в начале лечения Дэвида. Они были полны противоречивыми описаниями от людей, заявлявших, что видели человека, известного как Хамелеон, но наиболее часто в записях встречалось указание на кошачью пластику «убийцы». Панов в то время искал ключ к личности Борна, потому что у них не было ничего, кроме его имени и обрывистых сведений о мучительной смерти в Камбодже. Мо часто вопрошал вслух, было ли в ловкости его пациента что-либо, кроме простой натренированности; как ни странно, по-видимому, не было.

Когда Мари пыталась уловить физическую разницу между двумя людьми, заключенными в ее муже, они оба притягивали и отталкивали ее. Оба были мускулистыми и грациозными, оба способны выполнять сложные действия, требующие точной координации движений; но если сила и подвижность Дэвида проистекали из чувства совершенства, то движения Джейсона были преисполнены затаенной угрозы, он не наслаждался совершенством. Когда она поделилась этим с Пановым, тот лаконично ответил:

– Дэвид неспособен на убийство. Борн способен; его этому научили.

И все же Мо был доволен, что она отметила отличие в их «физических проявлениях», как он это назвал.

– Это еще один указатель. Увидев Борна, постарайся как можно скорее вернуть Дэвида. И звони мне, если сможешь.

Сейчас она не могла вернуть Дэвида, подумала Мари. Ради детей, ради самой себя и Дэвида, она не смела.

– Я выйду ненадолго, – объявил Джейсон, стоя у окна.

– Нет! – воскликнула Мари. – Христа ради, не бросай меня одну.

Борн нахмурился и понизил голос, какая-то неопределенная борьба шла внутри него.

– Я просто хочу выехать на шоссе и найти телефон, только и всего.

– Возьми меня с собой. Пожалуйста. Я не могу оставаться сейчас одна.

– Ладно... Вообще-то нам кое-что понадобится. Надо будет купить какую-нибудь одежду, зубные щетки, бритву... ну, что еще вспомним.

– Ты хочешь сказать, мы не можем вернуться в Париж?

– Можем и, весьма вероятно, вернемся в Париж, но не в наши номера. У тебя паспорт с собой?

– Паспорт, деньги, кредитки – все. Они все были в моем кошельке, о котором я не помнила, пока ты не дал его мне в машине.

– Я подумал, не стоит оставлять его у «Мориса». Пошли. Сначала телефон.

– Кому ты будешь звонить?

– Алексу.

– Ты же только что пытался.

– На его квартиру; видимо, его лишили прикрытия в Виргинии. Потом доберусь до Мо Панова. Пойдем.

Они поехали снова на юг, в маленький городок под названием Корбейл-Эссонес, где имелся относительно новый торговый центр в нескольких милях к западу от шоссе. Это было людное место, не вписывающееся во французскую сельскую местность, но весьма подходящее для тех, кто скрывался. Джейсон припарковал машину, и они, как обычная супружеская пара, запоздало вечером приехавшая за покупками, пошли по центральной аллее, пристально высматривая общественный телефон.

– Ни одного чертова телефона на шоссе! – процедил Борн сквозь зубы. – Что, по их мнению, людям делать, если у них случится авария или спустит колесо?

– Ждать полиции, – ответила Мари, – и там был телефон, только в него кто-то врзался. Наверное, потому больше и нет... Вон, вижу!

Джейсону очередной раз пришлось пройти через изнурительный процесс заказа международного звонка при помощи местных операторов, которые терпеть не могли соединять с международной связью. И снова услышанное прозвучало как гром, далекий и безжалостный.

– Говорит Алекс, – звучал из трубки записанный голос. – Некоторое время я буду отсутствовать: я уехал туда, где была совершена одна смертельная ошибка. перезвоните часов через пять-шесть. Сейчас полдесятого утра по восточному стандартному времени. Конец записи, Джуно.

Оглушенный, Борн повесил трубку и уставился на Мари.

– Что-то случилось, и я должен понять, что именно. Его последние слова были – «Конец записи, Джуно».

– Джуно? – Мари зажмурилась, потом открыла глаза и посмотрела на мужа. – Альфа, Bravo, – начала она тихо и добавила: – Альтернативные военные алфавиты? – Она затараторила: – Фокстрот, Голд... Индия, Джуно! Джуно означает «Джей», то есть «Джейсон»!.. Что еще он записал?

– Он уехал куда-то...

– Давай-ка пройдемся, – перебила Мари его, заметив любопытствующие лица двоих мужчин, ждущих, пока освободится телефон. Она схватила его за руку и потащила в сторону от кабинки. – Он не мог более понятно выразиться? – спросила Мари, когда они примкнули к толпе.

– Это была запись. «...где была совершена одна смертельная ошибка».

– Что-что?

– Он сказал перезвонить ему через пять-шесть часов, потому что он уехал туда, где была совершена одна смертельная ошибка... Смертельная? Боже, это же Рамбулье!

– Кладбище?..

– Где он пытался убить меня тринадцать лет назад. Точно, Рамбулье!

– Только не через пять или шесть часов, – возразила Мари. – Когда бы он ни оставил это сообщение, он не мог долететь до Парижа и потом доехать до Рамбулье за пять часов. Он же был в Вашингтоне.

– Запросто; мы оба такое делали раньше. Армейским самолетом с военно-воздушной базы Эндрюс под дипломатическим прикрытием до Парижа. Питер Холланд отстранил его, но сделал прощальный подарок. Немедленный разрыв, но и награда за «Медузу». – Борн резко вскинул руку, чтобы

посмотреть на часы. – На островах сейчас еще только около полудня. Давай найдем другой телефон.

– Джонни? Транквилити? Ты действительно думаешь...

– Я не могу перестать думать! – оборвал ее Джейсон, быстро шагая вперед и держа еле успевавшую за ним Мари за руку. – Сладости, – сказал он, глядя направо.

– Мороженое?

– Там должен быть телефон, – ответил он, замедлив шаг и подойдя к большим окнам кондитерской, над входом в которую висела вывеска, гласившая о наличии прилавка с дюжиной различных видов мороженого. – Возьми мне ванильное, – сказал он, втискивая ее и себя в переполненный магазин.

– Что ванильное?

– Что угодно.

– Ты не сможешь услышать...

– Он меня услышит, это главное. Дай мне немного времени.

Борн направился к телефону, сразу поняв, почему тот свободен: шум в помещении стоял невыносимый.

– Mademoiselle, s'il vous plat, c'est urgent! 104

Три минуты спустя, закрыв левое ухо ладонью, Джейсон испытал неожиданное удовольствие, услышав голос самого противного служащего «Транквилити Инн»:

– Говорит мистер Причард, менеджер «Транквилити Инн». Мой коммутатор показывает, что у вас срочное дело, сэр. Могу я спросить, что именно...

– Вы можете заткнуться! – прокричал Джейсон из какофонической болтовни о мороженом в Корбейл-Эссонесе во Франции. – Позовите Джея Сен-Жака, немедленно. Это его зять.

– О, какое счастье слышать вас, сэр! Столько всего случилось после вашего отъезда. Ваши чудные детишки с нами, и прелестный мальчик играет на пляже – со мной, сэр, – и все...

– Мистера Сен-Жак, пожалуйста. Быстро!

– Конечно, сэр. Он наверху...

– Джонни?

– Дэвид, ты где?

– Это не имеет значения. Убирайтесь оттуда. Забирай детей и миссис Купер и сматывайтесь!

– Мы все об этом знаем, Дэйв. Алекс Конклин звонил несколько часов назад и сказал, что с нами свяжется некто по имени Холланд... Я так понял, он шеф вашей разведывательной службы.

– Да. И что он?

– Позвонил минут через двадцать после нашего разговора с Алексом. Он сказал, что за нами прилетит вертолет около двух часов сегодня. Ему было нужно время, чтобы обеспечить доступ сюда военному вертолету. Хорошо еще, что с детьми миссис Купер. Твой отсталый сын говорит, что не знает, как менять пеленки... Дэвид, что, черт возьми, происходит? Где Мари?

– Она в порядке, я все объясню позже. Просто делай все, что скажет Холланд. Он сказал, куда вас отвезут?

– Он явно не хотел этого говорить. Но ни один чертов американец не сможет приказывать мне и твоим детям – детям моей канадской сестры, – я ему все так прямо и сказал.

– Отлично, Джонни. Но с директором ЦРУ лучше подружиться.

– Да мне наплевать. В нашей стране мы читаем их аббревиатуру CIA как «Пойманные с поличным», Caught in the act, я так ему и сказал!

– Еще лучше... Что он ответил?

– Он сказал, что мы отправимся в безопасный дом в Виргинии, на что я возразил, что мой дом здесь весьма безопасен и что у нас тут отличное питание, обслуживание комнаты, пляж и десять охранников, которые могут отстрелить ему яйца с двухсот ярдов.

– Ты сама тактичность. Как он отреагировал?

– Вообще-то он рассмеялся. Потом объяснил, что у него есть двадцать охранников, каждый из которых может отстрелить одно из моих яиц с четырехсот ярдов, плюс кухня, обслуживание комнат и телевидение для детей, чему мне уже нечего было противопоставить.

– Убедительно.

– Ну, он сказал еще кое-что, что было еще больше убедительно и чему мне точно нечего было противопоставить. Он сказал, что это закрытое место – старое поместье в Фэйрфаксе, предоставленное правительству богатым

послом, у которого денег больше, чем у Оттавы, с собственным аэродромом и подъездной дорогой в четырех милях от шоссе.

– Я знаю это место, – сказал Борн, морщась от шума кондитерской. – Это поместье Танненбаум. Он прав; это лучший из стерильных домов. Этот человек нам симпатизирует.

– Ты не ответил – где Мари?

– Она со мной.

– Так она нашла тебя!

– В другой раз, Джонни. Я свяжусь с тобой в Фэйрфаксе. – Джейсон повесил трубку, как раз когда его жена неловко пробилась к нему через толпу и протянула ему розовую пластиковую чашку с голубой пластиковой ложечкой, воткнутой в темно-коричневый холмик.

– Дети? – спросила она, сверкая глазами, почти крича, чтобы Джейсон ее услышал.

– Все в порядке, даже лучше, чем мы могли ожидать. Алекс пришел к тому же выводу о Шакале, что и я. Питер Холланд перевезет их в безопасное место в Виргинии, включая миссис Купер.

– Слава богу!

– Слава Алексу. – Борн взглянул на розовую пластиковую чашку с голубой ложечкой. – Это еще что такое? У них не было ванильного?

– Это сливочное мороженое с ирисом. Его приготовили для мужчины, стоявшего рядом со мной, но он в это время орал на свою жену, вот я и взяла.

– Но я не люблю ирис.

– Так наори на свою жену. Пойдем, нам надо купить одежду.

Вечернее карибское солнце припекало в «Транквилити Инн», когда Джон Сен-Жак спустился по лестнице в вестибюль, неся в правой руке сумку «Le Sport». Он кивнул мистеру Причарду, с которым только минуту назад говорил по телефону, объясняя, что уезжает на несколько дней и свяжется с ним в течение часа после прибытия в Торонто. Что касается остального персонала, его поставили в известность об этой неожиданной, но очень необходимой поездке, и Джон был полностью уверен в исполнительном менеджере и его ценном помощнике, мистере Причарде. Он не сомневался, что их совместный опыт исключит любые проблемы. «Транквилити Инн», для любых целей и намерений, был виртуально закрыт. Однако в случае

непредвиденных трудностей было необходимо позвонить сэру Генри Сайксу в правительство на большом острове, на что Причард ответил:

– Вряд ли произойдет что-то, с чем я не справлюсь! Все будут работать так же активно в ваше отсутствие.

Сен-Жак вышел из стеклянных дверей круглого строения и направился к первой вилле справа, ближайшей к каменным ступеням, ведущим к пирсу и двум пляжам. Миссис Купер и оба ребенка ждали внутри прибытия американского морского вертолета дальнего действия, который должен был отвезти их в Пуэрто-Рико, где их посадят в военный самолет до военно-воздушной базы Эндрюс в окрестностях Вашингтона.

Через большое стеклянное окно мистер Причард смотрел, как его работодатель скрылся в дверях виллы под номером один. В тот же миг он услышал нарастающий звук вгрызавшихся в воздух лопастей большого вертолета. Через пару минут он вспенит воду возле пирса и снизится в ожидании пассажиров. Пассажиры, очевидно, слышали то же, что и он, подумал Причард, видя, как Сен-Жак, взяв за руку своего маленького племянника, и невыносимо надменная миссис Купер с завернутым младенцем на руках вышли из виллы в сопровождении двух самых надежных охранников с багажом. Причард достал из-под прилавка телефон, прямую связь, не через коммутатор, и набрал номер.

– Говорит заместитель управляющего по иммиграции.

– Достопочтенный дядя...

– Это ты? – служащий аэропорта Блэкбурн вдруг резко понизил голос. – Что ты узнал?

– Все очень большого значения, уверяю тебя. Я слышал все по телефону!

– Нас обоих ждет большое вознаграждение, можешь не сомневаться. Возможно, все они – скрытые террористы, во главе с самим Сен-Жаком. Говорят, могут даже Вашингтон одурачить. Что мне передать, драгоценный племянник?

– Их увозят в некое место, называемое «безопасным» домом в Виргинии. Оно известно как поместье Танненбаум и имеет собственный аэродром, представляешь?

– Я могу представить все, что угодно, если в этом замешаны эти звери.

– Не забудь указать мое имя и должность, почтенный дядя.

– А как же, разве я могу забыть? Мы станем героями Монтсеррата!.. Но помни, мой интеллигентный племянник, все должно храниться в строжайшей

тайне. Мы оба поклялись молчать, никогда не забывай об этом. Ты только подумай! Крупнейшая международная организация выбрала нас для важного задания. Лидеры всего мира будут знать о нашем вкладе.

– Мое сердце распирает гордость... Могу я узнать название этой величественной организации?

– Тс-с-с! Ее имя нельзя называть; это часть тайны. Деньги были переведены через банковский компьютер прямо из Швейцарии; это доказательство.

– Священный долг, – добавил мистер Причард.

– И хорошо оплачиваемый, дорогой племянник, и это только начало. Я лично слежу за всеми прибывающими сюда воздушными суднами и докладываю в Мартиник, одному известному военному офицеру, не меньше! Правда, сейчас все полеты задержаны по приказу правительства.

– Американский военный вертолет? – спросил Причард с благоговением.

– Тс-с-с! Это тоже секрет, все – секрет.

– Тогда это очень громкий и очевидный секрет, мой почтенный дядя. Сейчас все на пляже смотрят на него.

– Что?

– Он здесь. Мистер Сент-Джей с детьми сейчас как раз садится в него. Вместе с этой ужасной миссис Купер...

– Я должен немедленно позвонить в Париж, – оборвал его чиновник по иммиграции, отключая линию.

– Париж? – повторил мистер Причард. – Как это вдохновляет! Какая честь для нас!

– Я не все ему рассказал, – тихо проговорил Питер Холланд, качая головой.
– Я хотел – собирался, – но это было в его глазах и в его собственных словах.

Он заявил, что не колеблясь все испортил бы, если бы это помогло Борну и его жене.

– Он бы это сделал, – кивнул Чарльз Кассет, сидящий на стуле перед столом директора, держа в руках распечатку совершенно секретного файла. – Когда ты это прочтешь, то поймешь. Алекс действительно пытался убить Борна в Париже несколько лет назад – он хотел на основании ошибочных данных выбить мозги своего лучшего друга.

– Конклин сейчас на пути в Париж. Вместе с Моррисом Пановым.

- Это на твоей совести, Питер. Я бы не стал этого делать, не имея на него управы.
- Я не мог ему отказать.
- Еще как мог. Не захотел.
- Мы ему обязаны. Он выдал нам «Медузу» – и с этого момента, Чарли, это все, что нас касается.
- Я понимаю, директор Холланд, – холодно произнес Кассет. – И, я так полагаю, в связи с зарубежными обстоятельствами ты возвращаешься в локальную конспирацию, которая, несомненно, должна быть установлена до того, как всполошатся локальные стражи, а именно Федеральное Бюро.
- Ты что, угрожаешь мне?
- Конечно, Питер, – Кассет сменил холодное выражение лица на спокойную улыбку. – Ты же нарушаешь закон, господин директор... Это прискорбно, дружище, как сказали бы мои предшественники.
- Какого черта ты от меня хочешь?! – вскричал Холланд.
- Надо обеспечить прикрытие одного из наших, одного из лучших, что у нас когда-либо были. Я не просто хочу этого – я настаиваю на этом.
- Если ты думаешь, что я все ему предоставлю, включая имя юридической фирмы «Медузы» на Уолл-стрит, то ты сошел со своего чертова ума. Это наш краеугольный камень!
- Ради бога, вернись в военно-морской флот, адмирал, – сказал заместитель директора, понизив голос, и снова холодно, без выражения добавил: – Если ты думаешь, что я предлагаю именно это, ты мало чему научился в своем кресле.
- Что за разговоры, мудрый осел? Это уже похоже на нарушение субординации.
- Да, это так, я ее нарушаю, но это же не военно-морской флот. Ты же не протацишь меня под килем, не повесишь на рее и не лишишь моей порции рома. Все, что ты можешь, – это уволить меня, в случае чего очень многим станет любопытно почему. А это не будет на руку Управлению. Но в этом нет необходимости.
- Какого черта ты несешь, Чарли?
- Ну, во-первых, я не говорю об этой юридической фирме в Нью-Йорке, потому что – ты прав – это наш краеугольный камень, и Алекс со своим безграничным воображением будет копать и угрожать, пока не доберется до

той области, где теперь никаких следов уже не осталось, целина, и здесь будет вынужден остановиться.

– Что-то вроде этого мне уже приходило в голову...

– И снова ты был прав, – прервал его Кассет, кивая. – Итак, мы будем держать Алекса подальше от нашего краеугольного камня, как можно дальше от нас, но дадим ему что-нибудь вещественное, за что он мог бы зацепиться, зная значимость этого.

Тишина. Потом Холланд сказал:

– Я не понял ни слова из того, что ты намолол.

– Ты бы понял, если бы лучше знал Конклина. Теперь он знает, что есть связь между «Медузой» и Шакалом. Как ты это назвал? Самореализующимся предсказанием?

– Я сказал, что стратегия настолько совершенна, что стала неизбежной и потому самореализующейся. Де Соле оказался непредвиденным катализатором, из-за которого все пошло с опережением графика. – Что это такое вещественное для Алекса, о чем ты говорил?

– Поводок, Питер. Зная, что он знает, мы не можем позволить Алексу носиться по всей Европе, как пушечное ядро, где кто-нибудь может выдать ему название той юридической фирмы в Нью-Йорке. Нам нужен прямой канал к нему, чтобы мы всегда могли быть в курсе того, что у него на уме – нечто большее, чем просто идея, если получится. Кто-нибудь вроде его друга Бернардина, только такой, чтобы он был при этом и нашим другом.

– Где мы такого найдем?

– У меня есть один кандидат – и я надеюсь, нашу беседу сейчас не записывают.

– Будь уверен, – сказал Холланд слегка сердито. – Я этим не пользуюсь, а офис проверяют каждое утро. Кто твой кандидат?

– Некто в советском посольстве в Париже, – спокойно ответил Кассет. – Думаю, мы можем с ним договориться.

– Крот?

– Нисколько. Офицер КГБ, чья первостепенная задача точно такая же. Найти Карлоса. Убить Карлоса. Защитить Новгород.

– Новгород?.. Американизированная деревня или городок в России, где изначально тренировали Шакала?

– Он не закончил обучение и сбежал, когда его собирались расстрелять как маньяка. Но это не только американская структура – как часто ошибаются многие. Там есть также и британская, и французская структуры, и даже израильская, нидерландская, испанская, западногерманская и бог знает какие еще. Десятки квадратных миль, отвоєванных у леса, вдоль реки Волхов, на которых тут и там разбросаны поселения. И ты был бы готов поклясться, что побывал в разных странах, если бы тебе удалось попасть в любое из них – что практически невозможно. Подобно арийским питомникам чистой расы и Либенсборну нацистской Германии, Новгород – это один из самых ревностно хранимых секретов Москвы. И они хотят найти Шакала не меньше, чем Джейсон Борн.

– И ты думаешь, этот кагэбэшник станет сотрудничать с нами и информировать нас о Конклине, если им удастся связаться?

– Я могу попробовать. В конце концов, у нас есть общая цель, и я знаю, что Алекс примет его, потому что знает, насколько русские хотят внести Карлоса в список мертвых.

Холланд наклонился вперед.

– Я сказал Конклину, что помогу ему всем, чем смогу, если это не будет компрометировать нашу охоту на «Медузу»... Через час он будет в Париже. Следует ли мне оставить для него сообщение, чтобы он связался с тобой по прибытии?

– Скажи ему, чтобы позвонил Чарли Браво плюс Один, – сказал Кассет, поднимаясь и бросая компьютерную распечатку на стол. – Не знаю, что смогу дать ему за час, но я пойду работать. У меня есть хороший канал к нашему русскому – благодаря нашему лучшему «консультанту» в Париже.

– Дай ему поощрение.

– Она уже запросила его. Точнее, потребовала. Она владеет лучшей в городе службой сопровождения; девочек проверяют еженедельно.

– Почему бы не нанять их всех? – спросил директор, улыбаясь.

– Мне кажется, семеро уже внесены в платежную ведомость, сэр, – ответил заместитель, сохраняя серьезную манеру, в контраст насмешливо изогнутым бровям.

Доктор Моррис Панов с помощью дюжего капрала в накрахмаленной форме хаки, несшего его чемодан, на подкашивающихся ногах спускался по металлическим ступенькам дипломатического реактивного самолета.

– Как вам удастся выглядеть столь презентабельно после такого ужасного полета? – поинтересовался психиатр.

– Ни один из нас не будет выглядеть столь презентабельно уже через пару часов свободы в Париже, сэр.

– Некоторые вещи никогда не меняются, капрал. Слава богу... Куда подевался этот хромой бандит, что был со мной?

– Его отвезли к диплографу, сэр.

– Что-что? Слово я вроде бы расслышал...

– Все не так страшно, доктор, – засмеялся капрал, ведя Панова к мотокару, укомплектованному водителем в военной форме и американским флагом на боку. – Когда мы снижались, вышка сообщила пилоту, что для вашего друга есть срочное сообщение.

– Я уж подумал, что он пошел принять ванну.

– Возможно, сэр, – капрал положил чемодан на заднюю полку и помог Мо забраться в кар. – Осторожно, доктор, поднимите ногу чуть выше.

– Это не я, – возразил психиатр, – а другой, у кого ноги болят.

– Но нам сказали, что вы болели, сэр.

– С ногами у меня все, черт возьми, в порядке... Извините, молодой человек, без обид. Я просто не люблю летать в тесных консервных банках на высоте ста десяти миль. Тремонт-авеню в Бронксе не очень плодovита астронавтами.

– Вы шутите, док!

– Что?

– Я с Садовой улицы – вы знаете, напротив зоопарка! Зовут Флейшман, Моррис Флейшман. Приятно встретить земляка.

– Моррис? – переспросил Панов, пожимая его руку. – Моррис-десантник? Надо будет побеседовать с твоими родителями... Береги себя, Мо. И спасибо тебе за заботу.

– Поправляйтесь, док, и, когда снова увидите Тремонт-авеню, передайте ей привет от меня, хорошо?

– Обязательно, Моррис, – ответил Моррис, махнув рукой, из тронувшегося кара.

Четыре минуты спустя Панов в сопровождении водителя вошел в длинный серый коридор, который был путем во Францию в обход иммиграционной службы для правительственных служащих стран, аккредитованных на

набережной д'Орсе. Они вошли в просторный зал, где люди стояли небольшими группами и тихо разговаривали, наполняя помещение звуками всевозможных языков. Мо не смог найти взглядом Конклина и обеспокоился; он повернулся было к водителю, но тут к нему подошла молодая женщина в нейтральной униформе стюардессы.

– Docteur? – обратилась она к нему.

– Да, – удивленно ответил Мо. – Но, боюсь, мои познания во французском близки к нулю, если вообще имеются.

– Это не имеет значения, сэр. Ваш спутник велел вам оставаться здесь до его возвращения. Это займет буквально несколько минут, по его словам... Располагайтесь, пожалуйста. Принести вам что-нибудь выпить?

– Бурбон со льдом, если вас не затруднит, – ответил Панов, медленно опускаясь в кресло.

– Конечно, сэр.

Стюардесса удалилась, а водитель поставил чемодан Мо рядом с ним.

– Я должен вернуться к кару, – сказал дипломатический эскорт. – Здесь с вами все будете в порядке.

– Интересно, куда ушел мой друг, – произнес Панов, глянув на часы.

– Возможно, к телефону снаружи, доктор. Люди часто приходят сюда, получают сообщения и бегут сломя голову в терминал к общественным таксофонам; они не доверяют тем, что есть здесь. Русские бегают быстрее всех. Арабы – всех медленнее.

– Должно быть, это связано с климатическими особенностями их стран, – предположил психиатр, улыбаясь.

– Не ставьте на это ваш стетоскоп, – водитель засмеялся и неформально отдал честь. – Всего доброго, сэр. И постарайтесь отдохнуть: вы выглядите уставшим.

– Спасибо, юноша. До свидания.

Я действительно устал, – подумал Панов, глядя вслед водителю, скрывшемуся в сером коридоре. – Так устал. Но Алекс был прав. Если бы он улетел сюда один, я бы никогда ему этого не простил... Дэвид! Мы должны найти его! Вред, причиненный ему, может быть неизмерим – этого никто не понимает. Малейшей неполадки может оказаться достаточно, чтобы его хрупкий, поврежденный разум вернулся на годы – на тринадцать лет назад, –

когда он был действующим киллером, и больше ничем!.. Голос... Кто-то говорил с ним.

– Простите меня... Ваш бурбон, доктор, – сказала стюардесса приятным голосом. – Я не решалась вас будить, но вы шевельнулись и застонали, будто от боли...

– Нет, ничего страшного, милая. Просто устал.

– Понимаю, сэр. Неожиданные перелеты могут быть очень изнурительными, особенно длинные и некомфортабельные.

– Вы верно подметили все три аспекта, мисс, – согласился с ней Панов, принимая стакан. – Спасибо.

– Вы, конечно же, американец.

– Как вы угадали? Разве на мне ковбойские сапоги или гавайская рубашка?

Женщина вежливо рассмеялась:

– Я знаю водителя, сопровождавшего вас сюда. Он из американской охраны, довольно милый и весьма привлекательный.

– Охрана? Вы хотите сказать, что-то вроде «полиции»?

– Ну, почти, только мы никогда так не говорим... О, а вот и ваш спутник, – стюардесса понизила голос. – Могу я вас быстренько спросить, доктор? Не нужно ли ему кресло-коляска?

– Боже правый, ни в коем случае. Он так ходит уже много лет.

– Хорошо. Желаю вам приятно провести время в Париже, сэр.

Когда женщина удалилась, на соседнее кресло прихромал Алекс, обогнув несколько групп беседующих европейцев. Он сел и неловко облокотился на мягкую кожу. Он был очевидно взволнован.

– Что случилось? – спросил Мо.

– Я только что говорил с Чарли Кассетом в Вашингтоне.

– Ты, кажется, ему доверяешь, не так ли?

– Он лучший, когда у него есть личный доступ или как минимум свои люди в разведке. Когда он может видеть и слышать сам, а не просто читать слова на бумаге или компьютерном экране, не задавая вопросов.

– Не вторгаешься ли ты, случаем, снова на мою территорию, доктор Конклин?

– Я обвинил в том же Дэвида на прошлой неделе, и знаешь, что он мне ответил? Это свободная страна, и, несмотря на твои способности, у тебя нет лицензии на здравый смысл.

– *Mea culpa* 105, – кивнул Панов. – Похоже, твой друг сделал что-то, что ты не одобряешь.

– Он сделал что-то, что он сам не одобрил бы, если бы он побольше знал о том, по отношению к кому он это сделал.

– Звучит по-фрейдистски, даже по-медицински неблагоприятно.

– И то и другое. Он заключил несанкционированную внешнюю сделку с неким Дмитрием Крупкиным в русском посольстве здесь, в Париже. Мы будем работать вместе с местным КГБ – ты, я, Борн и Мари – если и когда мы их найдем. Предположительно в Рамбулье где-то через час.

– Ты о чем? – спросил Мо в изумлении, еле слышно.

– Некогда объяснять. Москве нужна голова Шакала, желательно отдельно от его тела. Вашингтон больше не может нас защищать, поэтому русские теперь станут для нас отцом семейства.

Панов нахмурился, встряхнул головой, будто пытался усвоить очень странную информацию, и сказал:

– Думаю, это не твоя обычная тактика, но в этом есть определенная логика, даже удобство.

– На бумаге, Мо, – возразил Конклин. – Только не с Дмитрием Крупкиным. Я его знаю. А Чарли – нет.

– Да? Он плохой?

– Круппи? Нет, не то чтобы...

– Круппи?

– Мы с ним бывали в Стамбуле в конце шестидесятых, потом в Афинах, а еще позже – в Амстердаме... Крупкин не злобный, и он работает, как сукин сын, на Москву получше, чем восемьдесят процентов наших клоунов, но у него есть одна проблема. Он абсолютно на неверной стороне, в неправильном обществе. Его родителям лучше было бы уехать с моими, когда большевики пришли к власти.

– Я совсем забыл. Твоя семья была русской.

– Знание языка помогает с Круппи. Я могу улавливать его нюансы. Он типичный капиталист. Подобно экономическим министрам в Пекине, он не

просто любит деньги – он одержим ими и всем, что с ними связано. Без надзора и контроля он легко продается.

– Ты имеешь в виду, он куплен Шакалом?

– Я видел, как его купили в Афинах греческие производители, продававшие парашютные стропы Вашингтону, когда узнали, что коммунисты собираются их вытеснить. Они заплатили ему, чтобы он не совершал сделки. Потом я следил за ним в Амстердаме, когда он был посредником между торговцами алмазами Ньюмаркта и кем-то с московской элитной дачи. Однажды мы с ним пили вместе в Каттенгате, и я спросил его: «Круппи, какого черта ты делаешь?» Знаешь, что он ответил? Он сказал, используя в речи словесные обороты, которые я не могу себе позволить, примерно следующее: «Алексей, я сделаю все, что в моих силах, чтобы перехитрить вас, чтобы помочь Советам захватить всемирное господство, но пока, если хочешь отдохнуть, у меня есть чудный дом на берегу озера в Женеве». Вот что он ответил, Мо.

– Примечательная личность. Ты, конечно, рассказал все это своему другу Кассету...

– Конечно, нет, – оборвал его Конклин.

– Боже правый, почему нет?

– Потому что Крупкин определенно никогда не говорил Чарли, что знает меня. Кассет, может, и заключил сделку, но дела вести придется мне.

– С чем? Как?

– У Дэвида – Джейсона – есть более пяти миллионов на Кайманах. Потому я одним плевком могу купить Круппи, и он будет работать только на нас, если мы этого захотим.

– Это означает, что ты не доверяешь Кассету.

– Не совсем так, – сказал Алекс. – Я доверяю ему свою жизнь. Просто я не хочу, чтобы она была в его руках. У них с Питером Холландом свои приоритеты, а у нас – свои. У них – «Медуза»; у нас – Дэвид и Мари.

– Мсье? – стюардесса вернулась и обращалась к Конклину. – Прибыла ваша машина, сэр. Она ждет на южной стоянке.

– Вы уверены, что она за мной? – спросил Алекс.

– Прошу прощения, мсье, но водитель сказал, что у мистера Смита больная нога.

– Да уж, тут он прав.

– Я вызвала носильщика, чтобы он отнес ваш багаж, мсье. Идти довольно далеко. Он будет ждать вас на стоянке.

– Большое спасибо.

Конклин поднялся на ноги и полез в карман за деньгами.

– Пардон, мсье, – остановила его стюардесса. – Нам не разрешается брать чаевые.

– Да, верно. Я забыл... Мой чемодан за вашей стойкой, не так ли?

– Где его оставил ваш сопровождающий, сэр. И чемодан доктора тоже. Они будут на платформе через несколько минут.

– Спасибо еще раз, – сказал Алекс. – Извините меня за чаевые.

– Нам хорошо платят, сэр, но спасибо, что вы подумали об этом.

На пути к двери в главный терминал аэропорта Орли Конклин повернулся к Панову.

– Откуда она знает, что ты доктор? – спросил он. – Ты успел с ней переспать?

– Вряд ли. Я слишком устал для этого.

– Тогда откуда? Я ни разу не упомянул, что ты доктор.

– Она знакома с охранником, проводившим меня в зал. Думаю, она очень хорошо его знает. Она сказала с этим французским акцентом, что он «весьма привлекательный».

Ориентируясь по указателям в многолюдном терминале, они направились к южной стоянке.

Ни один из них не заметил изысканно одетого мужчину с оливкового цвета кожей, волнистыми черными волосами и большими темными глазами, следовавшего за ними из дипломатического зала. Он быстро прошел вперед вдоль стены, пока не оказался по диагонали впереди Конклина и Панова возле стоянки такси. Затем, косясь, будто в неуверенности, достал из кармана маленькую фотографию. Он переводил взгляд с нее на американских пассажиров и обратно. На фотографии был Моррис Панов, одетый в белый больничный халат.

Американцы вышли на платформу; темноволосый мужчина тоже. Американцы осмотрелись в поисках такси; темноволосый махнул своей машине. Из такси вышел водитель и подошел к Конклину и Панову, тихо обращаясь к ним, в то время как носильщик принес их багаж; два американца забрались в такси. Следовавший за ними незнакомец сел в частную машину, припаркованную через две машины позади их такси.

– Razzo! 106 – сказал темноволосый по-итальянски модно одетой женщине за рулем. – Говорю тебе, это безумие! Три дня мы ждем, следя за каждым самолетом из Америки, и, когда уже почти сдались, этот идиот в Нью-Йорке оказывается прав! Это они!.. Давай, я поведу. А ты выйди и свяжись с нашими людьми. Скажи, пусть позвонят ДеФазио; пусть едет в свой любимый ресторан и ждет моего звонка. Он не должен уходить, пока мы не переговорим.

– Это вы, босс? – тихо спросила по телефону стюардесса в дипломатическом зале.

– Это я, – ответил дрожащий голос на том конце провода. – И в моих ушах снова звучит голос ангела.

– Да, это точно вы.

– Я же сказал. Продолжай.

– В списке, выданном нам на прошлой неделе, значился худой хромым американец средних лет, возможно в сопровождении доктора. Верно?

– Верно! И?

– Они только что были здесь. Я обратилась к спутнику хромого «доктор», и он откликнулся.

– Куда они направились? Мне жизненно необходимо это знать!

– Об этом речи не было, но я вскоре узнаю достаточно, чтобы вы могли это выяснить, босс. Носильщик, который понес их багаж к южной стоянке, даст описание и номер лицензии встретившей их машины.

– Ради бога, перезвони мне, когда у тебя будет информация!

В трех тысячах миль от Парижа Луис ДеФазио сидел в одиночестве за самым дальним столом в «Траффикантес Клэм Хаус» на Проспект-авеню в Бруклине, Нью-Йорк. Он прикончил поздний ленч из *vitello tonnato*, промокнул губы ярко-красной салфеткой, пытаясь вести себя, как обычно, раскованно и покровительственно. Однако, если знать правду, он был готов сгрызть эту салфетку, вместо того чтобы аккуратно вытирать ею губы. *Maledetto!* Он сидит в «Траффикантес» уже почти два часа – два часа! А если еще учесть те сорок пять минут, которые потребовались ему, чтобы добраться сюда после звонка из «Дворца макаронной кухни Гарафолы» на Манхэттене, то прошло уже больше двух часов, почти три, с тех пор как его

человек в Париже, во Франции, засек две цели. Сколько времени может понадобиться двум bersaglio, чтобы доехать до отеля из аэропорта? Три часа? Только если эти из Палермо поехали в Лондон, в Англию, что, зная их, было вполне вероятным.

И все же ДеФазио оказался прав! Из болтовни того еврея после дозы следовал только один путь, по которому они могли пойти, – в Париж к своему дружку, фальшивому киллеру... Ну и что, что Николо и еврей исчезли? Еврей ушел, а Ники может и подождать. Но Николо не хотел говорить; он понимал, что его будет всюду поджидать какая-нибудь неприятность вроде ножа в почку, если он скажет. К тому же Ники не знал ничего особенного, что юристы не отмели бы, как подержанный навоз. А еврей знал только то, что был в какой-то комнате где-то на ферме, даже если бы и вспомнил. Он никого не видел, кроме Николо.

Но Луис ДеФазио знал, что был прав. И потому в Париже его ждали более семи миллионов «зеленых». Семь миллионов! Боже правый! Он мог заплатить браткам из Палермо в Париже больше, чем они ожидали, и у него еще останется целая куча баксов.

Старый официант из старой деревни, дядюшка Траффиканте, подошел к его столику, и Луис затаил дыхание.

– Вам звонят, синьор ДеФазио.

Как обычно, саро supremo пошел к таксофону в конце узкого темного коридора возле мужского туалета.

– Говорит Нью-Йорк, – сказал он в трубку.

– Говорит Париж, синьор Нью-Йорк. Это тоже pazzo!

– Где ты пропадал? Ты достаточно pazzo, чтобы поехать в Лондон? Я уже три часа жду!

– Совершал поездку по нескольким забытым богом проселочным дорогам, что имеет значение только для моих нервов. То, что я сейчас делаю, – невероятно!

– И где же?

– Я говорю по телефону привратника, за который плачу добрую сотню американских долларов, и этот французский клоун следит за мной через окно, чтобы я чего-нибудь не спер – его ленч, наверное.

– Ты говоришь слишком умно. Так, и что привратник? О чем ты вообще говоришь?

– Я сейчас на кладбище примерно в двадцати пяти милях от Парижа. И скажу тебе...

– На кладбище? – перебил его Луис. – На кой черт?

– Потому что двое твоих знакомых поехали именно сюда из аэропорта, невежда, *ignorante*! В данный момент здесь происходят ночные похороны при свечах, которые скоро зальет дождем, – и если твои друзья поехали сюда на эту варварскую церемонию, то воздух в Америке отравлен вредными для головы химикатами! Мы не договаривались на это *sciocchezze*, Нью-Йорк. У нас своих дел по горло.

– Они поехали туда на встречу с большим *cannoli*, – сказал ДеФазио тихо, будто самому себе. – Что до работы, браток, если ты хочешь еще когда-нибудь работать с нами, или с Филадельфией, или с Чикаго, или Лос-Анджелесом, ты сделаешь все, что я тебе скажу. Я хорошо заплачу, сечешь?

– Признаю, это уже лучше звучит.

– Оставайся вне видимости, но следи за ними. Выясни, куда они идут и с кем они встречаются. Я прибуду туда, как смогу скоро, но мне придется ехать через Канаду или через Мексику, чтобы убедиться, что за мной не следят. Я буду там либо завтра поздним вечером, либо рано следующим утром.

– *Ciao*, – сказал Париж.

– *Omerta*, – сказал Луис ДеФазио.

Глава 30

Огоньки свечей дрожали под ночной моросью в руках людей, следовавших двумя параллельными колоннами за гробом, качавшимся на плечах шестерых мужчин; многие начали поскальзываться на намокающем гравии, которым была посыпана дорожка. Слева и справа процессию сопровождали четыре барабанщика – по два с каждой стороны, – невпопад отбивавшие медленный ритм похоронного марша: они спотыкались о невидимые в темноте камни и столбики с номерами участков. Медленно качая головой, Моррис Панов наблюдал за странной ночной церемонией. Он почувствовал облегчение, когда к нему подковылял Алекс Конклин, пробравшись по тропинке между могилами.

– Есть что-нибудь? – спросил Алекс.

– Нет, – ответил Панов. – Я так понял, у тебя тоже.

– Хуже. Я столкнулся с ненормальным.

– Как?

– В сторожке у ворот был свет, и я пошел туда, думая, что Дэвид или Мари могли оставить нам сообщение. Возле нее стоял какой-то клоун, который постоянно смотрел в окно и сказал, что он сторож и не хочу ли я воспользоваться его телефоном.

– Его телефоном?

– Он сказал, что ночью действуют специальные тарифы, поскольку ближайший таксофон в десяти километрах отсюда.

– Точно, ненормальный, – согласился Панов.

– Я объяснил, что ищу мужчину и женщину, с которыми мы должны здесь встретиться, и спросил, не оставили ли они нам сообщение. Сообщения нет, зато есть телефон. Двести франков. Бред.

– В Париже можно организовать процветающий бизнес, – улыбнулся Мо. – Может, он случайно видел молодую пару поблизости?

– Я спросил, и он кивнул, сказав, что таких тут ходят десятки. Потом указал на этот парад при свечах и снова вернулся к своему дурацкому окну.

– Что это, кстати, за парад такой?

– Это я тоже у него спросил. Религиозная секта; хоронят своих умерших только ночью. Он думает, что это цыгане. При этом он перекрестился.

– Скоро они будут мокрыми цыганами, – заметил Панов, поднимая воротник, потому что морось переросла в настоящий дождь.

– Боже, как я не подумал об этом? – воскликнул Конклин, глядя через плечо.

– О дожде? – спросил психиатр удивленно.

– Нет, большая гробница на середине склона за сторожкой. Там это произошло!

– Где ты пытался... – Мо не договорил; не было необходимости.

– Где он мог меня убить, но не сделал этого, – закончил Алекс. – Пойдем!

Американцы пошли по тропинке мимо сторожки вверх по склону травяного холма, усеянного белыми могильными камнями, поблескивавшими в темноте от дождя.

– Помедленнее, – взмолился Панов, выбившись из дыхания. – Ты уже привык к отсутствию ноги, но я еще не привык к своему древнему телу, отравленному химикатами.

– Извини.

– Мо! – раздался женский голос. Под нависающей крышей огромной гробницы – почти мавзолея, – поддерживаемой колоннами, стояла женская фигура и махала руками.

– Мари? – воскликнул Панов, сорвавшись с места и обгоняя Конклина.

– Замечательно! – взревел Алекс, с трудом ковыляя вверх по мокрой траве.
– Стоит тебе услышать женский голосок, как ты сразу здоров, старый обманщик!

Объятия были неизбежны; семья снова была в сборе. Пока Панов и Мари тихо говорили друг с другом, Джейсон Борн отвел Конклина в сторонку, к краю мраморной крыши. Дождь еще усилился. Процессия внизу, уже без свечей, наполовину рассеялась. Оставшаяся половина держалась возле могилы.

– Я не нарочно выбрал именно это место, Алекс, – сказал Джейсон. – Но с этой толпой внизу ничего лучше я не смог придумать.

– Помнишь сторожку и ту широкую дорожку к стоянке?.. Ты победил. У меня кончились боеприпасы, и ты мог легко отстрелить мне голову.

– Ты не прав, сколько можно объяснять? Я не мог убить тебя. Это было в твоих глазах; хоть я и не мог их видеть, я знал об этом. Злость и замешательство, последнее в большей степени.

– Это никогда не было поводом не убивать того, кто пытается убить тебя.

– Да, если ты не можешь вспомнить. Память может и уйти, но фрагменты остаются – для него это были... пульсирующие картинки. То зажгутся, то снова погаснут, но они были.

Конклин посмотрел на Борна с грустной ухмылкой на лице.

– Пульсирующие картинки, – сказал он. – Это термин Мо. Ты украл его.

– Возможно, – ответил Джейсон, когда они оба одновременно оглянулись на Мари и Панова. – Она ведь говорит обо мне, ты знаешь?

– А почему бы и нет? Она беспокоится, и он тоже.

– Боюсь представить, сколько еще поводов для беспокойства я им обоим предоставлю. Да и тебе вместе с ними.

– Что ты пытаешься сказать мне, Дэвид?

– Ничего. Забудь о Дэвиде. Дэвид Вебб не существует. Не здесь, не сейчас. Он роль, которую я играю для его жены, и у меня плохо получается. Я бы хотел, чтобы она вернулась в Штаты, к ее детям.

– Ее детям? Она не сделает этого. Она приехала, чтобы найти тебя, и она нашла. Она помнит Париж, как было тринадцать лет назад, и она не бросит тебя. Если бы не она, тебя бы уже не было в живых.

– Она мешает. Она должна уехать. Я найду способ.

Алекс посмотрел в холодные глаза создания, некогда известного как Хамелеон, и тихо проговорил:

– Тебе пятьдесят лет, Джейсон. Это не Париж тринадцать лет назад и не Сайгон задолго до того. Это сейчас, и тебе нужна любая помощь. Если она думает, что может хоть чем-то помочь, я ей верю.

Борн резко повернулся к Конклину.

– Мне судить, кому во что верить.

– Это уже крайность, приятель.

– Ты знаешь, что я имею в виду, – возразил Джейсон, смягчив тон. – Я не хочу повторения здесь того, что случилось в Гонконге. Это не должно быть проблемой для тебя.

– Может, и нет... Слушай, давай уберемся отсюда. Наш водитель знает маленький провинциальный ресторан в Эперноне, примерно в шести милях отсюда, где мы сможем спокойно поговорить. Нам есть что обсудить.

– Скажи, – сказал Борн, – зачем здесь Панов? Зачем ты привез Мо с собой?

– Потому что если бы я этого не сделал, он бы подсыпал мне стрихнина.

– Что, черт возьми, это значит?

– То и значит. Он часть нашей команды, и ты знаешь это лучше, чем Мари или я.

– С ним что-то случилось, да? С ним что-то случилось из-за меня.

– Все прошло, и он снова с нами – это все, что тебе нужно знать.

– Это все «Медуза», не так ли?

– Да, но, повторяю, он вернулся, и если не считать того, что он малость устал, он в полном порядке.

– Малость?.. Кстати, маленький провинциальный ресторан в шести милях отсюда – его, кажется, назвал твой водитель?

– Да, он отлично знает Париж и его окрестности.

– Кто он?

– Французский алжирец, многие годы работающий на Управление. Его для нас нанял Чарли Кассет. Он крепкий, знающий и за все это хорошо оплачиваемый. Ему можно доверять.

– Думаю, сойдет.

– А ты не думай, просто прими это.

Они устроились в кабинке в задней части небольшой деревенской гостиницы, укомплектованной потертой скатертью, тяжелыми сосновыми скамьями и вполне приемлемым вином. Хозяин, широкоплечий румяный жирный мужчина, заявил, что его кухня превосходна, и, хотя никто из них не мог пробудить в себе голод, Борн заплатил за четыре блюда, просто чтобы доставить хозяину радость. Это сработало. Хозяин прислал два больших графина хорошего красного вина и бутылку минеральной воды и удалился.

– Ладно, Мо, – сказал Джейсон, – ты не хочешь рассказать, что случилось или кто это сделал, но ты по-прежнему действующий, хотя и болтливый, медицинский работник, которого мы знаем уже тринадцать лет, верно?

– Верно, ты, шизофреник, сбежавший из Беллеву. И, чтобы ты не подумал, что я геройствую, позволь заявить абсолютно прямо, что я здесь исключительно в целях защиты моих немедицинских гражданских прав. Мой главный интерес – моя ненаглядная Мари, которая, как ты, я надеюсь, можешь видеть, сидит сейчас рядом со мной, а не ты. И я положительно истекаю слюной при мысли о делаемых ею замечательных отбивных.

– О, как я люблю тебя, Мо! – сказала жена Дэвида Вебба, пожимая руку Панова.

– Позволь мне ответить взаимностью, – ответил доктор, целуя ее в щеку.

– Я все еще здесь, – заговорил Конклин. – Мое имя Алекс, и я бы хотел обсудить кое-какие вещи, в число которых отбивные не входят... Хотя, должен сказать тебе, Мари, я вчера говорил Питеру Холланду, что они чудесны.

– А что с моими несчастными отбивными?

– Красный соус, – вставил Панов.

– Давайте вернемся к тому, зачем мы здесь, – монотонно проговорил Джейсон Борн.

– Прости, дорогой.

– Мы собираемся сотрудничать с русскими, – Конклин говорил быстро, предвосхищая мгновенную реакцию Борна и Мари. – Все в порядке, я знаю контактное лицо, знаю его уже много лет, но Вашингтон – нет. Его имя Крупкин, Дмитрий Крупкин, и, как я уже говорил Мо, он может продаться за тридцать сребреников.

– Дай ему тридцать один, – перебил его Борн, – чтобы быть уверенным, что он на нашей стороне.

– Я предполагал, что ты это скажешь. Какой потолок?

– Никакого.

– Не так быстро, – сказала Мари. – Какая начальная цена?

– Слово нашему экономисту, – объявил Панов, потягивая вино.

– Учитывая его позицию в парижском КГБ, я бы назвал сумму около пятидесяти тысяч американских.

– Предложи ему тридцать пять и при давлении увеличивай до семидесяти пяти. Максимум – сотня, если необходимо, конечно.

– Ради бога, – вскричал Джейсон, еле сдерживая голос. – Речь идет о нас и о Шакале. Дай ему все, что он захочет!

– Чем легче человека купить, тем легче его перекупить.

– Она права? – спросил Борн, уставившись на Конклина.

– При обычных условиях – да, но в данном случае для перекупки потребуется действующее месторождение алмазов. Никто так не желает смерти Карлоса, как русские, и тот, кто принесет его труп, станет героем Кремля. Помните, его тренировали в Новгороде. Москва такое не забывает.

– Тогда делай, как говорит она, только купи его, – сказал Джейсон.

– Я понял. – Конклин наклонился вперед и глотнул воды из стакана. – Я позвоню ему сегодня, с телефона-автомата на телефон-автомат, и обо всем договорюсь. Потом организую встречу на завтра, возможно, ленч где-нибудь за пределами Парижа. Очень рано, до прихода большинства посетителей.

– Может, здесь же? – спросил Борн. – Бессмысленно искать дальше, и я буду знать дорогу сюда.

– Почему бы и нет? – согласился Алекс. – Я поговорю с хозяином. Но только не все четверо из нас – только я и Джейсон.

– Я уже думал об этом, – холодно сказал Борн. – Мари нельзя втягивать. Ее не должно быть ни видно, ни слышно, это ясно?

– Дэвид, ты уверен...

– Да, уверен.

– Я буду с ней, – быстро вмешался Панов. – Отбивные? – добавил он, стараясь разрядить обстановку.

– У меня нет кухни, но там есть поблизости отличный ресторан, где подают замечательную форель.

– Что ж, придется отказаться от отбивной, – вздохнул психиатр.

– Думаю, вам лучше будет поесть в комнате, – сказал Борн тоном, не терпящим возражений.

– Я отказываюсь быть заключенной, – тихо возразила Мари, прямо глядя на мужа. – Никто не знает, кто мы и где мы, и, по-моему, женщина, сидящая взаперти и не показывающаяся наружу, может привлечь гораздо больше внимания, чем нормальная француженка, занимающаяся своими повседневными делами.

– Она права, – заметил Алекс. – Если у Карлоса есть сеть осведомителей, ненормальное поведение действительно может привлечь их внимание.

– Вернемся к делу, – отрывисто предложил Борн.

– Ты очень груб, Дэвид.

– Я очень нетерпелив, помнишь?

– Ладно, остынь, – сказал Конклин. – Мы все на взводе, но необходимо все прояснить. Как только Крупкин окажется в наших рядах, его первой задачей будет отследить номер, который Гейтс дал Префонтейну в Бостоне.

– Кто дал кому, что и где? – спросил ошарашенный психиатр.

– Ты не в курсе, Мо. Префонтейн – это отстраненный судья, который связался с агентом Шакала. Короче говоря, агент дал нашему судье парижский номер, чтобы связаться с Шакалом, но он не совпал с номером, который уже был у Джейсона. Но в том, что агент, юрист по имени Гейтс, имел связь с Карлосом, сомнений нет.

– Рэндольф Гейтс? Бостонский подарок залам суда Чингисхана?

– Тот самый.

– Боже правый... Прошу прощения, я не должен был говорить этого, я же язычник. Да какого черта! – я в этом плохо разбираюсь, но, думаю, вы согласитесь, что это шок.

– Немалый. И мы должны узнать, кому принадлежит этот номер здесь, в Париже. Крупкин может это для нас выяснить. Это настоящий штопор для подобных головоломок, гарантирую вам.

– Штопор? – переспросил Панов. – Для чего, ради всего святого, во всем этом Префонтейн, судья, юрист и все остальные? Звучит, как плохое недодержанное вино.

– Это очень хорошее, выдержанное марочное вино, – вставила Мари. – Тебе бы понравилось, доктор. Ты мог бы месяцами изучать его, потому что у него больше оттенков вкуса, чем у большинства из нас, а его интеллект все еще невредим, несмотря на такие неприятности, как алкоголь, коррупция, потеря семьи и тюрьма. Он оригинал, Мо, и там, где большинство преступников его лиги обвиняют во всем всех, кроме себя, он – нет. Он сохранил великолепное чувство юмора. Если бы у американского правосудия было хоть немного мозгов – что оно регулярно старается опровергнуть, – его бы вернули на скамью подсудимых... Он преследовал людей Шакала, потому что те хотели убить меня и моих детей. Если при этом он каким-то способом зарабатывает хотя бы один доллар, он заслуживает каждый пенни, и я позабочусь, чтобы он их получил.

– Лаконично. Он тебе нравится.

– Я обожаю его. Так же, как обожаю тебя и Алекса. Вы все так рискуете ради нас...

– Может, мы все-таки вернемся к тому, зачем мы здесь? – сердито произнес Хамелеон. – Меня не интересует прошлое, меня интересует завтра.

– Ты не только груб, дорогой мой, ты еще и ужасно неблагодарен.

– Пусть будет так. На чем мы остановились?

– На Префонтейне, – резко ответил Алекс, глядя на Борна. – Но он может уже и не иметь значения, потому что вряд ли переживет Бостон... Я позвоню тебе в таверну в Барбизоне завтра и уточню время ленча. Здесь. Постарайся приехать точно вовремя, чтобы мы тут не маячили, как оставшиеся без пары белоснежные гуси. К тому же если этот толстяк прав насчет его «кухни», Круппи она понравится, и он расскажет о ней всем.

– Круппи?

– Расслабься. Я же сказал, мы давно знакомы.

– И не расспрашивай, – добавил Панов. – Уверяю тебя, ты не захочешь услышать про Стамбул и Амстердам. Они оба – парочка воров.

– Проехали, – сказала Мари. – Продолжай, Алекс, что насчет завтра?

– Мо и я поедem к тебе на такси, и мы с твоим мужем вернемся потом сюда. Позвоним вам после ленча.

– А как насчет твоего водителя, которого добыл Кассет? – спросил Хамелеон, холодно сверкая глазами.

– А что с ним? За сегодняшнюю ночь ему заплатят в два раза больше, чем он может заработать своим такси за месяц, и после того, как он высадит нас у отеля, он исчезнет. Мы больше его не увидим.

– Он увидит еще кого-нибудь?

– Нет, если ему не надоело жить и он намерен отправить деньги родственникам в Алжир. Я же сказал, Кассет за него ручается. Он – гранит.

– Значит, завтра, – решительно сказал Борн, глядя через стол на Мари и Морриса Панова. – После нашего отъезда вы должны оставаться в Барбизоне и не покидать таверну. Поняли?

– Знаешь, Дэвид, – ответила Мари, сидя на сосновой скамье, строгая и колючая, – я хочу сказать тебе кое-что. Мо и Алекс – такие же члены нашей семьи, как и дети, потому я скажу это при них. Мы все, каждый из нас, поддерживаем тебя так или иначе, потому что знаем, через какие ужасы ты прошел. Но ты не можешь и не будешь указывать нам, что делать, будто мы низшие существа в твоem царственном присутствии. Ты это понял?

– Превосходно, леди. Тогда, может, вам лучше вернуться в Штаты, чтобы не смущаться моим царственным присутствием? – Джейсон Борн поднялся из-за стола, оттолкнув стул назад. – Завтра будет трудный день, и я бы хотел выпасться – последнее время мне это не удавалось, – и кое-кто, кому мы все в подметки не годимся, однажды сказал мне, что отдых – это оружие. Я в это верю... Я буду ждать в машине две минуты. Выбор за тобой. Уверен, Алекс сможет вывезти тебя из Франции.

– Ублюдок, – прошептала Мари.

– Хотя бы и так, – сказал Хамелеон, уходя прочь.

– Иди за ним, – быстро обронил Панов. – Ты знаешь, что происходит.

– Я не могу с этим справиться, Мо!

– И не справляйся. Просто будь с ним. Ты единственная нить, что у него есть. Тебе даже не обязательно говорить, просто будь рядом. С ним.

- Он снова киллер.
- Он не причинит тебе вреда.
- Конечно, нет, я знаю.
- Тогда обеспечь ему эту нить к Дэвиду Веббу. Ты должна быть с ним, Мари.
- О боже, я так его люблю! – воскликнула женщина, вскочила на ноги и побежала за своим мужем – и в то же время не ее мужем.
- Это был верный совет, Мо? – спросил Конклин.
- Не знаю, Алекс. Я просто думаю, ему не стоит оставаться наедине с его кошмарами. Никому не стоит. Это не психиатрия, а просто здравый смысл.
- Знаешь, иногда ты говоришь, как настоящий доктор.

Алжирский район Парижа расположен между десятым и одиннадцатым округами, три квартала, где все дома – парижские, а звуки и запахи – арабские. Длинный черный лимузин с золоченой церковной символикой на дверях въехал в этот этнический анклав. Он остановился у обитого деревом трехэтажного дома, старый священник вышел из машины и подошел к двери. Выбрав имя из списка у двери, он нажал на кнопку, и со второго этажа донесся звонок.

– Да? – спросил по-французски металлический голос из примитивного домофона.

– Я посланник Американского посольства, – ответил посетитель в монашеском одеянии на не очень верном грамматически французском, что свойственно американцам. – Я не могу оставить машину, но у нас есть срочное сообщение для вас.

– Сейчас спущусь, – ответил французский алжирский водитель, нанятый Чарльзом Кассетом из Вашингтона. Три минуты спустя он вышел из дома на узкий тротуар. – Зачем вы так оделись? – спросил он посланника, стоявшего возле большого автомобиля, закрывая символику на задней дверце.

– Я католический священник, сын мой. Наш поверенный в военных делах хочет поговорить с вами.

Он открыл дверцу.

– Я весьма уважаю ваш сан, – водитель улыбнулся и нагнулся, чтобы заглянуть внутрь лимузина, – но не готов быть призванным в вашу армию... Да, сэр, чем могу быть полезен?

– Куда вы отвезли наших людей? – спросила фигура из тени на заднем сиденье, лицо этого человека нельзя было разглядеть.

– Каких людей? – спросил алжирец, в его голосе вдруг зазвучало беспокойство.

– Тех двоих, которых вы встретили несколько часов назад в аэропорту. Хромого и его друга.

– Если вы из посольства и они хотят, чтобы вы знали, они сами вам позвонят и все скажут, не так ли?

– Ты скажешь мне!

Из-за машины появился здоровяк в водительской униформе. Он быстро подошел, поднял руку и обрушил на череп алжирца увесистую дубинку. Затем затащил жертву внутрь, а старик в одежде священника влез в машину следом, захлопнув за собой дверцу. Шофер обежал машину и занял свое место за рулем. Лимузин тронулся.

Час спустя на пустынной улице Гудон, в квартале от Пляс Пигаль, из большого автомобиля был выброшен искалеченный и окровавленный труп алжирца. В машине некто, сидевший в тени, обратился к старому священнику:

– Возьми свою машину и стереги у отеля хромого. Не спи, утром ты освободишься и сможешь отдыхать весь день. Сообщай о любых движениях и везде следуй за ним. Не подведи меня.

– Никогда, монсеньор.

Дмитрий Крупкин не отличался высоким ростом, но казался выше, чем на самом деле, и он не был очень уж тяжел, однако создавалось впечатление, что у него весьма тучная фигура. Приятное, слегка полноватое лицо; благородная голова, всегда держащаяся прямо; густые брови, тщательно причесанные волосы с проседью и борода привлекательно сочетались с внимательными голубыми глазами и неизменной улыбкой, выдававшей в нем человека, которому нравится его жизнь и работа, обладающего немалым интеллектом. Он сидел в кабинке у задней стены почти пустого сельского ресторана в Эперноне, пристально глядя через стол на сидевшего рядом с непредставленным Борном Алекса Конклина, только что заявившего, что больше не пьет спиртное.

– Грядет конец света! – воскликнул Крупкин по-английски с заметным акцентом. – Видишь, что происходит с хорошим человеком на испорченном Западе? Позор твоим родителям. Им следовало остаться с нами.

– Думаю, не стоит сравнивать уровень алкоголизма в наших странах.

– Если не на деньги, то можно было бы и поспорить, – сказал Крупкин, ухмыляясь. – Кстати, о деньгах, мой дорогой старый враг, как и где я получу деньги, причитающиеся мне в соответствии с нашим соглашением, достигнутым сегодня ночью по телефону?

– Как и где вы хотели бы получить их? – спросил Джейсон.

– Ага, стало быть, вы мой благодетель, сэр?

– Да, платить вам буду я.

– Тихо! – шепнул Конклин, обратив внимание на вход в ресторан. Он наклонился вперед к открытой стороне кабинки, прижав руку ко лбу, и быстро повернулся назад, когда за столик в углу слева от двери усадили пару.

– В чем дело? – спросил Борн.

– Не знаю... Я не уверен.

– Кто там, Алексей?

– Мне кажется, я должен его знать, но я не помню.

– Где он сидит? В кабинке?

– Нет, за столом. В углу за баром. С ним женщина.

Крупкин подвинулся на край скамьи, достал свой бумажник и вынул из него маленькое зеркальце размером и толщиной с кредитную карточку. Зажав его обеими ладонями перед собой, он осторожно поймал нужное отражение.

– Да вы, наверное, включены в списки высшего общества Парижа, – сказал русский, тихо посмеиваясь и убирая зеркало и бумажник в карман пиджака. – Он из итальянского посольства; с ним его жена. Паоло и Давиния такие-то, с претензией на знатность, я думаю. Строго *congro diplomatico* на протокольном уровне. Они неплохо одеваются и, очевидно, до неприличия богаты.

– Я не возвращаюсь в тех кругах, но я где-то видел его раньше.

– Конечно, видел. Он выглядит как любая итальянская звезда экрана средних лет или как любой из тех владельцев виноградников, что восхваляют достоинства классического «Кьянти» в телерекламе.

– Может, ты и прав.

– Я прав. – Крупкин повернулся к Борну: – Я напишу номер счета и название банка в Женеве.

Он положил перед собой бумажную салфетку и полез в карман за ручкой. Но не успел воспользоваться ими, потому что мужчина лет тридцати в хорошо подогнанном костюме быстро приблизился к их столу.

– Что такое, Сергей? – спросил Крупкин.

– Не вы, сэр, – ответил его помощник. – Он, – добавил он, кивнув на Борна.

– Что такое? – повторил Джейсон.

– За вами следили. Сначала мы не были уверены, потому что это оказался старик со слабым мочевым пузырем. Он дважды выбегал из машины, чтобы облегчиться, но один раз воспользовался телефоном в машине и шурился через ветровое стекло, чтобы разглядеть название ресторана. Это было пару минут назад.

– Откуда вы знаете, что он преследовал меня? – спросил Борн.

– Он приехал сразу за вами, а мы прибыли за полчаса до того, обеспечивали безопасность места.

– Безопасность! – взорвался Конклин на Крупкина. – Я думал, эта встреча строго между нами.

– Дорогой Алексей, великодушный Алексей, готовый спасти меня от самого себя. Неужели ты думал, я бы пошел на встречу с тобой, не обеспечив собственную безопасность? Не от тебя лично, старый друг, но от твоих агрессоров из Вашингтона. Можешь себе представить? Заместитель директора ЦРУ ведет со мной переговоры через человека, которого, как он якобы думает, я не знаю. Дешевый трюк.

– Черт тебя дери, я никогда не говорил ему!

– Ох, надо же, тогда я виноват. Приношу свои извинения, Алексей.

– Не надо, – твердо перебил их Джейсон. – Этот старик наверняка работает на Шакала...

– Карлос! – воскликнул Крупкин, его лицо вспыхнуло, глаза загорелись голодным блеском. – Шакал охотится за тобой, Алексей?

– Нет, за ним, – ответил Конклин. – За твоим благодетелем.

– Боже правый! Если сложить то, что мы знаем, то я имею великую честь познакомиться с печально известным Джейсоном Борном. Очень приятно, сэр! Наши цели совпадают там, где речь идет о Карлосе, не так ли?

– Если ваши люди на что-нибудь годятся, мы можем достичь этих целей до истечения этого часа. Пойдем! Давайте выйдем отсюда через черный ход, кухню, окно – что угодно. Он нашел меня, и, готов поспорить, он едет сейчас сюда за мной. Только он не знает, что мы об этом знаем. Пойдем!

Они поднялись из-за стола, Крупкин дал указания своему помощнику:

– Подгони машину к служебному входу, если таковой имеется, но сделай это ненавязчиво, Сергей. Никакой спешки, ты меня понял?

– Мы можем отъехать на полмили по дороге и свернуть на пастбище, а по нему подъехать к задней стороне дома. Старик из своей машины нас не заметит.

– Очень хорошо, Сергей. И пусть наше подкрепление остается на месте и будет начеку.

– Конечно, товарищ.

Помощник поспешил к переднему выходу.

– Подкрепление? – не унимался Алекс. – У тебя есть еще и подкрепление?

– Прошу тебя, Алексей, зачем придирается? Сам виноват, в конце концов. Даже сегодня ночью по телефону ты не сказал мне о заговоре против вашего заместителя директора.

– Ради бога, это не заговор!

– Это ведь не совсем отношения между штабом и полевым командиром, верно? Нет, Алексей Николаевич Консоликов, ты знал, что сможешь, скажем так, использовать меня, и ты это сделал. Никогда не забывай, мой дорогой старый дружище, ты все-таки русский.

– Может, вы оба заткнетесь и мы наконец уберемся отсюда?

Они ждали, сидя в бронированном «Ситроене» Крупкина возле заросшего поля в ста футах позади машины старика, откуда был отличный вид на фасад ресторана. К раздражению Борна, Конклин и офицер КГБ начали предаваться воспоминаниям, словно два престарелых профессионала, анализируя стратегии друг друга в прошлых разведывательных операциях, выявляя недочеты друг друга. «Подкреплением» был неопределенный седан у дальней обочины дороги, по диагонали от ресторана. Два вооруженных мужчины с автоматами были готовы выскочить из него.

Неожиданно к ресторану подъехал многоместный автомобиль. В нем было три пары; все они, кроме водителя, вышли, весело смеясь и держась за руки.

Они беззаботно шли ко входу, пока их машина парковалась на небольшой стоянке рядом.

– Остановите их, – сказал Джейсон. – Они могут погибнуть.

– Могут, мистер Борн, но если мы их остановим, то потеряем Шакала.

Джейсон уставился на русского, потеряв дар речи. Злоба и смятение наполнили его мысли. Он хотел что-то возразить, но не мог; слова не удавалось изречь. Потом стало не до слов. На дороге со стороны парижского шоссе появился темно-коричневый фургон, и к Борну вернулся голос:

– Этот тот самый, с бульвара Лефевр несколько дней назад, который скрылся!

– Тот самый, откуда? – переспросил Конклин.

– Несколько дней назад на Лефевр было происшествие, – сказал Крупкин. – Взорвался автомобиль или грузовик. Ты это имеешь в виду?

– Это была ловушка. Для меня... Фургон, потом лимузин, и еще один для Карлоса – такая была ловушка. Это второй из них; он выехал с темной стороны улицы и пытался подавить нас огневой мощью.

– Нас? – Алекс не спускал с Джейсона глаз; он видел неприкрытую ярость в глазах Хамелеона, плотно сжатые губы, медленно сжимающиеся и разгибающиеся с силой кулаки.

– Бернардин и я, – прошептал Борн в ответ и вдруг поднял голос: – Дайте мне оружие, – крикнул он. – Пукалка у меня в кармане никуда не годится.

За рулем сидел крепкий помощник Крупкина Сергей; он достал из-за сиденья русский «АК-47» и протянул его Джейсону.

Темно-коричневый лимузин, визжа покрышками по сельской дороге, остановился перед ветхим навесом; и, подобно тренированным командос, двое в масках из чулка выскочили из боковой дверцы с автоматическим оружием в руках. Они подбежали ко входу и прижались к стене по сторонам от двойной двери. Из автомобиля появился третий человек, лысеющий мужчина в черной рясе священника. По его жесту первые двое синхронно подскочили к дверям и взяли за тяжелые латунные ручки. Водитель газовал на месте.

– Вперед! – крикнул Борн. – Это он! Это Карлос!

– Нет! – прорычал Крупкин. – Подожди. Теперь это наша засада, и он должен в нее попасть – внутрь.

– Ради бога, там же люди! – возразил Джейсон.

– На всех войнах бывают невинные жертвы, мистер Борн. И, если вы до сих пор не поняли, это война. Ваша и моя. Ваша, между прочим, гораздо более личная, чем моя.

Шакал издал режущий слух крик, давая команду к действиям, створки дверей открылись, и террористы ворвались внутрь, стреляя очередями.

– Сейчас! – крикнул Сергей, мотор взревел, акселератор был вжат до пола. «Ситроен» выскочил на дорогу, целясь в фургон, но за долю секунды до столкновения вдруг оказался сбит с курса. Справа прогремел мощный взрыв. Старик и серая машина, в которой он сидел, разлетелись на обломки, послав «Ситроен» влево в древний забор вокруг стоянки рядом с рестораном. В тот же момент темно-коричневый фургон Шакала, вместо того чтобы сорваться вперед, отъехал назад, резко остановился, и водитель выскочил из кабины, прячась за ней; он заметил русское подкрепление. Пока двое русских бежали к ресторану, водитель Шакала скосил одного из них очередью из автомата. Второй бросился в траву, беспомощно глядя, как водитель Карлоса прострелил покрышки и выбил все стекла советской машины.

– Вылезай! – прокричал Сергей, вытаскивая Борна с сиденья на землю у забора, пока его контуженный босс и Алекс Конклин выползали за ним.

– Вперед! – крикнул Джейсон, хватая «АК-47» и вскакивая на ноги. – Этот сукин сын взорвал машину дистанционно.

– Я пойду вперед! – сказал русский.

– Почему?

– Вообще-то я моложе и сильнее...

– Заткнись!

Борн побежал вперед зигзагом, чтобы привлечь на себя огонь, и бросился на землю, когда тот пришел со стороны водителя Карлоса. Он прицелился из травы, зная, что человек Шакала уверен, что его очередь достигла цели; голова появилась и исчезла, когда Джейсон спустил курок.

Второй из русского подкрепления, услышав предсмертный крик из-за фургона, поднялся из травы и побежал ко входу в ресторан. Изнутри доносился звук беспорядочной пальбы в сопровождении панических криков, за которыми следовали новые автоматные очереди. Кошмар ужаса и крови в стенах некогда мирной сельской таверны. Борн встал на ноги, Сергей догнал его. Они бегом присоединились ко второму русскому. По сигналу Джейсона русские распахнули двери, и они все одновременно ворвались внутрь.

Следующие шестьдесят секунд были похожи на пронзительный ад, описанный Манчи. Официант и двое из мужчин, находившихся среди давешних трех пар, были мертвы, официант и один мужчина распростерты на полу с разmozженными черепами; третий официант лежал на скамье, глядя на происходящее мертвенно стеклянными глазами, его грудь была изрешечена пулями, потоки крови окрасили одежду. Женщины в абсолютном шоке стонали и кричали, пытаясь влезть на сосновые стены кабинки. Хорошо одетого мужчины с женой из итальянского посольства нигде не было.

Сергей неожиданно бросился вперед, стреляя на ходу; он заметил в дальнем углу помещения фигуру, которую не видел Борн. Из тени выбежал киллер с чулком на голове, наводя автомат на цель, но он не успел воспользоваться преимуществом неожиданности: русский срезал его... Еще один! Кто-то шевелился за коротким прилавком, служившим баром. Был ли это Шакал? Джейсон перекатился к диагональной стене и присел, проникая взглядом во все закоулки ближних винных стоек. Он прислонился к основанию стойки бара, а второй русский, оценив ситуацию, побежал к женщинам, бьющимся в истерику, вперед спиной, водя стволом из стороны в сторону, прикрывая их. Голова, затянутая в чулок, резко поднялась из-за прилавка, и оружие появилось над Борном. Он вскочил на ноги, схватил левой рукой горячий ствол, а правой наставил «АК-47»; затем выстрелил в упор прямо в лицо за шелком. Это был не Карлос. Где же Шакал?

– Там! – крикнул Сергей, будто услышав немой вопрос Джейсона.

– Где?

– За теми дверьми!

Это была кухня. Они вдвоем приблизились к вращающимся дверям. Снова Борн кивнул, но они не успели тронуться с места: их обоих отбросило назад взрывом, прогремевшим внутри; это взорвалась граната, выбив стекла и куски металла из дверей. Дым вывалился в столовую, распространяя резкий, тошнотворный запах.

Тишина.

Джейсон и Сергей снова приблизились к входу в кухню – и снова были остановлены вторым взрывом, за которым последовало стаккато выстрелов. Пули легко прошли тонкие панели-жалюзи вращающихся дверей.

Тишина.

Абсолютная неподвижность.

Тишина.

Это было слишком для взбешенного Хамелеона. Он кляцнул затвором своего «АК-47», переключил режим стрельбы на автомат, придавил курок и, ворвавшись через двери, бросился на пол.

Тишина.

Другая картина из другого ада. Часть внешней стены взорвана, тучный хозяин и его повар, все еще в колпаке, мертвы, их тела лежат на нижних полках кухни, кровь стекает по дереву.

Борн медленно поднялся. Его ноги ломило, каждый нерв его тела ныл, он был на краю истерии. Словно в трансе, он смотрел вокруг сквозь дым и обломки, пока его взгляд не остановился на большом и зловещем листе коричневой бумаги, пригвожденном к стене тяжелым ножом мясника. Он приблизился к нему и, выдернув нож, прочитал слова, написанные черным карандашом:

Деревья Танненбаума сгорят, а на растопку пойдут дети. Спи спокойно, Джейсон Борн.

Зеркала его жизни разлетелись тысячей осколков. Ему оставалось только закричать.

Глава 31

– Прекрати, Дэвид!

– Боже, это бесполезно, Алексей. Сергей, держи его... Ты, помоги Сергею! Положите его на землю, чтобы я мог поговорить с ним. Нам нужно убраться отсюда как можно быстрее!

Двое русских догнали вопящего Борна и повалили его на землю. Он выбежал через пробитую в стене дыру и побежал в высокой траве в тщетной попытке найти Шакала, паля во все стороны из «АК-47», пока не опустел магазин. Сергей со вторым русским побежали за ним, последний отобрал у него оружие, и они вдвоем повели его, бьющегося в истерике, обратно к задней стороне изуродованного сельского ресторана, где их ждали Алекс и Крупкин. Оттуда они все быстро пошли к фасаду; там Хамелеоном снова овладела неконтролируемая истерия.

– Держите его! – рявкнул Крупкин. Два его помощника прижали Борна к земле. Офицер КГБ опустился рядом и сдавил рукой лицо американца за щеки, заставив человека из Тредстоуна, семьдесят один смотреть на него. – Я скажу это только один раз, мистер Борн, и если ты не усвоишь это, можешь оставаться здесь и принять все последствия! Но мы должны уйти отсюда. Если ты возьмешь себя в руки, мы свяжемся с нужными людьми из твоего правительства в течение часа. Я тебя предупредил, и могу заверить, что твои

соотечественники смогут защитить твою семью – как мне описал ее Алексей. Но ты, сам, должен принять в этом участие. Либо ты возьмешь себя в руки, мистер Борн, либо отправляйся ко всем чертям. Какой твой выбор?

Хамелеон, борясь с прижимавшими его к земле коленями, выдохнул, словно испустил дух. Его взгляд сфокусировался, и он сказал:

- Уберите от меня этих идиотов.
- Один из этих идиотов спас тебе жизнь, – заметил Конклин.
- Я тоже спас жизнь одного из них. Мы в расчете.

Бронированный «Ситроен» мчался по сельской дороге в сторону шоссе на Париж. Крупкин по телефону в машине заказал в Эпернон команду для немедленного уничтожения остатков одной из русских машин. Тело убитого русского было аккуратно уложено в багажник «Ситроена». Официальный советский комментарий при необходимости будет следующим: два штатных дипломатических сотрудника нижнего уровня отправились на ленч в сельскую местность и попали в эту передрагу. На лицах нескольких убийц были натянуты чулки, других не было видно, когда сотрудники спасались через черный выход. Когда все закончилось, они вернулись в ресторан, накрыли жертвы и пытались успокоить женщин и одного выжившего мужчину. Они позвонили своему начальству и доложили о случившемся. Им было велено сообщить обо всем местной полиции и немедленно вернуться в посольство. Отношения между странами не должны пострадать от их случайного присутствия на французской криминальной разборке.

- Звучит так по-русски, – сказал Крупкин.
- Неужели этому кто-нибудь поверит? – удивился Алекс.
- Это не имеет значения, – ответил русский. – Эпернон провонял Шакалом. Взорванный старик, два террориста в чулочных масках – Сюртэ известны эти приметы. Если даже мы и были замешаны, то на правой стороне, и французы не станут выяснять причины нашего присутствия.

Борн сидел молча у окна. Крупкин был рядом с ним, напротив него на откидном сиденье располагался Конклин. Джейсон нарушил свое сердитое молчание, отведя взгляд от пролетавшего за окном пейзажа и ударив кулаком по подлокотнику.

- О боже, дети! – воскликнул он. – Откуда этот ублюдок узнал о Танненбаумском доме?

– Прошу прощения, мистер Борн, – вежливо сказал Крупкин. – Я понимаю, мне это легче сказать, чем вам слышать, но очень скоро вы свяжетесь с Вашингтоном. Я знаю кое-что о способности Управления к самозащите, и, уверяю вас, они чертовски эффективны.

– Не так уж и эффективны, если Карлос смог так далеко пролезть!

– Может, он и не пролез, – сказал русский. – Возможно, у него был другой источник.

– Не было.

– Никто не может точно это знать, сэр.

Они мчались по улицам Парижа под слепящим солнцем мимо изнемогавших от летней жары пешеходов. Наконец они подъехали к советскому посольству на бульваре Ланнес, проехали ворота – охранники козырнули, сразу узнав серый «Ситроен» Крупкина. Затем проехали по вымощенному булыжниками внутреннему двору и остановились перед внушительными мраморными ступеньками и скульптурной аркой, служившей входом.

– Будь неподалеку, Сергей, – приказал офицер КГБ. – Тебе придется в случае необходимости вести разговор с Сюртэ. – Затем, будто вспомнив, добавил, обращаясь ко второму помощнику, находившемуся рядом с Сергеем на переднем сиденье: – Без обид, юноша, но за долгие годы мой старый друг и водитель стал весьма опытным в подобных вопросах. Однако и для тебя тоже есть дело. Отправь тело нашего верного погибшего товарища на кремацию. В отделе внутренних операций тебе объяснят, какие бумаги надо оформить, – и он кивнул Борну и Алексу, чтобы они выходили из машины.

Оказавшись внутри здания, Дмитрий объяснил армейскому охраннику, что его гости не должны проходить металлодетектор, предназначенный для всех посетителей советского посольства. Немного отойдя, он шепнул по-английски своим спутникам:

– Можете себе представить, что будет, когда запищит сирена? Два вооруженных американца из дикого ЦРУ прогуливаются в стенах этого бастиона пролетариата? Святые небеса, я уже чувствую сибирский холод в яйцах.

Они прошли по богато украшенному в стиле девятнадцатого века вестибюлю к типичному французскому лифту с металлическими решетками; вошли в него и поднялись на третий этаж. Решетка открылась, и Крупкин продолжил, указывая дорогу.

– Мы воспользуемся внутренней комнатой для переговоров, – сказал он. – Вы будете первыми и последними американцами, увидевшими ее, поскольку это одно из немногих здесь помещений, не оборудованных подслушивающими устройствами.

– Ты бы не стал повторять то же самое на детекторе лжи, не так ли? – хмыкнул Конклин.

– Как и ты, Алексей, я давно научился обманывать эти тупые машины; но даже если бы и нет, в данном случае я бы с радостью так заявил, потому что это правда. Поверь, это чтобы защитить нас от нас самих. Теперь сюда.

Комната для переговоров была размером со среднюю сельскую столовую, но с длинным тяжелым столом и темной ореховой мебелью, громоздкими, но вполне удобными стульями. Стены покрыты глубоко-коричневыми панелями, неизбежный портрет Ленина висел на виду за стулом, стоявшим во главе стола, рядом с которым располагался удобный телефонный столик.

– Знаю, вам не терпится, – сказал Крупкин, направляясь к телефону. – Сейчас я организую международный канал. – Он поднял трубку, коснулся кнопки, сказал что-то быстро по-русски, положил трубку и повернулся к американцам. – Ваш номер – двадцать шесть; это последняя кнопка справа во втором ряду.

– Спасибо, – Конклин кивнул и, достав из кармана клочок бумаги, передал его офицеру КГБ. – Я бы хотел попросить еще об одном одолжении, Круппи. Это парижский номер телефона. Предположительно, это прямая линия к Шакалу, но он не совпадает с номером, который дали Борну и по которому до Шакала действительно дозвонились. Мы не знаем, чей это телефон, но он как бы то ни было связан с Карлосом.

– И вы не хотите по нему звонить, чтобы не выдать себя. Я понимаю. Зачем поднимать тревогу, когда в этом нет необходимости? Я позабочусь о нем. – Крупкин посмотрел на Джейсона с выражением старшего, понимающего коллеги на лице. – Будьте сильны духом, мистер Борн, как сказали бы монархисты, не видя значительной беды перед собой. Несмотря на ваши сомнения, я абсолютно уверен в возможностях Лэнгли. Они нанесли немалый урон моим не самым незначительным операциям.

– Уверен, вы им ответили взаимностью, – проронил Джейсон, нетерпеливо поглядывая на телефон.

– Знание этого поддерживает меня на пути.

– Спасибо, Круппи, – сказал Алекс. – Твоими словами, ты отличный старый враг.

– И снова, позор твоим родителям! Подумать только, если бы они остались в матушке-России! К этому времени мы с тобой уже руководили бы Комитетом.

– И имели бы два дома у озера?

– Ты с ума сошел, Алексей? Мы бы владели всем Женевским озером! – Крупкин повернулся и вышел, тихо посмеиваясь.

– Это все ваша дурацкая игра, да? – сказал Борн.

– Точно, – согласился Алекс, – но как только украденная информация может привести к потерям – с обеих сторон, между прочим, – в ход идет оружие, и игры кончаются.

– Звони в Лэнгли, – резко произнес Джейсон, кивая на телефон. – Холланд должен объясниться.

– Лэнгли сейчас не поможет...

– Что?

– Еще слишком рано; в Штатах сейчас меньше семи утра, но не беспокойся, я пролезу. – Конклин достал из кармана маленькую записную книжку.

– Пролезешь? – воскликнул Борн. – Как это прикажешь понимать? Я вот-вот сорвусь, Алекс, речь идет о моих детях!

– Расслабься, это означает всего лишь, что у меня есть его неофициальный домашний телефон. – Конклин сел, поднял трубку и набрал номер.

– «Пролезу», о боже! Вы, реликты устаревших шифров, не можете говорить на нормальном английском. Пролезу!

– Простите, профессор: привычка... Питер? Это Алекс. Открой глаза и проснись, моряк. У нас проблемы.

– Я давно не сплю, – ответил голос из Фэйрфакса в Виргинии. – Только что вернулся с пятимильной пробежки.

– О, вы, люди с ногами, считаете себя умнее других.

– Боже, прости, Алекс... Я не хотел...

– Конечно, нет, офицер Холланд, но у нас действительно проблемы.

– Это означает, что ты по крайней мере встретился с Борном.

– Он стоит сейчас рядом со мной, и мы звоним из советского посольства в Париже.

– Что? Вот дьявол!

– Нет, не дьявол, всего лишь Кассет, если помнишь.

– Ах да, я и забыл... Как его жена?

– С ней Мо Панов. Добрый доктор обеспечивает медицинскую поддержку, за что я ему благодарен.

– Я тоже. Какие еще успехи?

– Ничего, что тебе хотелось бы услышать, но придется.

– О чем это ты?

– Шакал знает об имении Танненбаум.

– Ты спятил! – вскричал директор Центрального разведывательного управления так громко, что в трансокеанской линии появился металлический отзвук. – Никто о нем не знает! Только Чарли Кассет и я. Мы создали легенду с ложными именами, ведущую в Центральную Америку, которая слишком далека от Парижа, чтобы кто-либо мог найти какие-то неувязки. К тому же не было ни одного упоминания о Танненбауме ни в одном приказе! Алекс, это герметично закрытое место, мы никому не позволяли работать с ним!

– Но факты остаются фактами, Питер. Мой друг получил записку, в которой сказано, что деревья Танненбаума сгорят вместе с его детьми.

– Сукин сын! – бесился Холланд. – Оставайся на линии, – велел он. – Я позвоню Сен-Жаку туда, усилю охрану и перевезу их оттуда сегодня утром. Оставайся на линии!

Конклин поднял глаза на Борна. Он тоже все слышал: телефон стоял между ними.

– Если есть утечка – а она есть, – это не может быть Лэнгли, – сказал Алекс.

– Должна быть! Он искал недостаточно глубоко.

– Куда же он смотрит?

– О, небо, ты же у нас эксперт. Вертолет, который их вывез; экипаж, люди, которые обеспечили американскому воздушному судну коридор на великобританскую территорию. Боже! Карлос купил даже королевского губернатора Монтсеррата вместе с их руководителем отдела по борьбе с наркотиками. Что может ему помешать контролировать коммуникации между нашими военными и Плимутом?

– Но ты же слышал, что он сказал, – настаивал Конклин. – Имена были вымышленными, легенда ориентирована на Центральную Америку, и, более

того, никто на промежуточных участках маршрута не знал о Танненбаумском имении. Никто... У нас провал.

– Прошу тебя, избавь меня от этого шифро-жаргона.

– Это вовсе не шифр. Провал – он и есть провал...

– Алекс? – на линии снова раздался сердитый голос Питера Холланда.

– Да, Питер?

– Мы перевозим их, и я не скажу даже тебе куда. Сен-Жак взбешен, потому что миссис Купер с детьми только обустроились, но я пообещал, что у него есть час времени.

– Я хочу поговорить с Джонни, – сказал Борн, наклоняясь и говоря громко, чтобы его было слышно.

– Рад с вами познакомиться. Жаль, что только по телефону, – вставил Холланд.

– Спасибо за все, что вы для нас делаете, – проговорил Джейсон тихо и искренно. – Я серьезно.

– Услуга за услугу, Борн. Охотясь за Шакалом, ты вытащил большого гадкого кролика из грязной шляпы, которого никто не ожидал там найти.

– Что?

– «Медуза», новая.

– Что насчет нее, кстати? – встрял Конклин.

– Мы проводим наше собственное перекрестное опыление между сицилийцами и кое-какими европейскими банками. Они пачкают все, к чему прикасаются, но у нас теперь больше проводов к этой крутой юридической фирме в Нью-Йорке, чем у НАСА в космическом шаттле. Мы подбираемся все ближе.

– Удачной охоты, – сказал Джейсон. – Могу я узнать номер в Танненбауме, чтобы связаться с Джоном Сен-Жаком?

Холланд продиктовал номер; Алекс записал его и повесил трубку.

– Передаю штурвал в твои руки, – сказал он, освободив место у телефона и заняв стул у правого угла стола.

Борн сел и сосредоточил внимание на множестве кнопок перед ним. Он поднял трубку и, сверяясь с цифрами, записанными Алексом, набрал номер.

Приветствия были краткими, вопросы Джейсона резкими, а голос требовательным:

– С кем ты говорил о Танненбаумском доме?

– Спокойно, Дэвид, – инстинктивно защищаясь, сказал Сен-Жак. – Что ты хочешь этим сказать?

– Что слышал. С кем ты говорил о Танненбауме между Транквилити и Вашингтоном?

– Ты имеешь в виду, после того, как Холланд мне о нем рассказал?

– Боже, Джонни, это ведь не могло быть до того, верно?

– Нет, не могло, Шерлок Холмс.

– Так с кем же?

– С тобой. Только с тобой, уважаемый зять.

– Что?

– Ты слышал. Все произошло так быстро, что я чуть не забыл само это название. В любом случае я точно не собирался кричать о нем во всеуслышание.

– Не может быть. Была утечка информации, и она исходила не от Лэнгли.

– И не от меня. Слушай, доктор Академик, моим именем, может, ничего и не названо, но я все же не полный идиот. В соседней комнате сидят мои племянники, и я намерен увидеть их взрослыми... Это из-за утечки информации нас перевозят, да?

– Да.

– Насколько серьезно?

– Максимально. Шакал.

– Боже! – воскликнул Сен-Жак. – Окажись этот ублюдок поблизости, и он мой!

– Спокойно, Канада, – произнес Джейсон уже более мягким тоном, передающим мысль, а не злость. – По твоим словам – а я верю тебе, – ты называл Танненбаум только мне, и, если я не ошибаюсь, именно я опознал его, понял, про что ты говоришь.

– Верно. Я запомнил, потому что Причард сказал мне, что ты на проводе, когда я по другой линии говорил с Генри Сайксом в Серрате. Помнишь Генри, помощника К.Г.?

– Конечно.

– Я как раз просил его присмотреть за «Транквилити», поскольку был вынужден уехать на несколько дней. Вообще-то он уже знал об этом, потому что должен был обеспечить доступ туда американскому вертолету, и он спросил, куда я еду. Но я сказал, что в Вашингтон, – мне и в голову не пришло назвать Танненбаум, и Сайкс не стал спрашивать дальше, очевидно, потому, что решил, что это связано со всеми недавними неприятностями. Думаю, ты мог бы сказать, что он профессионал в подобных делах. – Сен-Жак сделал паузу, но до того, как Борн успел что-либо сказать, промолвил в ужасе: – О боже!

– Причард, – догадался Джейсон. – Он подслушивал.

– Зачем? Зачем это ему?

– Ты забыл, – объяснил Борн. – Карлос купил вашего правителя и его савонарольского борца с наркотиками. Это было недешево, я думаю. Причард мог стоять гораздо меньше.

– Нет, ты не прав, Дэвид. Причард, может, и тупой надменный болван, но он не пошел бы против меня за деньги. На островах деньги не так важны, как престиж.

– Но больше некому.

– Есть один способ выяснить. Я здесь, а не там, и не собираюсь уезжать.

– Что ты задумал?

– Я хочу попросить о помощи Генри Сайка. Что скажешь?

– Хорошо.

– Как Мари?

– Хорошо, насколько это возможно при данных обстоятельствах... И, Джонни, я бы не хотел, чтобы она что-нибудь об этом знала, понимаешь? Когда она позвонит тебе – а она позвонит, – просто скажи ей, что вы устроились и у вас все в порядке, ни слова о переезде или о Карлосе.

– Понял.

– Все действительно в порядке? Как дети? Как Джеми все воспринимает?

– Тебе это может не понравиться, но он в полном восторге от происходящего, а миссис Купер и близко не подпускает меня к Элисон.

– Оба эти обстоятельства меня вполне устраивают.

– Спасибо. А как ты? Какие новости?

– Я еще свяжусь с тобой, – сказал Борн, вешая трубку и поворачиваясь к Алексу. – Чувствуй какая-то, что не похоже на Карлоса, если приглядеться. Он оставляет мне предупреждение, после которого я чуть не схожу с ума от страха, но у него нет средств к осуществлению угрозы. Как это понимать?

– Смысл как раз в том, чтобы свести тебя с ума, – ответил Конклин. – Шакал не собирается нападать на что-либо, расположенное так далеко, как Танненбаум. Это послание было призвано вызвать у тебя панику, и оно выполнило эту задачу. Он хочет сбить тебя с толку, чтобы ты начал делать ошибки. Он хочет получить контроль в свои руки.

– Еще одна причина, чтобы Мари улетела в Штаты как можно скорее. Она должна это сделать. Я хочу, чтобы она сидела в крепости, а не обедала в открытую в Барбизоне.

– Сейчас мне эта идея нравится больше, чем прошлым вечером.

Алекса прервал звук открывающейся двери. В комнату вошел Крупкин, неся несколько компьютерных распечаток.

– Номер, который ты мне дал, отключен, – сообщил он с некоторой неуверенностью в голосе.

– А чей он был? – спросил Джейсон.

– Думаю, ответ вам понравится не больше, чем мне, и я солгал бы вам, если бы мог придумать правдоподобную альтернативу, но не могу и не должен... Потому что пять дней назад он был переведен с очевидно подложной организации на имя Вебба. Дэвида Вебба.

Конклин с Борном молча уставились на русского офицера разведки, но в этой тишине можно было почти слышать разряды высокого напряжения.

– Почему ты думаешь, нам не понравится эта информация? – тихо спросил Алекс.

– Мой дорогой старый враг, – начал Крупкин таким же тихим голосом. – Когда мистер Борн вышел из того адского кафе с зажатым в руке клочком коричневой бумаги, он был в истерике. Пытаясь успокоить его, ты назвал его Дэвидом... Теперь я знаю имя, которое очень хотел бы не знать.

– Забудьте, – сказал Борн.

– Я приложу все усилия, но...

– Я не это имел в виду, – перебил Джейсон. – Мне придется смириться с фактом, что вы его знаете, и я справлюсь. Где был установлен этот телефон, адрес?

– Согласно компьютерным данным, это миссия организации, называемой магдаленские сестры милосердия. Опять, очевидно, подложной.

– Вообще-то нет, – поправил его Борн. – Она существует. Они существуют. Она легитимна до мозга костей, и это может оказаться полезной каплей. Или могло.

– Очень интересно, – пробормотал Крупкин. – Столько проявлений Шакала связано с церковью. Блестящий, если не гениальный, образ действий. Я слышал, он когда-то учился на священника.

– Что ж, один-ноль в пользу церкви, – сказал Алекс, наклонив голову в шутовском упреке. – Они выгнали его раньше, чем вы.

– Я всегда был высокого мнения о Ватикане, – засмеялся Дмитрий. – Он ясно показал, что наш сумасшедший Иосиф Сталин неправильно расставил приоритеты, когда спросил, сколько батальонов было в распоряжении папы. Его Святейшеству они не нужны; он добивается больше, чем Сталин мог когда-либо достичь со всеми его чистками. Власть идет в руки того, кто внушает больший ужас, не так ли, Алексей? Все властители этого мира используют ее с удивительной эффективностью. И вся она вращается вокруг смерти – страха смерти, до и после. Когда же мы вырастем и пошлем их ко всем чертям?

– Смерть, – прошептал Джейсон, хмурясь. – Смерть на Риволи, в «Морисе», магдаленские сестры... Боже, я совсем забыл! Доминик Лавьер! Она была в «Морисе» – может даже, она все еще там. Она говорила, что могла бы сотрудничать со мной!

– Зачем? – резко спросил Крупкин.

– Потому что Карлос убил ее сестру, и у нее не оставалось выбора, кроме как присоединиться к нему – или погибнуть самой. – Борн повернулся к телефону. – Мне нужен номер «Мориса»...

– Четыре, два, шесть, ноль, три, восемь, шесть, ноль, – продиктовал Крупкин, а Джейсон схватил карандаш и записал цифры в книжке Алекса. – Чудное место, некогда известное как отель королей. Мне больше всего нравится тамошний гриль.

Борн набрал номер и поднял руку, требуя тишины. Вовремя припомнив, он попросил комнату мадам Бриэль – кодовое имя, о котором они договорились, и, когда оператор отеля сказал: «Минутку», облегченно кивнул Алексу и Дмитрию. Лавьер взяла трубку.

– Да?

– Это я, мадам, – произнес Джейсон на несколько грубоватом французском, старательно убирая английский акцент; Хамелеон снова был у руля. – Ваша экономка сказала, что мы можем связаться с вами здесь. Ваше платье готово. Приносим свои извинения за задержку.

– Его должны были доставить мне вчера к полудню, осел! Я хотела пойти в нем вечером в Le Grand Vafour. Это возмутительно!

– Тысяча извинений. Мы можем доставить его в отель немедленно.

– И снова вы осел! Разве моя экономка не сказала вам, что я остановилась здесь всего на два дня? Отвезите его в мою квартиру на Монтейне к четырем часам – не то я оплачу ваш счет только через шесть месяцев!

Беседа была весьма правдоподобно завершена громким щелчком на том конце провода.

Борн положил трубку; у кромки его слегка седеющих волос выступили капельки пота.

– Я потерял форму, – сказал он, тяжело дыша. – У нее квартира на Монтейне, и она будет там после четырех часов.

– Кто, черт возьми, такая эта Доминик как-там-ее?! – откровенно вскричал Конклин.

– Лавьер, – ответил Крупкин, – только она использует имя своей мертвой сестры, Жаклин. Уже многие годы выдает себя за нее.

– Так вы знаете об этом? – удивленно спросил Джейсон.

– Да, но что толку? Вполне понятная уловка: близняшки, несколько месяцев отсутствия, легкая операция и обучение – все в порядке вещей в сумасшедшем мире высокой моды. В этих кругах никто никого не слушает. Мы наблюдаем за ней, но она никогда не приводила нас к Шакалу: она просто не знает как. У нее нет прямого доступа; все, что она докладывает Шакалу, фильтруется, каменные стены на каждом этапе. Так работает Шакал.

– Не всегда, – возразил Борн. – Был один человек по имени Санчес, владевший мелкой забегаловкой в Аржентоле под названием «Сердце солдата». У него имелся доступ. Он дал его мне, и этот доступ оказался весьма специфичным.

– Имелся? – Крупкин поднял брови. – Почему в прошедшем времени?

– Этот человек мертв.

– А эта забегаловка в Аржентоле, она по-прежнему процветает?

– Она вычищена и закрыта, – признал Джейсон без тени смятения в голосе.

– Значит, доступ уничтожен?

– Конечно, но я верю тому, что он мне сообщил, потому что за это он и был убит. Видишь ли, он пытался выйти из игры так же, как Лавьер хочет выйти сейчас, – только его привязка восходила к самому началу – к Кубе, где Карлос спас такого же негодяя, как и он сам, от казни. Он знал, что сможет воспользоваться этим человеком, этим внушительным здоровяком, который мог действовать среди отбросов человечества и быть его главным заместителем. У Санчеса имелся прямой доступ. Он доказал это, дав мне запасной номер телефона, который привел к Шакалу. Этот номер знали очень немногие.

– Весьма интересно, – сказал Крупкин, прямо глядя на Борна. – Но мой добрый старый враг, Алексей, который смотрит на вас сейчас, а также и я, спрашиваем, к чему вы клоните, мистер Борн? Ваши слова звучат двусмысленно, а подразумеваемые обвинения кажутся опасными.

– Для вас. Не для нас.

– Пардон?

– Санчес сказал мне, что только четыре человека на свете имеют прямой доступ к Шакалу. Один из них – на площади Дзержинского. «Очень большой человек в Комитете», как сказал Санчес, и, поверьте, он вовсе не имел в виду вашего начальника.

Это произвело такой же эффект, как если бы Дмитрия Крупкина ударил в лицо председатель Политбюро посреди Красной площади во время Первомайского парада. Кровь отхлынула от его лица, кожа приобрела пепельный оттенок, глаза прямо, не моргая, уставились на Борна.

– Что еще этот Санчес вам сообщил? Я должен знать!

– Только то, что у Карлоса были дела с Москвой, что он контактировал с высокопоставленными людьми. Это была его прямо-таки навязчивая идея... Если вам удастся найти этого человека на площади Дзержинского, это станет большим скачком вперед. А пока все, что у нас есть, – это Доминик Лавьер...

– Черт, черт! – взбесился Крупкин, оборвав Джейсона. – Как это все абсурдно и при этом как совершенно логично! Вы ответили сразу на несколько вопросов, мистер Борн, а они давно жгли мой разум! Столько раз я подбирался так близко – так много раз, так близко, – и каждый раз ничего. Что ж, позвольте вам сообщить, джентльмены, дьявольские игры не запрещены для заключенных в аду. Играть в них могут и другие. Боже, я был жемчужиной, которую переложили из одной устрицы в другую, и при этом всегда оставался идиотом!.. Не звоните больше с этого телефона!

Было 3.30 пополудни по московскому времени; пожилой мужчина в форме офицера Советской армии быстро, насколько позволял его возраст, шел по коридору на пятом этаже штаб-квартиры КГБ на площади Дзержинского. День был жаркий, а кондиционирование, как обычно, совершенно не справлялось со своей задачей, и генерал Григорий Родченко позволил себе воспользоваться привилегией звания: его воротник был расстегнут. Впрочем, все равно капли пота стекали от виска по изрезанному морщинами лицу к шее, хотя отсутствие тесной полоски ткани с красной каймой вокруг его горла было хоть небольшим облегчением.

Он прошел к лифтам, нажал кнопку вызова и подождал, теребя в руке ключ. Двери справа от него открылись, и, к его радости, внутри никого не оказалось: не придется просить всех выйти. Он вошел, вставил ключ в самую верхнюю скважину над панелью, и опять подождал, пока механизм выполнит свою задачу. Тот достаточно быстро с ней справился, и лифт ринулся вниз, к подземным уровням здания.

Двери разъехались, и генерал вышел, сразу обратив внимание на тишину, царившую в коридорах слева и справа. «Через несколько мгновений это может измениться», – подумал он. Родченко прошел по левому коридору к большой стальной двери с металлической табличкой на заклепках с объявлением:

ВХОД ВОСПРЕЩЕН

ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА, ИМЕЮЩЕГО ДОСТУП

«Глупая табличка», – подумал генерал, доставая из кармана тонкую пластиковую карточку и медленно, осторожно проводя ею через слот справа. Без такой карточки – а иногда и с ней, если провести слишком быстро, – дверь не откроется. Прозвучали два щелчка, Родченко вынул карточку, и тяжелая дверь без ручек открылась внутрь, в то время как телемонитор фиксировал его вход.

От десятков освещенных кабинок в огромном, с низкими потолками, комплексе размером с царский бальный зал, но без малейших украшений, исходил гул активной деятельности. Тысяча приборов черного и серого цветов, несколько сотен человек персонала в девственно чистых комбинезонах внутри кабинок. И, к его облегчению, воздух прохладный, почти холодный. Этого требовало оборудование, потому что здесь был коммуникационный центр КГБ. Сюда двадцать четыре часа в сутки стекалась информация со всего мира.

Старый солдат привычно прошагал к дальнему проходу направо, потом налево к последней кабинке в самом конце огромного помещения. Путь был неблизок, и генерал запыхался, его ноги устали. Он вошел в маленькое ограниченное пространство кабинки, кивнув оператору средних лет, который поднял глаза на посетителя и снял наушники. На белом столе перед ним была большая панель с множеством переключателей, наборных дисков и клавиатурой. Родченко сел на стальной стул рядом с ним. Успокоив дыхание, он заговорил:

– Есть данные от полковника Крупкина из Парижа?

– У меня есть данные, касающиеся полковника Крупкина, генерал. Согласно вашему распоряжению следить за его телефонными разговорами, включая международные линии, авторизованные им, несколько минут назад я получил из Парижа запись, которую вам, думаю, было бы интересно послушать.

– Как всегда, вы хорошо работаете, я очень признателен; и, как всегда, уверен, полковник Крупкин обо всем будет нам сообщать, но ведь вы знаете, он бывает так занят...

– Не нужно ничего объяснять. Разговоры были записаны в течение последнего получаса. Наушники?

Родченко надел наушники и кивнул. Оператор положил перед генералом блокнот и несколько заточенных карандашей, нажал цифру на клавиатуре и откинулся на спинку, а влиятельный третий директор Комитета наклонился вперед, внимательно слушая. Вскоре генерал стал делать пометки; через несколько минут он яростно все записывал. Запись закончилась, и Родченко снял наушники. Он строго посмотрел на оператора узкими глазами, прячущимися между складками морщинистой кожи, его лицо теперь казалось еще более старым.

– Сотрите все, потом уничтожьте катушку, – приказал он, поднимаясь со стула. – Как обычно, вы ничего не слышали.

– Как обычно, генерал.

– И, как обычно, вы получите премиальные.

Было 4.17, когда Родченко вернулся в свой офис и сел за стол, изучая записи. Это было невероятно! В это было трудно поверить, но факты есть факты: он сам слышал слова и голоса, их произносившие!.. Не те, что касались парижского монсеньора; он теперь был второстепенен, с ним можно связаться в любую минуту при необходимости. Это подождет, но другой – нет, ни минуты промедления! Генерал поднял трубку и позвонил секретарю.

– Мне сейчас же нужен спутниковый канал к нашему консулу в Нью-Йорке. Все возможные шифраторы должны работать.

Как это могло случиться?

«Медуза»!

Глава 32

Мари хмуро кивнула Мо Панову через комнату отеля, слушая голос мужа в трубке телефона.

– Откуда ты звонишь? – спросила она.

– С автомата в Plaza-Athene, – ответил Борн. – Вернусь через пару часов.

– Что происходит?

– Кое-какие осложнения, но есть и прогресс.

– Это мне ни о чем не говорит.

– Да и нечего особо рассказывать.

– Что это за Крупкин?

– Оригинал. Он привез нас в советское посольство, и я говорил с твоим братом по одному из их каналов.

– Что?.. Как дети?

– В порядке. Все в порядке. Джеми там нравится, а миссис Купер не подпускает Джонни к Элисон.

– Значит, Бро не очень-то и хочет к ней подходить.

– Возможно.

– Какой там номер? Я хочу позвонить.

– Холланд налаживает безопасную линию. Через час-другой мы узнаем.

– Это означает, что ты говоришь неправду.

– Возможно. Ты должна быть с ними. Если я задержусь, то позвоню тебе.

– погоди минутку, Мо хочет поговорить с тобой...

Короткие гудки. Панов медленно покачал головой, видя реакцию Мари на резко прерванный разговор.

– Забудь, – сказал он, – меньше всего он сейчас хочет говорить со мной.

– Он снова взялся за свое, Мо. Это больше не Дэвид.

– У него сейчас другая цель, – сказал Мо тихо. – Дэвид с этим не справился бы.

– Кажется, это самое ужасное, что я когда-либо от тебя слышала.

Психиатр кивнул.

– Очень может быть.

Серый «Ситроен» припарковался в нескольких сотнях футов по диагонали от крытого входа в здание, где была квартира Доминик Лавьер, на фешенебельной авеню Монтейн. Крупкин, Алекс и Борн сидели сзади, Конклин снова на откидном сиденье. Они разговаривали очень тихо, поглядывая на стеклянные двери здания.

– Ты уверен, что это сработает? – спросил Джейсон.

– Я уверен только в том, что Сергей – чрезвычайно талантливый профессионал, – ответил Крупкин. – Его тренировали в Новгороде, знаете ли, и его французский безупречен. К тому же у него при себе столько удостоверений, что их хватило бы, чтобы заморочить голову даже Службе документации Второго бюро.

– А другие двое?

– Тихие подчиненные, верные своему начальнику. Тоже профессионалы в своем деле... Вот он идет!

Они видели, как Сергей вышел из стеклянных дверей; он повернул налево, пересек широкую улицу и подошел к «Ситроену», обогнул капот и сел за руль.

– Все в порядке, – сказал он, повернув голову к сидевшим в машине. – Мадам еще не вернулась, ее квартира – номер двадцать один, на втором этаже справа. Ее тщательно проверили, помех не обнаружено.

– Вы уверены? – спросил Конклин. – Здесь нельзя ошибаться, Сергей.

– У нас лучшее оборудование, сэр, – ответил кагэбэшник, улыбаясь. – Мне больно об этом говорить, но разработано корпорацией «Джэнерал Электроникс» по заказу Лэнгли.

– Два очка в нашу пользу, – сказал Алекс.

– И минус двенадцать за то, что позволили украсть технологию, – заключил Крупкин. – Кстати, кажется, несколько лет назад в матрац мадам Лавьер могли вшить жучок...

– Проверили, – перебил Сергей.

– Спасибо, но, по-моему, Шакал вряд ли сможет следить за всем своим персоналом по всему Парижу. Это слишком сложно.

– А где другие двое? – спросил Борн.

– В коридорах на первом этаже, сэр. Скоро я к ним присоединюсь. У нас есть машина поддержки дальше по улице, радиосвязь и все такое, конечно... Сейчас я вас подвезу.

– Минутку, – прервал Конклин. – Как мы войдем? Что нам сказать?

– Все уже сказано, сэр. Вам не придется ничего говорить. Вы – секретные агенты французской эс-вэ-дэ-ка...

– Чего? – перебил Джейсон.

– Службы внешней документации и контрразведки, – ответил Алекс. – Это ближайшее местное подобие Лэнгли.

– А Второе бюро?

– Специальное подразделение, – небрежно бросил Конклин, думая о чем-то другом. – Некоторые говорят, что это элитное подразделение, другие – нет... Сергей, а они не будут проверять?

– Уже проверили, сэр. Показав консьержу и его помощнику мое удостоверение, я дал им незарегистрированный телефонный номер, по которому им подтвердили мой статус. После чего описал им вас троих и попросил, чтобы они просто пропустили вас в квартиру мадам Лавьер... Теперь я подъеду к дверям. Это произведет должное впечатление на портье.

– Иногда простота, подкрепленная властью, – лучший способ обмана, – заметил Крупкин, пока «Ситроен» маневрировал среди редкого движения, приближаясь к подъезду белокаменного жилого комплекса. – Поставь затем машину за углом вне видимости, Сергей, – приказал офицер КГБ, берясь за дверную ручку. – Да, и мое радио, пожалуйста.

– Да, сэр, – отозвался помощник, передавая Крупкину миниатюрную рацию.
– Я дам вам знать, когда займу позицию.

– Я со всеми из вас могу связаться?

– Так точно, товарищ.

– Пойдемте, джентльмены.

Войдя в мраморный вестибюль, Крупкин кивнул консьержу в униформе, стоявшему за стойкой. Джейсон и Алекс шли справа от него.

– La porte est ouverte¹⁰⁷, – сказал консьерж, не поднимая на посетителей глаз. – Я куда-нибудь исчезну, когда мадам прибудет, – продолжил он по-французски. – Как вы попали внутрь, я не знаю; хотя сзади здания есть служебный вход.

– Если бы не официальный этикет, мы бы им и воспользовались, – сказал Крупкин, глядя прямо перед собой, пока они шли к лифту.

Квартира Лавьер была настоящим музеем мира высокой моды. Стены обклеены фотографиями знаменитых кутюрье и манекенщиц, посещающих важные показы и события, и оригинальными набросками известных дизайнеров. Мебель в стиле Мондриана была совершенна в своей простоте, цвета резкими, с преобладанием красного, черного и темно-зеленого; стулья, диваны и столы лишь отдаленно напоминали стулья, диваны и столы – они казались более пригодными для использования в космических кораблях.

Конклин с русским сразу принялись исследовать столы, рыться в записках, лежавших у перламутрового телефона на стильном изогнутом темно-зеленом столике.

– Если это письменный стол, – недоумевал Алекс, – то где, черт возьми, ручки у ящиков?

– Это последний шедевр от Леконте, – ответил Крупкин.

– От теннисиста? – спросил Конклин.

– Нет, Алексей, от дизайнера мебели. Надави, и они выдвинутся сами.

– Шутишь.

– Попробуй.

Конклин попробовал, и еле заметный ящичек выдвинулся.

– Будь я проклят...

Неожиданно из нагрудного кармана Крупкина подало сигнал его миниатюрное радио.

– Это, наверное, Сергей рапортует, – сказал Дмитрий, доставая прибор. – Ты на месте, товарищ? – произнес он в рацию.

– Более чем, – пришел тихий голос помощника, слегка искаженный помехами. – Лавьер только что вошла в здание.

– Консьерж?

– Его не видно.

– Хорошо. Конец связи... Алексей, отойди от стола, Лавьер поднимается сюда.

– Мы будем прятаться? – шутливо спросил Конклин, листая телефонную книжку.

– Я бы не хотел портить с ней отношения, а так вполне может получиться, если она, войдя, увидит, как ты копаешься в ее личных вещах.

– Ну, хорошо, хорошо. – Алекс вернул книжку в ящичек и задвинул его. – Но если она не будет с нами сотрудничать, я возьму эту маленькую черную книжицу себе.

– Будет, – сказал Борн. – Я же говорил вам, она хочет выйти из игры, а это возможно только со смертью Шакала. Деньги играют второстепенную роль – они не помешают, но главное – выйти.

– Деньги? – переспросил Крупкин. – Какие деньги?

– Я обещал ей заплатить, и я заплачу.

– Могу вас заверить, деньги для мадам Лавьер далеко не второстепенны, – добавил русский.

Послышался звук ключа, вставляемого в скважину. Все трое повернулись к двери, в которую вошла испуганная Доминик Лавьер. Однако ее удивление быстро, почти незаметно, прошло; ее самообладание не дало трещин. Брови ее выгнулись на манер королевской манекенщицы, она спокойно убрала ключ в изящную сумочку, посмотрела на незваных гостей и заговорила по-английски:

– Что ж, Круппи, мне следовало ожидать, что без тебя дело не обойдется.

– Ах, очаровательная Жаклин... Или мы можем опустить эту выдумку, Доми?

– Круппи? – вскричал Алекс. – Доми?... Это что, встреча старых друзей?

– Товарищ Крупкин – один из самых популярных офицеров КГБ в Париже, – пояснила Лавьер, проходя к длинному кубическому красному столу возле белого шелкового дивана и кладя на него сумочку. – Быть с ним знакомым модно в определенных кругах.

– В этом есть свои плюсы, дорогая Доми. Если бы ты знала, какой дезинформацией меня пичкают на набережной д'Орсе и каково знать ее ложность, испробовав однажды правду... Кстати, я так понимаю, ты уже знакома с нашим высоким американским другом и даже имела с ним некие

переговоры, потому, я думаю, тебе надо представить только его коллегу...
Мадам, мосье Алексей Консоликов.

– Я не верю тебе. Он не русский. Я бы учуяла запах немытого медведя.

– Ах, ты меня убиваешь, Доми! Но ты права, это из-за ошибки его родителей. Так что он может представиться сам, если хочет.

– Меня зовут Конклин, Алекс Конклин, мисс Лавьер, и я американец. Однако наш общий знакомый Круппи прав в одном: мои родители были русскими, и я свободно говорю по-русски, так что он не сможет сбить меня с толку, когда мы в советской компании.

– По-моему, это прелестно.

– По меньшей мере добавляет остроты ощущений, если знать Круппи.

– Я ранен, смертельно ранен! – воскликнул Крупкин. – Но мои раны не имеют значения для нашей беседы. Доми, будешь ли ты работать с нами?

– Буду, Круппи. Боже, как я буду работать с вами! Я бы хотела только прояснить предложение Джейсона Борна. С Карлосом я зверь в клетке, а без него – нищая стареющая куртизанка. Я хочу, чтобы он заплатил за смерть моей сестры и за все, что причинил мне, но не хотела бы спать потом в канаве.

– Назови цену, – сказал Джейсон.

– Напиши ее, – уточнил Конклин, бросив взгляд на Крупкина.

– Дайте-ка подумать, – сказала Лавьер, обходя диван и приближаясь к столу Леконте. – Мне уже около шестидесяти – больше или меньше, не имеет значения. И если исключить Шакала или какую-нибудь другую смертельную болезнь, мне осталось, пожалуй, лет пятнадцать-двадцать, – она склонилась над столом и написала цифру в блокноте, оторвала листок, выпрямилась, посмотрела на высокого американца. – На вашем месте, мистер Борн, я бы не стала торговаться: думаю, это справедливо.

Джейсон взял листок и прочитал сумму: 1 000 000 американских долларов.

– Справедливо, – сказал Борн, передавая листок обратно Лавьер. – Допишите, каким способом вы хотели бы получить деньги, и я все организую, когда мы уйдем отсюда. Деньги будут на счету к утру.

Стареющая куртизанка взглядела в глаза Борна.

– Я верю вам, – сказала она, снова наклонилась над столом и записала инструкции. Затем выпрямилась и передала листок Джейсону. – Сделка

заклучена, мосье, и да поможет нам бог его убить. Если нет, то мы все мертвы.

– Вы говорите как магдаленская сестра?

– Я говорю как напуганная сестра. Не больше и уж точно не меньше.

Борн кивнул.

– У меня есть к вам несколько вопросов, – сказал он. – Присядем?

– Oui. И закурим. – Лавьер подошла к дивану, опустилась на подушки и потянулась за сумочкой на красном столике. Она достала пачку сигарет, вытащила одну и взяла с кофейного столика золотую зажигалку. – Такая скверная привычка, но временами это просто чертовски необходимо, – сказала она, щелкнув зажигалкой и глубоко затянувшись. – Ваши вопросы, мсье?

– Что случилось в «Морисе»? Как это случилось?

– Случилась женщина – я так полагаю, это была ваша женщина, – по крайней мере я так подумала. Как мы и договаривались, вы с вашим другом из Второго бюро расположились так, чтобы, когда Карлос придет, намереваясь поймать вас, убить его. По никому не известным причинам ваша женщина закричала, увидев, как вы пересекаете Риволи, – остальное вы видели сами... Как вы могли велеть мне взять комнату в «Морисе», зная, что она была там?

– Это легкий вопрос. Я не знал, что она была там. Что мы имеем сейчас?

– Карлос все еще доверяет мне. Он винит во всем женщину, вашу жену, как мне сказали, и у него нет причин валить вину на меня. В конце концов, вы действительно были там, что доказывает мою верность. Если бы не офицер Второго бюро, вы бы уже были мертвы.

Борн снова кивнул.

– Как вы можете с ним связаться?

– Сама не могу. И никогда не могла и не пыталась. Ему так больше нравится, и, как я уже говорила, чеки приходят вовремя, так что мне незачем было это делать.

– Но вы же отправляете ему послания, – давил Джейсон. – Я слышал.

– Да, но никогда непосредственно. Я звоню нескольким старцам в дешевые кафе – имена и номера меняются еженедельно, и очень немногие имеют представление о том, о чем я говорю, а те, кто имеет, сразу звонят другим, те

в свою очередь звонят третьим. Так или иначе, сообщения проходят. И очень быстро, должна заметить.

– Что я вам говорил? – выразительно произнес Крупкин. – Все этапы эстафеты ведут к ложным именам и дешевым кафе. Каменные стены!

– Однако сообщения проходят, – повторил Алекс Конклин слова Лавьер.

– Но Круппи прав, – стареющая, но все еще впечатляющая женщина глубоко и нервно затянулась сигаретой. – Все пути настолько запутаны, что проследить их невозможно.

– Мне нет до этого дела, – сказал Алекс, щурясь на что-то, видимое только ему. – И они попадают к Карлосу быстро, как вы сказали.

– Это правда.

Конклин расширил глаза и уставился на Лавьер.

– Я хочу, чтобы вы послали ему самое срочное сообщение, которое вы когда-либо посылали. Вы должны поговорить с ним лично, это настолько важно, что вы не можете доверить никому, кроме самого Карлоса.

– О чем?! – взорвался Крупкин. – Что может быть таким срочным, чтобы Шакал согласился? Как и наш мистер Борн, он одержим ловушками, а при данных обстоятельствах любой прямой контакт сильно пахнет таковой!

Алекс покачал головой и проковылял к окну, снова прищурился, глубоко задумавшись, его взгляд был сама концентрация. Потом медленно его глаза открылись. Он посмотрел вниз на улицу.

– Мой бог, это может сработать, – прошептал он сам себе.

– Что может сработать? – недоумевал Борн.

– Дмитрий, быстро! Позвони в посольство, пусть они пришлют сюда самый большой, самый навороченный дипломатический лимузин, какой у вас, пролетариев, есть.

– Что?

– Просто делай, как я говорю! Быстро!

– Алексей?..

– Сейчас же!

Сила и настоятельность команды возымели действие. Русский быстро подошел к перламутровому телефону и набрал номер, не спуская вопросительных глаз с Алекса, который продолжал смотреть на улицу.

Лавьер взглянула на Джейсона; тот покачал головой в недоумении. Крупкин бросил в трубку несколько коротких фраз на русском.

– Готово, – сказал офицер КГБ, вешая трубку. – А теперь, я надеюсь, ты назовешь мне очень убедительную причину для этого.

– Москва, – ответил Конклин, все еще глядя в окно.

– Алекс, ради бога...

– Что ты несешь? – взревел Крупкин.

– Мы должны заставить Карлоса убраться из Парижа, – сказал Конклин, оборачиваясь. – Что может быть лучше Москвы? – И прежде чем они могли что-либо ответить, Алекс обратился к Лавьер: – Вы говорите, он все еще доверяет вам?

– У него нет повода сомневаться во мне.

– Тогда двух слов будет достаточно. «Москва, критическая ситуация» – это главное сообщение, которое вы ему пошлете. Подайте это как угодно, но добавьте, что кризис требует вашей личной беседы.

– Но я никогда не говорила с ним. Я знаю людей, говоривших с ним, которые пытались по пьяному делу описать мне его, но мне он совершенно не знаком.

– Тем более, – сказал Конклин, поворачиваясь к Борну и Крупкину. – В этом городе у него все карты, все. У него огневая мощь, непрослеживаемая сеть информаторов и курьеров, на каждую щель, в которую он может спрятаться – или выскочить из которой, – у него есть еще дюжина запасных. Париж – его территория, его крепость; мы можем гоняться за ним вслепую по всему городу целыми днями, неделями, даже месяцами, пока вы с Мари не окажетесь у него на мушке... можно добавить также и нас с Мо в этот сценарий. Лондон, Амстердам, Брюссель, Рим – все они более благоприятны для нас, чем Париж, но Москва – лучше всего. Как ни странно, это единственное место в мире, гипнотически притягивающее его, – и при этом наименее гостеприимное для него.

– Алексей, Алексей! – вскричал Дмитрий Крупкин. – По-моему, тебе надо передумать насчет алкоголя, потому что ты, очевидно, потерял рассудок! Допустим, Доми встретится с Карлосом и скажет ему все, что ты говоришь. Неужели ты действительно думаешь, что он, в связи с «критической ситуацией» в Москве, сорвется с места и сядет на первый же самолет до Москвы? Чуть!

– Можешь поставить свой последний рубль с черного рынка, я так думаю, – ответил Конклин. – Это послание нужно только для того, чтобы убедить его встретиться с ней. А при встрече она взорвет бомбу... Она только что получила информацию, которую может сообщить только ему лично, непосредственно.

– Ради бога, и что же это может быть? – спросила Лавьер, вынимая и тут же зажигая очередную сигарету.

– Московское КГБ подбирается к человеку Шакала на площади Дзержинского. Они сузили поиск до, скажем, десяти или пятнадцати офицеров высших званий. Если они его вычислят, Карлос будет нейтрализован в Комитете, хуже того – лубянские следователи получат его информатора, который слишком много о нем знает.

– Но откуда она может об этом узнать? – спросил Джейсон.

– Кто бы ей сказал? – добавил Крупкин.

– И это действительно правда, не так ли?

– Ваши сверхсекретные базы в Пекине, Кабуле и – простите за наглость – в Канаде на острове Принца Эдуарда, – вы же их не рекламируете, – ответил Крупкин.

– Я не знал о Принце Эдуарде, – признался Алекс. – Впрочем, бывают моменты, когда не нужно никакой рекламы – только средства передачи достоверной информации. Несколько минут назад у меня не было таких средств, только достоверная информация, но этот пробел только что восполнился... Подойди, Круппи, – только ты пока, и не приближайся к окну. Глянь между занавесками.

Русский сделал, как ему сказали: подошел к Конклину и слегка отодвинул складки кружева от стены.

– Что ты видишь? – спросил Алекс, указывая на издававший виды коричневый автомобиль внизу на авеню Монтейн. – Не очень вписывается в этот район, как думаешь?

Крупкин не стал отвечать. Вместо этого он выхватил из кармана миниатюрную рацию и нажал кнопку трансмиттера.

– Сергей, коричневый автомобиль примерно в восьмидесяти метрах вниз по улице от подъезда...

– Мы знаем, сэр, – перебил его помощник. – Мы следим за ним, и, если обратите внимание, наша поддержка припаркована через дорогу. Это

дряхлый старик, который еле движется – способен разве что выглянуть в окно.

– У него есть в машине телефон?

– Нет, товарищ, и за ним пойдут и помешают ему, если он решит выйти из машины, так что внешние звонки исключаются, если только вы не прикажете иначе.

– Я не прикажу иначе. Спасибо, Сергей. Конец связи, – русский посмотрел на Конклина. – Старик, – сказал он. – Ты видел его.

– Лысый и все такое, – кивнул Алекс. – Он не дурак; он уже занимался этим раньше и знает, что за ним следят. Но не может уехать, потому что боится пропустить что-то важное, и если бы у него был телефон, на авеню Монтейн появились бы еще и другие.

– Шакал, – сказал Борн, шагнув вперед, и остановился, вспомнив приказ Конклина держаться подальше от окна.

– Теперь понял? – спросил Алекс, обращаясь к Крупкину.

– Конечно, – улыбнулся кагэбэшник. – Вот почему тебе понадобился лимузин из нашего посольства. После нашего отъезда Карлосу сообщат, что за нами был выслан дипломатический автомобиль, и зачем еще нам здесь быть, кроме как для допроса мадам Лавьер? Мало того, в моей святейшей компании был индивид высокого роста – возможно, Джейсон Борн – и другой, менее высокий и хромой индивид, что подтверждает версию о Джейсоне Борне... Наш нечестивый альянс, таким образом, установлен и обнаружен. И, очевидно, в течение нашего грубого допроса мадам Лавьер кто-то в пылу упомянул информатора Шакала на площади Дзержинского.

– О котором я узнал через Санчеса из «Сердца солдата», – промолвил Джейсон. – Значит, за Доминик есть надежный наблюдатель – один старик из армии стариков Карлоса, – чтобы удостоверять ее информацию... Должен сказать, Святой Алекс, твой змеиный мозг еще не утратил свою проницательность.

– Кажется, я слышу знакомого профессора... Я уж думал, он нас покинул.

– Покинул.

– Ненадолго, надеюсь.

– Отлично, Алексей. Ты еще в форме; можешь по-прежнему воздерживаться, если должен, как это мне ни прискорбно... Всегда нюансы, верно?

– Ну, не всегда, – возразил Конклин, покачав головой. – Как правило, это глупые ошибки. Например, нашей новой коллеге, Доми, как ты ласково ее зовешь, говорили, что ей все еще доверяют – а на самом деле нет, не совсем. И к ней приставили старика, чтобы тот следил за ее квартирой, – ничего особенного, просто маленькая страховка в машине, не вписывающейся в улицу с «Ягуарами» и «Роллс-Ройсами».

– Дай-ка поразмыслить, – сказал Крупкин. – Хотя ты и превосходил всегда меня в этой сфере, Алексей, я предпочитаю лучшее вино самым смелым мыслям, хотя последние – и в моей, и в твоей стране – неизбежно ведут к первому.

– Дьявол! – воскликнула Доминик Лавьер, гася сигарету. – О чем эти два идиота говорят?

– Поверьте, они нам скажут, – ответил Борн.

– Как уже неоднократно сообщалось и повторялось в секретных кругах, – продолжил русский, – много лет назад мы натренировали в Новгороде ненормального, и много лет назад мы бы всадили ему пулю в лоб, если бы он не сбежал. Его методы, если их санкционирует какое-нибудь легитимное правительство, особенно такое, как две наши сверхдержавы, приведут к конфронтациям, которые ни один из нас не может допустить. Однако изначально он был настоящим революционером с большой буквы Р, а мы, держатели наследия революции, лишили его наследства... В его глазах это было большой несправедливостью по отношению к нему, и он никогда этого не забудет. Его всегда будет тянуть к материнской груди, потому что здесь он родился...

– Но вы отвергли его, – проронил Джейсон сухо, – и он хочет восстановить свою репутацию. Он хочет быть признан лучшим киллером, какого вы когда-либо тренировали. Его психопатическое эго стало основой всего, что нам с Алексом удалось достичь... Санчес говорил, что Шакал постоянно хвастался своими кадрами в Москве. «Всегда Москва, это его навязчивая идея» – так он сказал. Единственным конкретным человеком, о котором он знал – и то не по имени, – был крот Карлоса в КГБ, но, по его словам, Карлос уверял, что у него есть и другие на ключевых позициях в разных влиятельных министерствах, которым он, как монсеньор, годами высылал деньги.

– Значит, Шакал думает, что формирует себе группу поддержки внутри нашего правительства, – заметил Крупкин. – Несмотря ни на что, он все еще верит, что сможет вернуться. Он действительно эгоистичный маньяк, но никогда не понимал русскую душу. Он может на какое-то время подкупить несколько циничных случайных людей, но они обеспечат свое будущее, а

затем обернутся против него же. Никто не хочет оказаться на Лубянке или в сибирском ГУЛАГе. Потемкинская деревня Шакала сгорит дотла.

– Тем больше для него причин поспешить в Москву, попробовать убавить дровишек в костре, – сказал Алекс.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Борн.

– С разоблачением человека Карлоса на площади Дзержинского начнется пожар; он поймет это. Единственный способ предотвратить провал – поехать в Москву и сделать выбор: либо его информатор избежит службы расследования внутренней безопасности, либо Шакалу придется его убить.

– Я забыл, – перебил Борн. – Санчес еще кое-что сказал... Большинство русских на содержании Карлоса говорят по-французски. Ищите человека в Комитете, знающего французский.

Снова запищала рация Крупкина. Он достал ее и спросил:

– Да?

– Не знаю, как и почему, товарищ, – прозвучал натянутый голос Сергея, – но только что к подъезду подрулил посольский лимузин. Клянусь, я не понимаю, что происходит!

– Зато я понимаю. Я его вызвал.

– Но ведь все увидят посольские флаги!

– Включая, надеюсь, и бдительного старика в коричневой машине. Мы скоро спустимся. Конец связи. – Крупкин обернулся к остальным: – Машина подана, джентльмены. Где мы встретимся, Доми? И когда?

– Сегодня вечером, – ответила Лавьер. – Будет показ в «Ла Галери д'Ор» на рю де Парадис. Художник – молодое дарование, которое хочет стать рок-звездой или вроде того, но он сейчас в моде, и там будут все.

– Хорошо, вечером... Пойдемте, джентльмены. Несмотря на спокойную обстановку, следует быть очень внимательными на улице.

Поток людей двигался через столбы света под режущий слух аккомпанемент рок-группы, милосердно помещенной в боковой комнате, в стороне от главной галереи. Если бы не картины на стенах и лучи маленьких прожекторов, освещающие их, можно было бы подумать, что это скорее дискотека, чем одна из парижских художественных галерей.

Кивая направо и налево, Доминик Лавьер провела Крупкина в угол большой комнаты. Приятные улыбки, изогнутые брови и периодический смех служили фоном их тихой беседы.

– Старикам сообщили, что монсеньор будет отсутствовать несколько дней. Однако они должны по-прежнему искать высокого американца и его хромого друга и фиксировать, где их видят.

– Ты хорошо поработала.

– Когда я сообщила ему информацию, он не проронил ни слова. Но в его дыхании явно ощущалась ненависть. У меня мурашки по спине пробежали.

– Он уже на пути в Москву, – сказал русский. – Наверняка через Прагу.

– Что вы будете теперь делать?

Крупкин запрокинул голову, поднял глаза к потолку, имитируя смех. Опустив взгляд на нее, он ответил, улыбаясь:

– Теперь Москва.

Глава 33

Брюс Огилви, управляющий партнер «Огилви, Споффорд, Кроуфорд и Кохен», гордился своей самодисциплинированностью. Имелось в виду не только внешнее поведение и спокойствие, но и хладнокровие, с которым он встречал все свои глубочайшие страхи в тяжелые времена. Однако когда он приехал в свой офис около пятидесяти минут назад и услышал звонок своего секретного личного телефона, его кольнуло дурное предчувствие. Потом, когда он услышал сильный акцент советского генерального консула в Нью-Йорке, требующего немедленной встречи, ему пришлось отметить неожиданную пустоту в груди... А когда русский велел – приказал ему – быть в комнате 4С в отеле «Карлайль» через час, вместо их обычного места встречи в квартире на углу Тридцать второй и Мэдисон, Брюс почувствовал жжение – жгучую боль, заполнившую пустоту в его груди. А когда он мягко возразил против непредвиденности этой внеочередной встречи, эта боль превратилась в пламя, языки которого поднялись к самому горлу, после ответа русского:

– То, что я должен вам показать, заставит вас искренне пожалеть о том, что мы знакомы, и пусть этим утром не происходит ничего случайного или неожиданного. Будьте там!

Огилви как можно дальше отодвинул назад спинку кресла в своем лимузине и вытянул ноги на покрытом ковром полу. В голове его вертелись абстрактные, хаотичные мысли о его личном благосостоянии, власти и

влиянии; он должен взять себя в руки! В конце концов, разве он не Брюс Огилви, тот самый Брюс Огилви, возможно, самый преуспевающий корпоративный адвокат в Нью-Йорке, второй (хотя сам он считал себя первым) после бостонского Рэндольфа Гейтса на тернистом пути корпоративного и антитрастового законодательства?

Гейтс! Даже одна только мысль об этом сукином сыне была неприятна. «Медуза» попросила великого Гейтса о небольшой услуге – незначительную, совершенно приемлемую должность в ad hoc 108 комиссии, ориентированной на правительство, и он не соизволил даже ответить на их телефонные звонки! Звонки из другого, совершенно приемлемого источника – предположительно безукоризненного и беспристрастного главы отдела снабжения Пентагона, придурка по имени генерал Норман Свайн, который всего лишь хотел информации из первых рук. Ну, может быть, чуть больше, чем просто информации, но Гейтс не мог этого знать... Гейтс? Кажется, что-то было в «Таймс» прошлым утром о том, что он вдруг отказался от дел. С чего бы это?

Лимузин остановился напротив отеля «Карлайль», некогда излюбленного семьей Кеннеди места в Нью-Йорке, а теперь временной тайной явки русских. Огилви подождал, пока швейцар в униформе откроет левую заднюю дверцу, и ступил на асфальт. Обычно он так не делал, считая задержку ненужной показухой, но этим утром он подождал; он должен был взять себя в руки. Он должен быть Хладнокровным Огилви, которого боятся его противники.

Лифт быстро поднялся на четвертый этаж, шаги по коридору, устланному голубым ковром, к комнате 4С были гораздо менее торопливыми, расстояние неумолимо уменьшалось. Тот самый Брюс Огилви дышал глубоко, спокойно, высоко держа голову, когда нажал на кнопку звонка. Через двадцать восемь раздраженно отсчитанных им секунд: «одна-и-две-и...», советский генеральный консул открыл дверь. Это был худой мужчина среднего роста с орлиным лицом, туго обтянутым белой кожей, и с большими карими глазами.

Владимир Суликов – неутомимый трудяга семидесяти трех лет, полный жизненной энергии, ученый, бывший профессор истории в Московском университете, законченный марксист, но при этом, как ни странно при занимаемой им должности, не член коммунистической партии. Он не входил ни в одну политическую ортодоксию, предпочитая пассивную роль независимого индивидуума внутри коллективистского общества. Это, в союзе с его исключительно проницательным интеллектом, сослужило ему хорошую службу; его назначали на должности, где более конформистские люди не были бы даже наполовину столь же эффективны. Комбинация этих качеств, вместе с его привычкой к физическим тренировкам, делала Суликова выглядящим на десять-пятнадцать лет моложе его возраста. Он

излучал мудрость многих лет и жизненную силу молодости, чтобы воплотить ее.

Приветствия были достаточно сухими. Суликов не предложил ничего, кроме жесткого холодного рукопожатия и жесткого кресла. Он встал перед каминной полкой из белого мрамора, будто это была школьная доска, сложив руки за спиной, словно волнующийся профессор перед тем как опросить и затем прочитать нотацию надоедливому, вечно спорящему студенту.

– Перейдем сразу к делу, – сказал русский кратко. – Вы слышали об адмирале Питере Холланде?

– Конечно. Он директор Центрального разведывательного управления. А почему вы спрашиваете?

– Он один из вас?

– Нет.

– Вы уверены?

– Конечно, уверен.

– Возможно ли, чтобы он стал одним из вас без вашего личного ведома?

– Абсолютно нет, я даже не знаком с ним. И если это какой-то любительский допрос в советском стиле, попрактикуйтесь на ком-нибудь другом.

– Ох, замечательный дорогой американский адвокат протестует против простых вопросов?

– Я протестую против оскорблений. Вы сделали странное заявление по телефону. Будьте добры, объяснитесь.

– Я все объясню, адвокат, поверьте, я все объясню, но по-своему. Мы, русские, защищаем наши фланги; это урок, который нам преподали трагедия и триумф Сталинграда – опыт, которого у вас, американцев, никогда не было.

– Я пришел с другой войны, как вам хорошо известно, – сказал Огилви спокойно, – но, если книги по истории не врут, вам немало помогла ваша русская зима.

– Попробуйте это объяснить тем тысячам русских, что умерли там от холода.

– Понимаю, примите мои соболезнования вместе с моими поздравлениями, но это не отвечает на мой вопрос.

– Я всего лишь пытаюсь разъяснить общеизвестное, молодой человек. Как кто-то сказал, мы неизбежно повторяем те горькие ошибки прошлого, о

которых не знаем... Видите ли, мы действительно защищаем наши фланги, и если некоторые из нас подозревают, что нас втянули в международный скандал на дипломатической арене, мы высылаем на эти фланги подкрепление. Это простой урок для такого эрудита, как вы, адвокат.

– И очевидный, даже тривиальный. Так что там с адмиралом Холландом?

– Один момент... Прежде позвольте спросить вас о человеке по имени Александр Конклин.

Брюс Огилви ошарашенно выпрямился в кресле.

– Откуда у вас это имя? – спросил он чуть слышно.

– Есть и другие... Некто Панов, Мортимер, или Мойша, Панов, еврейский врач, кажется. И, наконец, адвокат, мужчина и женщина, которые, по нашим данным, на самом деле киллер Джейсон Борн и его жена.

– О боже! – воскликнул Огилви, его тело застыло в напряжении, глаза широко раскрылись. – Какое отношение эти люди имеют к нам?

– Это мы и должны выяснить, – ответил Суликов, прямо глядя на юриста с Уолл-стрит. – Очевидно, вам знакомо каждое из этих имен, не так ли?

– Да, то есть нет! – возразил Огилви, его лицо покраснело, слова спутались. – Это совершенно другая ситуация. Она никак не пересекается с нашим бизнесом – бизнесом, в который мы вложили миллионы, который развивали двадцать лет!

– И на котором немало миллионов заработали, адвокат, позволю себе заметить.

– Оборот капитала на международных рынках! – вскричал адвокат. – Это не преступление в этой стране. Деньги переводятся за океаны одним нажатием кнопки на компьютере. Это не преступление!

– Да ну? – советский генеральный консул поднял брови. – Я был о вас лучшего мнения, как адвокате, которого недостойно ваше последнее высказывание. Вы скупали компании по всей Европе, используя суррогатные корпоративные сущности. Фирмы, которые вы приобретали, представляли источники продукции, нередко в пределах одного рынка, и, как следствие, вы устанавливали цены между бывшими конкурентами. Кажется, это называется сговором и сдерживанием торговли – понятия, с которыми у нас в Советском Союзе нет проблем, потому что цены устанавливает государство.

– Подобные обвинения нечем подкрепить! – заявил Огилви.

– Конечно, нет, до тех пор пока существуют лжецы и недобросовестные юристы, которые берут взятки и консультируют лжецов. Это предприятие-лабиринт, гениально реализованное, и мы оба заработали на нем. Вы продавали нам все, что мы хотели или что нам было нужно, многие годы, каждое важное наименование из закрытых списков вашего правительства. Столько имен, что наши компьютеры не справились бы, пытаясь за ними уследить.

– Никаких доказательств, – выразительно настаивал адвокат с Уолл-стрит.

– Меня не интересуют такие доказательства, адвокат. Меня интересуют имена, которые я вам назвал. По порядку: адмирал Холланд, Александр Конклин, доктор Панов и, наконец, Джейсон Борн и его жена. Прошу вас, расскажите мне о них.

– Зачем? – взмолился Огилви. – Я же только что объяснил, что они не имеют к нам никакого отношения!

– Мы думаем иначе, так почему бы вам не начать с адмирала Холланда?

– О, ради бога!..

Адвокат возбужденно качал головой вперед-назад, прокашлялся несколько раз и наконец заговорил:

– Холланд – что ж, сами поймете... Мы завербовали человека в ЦРУ, аналитика по имени Де Соле, а он запаниковал и хотел разорвать отношения с нами. Естественно, мы не могли ему этого позволить, и его уничтожили – профессионально уничтожили, – как мы уже вынуждены были сделать с несколькими другими, которые, по нашему мнению, были опасно нестабильны. У Холланда, может, и появились какие-то подозрения, и он подумал о двойной игре, но не более того: профессионалы, которых мы наняли, не оставили следов; они никогда их не оставляют.

– Очень хорошо, – сказал Суликов, не сдвинувшись с места у камина и продолжая внимательно смотреть на разнервничавшегося Огилви. – Следующий, Александр Конклин.

– Это бывший начальник отдела в ЦРУ и связан с Пановым, психиатром, – они оба связаны с человеком, которого они зовут Джейсон Борн, и его женой. Это началось еще в Сайгоне. Видите ли, нас нащупали, некоторым из наших людей угрожали, и Де Соле пришел к выводу, что во всем виноват этот Борн, не без помощи Конклина.

– Как это могло у него получиться?

– Не знаю. Знаю только, что он должен быть ликвидирован, и наши профессионалы уже приняли контракт... контракты. Все они...

– Вы упомянули Сайгон.

– Борн входил в состав старой «Медузы», – тихо сообщил Огилви. – И, как и большинство из того сброда, был воруящим негодяем... Он мог просто случайно узнать кого-нибудь в лицо. История, про которую пронюхал Де Соле, заключалась в том, что этот подонки Борн – это, кстати, не его настоящее имя – был на самом деле тренирован Управлением, чтобы играть роль международного киллера с целью выманить другого киллера, которого они зовут Шакалом. В конце концов затея провалилась, и Борна отправили на пенсию. «Спасибо за попытку, старик, но все кончено». Очевидно, он хотел чего-то большего, и вот он пришел за нами... Теперь понимаете? Эти два дела стоят абсолютно порознь; нет ни малейшей связи.

Русский разнял руки и сделал шаг от камина. Его лицо выражало скорее сосредоточенность, чем беспокойство.

– Неужели вы действительно настолько слепы или ваше зрение направлено исключительно на ваше предприятие?

– Я не понимаю ваших оскорблений. О чем, черт возьми, вы говорите?

– Связь есть, потому что все это было разработано и создано для одной-единственной цели. Вы стали всего лишь побочным продуктом, который неожиданно оказался столь важным для властей.

– Я не... понимаю, – прошептал Огилви, бледнея.

– Вы только что сказали: «киллер, которого они зовут Шакалом», а перед этим упомянули Борна как относительно незначительного подставного агента, тренированного, чтобы играть роль киллера. Затее провалилась, и его отправили на пенсию. Кажется, так вы сказали?

– Так сказали мне...

– А что еще вам сказали о Карлосе Шакале? О человеке, скрывающемся под именем Джейсон Борн? Что вы о них знаете?

– Честно говоря, очень мало. Два стареющих киллера, подонки, преследующие друг друга годами. Кому какое дело? Моя задача – полная конфиденциальность нашей организации – которая вполне себя оправдывает.

– Вы все еще не понимаете?

– Не понимаю чего, ради бога?

– Борн, возможно, и не такой уж подонок, если принять во внимание его сообщников.

– Умоляю, выражайтесь яснее, – монотонно промычал Огилви.

– Он использует «Медузу», чтобы выследить Шакала.

– Невозможно! Та «Медуза» была уничтожена в Сайгоне много лет назад!

– Очевидно, он думал иначе. Не могли бы вы снять ваш чудный пиджак, закатать рукав и показать мне маленькую татуировку на внутренней стороне предплечья?

– Это неуместно! Знак чести в войне, которая была никому не нужна, а вести которую приходилось нам!

– Бросьте, советник. Вести или, точнее, везти из портов и складов Сайгона! Обворовывая собственные войска и направляя курьеров в швейцарские банки. За такие геройства медали не дают.

– Все это безосновательные домыслы! – воскликнул Огилви.

– Расскажи это Джейсону Борну, выходцу из начальной «Снейк Леди»... О да, советник, он искал вас и нашел, и теперь он использует вас, чтобы выйти на Шакала.

– Ради бога, как?

– Честное слово, не знаю, но вам стоит прочесть вот это.

Генеральный консул быстро подошел к столу, взял пачку скрепленных бумаг и передал их Брюсу Огилви.

– Это декодированные телефонные переговоры, состоявшиеся четыре часа назад в нашем посольстве в Париже. Личности установлены, равно как и их местоположения. Прочитайте внимательно, советник, а потом поделитесь со мной вашим мнением как юриста.

Известный адвокат, хладнокровный Огилви, схватил бумаги и быстрым, натренированным взглядом начал читать. По мере того как он листал страницы, кровь покидала его лицо, придавая ему мертвенную бледность.

– Мой бог, им все известно. Мои офисы прослушиваются! Как? Почему? Бред какой-то! Нас же невозможно выследить!

– И снова предлагаю вам рассказать это Джейсону Борну и его старому другу и начальнику базы из Сайгона, Александру Конклину. Они нашли вас.

– Это невозможно! – бушевал Огилви. – Мы покупали или ликвидировали каждого в «Снейк Леди», кто даже просто подозревал о нашей деятельности.

Боже, там, в поле, их выжило совсем немного! Я уже говорил вам, они все были подонками. Многие были простыми ворами, и их разыскивали за преступления по всей Океании и Дальнему Востоку. Мы их всех выявили!

– Видимо, двоих все-таки упустили, – заметил Суликов.

Юрист обернулся к распечаткам. По его вискам текли ручьи пота.

– Силы небесные, я погиб, – прошептал он, задыхаясь.

– Мне тоже так показалось, – согласился советский генеральный консул в Нью-Йорке, – но всегда ведь есть выход, не так ли?.. Есть только одно направление действий для нас. Как и большую часть континента, нас обманули безжалостные капиталисты-собственники. Сотни ягнят попали на жертвенный алтарь, когда этот американский картель финансовых грабителей заключал сделки на рынках, продавая низкокачественные товары и услуги по завышенным ценам, утверждая с помощью фальшивых документов, что имеют вашингтонское разрешение на доставку тысяч запрещенных товаров в нашу страну и нашим сателлитам.

– Ты сукин сын! – взорвался Огилви. – Ты – все вы – сотрудничал с нами на каждом шагу. Вы извлекали для нас миллионы из блокированных стран, перенаправляли, переименовывали – черт возьми, перекрашивали корабли по всему Средиземноморью, Эгейскому морю, по Босфору и Мраморному морю, не говоря уже о балтийских портах!

– Докажите это, советник, – сказал Суликов, тихо посмеиваясь. – Если хотите, я могу устроить для вас шумный процесс. Москва будет приветствовать такое расследование.

– Что? – вскричал адвокат, и на его лице отразилась паника.

– Ну, вам определенно нельзя оставаться здесь дольше, чем абсолютно необходимо. Прочтите эти слова, мистер Огилви. В данный момент вы проходите последние стадии электронной слежки, перед тем как вас схватят власти.

– О боже...

– Можете попробовать действовать из Гонконга или Макао – они с радостью примут ваши деньги, но, учитывая их текущие проблемы с материковыми рынками и китайско-британское соглашение 97-го года, они, весьма вероятно, придумают на вас какой-нибудь компромат. Швейцарию можно сразу отбросить; международные законы теперь весьма строги, как это выяснил Веско. А, Веско... Вы можете присоединиться к нему на Кубе.

– Прекратите! – взревел Огилви.

– Ну и, наконец, можете сдать властям; вам есть что им рассказать. Они даже, пожалуй, скинут вам десяток лет с тридцатилетнего срока.

– Черт возьми, я убью вас!

Дверь спальни неожиданно распахнулась, и появился телохранитель консула, угрожающе держащий руку под пиджаком. Адвокат вскочил на ноги; не в силах сдерживать дрожь, он сел обратно на стул и наклонился вперед, обхватив голову руками.

– Такое поведение вряд ли будет разумным, – сказал Суликов. – Возьмите себя в руки, советник, сейчас время для спокойных голов, а не для эмоциональных всплесков.

– Как, черт возьми, вы можете так говорить? – спросил Огилви дрожащим от готовых сорваться слез голосом. – Со мной покончено.

– Это слишком поспешное заключение для человека с таким потенциалом, как у вас. Я серьезно. Действительно, вы не можете оставаться здесь, но ваши возможности все еще огромны. Действуйте с позиции силы. Объединяйтесь с сильными – это искусство выживания. Вскоре власти оценят ваши вложения, как сделали это они с Боэски, Левиным и несколькими десятками других, которые отбывают сейчас свои минимальные сроки, играя в теннис и в триктрак, владея при этом целыми состояниями. Попробуйте.

– Как это сделать? – взмолился адвокат, поднимая красные, вопрошающие глаза на русского.

– Главное сейчас – где, – объяснил Суликов. – Найдите нейтральную страну, у которой нет соглашения с Вашингтоном о выдаче преступников, такую, где имеются чиновники, которых можно убедить предоставить вам временное место для вашего бизнеса – понятие «временное», конечно, растяжимо. Бахрейн, Эмираты, Марокко, Турция, Греция – недостатка выбора нет. Везде широко представлены англоязычные поселения... Возможно, даже мы могли бы вам помочь, очень тихо.

– Зачем вам это?

– Мистер Огилви, возвращается ваша слепота? За определенную плату, естественно... У вас замечательно все схвачено в Европе. Все на местах налажено и исправно функционирует, и мы могли бы неплохо нагреть на этом руки.

– О... боже... правый, – выдавил предводитель «Медузы», уставившись на генерального консула.

– Разве у вас есть выбор, советник?.. Пойдем, нам надо спешить. Необходимо все организовать. К счастью, сейчас еще только утро.

Было 3.25 дня, когда Чарльз Кассет вошел в офис Питера Холланда в Центральном разведывательном управлении.

– Прорыв, – сказал помощник директора и добавил уже с меньшим энтузиазмом: – Ну, что-то вроде.

– Фирма Огилви? – спросил директор ЦРУ.

– Косвенно, – кивнул Кассет и положил пачку фотографий на стол Холланда. – Прислали по факсу из аэропорта Кеннеди час назад. Поверь, это были нелегкие шестьдесят минут.

– Из Кеннеди? – Питер нахмурился и стал изучать факсимильные копии. Они включали последовательность фотографий толпы людей, проходивших через металлодетекторы в одном из международных терминалов аэропорта. Голова одного из них на каждой фотографии была обведена красным. – Что это? Кто это?

– Это пассажиры, направляющиеся в комнату ожидания на рейс «Аэрофлота» на Москву, советской авиакомпании, конечно же. Служба безопасности всегда фотографирует граждан США, отправляющихся в ту сторону.

– И? Кто он?

– Сам Огилви.

– Что?

– Рейс отправлением в два пополудни, беспосадочный до Москвы... Только он не мог там быть.

– Не понял.

– В его офис было сделано три звонка, выдали одну и ту же информацию. Он за пределами страны, в Лондоне, в Дорчестере, что, как нам известно, не соответствует истине. Однако Дорчестерское бюро подтвердило, что он забронировал место, но не приехал, и они согласились принять для него сообщение.

– Не понимаю, Чарли.

– Это дымовая завеса, причем весьма поспешно наведенная. Во-первых, зачем кому-то столь богатому, как Огилви, лететь «Аэрофлотом», когда он мог на «Конкорде» долететь до Парижа и потом на «Эр-Франс» до Москвы?

К тому же зачем его офис утверждает, что он либо в Лондоне, либо на пути туда, в то время как он направляется в Москву?

– Почему «Аэрофлот» – понятно, – сказал Холланд. – Это государственный рейс, и он под советской защитой. Лондон – Дорчестер тоже не очень сложно. Это для отвода глаз – боже, наших глаз!

– Отлично, шеф. Валентино проверил кое-что с помощью своего замечательного оборудования в подвалах, и угадай что?.. Миссис Огилви с двумя подростками-детьми летят рейсом «Королевской Эр-Марок» до Касабланки, позвонив предварительно в Марракеш.

– Марракеш?.. Эр-Марок – Марокко, Марракеш. Погоди-ка. В тех распечатках регистрационных записей отеля «Мэйфлауэр», что достал Конклин, была женщина – одна из трех людей, имевших, по его мнению, отношение к «Медузе», – которая была в Марракеше.

– Похвальная память, Питер. Та женщина была соседкой по комнате жены Огилви в Беннингтоне в начале семидесятых. Издавна дружащие семьи.

– Чарли, что за чертовщина происходит?

– Семью Огилви предупредили, и они смылись. Кроме того, если я не ошибаюсь, если бы мы могли перебрать несколько сотен счетов, то узнали бы, что только что многие миллионы переведены из Нью-Йорка бог знает куда за этими берегами.

– И?

– «Медуза» переехала в Москву, господин директор.

Глава 34

Луис ДеФазио утомленно извлек свое тело из такси на бульваре Массена, вслед за ним вышел и его больший по габаритам, более тяжелый, значительно более мускулистый кузен Марио из Ларчмонта, Нью-Йорк. Они остановились на тротуаре перед рестораном, название которого светилось красными неоновыми трубками на зеленом тонированном стекле: «Тетраззини».

– Здесь, – сказал Луис. – Они ждут в приватной комнате сзади.

– Уже довольно поздно. – Марио взглянул на свои часы, повернувшись к уличному фонарю. – Я поставил парижское время; здесь уже почти полночь.

– Подождут.

– Ты все еще не сказал мне их имена, Лу. Как нам их называть?

– Тебе – никак, – ответил ДеФазио, шагая ко входу. – Никаких имен – они бы все равно ничего не значили. Все, что ты должен делать, – это быть уважительным, понимаешь, о чем я?

– Совсем необязательно повторять мне это, Лу, – укоризненно произнес Марио мягким голосом. – Но, ради любопытства, скажи, почему ты об этом вспомнил?

– Он – высококлассный *diplomatico*, – объяснил *capo supremo*, остановившись ненадолго и посмотрев на человека, который чуть не убил Джейсона Борна в Манассасе, Виргиния. – Он из Рима, из высоких правительственных кругов, но он – прямой контакт с донами Сицилии. Он и его жена очень, очень высоко ценятся, понимаешь, о чем я?

– И да и нет, – признался кузен. – Если он такой значительный, зачем ему брать на себя столь грязную работу, как преследование наших целей?

– Да потому, что он может. Он имеет доступ в места, к которым некоторые из наших *ragliacci* не могут даже приблизиться, понимаешь, о чем я? Кроме того, я позволил нашим людям в Нью-Йорке узнать, кто наши клиенты, особенно один из них, *carisce*? У донов от Манхэттена до имений к югу от Палермо есть особый язык, на котором они говорят только между собой, знали ты об этом, *cugino*?.. Он состоит из пары приказов: «Сделай это» и «Не делай этого».

– Кажется, я понимаю, Лу. Мы излучаем уважение.

– Уважение, да, мой добрый излучающий кузен, но никакой слабости, *carisce*? Никакой слабости! Все должно выглядеть достойно, так как операция, которую провел от начала до конца Лу ДеФазио. Понял?

– Ну, если все дело в этом, может, я могу поехать домой к Энджи и детям? – спросил Марио, улыбаясь.

– Что?.. Заткнись, *cugino*! За эту работу ты получишь пожизненное содержание для всей толпы твоих детишек.

– Не толпы, Лу, всего пять.

– Пойдем. И помни: достоинство, мы не беремся за всякое дерьмо.

Небольшая частная комната представляла собой миниатюрную версию отделки «Тетраззини». Все дышало Италией. Стены были расписаны старыми выцветшими фресками Венеции, Рима и Флоренции; мягко звучала музыка – в основном оперные арии и тарантеллы, освещение приглушено. Если забыть о том, что находишься в Париже, можно было подумать, что обедаешь на римской Виа Фраскати, в одном из многочисленных

коммерциализированных семейных *ristoranti*, обосновавшихся на этой древней улице.

Посреди комнаты стоял большой круглый стол, покрытый темно-красной скатертью, свисавшей почти до пола, и четыре стула на одинаковом расстоянии друг от друга. Вдоль стен стояли дополнительные стулья – на случай нехватки для гостей или для их помощников, как правило, вооруженных. За столом сидел благородной внешности мужчина с кожей оливкового цвета и вьющимися темными волосами; по левую руку от него была одетая по последней моде и с дорогой модельной прической женщина средних лет. Между ними стояла бутылка классического «Кьянти» и грубые толстостенные бокалы, казалось бы, неуместные на столь аристократическом столе. На стуле позади *diplomatico* лежал черный кожаный чемодан.

– Я ДеФазио, – представился саро *supremo* из Нью-Йорка, закрыв за собой дверь. – А это мой кузен Марио – вы, должно быть, слышали о нем, – очень талантливый человек, который оторвался сейчас от своей семьи ради встречи с нами.

– Да, конечно, – сказал аристократ-мафиози. – Марио, *il bola, esecuzione garantito* – страшен с любым оружием. Присаживайтесь, джентльмены.

– Я считаю подобные характеристики излишними, – откликнулся Марио, подойдя к стулу. – Я просто хорошо делаю свою работу, только и всего.

– Слова профессионала, синьор, – добавила женщина, когда ДеФазио и его кузен сели за стол. – Могу я заказать вам что-нибудь? Вино, напитки? – продолжила она.

– Пока не стоит, – ответил Луис. – Может быть, позже – может быть... Мой талантливый родственник по линии матери, да покоится она во Христе, задал мне на улице хороший вопрос. Как нам называть вас, мистер и миссис, – Париж, Франция? Должен заметить, мне не нужны настоящие имена.

– Мы известны как Князь и Княгиня, – ответил супруг, улыбаясь; его натянутая улыбка больше подошла бы маске, чем человеческому лицу.

– Что я говорил, *sugino*? Это большие люди... Итак, мистер Князь, что мы имеем на данный момент?

– Не в этом вопрос, синьор ДеФазио, – ответил итальянец таким же натянутым голосом, как и его улыбка, которая уже испарилась. – Я скажу, что мы имеем на данный момент, и скажу, что очень хотел бы, чтобы вы были уже в далеком прошлом.

– Эй, что это еще за гнилой базар?

– Лу, пожалуйста! – вмешался Марио, тихо, но уверенно. – Следи за своими словами.

– А как насчет его слов? Что это за слова? Он считает, что я кто-то из грязи?

– Вы спросили меня, что случилось, синьор ДеФазио, и я вам отвечаю, – продолжал князь ничуть не изменившимся голосом. – Вчера в полдень мы с моей женой чуть не погибли – нас чуть не убили, синьор ДеФазио. Мы не привыкли к подобным инцидентам и не можем это терпеть. Вы хоть представляетесь, во что влезли?

– Вас?.. Они поместили вас?

– Если вы имеете в виду, знали ли они, кто мы такие, – к счастью, нет, не знали. Если бы знали, сомневаюсь, что мы сидели бы сейчас за этим столом!

– Синьор ДеФазио, – вступила в разговор княгиня, бросив успокаивающий взгляд на мужа. – Как нам стало известно, у вас контракт на этого калеку и его друга доктора. Это правда?

– Ну да, – осторожно подтвердил саро *supremo*. – Настолько, насколько далеко это зашло, а это зашло дальше, понимаете, о чем я?

– Не имею ни малейшего понятия, – ледяным тоном отозвался князь.

– Я говорю вам это, потому что, возможно, мне понадобится ваша помощь – за которую, как я уже говорил, вам неплохо заплатят, очень неплохо.

– Что значит «контракт зашел дальше»? – спросила жена.

– Мы должны убрать еще кое-кого. Третий, с которым эти двое встретились здесь.

Князь и княгиня быстро переглянулись.

– Третий, – повторил человек из Рима, поднося бокал к губам. – Понятно... Контракт на две цели – как правило, весьма прибыльное дело. Насколько прибыльное, синьор ДеФазио?

– Эй, послушайте, я же не спрашиваю вас, сколько вы делаете за неделю в Париже. Скажем так, это немало, и лично вы можете рассчитывать на шестизначную сумму, если все пойдет по сценарию.

– Шесть знаков – это большой диапазон, – заметила княгиня. – Но также это означает, что сумма контракта семизначная.

– Семи?.. – Дыхание ДеФазио перехватило, он посмотрел на женщину.

– Свыше миллиона долларов, – заключила княгиня.

– Да, видите ли, нашим клиентам очень нужно, чтобы эти люди покинули наш мир, – сказал Луис, восстановив дыхание, поскольку семь знаков еще не означали семь миллионов. – Мы не спрашиваем почему – мы просто выполняем заказ. В подобных случаях наши доны достаточно щедры; нам достается внушительная сумма денег, и мы блюдем свою репутацию эффективных исполнителей. Не так ли, Марио?

– Уверен, это так, Лу, но я стараюсь не забивать себе этим голову.

– Тебе же платят, верно, *cugino*?

– Иначе я бы здесь не сидел, Лу.

– Понимаете, о чем я? – спросил ДеФазио, переводя взгляд на аристократов европейской мафии, которые никак не отреагировали, а только смотрели на саро *supremo*. – Эй, в чем дело?.. А, эта вчерашняя неприятность? Что там было – они видели вас, да? Они заметили вас, и какая-то обезьяна сделала пару выстрелов в вашу сторону, чтобы вы проваливали, – и все, не так ли? Я хочу сказать, ну что еще там могло быть, да? Они не знали, кто вы такие, но вы там были – совсем не к месту, может быть, – и поэтому они применили немного силы, да? Это старый трюк: напугать до усрачки незнакомцев, которых видишь не более одного раза.

– Лу, я же просил тебя усмирить свою речь.

– Усмирить? Да я взбешен! Я хочу говорить о деле!

– Проще говоря, – мягко произнес князь, подняв брови и не обращая внимания на слова ДеФазио, – вы имеете в виду, что должны убить этого калеку и его друга доктора, а также и третьего с ними, верно?

– Проще говоря, все так.

– Знаете ли вы, кто этот третий – помимо фотографии и подробного описания?

– Конечно, это правительственное дерьмо, которое должно было изображать из себя кого-то вроде нашего Марио – *esecuzione*, киллера, представляете? Но эти трое насолили нашим клиентам – в смысле причинили им действительно немало неприятностей. Отсюда и контракт. Что еще вас интересует?

– Мы не уверены, – сказала княгиня, изящно глотнув вина. – Возможно, вы и сами не знаете.

– Не знаем чего?

– Того, что есть еще кое-кто, кто хочет смерти этого третьего человека, причем гораздо больше вас, – объяснил князь. – Вчера днем именно этот кое-кто напал на небольшое загородное кафе, паля без разбора и убив несколько человек – потому что ваша третья цель была там. И мы тоже... Мы видели, как их – его – предупредил телохранитель, и они покинули помещение. Мы поняли, что назревает неприятность, и тоже ушли, всего за несколько минут до бойни.

– Condannare! – чуть не задохнулся ДеФазио. – Кто эта сволочь? Скажите мне!

– Мы пытались выяснить это весь вчерашний вечер и весь сегодняшний день, – начала женщина, наклонившись вперед, осторожно касаясь пальцами грубого стакана, будто он оскорблял ее чувствительность. – Ваши цели никогда не бывают одни. Вокруг них всегда люди, вооруженные охранники, и мы сначала не знали, откуда они. Потом на авеню Монтейн мы увидели, как за ними и за вашим третьим человеком в компании известного офицера КГБ приехал советский лимузин. И теперь мы подозреваем, что знаем, кто «эта сволочь».

– Однако только вы, – вставил князь, – можете подтвердить это. Известно ли вам имя этой вашей третьей цели? Думаю, мы имеем право знать.

– Почему нет? Это неудачник по имени Борн, Джейсон Борн, который шантажирует наших клиентов.

– Ессо, – промолвил муж.

– Ultimo, – добавила его жена. – Что вы знаете об этом Борне? – спросила она.

– То, что уже сказал. Этот человек действует под прикрытием по заданию правительства. Он вышел из-под контроля и теперь беспокоит наших клиентов. Настоящее дерьмо.

– Слышали ли вы когда-нибудь о Карлосе Шакале? – спросил князь, откинувшись на спинку стула, изучая *sapò supremo*.

– О да, конечно, я слышал о нем, и я понимаю, к чему вы клоните. Говорят, у этого Шакала зуд на Борна – и наоборот, но мне до этого дела нет. Знаете, я раньше думал, что этот лис был только в книжках, в кино, понимаете, о чем я? И тут мне говорят, что это настоящий убийца, как вам это?

– Самый что ни на есть, – согласилась княгиня.

– Но это ничего не меняет. Мне нужны эти трое, врач-еврей, калека и этот доходяга Борн, и все. И они мне очень нужны.

Дипломат с женой вновь переглянулись; они изумленно пожали плечами, и княгиня кивнула, уступая мужу.

– Ваше представление о вымышленных персонажах совершенно не соответствует реальности, – сказал князь.

– Не понял?

– Робин Гуд действительно существовал, знаете ли, но он не был благородным Локсли. Это был дикий предводитель саксонцев, который восстал против норманнов, – убийца, мясник и вор, воспетый только в легендах. И Иннокентий Третий, папа римский, тоже был далеко не невинный человек, который продолжил дикую политику своего предшественника, Святого Григория Седьмого, которого тоже трудно назвать святым. Они терзали Европу, проливая реки крови ради политической власти и богатства «Священной Империи». Веками раньше действительно существовал кроткий Квинт Кассий Лонгинус римский, возлюбленный защитник Испании, который на самом деле замучил и искалечил сотню тысяч испанцев.

– Какого черта вы несете?

– Этих людей превознесли, синьор ДеФазио, и совсем не за то, чем они были в реальной жизни. Но, несмотря на все искажения, они действительно существовали. Равно как и Шакал, и он на самом деле представляет собой смертельную проблему для вас. К сожалению, и для нас тоже, потому что он вносит некоторые затруднения, которые мы не намерены терпеть.

– Что? – саро *supremo* уставился на итальянского аристократа, разинув рот.

– Присутствие русских одновременно и загадочно, и тревожно, – продолжил князь. – Тогда мы и сделали тот вывод, который вы только что подтвердили... Москва охотится за Карлосом годами с одной лишь целью – убить его. И все, чего им удавалось добиться, – один их мертвый охотник за другим. Джейсон Борн каким-то – бог знает каким – образом договорился с русскими.

– Ради бога, говорите по-английски или по-итальянски, но словами, имеющими значение! Я вообще-то не учился в Гарвардском городском колледже, браток. Мне это было не нужно, *capisce?*

– Это Шакал разгромил кафе вчера. Это он охотится за Джейсоном Борном, который имел глупость вернуться в Париж и убедить русских сотрудничать с ним. И те и другие – идиоты, потому что это Париж и Карлос победит. Он убьет Борна и ваших остальных «подопечных» и посмеется над русскими. Потом он заявит тайным службам всех правительств, что он победил, что он

padrone, маэстро. Вы, американцы, никогда не знали всю историю – лишь ее отдельные кусочки, потому что Европа вас интересует только в смысле денег. А мы живем здесь, следим за всем этим, и теперь мы в шоке. Два стареющих профессиональных убийцы одержимы ненавистью, желая только перерезать друг другу глотки.

– Эй, постойте! – вскричал ДеФазио. – Этот подонок Борн – всего лишь выдумка, *contraffazione*. Он никогда не был киллером!

– Ошибаетесь, синьор, – возразила княгиня. – Возможно, он и не выходил на арену с оружием, но оно стало его излюбленным инструментом. Спросите Шакала.

– В жопу Шакала! – ДеФазио вскочил со стула.

– Лу!

– Заткнись, Марио! Борн мой, наш! Мы доставим его труп, мы сделаем мои – наши – фотографии вокруг всех троих, усыпанных льдом, держа за волосы их головы, так что никто не посмеет сказать, что это не наших рук дело!

– Теперь вы *razzo*, – тихо произнес князь, в контраст воплям *saro supremo*. – И, пожалуйста, поубавьте пыл.

– Не надо выводить меня из себя.

– Он пытается нам все объяснить, Лу, – сказал родственник ДеФазио, киллер. – Я хочу послушать, что джентльмен может рассказать об этом человеке, поскольку это может оказаться жизненно важным для нас. Сядь, кузен. – Луис сел. – Прошу вас, продолжайте, князь.

– Спасибо, Марио. Вы не возражаете, если я буду звать вас Марио?

– Нисколько, сэр.

– Может, вы хотели бы посетить Рим...

– Может, вернемся к Парижу?! – снова воскликнул *saro supremo*.

– Хорошо, – согласился римлянин, теперь разделяя внимание между ДеФазио и его кузеном, отдавая предпочтение последнему. – Вы можете снять всех троих дальнобойной винтовкой, но вы не сможете приблизиться к телам. Русские охранники будут неотличимы от любого другого человека поблизости, и если они увидят вас двоих, то примутся стрелять в вас, думая, что вы люди Шакала.

– Тогда нам придется создать ситуацию, которая изолирует эту троицу, – сказал Марио, облокотившись на стол и глядя умными глазами на князя. – Например, какая-нибудь авария ранним утром. Пожар в их комнатах, из-за

которого им придется выйти наружу. Я делал так раньше; в суете, среди пожарных машин, полицейских сирен и всеобщей панике можно легко утащить объекты в сторону и разобраться с ними.

– Хорошая идея, Марио, но что делать с русскими охранниками?

– Мы их перебьем! – заносчиво выкрикнул ДеФазио.

– Вас всего двое, – возразил дипломат, – а их только в Барбизоне по меньшей мере трое, не говоря уже об отеле в Париже, где остановились хромой с доктором.

– Значит, нам надо сравнять числа, – саро *surgeto* вытер капли пота, выступившие на лбу, тыльной стороной ладони. – Мы ударим сначала по Барбизону, да?

– Вдвоем? – спросила княгиня, в удивлении широко раскрыв накрашенные глаза.

– У вас есть люди! – воскликнул ДеФазио. – Мы возьмем несколько... Я заплачу дополнительно.

Князь медленно покачал головой и мягко проговорил:

– Мы не пойдем на войну заодно с Шакалом. Это мое слово.

– Вот ублюдки!

– Интересный комментарий из ваших уст, – заметила княгиня, растянув губы в тонкой презрительной усмешке.

– Возможно, наши доны не так щедры, как ваши, – продолжил дипломат. – Мы с радостью будем сотрудничать в определенных рамках, но не более того.

– Вам не удастся больше осуществить ни одну поставку в Нью-Йорк, или Филли, или Чикаго!

– Оставим эти вопросы на рассмотрение нашего начальства, хорошо?

Неожиданно раздался стук в дверь, четыре удара подряд, резкие и настойчивые.

– *Avanti*, – позвал князь, быстрым движением достал из-под пиджака пистолет и спрятал его под красной скатертью, свисавшей со стола, и улыбнулся вошедшему менеджеру «Тетразини».

– *Emergenza*, – сказал страдающий от излишнего веса мужчина, быстро подойдя к аристократу и вручая ему записку.

– *Grazie*.

– Prego, – ответил менеджер и поспешил к двери.

– Похоже, боги Сицилии улыбаются вам, – сказал князь, читая записку. – Это послание от человека, следующего за вашими целями. Они выехали из Парижа, одни, по непонятным мне причинам. Без охраны. Они беззащитны.

– Где? – вскричал ДеФазио, вскакивая на ноги.

Не отвечая, дипломат спокойно достал золотую зажигалку и поджег бумажку, опустив ее в пепельницу. Марио тоже вскочил со стула; человек из Рима бросил зажигалку на стол и ловким движением убрал пистолет.

– Сначала давайте обсудим цену, – сказал он, глядя, как записка свернулась в тлеющий черный пепел. – Наши доны в Палермо точно не такие щедрые, как ваши. Не тяните время, оно вам дорого.

– Вы жалкие ублюдки!

– Проблемы моего происхождения вас не касаются. Сколько, синьор ДеФазио?

– Я назову предел, – ответил саро supremo, снова опускаясь на стул и пожирая глазами дотлевающие остатки информации. – Триста тысяч, американскими. Это все.

– Да это просто говно, – сказала аристократка. – Попробуйте еще раз. Секунды складываются в минуты, а времени у вас мало.

– Хорошо, хорошо! Удваиваю!

– Плюс расходы, – добавила женщина.

– Какие еще на хрен расходы?

– Ваш кузен Марио прав, – сказал дипломат. – Пожалуйста, следите за речью в присутствии моей жены.

– Дерьмо!

– Я предупредил вас, синьор. Расходы – дополнительно четверть миллиона американскими.

– Вы спятили?

– Нет. Вы грубиян. Итого, один миллион сто пятьдесят тысяч долларов, заплатить, как вас проинструктируют наши курьеры в Нью-Йорке... Если оплата не произойдет, вас однажды недосчитаются в – как это? – Бруклин Хейтс, синьор ДеФазио?

– Где они? – выдавил поверженный саро supremo.

– На небольшом частном аэродроме в Понткарре, примерно в сорока пяти минутах от Парижа. Они ждут самолет, который совершил вынужденную посадку в Поитиерсе из-за плохой погоды. Он вряд ли прибудет в ближайшие час с четвертью.

– Вы принесли оборудование, которое мы заказали? – быстро спросил Марио.

– Все там, – ответила княгиня, махнув в сторону большого черного чемодана на стуле у стены.

– И машину. Быструю машину! – потребовал ДеФазио, когда его кузен взял чемодан.

– Стоит снаружи, – ответил князь. – Водитель знает, куда вас отвезти. Он был на этом поле.

– Пошли, cugino. Сегодня мы заработаем, и на твоем счету будет еще трое!

Не считая одного дежурного за стойкой в маленьком однокомнатном терминале и диспетчера, нанятого на внеурочное дежурство в радиобашне, на частном аэродроме в Понткарре больше никого не было. Алекс Конклин и Мо Панов деликатно остались в стороне, когда Борн отвел Мари за ворота, ведущие на поле, огороженное металлическим забором высотой до пояса. Две полосы янтарных огней, убегавших вдаль, обозначали длинную посадочную полосу для самолета из Поитиерса; их включили совсем недавно.

– Уже скоро, – сказал Джейсон.

– И вообще, все это глупость, – возразила жена Вебба.

– У тебя нет ни одной причины оставаться и сколько угодно причин уехать. Остаться одной в Париже было бы глупо. Алекс прав. Если люди Карлоса найдут тебя, ты станешь заложницей. Зачем рисковать?

– Потому что я не могу пребывать в неведении и не хочу уезжать на десять тысяч миль от тебя. Уж извини, но я беспокоюсь за тебя, мистер Борн. И забочусь о тебе.

Джейсон посмотрел на нее из тени, радуясь, что она не может разглядеть его глаза.

– Будь разумной, подумай головой, – произнес он холодно, неожиданно почувствовав себя старым, слишком старым для столь очевидного сдерживания чувств. – Мы знаем, что Карлос в Москве, и Крупкин идет за ним по пятам. Дмитрий организовал нам полет на завтрашнее утро, и мы

будем под защитой КГБ в самом строгом городе мира. Чего еще можно желать?

– Тринадцать лет назад в Нью-Йорке ты был под защитой правительства Соединенных Штатов, и это тебя не очень-то спасло.

– Здесь есть большая разница. Тогда Шакал точно знал, куда я направлялся и когда должен был там оказаться. Теперь же он понятия не имеет даже о том, что мы знаем, что он в Москве. У него другая забота – и немалая для него, и при этом он думает, что мы здесь, в Париже: он приказал своим людям продолжать искать нас.

– Что вы будете делать в Москве?

– Решим, когда окажемся там. Но что бы мы ни делали, это лучше, чем в Париже. Крупкин не сидит сложа руки. Они установили слежку за всеми высокопоставленными офицерами на площади Дзержинского, знающими французский. Он сказал, что французский значительно сузил поиск и скоро что-то случится... Все преимущества на нашей стороне. А когда это произойдет, мне нужно, чтобы я не беспокоился о тебе здесь.

– Это лучшее, что ты сказал за последние тридцать шесть часов.

– Пусть так. Тебе следует быть с детьми, и ты знаешь это. Ты будешь вне досягаемости и в безопасности... и детям ты нужна. Миссис Купер – чудесная женщина, но она им не мать. К тому же твой брат наверняка уже приучил Джеми курить свои кубинские сигары и играть в «Монополию» на настоящие деньги.

Мари подняла глаза на мужа, на ее губах и в голосе блеснула нежная улыбка.

– Спасибо за шутку, она была к месту.

– Не исключено, что это правда – про твоего брата в смысле. И если среди персонала есть миловидные женщины, то весьма вероятно, что наш сын уже потерял девственность.

– Дэвид! – Борн молчал. Мари усмехнулась и продолжила: – Пожалуй, я действительно не могу с тобой спорить, у меня больше нет аргументов.

– А были бы, ты несомненно продолжала бы спорить, доктор Сен-Жак. Уж это я за последние тринадцать лет усвоил.

– Но я по-прежнему не понимаю этой безумной поездки до Вашингтона! Отсюда до Марсея, потом в Лондон, потом в Даллес. Было бы гораздо проще сесть на самолет в Орли и приземлиться в Штатах.

– Это идея Питера Холланда. Он сам встретит тебя, так что спросишь у него лично; он слишком многого не говорит по телефону. Я думаю, он не хочет иметь дело с французскими властями, боясь утечки информации через людей Карлоса. Одинокая женщина с обычным именем на популярных рейсах, пожалуй, лучшая маскировка.

– Я больше времени проведу в аэропортах, чем в воздухе.

– Возможно, так что прикрывай свои чудные ножки и носи с собой Библию.

– Мило, – сказала Мари, коснувшись его лица. – Я снова слышу тебя, Дэвид.

– Что? – и снова Борн не ответил теплом.

– Ничего... Сделай мне одолжение?

– Какое? – отстраненно спросил Джейсон.

– Верни мне Дэвида.

– Давай спросим, что там с самолетом, – резко произнес Борн, взял ее за локоть и повел обратно внутрь. Я старею – уже старик – и я не могу больше быть тем, кем я не являюсь. Хамелеон ускользает, воображение уже не работает, как раньше. Но я не могу сейчас остановиться! Только не сейчас! Прочь от меня, Дэвид Вебб!

Как только они вернулись в терминал, раздался телефонный звонок. Клерк поднял трубку.

– Да? – Секунд пять он слушал. – Мерси, – сказал он, повесил трубку и обратился по-французски к четверем заинтересованным людям: – Звонили из башни. Самолет из Поитиерса приземлится минуты через четыре. Пилот просит вас, мадам, быть уже готовой к его прибытию: он хочет успеть взлететь до приближения погодного фронта, идущего на восток.

– Я тоже, – согласилась Мари и поспешила к Алексу Конклину и Мо Панову.

Прощания были краткими, объятия – крепкими, слова – сердечными. Борн снова повел жену наружу.

– Я только сейчас подумала: куда девались люди Крупкина? – спросила она, когда они вышли через ворота на освещенную полосу.

– Они не нужны нам, – ответил Борн. – Мы засветили советский лимузин на Монтейне, теперь за их посольством наверняка установлена слежка. Поэтому лучше не делать лишних движений, таких, как рассаживающиеся по машинам и выезжающие охранники, чтобы не вызвать подозрений.

– Понятно.

Послышался нарастающий шум сделавшего круг над аэродромом и заходящего на посадку реактивного самолета.

– Я так люблю тебя, Дэвид! – сказала Мари, повысив голос, чтобы перекричать рев приближающегося самолета.

– Он тоже тебя любит, – сказал Борн; внутри него шла борьба. – Я очень тебя люблю.

Самолет был отчетливо виден между рядами янтарных огней: белая пулеподобная машина с короткими треугольными крыльями, придававшими ему вид рассерженного летучего насекомого. Пилот развернул и остановил самолет, автоматическая дверь пассажирского отсека выдвинулась и отъехала вверх, металлическая лестница опустилась к земле. Джейсон и Мари побежали ко входу.

Это было, как неожиданный порыв убийственного ветра, сметающего все и неудержимого – бушующий ветер смерти! Выстрелы. Автоматическое оружие – два: одно ближе, другое дальше. Полетели осколки стекла, древесные щепки, пронзительный крик из терминала возвестил смертельное попадание.

Схватив Мари обеими руками за талию, Борн поднял ее и впихнул в самолет, крича пилоту:

– Закрывай дверь и проваливай отсюда!

– Mon Dieu! – воскликнул пилот из открытой кабины. – Allez-vous-en! – прокричал он, веля Джейсону отойти от самолета. Взревели двигатели. Джейсон бросился на землю и поднял глаза. Он разглядел в иллюминаторе искаженное истерикой лицо Мари. Самолет начал разгоняться, помчался по взлетной полосе; он был свободен.

А Борн – нет. Он остался в обрамлении света посадочных огней. Куда бы он ни двинулся, его силуэт был отовсюду виден. Он достал из-за пояса пистолет, который ему дал Бернардин, – и пополз змеиными зигзагами по асфальту в сторону травы за забором.

Снова загрели выстрелы, но на этот раз это были три отдельных выстрела из терминала, где был выключен свет. Должно быть, это стрелял Конклин. Или дежурный, если у него имелось оружие. У Панова оружия не было. Кого же тогда подстрелили?.. Не до того! Раздалась длинная очередь из ближайшей автоматической винтовки; долгая и смертельная, она оставила следы на стене маленького строения и на воротах.

Следом вступило второе оружие; судя по звуку, оно находилось с противоположной стороны терминала. Через мгновение прозвучали два

отдельных выстрела, за последним из которых последовал крик боли – по-прежнему с противоположной стороны строения.

– Я ранен! – Голос был полон боли... с противоположной стороны строения. Автоматическая винтовка! Джейсон медленно приподнялся над травой и всмотрелся в темноту. Он заметил движение более черного участка темноты, навел пистолет и выстрелил в движущуюся фигуру, затем вскочил на ноги и побежал через ворота, поворачиваясь и давя на спусковой крючок, пока у него не кончились патроны и он не скрылся из виду восточной стороны строения, где кончалась полоса и янтарные огни. Затем осторожно прополз до секции невысокого забора, огибавшей угол терминала. Серо-белый гравий парковочной площадки был очень кстати; он мог разглядеть фигуру человека, корчащегося на камнях. Человек схватил оружие, упер его в землю и приподнялся с его помощью в полусидячее положение.

– Cugino! – крикнул он. – Помоги мне!

В ответ донесся звук очереди с западной стороны терминала, по диагонали направо от раненого.

– Боже правый! – кричал он. – Я серьезно ранен!

И снова в ответ прозвучали выстрелы из автоматической винтовки, сопровождаемые грохотом разбитого стекла. Киллер на западной стороне разнес окна и стрелял внутрь без разбора.

Борн бросил бесполезный теперь пистолет и, ухватившись за верх забора, перемахнул через него. Приземлившись, он почувствовал резкую боль в левой ноге. Что со мной? Почему мне больно? Проклятие! Он захромал к деревянному углу строения и выглянул из-за него. Фигура на гравии упала на спину, не в силах удержаться с помощью винтовки. Джейсон на ощупь подобрал с земли камень побольше и бросил его со всей силы за раненого человека. Камень врезался в гравий, издав звук, похожий на приближающиеся шаги. Киллер судорожно приподнялся и перекатился назад, удерживая оружие, которое дважды выпадало из его рук.

Сейчас! Борн сорвался с места и побежал по камням парковочной площадки, подпрыгнул и приземлился ногами в раненого. Он вырвал оружие из его рук и ударил его металлическим ложем по голове. Невысокий щуплый раненый обмяк. И снова неожиданно прогремело крещендо выстрелов с западной внешней стороны терминала, снова в сопровождении звона стекла. Первый киллер подбирался к своей цели. Его надо остановить! – подумал Джейсон. Он задыхался, все его тело ныло от боли. Куда девался вчерашний человек? Куда девался Дельта из «Медузы»? Хамелеон из Тредстоуна семьдесят один? Куда девался этот человек?

Борн схватил автомат «МАС-10» и побежал от бесчувственного тела на гравии к боковой двери терминала.

– Алекс! – крикнул он. – Впусти меня! У меня есть оружие!

Дверь распахнулась.

– Слава богу, ты жив! – воскликнул Конклин из темноты, когда Джейсон вбежал внутрь. – Мо плох – он ранен в грудь. Дежурный мертв, и мы не можем связаться с башней. Должно быть, они добрались туда раньше. – Алекс запер дверь. – Ложись на пол!

Стены снова затряслись от новой очереди. Борн сел на колени и выстрелил в ответ, затем упал на пол рядом с Конклином.

– Что случилось? – прокричал Джейсон, задыхаясь, его голос дрожал, пот бежал по лицу и щипал глаза.

– Случился Шакал.

– Как?

– Перехитрил нас всех. Тебя, меня, Крупкина и Лавьер – хуже всего, меня. Он распространил слух, что уехал, без каких-либо объяснений, зная, что ты в Париже, – просто что он уехал. Мы решили, что наша уловка сработала; и все указывало на Москву... Он втянул нас в свою собственную ловушку. Да еще как! Я должен был это предвидеть! Это было почти очевидно... Прости, Дэвид.

– Это он снаружи, да? И он хочет убить нас сам – все остальное не имеет для него значения.

Неожиданно через разбитое окно пробился слепящий луч фонарика. Борн моментально вскинул автомат и выстрелил. Однако вред уже был нанесен: их успели увидеть.

– Сюда! – крикнул Алекс, хватая Джейсона и прыгая вместе с ним за стойку, когда струя свинца вспорола то место, где они только что были. Очередь захлебнулась, раздался щелчок затвора.

– Ему нужно время, чтобы перезарядиться! – прошептал Борн. – Оставайся здесь!

Джейсон вскочил и побежал к дверям, проломился через них, держа оружие в правой руке. Его тело было собрано, напряжено, готово убивать – если годы позволят. Они должны позволить!

Он прополз через ворота, которые открыл для Мари, и прокатился по земле направо вдоль забора. Он снова был Дельтой из сайгонской «Медузы»... он

мог сделать это! Здесь не было спасительных джунглей, но здесь было все, что мог он – Дельта – использовать: темнота, перемежающиеся участки теней от множества облаков, прерывавших лунный свет. Использовать все! «Этому тебя учили... много лет назад – так много... Забудь обо всем лишнем, забудь о времени! Сделай это! Хищник в нескольких ярдах от тебя хочет твоей смерти – смерти твоей жены, смерти твоих детей. Смерти!»

Он двигался очень быстро, им двигала чистая ярость, охватившая его целиком, и он знал – чтобы победить, надо спешить изо всех сил. Он скользил вдоль забора, ограничивавшего аэродром, и завернул за угол терминала, готовясь к схватке. Смертоносный автомат был в его руках, указательный палец лежал на курке. Не более чем в тридцати футах впереди росла кучка кустов, а за ними – два толстых дерева; если он сможет за ними спрятаться, у него появится преимущество. Он тогда будет на возвышении, а Шакал – в долине смерти, если только Джейсон все еще за спиной ненавистного убийцы.

Он добрался до кустарника. В этот миг он снова услышал громкий звон стекла и новую очередь выстрелов – на сей раз такую длинную, что должен был опустеть весь магазин. Он остался не замечен; фигура у окна отошла в сторону, чтобы перезарядить автомат, сосредоточив внимание на этом процессе, не думая о возможном окружении. «Карлос тоже стареет и теряет сноровку, – подумал Джейсон Борн. – Куда девались осветительные шашки, необходимые для таких операций? Куда девались внимательные глаза, способные перезаряжать оружие в полной темноте?»

Темнота. Облако пришло на помощь; наступила полная темнота. Джейсон перемахнул через забор, скрываясь за кустарником, потом добежал до первого из двух деревьев, где смог выпрямиться, осмотреться и спланировать свои действия.

Что-то здесь было не так. Уж больно примитивно для Шакала действовал убийца. Он изолировал терминал, *ad valorem*, и цена была высока, но отсутствовали другие, более важные параметры смертельного уравнения. Не было искусности; наоборот, была только грубая сила, которой трудно противодействовать, но только не человеку, которого зовут Джейсон Борн, уже сбегавшему из этой ловушки.

Фигура у окна истратила патроны; киллер прислонился к стене, доставая из кармана очередной магазин. Джейсон выбежал из своего укрытия, стреляя на ходу, взорвав пыль у ног киллера, потом обведя пулями его силуэт.

– Все, хватит! – крикнул он, приближаясь к убийце. – Ты покойник, Карлос, одним нажатием курка – если только ты действительно Шакал!

Человек у разбитого окна отбросил оружие.

– Я не он, мистер Борн, – сказал убийца из Ларчмонта, Нью-Йорк. – Мы уже встречались раньше, но я не тот, за кого вы меня принимаете.

– На землю, сукин сын! – Киллер выполнил приказ. Джейсон подошел к нему. – Вытяни ноги и руки в стороны! – Эта команда также была выполнена. – Подними голову!

Мужчина так и сделал, и Борн уставился в лицо, смутно освещенное отдаленным светом янтарных огней на полосе.

– Видите? – сказал Марио. – Я не тот, кто вы думаете.

– Боже, – недоверчиво прошептал Джейсон. – Ты был в Манассасе, Виргиния. Ты пытался убить Кактуса, а потом и меня!

– Контракты, мистер Борн, ничего больше.

– А что с башней? Дежурный в башне!

– Я не убиваю без разбора. Как только он разрешил посадку самолету из Поитиерса, я велел ему убираться... Простите меня, но ваша жена тоже была в списке. К ее счастью, я не смог этого сделать, потому что она мать.

– Кто ты, черт возьми?

– Я только что сказал. Наемник-контрактник.

– Что-то плоховат для наемника.

– Я, возможно, не из вашей лиги, но честно служу моей организации.

– Боже, ты из «Медузы»!

– Я слышал это название, но это все, что я могу вам сообщить... Позвольте мне сказать кое-что, мистер Борн. Я не хочу оставить мою жену вдовой, а моих детей – сиротами ради контракта. Они слишком много для меня значат.

– Ты проведешь сто пятьдесят лет в тюрьме, и это только в том случае, если тебя будут судить в штате, где запрещена смертная казнь.

– Только не с тем, что я знаю, мистер Борн. О моей семье и обо мне хорошо позаботятся – новое имя, может быть, неплохая ферма в Дакоте или Вайоминге. Видите, я знал, что этот момент когда-нибудь наступит.

– Что уже наступило, ты, ублюдок, так это то, что мой друг там, внутри, сейчас истекает кровью. Твоих рук дело!

– Может, перемирие? – предложил Марио.

– Что, черт возьми, ты хочешь этим сказать?

– Меня ждет очень быстрая машина в полумиле отсюда, – ответил киллер из Ларчмонта, Нью-Йорк, затем снял с пояса прямоугольный предмет. – Она может быть здесь меньше чем через минуту. Уверен, водитель знает, где есть ближайший госпиталь.

– Идет!

– Договорились, Джейсон Борн, – сказал Марио и нажал кнопку.

* * *

Морриса Панова вкатили в операционную; Луис ДеФазио еще ждал своей очереди, поскольку его раны были признаны поверхностными. А также, после неофициальных переговоров Вашингтона с набережной д'Орсе, под охрану в американском посольстве в Париже был заключен преступник, известный просто как Марио.

Доктор в белом халате вышел в больничную комнату ожиданий; Конклин и Борн с испугом поднялись на ноги.

– Я не стану делать вид, что все в порядке, – сказал врач по-французски, – потому что это не так. Оба легких вашего друга прострелены, а также стенка сердца. Соотношение шансов на то, что он выживет, – сорок к шестидесяти – боюсь, не в его пользу. Однако он очень волевой человек, который хочет жить. Иногда это значит больше, чем любые медицинские заключения. Что еще я могу вам сказать?

– Спасибо, доктор, – Джейсон пошел прочь.

– Мне нужен телефон, – сказал Алекс, обращаясь к хирургу. – По-хорошему, мне бы надо поехать в посольство, но у меня нет столько времени. Могу я быть уверенным, что меня не будут подслушивать?

– Думаю, да, – ответил врач. – Мы просто не знаем, как это сделать, даже если бы захотели. Пожалуйста, воспользуйтесь моим кабинетом.

– Питер?

– Алекс! – вскричал Холланд из Лэнгли, Виргиния. – У вас все в порядке? Мари улетела?

– На твой первый вопрос ответ отрицательный; что касается Мари, будь готов к ее паническому звонку, как только она прибудет в Марсель. Пилоту запрещено пользоваться радио.

– Что?

– Скажи ей, что мы целы, Дэвид не ранен...

– Что ты несешь? – перебил его директор ЦРУ.

– На нас напали, пока мы ждали самолет из Поитиерса. Боюсь, Мо Панов в плохом состоянии, в таком плохом, что я даже не хочу сейчас об этом думать. Мы находимся в больнице, и доктор не очень нас обнадеживает.

– О боже, Алекс, мне очень жаль.

– В некотором смысле, Мо боец. Я все еще верю в него. Кстати, не говори об этом Мари. Она будет слишком беспокоиться.

– Конечно. Могу я чем-то помочь?

– Да, можешь, Питер. Скажи мне, что «Медуза» делает в Париже?

– В Париже? Это противоречит всему, что я знаю, а я знаю очень много.

– Мы уверены. Двоих, напавших на нас час назад, послала «Медуза». Мы даже получили что-то вроде признания.

– Я не понимаю! – протестовал Холланд. – Париж никак не входил в эти планы. Он никак не связан со сценарием.

– Нет, связан, – возразил бывший офицер. – Ты сам говорил. Ты назвал это самовыполняющимся пророчеством, помнишь? Логика, которую Борн воспринял как теорию. «Медуза» соединяется с Шакалом с целью уничтожения Джейсона Борна.

– В этом-то и дело, Алекс. Это всего лишь теория, гипотетически убедительная, но все же теория, основа для стратегии. Но этого не произошло.

– Очевидно, наоборот.

– Только не с этого края. Насколько нам известно, «Медуза» сейчас в Москве.

– В Москве? – Конклин чуть не выронил трубку из рук.

– Да. Мы сосредоточили внимание на юридической фирме Огилви в Нью-Йорке, прослушивая все, что только можно прослушать. Каким-то образом – мы пока не знаем каким – его предупредили, и он выехал из страны. Он полетел «Аэрофлотом» до Москвы, а его семья отправилась в Марракеш.

– Огилви?... – промолвил Алекс; он поморщил лоб, пытаясь вспомнить. – Из Сайгона? Офицер-юрист из Сайгона?

– Верно. Мы считаем, что он управляет «Медузой».

– И ты скрывал это от меня?

– Только название фирмы. Я же сказал, у нас свои приоритеты, а у вас – свои. Для нас «Медуза» важнее.

– Ты грязный полотер! – взорвался Конклин. – Я же знаю Огилви – точнее, знал его. Позволь сообщить тебе, как его прозвали в Сайгоне: Хладнокровный Огилви, самый изворотливый подонок во Вьетнаме. После нескольких повесток в суд и небольшого расследования я мог бы сказать тебе, где зарыты некоторые из трупов судей, убитых им, – но ты все запорол! Ты мог бы его взять под формальным предлогом за совершение нескольких убийств в армейских судах. Боже, почему ты мне не сказал?

– Честно говоря, Алекс, ты никогда не спрашивал. Ты просто заранее решил – и весьма правильно, – что я тебе этого не скажу.

– Ну, ладно, ладно, сделанного не воротишь – к черту с этим. Завтра или послезавтра ты получишь наших двоих из «Медузы», так что поработай над ними. Они оба хотят спасти свои задницы. Главарь – дерьмо, а вот его снайпер на все готов за свою семью.

– А что вы собираетесь делать? – снова спросил Холланд.

– Мы едем в Москву.

– За Огилви?

– Нет, за Шакалом. Но если вдруг встречу Брюса, передам ему от тебя привет.

Глава 35

Бакингэм Причард сидел рядом со своим дядей в униформе служащего, Сайрилом Сильвестером Причардом, заместителем директора по иммиграции, в офисе сэра Генри Сайкса в Доме правительства в Монтсеррате. Рядом с ними, справа от зама, был их адвокат, лучший защитник-соотечественник, которого Сайкс смог убедить помочь Причардам, когда Корона предъявила им обвинение в пособничестве терроризму. Сэр Генри сидел за столом и поглядывал в шоке на юриста, некоего Джонатана Лемюэля, который поднял голову и глаза к потолку – не для того, чтобы насладиться действием тропического вентилятора, гонявшего влажный воздух, а чтобы выразить свое неверие. Лемюэль получил юридическое образование в Кембридже, некогда «школяр» из колоний, заработал денег в Лондоне и к осени жизни вернулся в родной Серрат, чтобы насладиться плодами долгих трудов. Именно сэр Генри убедил своего ушедшего на отдых черного друга помочь парочке идиотов, которые, возможно, втянулись в серьезный международный скандал.

Причиной шока сэра Генри и неверия Лемюэля стал примерно следующий обмен репликами между Сайксом и заместителем директора по иммиграции.

– Мистер Причард, мы установили, что ваш племянник подслушал телефонный разговор Джона Сен-Жака с зятем, американцем мистером Дэвидом Веббом. Дальше, ваш племянник Бакингэм Причард только что добровольно и даже с энтузиазмом признал, что звонил вам с определенной информацией, содержащейся в том разговоре, и что вы, в свою очередь, однозначно утверждаете, что из-за этого должны были немедленно связаться с Парижем. Это верно?

– Целиком и полностью, сэр Генри.

– С кем вы связались в Париже? По какому телефонному номеру?

– При всем уважении, сэр, я поклялся хранить его в тайне.

При этих словах Джонатан Лемюэль воздел взгляд к потолку.

Сайкс, взяв себя в руки, положил конец возникшей короткой паузе.

– Что это было, мистер Причард?

– Мой племянник и я являемся частью международной организации, в которой задействованы величайшие лидеры мира, и мы поклялись не выдавать секретов.

– Боже правый, он верит в это, – пробормотал сэр Генри.

– О, ради всего святого, – простонал Лемюэль, опустив голову. – Наша здешняя телефонная служба не самая запутанная, особенно когда речь идет об общественных телефонах, одним из которых, я так полагаю, вы и должны были воспользоваться – в течение дня этот номер можно установить. Почему бы просто не предоставить его сэру Генри сейчас? Ему, очевидно, нужно знать его как можно скорее. Какой тут может быть вред?

– Вред, сэр, может быть причинен нашим вышестоящим людям в организации – это было доходчиво объяснено мне лично.

– Как эта ваша международная организация называется?

– Я этого не знаю, сэр Генри. Это часть конфиденциальности, как вы не понимаете?

– Боюсь, это вы не понимаете, мистер Причард, – заявил Сайкс дрожащим от злости голосом.

– О нет, сэр Генри, я понимаю, и я вам это докажу! – парировал заместитель, бросив после этого взгляд отдельно на каждого, будто желая внушить скептическому Сайксу и изумленному адвокату, а также своему любимому

племяннику собственную правоту. – На мой личный счет здесь, в Монтсеррате, была переведена большая сумма денег из частного швейцарского банка. Инструкции были точны, но достаточно растяжимы. Деньги должны были быть использованы в целях выполнения данных мне заданий... Транспорт, развлечения, жилье – мне сказали, я имею полную свободу действий, но, конечно, я храню полную запись всех своих издержек, как подобает второму офицеру иммиграции... Кто, как не очень серьезные люди, могли доверить человеку, которого они знали только по безупречной репутации и завидной должности?

Генри Сайкс и Джонатан Лемюэль снова переглянулись, к их изумлению и неверию теперь присоединилось и легкое смятение. Сэр Генри наклонился вперед над столом.

– Помимо этого, так скажем, тщательного наблюдения за Джоном Сен-Жаком, потребовавшим очевидных услуг вашего племянника, получали ли вы еще какие-нибудь задания?

– Вообще-то нет, сэр, но я уверен, что когда наши руководители увидят, как качественно я справился с этим заданием, вскоре последуют и другие.

Лемюэль приподнял ладонь на несколько дюймов от подлокотника, чтобы приостановить покрасневшего Сайкса.

– Скажите мне, – спросил он быстро и мягко, – эта большая сумма денег, посланная вам из Швейцарии, насколько она была велика? Ее величина не имеет юридического значения, но сэр Генри может в любой момент от имени Короны позвонить в ваш банк, так что будьте добры, скажите нам.

– Триста фунтов! – ответил Причард-старший с гордостью.

– Триста?.. – слова застряли в горле защитника.

– Не очень-то впечатляет, а? – пробормотал сэр Генри и молча отклонился назад.

– А приблизительно, – продолжил Лемюэль, – какими были ваши расходы?

– Зачем же приблизительно? Все точно, – кивнул заместитель директора по иммиграции, доставая из нагрудного кармана униформы блокнот.

– Мой замечательный дядя всегда точен, – вставил Бакингэм Причард.

– Спасибо, племянник.

– Сколько? – поторопил адвокат.

– Ровно двадцать шесть фунтов пять шиллингов, английскими, что эквивалентно ста тридцати двум западно-карибским долларам, последние

округлены до ближайшего целого по последнему курсу обмена валют – то есть я отбросил сорок семь центов.

– Поразительно, – выдавил Сайкс в изумлении.

– Я сохранил все чеки, – продолжал заместитель, набирая обороты. – Они заперты в негоряемом шкафу в моей квартире на Олд Роуд Бэй и включают следующее: семь долларов и восемнадцать центов за местные звонки в «Транквилити» – я не пользовался моим официальным телефоном; двадцать три доллара шестьдесят пять центов за дальний звонок в Париж; шестьдесят восемь долларов восемьдесят центов... ужин для меня и моего племянника во Вью-Пойнт – бизнес-конференция, можно сказать...

– Достаточно, – прервал его Джонатан Лемюэль, вытирая платком с черного лба пот, выступивший, несмотря на отлично справляющийся со своей работой вентилятор.

– Я готов подтвердить все, когда потребуется...

– Я сказал, достаточно, Сайрил.

– Также не могу скрывать, что не согласился на предложение таксиста зависеть цифру, указанную в чеке, и раскритиковал его, как официальное лицо.

– Хватит! – прогремел Сайкс. Вены выступили на его шее. – Вы оба – идиоты высшей пробы! Подумать только – даже предположить, – что Джон Сен-Жак преступник, просто возмутительно!

– Сэр Генри, – вступил Причард-младший. – Я сам видел, что случилось в «Транквилити Инн»! Это было ужасно! Гробы на пристани, часовня разрушена, правительственные катера вокруг нашего мирного острова – выстрелы, сэр! Пройдут месяцы, прежде чем мы полностью восстановим нашу работу.

– Вот именно! – бушевал Сайкс. – И вы верите, что Джонни Сент-Джей стал бы сам уничтожать свою собственность, его собственное дело?

– Ну, и не такое бывало в криминальном мире, сэр Генри, – произнес Сайрил Сильвестер Причард со знающим видом. – За время своей службы я слышал много историй. То, что описал мой племянник, называется диверсионной тактикой, призванной создать иллюзию того, что негодяи сами стали жертвами. Мне хорошо все объяснили.

– О, объяснили, правда? – вскричал бывший бригадир британской армии. – Что ж, позвольте мне объяснить вам кое-что еще. Вас одурачил международный террорист, которого разыскивают по всему миру! Знаете ли

вы, какое наказание предусмотрено за помощь и поддержку такого киллера? Я скажу прямо, на случай, если это ускользнуло от вашего внимания: учитывая вашу официальную должность – это, конечно же, расстрел или, менее милосердно, публичное повешение! А теперь, какой был тот чертов номер в Париже?

– При таких обстоятельствах, – промямлил заместитель, собирая все оставшееся достоинство, в то время как его дрожащий племянник схватил его левую руку, и трясущейся рукой потянулся за блокнотом. – Я его запишу для вас... Надо попросить к телефону черного дрозда. По-французски, сэр Генри. И сказать несколько слов, сэр Генри. По-французски, сэр Генри.

Джон Сен-Жак в сопровождении вооруженного охранника, одетого, как праздничный гость, в белые слаксы и свободный, мешковатый белый льняной пиджак, вошел в библиотеку их нового укрытия, имения на берегу Чесапикского залива. У дверей стоял другой охранник, мускулистый мужчина средних габаритов с четкими резными испанскими чертами лица; он указал на телефон на большом столе из вишневого дерева.

– Это вас, мистер Джоунс. Директор.

– Спасибо, Гектор, – сказал Джонни, замедлив шаги. – Скажи, а это «мистер Джоунс» обязательно?

– Ровно настолько, насколько обязательно «Гектор». На самом деле меня зовут Роджер... или Дэниэл. Как угодно.

– Усек.

Джонни подошел к столу и поднял трубку.

– Холланд?

– Номер, который раздобыл твой друг Сайкс, «слепой», но полезный.

– Как сказал бы мой зять, прошу тебя, говори по-английски.

– Это номер телефона в кафе на Мараисской набережной Сены. Пароль – позвать черного дрозда – un oiseau noir – и кто-то должен откликнуться. Если дрозд на месте, контакт состоялся. Если нет – надо попытаться позже.

– Чем он полезен?

– Мы попробуем, и не один раз, а внутри будет наш человек.

– Что еще происходит?

– Мне кажется, я уже достаточно рассказал.

– Черт тебя побери!

– Мари сообщит тебе последние новости.

– Мари?

– Сейчас летит к вам. Она чертовски зла, но при этом успокоенная жена и мать.

– Что ее так разозлило?

– Я заказал ей несколько долгих перелетов низким классом...

– Ради всего святого, почему? – сердито перебил брат Мари. – Нужно было послать за ней хоть целый самолет! Она значит больше, чем любой тупица в конгрессе или вашем правительстве, а ведь за ними ты посылаешь самолеты. Я не шучу, Холланд!

– Эти самолеты посылаю не я лично, – спокойно ответил директор. – Другие посылают. А те, что посылаю я, возбуждают слишком много вопросов и любопытства на международной почве, и это все, что я скажу об этом. Ее безопасность важнее ее комфорта.

– Остановимся на этом, honcho.

Директор помолчал, подавляя раздражение, в поиске нужных слов.

– Знаешь что? Ты не очень-то приятный тип.

– Моя сестра неплохо ладит со мной, что более чем опровергает твоё мнение.

– Произошел один неприятный инцидент, который никто из нас не мог предвидеть или даже вообразить.

– О, кажется, я слышу те самые знаменитые долбанные слова от американских властей! – воскликнул Джонни. – Что вы на этот раз упустили? Грузовик американских ракет агентам аятоллы в Париже? Что случилось?

И в третий раз Питер Холланд не смог ответить сразу, в трубке было слышно его тяжелое дыхание.

– Знаешь, молодой человек, я могу запросто повесить трубку и избавиться себя от твоего существования, что было бы весьма полезно для моего кровяного давления.

– Слушай, honcho, речь идет о моей сестре и парне, которому она жена, – и весьма неплохом парне, по-моему. Пять лет назад вы, ублюдки – повторяю, вы, ублюдки, – чуть было не убили их обоих в Гонконге. Я не знаю всех фактов, потому что они слишком, слишком глупы, чтобы говорить о них, но

знаю достаточно, чтобы не доверять тебе даже работу официанта у себя на островах!

– Вполне честно, – откликнулся Холланд более мягко. – Хотя это и не имеет значения, меня там тогда не было.

– Это не имеет значения. Это все ваша подпольная система. Ты бы сделал то же самое.

– Зная обстоятельства, может быть. И ты тоже, может быть, поступил так же. Но это тоже не имеет значения. Это история.

– А сейчас есть сейчас, – вставил Джонни. – Что случилось в Париже, что за «неприятный инцидент»?

– По словам Конклина, на них напали на частном аэродроме в Понткарре. Они отбились. Твой зять и Алекс не ранены. Это все, что я могу тебе сказать.

– Это все, что я хотел услышать.

– Я недавно говорил с Мари. Она в Марселе и будет здесь завтра поздним утром. Я сам встречу ее, и нас отвезут к Чесапикскому заливу.

– А как Дэвид?

– Кто?

– Мой зять.

– А... да, конечно. На пути в Москву.

– Что?

Самолет «Аэрофлота» свернул с посадочной полосы московского аэропорта Шереметьево. Пилот вел самолет некоторое время по боковой полосе, затем остановился в четверти мили от терминала, и в салоне прозвучало сообщение на русском и на французском языках:

– Мы задержимся на пять-семь минут перед высадкой. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах.

И никаких объяснений. Пассажиры из Парижа, которые не были советскими гражданами, вернулись к чтению, решив, что задержка вызвана другим самолетом, который еще не успели убрать с полосы. Однако те, кто являлся гражданами, а также и те немногие, кто был знаком с обычными процедурами по прибытии в Советский Союз, понимали, в чем дело. Сейчас высаживались пассажиры из отгороженной занавеской передней части салона большого самолета Ильюшина, предназначенной для особых

путешественников, которых никто посторонний не должен был видеть. Если не всех, то некоторых из них. Как правило, к передней двери самолета подъезжала платформа с закрытой металлической лестницей. В нескольких сотнях футов в стороне всегда поджидал правительственный лимузин, и пока спины этих особых пассажиров были короткое время на виду, когда они шли к машинам, по салону самолета ходили стюардессы и следили, чтобы не было камер. Их никогда не было. Эти пассажиры были нужны КГБ, и по причинам, известным одному только Комитету, их не должны были заметить в Шереметьевском международном терминале. Один из таких случаев и имел место этим поздним вечером.

Алекс Конклин выбрался из закрытой лестничной платформы в сопровождении Борна, который нес два чрезмерно больших чемодана с их багажом. Из лимузина вышел Дмитрий Крупкин и поспешил к ним навстречу, в то время как лестница отъехала в сторону и снова возрос рев двигателей самолета.

– Как ваш друг доктор? – спросил советский офицер разведки, стараясь перекрыть шум.

– Борется за свою жизнь! – прокричал в ответ Алекс. – Он может и не выкарабкаться, но борется изо всех сил.

– Это твоя ошибка, Алексей!

Самолет укатил прочь, и Крупкин понизил голос, говоря все еще громко, но уже не крича:

– Тебе следовало позвонить Сергею в посольство. Его группа была готова сопровождать вас куда угодно.

– Вообще-то мы решили, что если сделаем так, то поднимем тревогу.

– Уж лучше, перестраховавшись, поднять тревогу, чем подставляться под пули! – возразил русский. – Люди Карлоса не осмелились бы напасть на вас, будь вы под нашей защитой.

– Это был не Шакал. Не Шакал... – повторил Конклин, резко понизив голос до разговорного, заметив, что шум самолета утих вдали.

– Конечно, это был не он – он же здесь. Его «шестерки» выполняли его приказы.

– Не его «шестерки» и не его приказы.

– О чем ты?

– Поговорим об этом позже. Давай уберемся отсюда.

– Погоди, – Крупкин поднял брови. – Сначала мы поговорим. Прежде всего добро пожаловать в матушку-Россию. Во-вторых, было бы неплохо, если бы ты воздержался от обсуждения с кем бы то ни было некоторых аспектов моего стиля жизни, когда я бываю на правительственной службе на враждебном, воинственном Западе.

– Знаешь, Круппи, скоро они тебя догонят.

– Никогда. Они меня обожают, потому что я снабжаю Комитет более полезными сплетнями о высших лицах развращенного, так называемого свободного мира, чем любой другой офицер за рубежом. Кроме того, я еще и развлекаю моих руководителей в этом самом развращенном мире гораздо лучше, чем какой бы то ни было офицер где бы то ни было. А теперь, если мы выловим Шакала здесь, в Москве, меня, без сомнения, сделают членом Политбюро со статусом героя.

– Тогда ты сможешь воровать по-настоящему.

– Почему бы и нет? Они все воруют.

– Если не возражаете, – вежливо прервал их Борн, поставив оба чемодана на землю, – что-нибудь сделано? Есть какой-нибудь прогресс на площади Дзержинского?

– Это вопрос менее чем тридцати часов. Мы сузили поиск человека Карлоса до тринадцати возможных личностей, все они свободно говорят по-французски. Все они под полным наблюдением – человеческим и электронным; мы знаем, где они каждую минуту, а также с кем они встречаются, с кем говорят по телефону... Я работаю вместе с двумя комиссарами, ни один из которых ни слова не знает по-французски – они даже по-русски грамотно говорить не могут, но иногда приходится с этим мириться. Дело в том, что они оба безотказные и преданные своему делу люди и лучше послужат инструментами захвата Шакала, чем заново сразятся с нацистами. Они очень помогли в установке слежки.

– Ваша слежка – ерунда, и ты знаешь это, – сказал Алекс. – Спотыкаются об унитаза в женском туалете, когда следят за мужиком.

– На этот раз я сам выбирал людей, – возразил Крупкин. – Помимо четырех наших парней, тренированных в Новгороде, над этим работают перебежчики из Великобритании, Америки, Франции и Южной Африки – все с разведывательным прошлым, которые могут лишиться своих дач, если что-то пойдет не так. Я был бы действительно не прочь, если бы меня назначили в Президиум, а может быть, даже и в Центральный комитет. Ведь тогда меня, наверное, отправят в Вашингтон или Нью-Йорк.

– Где ты сможешь воровать по-настоящему, – повторил Конклин.

– Ты вредный, Алексей, очень, очень вредный. И все же после рюмки или шести водки напости мне рассказать тебе о кое-какой недвижимости, приобретенной нашим charge d'affaires 109 в Виргинии два года назад. Кстати, на деньги из банка его любовницы в Ричмонде. Теперь ему предлагают продать это уже за десятикратную стоимость!.. Пойдем в машину.

– Я не верю в эти слова, – сказал Борн, подхватив чемоданы.

– Добро пожаловать в реальный мир высокотехнологичной разведки, – тихо усмехнулся Конклин. – По крайней мере в одном аспекте.

– Во всех аспектах, – продолжил Крупкин, шагая к лимузину. – Однако мы не будем продолжать этот разговор в официальной машине, не так ли, джентльмены? Кстати, в вашем распоряжении двухкомнатный номер в «Метрополе» на проспекте Маркса. Там удобно, и я лично отключил все подслушивающие устройства.

– Я понимаю зачем, но как ты это сделал?

– Лишние проблемы, как вы знаете, страшнейший враг Комитета. Я объяснил внутренней службе безопасности, что то, что может быть записано, скорее всего окажется смертельной проблемой для всех посторонних людей, которые это услышат, ибо все они, без сомнения, будут сосланы на Камчатку. – Они подошли к машине. Водитель в темно-коричневом деловом костюме, точно таком же, какой был на Сергее в Париже, открыл заднюю левую дверцу. – Материал тот же, – сказал Крупкин по-французски, заметив реакцию спутников на похожий костюм. – К сожалению, пошив хуже. Я настоял, чтобы Сергей подогнал свой в Фабурге.

Гостиница «Метрополь» – обновленное дореволюционное здание, построенное в витиеватом стиле архитектуры, которую предпочитал царь, посещавший fin-de-siècle 110 Вену и Париж. Высокие потолки, повсюду мрамор, тут и там на стенах бесценные гобелены. Не с самой лучшей стороны характеризовал правительство тот факт, что в помещение допускалось множество бедно одетых горожан. Величественные стены и сверкающие люстры, казалось, смотрели с презрением на недостойных нарушителей. Однако на Крупкина это действие не распространялось: он чувствовал себя здесь свободно, как дома.

– Товарищ! – крикнул менеджер sotto voce, когда офицер КГБ повел гостей к лифтам. – Для вас есть срочное сообщение, – продолжил он, быстро шагая к Дмитрию, и вручил ему свернутую записку. – Мне было велено передать ее вам лично.

– Вы с этим справились, спасибо вам. – Дмитрий проводил менеджера взглядом, затем развернул записку. Борн и Конклин стояли позади него. – Я должен немедленно попасть на площадь Дзержинского, – сказал он, обернувшись к ним. – Это от моего второго комиссара. Пойдем, надо спешить.

Номер, как и вестибюль, принадлежал другому времени, другой эре, даже другой стране, если не считать выцветшие материалы и далеко не лучший ремонт лепнины. Эти недостатки служили как бы напоминанием о разнице между прошлым и настоящим. Двери двух спален были напротив друг друга, а между ними – просторная гостиная с медным баром с несколькими бутылками редких для московских прилавков напитков.

– Располагайтесь, – сказал Крупкин, направляясь прямиком к телефону на античного вида письменном столе, выполненном в гибридном стиле времен королевы Анны и более позднего Людовика. – О, совсем забыл, Алексей, я закажу чаю или родниковой воды...

– Забудь об этом, – сказал Конклин, взял у Борна свой чемодан и захромал в левую спальню. – Я хочу помыться: этот самолет был таким грязным.

– Надеюсь, это компенсирует дешевизну билета, – ответил Крупкин, подняв голос и набирая номер. – Кстати, вы, неблагодарные, в тумбочках у ваших кроватей вы найдете оружие. Автоматические «граз буря» тридцать восьмого калибра... Давайте, мистер Борн, – добавил он, – вы же не трезвенник, а это была долгая поездка, и, возможно, предстоит долгий разговор. Мой комиссар весьма бесшабашный парень.

– Да, пожалуй, не откажусь, – сказал Джейсон, бросив чемодан у второй двери. Он подошел к бару и, выбрав знакомую бутылку, налил себе рюмку. Крупкин заговорил по-русски. Борн не понимал этот язык, и он подошел к высоким, словно у кафедрального собора, окнам, выходящим на широкую улицу, известную как проспект Маркса.

– Добрый день... Да, да, почему?... Садовая тогда. Двадцать минут. – Крупкин раздраженно встряхнул головой, повесив трубку. Джейсон повернулся к русскому. – Мой второй комиссар оказался на этот раз не очень разговорчивым. Он отдает приказы.

– Что это значит?

– Мы должны ехать немедленно. – Крупкин посмотрел на дверь слева и крикнул: – Алексей, выходи! Срочно!.. Я пытался объяснить ему, что вы только приехали, – продолжил он, снова обращаясь к Джейсону, – но он и слушать не захотел. Я даже сказал, что один из вас уже залез в душ, а он только ответил: «Скажи, чтобы он выходил и одевался». – Конклин вышел из

комнаты в расстегнутой рубашке, вытирая лицо полотенцем. – Прости, Алексей, нам надо ехать.

– Куда? Мы только что приехали сюда.

– У нас есть квартира на Садовой – это московский «Grand Boulevard», мистер Борн. Это не Champs-Élysées, но не хуже. При царе умели строить.

– А что там? – спросил Конклин.

– Комиссар номер один, – ответил Крупкин. – Мы будем использовать эту квартиру в качестве, скажем так, нашего штаба. Меньшее и гораздо более приятное дополнение к площади Дзержинского – только никто о нем не знает, кроме нас пятерых. У него что-то есть, и мы должны ехать туда немедленно.

– Я готов, – сказал Джейсон, опуская стакан на медную стойку бара.

– Можешь пока допить, – сказал Алекс, неуклюже спеша обратно в комнату. – Мне надо вымыть мыло из глаз и заново закрепить чертов протез.

Борн снова поднял стакан и перевел глаза на советского полевого офицера, который проводил Конклина грустным взглядом из-под нахмуренных бровей.

– Вы знали его до того, как он потерял ногу? – тихо спросил Джейсон.

– О да, мистер Борн. Мы знаем друг друга уже двадцать пять... двадцать шесть лет. Стамбул, Афины, Рим... Амстердам. Он был замечательным соперником. Конечно, мы тогда были молодыми, стройными и быстрыми, мы были так увлечены сами собой, желая стать теми, кем представляли себя в будущем... Это все было так давно. Мы были чертовски хороши, знаете ли. Вообще-то он был даже лучше меня, но никогда не говорите ему, что я это сказал. Он всегда видел более широкую картину, более длинную дорогу, чем я. Конечно, это действовал русский, сидящий в нем.

– Почему вы говорите «соперник»? – спросил Джейсон. – Словно это спорт, будто вы в какую-то игру играли. Разве он не был вашим врагом?

Большая голова Крупкина резко повернулась к Борну, глаза смотрели холодно.

– Конечно, он был моим врагом, мистер Борн, и, чтобы прояснить ситуацию для вас, он все еще мой враг. Не принимайте мое отношение к нему за то, чем оно не является. Слабости человека могут помешать его вере, но не могут уменьшить ее. Может быть, у меня и нет возможности исповедаться, чтобы искупить свои грехи и снова идти грешить, несмотря на веру, но я все же верю... Мои дедушки и бабушки были повешены – повешены, сэр, – за то, что воровали кур во владениях принца Романова. Очень немногим, а то и вообще ни одному из моих предков не была дарована привилегия получить

даже самое примитивное обучение – не говоря уж об образовании. Великая социалистическая революция Карла Маркса и Владимира Ленина сделала возможным начало всего. Тысячи и тысячи ошибок были сделаны – многие из них непростительные, многие жестокие, – но начало было положено. Я сам являюсь одновременно и доказательством, и свидетельством этих ошибок.

– Не уверен, что понимаю это.

– Потому что вы и ваши несчастные интеллектуалы никогда не понимали то, что мы поняли с самого начала. Das Kapital, мистер Борн, описывает этапы пути к справедливому обществу, экономическому и политическому, но он не устанавливает и никогда не устанавливал, каким в конечном итоге должно быть правительство. Только то, что оно не может оставаться таким, какое уже есть.

– Я не специалист в этом.

– Это и не нужно. Лет через сто, возможно, вы будете социалистами, а мы капиталистами.

– Скажите мне кое-что, – спросил Джейсон, слыша, как и Крупкин, что Конклин выключил воду. – Вы смогли бы убить Алекса – Алексея?

– Без сомнения, как и он убил бы меня – с глубоким сожалением, – если такова будет цена информации. Мы профессионалы. Мы понимаем это, зачастую с неохотой.

– Я не понимаю ни одного из вас.

– Даже и не пытайтесь, мистер Борн, вы еще не дошли до этого – уже близко, но еще не дошли.

– Не могли бы вы это пояснить?

– Ты на острие копья, Джейсон, – можно я буду звать тебя Джейсон?

– Пожалуйста.

– Тебе около пятидесяти лет, плюс-минус год или два, верно?

– Верно. Через несколько месяцев мне будет пятьдесят один. И что?

– Нам с Алексеем идет седьмой десяток – ты представляешь, какая это разница?

– Откуда?

– Позволь объяснить тебе. Ты все еще полагаешь себя зрелым молодым человеком, который делает то, что ты всего мгновения назад делал в

воображении, и во многом ты прав. Движения все еще подвластны тебе, воля тоже; ты все еще владеешь своим телом. А потом неожиданно, хоть воля и тело по-прежнему сильны, разум медленно, неумолимо начинает отвергать необходимость принятия быстрых решений – как умственных, так и физических. Проще говоря, нас меньше заботит, будем ли мы прокляты или воспеты за то, что выжили.

– Кажется, ты только что сказал, что сможешь убить Алекса.

– Не стоит полагаться на это, Джейсон Борн – или Дэвид Вебб, кто бы ты ни был.

Конклин вышел из комнаты, заметно хромая и морщась от боли.

– Пойдем, – сказал он.

– Что, опять плохо закрепил? – спросил Джейсон. – Хочешь, я его...

– Забудь об этом, – раздраженно оборвал его Алекс. – Нужно быть акробатом, чтобы каждый раз крепить его правильно.

Борн понял; он уже забыл о своей попытке закрепить этот протез. Крупкин снова взглянул на Алекса с той странной смесью грусти и любопытства в глазах, а потом быстро заговорил:

– Машина припаркована вверху по улице, в Свердловском. Там она менее заметна, но я велю стюарду подогнать ее.

– Спасибо, – сказал Конклин с благодарностью во взгляде.

Богатая квартира на улице Садовой была одной из многих в старинном каменном здании, которое, как и «Метрополь», отражало величественные архитектурные излишества старой Российской империи. Квартиры в основном использовались для поселения – и прослушивания – высоких должностных лиц, а горничные, швейцары и консьержи частенько допрашивались КГБ, если не были прямо сотрудниками Комитета. Стены обиты красным велюром; крепкая мебель сильно напоминала о прошлой эпохе. Однако справа от богато декорированного камина в гостиной комнате резко выделялся среди общей обстановки, как кошмар дизайнера, большой черный телевизор, укомплектованный несколькими деками для разных форматов видеокассет.

Вторым нарушением обстановки, и уж точно оскорблением памяти элегантных Романовых, был грубо сложенный мужчина в мятой военной форме с расстегнутым воротником и жирными пятнами от пищи. Полное лицо лоснилось от жира, седеющие волосы подстрижены почти до самого черепа, а отсутствующий зуб в окружении пожелтевших соседей

свидетельствовал о пренебрежении услугами дантиста. У него было лицо крестьянина, узкие косящие глаза свидетельствовали о по-крестьянски хитром уме. Это был комиссар номер один Крупкина.

– Мой английский хромает, – заявил человек в форме, кивнув прибывшим, – но сам я понимаю. Кроме того, для вас у меня нет ни имени, ни официального положения. Зовите меня полковником, хорошо? Это ниже моего звания, но американцы обычно думают, что все русские в Комитете – «полковники», да? О'кей?

– Я знаю русский, – ответил Алекс. – Если вам так будет легче, говорите по-русски, а я переведу моему коллеге.

– Ха! – хохотнул полковник. – Значит, Крупкин не может одурачить вас, да?

– Да, не может.

– Это хорошо. Он слишком быстро говорит, да? Даже по-русски его слова звучат, как пулеметная очередь.

– И по-французски тоже, полковник.

– Кстати, о французском, – вступил Дмитрий, – не пора ли нам, товарищ, перейти к делу? Наш коллега на Дзержинского сказал, что нам следует прибыть как можно скорее.

– Да! Как можно скорее.

Офицер КГБ подошел к большому телевизору, взял пульт дистанционного управления и повернулся к остальным.

– Я буду говорить по-английски – для меня будет хорошая практика... Смотрите. Все на кассете. Весь материал снят людьми, которых Крупкин специально отобрал для слежки за нашими служащими, говорящими по-французски.

– Служащими, которые не могли быть скомпрометированы Шакалом, – пояснил Крупкин.

– Смотрите внимательно! – с настойчивостью подчеркнул крестьянин-полковник, нажав на кнопку пульта.

Экран ожил. Первые кадры оказались грубыми и размытыми. Большая часть была снята ручными видеокамерами из автомобильных окон. Одна за другой записи показывали конкретных людей, идущих по улицам Москвы, садящихся в официальные автомобили за руль или рядом с водителем, в городе и за городом. В каждом случае наблюдаемые объекты встречались с другими мужчинами и женщинами, чьи лица увеличивались на экране. Ряд

сюжетов был отснят внутри зданий – в этих случаях сцены были неразборчивыми и темными в результате недостаточного освещения и необходимости держать камеру скрытно.

– Вот это – дорогая шлюха! – засмеялся полковник, когда мужчина лет семидесяти прошел в сопровождении гораздо более молодой женщины в лифт. – Это отель «Солнечный» на Варшавском. Я лично проверю vouchers генерала и обрету преданного союзника, да?

Пленка все не кончалась, и Крупкин с двумя американцами начали уставать от, казалось, бесконечного и бессмысленного просмотра записи. Потом вдруг на экране появилось изображение большого собора, перед которым толпился народ. Судя по освещению, был ранний вечер.

– Собор Василия Блаженного на Красной площади, – прокомментировал Крупкин. – Теперь это музей, причем очень неплохой, но периодически какой-нибудь фанатик – как правило, иностранец – проводит там небольшую службу. Никто не вмешивается, что, конечно, на руку фанатикам.

Изображение на экране снова потемнело и замелькало, камера никак не могла сфокусироваться; оператор вошел внутрь собора вместе с потоком людей. Потом картинка установилась – возможно, оператор прислонился к колонне. В фокусе оказался престарелый мужчина, чьи белые волосы резко контрастировали с его легким черным плащом. Он шел по боковому проходу, задумчиво поглядывая на ряды икон и высокие величественные мозаичные окна.

– Родченко, – пояснил крестьянин-полковник гортанным голосом. – Великий Родченко.

Человек на экране прошел в просторный каменный угол собора, по стенам которого метались тени от двух толстых свечей. Видеокамера снова пошатнулась и поднялась немного вверх: агент, видимо, встал на что-то, чтобы оказаться выше. Картинка неожиданно стала более четкой, фигуры увеличились. Седоволосый объект подошел к другому мужчине, священнику в соответствующем одеянии, лысеющему, худому.

– Это он! – вскричал Борн – Это Карлос!

Потом на экране появился третий человек, присоединившийся к первым двум.

– Боже! – воскликнул на этот раз Конклин, вытаращив глаза. – Остановите! – Комиссар КГБ тут же выполнил просьбу с помощью пульта; картинка замерла, слегка дрожа. – Третий! Ты узнаешь его, Дэвид?

– Я знаю его, но не узнаю, – тихо ответил Борн. В его голове вспыхивали образы из далекого прошлого. Там были взрывы, белые ослепительные огни и размытые фигуры, бегущие сквозь джунгли... и потом человек, восточный человек, которого пули из автомата пригвоздили к стволу большого дерева. Внутренний экран его затуманился, и потом из тумана выступили бараки, комната, солдаты вокруг стола, деревянный стул справа, на нем сидит волнующийся, нервный мужчина. Джейсон вдруг узнал этого человека – это был он сам! Моложе, значительно моложе. И там была еще одна фигура, в военной форме, которая мерила шагами пространство перед стулом, как заключенное в клетку животное, яростно ругая человека, известного тогда как Дельта Один... Борн тяжело дышал, его глаза застыли на телеэкране. Он понял, что перед ним была постаревшая версия той сердитой шагающей фигуры из его воспоминаний.

– Зал суда в базовом лагере на севере Сайгона, – прошептал он.

– Это Огилви, – произнес Конклин отдаленным, приглушенным голосом. – Брюс Огилви... Боже, они все-таки соединились. «Медуза» вышла на Шакала!

Глава 36

– Это был суд, да, Алекс? – спросил Борн в замешательстве, слова его звучали неуверенно. – Военный суд.

– Да, – подтвердил Конклин. – Но судили не тебя, обвиняемым был не ты.

– Не я?

– Нет. Ты выступал обвинителем – что было весьма нехарактерно для членов вашей группы, собранной из пришедших со скамьи подсудимых. Кое-кто из армейских людей пытался тебя остановить, но у них не получилось... Мы обсудим это более подробно в другое время.

– Я хочу обсудить это сейчас, – твердо заявил Джейсон. – Этот человек на наших глазах встретился с Шакалом. И я хочу знать, кто он и что делает в Москве – с Шакалом.

– Позже...

– Сейчас. Твой друг Крупкин помогает нам, а это означает, что он помогает Мари и мне, и я благодарен ему за помощь. Полковник тоже на нашей стороне, иначе мы бы не увидели эту пленку. Я хочу знать, что произошло между мной и этим человеком, и пошли к черту все меры безопасности Лэнгли. Чем больше я узнаю о нем сейчас, тем лучше пойму, что от него ожидать, к чему быть готовым. – Борн резко повернулся к русским. – Чтобы вы поняли, в моей жизни был период, который я плохо помню, и это все, что вам нужно знать. Давай, Алекс.

– А мне бывает трудно вспомнить прошлую ночь, – сказал полковник.

– Расскажи ему, что он хочет знать, Алексей. Это не может повлиять на наши интересы. Сайгонская глава давно закрыта, как и Кабул.

– Ну, ладно. – Конклин опустился на стул и помассировал правую икру; он старался говорить непринужденно, но у него не очень получалось. – В декабре 1970 года один из ваших людей был убит во время прочесывания местности. Это сочли за случайное попадание кого-то из своих, но ты знал, что к чему. Ты знал, что он был помечен какими-то идиотами на юге базы; они это и подстроили. Этот камбоджиец был далеко не святошей, но знал все пути контрабанды, потому был вам нужен.

– Только образы, – перебил Борн. – Все, что я вижу, – только отдельные фрагменты. Я вижу, но не могу вспомнить.

– Те факты уже не имеют значения; они погребены вместе с несколькими тысячами других спорных событий. Очевидно, по вине вашего скаута тогда в Треугольнике сорвалась крупная сделка по наркотикам, и кое-кто в Сайгоне решил преподать урок. Они подлетели к вашей территории и спрятались в траве, словно были передовым отрядом. Но ты заметил их с небольшого возвышения и обрушил на них всю огневую мощь. Вы преследовали их до самого вертолета и предоставили им выбор: либо они сядут в вертолет и вы взорвете его, так что выживших не останется, либо они пойдут с вами в базовый лагерь. Они выбрали последнее и вернулись вместе с вами под дулами ваших автоматов, и ты убедил полевое командование принять множество твоих обвинений в убийстве. Тогда-то за своими сайгонскими ребятами и явился Хладнокровный Огилви.

– Потом что-то случилось, не так ли? Что-то невероятное – все смешалось.

– О да. Брюс обернул все против тебя и выставил тебя маньяком, патологическим лгуном и убийцей, который, если бы не война, давно сидел бы в тюрьме строгого режима. Он называл тебя всеми возможными обидными прозвищами и потребовал, чтобы ты раскрыл свое настоящее имя, – чего ты не сделал, не мог сделать, потому что тогда погибла бы семья твоей первой жены в Камбодже. Он пытался загнать тебя в угол и, когда это ему не удалось, пригрозил военному суду, что пожалуется на весь поганый батальон, чего суд допустить не мог... Головорезы Огилви были отпущены за недостатком доказательств, а тебя после суда физически задержали в бараках, пока Огилви не улетел обратно в Сайгон.

– Его звали Кван Су, – пробормотал Борн, качая головой вперед-назад, будто пытаясь стряхнуть кошмар. – Он был еще ребенком, лет шестнадцати или семнадцати, и посылал деньги, вырученные за наркотики, домой, в три

деревни, чтобы они не умерли от голода. Другого способа помочь им не было... дерьмо! На что бы только ни пошел любой из нас, если бы наши семьи умирали от голода?

– Это не возымело бы действия на суд, и ты знал это. Тебе приходилось держать язык за зубами и принимать оплеухи Огилви. Я был там и следил за тобой и никогда раньше не видел такого контроля над своей ненавистью.

– Этого я не помню. Хотя кое-что всплывает.

– Во время того суда ты адаптировался под текущее окружение, можно сказать, как хамелеон, – их глаза встретились, и Джейсон снова перевел взгляд на экран.

– И вот он с Карлосом. Мир тесен, не правда ли? Он знает, что я Джейсон Борн?

– Откуда? – спросил Конклин, поднимаясь со стула. – Тогда еще не было Джейсона Борна. Тогда не было даже Дэвида – только партизан, известный как Дельта Один. Имен ни у кого не было, помнишь?

– Я все время забываю, что еще изменилось. – Джейсон кивнул на экран. – Что он делает в Москве? Почему ты сказал, что «Медуза» нашла Шакала? Почему?

– Потому что он – та самая юридическая фирма в Нью-Йорке.

– Что? – Борн уставился на Конклина. – Это он...

– Председатель коллегии, – закончил Алекс. – Управление вышло на него, и он скрылся. Два дня назад.

– Почему, черт возьми, ты мне не сказал?! – сердито вскричал Джейсон.

– Потому что даже представить не мог, что перед нами появится эта сцена на экране. Я все еще не понимаю ее, но и не могу отрицать. К тому же у меня не было причин называть тебе имя, которое ты, может, и не помнишь. Очередной неприятный эпизод из прошлого. Зачем вносить лишние сложности? Стресса и без того хватает.

– Хорошо, Алексей! – сказал Крупкин, сделав шаг вперед. – Я услышал тут слова и имена, которые пробуждают определенные неприятные воспоминания по крайней мере во мне, и я думаю, это позволяет мне задать вопрос или два – особенно один. Кто такой этот Огилви, что так обеспокоил вас? Ты сказал нам, что он был в Сайгоне, но кто он теперь?

– Почему нет? – тихо спросил себя Конклин. – Он нью-йоркский адвокат, который возглавляет организацию, опутавшую своими сетями всю Европу и

Средиземноморье. Сначала, нажимая нужные кнопки в Вашингтоне, они скупали компании; создавали сговор на рынках и устанавливали свои цены, и ко всему прочему они не гнушаются убийствами – нанимают самых лучших профессионалов в этом деле. Есть доказательства того, что они заказали убийства некоторых официальных лиц в правительстве и военных, последним примером, с которым вы, без сомнения, знакомы, может служить убийство генерала Тигартена, верховного главнокомандующего НАТО.

– Невероятно! – прошептал Крупкин.

– Боже правый! – выдохнул крестьянин-полковник, вытирая глаза.

– О, они очень изобретательны, а Огилви – самый изобретательный из всех. Он – суперпаук, и он протянул нехилую сеть из Вашингтона по всем столицам Европы. К несчастью для него, и благодаря моему другу, он попался в собственную сеть, как муха. Его вот-вот должны были раздавить люди в Вашингтоне, которых он никак не мог подкупить, но его предупредили, и он выехал позавчера из страны... И я не имею ни малейшего понятия о том, зачем он приехал в Москву.

– Возможно, я смогу ответить на этот вопрос, – сказал Крупкин, бросив взгляд на полковника и кивнув ему, будто желая сказать: Все в порядке. – Я не знаю ничего – абсолютно ничего – ни об одном из убийств, о которых вы упомянули. Однако не исключено, что вы говорите об американской организации в Европе, которая уже много лет обслуживает наши интересы.

– Каким образом? – поинтересовался Алекс.

– Поставляя нам всевозможные секретные американские технологии, а также вооружения, материалы, запчасти для самолетов и оружейных систем – даже сами самолеты и оружейные системы иногда доставлялись через нейтральные страны. Я сообщаю вам это, зная, что вы понимаете: в случае чего я буду решительно отрицать сказанное.

– Понятно, – кивнул Конклин. – Как эта организация называется?

– Определенного единого названия не существует. Напротив, есть пятьдесят или шестьдесят компаний, действующих под одной крышей, но с таким огромным количеством различных наименований и происхождений, что конкретные взаимоотношения между ними определить просто невозможно.

– Единое название есть, и заведует всем Огилви, – возразил Алекс.

– Это приходило мне в голову, – сказал Крупкин, его глаза вдруг стали стеклянно-холодными, лицо приняло выражение непоколебимого фанатика.

– Однако то, что, похоже, так сильно беспокоит вас в связи с этим вашим американским адвокатом, уверяю вас, гораздо, гораздо менее значительно по

сравнению с нашими собственными интересами. – Дмитрий повернулся к подрагивающей картинке на экране телевизора, глаза его теперь наполнились злобой. – Офицер советской разведки на этом экране – генерал Родченко, второе лицо в КГБ и близкий советник генерального секретаря Советского Союза. Многие могут быть сделаны во имя российских интересов без ведома генерального секретаря, но только не сегодня, не в эту эру и не в той области, о которой вы говорите. Боже, верховный главнокомандующий НАТО! И ни разу – ни разу – не воспользоваться услугами Карлоса Шакала! Эти неприятности есть не что иное, как самые настоящие опасные и ужасные катастрофы.

– Какие будут предложения? – поинтересовался Конклин.

– Глупый вопрос, – резко ответил полковник. – Арест, потом Лубянка... и тишина.

– Тут есть одна проблема, – возразил Алекс. – ЦРУ знает, что Огилви в Москве.

– И в чем же проблема? Мы избавим и их, и себя от нездоровой личности и его преступлений и пойдем по своим делам.

– Это может показаться вам странным, но проблема не только с нездоровой личностью и его преступлениями, даже в том, в чем затрагиваются интересы Советского Союза. Проблема с прикрытием – там, где затрагиваются интересы Вашингтона.

Офицер Комитета взглянул на Крупкина и заговорил по-русски:

– О чем это он?

– Нам это трудно понять, – ответил Дмитрий на том же языке. – Однако для них это действительно проблема. Позволь объяснить.

– Что они говорят? – раздраженно спросил Борн.

– Кажется, сейчас состоится урок по основам гражданства в стиле Соединенных Штатов.

– Такие уроки часто проходят мимо ушей в Вашингтоне, – перебил Крупкин по-английски, затем снова переключился на русский и обратился к своему превосходящему его по званию коллеге: – Видишь ли, товарищ, никто в Америке не станет винить нас за то, что мы воспользовались криминальными услугами этого Огилви. Есть поговорка, которую так часто повторяют, что она покрыла уже целые океаны вины: «Дареному коню в зубы не смотрят».

– Какое отношение имеют зубы коня к подаркам? Из-под его хвоста выходят удобрения для ферм; а сквозь зубы – только слюна.

– При переводе некоторый оттенок теряется... Однако у этого адвоката, Огилви, очевидно, было множество связей в правительстве – чиновники, которые прикрывали его спорные операции за большие деньги, операции с миллионами и миллионами долларов. Законы обходили, людей убивали, ложь принимали за правду; конечно, без коррупции не обошлось, а американцы, как мы знаем, одержимы коррупцией. Они даже любую прогрессивную идею называют потенциально разлагающей, и более старые, более знающие народы ничего не могут с этим поделать. Они вывешивают свои грязные полотна всему миру на обозрение, как знаки чести.

– Потому что так и есть, – вставил Алекс по-английски. – Это то, что многие здесь не смогут понять, потому что вы закрываете каждую свою идею, каждое преступление, затыкаете каждый открытый рот корзиной роз... Однако, имея в виду одиозные сравнения, я обойдусь без лекции. Просто говорю тебе, что Огилви должен быть отправлен назад, и все счета закрыты.

– Не сомневайтесь, мы учтем это пожелание.

– Этого мало, – сказал Конклин. – Давай так. Без сомнения, скоро слишком многое станет известно об этой организации, включая связь с убийством Тигартена, чтобы вы могли оставить его здесь. Не только Вашингтон, но и все Европейское сообщество обернется против вас. Вы так боитесь лишних проблем – и она у вас будет, и не одна, не говоря уж о том, как это скажется на торговле, вашем импорте и экспорте...

– Мы тебя поняли, Алексей, – перебил его Крупкин. – Допустим, мы сделаем по-твоему. Будет ли ясно, что Москва полностью сотрудничала в передаче этого американского преступника обратно в руки американского правосудия?

– Очевидно, без вас мы бы не справились. Как временный полевой офицер, я поручусь за это перед обоими комитетами по разведке конгресса, если надо будет.

– И что мы не имеем никакого – абсолютно никакого – отношения к упомянутым убийствам, особенно к убийству верховного главнокомандующего НАТО.

– Легко. Это была основная причина вашего содействия. Ваше правительство было возмущено этим убийством.

Крупкин тяжело посмотрел на Алекса и понизил голос, что придавало ему еще большую убедительность. Он медленно повернулся, взглянул на экран телевизора, потом перевел взгляд обратно на Конклина.

– Генерал Родченко? – сказал он. – Что нам делать с генералом Родченко?

– Это уже ваше дело, – тихо ответил Алекс. – Ни Борн, ни я никогда не слышали этого имени.

– Да, – кивнул Крупкин, тоже медленно. – А что вы собираетесь делать с Шакалом на советской территории, ваше дело, Алексей. Однако можете быть уверены в нашем сотрудничестве до конца.

– С чего начнем? – нетерпеливо спросил Джейсон.

– Всему свое время. – Дмитрий повернулся к комиссару КГБ. – Товарищ, вы поняли, о чем мы говорили?

– Достаточно, Крупкин, – ответил грубый крестьянин-полковник, направляясь к телефону на инкрустированном мраморном столике у стены.

Он поднял трубку и набрал номер; ответ последовал немедленно.

– Это я, – сказал комиссар по-русски. – Третий человек на седьмой пленке, с Родченко и священником, Нью-Йорк идентифицировал как американца по имени Огилви. За ним необходимо немедленно установить слежку, и он не должен покидать Москву. – Полковник вдруг поднял брови, лицо его покраснело. – Тот приказ отменяется! Он выходит из-под ответственности Дипломатической службы, он теперь переходит под КГБ... Причина? Подумай башкой, тупица! Скажи им, что мы уверены, что это американский двойной агент, которого эти идиоты не смогли раскрыть. Потом навешай им обычной лапши: тайные враги государства в связи с укреплением его позиций, их завышенные амбиции снова под защитой Комитета – и все такое. И еще можешь добавить, что дареному коню в зубы не смотрят... Я сам всего этого не понимаю, товарищ, но эти бабочки в дорогих костюмах наверняка поймут. Предупреди аэропорты. – И он повесил трубку.

– Он все уладил, – сказал Конклин Борну. – Огилви из Москвы никуда не денется.

– Мне наплевать на Огилви! – взорвался Джейсон, его голос звучал напряженно, челюсть дрожала. – Я здесь ради Карлоса!

– Священник? – спросил полковник, отходя от столика.

– Так точно.

– Это просто. Мы посадим генерала Родченко на очень длинный поводок, который он не почувствует и не увидит. Держать поводок будете вы. Он обязательно встретится со своим священным Шакалом еще раз.

– Это все, что мне нужно, – сказал Джейсон Борн.

Генерал Григорий Родченко сидел за столиком у окна в ресторане «Ласточка» у Крымского моста Москвы-реки. Это было его излюбленным местом для полуночных обедов; огни на мосту и неторопливых судах приятно расслабляли глаза, что было полезно для обмена веществ. Ему была необходима успокаивающая атмосфера, потому что последние два дня все шло наперекосяк. Был ли он прав? Не подвели ли его инстинкты? Он не мог знать этого в тот момент, но эти самые инстинкты позволили ему пережить в молодости сумасшедшего Сталина, буйного Хрущева – в зрелости, и вальяжного Брежнева несколькими годами позже. Потом новая Россия при Горбачеве, фактически новый Советский Союз, и в его годы это было только на руку. Быть может, обстановка разрядится и все эти длительные распри отойдут за дальний, некогда враждебный горизонт. И все же горизонты на самом деле не менялись; они всегда оставались лишь горизонтами, далекими, плоскими, подсвеченными цветом тьмы.

Ему удалось выжить, и Родченко понимал, что для выживания надо защищать себя с как можно большего числа направлений. Он также внедрился в как можно большее число подразделений различных международных организаций. И работал не покладая рук, чтобы стать доверенным лицом генерального секретаря; он был экспертом по сбору информации для Комитета; он первый наладил контакт с американской организацией, известной ему одному в Москве как «Медуза», через которую по всей России и странам Варшавского договора производились уникальные поставки. С другой стороны, он был еще связан с парижским монсеньором, Карлосом Шакалом, которого не раз отговаривал или откупал от контрактов, которые могли указать на Советский Союз. Он был идеальным бюрократом, работавшим за кулисами международной сцены, не желая ни аплодисментов, ни известности – всего лишь выживания. Тогда зачем он сделал то, что сделал? Был ли это просто опрометчивый поступок, вызванный усталостью, страхом и плохим предчувствием? Нет, это было логичное расширение событий, согласующееся с нуждами его страны и, превыше всего, с абсолютной необходимостью того, чтобы Москва отрешилась навсегда и от «Медузы», и от Шакала.

По словам генерального консула в Нью-Йорке, Брюс Огилви в Америке был конченым человеком. Консул предложил предоставить ему убежище, а в обмен постепенно абсорбировать миллиарды его активов в Европе. Что беспокоило генерального консула в Нью-Йорке, так это не финансовые манипуляции Огилви, нарушившие больше законов, чем существовало судов для разбирательства, а скорее убийства, которые, насколько было известно консулу, широко им практиковались и включали убийство верховного главнокомандующего НАТО. Вдобавок к этим ужасам в Нью-Йорке считали, что Огилви, чтобы предотвратить конфискацию нескольких своих компаний,

заказал дополнительные убийства в Европе, в основном тех немногих влиятельных людей в разных фирмах, кто понимал сложные международные связи, которые могли привести к великой юридической фирме и непроизносимому кодовому названию «Медуза». Если бы эти заказные убийства были совершены в то время, когда Огилви находился в Москве, возникли бы вопросы, которые Москва не могла допустить. А потому доставить его в Советский Союз и вывезти обратно как можно скорее – легко сказать, да трудно выполнить. Неожиданно, заметил Родченко, в этот *danse masabre* встрял этот параноидальный парижский монсеньор. Было необходимо встретиться немедленно! Карлос откровенно прокричал свое требование по общественному телефону. Но надо было принять все меры предосторожности. Шакал, как обычно, потребовал, чтобы это было публичное место, где полно народу, со множеством доступных выходов, где он мог бы кружить, как ястреб, не показываясь, пока его профессиональные навыки не будут удовлетворены. Еще через два звонка из разных мест встреча была назначена. Собор Василия Блаженного на Красной площади во время вечернего наплыва туристов. В затененном углу справа от алтаря, где есть занавешенные выходы наружу. Готово!

Потом, после этого третьего звонка, как гром среди ясного неба, Григорию Родченко пришла мысль столь драматически дерзкая и одновременно столь очевидная и простая, что у него перехватило дыхание. Это было решение, которое могло полностью отдалить советское правительство от любых связей и с Шакалом, и с Огилви из «Медузы», если это потребуется цивилизованному миру.

Очень просто: свести незнакомых друг с другом Шакала и Огилви, хотя бы на минуту, лишь бы достаточно долго, чтобы они оказались в пределах одного фотокадра. Это все, что было нужно.

Вечером он пошел в Дипломатическую службу и запросил краткую встречу с Огилви. Во время этой очень дружественной и непринужденной беседы Родченко ожидал его перехода к откровенности – который он весьма тщательно подготовил, проведя необходимое расследование.

– Летом вы отдыхаете на мысе Код, да? – поинтересовался генерал.

– В основном только уик-энды. А жена и дети живут там весь сезон.

– Когда я работал в Вашингтоне, у меня были два хороших друга на мысе Код. Я провел с ними несколько чудных, как вы говорите, уик-эндов. Возможно, вы знаете моих друзей, Фростов – Гардли и Кэрол Фрост?

– Конечно, я их знаю. Он адвокат, как и я, специализируется на морском законодательстве. Они живут вниз по береговой дороге, в Деннисе.

- А его жена – очень привлекательная женщина.
- Очень.
- Да. Вы не пробовали взять ее мужа работать к себе в фирму?
- Нет. У него своя фирма, «Фрост, Голдфарб и О’Шонесси», и клиентура на массачусетском побережье.
- У меня такое чувство, что я почти знаю вас, мистер Огилви, хоть и через общих знакомых.
- Жаль, мы не встречались на мысе.
- Что ж, пожалуй, я могу воспользоваться нашим почти близким знакомством – через общих друзей – и попросить об одолжении, гораздо меньшем, чем то, которое, насколько я понимаю, мое правительство охотно позволяет вам.
- Мне дали понять, что это обоюдно, – ответил Огилви.
- Ах, я ничего не смыслю в дипломатии, но понятно, что я мог бы замолвить за вас словечко, если вы поможете нам – мне и моему маленькому, хотя и не самому незначительному, отделу.
- Что от меня требуется?
- Есть тут один священник, социалистически ориентированный и воинственно настроенный, который считает себя марксистским агитатором, хорошо знакомым нью-йоркским судам. Он прибыл всего несколько часов назад и требует конфиденциальной встречи через пару часов. На проверку его заявлений просто нет времени, но, по его словам, у него есть целая история судебных «гонений» в Нью-Йорке, а также множество фотографий в газетах, так что вы, возможно, даже узнаете его.
- Возможно, если он тот, за кого себя выдает.
- Конечно! И так или иначе, ваши заслуги безусловно будут оценены нами.
- Все было устроено. Огилви будет в толпе у собора Василия Блаженного поблизости от места встречи. Увидев, что к Родченко подошел священник в дальнем углу справа от алтаря, он должен «случайно встретить» генерала КГБ и изобразить удивление. Им следует поздороваться до неучтивости кратко, так быстро и размыто, чтобы эпизод показался незначительным, словно встреча двух цивилизованных, но недружелюбных знакомых, которой они не могли избежать в общественном месте. Необходимо было подойти как можно ближе, потому что в том углу слабое освещение от свечей, адвокат мог не разглядеть лицо священника.

Огилви сыграл свою роль в духе юриста-стажера, который загоняет свидетеля обвинения в словесную ловушку вопросом, который можно опротестовать, а потом кричит: «Я отзываю свой вопрос», лишая тем самым обвинителя возможности сказать речь.

Шакал сразу же в ярости повернулся прочь, но полноватая престарелая женщина успела сделать серию великолепного качества снимков на сверхскоростную пленку с помощью сумочки, в ручку которой была вмонтирована миниатюрная камера. Это доказательство теперь хранилось в сейфе в кабинете Родченко. Папка под названием «Наблюдение за американцем Б. Огилви».

На странице под фотографией убийцы и американского адвоката было написано следующее: Объект с пока не идентифицированным лицом во время тайной встречи в соборе Василия Блаженного. Встреча длилась одиннадцать минут тридцать две секунды. Фотографии отправлены в Париж для возможной верификации. Предполагается, что неидентифицированное лицо – Карлос Шакал.

Излишне говорить, что Париж как раз готовил доклад, включавший несколько фотографических композиций от Второго бюро и Сюртэ. Ответ: Подтверждено. Определенно, Шакал.

Какой ужас! На советской земле!

Киллер, напротив, оказался гораздо менее покладистым. После краткой, неловкой встречи с американцем Карлос продолжил свою ледяную инквизицию, под его холодным внешним видом чувствовался неумный гнев.

– Они подбираются к тебе! – сказал Шакал.

– Кто?

– Комитет.

– Я и есть Комитет!

– Думаю, ты ошибаешься.

– В КГБ ничего не происходит без моего ведома. Откуда у тебя эта информация?

– Париж. От Крупкина.

– Крупкин готов на что угодно, лишь бы продвинуться дальше, включая распространение ложной информации, даже касающейся меня. Он человек-загадка – то это эффективный полиглот и офицер разведки, а то превращается в сплетничающего шута во французских перьях, оставаясь при

этом сводником для путешествующих министров. Его нельзя воспринимать всерьез там, где речь идет о серьезных вещах.

– Надеюсь, ты прав. Я свяжусь с тобой завтра, поздно вечером. Ты будешь дома?

– Только не для твоего телефонного звонка. Я буду ужинать один в «Ласточке». Что ты будешь делать завтра?

– Убеждаться в твоей правоте.

И Шакал растворился в толпе.

Прошло уже двадцать четыре с лишним часа, и Родченко не услышал еще ничего, что могло бы изменить график. Не исключено, что этот психопат уже вернулся в Париж, как-то убедившись, что его параноидальные подозрения безосновательны, и его потребность в постоянном движении, гонке, полетам по всей Европе пересилила минутную панику. Кто знает? Карлос тоже был загадкой. В нем одновременно сосуществовали недоразвитый садист – специалист по, пожалуй, самым темным методам жестокости и убийства – и больной, извращенный романтик, нездоровый на голову юноша, тянущийся к видению, которому дела до него нет. Кто знает? Близился тот момент, когда пуля в его голове положит конец всем вопросам.

Родченко поднял руку, подзывая официанта; он хотел заказать кофе и бренди – славный французский бренди, сохраняемый для настоящих героев Революции, особенно выживших. Вместо официанта к его столику подбежал менеджер «Ласточки» с телефоном в руках.

– Вам срочный звонок, генерал, – сказал менеджер в свободном черном костюме, поставив телефон на стол и протягивая пластмассовую вилку, которую надо было воткнуть в розетку на стене.

– Спасибо, – менеджер удалился, и Родченко подключил телефон. – Да?

– За тобой следят, куда бы ты ни пошел, – сообщил голос Шакала.

– Кто?

– Твои собственные люди.

– Я тебе не верю.

– Я наблюдал весь день. Хочешь, я опишу тебе места, где ты был за последние тридцать часов? Начиная с напитков в кафе на Калинина, киоска на Арбате, ленч в «Славянках», вечерняя прогулка вдоль Лужнецкой?

– Хватит! Где ты?

– Выходи из «Ласточки». Медленно, непринужденно. Я тебе докажу. – Раздались короткие гудки.

Родченко повесил трубку и попросил официанта принести счет. Мгновенная реакция человека в фартуке была вызвана не столько званием генерала, сколько тем фактом, что это был последний посетитель ресторана. Оставив деньги на столе, старый солдат попрощался, прошел через тускло освещенное фойе к выходу и оказался на улице. Было уже почти 1.30 ночи, и, если не считать редких бродяг-забулдыг, улица была пуста. Через мгновение в свете уличного фонаря нарисовался прямой силуэт, поднявшийся из проема между витринами магазина метрах в тридцати справа. Это был Шакал, по-прежнему в своем священническом черном одеянии с белым воротником. Он поманил генерала за собой и медленно пошел к темно-коричневой машине, припаркованной прямо через улицу. Родченко догнал киллера у машины.

Шакал внезапно включил фонарик и направил его мощный луч через открытое окно в салон машины. У старого солдата перехватило дыхание, его глаза уставились из-под тяжелых век на ужасную сцену. На переднем сиденье находился агент КГБ с перерезанным горлом, потоки крови окрасили его одежду. Сразу за окном был второй наблюдатель, его запястья и ноги были связаны проволокой, толстая веревка опутывала лицо, врезавшись в рот, позволяя только хрипло, удушенно кашлять. Он был жив, в его глазах царил страх.

– Водитель был тренирован в Новгороде, – сообщил генерал безучастным голосом.

– Знаю, – ответил Карлос. – Я забрал его документы. Теперь, видимо, тренируют не так, как раньше, товарищ.

– А этот второй – любимец Крупкина здесь, в Москве. Сын его друга, я слышал.

– Теперь Крупкин мне не друг.

– И что ты думаешь делать? – спросил Родченко, глядя на Шакала.

– Исправлять ошибки, – ответил Карлос, поднял пистолет с глушителем и трижды выстрелил генералу в горло.

Глава 37

Ночное небо было хмурым, грозовые тучи клубились над Москвой, сталкивались друг с другом, предвещая дождь, гром и молнию. Коричневый седан мчался по пригородной дороге мимо заросших полей, водитель маниакально сжимал руль и время от времени поглядывал на своего связанного пленника, молодого человека, который беспрестанно пытался

высвободиться из своих пут. Вербка вокруг его лица причиняла ему ужасную боль, о чем свидетельствовала не покидавшая лицо гримаса и вытаращенные в страхе глаза.

На заднем сиденье, пропитанном кровью, лежали трупы генерала Григория Родченко и новгородского выпускника, сотрудника КГБ, возглавлявшего команду наблюдения за старым солдатом. Неожиданно, не замедлив машину и не подав виду о своих намерениях, Шакал увидел, что искал, и свернул с дороги. Машину занесло, покрышки взвизгнули, седан ворвался в поле высокой травы и через несколько секунд разрушительно резко остановился, так что тела на заднем сиденье ударились о спинки передних. Карлос открыл дверцу и выбрался наружу; он вытащил окровавленные трупы из машины в траву, бросив генерала поперек офицера Комитета, их кровь теперь смешалась и намочила землю.

Он вернулся к машине и грубо вытащил молодого агента КГБ с переднего сиденья одной рукой, держа во второй руке блестящий охотничий нож.

– Нам есть о чем поговорить наедине, – сказал Шакал по-русски. – И с твоей стороны будет глупо что-либо скрывать... А ты не станешь, ты ведь еще слишком мягок, слишком молод. – Карлос бросил его на землю, высокая трава склонилась под тяжестью его тела. Карлос достал фонарик и сел на корточки рядом с пленником, направив нож к глазам агента.

Последние слова слетели с уст окровавленного юноши, и эти слова гремели, подобно барабанам, в ушах Ильича Рамиреса Санчеса. Джейсон Борн в Москве! Это действительно должен был быть Борн, потому что испуганный молодой агент КГБ выплескивал информацию стремительным, паническим потоком фраз, глотая окончания, сообщая все, что только могло спасти ему жизнь. Товарищ Крупкин – два американца, один высокий, другой хромым! Мы отвезли их в гостиницу, потом на встречу на Садовой.

Крупкин и ненавистный Борн провели его людей в Париже – в Париже, его неприступном вооруженном лагере! – и последовали за ним в Москву. Как? Теперь это уже не имело значения. Имело значение лишь то, что сам Хамелеон остановился в «Метрополе»; а изменники в Париже никуда не денутся. В «Метрополе»! Его злейший враг был всего в часе езды, в Москве, наверняка безмятежно спал, даже не подозревая, что Карлос Шакал уже знает, что он там. Киллера переполнило чувство триумфа – над жизнью и смертью. Врачи говорили, что он при смерти, но они ошибаются так же часто, как бывают правы, и в тот момент они ошибались! Смерть Джейсона Борна возродит его.

Однако время было неподходящее. Три часа утра – не лучшая часть суток, для того чтобы красться по улицам или гостиницам в поисках жертвы, в Москве, в городе, скованном хваткой постоянной подозрительности, где сама темнота была настороженной. Всем известно, что в главных гостиницах ночные дежурные вооружены и назначались на эту должность за меткость и за рвение в службе. Дневной свет приносил облегчение от ночных забот; лучшее время для нападения – утренняя суета.

А сейчас было самое время для другого удара, по крайней мере прелюдии к нему. Пора созвать своих подопечных в советском правительстве и дать им знать, что прибыл их монсеньор – Мессия прибыл, чтобы освободить их. Перед отъездом из Парижа он собрал все досье, а также досье, скрытые среди тех досье, с виду безобидные бумажки в папках, пока не осветить их инфракрасной лампой, – тогда тепловые волны высветят печатный текст. Местом встречи он избрал маленький заброшенный магазин на Вавилова. Он свяжется с каждым из своих людей с общественного телефона и даст им указание быть там к 5.30, используя для подхода параллельные улицы и переулки. К 6.30 это дело завершится, каждый подопечный будет вооружен информацией, которая выдвинет его/ее на высшие позиции в московской элите. Появится еще одна невидимая армия, гораздо меньшая, чем в Париже, но не менее эффективная и бесконечно более удобная для его операций. И к 7.30 великий Шакал окажется на месте у «Метрополя», ожидая начала движения просыпающихся гостей, времени гремящих подносов и тележек комнатной obsługi и лихорадочной суеты вестибюля, беспокойства и бюрократии. Именно тогда в «Метрополе» он будет к услугам Джейсона Борна.

Один за другим, подобно усталым бродягам, ранним утром пять мужчин и три женщины прибыли к полуразрушенному входу в заброшенный магазин на улице Вавилова. Их осторожность можно было понять: этого района следовало избегать, хотя и не обязательно из-за неприятных жителей: московская милиция свирепствовала в таких районах, – а из-за множества ветхих строений. Район находился в процессе обновления; однако, как в любых проектах городского строительства по всему миру, у прогресса бывает две скорости: медленная и полная остановка. Единственным постоянным, хотя и по меньшей мере опасным удобством, было наличие электричества, и Карлос воспользовался им исключительно для своих целей.

Он стоял в дальнем конце голого бетонного помещения, лампа лежала на полу позади него, высвечивая силуэт, не позволяя разглядеть его черты, скрытые вдобавок поднятым воротником черного одеяния. Справа от него стоял сломанный низкий деревянный стол, на котором были разложены

папки с досье, а слева от него, прикрытый кипой газет, невидимо для его «подопечных», лежала обрезанная 56-я винтовка и автомат «АК-47» с сороказарядным магазином. Второй магазин был заткнут за пояс Шакала. Оружие было с ним почти по привычке: он не ожидал никаких осложнений. Только поклонение.

Он осмотрел присутствующих, заметив, что все восемь искоса поглядывают друг на друга. Никто не произнес ни слова; в сыром воздухе мрачного заброшенного помещения чувствовалось напряженное ожидание. Карлос понимал, что должен развеять страх, эту скрытность, как можно скорее. Именно для этого он расставил восемь стульев, собранных из разных брошенных кабинетов в задней части магазина. Когда люди сидят, они менее напряжены; это трюизм. Однако ни один из стульев не был занят.

– Спасибо, что пришли сюда этим утром, – сказал Шакал по-русски, повысив голос. – Прошу вас, выберите себе по стулу и присаживайтесь. Наша беседа будет недолгой, но потребует предельной концентрации... Не мог бы товарищ, ближайший к двери, закрыть ее? Мы больше никого не ждем.

Один бюрократ твердой походкой прошел к тяжелой старой двери и закрыл ее, в то время как остальные взяли себе по стулу, отставив их друг от друга на равные расстояния. Карлос подождал, пока все рассядутся и стихнет скрежет деревянных ножек о цемент. Затем, подобно опытному оратору-актеру, Шакал выдержал паузу, прежде чем формально обратиться к своей аудитории. Он глянул своими пронизательными глазами по очереди на каждого из присутствующих, будто желая сообщить каждому и каждой, что он и она для него особенные. Последовали краткие движения рук, в основном женских, разглаживавших складки одежды, когда на них останавливался его взгляд. Их одежда была характерна для представителей высших правительственных кругов – прямого покроя и консервативная, но хорошо выглаженная и чистая.

– Я парижский монсеньор, – начал киллер в церковном одеянии. – Я тот, кто провел несколько лет в поисках каждого из вас – при помощи товарищей здесь, в Москве, и за ее пределами – и посылал вам немалые деньги, прося только о том, чтобы вы тихо дожидались моего прибытия и проявили такую же преданность мне, какую я проявил по отношению к вам... По вашим лицам я предвижу ваши вопросы, так что позвольте мне пояснить. Годы тому назад я был среди немногих избранных для обучения в Новгороде. – Последовала тихая, но заметная реакция присутствующих. Миф о Новгороде соответствовал реальности; это действительно был очень хороший учебный центр для самых одаренных товарищей – как им дали понять, но правды никто на самом деле не знал, потому что о Новгороде редко говорили вслух,

только шепотом. Несколько раз кивнув, Карлос отметил для себя эффект, произведенный его откровением, и продолжил:

– Прошедшие после этого годы я провел во множестве стран, продвигая интересы великой социалистической революции, был подпольным комиссаром с гибкими полномочиями, которые требовали частых поездок сюда, в Москву, глубокого изучения конкретных ведомств, в которых каждый из вас занимает ответственную должность. – Шакал снова сделал паузу, потом вдруг заговорил резко: – Должности ответственные, но без власти, которая должна принадлежать вам. Ваши возможности недооценивают, вам недоплачивают, потому что начальники над вами – полные идиоты.

Реакция слушателей теперь была более заметной, определенно менее сдержанной.

– По сравнению с аналогичными отделами в правительствах наших соперников, – продолжал Карлос, – мы далеко отстали, в то время как должны быть далеко впереди, и мы отстали потому, что ваши таланты все время подавляются вышестоящими людьми, которые больше заботятся о своих должностных привилегиях, чем о функционировании их отделов!

Реакция была мгновенной, даже возбуждающей: три женщины вполне открыто, хотя и сдержанно, зааплодировали.

– Именно по этой причине, по этим причинам я и мои единомышленники здесь, в Москве, нашли вас. Далее, именно поэтому я посылал вам деньги – вы могли использовать их по своему личному усмотрению, – потому что эти деньги приблизительно показывают, какие привилегии имеет ваше начальство. Так почему бы вам не получать их и не радоваться им, как радуются эти тупицы?

По помещению прокатилось «Почему нет?» и «Он прав», теперь все переглядывались и кивали головами. Тогда Шакал начал перечислять восемь основных ведомств, и на каждое из названий присутствующие кивали с энтузиазмом.

– Министерства транспорта, печати, финансов, внешней торговли, юстиции, обороны, науки и, наконец, хотя и не на последнем месте, Верховный Совет... Это ваши области, но вас отрезали от всех конечных решений. Этого больше нельзя терпеть – пора все изменить!

Слушатели поднялись с мест как один, они больше не были незнакомцами – наоборот, люди были объединены идеей. Но тут один, очевидно, осторожный бюрократ, который закрывал дверь, сказал:

– Похоже, вы хорошо знаете наше положение, сэр, но что может его изменить?

– Это, – провозгласил Карлос сделав драматический жест в сторону папок, разложенных на столе. Группа медленно опустилась обратно на стулья, переглядываясь и посматривая на папки. – На этом столе лежат секретно добытые конфиденциальные досье на ваших начальников, каждого из представленных здесь ведомств. В них содержится столь опасная для них информация, что, оказавшись в ваших руках, она гарантирует вам немедленное продвижение по службе, а в некоторых случаях ваше назначение в те самые высокие кабинеты. Вашему начальству не останется выбора, потому что эти данные – кинжалы, приставленные к их горлу. Разглашение этой информации приведет к позору и казни.

– Сэр? – женщина средних лет в аккуратном, но неброском голубом платье неуверенно поднялась. Ее светло-серые волосы были зачесаны назад и убраны в тугий пучок; вставая, она быстрым движением, с чувством собственного достоинства поправила его. – Я ежедневно обрабатываю дела персонала... и часто обнаруживаю ошибки... как вы можете быть уверены в том, что эти досье точны? А если они неверны, мы можем попасть в очень опасное положение, разве не так?

– Одно только то, что вы сомневаетесь в их точности, оскорбительно, мадам, – холодно ответил Шакал. – Я парижский монсеньор. Я тщательно описал ситуации каждого из вас и тщательно обрисовал порочность вышестоящих лиц. Далее, с немалыми затратами и риском для себя и моих московских сообщников я тайно передавал вам деньги, чтобы вы могли сделать свою жизнь более комфортной.

– Что касается меня, – перебил худой мужчина в очках и коричневом деловом костюме, – я благодарен за деньги – свои я вложил в наш коллективный фонд и ожидаю умеренной отдачи, – но что же дальше? Я из Министерства финансов и, признав это, освобождаю себя от соучастия, чтобы прояснить мой статус.

– Что бы это ни значило, счетовод, ваш статус так же ясен, как и статус вашего безнадёжного министерства, – перебил его тучный мужчина в черном костюме, маловатом для его размеров. – Вы даже сомневаетесь в возможности получения достойной отдачи! Я из Министерства обороны, и нас-то вы упорно лишаете инициативы.

– Как и с научными исследованиями! – воскликнул невысокий профессор в твидовом костюме, несимметричность чьей бородки была, без сомнения, вызвана слабым зрением, несмотря на толстые очки, покоившиеся на его носу. – Отдача, понимаете ли! А как насчет распределения?

– Его более чем достаточно для ваших ученых-недоучек! Гораздо выгоднее воровать идеи у Запада!

– Прекратите! – вскричал священник-убийца, воздев руки, подобно мессии. – Мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать межведомственные конфликты: они решатся сами собой, как только вы окажетесь у власти. Запомните! Я – парижский монсеньор, и вместе мы создадим новый, очищенный порядок для нашей великой революции! Конец благодущию!

– Очень интересная концепция, сэр, – сказала другая женщина, лет тридцати, в дорогой складчатой юбке, ее аккуратные черты, очевидно, были знакомы остальным, поскольку она была популярной ведущей новостей на телевидении. – Однако не могли бы мы вернуться к вопросу о достоверности?

– Этот вопрос не обсуждается, – отрезал темноглазый Карлос, пристально глядя на каждого. – Иначе – откуда бы мне было знать о вас все?

– Я не сомневаюсь в вас, – настаивала телеведущая. – Но, как журналист, я всегда стараюсь искать второй источник информации для подтверждения, если только Министерство не определит иначе. Поскольку вы не работаете в Министерстве печати, сэр, и зная, что все, сказанное вами, будет строго конфиденциально, между нами, не могли бы вы дать нам второй источник?

– Меня что, поучает марионеточная журналистка, когда я говорю истину? – У киллера перехватило дыхание от злости. – Все, что я сказал вам, – истина, и вы знаете это.

– Как и преступления Сталина, сэр, а они были похоронены вместе с двадцатью миллионами трупов за тридцать лет.

– Вам нужны доказательства, журналистка? Я дам вам доказательства. У меня глаза и уши лидеров КГБ – а именно самого генерала Григория Родченко. Он – мои глаза и мои уши, и если вы хотите знать всю правду, он мне многим обязан! Потому что я и для него парижский монсеньор.

Среди присутствующих прошел неопределенный шорох, коллективное сомнение, волна тихих покашливаний. Телеведущая опять заговорила, теперь более мягко, ее взгляд был прикован к человеку в церковном одеянии.

– Вы можете быть кем угодно, сэр, – начала она, – но вы не слушаете круглосуточное Радио Москвы. Около часа назад прозвучало сообщение о том, что генерал Родченко застрелен этим утром иностранными преступниками... Было также сказано, что все высшие офицеры Комитета созваны на срочное совещание, чтобы обсудить обстоятельства убийства генерала. Говорят, нужны были невероятные причины для того, чтобы такой опытный человек, как генерал Родченко, позволил заманить себя в ловушку.

– Они опровергнут его данные, – добавил осторожный бюрократ, упруго вскакивая на ноги. – Они начнут разглядывать все под микроскопом в поисках этих «невероятных стечений обстоятельств». – Он посмотрел на киллера в одежде священника. – Не исключено, что они найдут сведения о вас, сэр. И копии ваших досье.

– Нет, – сказал Шакал. На его лбу выступили капельки пота. – Нет! Это невозможно. У меня единственные копии этих досье – других не существует!

– Если вы верите в это, святой отец, – возразил тучный мужчина из Министерства обороны, – то вы плохо знаете Комитет.

– Знаю? – вскричал Карлос. Его левая рука начала подрагивать. – Да у меня его душа! От меня не скроется ни один секрет, потому что я сам являюсь носителем всех секретов! У меня есть целые тома на правительства многих стран, на их лидеров, на их генералов, на их высших чиновников – у меня источники по всему миру!

– Однако у вас больше нет Родченко, – продолжил человек из Министерства обороны, тоже встав со стула. – И, кстати, вы ведь даже не удивились.

– Что?

– Большинство из нас, если не все, первым делом с утра включают радио. Эта глупость повторяется каждое утро, но, наверное, в этом есть и удобство. И я уверен, все мы знали о смерти Родченко... А вы, святой отец, не знали, и когда наша телеведущая сказала об этом, вы не были шокированы, даже не удивились.

– Конечно же, был удивлен! – вскричал Шакал. – Но я обладаю превосходным самоконтролем. Поэтому мне доверяют, поэтому я нужен марксистским лидерам всего мира!

– Это уже не модно, – пробормотала женщина средних лет, специализировавшаяся на личных делах персонала; она тоже поднялась на ноги.

– Что вы несете? – Голос Карлоса превратился в грубый, осуждающий, быстро усиливающийся шепот. – Я же парижский монсеньор. Я сделал вашу жизнь гораздо более комфортной, чем вы могли ожидали, и теперь вы меня допрашиваете? Откуда я знаю то, что знаю? – как мог бы я продемонстрировать вам мои возможности здесь, в этой комнате, если бы не был среди самых привилегированных людей Москвы? Вспомните, кто я!

– Но мы не знаем, кто вы такой, – сказал другой мужчина, тоже поднимаясь со стула. Как и у остальных мужчин, его одежда была аккуратной, строгого покроя и хорошо выглаженной, но отличалась в лучшую сторону качеством,

словно он больше заботился о своей внешности. Его лицо тоже имело отличия; оно было бледнее, чем у остальных, и глаза были более внимательными, как-то более сфокусированными, создавая впечатление, что он тщательно взвешивает свои слова. – Помимо церковного титула, который вы себе присвоили, мы больше ничего о вашей личности не знаем, а вы, очевидно, не собираетесь ее раскрыть. Что касается того, что вы знаете, вы изложили нам вопиющие слабости и вытекающую из них несправедливость в наших ведомствах, но они широко распространены во всех министерствах. Вы с таким же успехом могли выбрать десяток других вместо нас из других органов, и осмелюсь заявить, жалобы были бы такими же. Ничего нового...

– Да как вы смеете! – крикнул Карлос Шакал, вены вздулись на его шее. – Кто вы такие, чтобы говорить это мне? Я парижский монсеньор, истинный сын Революции!

– А я судебный адвокат Министерства юстиции, товарищ монсеньор, и более молодой продукт этой революции. Возможно, я не знаю глав КГБ, которые, по вашим словам, являются вашими послушными орудиями, но зато знаю, какие наказания грозят нам, если мы возьмем юридические процессы в свои руки и сами – тайно – пойдем против нашего начальства, а не доложим немедленно о готовящемся правонарушении. Это риск, на который я не готов пойти без гораздо более убедительных доказательств, чем какие-то никому не нужные досье из неизвестных источников. Их могли выдумать недовольные чиновники, возможно, рангом намного ниже нас... Честно говоря, я даже не хочу видеть эти бумаги, потому что не желаю быть скомпрометирован знакомством с очерняющими вымыслами, которые могут стать опасными для моего теперешнего положения.

– Вы всего лишь жалкий юрист! – проревел киллер, сжимая и разжимая кулаки, глаза его налились кровью. – Правда сама по себе вас не интересует! И компаньонов вы выбираете в соответствии с текущими потребностями!

– Не стоит, товарищ священник. Я намерен удалиться, и мой совет всем остальным, собравшимся в этой комнате, последовать моему примеру.

– Вы не посмеете.

– Посмею, – ответил советский адвокат, позволив себе немного юмора. Он осмотрелся и усмехнулся. – Мне, наверное, следовало бы судить самого себя, но боюсь, что я слишком хорош в своей работе.

– Не забывайте про деньги! – взвизгнул Шакал. – Я посылаю вам всем многие тысячи!

– И где это зафиксировано? – невинным тоном поинтересовался юрист. – Вы же сами сделали так, чтобы их путь нельзя было проследить. Бумажные

пакеты в наших почтовых ящиках или в шкафах в кабинетах – с записками, велевшими нам их уничтожить после прочтения. Кто из наших сограждан признается, что это он их туда положил? Это прямой путь на Лубянку... До свидания, товарищ монсеньор, – сказал адвокат и направился к двери.

Один за другим, как и прибыли, собравшиеся двинулись за юристом, оглядываясь на странного человека, который столь экзотично, столь внезапно прервал их спокойную жизнь, инстинктивно зная, что на его пути их ожидали бы только позор и казнь. Смерть.

Однако ни один из них не был готов к тому, что последовало далее. Киллер в одежде священника вдруг сорвался; внутренние молнии питали его безумие. Его темные глаза горели яростным огнем, который можно было потушить, лишь отведя душу в жестокости – безжалостном, грубом, диком возмездии за все обиды, причиненные его чистой цели – убить неверных! Шакал смахнул со стола досье и нагнулся к кипе газет; он схватил свой автомат и взревел:

– Стоять! Вернитесь все!

Никто не подчинился, и всплески внешнего проявления психопатической энергии продолжались. Киллер нажимал на курок, и мужчины и женщины погибали. Сопровождаемый стонами умирающих, убийца выбежал наружу, прыгая через трупы, проклиная неверных.

– Предатели! Грязь! Мусор! – выкрикивал обезумевший Шакал, направляясь к машине, которую «позаимствовал» у Комитета и его группы наблюдения. Ночь подошла к концу; началось утро.

Телефон в «Метрополе» не просто зазвенел – он надрывался. Алекс Конклин, проснувшись, раскрыл глаза, моментально вытряхнув из головы сон, и схватил гремевшую трубку с тумбочки.

– Да? – сказал он, вдруг задумавшись, в правильную ли часть трубки говорит. С какой стороны у нее микрофон?

– Алексей, будь начеку! Никого не впускайте в комнату и держите оружие наготове!

– Крупкин?.. Что, черт возьми, случилось?

– Бешеная собака сорвалась с цепи в Москве.

– Карлос?

– Он окончательно свихнулся. Он убил Родченко и зарезал двух агентов, следивших за ним. Их тела нашел колхозник около четырех утра – похоже, его разбудили своим лаем собаки, возбужденные запахом крови.

– Боже, он перешел все пределы... Но почему ты думаешь...

– Одного из наших агентов он пытал, перед тем как убить, – перебил его офицер КГБ, предвидя вопрос Алекса. – Парень был нашим водителем из аэропорта, мой протеже и сын моего однокурсника, с которым мы вместе жили в университете. Отличный молодой человек из приличной семьи, но он не был достаточно натренирован для такой опасной работы.

– Ты думаешь, что он мог рассказать Карлосу о нас, верно?

– Да... Это еще не все. Примерно час назад на улице Вавилова были убиты из автомата восемь человек. Они были просто расстреляны, это была настоящая бойня. Одна из умиравших, телевизионная журналистка, сказала, что убийца был священником из Парижа, который величал себя «монсеньор».

– Боже! – воскликнул Конклин, сев на кровати и отсутствующим взглядом уставившись на обрубок плоти там, где раньше была нога. – Это была его московская «армия».

– Так называемая, причем именно «была», – подтвердил Крупкин. – Помнишь, я говорил тебе, что подобные рекруты бросят его при первом же признаке опасности.

– Я разбужу Джейсона...

– Алексей, послушай меня!

– Что? – Конклин зажал трубку между щекой и плечом и потянулся за протезом.

– Мы сформировали тактический ударный отряд, мужчины и женщины в гражданском – сейчас их инструктируют, и они скоро будут готовы.

– Хороший ход.

– Но мы специально не предупредили ни персонал гостиницы, ни милицию.

– Вы были бы идиотами, если бы сделали это, – одобрил Алекс. – Мы будем готовы и возьмем этого сукиного сына здесь! У нас бы ничего не вышло, если бы тут и там сновали милицейские мундиры или бегали в истерике служащие. У Шакала глаза даже в коленных чашечках.

– Делайте, что я вам скажу, – приказал русский. – Никого не впускайте, держитесь подальше от окон и вообще будьте осторожны.

– Естественно... Что ты имеешь в виду, про окна? Ему потребуется время, чтобы выяснить, где мы... опросить служанок, стюардов.

– Прости, дружище, – перебил Крупкин. – Как ты себе представляешь ангельского вида священника, в утренний час пик в вестибюле спрашивающего у вахты о двух американцах, один из которых заметно хромает?

– Вполне обыденно, если ты параноик.

– Вы на высоком этаже, а прямо через проспект Маркса – крыша офисного здания.

– Ты тоже весьма быстро соображаешь.

– Куда быстрее, чем этот идиот на Дзержинского. Я бы связался с тобой значительно раньше, если бы мой картофельный комиссар не позвонил мне всего две минуты назад.

– Пойду разбужу Борна.

– Будьте осторожны.

Конклин не услышал последнего предостережения русского. Он быстро бросил трубку на аппарат и натянул протез, небрежно замотав ремни из «липучки» вокруг икры. Затем выдвинул ящик тумбочки и достал оттуда автоматический пистолет «граз буря», специально разработанное оружие КГБ, с тремя обоймами. «Граз», как всем известно, был пока уникальным, потому что это было единственное существующее автоматическое оружие с глушителем. Цилиндрическая насадка выкатилась к стенке ящика; Алекс достал ее и накрутил на короткий ствол. Он неловко надел брюки, заткнул оружие за пояс и пошел к двери, открыл ее и вышел в богато декорированную викторианскую гостиную, где у окна стоял полностью одетый Джейсон.

– Это наверняка был Крупкин, – сказал Борн.

– Да, это был он. Отойди от окна.

– Карлос? – Борн тут же отступил назад и повернулся к Алексу. – Он знает, что мы в Москве? – спросил он и добавил: – Знает, в какой мы комнате?

– Обстоятельства указывают на это. – Конклин вкратце передал то, что сообщил ему Крупкин. – Тебе это о чем-нибудь говорит? – спросил Алекс, закончив.

– Он вне себя, он взорвался, – тихо ответил Джейсон. – Это должно было случиться. Бомба замедленного действия в его голове наконец сработала.

– Я тоже так думаю. Его московский отряд оказался мифом. Они, наверное, посмеялись над ним, и он их уничтожил.

– Мне жаль этих людей, – сказал Борн. – Я бы хотел, чтобы все было по-другому, но ничуть не сожалею о состоянии его рассудка. С ним случилось то, чего он желал мне.

– Круппи говорил об этом, – добавил Конклин. – У него психопатическое смертельное желание вернуться к людям, которые впервые узнали о том, что он маньяк. Теперь, если он знает, что ты здесь, а в этом сомнений нет, его навязчивая идея может осуществиться, чтобы твоя смерть заменила его смерть – дав ему тем самым что-то вроде символического триумфа, что ли.

– Ты чрезмерно много общался с Пановым... Интересно, как он там.

– Я звонил в больницу сегодня утром. У него может парализовать левую руку и частично правую ногу, но они думают, что он выживет.

– Мне наплевать на его руки и ноги. Что с его головой?

– Очевидно, она невредима. Главная медсестра этажа сказала, что для доктора он ужасный пациент.

– Слава богу!

– Я думал, ты неверующий.

– Это символическая фраза, спроси Мо. – Борн заметил пистолет за поясом Алекса; он указал на него. – Не слишком открыто?

– Для кого?

– Для obsługi, – ответил Джейсон. – Я позвонил и заказал любого супа, какой у них найдется, и большой чайник кофе.

– Нет, не слишком. Крупкин сказал, чтобы мы никого к себе не впускали, и я ему это обещал.

– Это уже пахнет паранойей...

– Я почти так и сказал, но это его территория, а не наша. Как и окна.

– Погоди-ка! – воскликнул Борн. – А что, если он прав?

– Маловероятно, но возможно, если только не... – Конклин не успел закончить предложение. Джейсон достал из-под правой полы пиджака пистолет и пошел к выходу из номера. – Что ты делаешь? – вскричал Алекс.

– Возможно, отношусь к твоему «другу» Круппи чуть более серьезно, чем он того заслуживает, но это стоит попробовать... Иди сюда, – велел Борн,

указав на дальний левый угол комнаты. – Я оставлю дверь незапертой, и когда стюард постучится, пригласи его – по-русски.

– А ты?

– В коридоре стоит автомат по изготовлению льда; он не работает, но рядом с ним стоит автомат «Пепси». Он тоже не работает, но я могу спрятаться между ними.

– Хвала капиталистам. Давай!

Человек из «Медузы», некогда известный как Дельта, отпер замок, открыл дверь, выглянул в коридор, пробежал к нише в стене, вмещавшей два автомата, и сел между ними на корточки, прислонившись к правой внутренней стене. Он ждал. Его колени ныли – такой боли не было всего несколько лет назад. И тут он услышал звук катящихся колесиков. Звук становился громче и громче, тележка, накрытая скатертью, проехала мимо в сторону двери их номера. Джейсон взглянул на стюарда; это был молодой человек лет двадцати, блондин, невысокого роста, с внешностью раболепного слуги. Он вежливо постучал в дверь. Это точно не Карлос, подумал Борн, с болью поднимаясь на ноги. Он слышал приглушенный голос Конклина из-за двери, приглашавший стюарда войти; и когда молодой человек открыл дверь и стал закатывать столик внутрь, Джейсон спокойно убрал свой пистолет в карман. Он наклонился и помассировал правую икру, чувствуя, как выпуклую часть мышцы свело судорогой.

Это случилось подобно волне, ударившей в одинокую скалу. Черная фигура выскочила из невидимого углубления в коридоре и промчалась мимо автоматов. Борн откинулся назад к стене. Это был Шакал!

Глава 38

Вихрь безумия! Со всей силы Карлос врезался правым плечом в светловолосого официанта, отчего тот отлетел в сторону, опрокинув столик набок; еда забрызгала стены и ковер на полу. Неожиданно официант, сгруппировавшись, выхватил еще в воздухе из-за пояса пистолет. Шакал не то почувствовал, не то уловил краем глаза это движение. Он резко развернулся, сдвинул курок автомата, и пули грубо прибили блондина к стене, прошив ему голову и тело. В этот миг мушка на стволе пистолета Борна зацепилась за ткань его брюк. Он порвал ткань как раз в тот момент, когда глаза Карлоса поймали его в свой прицел; ярость и триумф преисполнили взгляд киллера.

Джейсон высвободил наконец оружие и откатился назад в нишу, когда очередь Шакала разнесла яркую облицовку автомата с напитками, и пули впились в пластины тяжелого пластика, которыми был отделан сломанный

ледяной автомат. Борн упал на живот и выскользнул в проход, подняв пистолет и стреляя с такой скоростью, с какой он только был способен нажимать курок. Одновременно с этим прозвучали еще выстрелы, не из автомата. Это Алекс стрелял из номера! Они поймали Карлоса в перекрестный огонь! Это удалось – и теперь все могло закончиться в этом гостиничном коридоре в Москве! Пусть это случится, пусть это случится!

Шакал вскрикнул; это был характерный крик, означавший, что в него попали. Борн перекатился обратно к стене. Его внимание на мгновение привлекли звуки заработавшей вдруг ледяной машины. Он снова присел и хотел было выглянуть из своего укрытия, как вновь загремело убийственное безумие в коридоре, достигнув лихорадочной интенсивности ближнего боя. Подобно разъяренному зверю в клетке, раненый Карлос крутился на месте, выпуская длинные очереди одну за другой, словно стрелял сквозь невидимые стены, надвигавшиеся на него. Два пронзительных, истерических крика донеслись из дальнего конца коридора: один мужской, другой женский; видимо, пара была ранена или даже убита во время этого панического буйства спущенных с цепи очередей.

– На пол! – скомандовал Конклин через коридор. Джейсон не мог понять зачем. – В укрытие! Прижмись к чертовой стене!

Борн сделал, как было сказано, поняв только, что должен забиться в как можно меньшее пространство, как можно более защищая голову. Угол. Он прыгнул в тот момент, когда первый взрыв потряс стены – где-то – и за ним второй, на этот раз гораздо ближе, гораздо более громко, в самом коридоре. Гранаты!

Дым смешался с осыпающейся штукатуркой и осколками стекла. Выстрелы. Девять, один за другим – «граз буря»... Алекс! Джейсон выскочил из-за угла и скользнул в коридор. Конклин стоял снаружи у двери их номера перед опрокинутым столиком; он вынул пустую обойму и похлопал по карманам брюк.

– У меня больше нет! – сердито крикнул он, имея в виду запасные обоймы, предоставленные Крупкиным. – Он забежал за угол в другой коридор, а у меня больше нет проклятых патронов!

– У меня есть, и я гораздо быстрее тебя, – сказал Джейсон, вынимая пустую обойму и заменяя ее новой, извлеченной из кармана. – Вернись внутрь и позвони в вестибюль. Пусть они его расчистят.

– Крупкин сказал...

– Мне наплевать на то, что он сказал! Вели им отключить все лифты, забаррикадировать лестничные выходы и держаться подальше от этого этажа!

– Я понял, что у тебя на уме...

– Выполняй!

Борн побежал по коридору и вздрогнул, увидев пару, лежащую на ковре; оба двигались и стонали. Их одежда была запятнана кровью, но они все-таки шевелились! Он повернулся и прокричал Алексу, ковылявшему в обход опрокинутого столика:

– Вызови сюда помощь! – указывая на выходную дверь прямо по коридору.
– Они живы! Пусть воспользуются этой дверью – и только этой!

Охота на киллера началась. Не требовалось особого воображения, чтобы догадаться, что за закрытыми дверями по обеим сторонам коридоров люди панически звонили на вахту, когда близкие выстрелы прогремели в коридорах. Стратегия Крупкина с переодетой в гражданское ударной группой КГБ была сметена первыми же выстрелами из оружия Шакала.

Куда он делся? В конце коридора, в который вступил Джейсон, был еще один выход на лестницу, однако до него оставалось еще пятнадцать-восемнадцать дверей в номера по сторонам. Карлос был не дурак, а раненый Карлос призовет на помощь любые уловки, которым успел научиться за свою долгую жизнь, полную жестокости и борьбы за выживание, хотя так и не дожил еще до одного убийства, которого желал даже больше самой жизни... Борн вдруг осознал, насколько точен его анализ, – ведь он описывал сам себя. Что сказал старый Фонтейн на острове Транквилити, в том далеком магазине, откуда они смотрели вниз на процессию священников, зная, что один из них был куплен Шакалом? «...Два стареющих льва охотятся друг на друга, не заботясь о погибших в их перекрестном огне», – таковы были слова Фонтейна, человека, который пожертвовал своей жизнью ради другой, которую он едва знал, только потому, что его собственная жизнь закончилась, потому что женщины, которую он любил, не стало. Осторожно шагая по коридору к первой двери слева, Борн подумал, способен ли сам на такое? Он отчаянно хотел жить – с Мари и их детьми, – но если бы ее не стало... если бы их не стало... стоило бы жить тогда? Сможет ли он отказаться от своей жизни, если распознает в другом человеке что-то от самого себя?

«Некогда. Предавайся размышлениям в свое время, Дэвид Вебб! Мне от тебя никакой пользы, ты, слабый, мягкий сукин сын. Прочь от меня! Я должен совершить то, о чем мечтал тринадцать лет! Его когти острые как бритва, и он убивал слишком часто, слишком много, и теперь он хочет непременно убить меня – то есть и тебя. Прочь от меня!»

Кровь. На скучном, темно-коричневом ковре – влажные, поблескивающие в неясном свете пятна. Борн присел и коснулся их пальцами; они были

влажными; они были красными – кроваво-красными. Не прерываясь, они вели мимо первой двери, потом мимо второй, оставаясь слева, – потом пересекли коридор, их узор сменился со сплошного на прерывистый, словно рану обнаружили и пытались сдавить рукой. След прошел мимо шестой двери справа, потом мимо седьмой... потом неожиданно яркие красные капли оборвались – нет, не совсем! Он заметил капельку слева, еле видимую, и снова, через коридор – вот они! Слабый мазок красным прямо над ручкой восьмой двери слева, не более чем в двадцати футах от выхода на лестницу. Карлос был за этой дверью, взяв в заложники находившихся внутри.

Теперь точность превыше всего: каждое движение, каждый звук должен быть направлен на то, чтобы захватить или убить его. Ровно дыша, расслабив на некоторое время напряженные мышцы, сведенные по всему телу спазмами, Борн бесшумно вернулся назад шагов на тридцать от восьмой двери слева и развернулся, неожиданно услышав приглушенный хор рыданий и возгласов, исходивший из-за закрытых дверей вдоль гостиничного коридора. Издалека донеслись приказы в выражениях, типичных для указаний Крупкина: «Пожалуйста, оставайтесь в ваших комнатах. Никого к себе не впускайте. Наши люди ведут расследование». Всегда были «наши люди» – не «милиция», не «власти»; эти слова несли панику. А именно о панике думал Дельта Один из «Медузы». Паника и отвлекающие маневры, вечные составляющие человеческой западни, пожизненные союзники во взведенной ловушке.

Он поднял «гроз бурю», целясь в одну из богато украшенных люстр, висевших в коридоре, и выстрелил дважды, громко и яростно закричав одновременно с оглушительными выстрелами, сопровождаемыми звоном стекла, обрушившегося на пол с потолка:

– Вон он! В черном костюме!

Громко топая, Борн не скрываясь побежал по коридору к восьмой комнате слева, пробежал мимо нее, снова выкрикнув:

– Выход... выход!

Он резко остановился, выстрелив еще раз в другую люстру, чтобы грохот ее падения прикрыл отсутствие его шагов. В тот же момент развернулся и прижался спиной к стене напротив восьмой двери, оттолкнулся и вломился в дверь, сорвав ее с петель. Он влетел внутрь, упал на пол с поднятым оружием, готовый стрелять.

Он ошибся! Борн понял это сразу же – ответная ловушка! Он услышал, как где-то снаружи открылась другая дверь – или почувствовал это! Он с силой несколько раз перекатился направо, сбив ногами напольную лампу, которая

упала к двери. Его панически бегающий взгляд заметил пару пожилых людей, обхвативших друг друга и забившихся в дальний угол.

Фигура в белом одеянии ворвалась в комнату, его автомат неудержимым оглушительным стаккато плевался смертью. Борн несколько раз выстрелил в белую массу, бросившись к левой стене, точно зная, что на какую-то долю секунды на его мушке было правое плечо киллера. Этого было достаточно!

Шакал был ранен в плечо – в правое плечо! Оружие выскользнуло из его хватки, он дернулся, его пальцы судорожно разжались от попадания из «граз бури». Не останавливаясь, Шакал развернулся, отбросил окровавленную длинную белую накидку, опустившуюся, подобно парусу, на пол, зажал большую кровавую рану левой рукой и с силой пнул ногой упавшую лампу в лицо Джейсону.

Борн снова выстрелил, но лампа почти ослепила его и ударила по пистолету – пуля прошла мимо. Снова прицелившись, он нажал на курок – только чтобы услышать парализующую законченность резкого металлического щелчка: обойма была пуста! Он присел и прыгнул к короткому, уродливому автомату, в то время как Карлос выскочил через дверной проем в коридор. Джейсон встал на ноги, но его колено отказало! Оно согнулось под его собственным весом. О боже! Он подполз к краю кровати и нагнулся к телефону – тот был уничтожен, Шакал разнес его на куски! Больной мозг Карлоса действительно призвал весь прошлый опыт, каждое контрдействие, когда-либо использованное им.

Еще звук! Громкий и резкий. Это щелкнула задвижка на двери, ведущей на лестницу, и дверь, распахнувшись от сильного удара, врезалась в бетонную стену проема. Шакал направился вниз по лестничным пролетам, в вестибюль. Если вахта послушалась Конклина, он в ловушке!

Борн взглянул на престарелую пару в углу. Его поразили тот факт, что старик прикрывает собой женщину.

– Все в порядке, – успокоил он их, понизив голос. – Я знаю, вы, наверное, не понимаете меня – я не говорю по-русски, – но вы теперь в безопасности.

– Мы тоже не говорим по-русски, – признался мужчина, англичанин, осторожным тоном, изогнув шею, глядя на Джейсона и пытаясь подняться. – Тридцать лет назад я бы уже стоял у той двери! Восьмая армия Монти, если знаете. Славно отличились в Эль-Аламейне – все мы, конечно. Но возраст берет свое, как говорится.

– Рад познакомиться, генерал...

– Нет-нет, всего лишь бригадир...

– Отлично! – Борн сел на кровать и проверил колени; что бы с ним ни произошло, теперь все было в порядке. – Мне нужен телефон!

– Честно говоря, больше всего меня разозлило это проклятое одеяние! – продолжал ветеран Эль-Аламейна. – Чертовски кощунственно, честное слово – прости, дорогая.

– О чем это вы?

– Белая роба, дружок! Она принадлежит Бинки – это пара через коридор, с которой мы вместе путешествуем, с замечательного Beau-Rivage¹¹¹ в Луизиане. Воровство, конечно, и так плохо, но для этой свиньи – уж совсем непростительно!

Джейсон схватил оружие Шакала и вломился в дверь напротив, сразу же узнав, что «Бинки» заслуживал большего восхищения, чем отвел ему бригадир. Он лежал на полу, истекая кровью от ножевых ран в живот и горло.

– Я не могу никуда дозвониться! – прокричала женщина с редкими седыми волосами; она стояла на коленях над жертвой, истерически всхлипывая. – Он сражался как ненормальный – почему-то он не сомневался, что священник не станет стрелять в него.

– Сдайте кожу везде, где сможете, – скомандовал ей Борн, бросив взгляд на телефон. Он был цел! Джейсон подбежал к нему и, вместо того чтобы позвонить на вахту или оператору, позвонил в свой номер.

– Крупкин? – прокричал Алекс в трубку.

– Нет, это я! Первое: Карлос на лестнице – коридор, по которому я пошел! Второе: здесь порезан мужчина, тот же коридор, седьмая дверь справа! Поторопись.

– Как смогу. У меня прямая линия к офису.

– Где, черт возьми, команда КГБ?

– Они только что прибыли. Крупкин звонил несколько секунд назад из вестибюля – вот почему я принял тебя...

– Я иду на лестницу!

– Ради бога, зачем?

– Затем, что он мой!

Джейсон побежал к двери, не сказав ни слова успокоения бьющейся в истерике женщине; невозможно было взять их с собой. Он выскочил на лестницу, держа в руке оружие Шакала. Затем побежал вниз по ступеням; услышав топот собственных ботинок, остановился на седьмой ступеньке и

разулся, сняв даже носки. Холодная поверхность камня под ногами напомнила ему о джунглях – плоть против холодного утреннего дерна; благодаря какому-то абстрактному, глупому воспоминанию, он почувствовал власть над собственными страхами – джунгли всегда помогали Дельте Один.

Этаж за этажом, он спускался, следуя за неизбежными пятнами крови – теперь гораздо большими, ее непросто было остановить, потому что последняя рана была слишком серьезной, чтобы ее можно было просто зажать. Шакал дважды пытался это сделать: первый раз на пятом этаже, второй – у дверей третьего этажа, что привело к новым темно-красным отметинам, поскольку ему не удалось справиться с замками.

Второй этаж, первый этаж – и все! Карлос в ловушке! Где-то в тених внизу таилась смерть киллера, которая освободит его, Борна! Джейсон тихо достал из кармана коробок спичек «Метрополя»; он прислонился к стене, вынул одну спичку и поджег весь коробок. Затем бросил его через перила вниз, готовый выпускать очередь за очередью во все, что будет двигаться вниз!

Но там ничего не было – ничего! Цементированный пол пуст – там никого нет! Невозможно! Джейсон пробежал последние два пролета и врезался в дверь, ведущую в вестибюль.

– Что? – крикнул русский по ту сторону двери. – Кто там?

– Я американец! Я работаю с КГБ! Впустите меня!

– Что?..

– Я понял, – крикнул другой голос. – И, пожалуйста, имейте в виду, что на вас будет направлено множество стволов, когда вы откроете эту дверь. Понятно?

– Понятно! – прокричал Борн, в последнюю секунду догадавшись бросить автомат Карлоса на бетонный пол. Дверь отворилась.

– Выходи! – сказал офицер советской милиции, направляя пистолет Джейсону в ноги. – Стой, а то буду стрелять! – крикнул он.

– Незачем, – сказал запыхавшийся Крупкин, протискиваясь вперед.

– Почему?

– Комитет!

– Прекрасно, – милиционер кивнул, но остался на месте.

– Что ты делаешь? – спросил Крупкин. – Вестибюль очищен, и наша ударная группа на месте!

– Он был здесь! – прошептал Борн, будто его напряженный тихий голос мог опровергнуть значение произносимых слов.

– Шакал? – переспросил пораженный Крупкин.

– Он спустился вниз по лестнице! Он не мог выйти ни на каком другом этаже. Все пожарные двери намертво заперты изнутри – их можно открыть только домкратом.

– Скажи, – обратился офицер КГБ к гостиничному охраннику по-русски, – за последние десять минут после того, как было приказано запереть двери, проходил ли кто-нибудь здесь?

– Никак нет! – ответил милиционер. – Только истерическая женщина в окровавленном банном халате. Запаниковав, она упала в ванну и порезалась. Мы думали, у нее может быть сердечный приступ: она так визжала. Мы немедленно проводили ее в медицинский кабинет.

Крупкин повернулся к Джейсону, снова переключившись на английский:

– Только одна женщина, поранившаяся в панике.

– Женщина? Он уверен?.. Какого цвета были ее волосы?

Дмитрий перевел вопрос охраннику; выслушав ответ, он снова посмотрел на Борна.

– Он говорит, они были рыжеватыми и кудрявыми.

– Рыжеватыми? – Джейсон представил себе картину, весьма неприятную. – Телефон – нет, вахта! Пойдем, мне может понадобиться твоя помощь.

Босой Борн в сопровождении Крупкина побежал через вестибюль к клерку за регистрационной стойкой.

– Вы знаете английский?

– Очень даже хорошо, мистер сэр.

– План расположения комнат десятого этажа, быстро!

– Мистер сэр?

Крупкин перевел; на стойке появилась папка, из нее – заламинированный план.

– Эта комната! – указал Джейсон, стараясь не напугать встревоженного клерка. – Свяжитесь с ней по телефону! Если линия занята – отключите всех.

Крупкин снова перевел, и перед Борном появился телефон. Он взял трубку и заговорил:

– Это тот человек, что несколько минут назад заходил к вам...

– О да, конечно, милый человек. Спасибо вам большое! Доктор уже здесь, и Бинки...

– Мне нужно кое-что знать, и немедленно... Вы носите искусственные волосы или парики с собой, когда путешествуете?

– Должна сказать, это весьма неприлично...

– Леди, у меня нет времени на приличия, мне нужно знать! Так вы носите?

– Что ж, да, ношу. Вообще-то это не секрет, все мои друзья знают об этом, и они прощают мне это. Видите ли, дорогой мальчик, у меня диабет... и мои седые волосы ужасно редки...

– Нет ли среди ваших париков рыжего?

– Действительно, есть. Пожалуй, я сменю...

Борн с силой опустил трубку на аппарат и посмотрел на Крупкина.

– Сукин сын ускользнул. Это был Карлос!

– За мной! – скомандовал Крупкин, и они поспешили через пустой вестибюль к комплексу служебных помещений «Метрополя». Они дошли до медицинского кабинета и вошли внутрь. И оба остановились; у обоих перехватило дыхание от представшей их взорам картины.

Кругом валялись мотки рваной, растрепанной марли и бинтов разной ширины, по кушетке и полу разбросаны сломанные шприцы и тубики антибиотиков, будто кто-то орудовал здесь в панике. Однако Борн с Крупкиным едва обратили на это внимание: их глаза были прикованы к женщине, которая пыталась оказать помощь сумасшедшему пациенту. Медсестра «Метрополя» была выгнута назад на стуле, ее горло перерезано скальпелем, и по безупречно белой униформе бежала тонкая струйка крови. Безумие!

Стоя у столика в гостиной, Дмитрий Крупкин говорил по телефону, а Алекс Конклин сидел на обитом парчой диване и массировал ногу, сняв протез. Борн стоял у окна и смотрел на проспект Маркса. Алекс со слабой улыбкой на усталом лице посмотрел на офицера КГБ, тот кивнул, глядя на Конклина. Они поняли друг друга. Они были достойными противниками в бесконечной, всегда тщетной войне, в которой выигрывались лишь отдельные сражения, – философский конфликт разрешиться не мог.

– В таком случае я рассчитываю на вас, товарищ, – сказал Крупкин по-русски, – и, скажу прямо, я полностью полагаюсь в этом на вас... Конечно, я записываю этот разговор! А вы не стали бы?.. Хорошо! Мы понимаем друг друга, равно как и наши обязанности, так что позвольте мне подвести итог. Этот человек серьезно ранен, о чем было сообщено в городскую службу такси и всем врачам и больницам. Описание украденного автомобиля разослано, и об обнаружении его или самого этого человека должно быть сообщено непосредственно вам. Наказание за нарушение этих приказов – Лубянка, это должно быть ясно... Хорошо! Мы наладили взаимопонимание, и я ожидаю сообщения от вас сразу, как только у вас появится какая-либо информация, да?.. Не получите сердечный приступ, товарищ. Я отлично знаю, что вы старше меня по званию, но у нас ведь народное государство, не так ли? Просто последуйте совету очень опытного подчиненного. Удачного вам дня... Нет, это не угроза, всего лишь доброе пожелание. – Крупкин повесил трубку и вздохнул. – Боюсь, нам не хватает нашей исчезнувшей образованной аристократии.

– Не стоит говорить этого вслух, – заметил Конклин, кивнув на телефон. – Насколько я понимаю, никакой информации.

– Никакой, требующей немедленного действия, но кое-что весьма интересное, даже захватывающее, в несколько извращенном смысле.

– Имеющее отношение к Карлосу?

– Именно. – Крупкин покачал головой, когда Джейсон взглянул на него от окна. – Я на минуту задержался в своем кабинете, перед тем как присоединиться к ударной группе, и на моем столе лежали восемь больших конвертов из манильской бумаги, из которых только один был вскрыт. Их нашла милиция на Вавилова и, верная процедуре, прочитав содержимое только одного из них, передала их нам.

– И что в них? – спросил Алекс, усмехнувшись. – Государственная тайна, характеризующая всех членов Политбюро как геев?

– Думаю, ты почти угадал, – перебил Борн. – На Вавилова был московский отряд Шакала. Он наверняка показывал им, какая грязь у него есть на них либо на других.

– Последнее верно, – сказал Крупкин. – Собрание самых гадких заявлений, нацеленных на высших лиц наших главных министерств.

– У него такого мусора навалом. Это стандартная процедура для Карлоса; так он покупает себе дорогу в круги, в которые не может проникнуть иначе.

– Наверное, я не совсем понятно выразился, Джейсон, – продолжил офицер КГБ. – Говоря «гадких», я имел в виду именно это. Невероятных. Просто безумных.

– Он почти всегда держит своих людей на привязи.

– Большая часть информации – грязь из самых низкопробных бульварных газет – ничего необычного для них, конечно, – но вдобавок к этому полная бессмыслица и очевидные искажения дат, мест, должностей и даже фамилий. Например, Министерство транспорта расположено не в том месте, какое указано в соответствующем конверте, а в квартале оттуда, и определенный товарищ директор не женат на названной леди, а женат на другой – названная женщина является их дочерью и живет не в Москве, а на Кубе, уже шесть лет. И еще, человек, означенный как глава Радио Москвы и обвиняемый почти во всех возможных грехах, кроме разве что интимных отношений с собаками, умер одиннадцать месяцев назад и был известен как верный христианин, который был бы гораздо счастливее, проживи он жизнь обыкновенным священником... Эти очевидные ошибки я заметил за пару минут, не желая тратить на это много времени, но уверен, что их там еще много.

– Ты хочешь сказать, что Карлосу пудрили мозги? – сказал Конклин.

– Самым наглым образом, с точным расчетом – над этими данными посмеялись бы даже в самых доктринально строгих наших судах. Кто бы ни снабжал его этими мелодраматическими «разоблачениями», он делал их заведомо противоречивыми.

– Родченко? – предположил Борн.

– Вряд ли кто-либо другой. Григорий – я называю его «Григорий», хотя никогда не обращался к нему так, его всегда звали «генерал» – был стратегом до мозга костей, «выживателем», и вместе с тем – убежденным марксистом. Контроль был его девизом, фактически навязчивой идеей, и если бы он мог контролировать пресловутого Шакала в интересах Родины – это было бы просто счастьем для старика. Однако Шакал убил его характерными для него тремя пулями в горло. Было ли это предательством со стороны Шакала или Родченко просто чем-то выдал себя? Мы никогда не узнаем этого. – Зазвонил телефон, и рука Крупкина рванулась к трубке. – Да? – переключился он на русский и жестом велел Конклину прикрепить на место протез. – А теперь слушайте меня внимательно, товарищ. Милиция не должна предпринимать никаких действий – более того, они должны держаться вне видимости. Вызовите одну из наших машин без опознавательных знаков на замену патрульной, я понятно выражаюсь?.. Хорошо. Будем использовать частоту «Мурена».

– Прорыв? – спросил Борн, отойдя от окна, когда Дмитрий бросил трубку.

– Еще какой! – ответил Крупкин. – Его машина замечена на Немчиновской дороге и направляется в Одинцово.

– Это мне ни о чем не говорит. И что там, в Одинцове, или как там оно называется?

– Точно не знаю, но, думаю, ему эта местность знакома. Вспомните, он хорошо знает Москву и ее окрестности. Одинцово – промышленный пригород примерно в тридцати пяти минутах езды от города...

– Проклятие! – воскликнул Алекс, сражаясь с завязками протеза.

– Позволь, я сделаю, – сказал Джейсон не терпящим возражений тоном. Он присел рядом и быстро справился с толстыми полосками грубой ткани. – Почему Карлос не сменил машину? – продолжил он, обращаясь к Крупкину. – Нехарактерно для него.

– У него нет выбора. Он знает, что все московские таксисты – тихие пособники государства, и, кроме того, он серьезно ранен и, очевидно, безоружен – иначе стал бы еще стрелять в тебя. Он не способен сейчас угрожать водителю или украсть автомобиль... К тому же он довольно быстро добрался до Немчиновки; то, что машину вообще заметили, – чистая случайность. Эта дорога редко используется – что ему, наверное, тоже известно.

– Поехали отсюда! – крикнул Конклин, раздраженный вниманием Джейсона и собственной немощностью. Он поднялся, покачнулся, сердито отмахнулся от руки Крупкина и направился к двери. – Поговорить можно и в машине. Мы зря теряем время.

– Мурена, ответьте, – сказал Крупкин по-русски в микрофон, сидя рядом с водителем и держа руку на тюнере автомобильного радио. – Мурена, ответьте, если слышите.

– О чем он говорит, черт побери? – спросил Борн Алекса на заднем сиденье.

– Он пытается связаться с машиной КГБ, следующей за Карлосом. Все время переключается с одной сверхвысокой частоты на другую. Это код «Мурена».

– Что?

– Это такой угорь, Джейсон, – ответил Крупкин, глянув через плечо. – Из семейства муреновых, с пористыми жабрами, способный опускаться на очень большие глубины. Некоторые виды могут быть смертельно опасными.

– Благодарю за объяснение, – сказал Борн.

– Очень хорошо, – засмеялся кагэбэшник. – Но, согласитесь, это вполне подходит. Очень немногие радиоприборы могут посылать или принимать такие сигналы.

– Когда вы его у нас украли?

– О, не у вас, совсем не у вас. Честно говоря, у англичан. Как обычно, Лондон не шумит о таких вещах, однако в некоторых сферах они далеко обогнали вас с японцами. Все этот проклятый МИ-6. Они ужинают в клубах в Найтсбридже, курят свои одиозные трубки, изображают из себя невинных овечек и шлют нам перебежчиков.

– У них тоже бывают промашки, – защищался Конклин.

– Которых гораздо больше в их «откровенных» признаниях, чем в действительности, Алексей. Ты слишком долго был в стороне. Обе стороны иногда совершают крупные ошибки, но они способны справляться с общественным мнением – мы же до сих пор не научились этому. Мы скрываем наши «промашки», как ты выразился; мы слишком печемся о нашей респектабельности, которая слишком часто покидает нас. И потом, я думаю, мы исторически моложе в сравнении с ними. – Крупкин снова переключился на русский. – Мурена, отзовитесь! Я уже почти дошел до конца диапазона. Где вы, Мурена?

– Здесь, товарищ! – прозвучал из динамика металлический голос. – Есть контакт. Как слышите?

– У вас голос, словно у кастрата, но я вас слышу.

– Должно быть, это товарищ Крупкин...

– А вы думали кто – папа римский? С кем я говорю?

– Орлов.

– Хорошо! Ты знаешь, что делаешь.

– Надеюсь, ты тоже, Дмитрий.

– К чему ты это сказал?

– К твоему приказу ничего не предпринимать. Мы в двух километрах от здания – я въехал по траве на небольшой холм – и мы видим его машину. Она припаркована на стоянке, а сам подозреваемый внутри.

– Что еще за здание? Какой холм? Ты ничего не сказал.

– Арсенал на Кубинке.

При этих словах Конклин подпрыгнул в кресле.

– О боже! – воскликнул он.

– Что такое? – спросил Борн.

– Он проник в арсенал, – Алекс увидел непонимание на лице Джейсона. – Здесь это нечто гораздо большее, чем просто закрытые площадки для парадов легионеров и резервистов. Это серьезные тренировочные сооружения и оружейные склады.

– Он ехал не в Одинцово, – перебил Крупкин. – Склад находится дальше на юг, за окраиной города, лишних четыре-пять километров. Он бывал там раньше.

– Такие места должны хорошо охраняться, – сказал Борн. – Он же не может просто войти туда?

– Уже вошел, – поправил парижский офицер КГБ.

– Я имею в виду запрещенные места – такие, как помещения, набитые оружием.

– Это меня и беспокоит, – продолжил Крупкин, вертя в руке микрофон. – Поскольку он был там раньше – а это очевидно, – что он знает об этом сооружении?.. кого он там знает?

– Свяжитесь по радио с арсеналом, пусть они его остановят, задержат! – настаивал Джейсон.

– А что, если я попаду не на того человека? Или если он уже раздобыл оружие и мы его спугнем? Один звонок, один недружелюбный взгляд или даже подозрительная машина на дороге могут привести к уничтожению нескольких десятков человек. Мы видели, что он натворил в «Метрополе» и на Вавилова. Он потерял над собой контроль; окончательно спятил.

– Дмитрий, – услышали они металлический голос. – Что-то происходит. Только что наш человек вышел из боковой двери с мешком за спиной и направляется к машине... Товарищ, я не уверен, что это тот самый человек. Похож, но что-то не так.

– Что именно? Одежда?

– Нет, на нем темный костюм, и его правая рука на темной перевязи... Но он двигается быстрее, шаг крепче, держится прямо.

- Ты хочешь сказать, что он уже не выглядит как раненый, да?
- Пожалуй, да.
- Он может притворяться, – сказал Конклин. – Этот сукин сын может находиться при последнем издыхании – и все равно убедить тебя, что готов бежать марафон.
- С какой целью, Алексей? Зачем здесь что-то разыгрывать?
- Не знаю, но если твой человек в машине видит его, то и он видит машину. Может быть, он просто очень торопится.
- Что происходит? – сердито спросил Борн.
- Кто-то вышел с полной сумкой и идет к машине, – сказал Конклин по-английски.
- Ради бога, остановите его!
- Нет уверенности, что это Шакал, – перебил Крупкин. – Одежда та же, даже перевязь, но есть физические отличия...
- Значит, он хочет, чтобы мы думали, что это не он! – с настойчивостью проговорил Джейсон.
- Что?
- Он ставит себя на наше место, думая, как вы думаете сейчас, и тем самым опережает ваши мысли. Он может знать, а может и не знать, что его обнаружили, что его машина замечена, но он должен предполагать худшее и действовать соответствующе. Сколько нам еще ехать?
- Учитывая, как ведет мой молодой товарищ, я бы сказал, минуты три-четыре.
- Крупкин! – вскричал голос из динамика. – Еще четверо вышли наружу – три мужчины и женщина. Они бегут к машине!
- Что он сказал? – спросил Борн. Алекс перевел, и Джейсон нахмурился. – Заложники? – сказал он тихо, будто про себя. – Он все себе испортил! – Дельта из «Медузы» наклонился вперед и тронул Крупкина за плечо. – Скажи своему человеку, пусть убегает оттуда к чертовой матери, как только машина отъедет и он поймет, куда она направляется. Веди его не прятаться, быть на виду, чуть ли не гудеть клаксоном всюду, проезжая мимо арсенала.
- Мой дорогой друг! – взорвался офицер советской разведки. – Не мог бы ты объяснить мне, с какой стати должен я отдать такой приказ?

– Потому что твой коллега прав, а я ошибался. Человек, вышедший из здания, не Карлос. Шакал находится внутри, ждет, пока кавалерия проедет мимо форта, чтобы он мог скрыться на другой машине – если кавалерия действительно есть.

– Во имя нашего почтенного Карла Маркса, объясни, как ты пришел к такому противоречивому заключению?

– Очень просто. Он совершил ошибку... Даже если бы вы могли, вы бы не стали стрелять по этой машине на дороге, верно?

– Согласен. В ней находятся четыре посторонних человека, без сомнения невинные советские граждане, которых заставили выглядеть иначе.

– Заложники?

– Да, конечно.

– Когда ты последний раз слышал, чтобы люди бежали сломя голову туда, где они могут стать заложниками? Даже если на них из двери направлено оружие, все равно один или двое из них, если не все, обязательно попытались бы скрыться за другими машинами.

– Честное слово...

– Но ты был прав в одном. У Карлоса есть контакт в этом арсенале – человек, переодевшийся в него. Это может быть просто невинный русский, чей брат или сестра живет в Париже и находится во власти Шакала.

– Дмитрий! – вскричал металлический голос по-русски. – Машина выезжает со стоянки!

Крупкин нажал кнопку микрофона и отдал приказ. Естественно, они должны следовать за машиной хоть до финской границы, если понадобится, но захватить ее без насилия, связавшись при необходимости с милицией. Последним приказом было несколько раз просигналить, проезжая мимо арсенала. Не стесняясь в выражениях, агент по фамилии Орлов спросил:

– На кой хрен?

– Потому что мне было видение от святого Николая Доброго! И, кроме того, я выше тебя по званию. Выполняй!

– Тебе плохо, Дмитрий.

– Что тебе больше нравится: рапорт об отличной службе или такой рапорт, который отправит тебя в Ташкент?

– Уже иду, товарищ.

Крупкин вложил микрофон в гнездо на приборной панели.

– Процесс пошел, – сказал он отрывисто, полуобернувшись через плечо. – Если уж мне суждено погибнуть с сумасшедшим киллером или с психом, который все-таки еще имеет остатки морали, то я предпочитаю последнее. В конце концов, вопреки заявлениям даже самых просвещенных скептиков, может быть, бог все-таки существует... Ты бы хотел купить себе дом на берегу озера Женева, Алексей?

– Я могу это обеспечить, – ответил Борн. – Если я переживу этот день и сделаю то, что должен, назови цену. Я не буду торговаться.

– Эй, Дэвид, – возразил Конклин. – Эти деньги сделала Мари, а не ты.

– Она послушает меня. Его.

– Так что теперь, кто бы ты ни был? – спросил Крупкин.

– Дайте мне выбрать оружие из того, что есть у вас в багажнике, и высадите меня в траву прямо перед арсеналом. Дайте мне пару минут, чтобы добраться до места, затем остановитесь на стоянке и явно – очень явно – обнаружьте, что его машина отсутствует, и убирайтесь оттуда как можно быстрее, не жалея мотора.

– И бросить тебя там одного? – вскричал Алекс.

– Это единственный способ взять его. Только так он может попасться.

– Безумие! – выпалил Крупкин, отчего его щеки завибрировали.

– Нет, Круппи, действительность, – просто ответил Джейсон Борн. – Это то же, что было в самом начале. Один на один – только так.

– Это же самоуверенный героизм! – взревел русский, ударив рукой по спинке кресла. – Нет, хуже – это глупая тактика. Если ты прав, я могу окружить это здание целой армией!

– Он именно этого и хочет – этого я хотел бы, если бы был Карлосом. Неужели ты не понимаешь? Тогда он легко сможет уйти в суматохе – это не проблема ни для него, ни для меня. Мы оба слишком часто делали так раньше. Толпа и суматоха – наша защита, это просто. Нож в офицера – и его форма наша; гранату в толпу – и после взрыва мы одна из бьющихся в агонии жертв – это обычное дело для наемных убийц. Поверь мне, я знаю – я стал одним из них, вопреки своему желанию.

– И что ты сможешь сделать один, Бэтмен? – спросил Конклин, яростно массируя бесполезную ногу.

– Подкрадусь к убийце, который хочет убить меня, – и он мой.

– Да ты свихнувшийся маньяк!

– Абсолютно верно. Только такие и выживают в этой убийственной игре.

– Безумие! – снова воскликнул Крупкин.

– Так позвольте мне; мне положено немного безумия. Если бы я знал, что вся русская армия способна обеспечить мое выживание, я бы молил о ней. Но это не так. Другого пути нет... Остановите машину и дайте мне выбрать оружие.

Глава 39

Темно-зеленый седан КГБ вырулил на наклонную дорогу, прорезанную в грунтовом склоне. Спуск был плавным. Арсенал на Кубинке окружало большое плоское пространство, по-летнему зеленое от травы. Казалось, здание выросло из-под земли, мощное коробкообразное вкрапление в пасторальный пейзаж, уродливое сооружение с окнами-амбразами, достигавшее трех этажей в высоту и занимавшее площадь в два акра. Как и все строение, передний вход был большим, квадратным и не украшенным, если не считать барельефных профилей трех советских солдат над дверью, несущихся в смертельные вихри сражения, держа винтовки так, что могли бы прострелить друг другу головы.

Вооружившись настоящим русским «АК-47» и пятью стандартными тридцатипятизарядными рожками, Борн выпрыгнул из дальней от арсенала дверцы правительственной машины, скрываясь за ней, и нырнул в траву прямо через дорогу от входа. Пыльная стоянка арсенала находилась справа от длинного здания; одинокий ряд неухоженного кустарника ограничивал лужайку у въезда, в центре которой стоял высокий белый столб. На его вершине безжизненно висел в безветренном утреннем воздухе советский флаг. Джейсон перебежал через дорогу, низко пригибаясь, и присел за кустами; у него было всего несколько мгновений, чтобы увидеть сквозь кусты наличие или отсутствия охранных постов. Охрана казалась в лучшем случае расслабленной, беспечной, почти до полного отсутствия формальностей. В правой стене въезда было стеклянное окошко, похожее на театральную кассу; за ним охранник в военной форме читал журнал, а рядом с ним, менее, но достаточно заметный, спал другой, положив голову на стол. Два других солдата вышли из огромных двойных дверей арсенала – оба расслабленные, беспечные, один посмотрел на часы, а другой закурил.

Вот и вся охрана Кубинки; здесь не было и не предвиделось никаких неожиданных нападений – во всяком случае, передовые посты не ожидали никакой тревоги. Это было жутко, неестественно, за пределами понимания. Шакал находился на территории военных складов, однако при этом не было

никаких признаков того, что он проник туда, никакой видимости того, что где-то внутри комплекса он захватил как минимум пятерых служащих: мужчину, изображающего его самого, еще троих мужчин и женщину.

А сама стоянка? Он не понял переговоров между Алексом, Крупкиным и голосом по радио, но теперь ему стало ясно, что, когда они говорили о людях, бегущих к украденной машине, они не имели в виду передний въезд! Должен быть выход непосредственно на стоянку! Боже, у него оставалось всего несколько секунд, прежде чем водитель комитетской машины заведет двигатель, въедет на стоянку, как можно более шумно развернется на ней и выедет, чтобы прибытие и спешный отъезд правительственной машины не могли остаться незамеченными. Если Карлос собирался совершить прорыв, это должно произойти в тот момент! После стандартного радиооповещения каждое мгновение дистанции между ним и арсеналом будет все больше усложнять поиск следов Шакала. И он, Борн, эффективная машина убийств из «Медузы», оказался в неправильном месте! Далее, бегущий по лужайке или по дороге гражданский с автоматом в пределах видимости военного комплекса определенно вызовет беспокойство. Какое мелкое, глупое упущение! Всего два-три переведенных дополнительно слова – и менее самонадеянный, более внимательный слушатель избежал бы этой ошибки. Всегда эти, казалось бы незначительные, мелочи! Проклятие!

В пятистах футах от него седан КГБ неожиданно взревел мотором, вырвав на стоянку, подняв клубы сухой пыли и выбрасывая из-под колес куски камня. Времени думать не оставалось – надо было действовать. Борн прижал «АК-47» к правой ноге, стараясь по возможности скрыть его, и встал на ноги. Левой рукой он касался верхушек кустов – садовник, быть может, осматривающий своих «подопечных», или праздный гуляка, бесцельно касающийся придорожных кустов, – ничего даже отдаленно угрожающего, обыденная картина; случайный наблюдатель решил бы, что он уже несколько минут шел по этой дороге, не будучи замечен.

Он оглянулся на вход в арсенал. Два солдата тихо смеялись, один из них снова посмотрел на часы. Потом из левой передней двери вышел объект их обсуждения: привлекательная темноволосая девушка, едва достигшая двадцати. Она комично хлопнула себя по ушам, состроила гротескную мину, быстро подошла к нетерпеливому солдату и поцеловала его в губы. Молодые люди взяли девушку за руки и пошли направо, прочь от входа.

Грохот! Металл о металл, стекло о стекло, громкий резкий звук донесся со стоянки. Что-то случилось с машиной Комитета с Алексом и Крупкиным внутри; молодой водитель из ударной группы либо врезался во что-то, либо машину вынесло на другой автомобиль на стоянке. Воспользовавшись этим шумом как поводом, Джейсон побежал по дороге. Он подумал о Конклине и

тоже захромал, чтобы как можно меньше демонстрировать свое оружие. Затем повернул голову, ожидая увидеть двоих солдат и женщину, бегущих вдоль здания к месту аварии, но увидел, что они бегут в противоположную сторону, явно стараясь оказаться подальше отсюда.

Борн перестал хромать, проломился через кусты и побежал к бетонной дорожке, шедшей к углу здания, набирая скорость и тяжело и чаще дыша. Он больше не скрывал своего оружия, размахивая им в правой руке. Он добежал до конца дорожки. Его грудь тяжело вздымалась, вены на шее, казалось, готовы были лопнуть, пот струился по коже, увлажняя лицо, воротник и рубашку. Задышавшись, он перехватил удобнее «АК-47», прижавшись спиной к стене, выбежал из-за угла и онемел от представшей его глазам картины. Топот его ног вместе с возбуждением, заставлявшим пульсировать виски, блокировали все посторонние звуки. То, что он вдруг увидел, что ошеломило его сразу же, он опознал как результат множественных выстрелов из оружия с глушителем. Дельта «Медузы» бесстрастно понял; он тоже не раз попадал в такие ситуации много лет назад. Бывали обстоятельства, когда убийства необходимо было выполнять бесшумно. Полной тишины достичь невозможно, но по меньшей мере жизненно важно было не шуметь.

На земле, у кузова темно-зеленого седана, распластался молодой водитель из ударной группы КГБ, раны в его голове однозначно удостоверяли его смерть. Машину занесло, и она врезалась в бок общественного автобуса, вроде тех, что использовались, чтобы возить рабочих на рабочие места и обратно. Как или почему это случилось, Борн не мог знать. Он также не мог знать, выжили ли Алекс с Крупкиным; стекла машины были пробиты, и внутри не было никакого движения, что предполагало худшее, но ничего еще не доказывало. Превыше всего в этот момент Хамелеон понимал, что он не может позволить себе эмоций. Если худшие подозрения оправдаются, оплакивание погибших будет позже – сейчас надо отомстить и взять киллера.

Думай! Как? Быстро!

Крупкин говорил, в арсенале работают «несколько десятков мужчин и женщин». Если так, куда они все, черт возьми, подевались? Шакал не работал в вакууме; это было невозможно! Однако грохот столкновения был слышен далеко вокруг – на площади с футбольное поле – и на месте аварии был застрелен человек, его безжизненное тело истекало кровью в пыли, и никто – никто – не появился, случайно или специально. За исключением Карлоса и пяти неизвестных, неужели весь арсенал безлюден? Чушь!

И тут он услышал смешанные, но выразительные порывы музыки откуда-то изнутри здания. Военная музыка, ударных и духовых инструментов, внутри отдающих эхом помещений звучала, должно быть, оглушительно. Он

вспомнил молодую девушку, вышедшую из передней двери; она игриво похлопала себя по ушам и поморщилась, а Джейсон не понял. Теперь все стало ясно. Она вышла из внутренних помещений арсенала, где гремела музыка. В Кубинке, очевидно, происходило некое мероприятие, весьма людное, что объясняло обилие автомобилей, небольших фургонов и автобусов на обширной стоянке – обилие, по крайней мере, для Советского Союза, где такие транспортные средства были редки. В общей сложности около двадцати машин было припарковано полукругом на пыльной стоянке. Действие внутри здания было одновременно прикрытием и защитой Шакала; он знал, как им воспользоваться. Шах и мат.

Но почему Карлос не выходит наружу? Почему он еще не вышел? Чего ждет? Обстоятельства были оптимальными, лучшего и ждать нельзя. Неужели раны так замедлили его, что он не смог воспользоваться преимуществами, которые сам себе создал? Это было возможно, но маловероятно. Убийца зашел так далеко, что если бы ему представился шанс, он в состоянии был бы идти дальше, гораздо дальше. Тогда почему? Неоспоримая логика, логика выживания киллера, требовала, чтобы после уничтожения машины Шакал убежал так быстро, как это было в человеческих силах. Это был его единственный шанс! Так почему же он все еще внутри? Почему он не выехал на какой-либо машине на свободу?

Снова прижавшись спиной к стене, Джейсон боком передвигался влево, тщательно осматривая все, что попадало в поле его зрения. Как и большинство арсеналов мира, у Кубинки не было окон на первом этаже, по крайней мере, ниже первых пятнадцати футов от земли. Он видел оконную раму там, где, похоже, был второй этаж, но достаточно близко к убитому водителю, чтобы обеспечить максимальную точность для мощного оружия с глушителем. На первом этаже дверь с торчащей ручкой; это был черный выход, о котором никто не упомянул. Мелочи, незначительные мелочи! Проклятие!

Приглушенная музыка внутри снова усилилась, но теперь по-другому: барабаны зазвучали громче, трубы выдержаны, более пронзительны. Это, без сомнения, был финальный аккорд симфонического марша, военная музыка в своем апогее... Точно! Вот-вот закончится мероприятие, и Шакал воспользуется толпой. Он смешается с ней, и когда начнется паника, когда люди увидят мертвого водителя и изрешеченный седан на стоянке, он исчезнет, с кем и на какой машине – потребуется не один час, чтобы это выяснить.

Борн должен попасть внутрь; он должен его остановить, взять его! Крупкин беспокоился о жизнях «нескольких десятков мужчин и женщин» – он не знал, что в действительности там было несколько сотен! Карлос воспользуется

всей огневой мощью, которую смог раздобыть, включая гранаты, чтобы создать массовую истерию, чтобы получить возможность сбежать. Жизни ничего не стоили; если понадобится, он будет убивать и дальше, ради спасения себя. Забыв об осторожности, Дельта побежал к двери, крепко держа «АК-47» в руке, сняв с предохранителя, держа указательный палец на курке. Он ухватился за ручку и покрутил ее – она не поворачивалась. Он выпустил очередь из автомата в листовую металл вокруг замка, потом вторую в противоположную раму, и как только он протянул руку к дымящейся ручке, мир вокруг него вдруг полностью переменялся!

Из ряда машин неожиданно вырвался тяжелый грузовик, направляясь прямо к нему, яростно газуя. Одновременно с этим несколько очередей из автоматического оружия вспороли деревянную дверь справа от него. Он бросился влево и покатился по земле, пыль забила ему в глаза.

И тут это случилось! Мощный взрыв разнес дверь вместе с большим участком стены, и сквозь черный дым и опадающие обломки Джейсон увидел ковыляющую к полукругу автомобилей фигуру. Его убийца наконец-то уходил. Но сам он был жив! И причина тому была очевидна: Шакал допустил ошибку. Не в устройстве западни – она была изумительной; Карлос знал, что его враг был с Крупкиным и КГБ, и потому он вышел наружу и поджидал его. Его ошибка заключалась в размещении взрывчатки. Он прикрепил бомбу или бомбы к двигателю грузовика сверху, а не снизу. Высвобождающаяся энергия бомбы идет по пути наименьшего сопротивления; относительно тонкая крышка капота гораздо податливее, чем двигатель под ней. Бомба просто взорвалась вверх, а не вниз и в стороны, посылая смертельные осколки вдоль земли.

Некогда! Борн с трудом поднялся на ноги и пошел, спотыкаясь, к комитетскому седану, боясь худшего. Он посмотрел через пробитые окна. Его внимание неожиданно привлекла поднымавшаяся из-под переднего сиденья рука. Он распахнул дверь и увидел Крупкина, скорчившегося под приборной панелью ниже сиденья, его правое плечо наполовину разорвано, кровоточащая плоть видна через рваную ткань пиджака.

– Мы ранены, – слабым голосом, но спокойно сообщил офицер КГБ. – Алексей несколько серьезнее, чем я, так что помоги ему в первую очередь, пожалуйста.

– Толпа выходит из здания...

– Вот! – перебил Крупкин, с болью доставая из кармана свое удостоверение в пластиковой обложке. – Найди командующего здесь идиота и доставь его сюда. Нам нужен врач. Для Алексея, глупец. Торопись!

В лазарете арсенала рядом на кушетках лежали двое раненых. Борн стоял у стены, наблюдая, но не понимая происходящего. Три врача были доставлены на вертолете с крыши Народной больницы на проспекте Серова – два хирурга и анестезиолог. Последний, однако, оказался не нужен. Серьезного хирургического вмешательства не требовалось; местной анестезии было достаточно, чтобы промыть раны, наложить швы и ввести антибиотики. Инородные объекты, как объяснил главный врач, прошли навывлет тела.

– Я так понимаю, вы имеете в виду пули, – сказал Крупкин возмущенно.

– Он имеет в виду пули, – подтвердил Алекс хриплым голосом по-русски. Бывший сотрудник ЦРУ не мог двигать головой, потому что его горло было перевязано. Широкие липкие ленты спускались вниз к его ключице и верхней части правого плеча.

– Спасибо, – поблагодарил хирург. – Вы родились в рубашке, особенно вы, наш американский пациент, для которого нам придется вести конфиденциальные медицинские записи. Кстати, сообщите нашим людям имя и адрес вашего врача в Соединенных Штатах. Вам еще несколько недель будет нужен правильный уход.

– В данный момент мой врач находится в больнице в Париже.

– Простите?

– Ну, если со мной что-то случается, я сообщаю ему, и он посылает меня к нужному, по его мнению, врачу.

– Это не вполне «общественное медицинское обеспечение».

– Для меня – вполне. Я сообщу его имя и адрес медсестре. При благоприятном стечении обстоятельств он скоро вернется.

– Повторяю, вам очень повезло.

– Я был очень быстр, доктор, равно как и ваш товарищ. Мы увидели преступника, когда этот сукин сын побежал на нас, так что заперли двери и постоянно двигались на сиденьях, стреляя в него. Он пытался подобраться к нам ближе, чтобы убить нас, – и это ему почти удалось... Мне жаль водителя; он был смелым парнем.

Дверь лазарета резко распахнулась – точнее, была почти выбита, осчастливив их величественным присутствием комиссара КГБ из квартиры на Садовой. По-мужицки выглядящий, по-мужицки говорящий офицер Комитета в мятой военной форме.

– Вы... – сказал он врачу. – Я поговорил с вашими сотрудниками снаружи. Они говорят, вы здесь закончили.

– Еще не совсем, товарищ. Остались менее значительные вещи, такие как терапевтическое...

– Позже, – перебил комиссар. – Нам надо поговорить наедине.

– Комитет приказывает? – спросил хирург с незначительной, но очевидной насмешкой.

– Приказывает.

– Порой слишком часто.

– Что?

– Вы слышали меня, – ответил врач, направляясь к двери. Кагэбэшник пожал плечами и подождал, пока закроется дверь. Тогда он подошел к обеим кушеткам, стреляя глазами из-под нависших век то на одного, то на другого раненого, и выплюнул одно слово:

– Новгород!

– Что?

– Что?..

Эти возгласы прозвучали одновременно; даже Борн оттолкнулся от стены.

– Вы, – добавил он, переключившись на свой ограниченный английский, – понимаете, что я говорить?

– Если вы сказали то, что я думаю, что вы сказали, то, думаю, понимаю, но только название.

– Я достаточно понятно объясню. Мы опросили девять мужчин и женщин, которых он запер на складе оружия. Он убил двух охранников, которые не смогли остановить его, понимаете? Он взял автомобильные ключи у четверых мужчин, но не воспользовался ни одним.

– Но я видел, как он пошел к машинам!

– К которой? Еще три человека в Кубинке застрелены, их водительские права отсутствуют. Которая из машин?

– Ради бога, проверьте в вашем автомобильном бюро, или как там оно у вас называется!

– Это займет много времени. Даже в Москве автомобили разных марок, с разными номерными знаками – Ленинград, Смоленск, кто знает – никто не следит за нарушениями автомобильных законов.

– О чем, черт возьми, он говорит?! – вскричал Джейсон.

– Автомобильная собственность регулируется государством, – слабым голосом объяснил Крупкин. – В каждом центре есть своя регистрация, которая редко сотрудничает с другими центрами.

– Почему?

– Индивидуальное владение под разными именами – обычная практика. Это запрещено. Слишком много машин, доступных к покупке.

– И?

– Местное взяточничество – жизненный факт. Никто в Ленинграде не хочет, чтобы ему указывал какой-нибудь бюрократ из Москвы. Он говорит, что на выяснение, какую машину взял Шакал, уйдет несколько дней.

– Это безумие!

– Это сказали вы, мистер Борн, а не я. Я верный гражданин Советского Союза, прошу не забывать.

– Но какое это все имеет отношение к Новгороду – ведь именно это он сказал, не так ли?

– Новгород. Что это значит? – перевел Крупкин вопрос комиссару. Быстро, обрывисто, крестьянин-комиссар по-русски сообщил необходимые детали своему парижскому коллеге. Крупкин повернул голову и перевел на английский. – Постарайся усвоить, Джейсон, – произнес он слабеющим голосом, его дыхание становилось все более затрудненным. – Похоже, убийца увидел тебя из окна, когда ты крался за кустами. Он вернулся в оружейную, крича, как и подобает такому маньяку. Он орал своим заложникам, что ты его и что ты теперь покойник... И еще, что ему осталось сделать последнее дело.

– Новгород, – перебил Конклин шепотом, пялясь в потолок.

– Именно, – подтвердил Крупкин, глядя на профиль Алекса рядом с ним. – Он возвращается к месту своего рождения... где Ильич Рамирес Санчес стал Карлосом Шакалом, потому что его отвергли и приговорили к казни как психа. Он приставлял пушку к горлу каждого, спрашивая, как лучше проехать в Новгород, угрожая убить любого обманщика. Никто, конечно, не соврал, а те, кто знал, сказали, что до него пятьсот-шестьсот километров, на машине ехать целый день.

– На машине? – переспросил Борн.

– Он знает, что не может воспользоваться никаким другим средством передвижения. Железные дороги, аэропорты – даже маленькие аэродромы, – все будут под наблюдением, он понимает это.

– Что он собирается делать в Новгороде? – быстро спросил Джейсон.

– Боже правый на небесах, которого, конечно же, не существует, кто же знает? Он хочет оставить свой знак, очень разрушительный памятник самому себе, без сомнения, в отместку тем, кто, по его мнению, предал его тридцать с лишним лет назад, а также тем беднягам, которые погибли сегодня утром на Вавилова... Он забрал документы у убитого им агента, тренированного в Новгороде; он думает, что сможет пройти туда с ними. Этого не будет – мы его остановим.

– Даже и не пытайтесь, – сказал Борн. – Он может воспользоваться, а может и не воспользоваться ими, в зависимости от того, что увидит или что почувствует. Ему не нужны документы, чтобы попасть туда, не больше, чем мне, но если он почувствует что-то не то – а он почувствует, – то убьет несколько невинных людей и все равно проникнет внутрь.

– К чему ты клонишь? – озабоченно спросил Крупкин, подозрительно глядя на Борна, американца с разными личностями, с заметно конфликтующими стилями жизни.

– Доставьте меня туда раньше него с подробной картой всего комплекса и каким-нибудь документом, который предоставил бы мне свободный доступ куда угодно.

– Ты спятил! – вскричал Дмитрий. – Американец, даже не перебежчик, киллер, разыскиваемый во всех натовских странах Европы, разгуливающий по Новгороду?

– Нет, нет и нет! – рявкнул комиссар. – Я все правильно понял, а? Вы псих, да?

– Вам нужен Шакал?

– Естественно, но не любой ценой.

– Мне нет никакого дела до Новгорода или любого другого комплекса – пора бы вам это уже понять. Ваши маленькие разведывательные операции и наши маленькие разведывательные операции могут продолжаться до бесконечности, и это не имеет значения, потому что ни одна из них ничего не весит в этом марафоне. Все это юношеские игры. Мы либо живем вместе на

этой планете, либо нет планеты... Меня интересует только Карлос. Я хочу, чтобы он сдох, чтобы я мог жить дальше.

– Конечно, я лично согласен с большей частью сказанного вами, хотя эти юношеские игры предоставляют некоторым из нас весьма неплохие рабочие места. Однако я не знаю, как убедить мое более строгое вышестоящее начальство, начиная с непосредственного.

– Хорошо, – сказал Конклин со своего стола, по-прежнему пялясь в потолок.
– Предлагаю сделку. Вы доставите его в Новгород, а у вас останется Огилви.

– Но он уже у нас, Алексей.

– Не совсем. Вашингтон знает, что он у вас.

– И?

– И я могу сказать им, что вы его потеряли, и они мне поверят. Они поверят моему слову, что он сбежал от вас и вы взбешены, но не можете его найти. Он действует из неизвестных и недоступных мест, но, очевидно, под защитой страны, входящей в состав ООН. Я подозреваю, что именно так вы на него вышли.

– Ты говоришь загадками, мой старый добрый враг. С какой целью должен я принять твоё предложение?

– Никаких международных судов, никаких обвинений в укрывании международного преступника... Вы получаете несколько жирных кусков в Европе. Вы захватываете управление над «Медузой» без особых проблем – в лице Дмитрия Крупкина, опытного софиста из космополитического мира Парижа. Кто будет лучше управлять предприятием?... Новый герой Советов, член внутреннего экономического совета Президиума. Забудь о каком-то доме в Женеве, Круппи, как насчет особняка на Черном море?

– Это очень разумное и заманчивое предложение, уверяю тебя, – сказал Крупкин. – Я знаю двух-трех человек в Центральном комитете, с которыми могу связаться в пределах нескольких минут – конфиденциально, конечно.

– Нет, нет! – вскричал комиссар, обрушив кулак на стол Дмитрия. – Я кое-что понял – вы слишком быстро говорите, – но все это нонсенс!

– О, ради бога, помолчи! – рявкнул Крупкин. – Мы обсуждаем вещи, выходящие за пределы твоего понимания!

– Что? – подобно ребенку, которого приструнил взрослый, офицер Комитета, вытаращив глаза, был одновременно возмущен и испуган непристойным ответом подчиненного.

– Дай моему другу шанс, Круппи, – сказал Алекс. – Он лучший, и он может доставить тебе Шакала.

– Он также может и погибнуть, Алексей.

– Ему не впервой. Я верю в него.

– Вера, – прошептал Крупкин, в свою очередь вперившись в потолок. – Какая это роскошь... Хорошо, приказ будет издан секретно, его происхождение, естественно, неизвестно. Ты войдешь через американский комплекс. Его меньше всего понимают.

– Как скоро я там окажусь? – спросил Борн. – Мне нужно многое предусмотреть.

– У нас есть аэродром во Внукове, не более часа езды. Во-первых, я должен все организовать. Найдите мне телефон... Слушай, мой слабоумный комиссар! Тебя я не желаю больше слышать! Телефон!

Чуть ранее отдававший распоряжения, а теперь подчиненный начальник, который на самом деле понял из всего сказанного только «Президиум» и «Центральный комитет», неуклюже принес к столу Крупкина телефон с удлинителем.

– И еще кое-что, – сказал Борн. – Пусть ТАСС издаст срочный бюллетень с громким заголовком для газет, радио и телевидения, что убийца, известный как Джейсон Борн, умер от ран здесь, в Москве. Пусть детали будут расплывчатыми, но примерно совпадающими с произошедшим здесь этим утром.

– Это нетрудно. ТАСС – послушный инструмент государства.

– Я не договорил, – продолжил Джейсон. – Я хочу, чтобы в эти поверхностные детали было включено, что среди личных принадлежностей на теле Борна была найдена дорожная карта Брюсселя и его окрестностей. Город Андерлехт был обведен красным – это должно быть сообщено.

– Убийство верховного командующего НАТО – очень хорошо, очень убедительно. Однако, мистер Борн, или Вебб, как вас там, вам следует знать, что эта история волной моментально распространится по всему миру.

– Я это понимаю.

– Ты готов к этому?

– Да, готов.

– А твоя жена? Не следует ли тебе сначала предупредить ее, прежде чем весь цивилизованный мир узнает, что Джейсон Борн погиб?

– Нет. Я не хочу допустить ни малейшей вероятности утечки информации.

– Боже! – взорвался Алекс, закашлявшись. – Речь идет о Мари. Она не переживет этого!

– Я готов пойти на этот риск, – холодно произнес Дельта.

– Ты сукин сын!

– Да хотя бы и так, – согласился Хамелеон.

Джон Сен-Жак вошел в ярко освещенную солнцем комнату в сельском домике в Мэриленде. На его глаза наворачивались слезы, в руке он держал компьютерную распечатку. Его сестра сидела на полу перед диваном и играла с не желавшим успокаиваться Джеми. Элисон она уже уложила спать в кроватку. Она выглядела усталой и изможденной, лицо бледное, с темными кругами под глазами; ее вымотало постоянное напряжение и долгий перелет по идиотским маршрутам от Парижа до Вашингтона. Но, несмотря на то что она приехала поздно ночью, Мари встала рано, чтобы быть вместе с детьми – никакие дружеские уговоры миссис Купер не смогли удержать ее. Ее брат готов был отдать годы своей жизни, лишь бы не делать то, что ему предстояло через пару минут, но это было неизбежно. Ему следует быть рядом, когда она узнает.

– Джеми, – сказал Сен-Жак мягко. – Пойди найди миссис Купер, пожалуйста. Кажется, она на кухне.

– Зачем, дядя Джон?

– Я хочу поговорить несколько минут с твоей мамой.

– Джонни, прошу тебя, – возразила было Мари.

– Это необходимо, сестричка.

– Что?..

Ребенок вышел, странно посмотрев на дядю, направляясь к двери, очевидно, почувствовав что-то серьезное, как это свойственно детям. Мари встала и пристально посмотрела на брата, на слезы, побежавшие по его щекам. Ужасная весть стала ей понятна.

– Нет!.. – прошептала она, побледнев еще сильнее. – Боже милостивый, нет! – воскликнула она, ее руки и плечи задрожали. – Нет... нет! – Мари заплакала.

– Его больше нет, сестричка. Я хотел, чтобы ты слышала это от меня, а не по радио или телевидению. Я хочу быть с тобой.

– Ты ошибаешься, ошибаешься! – прокричала Мари, подбежав к нему и схватив за рубашку, смяв ткань в кулаках. – Он был под защитой!.. Он обещал мне, что будет в безопасности!

– Это только что пришло из Лэнгли, – сказал младший брат, протягивая распечатку. – Несколько минут назад звонил Холланд и сказал, что едет сюда. Он знал, что ты все равно узнаешь об этом. Это было взято из сообщения по московскому радио ночью, скоро об этом разразятся во всех средствах массовой информации.

– Дай сюда! – потребовала она. Он подчинился и нежно приобнял ее за плечи, готовый утешить как только сможет. Она быстро прочитала распечатку, стряхнула его руки, нахмурившись, вернулась к дивану и села. Ее концентрация была абсолютной; она положила бумагу на кофейный столик и снова изучила ее, будто это археологическая находка, какой-нибудь свиток.

– Он погиб, Мари. Я даже не знаю, что сказать, – ты знаешь, как он мне нравился.

– Да, знаю, Джонни, – и она посмотрела на него с тонкой улыбкой на губах, к удивлению Сен-Жака. – Но еще рановато лить слезы, братец. Он жив. Джейсон Борн жив, и, судя по этой уловке, Дэвид тоже жив.

Боже, она не может смириться с этим, подумал ее брат. Он подошел к дивану и сел на корточки перед ней рядом с кофейным столиком, взяв ее руки в свои.

– Сестричка, милая, думаю, ты не понимаешь. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе, но ты должна понять.

– Братец, благодарю тебя за заботу, но ты невнимательно прочитал это – недостаточно внимательно. Ужас самой новости отвлекает от подтекста. В экономике это называется введением в заблуждение облаком дыма и парой зеркал.

– Что? – Сен-Жак отпустил ее руки и поднялся. – О чем это ты?

Мари взяла communiqi из Лэнгли и еще раз просмотрела его.

– После нескольких расплывчатых, даже противоречивых описаний происшедшего, – сказала она, – со слов людей, присутствовавших в этом арсенале, или что бы то ни было, в последнем абзаце указано: «Среди вещей, найденных на теле убийцы, была карта Брюсселя и окрестностей, на которой город Андерлехт был обведен красным». Дальше они устанавливают очевидную связь с убийством Тигартена. Это чушь, Джонни, с двух точек зрения... Во-первых, Дэвид никогда не взял бы с собой такую карту. Во-

вторых, что гораздо более убедительно, трудно поверить, что советские средства массовой информации станут разглашать подобную информацию, но связь с убийством генерала Тигартена – это уж слишком.

– Что ты имеешь в виду? Почему?

– Потому что предполагаемый убийца находился в России, а Москве нежелательны какие-либо связи с убийством командующего НАТО... Нет, братец, кто-то нарушил правила и заставил ТАСС выпустить эту историю, и, подозреваю, много голов покатаются с плеч за это. Я не знаю, где сейчас Джейсон Борн, но уверена, что он не мертв. Дэвид позаботился о том, чтобы я поняла это.

Питер Холланд поднял трубку и коснулся кнопок, чтобы связаться с Чарли Кассетом по его личному каналу.

– Да?

– Чарли, это Питер.

– Рад это слышать.

– Почему?

– Последнее время по этому телефону я слышу одни только неприятности. Я только что говорил с нашим источником на площади Дзержинского, и он сказал мне, что КГБ жаждет крови.

– Сообщение ТАСС о Борне?

– Да. ТАСС и Радио Москва признали, что публикация истории была официально санкционирована, потому что ее прислали из Министерства печати с пометками для немедленного издания. Тогда никто под этим не подписался, и теперь невозможно проследить, кто поставил те пометки.

– Какой ты делаешь из этого всего вывод?

– Не уверен, но из того, что я узнал о Дмитриии Крупкине, можно сказать, что это в его стиле. Сейчас он работает с Алексом, и если это не из записной книжки Конклина, то я не знаю Святого Алекса. А я его знаю.

– Это совпадает с тем, что думает Мари.

– Мари?

– Жена Борна. Я только что беседовал с ней, и ее аргументы весьма убедительны. Она говорит, что московское сообщение – очевидная чушь. Ее муж жив.

- Согласен. Ты мне для этого позвонил?
- Нет, – вздохнул директор. – Мне придется добавить тебе неприятностей.
- Это я слышать уже не рад. В чем дело?
- Парижский телефонный номер, ведущий к Шакалу, который мы получили от Генри Сайкса в Монтсеррате. Это номер кафе на Мараисской набережной в Париже.
- Где кто-то должен был отозваться на черного дрозда. Я помню.
- Кто-то отозвался, и мы проследили за ним. Тебе это не понравится.
- Алекс Конклин, кажется, скоро получит звание прыща года. Ведь это он вывел нас на Сайкса, не так ли?
- Да.
- Ну, и что там?
- Сообщение было доставлено к дому директора Второго бюро.
- Мой бог! Я бы передал это спецотделу французской разведки с некоторым хронологическим комментарием.
- Я не собираюсь ничего никому передавать, пока не объявится Конклин. Мы обязаны ему.
- Какого черта они делают? – вскричал Кассет рассерженно. – Издают ложные сообщения о гибели – из самой Москвы! Зачем?
- Джейсон Борн вышел на охоту, – ответил Питер Холланд. – И когда охота закончится – если она закончится и если он убьет Карлоса, – ему надо будет выбраться из лесов прежде, чем все кинутся его искать... Надо предупредить каждую базу и каждый разведпост. Кодовое название: «Убийца. Верните его».

Глава 40

Новгород. Сказать, что это было неправдоподобно, означало бы признать возможность правдоподобия, а это было практически невозможно. Он был идеальной выдумкой, его иллюзорные видения были почти реальнее действительности, этой фантазмагии можно было коснуться, почувствовать, использовать, входить в нее и покидать ее; это был коллективный шедевр, сотворенный среди густых лесов вдоль реки Волхов. С того момента, как Борн вышел из глубокого подземного тоннеля, проходившего под речным дном, напичканного охранниками, воротами и множеством камер, он был близок к шоковому состоянию, сохраняя, однако, способность ходить, наблюдать, впитывать впечатления и думать.

Американский комплекс, как, наверное, и остальные, был разбит на секции, четко разделенные между собой, каждая из которых занимала два-пять акров земли. Одна секция, возведенная на берегу реки, очень напоминала центр прибрежной деревни в Мейне; другая, подальше от берега, – небольшой южный городок; третья – оживленную улицу мегаполиса. В каждой из них было организовано соответствующее автомобильное движение, полиция, одежда, магазины, бакалейные лавки и аптеки, бензоколонки и модели зданий – многие из которых достигали двух этажей в высоту и идеально точно изображали настоящие, поскольку в них использовались американские материалы для дверей и окон. Очевидно, как и физический облик, жизненно важное значение имел язык – не просто свободное владение английским, а владение лингвистическими особенностями, диалектами, характерными для конкретных районов. Переходя от одной секции к другой, Джейсон слышал вокруг эти звуки. От «иеа» западной части Новой Англии до техасской медлительности и столь знакомых «ю-олс»; от мягких носовых звуков Средневосточного региона США до громкой абразивности больших восточных городов с неизбежным «Понимаете, о чем я?» в беседах – как в вопросах, так и в утверждениях. Это все было действительно невероятно. В это не просто трудно было поверить, это выглядело неправдоподобным.

Во время полета от Внукова его инструктировал выпускник Новгорода средних лет, которого Крупкин срочным порядком вызвал из московской квартиры. Объяснения невысокого, лысого мужчины были не только многословными, но и по-своему гипнотизирующими. Если бы кто-нибудь раньше сказал Джейсону Борну, что его будет инструктировать советский шпион, чей английский настолько похож на язык южноамериканской глубинки, что выходит из его уст почти с запахом магнолий, он бы посчитал это шуткой.

– Боже правый! И не забудь отведать там барбекю, особенно ребрышки. Знаешь, кто готовил их лучше всех? Один черный парень, которого я считал своим хорошим другом, пока он не подставил меня. Представляешь? Я думал, что он один из радикалов. А он оказался из Дортмута и работал на ФБР. Юрист, однако... Черт, обмен произошел у «Аэрофлота» в Нью-Йорке, но мы до сих пор переписываемся.

– Юношеские игры, – пробормотал Борн.

– Игры?... О да, он был отличным наездником.

– Наездником?

– Точно. Наша небольшая компания основала Малую Лигу в Ист-Пойнте. Это совсем рядом с Атлантой.

Неправдоподобно?

– Может, вернемся к Новгороду?

– Конечно. Дмитрий, наверное, уже говорил тебе, что я наполовину в отставке, но условия моей пенсии требуют, чтобы я проводил там пять дней в месяц в качестве тренера.

– Я не совсем его понял.

– Я поясню, – странный мужчина разъяснил все более подробно.

Персонал каждого комплекса в Новгороде делился на три класса: тренеры, кандидаты и работники. Последние включали в себя сотрудников КГБ, охранников и подсобников. Практическая реализация Новгорода была проста по своей структуре. Персонал комплекса составлял ежедневные тренировочные графики для каждой конкретной секции, и тренеры, как постоянные, так и полуставные, командовали всеми индивидуальными и групповыми мероприятиями, а кандидаты выполняли их, используя только язык комплекса и диалекты специфических районов, в которых они находились. Русский язык не допускался; это правило контролировалось тренерами, которые время от времени выкрикивали команды или оскорбления на родном языке, которые кандидаты должны были игнорировать.

– Что вы подразумеваете под «заданиями»? – спросил Борн.

– Ситуации, мой друг. Все, что угодно. Например, заказать ленч или ужин, или купить одежду, или наполнить бак машины, потребовав определенный бензин... со свинцом или без и с высоким октановым числом – все, с чем нам здесь не приходится сталкиваться. Кроме того, конечно, бывают и более драматические события, часто не запланированные, чтобы проверить реакцию кандидатов. Например, дорожное происшествие, в результате которого приходится иметь разговор с «американской» полицией и заполнять бланки страховки – вы можете выдать себя, если не знаете таких вещей.

Мелочи, незначительные мелочи – от них зависит жизнь. Черный выход в Кубинке.

– Что еще?

– Множество непредсказуемых вещей, которые человек может посчитать незначительными, а они могут оказаться важными. Например, подвергнуться нападению на улице ночью – что надо делать, а чего не стоит? Запомни, многие наши кандидаты, и все молодые, хорошо натренированы в самозащите, но в зависимости от ситуации может быть противопоказано использовать эти навыки. Они могут вызвать лишние вопросы. Благоразумие,

всегда благоразумие... Но лично я, как опытный тренер, конечно же, всегда предпочитаю как можно более надуманные ситуации, в них можно лучше отработать тонкости проникновения в среду.

– Как это понимать?

– Всегда изучай, но никогда не подавай виду. Например, мой подопечный должен подойти к нескольким кандидатам, скажем, в баре в какой-нибудь «глубинке» недалеко от военного полигона. Я изображаю из себя недовольного правительственного рабочего или, быть может, подвыпившего контрактника – кого-нибудь, имеющего доступ к информации – и начинаю разбалтывать засекреченную информацию немалой важности.

– Любопытства ради, – перебил его Борн, – как должны кандидаты действовать в подобной ситуации?

– Внимательно слушать и быть готовыми записать каждый любопытный факт, изображая при этом полнейшее безразличие и отвечивая замечания вроде, – тут южный диалект новгородского выпускника превратился в столь грубый горный южный, что магнолии сменились кислым солодом: – «Ну, кому какое дело до этой болтовни?» и «Неужто и впрямь бывают такие шлюхи?» или «Ни хрена не понимаю из того, что ты говоришь, кретин, – но я точно знаю, что ты меня окончательно достал!»... Что-то вроде того.

– И что потом?

– Потом каждого из них вызывают и просят перечислить все, что он узнал, – факт за фактом.

– Как насчет передачи информации? Для этого тоже предусмотрены тренировки?

Советский инструктор Джейсона уставился на него молча и пристально смотрел несколько мгновений, выпрямившись на откидном сиденье в маленьком самолете.

– Мне жаль, что вам пришлось задать этот вопрос, – проговорил он медленно. – Я должен буду доложить о нем.

– Я не должен был задавать его, я просто полюбозыгрывал. Забудьте о нем.

– Не могу. И не стану.

– Вы доверяете Крупкину?

– Безусловно. Это настоящий бриллиант, многоязычный феномен. Звезда Комитета.

Ты и половины всего не знаешь, подумал Борн, но сказал с невинным видом:

– Тогда доложите об этом ему одному. Он скажет вам, что это было просто любопытство. Я ничего своему правительству не должен; скорее, наоборот, оно обязано мне.

– Очень хорошо... Кстати, о вас. По приказу Дмитрия я организовал ваше прибытие в Новгород – прошу вас, не сообщайте мне, зачем вам это надо; это касается меня не более, чем то, о чем вы спросили, касается вас.

– Понятно.

– Вы свяжетесь с молодым тренером по имени Бенджамин, каким образом – объясню через минуту. Я бы хотел сообщить вам о Бенджамине следующее, чтобы вы понимали его отношение. Его родители были офицерами Комитета, работали в консульстве в Лос-Анджелесе почти двадцать лет. Он имеет в основном американское образование, был студентом в Калифорнийском университете, пока его вместе с отцом не вызвали спешно в Москву четыре года назад...

– Его вместе с отцом?

– Да. Его мать была схвачена во время одной из операций ФБР на военно-морской базе в Сан-Диего. Ей осталось еще три года провести в тюрьме. Для нее невозможно помилование или обмен.

– Эй, минутку. Тогда это не могло произойти по нашей вине.

– А я этого и не говорил. Я всего лишь сообщаю факты.

– Понятно. Итак, я встречаюсь с Бенджамином.

– Он единственный знает, кто вы – не по местному имени, конечно: вам присвоено имя Арчи, – и он обеспечит вам необходимый доступ в любой комплекс.

– Документы?

– Он все объяснит. Он также будет следить за тобой, будет с тобой все время, и, скажу по секрету, он чаще общался с товарищем Крупкиным и знает куда больше меня... Удачной охоты, хорека, если ты собрался на охоту.

Борн следовал по указателям – все было по-английски – до города Рокледжа, Флорида, расположенного в пятнадцати милях на юго-запад от мыса Канаверал, принадлежавшего НАСА. Он должен был встретиться с Бенджамином у прилавка за ленчем в местном магазине «Woolworth». Это будет мужчина лет двадцати с небольшим, в красной рубашке, на соседнем

стуле будет лежать бейсболка Budweiser, чтобы его не заняли. Было уже 3.35 пополудни.

Он увидел его. С песочными волосами, по виду типичный калифорниец, русский сидел у дальнего правого конца стойки, на стуле слева от него лежала бейсболка. Там были еще с полдюжины мужчин и женщин, разговаривавших между собой и потреблявших прохладительные напитки и легкие закуски. Джейсон подошел к пустому стулу, посмотрел на кепку и вежливо поинтересовался:

– Здесь занято?

– Я жду кое-кого, – ответил молодой тренер нейтральным тоном, подняв на Борна серые глаза.

– Тогда я поищу свободное место.

– Оно вряд ли появится в ближайшие пять минут.

– Черт, я всего лишь хотел глотнуть ванильной колы. Долго ждать не хочется...

– Присаживайтесь, – сказал Бенджамин, убрав кепку и естественным движением надев ее на голову. Жующий жвачку продавец подошел, и Джейсон сделал заказ; когда напиток был подан, тренер продолжил тихо, глядя на пену молочного коктейля, который потягивал через соломку: – Итак, ты Арчи, прямо как в комиксах.

– А ты Бенджамин. Очень приятно.

– Мы оба через некоторое время пойдем, так ли это, верно?

– У нас есть проблема?

– Я хочу четко прояснить правила, чтобы она не возникла, – ответил русский с Западного побережья. – Мне не нравится, что вас сюда допустили. Несмотря на мое прежнее место жительства и то, как я говорю, я не люблю американцев.

– Послушай меня, Бен, – перебил Борн, заставляя тренера взглядом смотреть прямо в глаза. – Зная все обстоятельства, мне не нравится, что вашу мать все еще держат в тюрьме, и не я ее туда заключил.

– Мы отпускаем диссидентов и евреев, а вы удерживаете пятидесятивосьмилетнюю женщину, которая была всего лишь курьером! – прошептал русский, с силой выплевывая слова.

– Я не знаю фактов, и я не назвал бы Москву столицей милосердия, но если вы мне поможете – действительно поможете, – возможно, я смогу помочь вашей матери.

– Чертовы пустые обещания. Да что вы можете?

– Повторяю то, что уже говорил час назад вашему лысому другу в самолете: я ничем не обязан своему правительству, тогда как оно очень мне обязано. Помогите мне, Бенджамин.

– Я помогу, потому что мне приказали, а вовсе не из-за ваших слов. Но если вы попытаетесь узнать больше, чем необходимо для достижения вашей цели, вы отсюда не выйдете. Ясно?

– Не только ясно, но и логично. Помимо обычного удивления и любопытства, которые я буду изо всех сил стараться подавлять, мне нет никакого дела до объектов Новгорода. В конечном счете, по-моему, это путь в никуда... Однако, уверяю вас, все это сильно напоминает Диснейленд.

Непроизвольный смех Бенджамина пробился через соломинку и взорвал пену на его молочном коктейле.

– Вы бывали в Анахейме?

– Никогда не мог позволить себе это.

– У нас были дипломатические пропуска.

– Боже, а вы, оказывается, тоже человек. Пойдем. Давайте пройдемся и кое-что обсудим.

Они перешли по миниатюрному мосту в Нью-Лондон, Коннектикут, родину американского производства подводных лодок, и пошли вдоль Волхова, который здесь был превращен в тщательно охраняемую военно-морскую базу – все очень реалистично миниатюризировано. Высокие ограды, вооруженные охранники из «зеленых беретов» патрулировали территорию вдоль бетонных пирсов, возле которых из воды торчали огромные модели рубок американского атомного подводного флота.

– У нас есть все станции, все графики, все устройства и уменьшенный каждый дюйм пирса, – сказал Бенджамин. – А также сдублированы охранные процедуры. Разве это не безумие?

– В данный момент – нисколько. Мы достаточно хороши.

– Да, но мы лучше. За исключением незначительного недовольства, мы верим. А вы только принимаете.

- Что?
- Несмотря на вашу болтовню, белая Америка никогда не была в рабстве. А мы были.
- Это вовсе не давняя история, молодой человек, а скорее выборочная история, не так ли?
- Вы говорите, как профессор.
- А если я скажу, что был им?
- Я бы мог аргументированно с вами поспорить.
- Только если бы вы оказались в достаточно демократичном заведении, которое позволило бы вам оспаривать официальные утверждения.
- О, бросьте! Банальная академическая свобода уже давно у нас есть. Загляните в наши общежития. У нас есть рок, голубые джинсы и больше травы, чем вы сможете найти бумаги, чтобы сделать самокрутки.
- Это прогресс?
- Верите ли, это начало.
- Мне придется поразмыслить над этим.
- Вы действительно можете помочь моей матери?
- А вы действительно можете помочь мне?
- Надо попробовать... Хорошо, этот ваш Карлос Шакал. Я слышал о нем, но немного. Директор Крупкин коворит, что это очень плохой парень.
- Слышу акцент Калифорнии.
- Иногда это проявляется. Не обращайтесь внимания. Я там, где хочу быть, и ни минуты в этом не сомневаюсь.
- Я бы не посмел.
- Что?
- Вы продолжаете спорить...
- Шекспир сказал это лучше. Моей второй специализацией в университете была английская литература.
- А первой?
- Американская история. Что еще, дедушка?
- Спасибо, внучек.

– Так вот, что касается Шакала... – сказал Бенджамин, прислонившись к ограде Нью-Лондона. Несколько охранников, заметив это, побежали было к нему. – Простите! – крикнул он по-русски, потом поправился, перейдя на английский: – Нет, нет! Я хотел сказать, извините. Я тренер!.. О черт!

– Об этом доложат? – спросил Джейсон, когда они быстро пошли прочь.

– Нет, они слишком тупы. Это вспомогательный персонал в военной форме; ходят по своим постам, но на самом деле ничего не понимают. Только кого и что надо пресекать.

– Собаки Павлова?

– Кто может быть лучше? Животные не умнеют; они перегрызают глотки и роют себе норы.

– Что возвращает нас к Шакалу, – сказал Борн.

– Не понял.

– Неважно. Это символично. Как может он сюда проникнуть?

– Никак. Каждый охранник в каждом тоннеле знает имя и серийные номера новгородских документов, которые он забрал у убитых в Москве агентов. Если он появится, его застрелят без предупреждения.

– Я попросил Крупкина так не делать.

– Ради бога, почему?

– Потому что это будет не он, и пострадают невинные. Он зашлет других, может быть, двух или трех в разные комплексы, прощупывая, запутывая, пока не найдет способ пробраться внутрь.

– Ты спятил. А что будет с человеком, которого он зашлет?

– Это его не волнует. Если их застрелят, он это увидит и узнает кое-что.

– Ты действительно псих. Где он возьмет людей для этого?

– Где угодно, там, где есть люди, которые думают, что получают за несколько минут свою месячную зарплату. Он может наплести им, что они нужны ему, чтобы провести обычную проверку бдительности охранников, – ведь у него есть документы, доказывающие, что он должностное лицо. А если еще добавить денег, то у людей пропадет всякая подозрительность.

– И у первых же ворот он лишится этих документов, – настаивал тренер.

– Отнюдь. Он проедет свыше пятисот миль через десяток городов. Он легко может сделать копии где угодно. В ваших бизнес-центрах имеются копировальные аппараты; их полно, и слегка поработать над копиями, чтобы

они выглядели как настоящие, не составит ему труда. – Борн остановился и посмотрел на американизированного русского. – Мы говорим о деталях, Бен, а они, поверь, не имеют сейчас значения. Карлос направляется сюда, чтобы оставить о себе память, и у нас есть одно преимущество, которое может поломать все его планы. Если Крупкину удалось продвинуть эту историю в новости, то Шакал думает, что я мертв.

– Весь мир думает, что ты мертв... Да, Крупкин говорил мне; это было неглупо. Здесь ты рекрут по имени Арчи, но я знаю, кто ты, Борн. Даже если бы я не слышал о тебе раньше, то точно услышал бы по радио теперь. Радио Москвы несколько часов подряд талдычило только о тебе.

– Тогда можно быть уверенными, что Карлос тоже слышал эту новость.

– Без вопросов. Каждая машина в России оборудована радиоприемником; это стандарт. На случай американского нападения, например.

– Разумно.

– Ты действительно убил Тигартена в Брюсселе?

– Это не...

– Меня не касается, понял. Какой у тебя план действий?

– Крупкин должен был предоставить все мне.

– Предоставить что?

– Проникновение Шакала.

– О чем, черт возьми, ты говоришь?

– Используй Крупкина, если понадобится, но сообщи во все тоннели, на каждый вход в Новгород, чтобы они впускали любого с теми бумагами. Я думаю, их будет три или четыре, может быть, пять. За ними надо будет следить, но им не нужно препятствовать.

– Ты только что заслужил комнату с мягкими стенами. Ты псих, Арчи.

– Нет, я не псих. Я сказал, чтобы за ними следили, чтобы охранники поддерживали постоянный контакт с нами.

– И?

– Один из них исчезнет в течение нескольких минут. Никто не сможет понять, куда он подевался. Это и будет Карлос.

– И?

– Шакал решит, что он неуязвим, что волен делать все, что захочет, поскольку думает, что я мертв. Это развязывает ему руки.

– Почему?

– Потому что мы оба, он и я, знаем, что только один из нас сможет выследить другого, будь то в джунглях или в городах. Это ненависть, Бенджамин. Или отчаяние.

– Не слишком ли эмоционально? И абстрактно.

– Ничуть, – ответил Джейсон. – Я способен думать, как это делает он, – меня научили этому много лет назад... Давай обсудим возможности. Насколько тянется Новгород вдоль Волхова? Тридцать, сорок километров?

– Сорок семь, если точно, и ни один метр невозможно пересечь незамеченным. По воде проведены магнелиевые трубки так, чтобы не мешать подводной жизни, но способные поднять тревогу. На восточном берегу установлены сетки, реагирующие на изменение веса. Все, что весит больше девяноста фунтов, моментально поднимает тревогу, и телевизионные мониторы и прожекторы сразу фокусируются на нем. И даже если восьмидесятидевяtifунтовый дистрофик доберется до забора, его лишит сознания электрический ток при первом же прикосновении; аналогично и с магнелиевыми трубками в реке. Хотя, конечно, падающие деревья и плавающие бревна, а также крупные звери доставляют службе безопасности некоторые хлопоты. Но это лишь полезно для дисциплины, я думаю.

– Тогда остаются тоннели, – сказал Борн, – верно?

– Ты сам прошел через один из них. Что я могу тебе сообщить, чего ты еще не видел? Разве что металлические ворота буквально обрушиваются вниз при малейшей тревоге, и при необходимости тоннель можно затопить водой.

– Все это известно и Карлосу. Он проходил здесь обучение.

– Много лет назад, как сказал мне Крупкин.

– Много лет, – согласился Джейсон. – Интересно, многое ли изменилось с тех пор?

– С точки зрения технологии можно написать несколько томов, особенно по коммуникациям и системам безопасности, но не с точки зрения основ. Не тоннели и не мели сеток под и над водой; они построены на пару столетий вперед. Что же касается комплексов, то в них всегда происходят какие-нибудь незначительные изменения, но не думаю, что когда-нибудь станут разрушать улицы или строения. Легче будет передвинуть дюжину городов.

– Стало быть, какими бы ни были изменения, это в основном носит косметический характер... – Они дошли до миниатюрного перекрестка, где неприветливый полицейский штрафовал упрямого водителя за нарушение правил дорожного движения. – К чему это все? – спросил Борн.

– Цель задания – разыграть несогласие с наказанием. В Америке люди часто шумно спорят с полицейскими офицерами. Здесь так не бывает.

– Как и задавать вопросы власти, вроде студента, спорящего с профессором? Что-то мне не верится, что такой подход очень уж популярен здесь.

– Это тоже совсем по-другому.

Джейсон услышал отдаленный гул и посмотрел на небо. Там он увидел легкий одномоторный морской самолет, летевший вдоль Волхова на юг.

– Мой бог, по воздуху, – промолвил он, будто сам себе.

– И не думай, – возразил Бенджамин. – Это наш... Снова технологии. Во-первых, приземлиться некуда, кроме патрулируемых вертолетных площадок; и во-вторых, мы защищены радаром. Любой неизвестный самолет в радиусе тридцати миль отсюда будет уничтожен с воздушной базы в Белополе. – На противоположной стороне улицы собралась небольшая толпа, наблюдавшая за спором водителя с полицейским. Водитель хлопнул рукой по крыше «Шевроле», поддерживаемый толпой. – Американцы могут быть такими глупыми, – процедил раздраженный молодой тренер.

– По крайней мере, такое о них можно подумать, – улыбнулся Борн.

– Пойдем, – сказал Бенджамин, зашагав прочь. – Я уже не раз убеждал их, что это задание нереалистично, но мне объяснили, что важно внушить правильный подход к отношениям.

– Все равно что сказать студенту, что он вообще-то может спорить с профессором, или гражданину – что он может публично критиковать члена Политбюро? Действительно, странные отношения, не так ли?

– Точно, Арчи.

– Расслабься, молодой Ленин, – предложил Джейсон, догнав тренера. – Где же твое лос-анджелесское хладнокровие?

– Я оставил его в Ла Бриа Тар Питс.

– Мне нужно изучить карты. Все, какие есть.

– Уже готово. Как и все остальное.

Они сидели в комнате совещаний в штабе персонала, где большой прямоугольный стол был устлан картами всего новгородского комплекса. Борн был в растерянности, даже после четырех часов изучения, он часто встряхивал головой, совершенно изумленный. Серия тщательно продуманных и хорошо декорированных тренировочных участков вдоль Волхова была гораздо больше и запутаннее, чем он представлял себе возможным. Замечание Бенджамина о том, что «легче передвинуть дюжину городов», чем серьезно переделать Новгород, было простой констатацией факта, без капли преувеличения. Уменьшенные модели городов, набережных и аэропортов, военных и научных комплексов от Средиземноморья и до Атлантики, на север к Балтийскому морю и вверх по Ботническому заливу, были представлены здесь, помимо американской территории. Причем, несмотря на детализированность, использование в конструкции общих намеков и миниатюризация позволили разместить все это в пределах тридцати миль вдоль реки и трех-пяти миль в глубь леса.

– «Египет», «Израиль», «Италия», – начал Джейсон, обходя вокруг стола, глядя на карты, – «Греция», «Португалия», «Испания», «Франция», «Великобритания»...

– «Германия», «Нидерланды» и «Скандинавские страны», – продолжил за него Бенджамин, устало откинувшийся на спинку стула. – Как я уже объяснял, большинство комплексов включают две отдельные различные страны, обычно если между ними есть общая граница, сходные культурные особенности или просто для экономии места. Девять основных комплексов, представляющих главные страны – главные для наших интересов, – и потому девять тоннелей, примерно через каждые семь километров друг от друга, начиная с нашего и на север вдоль реки.

– Тогда следующий тоннель ведет в «Великобританию», верно?

– Да, потом «Франция», «Испания» – вместе с «Португалией», потом «Средиземноморье», включающее «Египет», «Израиль» и другие...

– Понятно, – перебил Джейсон, присев на край стола и сложив ладони в раздумье. – Ты распространил приказ, чтобы они впускали любого с документами, взятыми Карлосом, независимо от внешности?

– Нет.

– Что? – Борн резко повернул голову к молодому тренеру.

– Я передал это товарищу Крупкину. Он сейчас в московской больнице, и врачи не позволяют ему лететь сюда.

– Как я могу попасть в другой комплекс? По возможности, быстро.

– Значит, ты готов к остальным правилам?

– Готов. Эти карты рассказали достаточно много.

– Хорошо, – Бенджамин полез в карман, достал оттуда маленький черный предмет размером с кредитную карточку, но несколько толще, и бросил его Джейсону. Тот поймал его и рассмотрел со всех сторон. – Это твой пропуск, – продолжил русский. – Такие есть только у командующего персонала, и если один из них утерян или оказывается не там, где положено, об этом немедленно сообщается.

– Но на нем нет никакой идентификации, вообще никаких пометок.

– Все внутри, закодировано. Каждый пропускной пункт оборудован автоматическим замком. Вставляешь это в слот, и барьеры поднимаются, пропуская тебя внутрь и сообщая охране, что ты имеешь доступ – и записан.

– Чертовски умны эти убежденные марксисты.

– В Лос-Анджелесе подобные штучки использовались почти во всех отелях уже четыре года назад... Что касается остального.

– Базовые правила?

– Крупкин называет это защитными мерами – как для нас, так и для тебя. Признаюсь, он не думает, что ты выберешься отсюда живым; и если он окажется прав, твое тело должно будет исчезнуть.

– Как восхитительно практично.

– Ты нравишься ему, Борн... Арчи.

– Продолжай.

– Насколько осведомлен командующий персонал, ты – работающий под прикрытием агент из инспекции в Москве, американский специалист, посланный сюда, чтобы проверить утечки на Запад. Тебе должно быть предоставлено все, что понадобится, включая оружие, но никто не должен говорить с тобой, пока ты не заговоришь первым. Что касается меня, то я твой посредник; все, что тебе нужно, ты передаешь через меня.

– Премного благодарен.

– Не спеши, – сказал Бенджамин. – Ты никуда не пойдешь без меня.

– Это неприемлемо.

– Это необходимо.

– Нет.

– Почему?

– Потому что не хочу быть отягощенным лишним грузом... и если я все-таки выберусь отсюда, то хотел бы, чтобы мать одного моего знакомого Бенджамина нашла его живым и здоровым.

Молодой русский пристально посмотрел на Борна, воля смешалась с болью в его глазах.

– Ты действительно думаешь, что сможешь помочь нам с отцом?

– Я знаю, что могу... так помоги же мне. Играй по моим правилам, Бенджамин.

– Ты странный человек.

– Я голодный человек. Здесь есть какая-нибудь еда поблизости? И свежий бинт. Меня сильно потрянуло недавно, и шея и плечи все еще дают о себе знать.

Джейсон снял пиджак; его рубашка была вся в крови.

– Боже правый! Я позову врача...

– Нет, не надо. Просто какого-нибудь санитара, и все... Это мои правила, Бен.

– Хорошо, Арчи. Мы разместимся в номере приезжих комиссаров; это на верхнем этаже. У нас есть комнатная обслуга, и я позвоню в медкабинет.

– Я сказал, что голоден и неважно себя чувствую, но это не главное, что меня заботит.

– Не беспокойся, – сказал советский калифорниец. – Как только что-нибудь случится, нам сразу сообщат. Я сверну карты.

Это произошло ровно в 0.02 ночи, сразу после общей смены караула, в самое темное время ночи. Телефон в их номере взвизжал, сдернув Бенджамина с дивана. Он пробежал через комнату к настойчиво звенящему аппарату и сорвал трубку.

– Да?... Где? Когда? Что это значит?... Да! – он бросил трубку и повернулся к Борну, сидевшему за столом, разложив карты Новгорода. – Невероятно. В испанском тоннеле – на той стороне два охранника мертвы, а на этой стороне караульный офицер найден в пятидесяти ярдах от своего поста с пулей в горле. Они просмотрели видеозапись – и все, что смогли увидеть, – неизвестный мужчина, который прошел через тоннель с сумкой! В форме охранника!

– Было еще что-то, не так ли? – холодно спросил Дельта.

– Да, и ты, возможно, прав. На той стороне был найден мертвый колхозник, сжимавший в руке порванные документы. Он лежал между двумя убитыми охранниками, один из которых был раздет до трусов и ботинок... Как он это сделал?

– Это был хороший парень, не могу предположить ничего другого, – размышлял Борн, быстро поднявшись и потянувшись к карте испанского комплекса. – Он, наверное, заслал внутрь купленного самозванца с поддельными документами, потом вбежал сам, а раненый офицер в последний момент раскусил обман и обратился к нему на иностранном языке, которого он не знал... Я же говорил тебе, Бен. Нащупывать, проверять, колебать, запутывать и найти путь внутрь. Кража формы – стандартный ход, и в неразберихе она позволила ему пройти через тоннель.

– Но за любым человеком с этими пропусками должны были следить. Ты ведь сам так сказал, и Крупкин распространил по всей линии!

– Кубинка, – откликнулся Джейсон, задумчиво изучая карту.

– Арсенал? Тот, что упоминался в новостях?

– Именно. Как и в Кубинке, у Карлоса есть кто-то здесь, внутри. Кто-то, обладающий достаточной властью, чтобы приказать какому-нибудь малозначительному офицеру караула доставить любого, кто попытается пройти по тоннелю, к нему, прежде чем поднимать тревогу и будить штаб.

– Такое возможно, – быстро и твердо согласился молодой тренер. – Кому охота будить штаб ложной тревогой? К тому же, как ты говоришь, началась суматоха.

– В Париже, – сказал Борн, подняв глаза от карты, – меня уверяли, что лишние проблемы – главный враг КГБ. Это правда?

– В масштабе один к десяти, по меньшей мере к восьми, – ответил Бенджамин. – Но кто это может быть? Шакал ведь не был здесь уже больше тридцати лет!

– Если бы у нас была пара часов и компьютер с базой данных всех, кто находится в Новгороде, мы могли бы ввести несколько сотен имен и получить ряд возможных кандидатур, но у нас нет в запасе пары часов. Нет даже минут! К тому же, насколько я знаю Шакала, это не имеет значения.

– А по-моему, это многое значит! – вскричал советский американец. – У нас тут предатель, и нам следует знать, кто это.

– Я подозреваю, что вы и так скоро это выясните... Это все детали, Бен. Главное – он здесь! Пойдем и, когда выйдем наружу, остановимся где-нибудь, и ты дашь мне, что потребуется.

– Хорошо.

– Все, что мне нужно.

– Я уполномочен на это.

– И потом ты исчезнешь. Я знаю, что говорю.

– Ничего подобного, Хосе!

– Снова возвращается Калифорния?

– Ты слышал, что я сказал.

– Тогда, возможно, мама молодого Бенджамина застанет труп своего сына, когда вернется в Москву.

– Да будет так!

– Да будет?.. Что заставило тебя это сказать?

– Не знаю. Это показалось к месту.

– Заткнись! Пошли отсюда.

Глава 41

Ильич Рамирес Санчес дважды щелкнул пальцами в тени, поднявшись по короткой лестнице миниатюрного входа в небольшую церковь в «мадридском» Paseo del Prado, бульваре Прадо, держа в левой руке сумку. Из-за макета колонны с выемками появилась фигура, крепко сложенный мужчина лет шестидесяти. Он частично вышел на свет, долетавший от отдаленного фонаря. На нем была форма испанского армейского офицера, генерал-лейтенанта с тремя рядами полосок, пришитых к кителю. В руке он нес кожаный портфель; он чуть приподнял его и заговорил на языке этого комплекса:

– Заходи внутрь, в ризницу. Там ты сможешь переодеться. Этот не подходящий тебе по размеру пиджак охранника – отличная цель для снайперов.

– Приятно снова поговорить с кем-то на нашем языке, – сказал Карлос, следуя за ним внутрь маленькой церкви и закрывая за собой дверь. – Я твой должник, Энрике, – добавил он, окинув взглядом пустые ряды скамеек и мягкие огни на алтаре, поблескивавшем золоченым распятием.

– Ты уже больше тридцати лет мой должник, Рамирес, и я об этом ничуть не жалею, – тихо засмеялся солдат. Они прошли в правое крыло и вниз к ризнице.

– Тогда ты, наверное, не поддерживаешь контакт со своими родственниками в Баракоа. Родные братья и сестры самого Фиделя и наполовину не живут так хорошо.

– Как и сам сумасшедший Фидель, но ему нет до этого дела. Говорят, теперь он стал чаще мыться – думаю, это уже прогресс. Однако ты говоришь о моей семье в Баракоа; а как насчет меня, мой дорогой международный киллер? Никаких яхт, никакого почета, как тебе не стыдно! Если бы я тебя тогда вовремя не предупредил, тебя казнили бы здесь, в этом самом комплексе, тридцать три года назад. Если подумать, за стенами этой идиотской игрушечной церкви на Прадо, то, что ты убежал, было правильно. Переодетый в священника, фигуру, которая вечно смущает русских, как и большинство других.

– Разве ты хоть в чем-нибудь нуждался с тех пор, как я обустроился? – Они вошли в небольшую панельную комнату, где, предположительно, прелаты должны были готовиться к службам. – Отказал я тебе хоть раз? – добавил Карлос, поставив тяжелую сумку на пол.

– Да я, конечно, шучу, – ответил Энрике, дружелюбно улыбаясь и глядя на Шакала. – Куда девалось твое здоровое чувство юмора, мой старый злополучный друг?

– Мне сейчас не до него.

– Охотно верю. И, честно говоря, ты всегда был весьма щедр по отношению к моей семье на Кубе, и я благодарен тебе. Мои родители дожили свои дни в мире и комфорте, несколько в смущении, правда, но куда лучше всех, кого они знали... Это все было безумием. Революционеры, выброшенные их собственными революционными предводителями.

– Вы были угрозой для Кастро, так же как Че. Теперь это в прошлом.

– Многое осталось в прошлом, – согласился Энрике, разглядывая Карлоса. – Ты сильно постарел, Рамирес. Где те пышные темные волосы и красивое волевое лицо с ясными глазами?

– Не будем об этом.

– Хорошо. Я толстею, ты худеешь; это говорит мне кое о чем. Насколько серьезно ты ранен?

– Я достаточно хорошо могу двигаться для того, что намерен повернуть – что я должен повернуть.

– Рамирес, что еще тебе нужно? – спросил вдруг ряженный солдат. – Он мертв! Москва утверждает, что это они убили его, но когда ты мне позвонил, я понял, что это сделал ты, ты убил его. Джейсона Борна больше нет! Твой враг покинул этот мир. У тебя явно проблемы со здоровьем; вернись в Париж и подлечись. Я выведу тебя наружу так же, как провел внутрь. Мы пойдем во «Францию», и я расчищу дорогу. Ты будешь курьером от коменданта «Испании» и «Португалии», который должен лично передать конфиденциальное послание на площадь Дзержинского. Такое здесь регулярно бывает; никто никому здесь не доверяет, особенно своим собственным воротам. Тебе даже не придется рисковать и убивать ни одного охранника.

– Нет! Я должен преподать урок.

– Тогда позволь мне сказать это по-другому. Когда ты позвонил с экстренными кодами, я сделал, что ты велел, потому что ты исполнил свои обязательства по отношению ко мне, обязательства, которые начались тридцать три года назад. Но сейчас есть другой риск – риски, если быть точным, – и я не уверен, что горю желанием пойти на них.

– Ты это говоришь мне?! – вскричал Шакал, снимая пиджак мертвого охранника, под которым обнаружились белые бинты без капли крови, затянувшие его правое плечо.

– Перестань ломать комедию, – мягко проговорил Энрике. – Мы знали друг друга еще до того. Я обращаюсь к молодому революционеру, вслед за которым покинул Кубу вместе с титаном мысли по имени Санчес... Как у него дела, кстати? Фидель по-настоящему боялся его.

– Вполне неплохо, – ответил Карлос невыразительно. – Но мы перенесли «Сердце солдата».

– Он по-прежнему увлекается своими садами – его английскими садами?

– Да.

– Мне кажется, ему надо было стать пейзажистом или цветоводом. А я мог бы стать отличным агрокультурным инженером, агрономом, как их называют, – именно так мы с Санчесом и встретились, ты знаешь... Мелодраматические политики изменили наши жизни, не так ли?

– Политические преступления изменили их. Фашисты повсюду изменяли их.

– И теперь мы хотим быть как фашисты, а они хотят взять все не самое ужасное от нас, коммунистов, и прикормить немного деньгами – что вообще-то не работает, но идея хорошая.

– Какое отношение это имеет ко мне – твоему монсеньору?

– Лошадиный навоз, Рамирес. Как тебе, возможно, известно, моя русская жена умерла несколько лет назад, и у меня осталось трое детей в Московском университете. Если бы не моя должность, они бы туда не попали, а я хочу, чтобы они там учились. Они станут учеными, докторами... Видишь ли, это и есть риски, о которых ты меня просишь. Я прикрывал тебя до этого момента – и ты заслужил этот момент, – но, пожалуй, не больше. Через несколько месяцев я уйду на пенсию, и в знак благодарности за долгие годы службы в Южной Европе и Средиземноморье мне предоставят отличную дачу на Белом море, где меня будут навещать мои дети. Я не хочу неоправданно рисковать предстоящей мне жизнью. Так что будь добр, объясни, что тебе нужно, и я скажу тебе, будешь ли ты один или нет... Повторяю, твое проникновение сюда не может привести ко мне, и, как я уже сказал, это ты заслужил, но далее... Вот то место, где я могу быть вынужден остановиться.

– Понимаю, – сказал Карлос, подойдя к портфелю, который Энрике положил на стол.

– Надеюсь. На протяжении долгих лет ты был добр к моей семье, как не смог бы я сам, но тогда я служил тебе, стараясь изо всех сил. Я связал тебя с Родченко, дал тебе имена из министерств, где процветали слухи – слухи, которые Родченко лично расследовал для тебя. Так что, мой революционный товарищ, я тоже не сидел сложа руки. Однако теперь все по-другому; мы уже не молодые горячие парни, стремящиеся к идеалам, потому что мы утратили жажду идеалов – ты намного раньше меня, конечно.

– Мои идеалы неизменны, – резко перебил Шакал. – Это я и все, кто мне служит.

– Я служил тебе...

– Ты уже сказал об этом, как и о моей щедрости к тебе и твоей семье. И теперь, когда я здесь, ты хочешь знать, заслуживаю ли я дальнейшей помощи, верно?

– Мне ведь надо защитить себя. Зачем ты здесь?

– Я сказал тебе. Чтобы преподать урок, чтобы оставить послание.

– Это одно и то же?

– Да. – Карлос открыл портфель; в нем была грубая рубашка, португальская рыбацкая кепка, соответствующие брюки с веревкой вместо ремня и заплечный холстинный рюкзак моряка. – Почему именно это? – спросил он.

– Это то, что нашлось у меня в запасе, а я много лет не видел тебя – со времени встречи в Малаге в начале семидесятых, кажется. Я не мог достаточно хорошо подогнать под тебя одежду, и рад, что не попытался, – ты выглядишь не так, каким я тебя помнил, Рамирес.

– А ты не намного крупнее, чем я тебя помню, – ответил киллер. – Чуть толще в районе живота, пожалуй, но мы все еще одного роста, примерно одинаковой фигуры.

– И что? Что это значит?

– Сейчас поймешь... Многое ли изменилось в Новгороде с тех пор, как мы были здесь вместе?

– Изменяется постоянно. Сначала прибывают фотографии, а на следующий день строительные отряды. На Прадо, в «Мадриде», теперь стоят новые магазины, новые знаки, даже несколько новых канализационных люков, в соответствии с изменениями в городе. А также видоизменены «Лиссабон» и пирс вдоль «Залива» и «реки Тежу». Мы ничто, если не соответствуем действительности. Кандидаты, заканчивающие обучение, чувствуют себя буквально как дома, куда бы их ни отправили. Иногда я действительно думаю, что это все излишества, но потом вспоминаю мое первое задание на военно-морской базе в Барселоне и понимаю, как спокоен я был там. Я сразу приступил к работе, потому что психологической адаптации уже не требовалось; значительных сюрпризов не оказалось.

– Ты говоришь о внешности, – перебил Карлос.

– Конечно, о чем еще?

– Более постоянные строения, которые не столь очевидны, не на виду.

– Такие, как?..

– Товарные, топливные склады, пожарные станции – все, что не является частью макетов. Они там же, где и были?

– Да. По крайней мере основные товарные и топливные склады с их подземными емкостями – точно. Большинство по-прежнему на западе района «Сан-Рока», через «Гибралтар».

– А что с переходом из одного комплекса в другой?

– Вот это действительно изменилось. – Энрике достал небольшой плоский предмет из кармана кителя. – Каждая граница оборудована компьютеризированным регистрационным терминалом, который откроет проход, когда тыставишь вот это.

– И никакие вопросы не задаются?

– Только Главным штабом Новгорода, если они возникают.

– Не понял.

– Если хоть одна такая штучка утеряна или украдена, об этом тут же сообщают, и внутренние коды сбрасываются.

– Понял.

– А я – нет! К чему эти вопросы? Опять-таки, зачем ты здесь? Что это за урок, что за послание?

– Район «Сан-Рока»?.. – пробормотал Карлос, будто вспоминая. – Это около трех или четырех километров на юг от тоннеля, верно? Маленькая прибрежная деревня, нет?

– «Гибралтар», да.

– А следующий комплекс – «Франция», конечно, потом «Англия» и наконец самый большой, «Соединенные Штаты». Да, все понятно; я все вспомнил. – Шакал отвернулся, неловко сунув руку под брюки.

– А мне по-прежнему ничего не ясно, – произнес Энрике угрожающим тоном. – А должно быть. Ответь мне, Рамирес. Зачем ты здесь?

– Как смеешь ты меня так спрашивать? – продолжил Карлос, стоя спиной к сообщнику. – Как смеее вы все спрашивать парижского монсеньора?

– Послушай меня, ссанный священник. Ответь мне, или я выйду отсюда – и в течение нескольких минут ты – мертвый парижский монсеньор!

– Очень хорошо, Энрике, – ответил Ильич Рамирес Санчес, обращаясь к панельной стене. – Мое послание будет триумфально ясным и потрясет самые основы Кремля. Карлос Шакал не только убил слабосильного выскочку Джейсона Борна на советской земле – он оставил напоминание всей России, что Комитет совершил колоссальную ошибку, не воспользовавшись моими выдающимися талантами.

– Да ну, – проронил Энрике, тихо смеясь, будто подтрунивая над бахвальством далеко не экстраординарного человека. – Снова мелодрама, Рамирес? И как же ты передашь это напоминание, это послание, это величайшее твое утверждение?

– Очень просто, – ответил Шакал, обернувшись с пистолетом с глушителем в руке. – Нам придется поменяться местами.

– Что?

– Я сожгу Новгород.

И он выстрелил в верхнюю часть горла Энрике. Его задачей было, чтобы на китель старого друга попало как можно меньше крови.

* * *

Одетый в полевую форму с погонами армейского майора, Борн ничем не отличался от военных, патрулировавших ночью американский комплекс из сектора в сектор. Их было немного, человек тридцать, обходивших всю территорию, занимавшую, по словам Бенджамина, восемь квадратных миль. В «городских» районах они были в основном пешими парами; в «сельской» местности – на военных машинах. Молодой тренер реквизирует для них двоих джип.

Из комиссарского номера в «американском» штабе они попали на военный склад к западу от реки, где документы Бенджамина обеспечили им доступ и машину. Внутри охранники с удивлением наблюдали за тем, как молчаливый Борн был экипирован полевой формой с карабиновым штыком, стандартным автоматом 45-го калибра и пятью боевыми обоймами. Последние были получены только после звонка к неидентифицированному подчиненному Крупкина в Главный штаб. Снова оказавшись снаружи, Джейсон пожаловался:

– А как же осветительные ракеты, которые я просил, и хотя бы три-четыре гранаты? Ты сказал, что добудешь мне все, что потребуется, а не половину.

– Тоже будут, – ответил Бенджамин, отъезжая от склада. – Ракеты находятся возле средств автотранспорта, а гранаты не входят в обычную комплектацию. Они хранятся в стальных ящиках у тоннеля – у каждого тоннеля – под грифом «Для экстренных ситуаций». – Молодой тренер взглянул на Борна, заметив искорку юмора на его лице. – На случай вторжения НАТО, скорее всего.

– Это глупо. Мы бы напали с неба.

– Ты забыл о военно-воздушной базе в девяноста секундах лету отсюда.

– Поспешите, мне нужны гранаты. У нас могут возникнуть проблемы с их получением?

– Нет, если Крупкин держит марку.

Получив осветительные ракеты, им оставалось только заехать в тоннель за гранатами. Там им были выданы четыре стандартные армейские гранаты, в чем Бенджамин расписался.

– Куда теперь? – спросил он, когда солдат в американской военной форме вернулся в бетонную будку.

– Они немного не такие, как те, что делают в Штатах, – сказал Джейсон, осторожно одну за другой раскладывая гранаты по карманам.

– Однако они и не учебные. Это не военный комплекс, а больше гражданский. Здесь их используют в основном не для обучения. Куда теперь?

– Свяжись сначала со штабом. Спроси, есть ли еще какие-нибудь происшествия на пограничных постах.

– У меня запищал бы бипер.

– Я не доверяю биперам, я люблю слова, – настоял Джейсон. – Возьми радио.

Бенджамин подчинился, переключившись на русский язык и используя коды, доступные только командующему персоналу. Из динамика прозвучал краткий ответ; молодой тренер вернул микрофон на место и повернулся к Борну.

– Ничего, – сказал он. – Только межкомплексные перемещения топлива.

– Что это такое?

– Распределение бензина в основном. В некоторых комплексах резервуары больше, чем в других, вот логистики и устраивают такие перераспределения, пока не подвезут по реке пополнение.

– Это происходит ночью?

– Это лучше, чем если бы эти грузовики перегораживали улицы днем. Вспомни, все здесь в уменьшенном масштабе. Мы все время ездим по объездным дорогам, но в центральных районах существуют рабочие отряды, которые чистят магазины, офисы и рестораны, готовясь к завтрашним заданиям. Большие грузовики создают помехи.

– Боже, это действительно Диснейленд... Ладно, езжай к «испанской» границе, Педро.

– Чтобы попасть туда, нам придется проехать через «Англию» и «Францию». Не думаю, что это имеет большое значение, но я не говорю по-французски. И по-испански. А ты?

– По-французски свободно, по-испански терпимо. Что-нибудь еще?

– Пожалуй, будет лучше, если ты сядешь за руль.

Шакал остановил большой бензовоз у границы «Западной Германии»; дальше он не собирался ехать. Оставшиеся северные районы «Скандинавии» и «Нидерландов» были второстепенными сателлитами; эффект от их уничтожения будет ничтожным по сравнению с южными комплексами, и экономия времени требовала пренебречь ими. Время тикало, и «Западная Германия» станет началом повсеместных возгораний. Он поправил грубую португальскую рубашку, надетую поверх кителя испанского генерала, и, когда из будки вышел охранник, заговорил по-русски, повторяя слова, которые он использовал на всех остальных постах:

– Даже и не просите меня говорить на вашем тупом местном языке. Я всего лишь развожу бензин, а не протираю штаны в аудиториях! Вот мой пропуск.

– Да я и сам с трудом говорю на нем, – засмеялся охранник, принимая пропуск и вставляя его в терминал. Тяжелый железный шлагбаум поднялся в вертикальное положение; охранник вернул пропуск, и Шакал въехал в миниатюризированный «Западный Берлин».

Он проехал по узкой копии Курфюрстендамм до «Будапештерштрассе», где притормозил и открыл клапан. Топливо из цистерны хлынуло на улицу. Он достал из сумки, лежавшей на соседнем сиденье, небольшие бомбы замедленного действия из пластиковой взрывчатки и, как проделывал это во всех предыдущих комплексах вплоть до «французской» границы, стал разбрасывать их, опустив окна, по обе стороны кабины под основания деревянных строений, наиболее легко, по его мнению, воспламеняющихся. Он проехал в сектор «Мюнхен», потом в речной порт «Бремерхафен» и, наконец, в «Бонн» и к уменьшенным версиям посольств на «Бад Годесберге», заливая улицы, распределяя взрывчатку. Он взглянул на часы; пора было ехать обратно. У него едва оставалось пятнадцать минут до первых взрывов по всей «Западной Германии», за которыми, с промежутками в восемь минут, чтобы создать максимальный беспорядок, должны были последовать взрывы в совмещенных комплексах «Италия – Греция», «Израиль – Египет» и «Испания – Португалия».

Отдельные пожарные бригады не смогут справиться с горящими улицами и домами в этих сложно устроенных комплексах, и они будут вынуждены вызывать на подмогу бригады из соседних комплексов, которым тут же придется вернуться в свои собственные комплексы, когда те тоже загорятся. Это весьма простая формула вселенского хаоса, под вселенной в данном случае подразумевался поддельный мир Новгорода. Ворота на границах распахнутся, не в силах препятствовать паническому потоку людей, и в

завершение разгрома гениев по имени Ильич Рамирес Санчес – привнесенный в мир террора как Карлос Шакал ошибками того же Новгорода – должен оказаться в «Париже». Не в его Париже, а в ненавистном новгородском «Париже», и он сожжет его дотла так, что позавидуют маньяки Третьего рейха. Потом придет черед «Англии» и, наконец, самого большого комплекса в презренном, изолированном, иллюзорном Новгороде, где он оставит свое триумфальное послание – в «Соединенных Штатах Америки», вырастивших киллера-отступника Джейсона Борна. Послание будет понятным и прозрачным, как альпийские воды, смывающие кровь разрушенной фальшивой смакетированной вселенной.

Это сделал я один. Мои враги мертвы, а я жив.

Карлос проверил содержимое сумки; остались только самые убийственные инструменты смерти, которые удалось найти в арсенале Кубинки. Четыре ряда ракет, самонаводящихся на источники тепла, всего двадцать штук, каждая из которых способна разнести весь фундамент Вашингтонского монумента; приведенные в состояние боевой готовности и взведенные, они среагируют на источники огня и сделают свою работу. Удовлетворившись, Шакал закрыл клапан сумки, развернулся и поехал назад, к границе.

Сонный техник в главном штабе проморгался и уставился на зеленые символы на экране перед ним. То, что он видел, казалось бессмыслицей, однако вроде бы никаких нарушений не было. Уже в пятый раз «комендант» «испанского» комплекса пересек одну из северных границ, двигаясь в сторону «Франции». Перед этим, как того требовал режим повышенной безопасности, техник дважды звонил на ворота «Израиля» и «Италии», где ему сказали, что проезжал только один грузовик с горючим. Эту информацию техник и сообщил уполномоченному тренеру по имени Бенджамин, но теперь он удивился. Зачем такому высокому офицеру водить цистерну?.. С другой стороны, почему бы и нет? В Новгороде процветала коррупция, как подозревал каждый. Вот, возможно, «комендант» как раз либо пытался выявить взяточников, либо сам собирал взятки ночью. Однако, поскольку сообщений об украденной или потерянной карточке не поступало и компьютеры не возражали, лучше было не поднимать из-за этого шум. Еще неизвестно, кто окажется его следующим начальником...

– Voici ma carte 112, – сказал Бонн охраннику у переезда и вручил ему свою карточку. – Vite, s'il vous plat! 113

– Да... oui, – ответил охранник, быстро шагая к компьютерному терминалу. В это время мимо проехала огромная цистерна в сторону «Англии».

– Не нажимай особо на французский, – сказал Бенджамин, сидящий рядом с Джейсоном. – Эти ребята стараются, но они не лингвисты.

– Ка-ли-форния... я иду к тебе, – тихо пропел Борн. – Ты уверен, что вы с отцом не хотите присоединиться к твоей матери в Лос-Анджелесе?

– Заткнись!

Охранник вернулся, отдал честь, и железный барьер поднялся. Джейсон нажал на газ и через несколько мгновений увидел трехэтажную копию Эйфелевой башни. В отдалении, справа, были видны миниатюрные Елисейские Поля с миниатюрным деревянным воспроизведением Триумфальной арки, достаточно высокой, чтобы было невозможно ошибиться. Борн вспомнил те судорожные, ужасные часы, когда он и Мари гоняли по всему Парижу, отчаянно пытаясь отыскать друг друга... Мари, о боже, Мари! Я хочу вернуться, я хочу снова стать Дэвидом. Он и я – мы так состарились. Он больше не пугает меня, и я не сержу его... Кто? Который из нас? О боже!

– Постой-ка, – сказал Бенджамин, тронув руку Джейсона. – Притормози.

– В чем дело?

– Остановись! – крикнул молодой тренер. – Тормози и заглуши двигатель.

– Да что с тобой?

– Не пойму, – Бенджамин задрал голову и смотрел на чистое небо и дрожащие огоньки звезд. – Облаков нет, – сказал он загадочно, – грозы тоже.

– И дождя тоже нет. Ну и что? Я хочу добраться до испанского комплекса!

– Вот опять!..

– О чем, черт возьми, ты говоришь? – И тут Борн тоже услышал: издалека донесся неясный гром, однако ночь была ясной. Еще, снова и снова, один глубокий раскат за другим.

– Там! – воскликнул молодой русский из Лос-Анджелеса, вскочив в джипе и указывая на север. – Что это?

– Это огонь, юноша, – тихо и неуверенно ответил Джейсон, тоже поднявшись и уставившись на пульсирующее желтое зарево, осветившее горизонт. – И по-моему, полыхнуло как раз в испанском комплексе. Там он изначально обучался, это и является его целью. Он приехал, чтобы взорвать здесь все! Это его месть!.. Садись, нам надо попасть туда!

– Нет, ты ошибаешься, – возразил Бенджамин, быстро опустившись на сиденье, когда Борн завел двигатель и ударил по акселератору. – До «Испании» не больше пяти-шести миль отсюда. Эти огни гораздо дальше.

– Просто покажи мне кратчайший маршрут, – сказал Джейсон, утопив педаль газа.

Под руководством тренера, которое выражалось в резких выкриках: «Поверни здесь!», «Направо!» и «Дальше по этой дороге!», они пронеслись через «Париж» и дальше на север в следующие сектора, помеченные указателями «Марсель», «Монблан», «Ле Харв», «Страсбург» и множество других, огибая городские площади и проносясь по удивительным улицам и миниатюрным городским кварталам, пока не увидели перед собой «испанскую» границу. Чем ближе они подъезжали, тем громче бухали взрывы, тем ярче было желтое ночное небо. Охранники у ворот яростно терзали свои телефоны и рации; взвыли сирены из двух нот, перекрывая крики: полицейские и пожарные машины появились будто ниоткуда, промчались по улицам «Мадрида» на пути к следующему северному проезду.

– Что происходит?! – прокричал Бенджамин, выскочив из джипа и забыв о всяких запретах говорить не по-русски. – Я из командующего персонала! – добавил он, вставляя свою карточку в терминал, после чего барьер поднялся. – Скажи мне!

– Безумие какое-то, товарищ! – прокричал в ответ офицер из окошка будки. – Невероятно!.. Будто земля сошла с ума! Сначала «Германия», повсюду взрывы и огонь на улицах и домах. Земля ходит ходуном, и нам говорят, что это какое-то землетрясение. Потом то же самое в «Италии» – «Рим» превратился в факел, а в «греческом» секторе – «Афины» и порт «Пиринеи» тоже пылают, взрывы не прекращаются!

– Что говорит штаб?

– Они не знают, что сказать! Бред про землетрясение – только бред, не более того. Все в панике, отдают приказы и тут же отменяют их. – В будке раздался очередной звонок, офицер сорвал трубку и некоторое время слушал, потом закричал изо всех сил: – Безумие, это полное безумие! Вы уверены?

– Что такое? – крикнул Бенджамин в окошко.

– «Египет»! – прокричал офицер в ответ, прижимая трубку к уху. – «Израиль»!.. «Каир» и «Тель-Авив» – огонь повсюду, бомбы повсюду! Никто не может справиться с разрушениями; грузовики врезаются друг в друга на узких улицах. Гидранты сорваны, вода стекает в канавы, но улицы по-прежнему в огне... И какой-то идиот только что позвонил и спросил,

правильно ли установлены знаки «Не курить» – в то время как деревянные постройки вот-вот разрушатся! Идиоты. Все идиоты!

– Иди сюда! – крикнул Борн, проехав через ворота. – Он где-то здесь! Ты веди, а я... – его слова потонули в оглушительном взрыве прямо впереди, в центре «мадридского» «бульвара Прадо». Это была мощнейшая детонация, древесина и камни взлетели в огненное небо. Потом, будто сам «бульвар» был живой, пульсирующей стеной огня, языки пламени покатались вперед, свернув налево из «города» на дорогу, которая вела к переезду через границу. – Смотри! – крикнул Борн, наклонившись из джипа к земле и коснувшись гравия; он поднес пальцы к ноздрям. – Боже, – воскликнул он. – Вся это чертова дорога пропитана бензином! – В тридцати ярдах перед джипом прогремел взрыв, послав во все стороны камни, загремевшие по металлической решетке, и пыль; пламя все с большей скоростью понеслось к джипу. – Пластид! – сказал Джейсон сам себе, потом крикнул Бенджамину, который бежал к джипу: – Вернись обратно! Пусть все убираются отсюда! Этот сукин сын напичкал все вокруг пластиковой взрывчаткой! Двигайтесь к реке!

– Я еду с тобой! – крикнул молодой русский, ухватившись за дверцу.

– Извини, парень, – ответил Борн, взревел двигателем и сорвал армейский джип назад через открытые ворота, распластав Бенджамина по гравию. – Это дело для взрослых.

– Что ты делаешь?! – прокричал Бенджамин затихающим на расстоянии голосом.

– Грузовик с горючим, этот чертов грузовик с горючим! – прошептал Джейсон, врываясь в «Страсбург, Франция».

Это случилось в «Париже» – где же еще, если не в Париже! Громоздкая копия Эйфелевой башни взлетела с такой силой, что земля задрожала. Ракеты? Шакал утащил из Кубинки ракеты! Несколько секунд спустя позади него прогрехотали новые взрывы, улицы потонули в пламени. Повсюду. Вся «Франция» уничтожалась таким образом, который только психу Адольфу Гитлеру мог присниться в его самых извращенных снах. Паникующие люди бегали по улицам, кричали, падали, молились богам, отвергнутым их лидерами.

«Англия»! Он должен был попасть в «Англию», а уж потом, в конечном итоге, в «Америку», где так или иначе, говорили ему все его инстинкты, наступит конец всему. Надо найти грузовик, на котором едет Шакал, и уничтожить маньяка. Он мог это сделать – он должен это сделать! Карлос

думает, что он погиб, а это ключ, потому что Шакал будет делать то же, что сделал бы Джейсон Борн, будь он Карлосом. Когда вселенская катастрофа, подожженная им, достигнет своего пика, Шакал бросит грузовик и запустит последовательность, необходимую для того, чтобы уйти отсюда – в Париж, в настоящий Париж, где его армия стариков распространит весть о триумфе их монсеньора над вездесущими безбожниками русскими. Это должно быть где-то поблизости от тоннеля, вне всяких сомнений.

Гонку через «Лондон», «Ковентри» и «Портсмут» можно было сравнить только с кинохроникой бомбежек, обрушенных Люфтваффе на Великобританию, сопровождавшихся сначала свистом, а потом тихим ужасом ракет V-2 и V-5. Но жители Новгорода не были англичанами – спокойствие уступило место массовой истерии, забота о коллективе превратилась в борьбу за собственную жизнь. Впечатляющие воспроизведения Биг-Бена и здания Парламента потонули в бушующем пламени, авиационные заводы «Ковентри» превратились в факел, а улицы кишели кричащими, испуганными толпами, бежавшими к Волхову и верфям «Портсмута». Там, с уменьшенного в размерах пирса, люди десятками прыгали в воду, чтобы тут же попасть в магнитные сетки, где резкие разряды электричества прошивали воздух, отправляя безжизненные тела к следующим ловушкам над и под поверхностью воды. Увидев это, парализованная на какое-то время толпа ринулась затем в панике в миниатюризированный город «Портси»; охранники бросили свои посты, и ночью правил хаос.

Включив прожекторы джипа, Борн ехал среди языков пламени по переулкам и менее людным узким улицам – на юг, все время на юг. Он схватил с пола джипа осветительную шашку, выдернул чеку и стал отмахиваться плюющим искрами, шипящим, ослепительным фонтаном огня от пытавшихся забраться к нему в машину. Вида пульсирующего пламени перед глазами было достаточно: все закричали и в ужасе отступили, думая, без сомнения, что перед ними произошел очередной взрыв.

Дорога, покрытая гравием! До ворот американского комплекса оставалось меньше ста ярдов... Гравий? Пропитанный бензином! Заряды пластида еще не сработали, но сделают это в любой момент, создав стену огня, которая захватит джип вместе с водителем! Вдавлив акселератор в пол, Джейсон помчался к воротам. Они были покинуты – и железный барьер опущен! Он ударил по тормозам, заскользив по гравию, и остановился, надеясь вопреки здравому смыслу, что ни одна искорка не вылетит наружу и не подожжет гравий. Положив фонтанирующую дымом шашку на металлический пол, он ловко достал из карманов две драгоценные гранаты, с которыми ему очень не хотелось расставаться, выдернул чеки и швырнул их к воротам. Мощные

взрывы разнесли баррикаду и, естественно, подожгли гравий, языки пламени охватили дорогу! У него не оставалось выбора; Борн выбросил горящую пашку и понесся по огненному тоннелю в последний и самый большой новгородский комплекс. В тот же миг взорвалась бетонная будка охранников у «английской» границы; стекло, камни и обломки металла полетели во все стороны.

Он был так увлечен стремлением поскорее домчаться до «испанского» переезда, что едва припоминал уменьшенные копии американских городов, и уж тем более кратчайший маршрут к тоннелю. Он просто следовал указаниям молодого Бенджамина. Но хорошо помнил, что этот выросший в Калифорнии тренер не раз говорил про «прибрежную дорогу – как шоссе номер один до самого Кармела!». Это были, конечно же, ближайшие к Волхову улицы, которые по очереди превращались, в нарушение географической последовательности, в побережье «Мейна», в «реку Потомак» в «Вашингтоне» и северные воды «пролива Лонг-Айленд», где находилась военно-морская база в «Нью-Лондоне».

Безумие достигло и «Америки». Полицейские машины, визжа сиренами, носились по улицам, одни люди кричали в рации, другие выбегали из домов и магазинов, с воплями об ужасном землетрясении, постигшем этот берег Волхова, еще более ужасном, чем катастрофа в Армении. Даже перед очевидным фактом разрушительного проникновения руководители Новгорода не хотели открывать истину. Можно было подумать, что сейсмологи всего мира забыты, будто их открытий никогда и не существовало. Исполинские подземные силы не вздымались единым ударом; напротив, они работали последовательно, посылая разрушительные удары с севера на юг. Но разве кто-нибудь охваченный паникой и пытающийся выжить станет додумывать вопросами власть...

А узнали они все примерно через десять минут после разрушения большей части «Великобритании». Борн уже видел компактные, миниатюризированные очертания «Вашингтона, округ Колумбия», когда и здесь начались возгорания. Первым в огне исчезла деревянная модель купола Капитолия, звук его взрыва долетел через миллисекунды; он с легкостью взлетел в желтое небо, как и следовало ожидать от почти невесомой фальшивки. Спустя несколько мгновений – всего несколько мгновений – отдаленный взрыв разметал «Вашингтонский монумент» в травянистом парке, будто его фундамент был подкинут мощной машиной. В следующую секунду пламя охватило макет Белого дома, но взрывы в нем были плохо слышны и видны: «Пенсильванская авеню» уже пылала яростным пламенем.

Борн знал, где теперь искать Шакала. Тоннель находился между «Вашингтоном» и «Нью-Лондон, Коннектикут»! Не больше чем в пяти

минутах! Он направил джип вниз к улице, идущей вдоль реки, и снова очутился в испуганной, истеричной толпе. Полиция кричала в мегафоны, сначала на английском, потом на русском языке, объясняя ужасные последствия, если кто-нибудь попытается переплыть реку, прожекторы выхватывали из воды тела неудачников из северных комплексов.

– Тоннель, тоннель! Откройте тоннель!

Крики из толпы слились в единый рев, который нельзя было игнорировать; подземный тоннель вот-вот будет взят приступом. Джейсон выскочил из окруженного джипа, сунув в карманы оставшиеся три шашки, и стал пробивать себе дорогу через толпу, яростно работая локтями и плечами. Без особого успеха. Тогда он достал шашку и зажег ее. Огненный фонтан возымел эффект; жар и огонь ускорили процесс. Он побежал сквозь толпу, расталкивая всех на своем пути, тыча ослепительным фонтаном в испуганные лица, пока не достиг кордона охранников в военной форме Соединенных Штатов. Это был нонсенс, безумие! Весь мир сошел с ума!

Нет! Вон там! В огороженной забором парковочной площадке стоял грузовик с цистерной! Борн прорвался через кордон, размахивая компьютерной карточкой, и подбежал к полковнику с «АК-47» у пояса. Более панического офицера такого высокого звания он не видел со времен Сайгона.

– Мое идентификационное имя – Арчи, и вы можете проверить это немедленно. Даже если я отказываюсь говорить на нашем языке – только по-английски! Это ясно? Дисциплина есть дисциплина!

– Ну и что? – воскликнул офицер по-русски, потом сразу переключился на английский с ужасающим бостонским акцентом. – Конечно, мы вас знаем, – прокричал он, – но что я могу сделать? Это результат заговора!

– Проходил ли кто-нибудь через тоннель за последние, скажем, полчаса?

– Никто, абсолютно, ни одна живая душа! Нам приказано держать тоннель закрытым любой ценой!

– Хорошо... Включите громкоговорители и разгоните толпу. Скажите им, что кризис закончился и опасности больше нет.

– Как? Всюду пожары, взрывы повсюду!

– Они скоро закончатся.

– Откуда вы это знаете?

– Я знаю! Делайте, как я сказал!

– Делайте, как он сказал! – проревел голос за спиной Борна; это был Бенджамин, его лицо и рубашка были все в поту. – И я очень надеюсь, ты знаешь, что говоришь!

– Откуда ты взялся?

– Откуда – ты знаешь, а уж как – другой вопрос. Попробуй напугать до смерти Главный штаб, чтобы апоплексический Крупкин со своей больничной койки в Москве заказал вертолет.

– «Апоплексический» – неплохо для русского...

– Кто это меня поправляет? – взревел офицер охраны. – Ты еще слишком молод!

– Проверь меня, старик, но побыстрее, – ответил Бенджамин, доставая свою карточку. – Иначе, пожалуй, мне придется перевести тебя в Ташкент. Отличные пейзажи, но туалеты только общественные... Поторопись, осел!

– Ка-ли-форния, я иду...

– Заткнись!

– Он здесь! Вон стоит грузовик, – Джейсон указал на большую машину, вздымавшуюся над автомобилями и фургонами на огороженной стоянке.

– Цистерна? Почему ты так думаешь? – удивился Бенджамин.

– Эта цистерна вмещает около ста тысяч фунтов. Добавь пластид, правильно расположенный, – и этого хватит на все улицы и эти игрушечные домики из старого, сухого дерева.

– Слушайте! – по-русски протрубили сотни громкоговорителей вокруг тоннеля, требуя внимания, в то время как взрывы действительно звучали все реже и реже. Полковник взобрался на крышу низкой бетонной будки, держа микрофон в руке, его фигура четко прорисовывалась на фоне резких лучей мощных прожекторов. – Землетрясение закончилось, – прокричал он, – и хотя оно нанесло значительный вред и пожары будут гореть всю ночь, кризис миновал!.. Оставайтесь у берегов реки, и наши товарищи из служебных отрядов постараются вам помочь... Таковы приказы начальства, товарищи. Не заставляйте нас применять силу, прошу вас!

– Какое еще землетрясение? – выкрикнул мужчина из передних рядов толпы.
– Ты говоришь, это землетрясение, и нам всем твердят, что это землетрясение, но ты думаешь задницей! Я пережил одно землетрясение, и это не похоже на землетрясение. Это вооруженное нападение!

– Да, да! Нападение!

– Нас атакуют!

– Вторжение! Это вторжение!

– Откройте тоннель и выпустите нас, или вам придется перестрелять нас всех! Откройте тоннель!

Голоса охваченной отчаянием толпы звучали хором протеста. Солдаты стояли на своих местах, держа оружие с прикрепленными штыками наперевес. Полковник продолжил, его лицо было искажено, голос почти соответствовал истерии его аудитории:

– Послушайте меня и задайте себе вопрос! – прокричал он. – Говорю вам, как было сказано мне, это землетрясение, и я знаю, что это правда. Дальше, я скажу вам, откуда я это знаю!.. Вы слышали хоть один выстрел? Да, именно это! Хоть один выстрел! Нет, не слышали!.. Подумайте, в каждом комплексе, в каждом секторе этих комплексов полно вооруженных полицейских, солдат и тренеров. Они обязаны подавлять силой любые несанкционированные проявления насилия, не говоря уже о вооруженных нарушителях! Однако стрельбы нигде не было...

– О чем он там орет? – спросил Джейсон Бенджамина.

– Он пытается убедить их, что это землетрясение. Они ему не верят; они думают, что это вторжение. Он говорит им, что это невозможно, потому что не было стрельбы.

– Стрельбы?

– Это его аргумент. Никто ни в кого не стреляет – а это неизбежно было бы в случае вооруженного нападения. Нет выстрелов – нет нападения.

– Выстрелы?.. – Борн неожиданно схватил молодого русского и развернул его. – Вели ему замолчать! Ради бога, останови его!

– Что?

– Он предоставляет Шакалу выход, который тот хочет получить – который ему нужен!

– Что за чушь ты несешь?

– Выстрелы... стрельба, паника!

– Нет! – воскликнула какая-то женщина, прорвавшаяся через толпу и кричащая на офицера в перекрестье лучей прожекторов. – Взрывы – бомбы! Их сбросили бомбардировщики с воздуха!

– Идиотка, – крикнул в ответ полковник. – Если бы это был воздушный налет, за нашими белопольскими истребителями уже не было бы видно

неба!.. Взрывы идут из земли, огонь – из-под земли, это подземные газы... – Эта ложь была последним, что этот советский офицер произнес в своей жизни.

Из теней стоянки вырвалась автоматная очередь и скосила русского, его прошитое пулями тело сразу обмякло, свалилось с крыши будки и стукнулось о землю за будкой. И без того взволнованная толпа буквально взбесилась; ряды «американских» солдат были сломлены, и если раньше царил хаос, то теперь всецело властвовала нигилистическая жажда свободы. Узкий, огороженный вход в тоннель был взят штурмом, бегущие фигуры сталкивались, падали, лезли друг через друга, прорываясь ко входу в подводный тоннель. Джейсон оттащил молодого тренера в сторону от панических орд, ни на мгновение не отрывая взгляд от затененной стоянки.

– Ты умеешь обращаться с механизмами тоннеля? – прокричал он.

– Да! Каждый из управляющего персонала умеет, это часть работы!

– И с железными воротами, о которых ты мне говорил?

– Конечно.

– Где находятся эти механизмы?

– В будке.

– Пробрись туда! – проорал Борн, доставая из кармана одну из трех оставшихся шашек и передавая ее Бенджамину. – У меня осталось еще две таких и две гранаты... Когда увидишь одну из моих шашек, пробрись через толпу, опусти ворота с этой стороны – только с этой, понятно?

– Зачем?

– Мои правила, Бен! Сделай это! Потом зажги эту шашку и выбрось ее из окна, чтобы я знал, что ты это сделал.

– А потом что?

– Кое-что, что тебе не захочется делать, но придется... Возьми автомат у мертвого полковника и заставь толпу отступить, загони ее стрельбой обратно в улицы – сделай все, что понадобится, даже если придется ранить некоторых. Это необходимо сделать любой ценой. Я должен найти его, изолировать, отрезать от всех, кто пытается выбраться отсюда.

– Ты чертов маньяк! – перебил Бенджамин, на его лбу выступили вены. – Я же могу убить «некоторых» – и даже больше, чем некоторых! Ты псих!

– В данный момент я самый рационально мыслящий человек, которого ты когда-либо видел, – грубо и быстро перебил его Джейсон. Паникующие

постоянные сотрудники Новгорода ломались мимо. – Ни один здравомыслящий генерал Советской армии – той самой армии, что отстояла Сталинград, – не сможет не согласиться со мной... Это называется «оценка потерь», и есть очень веская причина для этой гадкой формулировки. Она просто означает, что ты платишь гораздо меньше за то, что получаешь сейчас, чем заплатил бы потом.

– Ты просишь слишком многого! Эти люди – мои товарищи, мои друзья; они русские. Ты бы стал стрелять в толпу американцев? Одно неверное движение рук – хоть на дюйм, хоть на два – с «калашником» – и я изувечу или убью с полдюжины людей! Риск слишком велик!

– У тебя нет выбора. Если Шакал пройдет мимо меня и я его узнаю – я брошу гранату и убью хоть двадцать человек.

– Ты сукин сын!

– Не сомневайся, Бен. Где Карлос, там я сукин сын. Я не могу больше позволить ему уйти – мир не может его больше терпеть. Действуй!

Тренер по имени Бенджамин плюнул Борну в лицо, потом развернулся и стал пробиваться к будке и невидимому за ней труп полковника. Почти бессознательно Джейсон вытер лицо тыльной стороной ладони, сосредоточив все внимание на огороженной стоянке, быстро переводя глаза от одной тени к другой, пытаясь сфокусироваться на месте, откуда были выстрелы, при этом зная, что это бессмысленно; Шакал давно уже сменил позицию. Он пересчитал остальные машины на стоянке, кроме цистерны; там было девять припаркованных вдоль забора машин: два больших фургона, четыре седана и три маленьких фургона, все американского производства – или подделанные под таковые. Карлос прятался за одним из них или, возможно, за грузовиком, что маловероятно, поскольку грузовик стоял дальше всего от открытых ворот, через которые можно было выйти к будке и, следовательно, к тоннелю.

Джейсон лег и пополз вперед; он достиг невысокого забора. За спиной у него оглушительно бушевал крошечный ад. Каждый мускул, каждый сустав в его ногах и руках ныл от боли; по всему телу пробегали судороги. Не думай о них, не признавай их. Ты слишком близок, Дэвид! Не останавливайся. Джейсон Борн знает, что делать. Доверься ему!

Аахх! Он перекатился через забор; рукоятка его штыка в ножнах впиалась ему в почку. Боли нет! Ты слишком близко, Дэвид-Джейсон. Доверься Джейсону!

Прожекторы – кто-то что-то нажал, и они сошли с ума, описывая резкие, ослепительные круги, без контроля! Куда пойдет Карлос? Где он спрячется? Лучи беспорядочно проникали повсюду! Вдруг откуда-то выехали две

полицейские машины, визжа сиренами. Из всех дверей повыскакивали люди в форме и, вопреки всем его ожиданиям, стали пробираться к забору позади автомобилей и фургонов, один за другим перебегая от одной машины к другой к открытым воротам, которые вели к будке и тоннелю.

И тут случился пробел в пространстве и во времени. В людях! Последние четыре человека, вышедшие из второй машины, неожиданно остались втроем – и всего через мгновение появился четвертый, но он изменился – форма была другой! На ней появились оранжевые и красные пятна, офицерская фуражка с козырьком перетянута золотой лентой, а сам козырек был слишком длинным для американской армии, а кокарда – слишком остроконечной. Что же это было?.. И тут Борн неожиданно понял. Из закоулков его памяти всплыли фрагменты многолетней давности, из Мадрида или Касавьехи, когда он пытался проследить контракты Шакала с фалангистами. Это была испанская форма! Точно! Карлос пробрался через испанский комплекс, и поскольку по-русски он говорил свободно, он использовал форму высокопоставленного офицера, чтобы выбраться из Новгорода.

Джейсон вскочил на ноги и, подняв автомат, побежал через площадку, доставая левой рукой предпоследнюю пашку. Он выдернул чеку и швырнул пашку вверх над машинами, за забор. Бенджамин не мог увидеть это из будки и принять за условленный сигнал к тому, чтобы закрыть ворота тоннеля; этот сигнал тоже скоро будет – может, через несколько секунд, – но в тот момент было еще рано.

– Это срочно! – воскликнул один из бегущих.

– Скорее! – крикнул другой, обгоняя трех своих спутников и направляясь к открытой секции забора. Проекторы продолжали свой безумный танец. Борн насчитал семь фигур, когда они один за другим прошли через ворота, вливаясь в толпу у входа в тоннель. Восьмой не появился; офицерской испанской формы не было видно. Шакал оказался в ловушке!

Сейчас! Джейсон выхватил последнюю пашку, зажег ее и изо всех сил бросил над головами бегущих людей в сторону будки. Действуй, Бен! – молча крикнул он, доставая из кармана предпоследнюю гранату. Действуй немедленно!

Словно в ответ на его лихорадочную молитву, громогласный рев донесся со стороны тоннеля – истерические вопли протеста, визг и крики бушующего хаоса. Две быстрые, оглушительные очереди из автомата, затем непонятные русские команды по громкоговорителям... Еще одна очередь, и тот же голос продолжил, еще громче, даже более властно, и толпа ненадолго, но ощутимо притихла, чтобы тут же возобновить вопли с прежней силой. Борн оглянулся

и с удивлением увидел сквозь слепящие лучи вращающихся прожекторов фигуру Бенджамина, который теперь стоял на крыше бетонной будки. Молодой тренер кричал что-то в мегафон, призывая толпу следовать его указаниям. И, какими бы эти указания ни были, им подчинились! Толпа постепенно, приняв общую направленность, начала двигаться в противоположную сторону – подобно единому войску, двинулась назад, на улицу! Бенджамин зажег свою палку и помахал ею, указывая на север. Он слал Джейсону свой собственный сигнал. Не только был закрыт тоннель, но и толпу удалось прогнать, никого не застрелив из «АК-47». Он нашел для этого способ.

Борн упал на землю, сканируя глазами пространство под машинами, освещенное плюющим пламенем позади... Пара ног – в ботинках! За третьим автомобилем слева, не больше чем в двадцати ярдах от бреши в заборе, ведущей в тоннель. Карлос был его! Конец близок! Нет времени! Делай, что должен, и быстро! Он бросил оружие на гравий, зажал гранату в правой руке, выдернул чеку, схватил автомат в левую руку, вскочил и побежал вперед. Где-то в тридцати футах от машины он снова упал на гравий и бросил гранату под машину – только в последнее мгновение, когда маленькая бомба покинула его руку, он понял, что совершил ужасную ошибку! Ноги позади машины не двигались – ботинки оставались на том же месте, потому что это и были всего лишь ботинки! Он бросился вправо, яростно покатился по острым камням, закрыв лицо, свернувшись в клубок.

Взрыв был оглушительным, смертельные осколки присоединились к безумным лучам прожекторов в ночном небе, куски металла и стекла осыпались на спину и ноги Джейсона. Шевелись, шевелись! – прокричал голос в его голове, он поднялся сначала на колени, потом на ноги в дыму и огне горящего автомобиля. И тут землю у него под ногами взбило очередью; он бешено метнулся под защиту ближайшей машины, прямоугольной формы фургону. В него попали дважды: в плечо и в бедро! Он укрылся за кузовом фургона как раз в тот момент, когда большое ветровое стекло разлетелось вдребезги.

– Ты не чета мне, Джейсон Борн! – прокричал Карлос Шакал, не переставая стрелять из автомата. – И никогда не был таким, как я! Ты всего лишь воображала, выскочка, мошенник!

– Пускай и так! – проревел Борн. – Тогда приди и убей меня! – Джейсон подбежал к двери водителя, открыл ее и вернулся назад за машину, где сел, прижав ствол «кольта» 45-го калибра к щеке. Выплюнув последние искры, палка за забором выгорела, и Шакал прекратил стрелять. Борн понял: Карлос увидел открытую дверцу, неуверен, в нерешительности... остались

считанные секунды. Металл по металлу; ствол автомата скрипнул по дверце, захлопнув ее. Сейчас!

Джейсон выскочил из-за фургона, стреляя в человека в испанской форме, и выбил из рук Шакала оружие. Раз, два, три; гильзы летели в воздух – и перестали! Стрельба прекратилась, выстрелы сменились резкими щелчками: патрон застрял в казеннике. Карлос кинулся к земле за оружием, его левая рука повисла и кровоточила, но правая была по-прежнему сильна и схватила автомат, подобно когтям разъяренного зверя.

Борн выхватил штык из ножен – и ринулся вперед, взмахнув лезвием в сторону предплечья Шакала. Слишком поздно! Карлос уже держал оружие! Джейсон вскочил, схватил левой рукой горячий ствол – терпи, терпи! Нельзя его отпускать! Поверни его! По часовой стрелке! Используй штык – нет, не надо! Брось его! Используй обе руки! Противоречивые команды смешались в его голове. Безумие! У него не осталось ни дыхания, ни сил; глаза не могли сфокусироваться. Плечо... Как и Борн, Шакал тоже был ранен в правое плечо!

Не отпускай! Из последних сил, задыхаясь, Борн толкнул Карлоса, и тот врезался плечом в бок фургона. Шакал взвыл, уронил оружие и потом пнул автомат под автомобиль.

Джейсон сначала не понял, откуда пришел удар; ему лишь показалось, что левая сторона его черепа разломилась пополам. Потом он осознал, что это он сам поскользнулся на покрытом кровью гравии и врезался головой в металлическую решетку фургона. Это не имело значения – ничто уже не имело значения! Карлос Шакал убежал! При властвующем повсюду беспорядке была сотня способов уйти из Новгорода. Все усилия Борна оказались напрасными!

Однако у него еще оставалась последняя граната. Почему нет? Борн достал ее, выдернул чеку и бросил ее через фургон на середину стоянки. Последовал взрыв, и Джейсон поднялся на ноги; быть может, граната скажет Бенджамину о чем-нибудь, предупредит его, чтобы он следил за территорией.

Спотыкаясь, еле передвигая ноги, Джейсон направился к брешу в заборе. О боже, Мари, я не сумел! Мне очень жаль. Напрасно! Все было напрасно! И тогда, будто Новгород решил посмеяться над ним напоследок, он увидел, что кто-то открыл железные ворота в тоннель, приглашая Шакала на свободу.

– Арчи?.. – прозвучал сквозь шум реки удивленный голос Бенджамина, и он увидел, как молодой русский выбежал из будки и побежал к нему. – Боже всемогущий, я думал, ты погиб!

– И поэтому ты открыл ворота и выпустил моего палача! – с трудом прокричал Джейсон. – Почему ты не предоставил ему лимузин?

– Советую тебе посмотреть внимательнее, профессор, – ответил Бенджамин, остановившись перед Борном, изучая израненное лицо Джейсона и его окровавленную одежду. – Старость ослабила твоё зрение.

– Что?

– Тебе нужны ворота, будут тебе ворота. – Тренер что-то крикнул по-русски в сторону будки. В следующую секунду мощные железные ворота опустились, закрывая вход в тоннель. Но что-то было странным. Борн не видел раньше опущенных ворот, но эти не были похожи ни на что, что он мог себе представить. Они казались... какими-то выпуклыми, искаженными, быть может. – Стекло, – сказал Бенджамин.

– Стекло? – ошеломленно переспросил Джейсон.

– На каждом конце тоннеля стеклянные стены толщиной в пять дюймов, закрытые и запертые.

– О чем ты говоришь? – но объяснений больше не требовалось. Неожиданно, подобно серии гигантских волн, бьющихся о стенки огромного аквариума, в тоннель хлынули воды Волхова. Потом внутри буйства поднимающейся, кружащейся жидкой массы появился какой-то предмет... нечто... форма... Тело! Борн уставился в шок, вытаращив глаза и разинув рот, застыв на месте, в горле застрял крик. Он собрал оставшиеся силы и неуверенно побежал, дважды упав на колени, но с каждым шагом набирая скорость, к массивной стеклянной стене, что заперла вход. Запыхавшись, с вздымающейся грудью, он прислонил ладони к стеклу и приблизил лицо, чтобы лучше разглядеть ужасную сцену в каких-то дюймах перед ним. Одетый в гротескную военную форму, труп Карлоса Шакала бился о стальные прутья ворот. Его темные черты были искажены ненавистью, глаза – два стеклянных шара, в которых застыла сама смерть, забравшая его.

Холодные глаза Джейсона Борна смотрели на это с удовлетворением, губы плотно сжаты, лицо – лицо киллера, киллера из киллеров, который победил. Однако очень скоро проявились более мягкие глаза Дэвида Вебба, его губы разомкнулись. Возникло лицо человека, с плеч которого свалился вес всего мира, мира, за который он боролся.

– Его больше нет, Арчи, – проронил Бенджамин рядом с Джейсоном. – Этот ублюдок больше не вернется.

– Ты затопил тоннель, – просто сказал Борн. – Откуда ты знал, что это он?

– У тебя не было автомата, а у него был. Честно говоря, я уж думал, что предсказание Крупкина, так сказать, сбылось. Ты погиб, а человек, сделавший это, воспользуется кратчайшим путем наружу. Так оно и было, и его военная форма подтвердила это. Вдруг стало понятно все произошедшее с «испанским» комплексом.

– Как ты избавился от толпы?

– Я сказал им, что сверху посланы баржи, чтобы перевезти их через реку – милях в двух к северу... Кстати, о Крупкине: я должен убрать тебя отсюда. Сейчас же. Пойдем, вертолетная площадка в полумиле отсюда. Поедем на джипе. Поторопись, ради бога!

– Инструкции Крупкина?

– Прямо с его больничной койки, где он задыхается от злости и возмущения.

– То есть?

– Тебе тоже следует знать это. Кто-то наверху, из узкого круга – Крупкин не знает, кто именно, – отдал приказ: ты не должен покинуть это место ни при каких обстоятельствах. Но тогда еще никто не мог предположить, что весь чертов Новгород взлетит на воздух, и теперь это может стать нашим прикрытием.

– Нашим?

– Не я твой палач, а кто-то другой. Но я этого приказа еще не получил и во всем этом беспорядке уже не получу.

– Минутку! Куда меня повезут на вертолете?

– Держи пальцы крестиком, профессор, и надейся, что Крупкин и твой американский друг знают, что делают. Вертолет перебросит тебя в Ельск, а оттуда – самолетом до Замосця через польскую границу, где наш неблагодарный спутник, очевидно, приютил подслушивающую станцию ЦРУ.

– Боже, я все еще буду на территории советского блока!

– Подразумевается, что ваши люди ждут тебя. Удачи.

– Бен, – сказал Джейсон, осмотрев молодого человека. – Зачем ты все это делаешь? Ты нарушаешь прямой приказ...

– Я не получил приказа! – перебил его русский. – И даже если бы получил, я не бездумный робот. У вас было соглашение, и ты выполнил свои обязательства... К тому же есть шанс для моей матери...

– Больше, чем шанс, – заверил его Борн.

– Пойдем! Мы теряем время. Ельск и Замосць – для тебя только начало. У тебя впереди долгое и опасное путешествие, Арчи.

Глава 42

Закат опускался на острова Монтсеррат, превращая их в темно-зеленые сгустки, окруженные сверкающим голубым морем и непрерывными всполохами белой пены вокруг коралловых рифов невдалеке от берега; фоном всему этому служило оранжевое море карибского горизонта. На острове Транквилити в четырех виллах «Транквилити Инн» над пляжем постепенно включали свет, и можно было видеть фигуры в окнах, переходившие из одной комнаты в другую и на балконы, ярко освещенные лучами заходящего солнца. Легкие дуновения ветра приносили через тропическую листву запахи гибискуса и других растений. Одинокaя рыбацкая лодка с вечерним уловом для кухни гостиницы гребла через рифы к берегу.

Брендан Патрик Пьер Префонтейн вышел со своим «Перье» на балкон семнадцатой виллы, где у перил стоял Джонни Сен-Жак и потягивал ром с тоником.

– Как скоро вы снова откроетесь, по-твоему? – спросил бывший судья бостонского суда, садясь у белого металлического столика.

– Технические повреждения могут быть исправлены за несколько недель, – ответил владелец «Транквилити Инн», – но послевокусие от произошедшего здесь будет длиться еще долго.

– И все же, как долго?

– Я подожду четыре-пять месяцев, прежде чем разошлю первые рекламные буклеты – будет уже поздно для сезонных заказов, но Мари не возражает. Делать что-либо раньше не только бестактно, но и чревато тем, что снова поднимет молву... Террористы, наркоторговцы, коррумпированное правительство островов – нам это не нужно, и мы не заслуживаем этого.

– Что ж, как я уже упоминал, я могу заплатить за себя, – сказал некогда уважаемый судья Федерального окружного суда Массачусетса. – Быть может, не в размере ваших обычных сезонных расценок, друг мой, но достаточно, чтобы покрыть стоимость аренды виллы плюс немного за обслуживание.

– Я же сказал, забудь об этом. Я должен тебе больше, чем смогу когда-либо отдать. Транквилити в твоём распоряжении ровно столько, сколько тебе захочется здесь оставаться. – Сен-Жак отвернулся от перил, задержавшись взглядом на рыбацкой лодке внизу, и сел напротив Префонтейна. – Я

беспокоюсь о людях там, внизу, в лодках и на пляже. Раньше у меня было три-четыре лодки, которые доставляли свежайшую рыбу. Теперь же у меня только одна лодка, работающая на нас, и остатки персонала, работающие за полставки.

– Тогда тебе нужны мои деньги.

– Брось, судья, какие деньги? Не подумай, что я лезу не в свое дело, но Вашингтон предоставил мне весьма полную информацию о тебе. Ты уже несколько лет не у дел и живешь на улице.

– Ах да, Вашингтон, – протянул Префонтейн, поднимая стакан к оранжево-лазурному небу. – Как обычно, он стоит за преступлением, вину за которое возлагает на нас.

– О чем это ты?

– Рэндольф Гейтс, вот о чем – то есть о ком.

– Эта сволочь из Бостона? Тот, что навел Шакала на след Дэвида?

– Трогательно преображенный Рэндольф Гейтс, Джонни. Преображенный во всех смыслах, кроме денежной реституции, должен добавить... Однако, несмотря на это, с умом и пониманием, которые я знал в Гарварде много лет назад. Не самый яркий, не самый лучший, но с литературными и ораторскими навыками, создающими видимость великолепия, которого на самом деле никогда и не было.

– Что, черт возьми, ты несешь?

– Я навел его на днях в реабилитационном центре в Миннесоте или Мичигане – точно не помню, потому что летел первым классом и выпивку приносили по первому требованию. Неважно. Мы встретились и заключили соглашение. Он переходит на другую сторону, Джонни. Теперь он собирается сражаться – законно – за людей, а не за конгломераты, скупающие и продающие на бумаге. Он сказал, что будет бороться с биржевиками и брокерами, которые делают миллионы на рынках и обходятся в тысячи и тысячи рабочих мест.

– Как он собирается это делать?

– Он был среди них. Он сам все это делал; он знает все трюки и горит желанием применить свои таланты в деле.

– Зачем это ему?

– Потому что ему вернули Эдит.

– Кто, ради бога, эта Эдит?

– Его жена... Вообще-то я все еще люблю ее. Я люблю ее с нашей первой встречи, но в то время знаменитому судье с женой и ребенком, как бы ни были они противны, не подобали такие желания. Рэнди Великий никогда не был ее достоин; быть может, теперь он восполнит упущенное за все потерянные годы.

– Разумеется, все это очень интересно, но какое отношение имеет к вашему соглашению?

– Я говорил, что лорд Рэндольф Гейтс сделал огромные деньги за эти потерянные, но очень даже продуктивные годы?

– Неоднократно. И что?

– Ну, он решил отблагодарить меня за мои услуги, которые, несомненно, способствовали устранению сложившейся ситуации, угрожавшей его жизни, – я имею в виду угрозу, исходившую из Парижа. Особенно в свете известной мне информации... Знаешь, после нескольких кровопролитных боев в суде, я думаю, он может быть назначен судьей. Гораздо выше даже, чем я, наверное.

– И?

– Если я буду держать язык за зубами, уберусь из Бостона и, в связи с болтливостью, буду держаться подальше от дел, то его банк станет переводить мне пятьдесят тысяч долларов ежегодно до конца моих дней.

– Боже правый!

– То же самое сказал себе и я, соглашаясь на это. Я даже сходил на церковную мессу, впервые за последние тридцать с лишним лет.

– Однако ты не сможешь больше вернуться домой.

– Домой? – Префонтейн слегка рассмеялся. – А был ли у меня дом? Неважно. Возможно, я нашел себе другой. Через джентльмена по имени Питер Холланд из Центрального разведывательного управления меня представили вашему другу, сэру Генри Сайксу в Монтсеррате, который, в свою очередь, представил меня отставному лондонскому адвокату по имени Джонатан Лемюэль, уроженцу островов. Мы неплохо ладим, но ни один из нас не готов к другому «дому». Мы могли бы открыть консалтинговую фирму как специалисты по американским и великобританским законам, касающимся экспорта и импорта. Конечно, нам придется попотеть, но мы справимся. Я предполагаю прожить здесь не один год.

Сен-Жак быстро встал из-за стола, чтобы снова наполнить стакан, недоверчиво глядя на лишнего звания бывшего судью.

Моррис Панов медленно и осторожно вышел из своей спальни в гостиную восемнадцатой виллы, где в кресле-коляске сидел Алекс Конклин.

– Мне понадобилось почти двадцать минут, чтобы вставить этот бесполезный придаток в рукав! – сердито пожаловался он.

– Надо было позвать меня, – сказал Алекс, развернувшись в коляске от телефона. – Я уже чертовски быстро могу гонять на этой штуке. Конечно, до того был двухгодичный опыт с моим квазимодовым протезом.

– Спасибо, но я предпочитаю одеваться сам – как и ты наверняка предпочитал ходить сам, как только тебе подогнали протез.

– Это первый урок, доктор. Подозреваю, об этом есть и еще что-то в закоулках твоего мозга.

– Есть. Это называется тупость или, если тебе больше нравится, упрямая глупость.

– Нет, это не так, – возразил офицер разведки в отставке, едва его глаза поравнялись с глазами Панова, когда тот медленно опустился в кресло.

– Нет... не так, – согласился Мо, вернув Конклину его взгляд. – Первый урок – неконтролируемость. Бери столько, сколько сможешь унести, и продолжай набирать еще.

– Есть и хорошая сторона, – сказал Алекс, улыбаясь и поправляя бинты вокруг горла. – Со временем это становится легче, а не труднее. Ты учишься новым трюкам каждый день; удивительно, на что способны наши маленькие серые клетки.

– Серьезно? Мне надо будет как-нибудь изучить эту область... Я слышал, ты говорил по телефону. Кто это был?

– Холланд. Провода на всех теневых каналах между Москвой и Вашингтоном перегрелись, каждый телефон тайной связи на обоих концах надывается от звонков, поскольку все думают, что произошла утечка, и их люди будут в ответе.

– «Медуза»?

– Ты никогда не слышал этого имени, я никогда не слышал этого имени, и никто, кого мы знаем, никогда его не слышал. И так более чем достаточно кровопролития на международных рынках – не говоря уже о настоящей пролитой крови, – чтобы усомниться в здравомыслии контролирующих институтов обоих правительств, которые, очевидно, ослепли или просто тупы.

– Как насчет «просто виновны»? – спросил Панов.

– Слишком немногие из верхов действительно виноваты, чтобы санкционировать уничтожение целого – таков вердикт Лэнгли и площади Дзержинского. Главные марионетки в Госдепартаменте и в кремлевском Совете министров согласны. Ничего не удастся достичь путем преследования или разглашения неправомερных действий – как тебе это нравится, неправомερные действия? Убийства, заказные убийства, похищения, вымогательство и крупномасштабная коррупция с использованием организованной преступности по обе стороны Атлантики теперь так удобно называются «неправомерными действиями»! Они говорят, что лучше спасти оставшееся, причем как можно оперативнее.

– Это мерзко.

– Это действительность, доктор. Ты вот-вот станешь свидетелем одной из самых больших операций прикрытия в современной истории, причем организованной мощными суверенными государствами... И главная мерзость заключается в том, что, похоже, они правы. Если полностью выставить «Медузу» на всеобщее обозрение – а она выставится именно полностью, если вообще выставится, – люди в ярости разорвут ублюдков на части – и многих из них напрасно, запятнанных только косвенным отношением. Такие действия порождают пустые кресла на высоких постах, а сейчас не время для каких-либо пустот. Уж лучше знакомые тебе черти, чем те, что придут потом и которых ты не знаешь.

– Так что же произойдет?

– Откуп, – произнес Конклин задумчиво. – Сеть «Медузы» раскинулась настолько широко как географически, так и структурно, что ее почти невозможно распутать. Москва высылает Огилви назад с командой финансовых аналитиков, и вместе с нашими людьми они начнут процесс демонтажа. В конечном итоге Холланд предвидит тихий, необъявленный экономический мини-саммит, куда будут созваны всевозможные финансовые министры НАТО и стран Восточного блока. Везде, где активы «Медузы» могут быть самодостаточны или поглощены их местными экономиками, так поступят, с ограничительными соглашениями для всех сторон. Главное – не допустить финансовой паники из-за массовых закрытий производств и множественных банкротств компаний.

– Тем самым похоронив «Медузу», – сказал Панов. – Опять история, не записанная и не признанная, как это было с самого начала.

– Это превыше всего, – согласился Алекс. – Об этой истории нельзя поведать миру.

– А что с людьми, вроде Бартон из Объединенного комитета и Аткинсона в Лондоне?

– Всего лишь курьеры и фасад; они вне игры по причине здоровья, и, поверь мне, они это понимают.

Панов поморщился, пытаясь устроиться поудобнее в кресле.

– Это, конечно, не компенсирует преступления Шакала, но он сыграл определенно положительную роль, не так ли? Если бы вы за ним не охотились, то не нашли бы «Медузу».

– Злая ирония судьбы, Мо, – согласился Конклин. – Но я не собираюсь представлять его за это посмертно к награде.

– Я бы сказал, это больше, чем просто ирония судьбы, – заявил Панов, качая головой. – В конечном итоге, Дэвид был прав. Вынужденно или случайно, связь все-таки была. Кто-то в «Медузе» нанял киллера или киллеров, использовавших имя Джейсон Борн, чтобы ликвидировать очень заметную фигуру на собственной территории Шакала; кто-то знал, что делал.

– Ты имеешь в виду Тигартена.

– Да. Поскольку Борн числился в черном списке «Медузы», наш патетический перебежчик, Де Соле, должен был рассказать им об операции «Тредстоун» – быть может, не название, но по крайней мере ее суть. Когда они узнали, что Джейсон-Дэвид – в Париже, они использовали все тот же первоначальный сценарий: Борн против Шакала. Убив Тигартена так, как сделали это они, эти люди были уверены, что тем самым получили самого лучшего помощника, чтобы выследить и убить Дэвида.

– Это мы знаем. И что же?

– Как же ты не понимаешь, Алекс? Подумай, Брюссель был началом конца, и в конце Дэвид воспользовался этим ложным обвинением, чтобы дать Мари знать, что он все еще жив, чтобы сказать Питеру Холланду, что он еще жив. Карта, на которой Андерлехт был обведен красным.

– Он дал надежду, и только. Я не очень доверяю надежде, Мо.

– Он сделал больше, чем просто дал надежду. Это послание заставило Холланда подготовить каждый наш пост в Европе к приему Джейсона Борна, киллера, и пойти на все, чтобы вернуть его.

– Это сработало. Иногда такое бывает.

– Это сработало, потому что несколько недель назад человек по имени Джейсон Борн знал, что, для того чтобы поймать Карлоса, должна

установиться связь между ним и Шакалом, давно забытая связь, которую надо было поднять на поверхность. И он это сделал, вы это сделали!

– Только очень извращенным способом, – допустил Конклин. – Нам это удалось, не больше того. Возможности, вероятности, абстракции – это все, с чем нам приходилось работать.

– Абстракции? – тихо повторил Панов. – Это очень ошибочно-пассивный термин. Ты хоть представляешь, какие бури в голове провоцируют абстракции?

– Даже не представляю, о чем ты говоришь.

– О тех самых серых клетках, Алекс. Они становятся безумными, крутятся на месте, словно микроскопические мячики для пинг-понга, пытаюсь найти крохотные тоннели, чтобы прорваться через них, гонимые собственными врожденными силами.

– Я не понял ни слова.

– Ты же сам сказал: злая ирония судьбы. Но я бы сформулировал это по-другому – магнит зла. Вот что вы с Дэвидом создали, и внутри этого магнитного поля оказалась «Медуза».

Конклин развернулся в коляске и покатил себя к балкону и опускавшемуся оранжевому сиянию на горизонте за темно-зелеными внешними островами Монтсеррата.

– Хотел бы я, чтобы все было так же просто, как ты говоришь, Мо, – произнес он быстро. – Но, боюсь, это не так.

– Поясни, пожалуйста.

– Крупкин погиб.

– Что?

– Я оплакиваю его как друга и чертовски хорошего врага. Он сделал все возможное для нас, и когда все закончилось, он сделал то, что было правильно, а не то, что было приказано. Он оставил Дэвида в живых – и теперь поплатится за это.

– Что с ним случилось?

– По словам Холланда, он исчез из больницы в Москве пять дней назад – просто забрал свою одежду и вышел. Никто не знает, как он это сделал и куда пошел, но час спустя за ним пришли люди КГБ, чтобы арестовать и отправить на Лубянку.

– Значит, они его не поймали...

– Поймают. Когда Кремль поднимает «черную тревогу», все дороги, железнодорожные станции, аэропорты и переезды на границах оказываются под микроскопом. Мотивация безотказная: любой, кто выпустит его, проведет следующие лет десять в ГУЛАГе. Это всего лишь вопрос времени. Будь оно все проклято.

Раздался стук в дверь, и Панов откликнулся:

– Открыто, потому что так проще! Заходите.

В дверь вкатился столик на колесиках, а за ним вошел безупречно одетый помощник менеджера, мистер Причард, который мог толкать этот столик, не нагибаясь. Он широко улыбнулся и объявил о своем присутствии и о своей цели:

– Бакингом Причард к вашим услугам, джентльмены. Я привез кое-какие морские деликатесы для вашей коллегиальной дегустации перед вечерним ужином, к которому я лично приложил руку рядом с шефом, ибо тот склонен к ошибкам без экспертного руководства, каковое я ему с удовольствием предоставил.

– Коллегиальной? – изумился Алекс. – Я окончил колледж уже почти тридцать пять лет назад.

– Очевидно, этого не хватило, чтобы улавливать нюансы английского языка, – буркнул Моррис Панов. – Скажите мне, мистер Причард, как вам не жарко в этой одежде? Я бы уже истек потом, как свинья.

– Нет здесь никаких нюансов, только неоправданное клише, – буркнул в ответ Конклин.

– Я не страдаю излишней перспирацией, сэр, – ответил помощник менеджера.

– Готов поспорить, вы все-таки «вспотели», когда мистер Сен-Жак вернулся из Вашингтона, – предположил Алекс. – Подумать только, Джонни – «террорист»!

– Этот инцидент уже в прошлом, сэр, – стоически произнес Причард. – Мистер Сент-Джей и сэр Генри поняли, что мой великолепный дядя и я заботились всем сердцем только о детях.

– Умно, очень умно, – похвалил Конклин.

– Я приготовлю канапе, джентльмены, и проверю лед. Остальные скоро подойдут.

– Очень мило с вашей стороны, – поблагодарил Панов.

Дэвид Вебб прислонился к арке, ведущей на балкон, наблюдая за женой, которая дочитывала последние страницы детской книжки их сыну. Миссис Купер дремала в кресле, покачивая симпатичной черной головой над полной грудью, будто ожидая услышать голосок Элисон из-за полуприкрытой двери в двух шагах от ее кресла. Интонации тихого голоса Мари соответствовали словам сказки, что подтверждали широко раскрытые глаза и приоткрытые губы Джеми. «Если бы не аналитический склад ума, улавливающий музыкальную гармонию в цифрах, его жена могла бы быть актрисой, – подумал Дэвид. – У нее есть все внешние атрибуты этой изменчивой профессии: яркая внешность, властный вид, заставлявший и мужчин, и женщин затихать и мечтательно провожать ее взглядом, когда она шла по улице или входила в помещение».

– А ты считаешь мне завтра, папа!

Сказка закончилась, о чем свидетельствовали соскочивший с кровати сын и раскрывшиеся глаза миссис Купер.

– Я как раз хотел почитать тебе сказку сегодня, – оправдываясь, сказал Вебб, отходя от арки.

– Фу, ты все еще воняешь, – сказал мальчик, поморщившись.

– Твой папа не воняет, Джеми, – объяснила Мари, улыбаясь. – Я же говорила тебе, это лекарство, которым доктор велел ему промывать раны после аварии.

– Он все равно воняет.

– Нельзя ведь спорить с аналитическим умом, когда он прав, верно? – спросил Дэвид.

– Мама, еще слишком рано идти спать! Я могу разбудить Элисон, и она снова начнет плакать.

– Я знаю, дорогой, но мы с папой должны пойти навестить всех твоих дядей...

– И моего нового дедушку! – возбужденно воскликнул ребенок. – Дедушка Брендан сказал, что научит меня когда-нибудь быть судьей.

– Боже упаси, – возразила миссис Купер. – Этот человек одевается, как павлин в брачный период.

– Можешь пойти в нашу комнату и посмотреть телевизор, – быстро перевела Мари тему. – Но только на полчаса...

– Ну-у!

– Хорошо, может быть, час, но каналы будет выбирать миссис Купер.

– Спасибо, мамочка! – воскликнул ребенок, побежав в родительскую комнату. Миссис Купер поднялась из кресла и пошла за ним.

– О, я могла бы и сама включить ему, – сказала Мари, вставая с кровати.

– Нет, миссис Мари, – возразила миссис Купер. – Оставайтесь с вашим мужем. Он страдает, хотя и никогда не признается в этом. – Она скрылась в спальне.

– Это правда, милый? – спросила Мари, подойдя к Дэвиду. – Тебе больно?

– Мне не хотелось бы опровергать миф о несравненных способностях великой леди, но она ошибается.

– Почему ты всегда используешь дюжину слов, когда достаточно одного?

– Потому что я вроде как ученый. Мы, академики, никогда не идем прямым путем, потому что он не оставляет нам никаких оправданий на случай, если мы ошибаемся. А ты что, антиинтеллектуалка?

– Нет, – ответила Мари. – Видишь, это простая, однословная констатация.

– Что такое констатация? – спросил Вебб, обняв жену и поцеловав ее, их губы слились, столь значимо для них обоих, так возбуждающе.

– Это короткий путь к истине, – пояснила Мари, откинув назад голову и глядя на него. – Никаких оправданий, никакой неопределенности – только факт. Как пять плюс пять равно десять – не девять или одиннадцать, а именно десять.

– Ты – десятка.

– Это банально, но я приму это... Ты понемногу расслабляешься, я снова тебя чувствую. Джейсон Борн уходит из тебя, верно?

– Вроде того. Пока ты была с Элисон, мне позвонил Эд Мак-Алистер из Агентства национальной безопасности. Мать Бенджамина на пути в Москву.

– О, это замечательно, Дэвид!

– Мы с Маком оба порадовались, и я подумал, что никогда раньше не слышал, как он смеется. Это было здорово.

– Он тащил за собой свою вину – она была на его плечах. Он отправил нас обоих в Гонконг и не мог себе этого простить. Теперь ты вернулся, живой и свободный. Не уверена, смогу ли я когда-нибудь простить его, но по крайней мере я уже не брошу трубку, если он позвонит.

– Он был бы рад. Вообще-то я просил его позвонить. Сказал, что ты, может быть, даже пригласишь его как-нибудь на ужин.

– Это уже слишком.

– А мать Бенджамина? Этот парень спас мою жизнь.

– Ну, может быть, быстрый завтрак.

– Прочь от меня, женщина. Секунд через пятнадцать я выгоню Джеми и миссис Купер из нашей спальни и потребую свой супружеский долг.

– Очень заманчиво, Атилла, но, кажется, мой брат рассчитывает на нас. Две brave особы и чрезмерно мечтательный отставной судья – это больше того, с чем способен справиться ковбой из Онтарио.

– Я их всех обожаю.

– Я тоже. Пойдем.

Карибское солнце скрылось в море; только слабые побеги оранжевого окрашивали западный горизонт. Пламя свечей в стеклянных светильниках было ровным, спокойным, чуть курясь серым дымом, распространяя своим сиянием теплый свет и приятные тени на просторном балконе виллы номер восемнадцать. Беседа тоже была теплой и приятной – выжившие наслаждались своим избавлением от кошмара.

– Я выразительно объяснил Дэнди-Рэнди, что доктрина «гениальных замыслов» нуждается в пересмотре, если времена изменили восприятие, существовавшее, когда принимались оригинальные решения, – вещал Префонтейн. – Перемены, перемены – неизбежный результат воздействия времени.

– Это слишком очевидно, я не могу представить себе, чтобы кто-либо с этим стал спорить, – сказал Алекс.

– О, Гейтс делал это постоянно, смущая судей эрудицией и ставя в тупик коллег многогранностью своих решений.

– Зеркала и дым, – добавила Мари, смеясь. – То же самое мы применяем и в экономике. Помнишь, братец, я говорила тебе об этом?

– Я не понял тогда ни слова. Как, впрочем, и сейчас.

– Никаких зеркал или дыма там, где задействована медицина, – сказал Панов. – По крайней мере не там, где лаборатории находятся под наблюдением и запрещены фармацевтические фирмы-однодневки. И регулярно проверяется законность действий.

– При этом во многом виновата нарочно неопределенная основа нашей Конституции, – продолжил бывший судья. – Словно отцы-основатели прочитали Нострадамуса, но не признались в своей фривольности, или, может быть, изучили чертежи Да Винчи, который предвидел самолеты. Они понимали, что не могут написать закон для будущего, потому что не имеют представления, каким оно будет, чего потребует общество для своих будущих свобод. И потому великолепно о многом умолчали.

– Непризнанные как таковые великолепным Рэндольфом Гейтсом, если мне не изменяет память, – сказал Конклин.

– О, он скоро изменится, – перебил Префонтейн, усмехнувшись. – Он всегда шел, куда дует ветер, и он достаточно умен, чтобы сообразить, как повернуть паруса, чтобы не идти против него.

– Мне все же интересно, что случилось с женой водителя грузовика, той, что была замужем за человеком, которого звали Бронком? – поинтересовался психиатр.

– Представь себе небольшой домик, белый частокольный забор и тому подобное, – предложил Алекс. – Так легче.

– А что за жена водителя грузовика? – спросил Сен-Жак.

– Не бери в голову, Бро, я бы не стал выяснять.

– Или с этим сукиным сыном армейским врачом, который накачал меня амиталом! – настаивал Панов.

– Он теперь заведует клиникой в Ливенуорте, – ответил Конклин. – Забыл сказать тебе... Столько всего вылетело из головы. И Крупкин. Старый экстравагантный Круппи, такой элегантный и прочее. Мы его должники, но помочь ему не можем.

На некоторое время повисла тишина: каждый по-своему подумал о человеке, который, рискуя собой, противостоял крепкой системе, требовавшей смерти Дэвида Вебба. Сейчас Дэвид стоял у перил, глядя на потемневшее море, душой и телом несколько в стороне от остальных. На это уйдет время, он это понимал. Джейсон Борн должен исчезнуть; он должен покинуть его. Когда?

Но вдруг оказалось, что это делать еще рано, только не сейчас! Прямо из ночи на остров вновь обрушилось безумие! Тишину прорезал рев двигателей с неба, подобно резким приближающимся раскатам грома. Три военных вертолета приближались к пристани Транквилити, вспарывая пулеметными очередями береговую линию, в то время как через рифы пробивался мощный скоростной катер, направляясь к пляжу. Сен-Жак включил интерком:

– Береговая тревога! – прокричал он. – Все к оружию!

– Боже, ведь Шакал мертв! – проорал Конклин.

– А его чертовы слуги – нет! – крикнул в ответ Джейсон Борн – от Дэвида Вебба не осталось и следа, – толкая Мари на пол и доставая из-за пояса пистолет, о котором его жена не подозревала. – Они знали, что я здесь!

– Это безумие!

– Это Карлос, – ответил Джейсон, подбежав к перилам балкона. – Они принадлежат ему! Они его до конца жизни!

– Вот дерьмо! – рявкнул Алекс, яростно поворачивая колеса своей коляски, подкатился к Панову и оттолкнул его от стола и зажженных свечей.

Неожиданно оглушительный громкоговоритель с ведущего вертолета засвистел статикой, а потом заговорил:

– Вы видели, что мы сделали с пляжем, топ! Вы будете разрезаны пополам, если не заглушите двигатель!.. Вот так лучше, топ. Дрейфуйте к берегу – дрейфуйте, мотор должен быть выключен! Теперь оба выходите на палубу, наклонитесь вперед и положите руки на планшир! Немедленно!

Лучи прожекторов двух кружащих вертолетов сошлись на катере, а ведущий направился к берегу, взбив под собой песок, образовав некое подобие посадочной площадки, и приземлился. Из него выскочили четверо, целясь в катер, а жители виллы номер восемнадцать стояли у перил и изумленно смотрели на невероятное представление внизу.

– Причард! – рявкнул Сен-Жак. – Бинокль!

– Он у меня, мистер Сент-Джей, – вот, прошу вас. – Причард выбежал на балкон и протянул хозяину мощный бинокль. – Я успел протереть линзы, сэр!

– Что там? – резко спросил Борн.

– Не знаю. Двое мужчин.

– Какая-то армия! – сказал Конклин.

– Дай сюда, – приказал Джейсон и выхватил у шурина бинокль.

– В чем дело, Дэвид? – воскликнула Мари, увидев изумление на лице мужа.

– Это Крупкин, – ответил он.

Дмитрий Крупкин с бледным лицом – бородки на нем больше не было – сидел за белым металлическим столом и отказывался говорить о чем бы то

ни было, пока не допьет третью рюмку бренди. Как и Панов, Конклин и Дэвид Вебб, он, очевидно, был ранен и страдал от боли, которой, как и все остальные, не придавал значения, поскольку предстоящее было несравнимо лучше, чем то, что осталось позади. Его небогатая одежда раздражала его каждый раз, когда он опускал на нее глаза, но Дмитрий только молча пожимал плечами. Это говорило о том, что скоро он вернется в свое обычное блистательное состояние. Его первые слова были обращены к престарелому Брендану Префонтейну, одетому в сложно перевязанную гуаберу поверх ярко-голубых штанов.

– Отличный наряд, – сказал он восхищенно. – Очень тропический и замечательно подходящий для здешнего климата.

– Благодарю вас.

Как только все были представлены друг другу, на русского обрушился целый поток вопросов. Он поднял обе руки, подобно папе римскому на своем балконе на площади Святого Петра, и заговорил:

– Я не стану наскучивать вам или напрасно утомлять тривиальными деталями моего побега из матушки-России. Скажу только, что поражен размерами коррупции и никогда не забуду и не прощу грязные апартаменты, в которых мне приходилось жить за непомерные деньги, что мне пришлось потратить... Однако слава богу за «Кредит Свисс» и те милые зеленые купоны, которые они выпускают.

– Просто расскажите, что произошло, – попросила Мари.

– А вы, милая леди, куда красивее, чем я себе представлял. Если бы мы встретились в Париже, я бы похитил вас у этого диккенсовского оборванца, которого вы называете своим мужем. Боже, только посмотрите на эти волосы – они великолепны!

– Он, наверное, не мог сказать вам даже, какого они цвета, – улыбнулась Мари. – Я буду шантажировать этого холопа вами.

– И все же для его возраста он удивительно в хорошей форме.

– Это потому что я пичкаю его всякими таблетками и всевозможными лекарствами, Дмитрий. А теперь расскажите же нам, что случилось?

– Что случилось? Они вычислили меня, вот что случилось! Они конфисковали мой чудный дом в Женеве! Теперь это придаток советского посольства. Ужасная потеря!

– Кажется, моя жена говорит обо мне, холопе, – сказал Вебб. – Ты находился в больнице в Москве и обнаружил, что кто-то что-то против меня

задумал – а именно мою казнь. Тогда ты приказал Бенджамину вывести меня из Новгорода.

– У меня есть источники, Джейсон, и наверху тоже ошибаются, и я не стану никого подставлять, называя имена. Это было просто неправильно. Если Нюрнберг чему нас и научил, так это тому, что не следует выполнять бессмысленные приказы. Этот урок пересекает границы и проникает в умы.

– Хорошо сказано, – одобрил Префонтейн, поднимая стакан «Перье» за здоровье русского. – Когда все уже сказано и сделано, мы все часть единого разума, человеческой расы, не так ли?

– Ну, – кашлянул Крупкин, проглотив четвертую рюмку бренди, – помимо этого очень привлекательного, хотя и избитого утверждения, имеются еще различия в способах владения собственностью, господин судья. Несерьезные, конечно, но тем не менее различия. Например, хотя мой дом на берегу озера в Женеве больше не принадлежит мне, мои счета на Каймановых островах по-прежнему мои личные. Кстати, далеко отсюда до этих островов?

– Примерно двадцать сотен миль на запад, – ответил Сен-Жак. – Самолет из Антигуа доставит вас туда часа за три с чем-то.

– Так я и думал, – кивнул Крупкин. – Когда мы лежали в московской больнице, Алекс часто говорил об острове Транквилити и Монтсеррате, и я посмотрел карту в больничной библиотеке. Кажется, все идет как надо... Кстати, я надеюсь, с хозяином катера будут вежливо обращаться? Мои чрезвычайно дорогие эрзац-документы очень даже в порядке.

– Его преступление заключается в том, как он здесь появился, а не в том, что привез вас сюда, – ответил Сен-Жак.

– Я очень спешил: все-таки решается моя судьба.

– Я уже объяснил представителям властей, что вы старый друг моего зятя.

– Хорошо. Очень хорошо.

– Что вы теперь будете делать, Дмитрий? – спросила Мари.

– Боюсь, мои средства весьма ограничены. У нашего русского медведя не только больше когтей, чем у сороконожки – ног, но он еще и имеет доступ ко всемирной компьютерной сети. Мне придется затихнуть на достаточно долгое время, пока я не создам себе новую биографию. От самого рождения, конечно. – Крупкин повернулся к хозяину «Транквилити Инн». – Возможно ли арендовать один из этих замечательных коттеджей, мистер Сен-Жак?

– После всего, что вы сделали для Дэвида и моей сестры, можете даже не задумываться над этим. Этот дом – ваш дом, мистер Крупкин. Весь.

– Вы очень добры. Во-первых, естественно, мне предстоит слетать на Кайманы, где, я слышал, имеются отличные портные; затем, быть может, небольшая яхта и мелкий чартерный бизнес, который можно представить как перемещенный из Тиерра дель Фуэго или Мальвин – словом, какое-нибудь забытое богом местечко, где небольшое количество денег сможет создать личность и весьма туманное прошлое. После всего этого, есть один доктор в Буэнос-Айресе, который творит чудеса с отпечатками пальцев – совсем безболезненно, говорят, – и потом немного косметической хирургии – в Рио лучшие, знаете ли, гораздо лучшие, чем в Нью-Йорке, специалисты, – совсем чуть-чуть, слегка изменить профиль и, пожалуй, скинуть год-другой... За последние пять дней и ночей мне было нечем заняться, кроме как думать и планировать, претерпевая в пути ситуации, которые я не в силах описывать в присутствии прелестной миссис Вебб.

– Да, вы все хорошо продумали, – согласилась жена Дэвида. – И, прошу вас, зовите меня Мари. А то как же я буду шантажировать вами моего холопа, если я миссис Вебб?

– Ах, восхитительная Мари!

– Что насчет этих твоих восхитительных планов? – многозначительно спросил Конклин. – Сколько времени может занять их воплощение?

– И это ты задаешь подобный вопрос? – удивленно вытаращил глаза Крупкин.

– Я думаю, его все же следовало задать, – ответил Алекс.

– Ты, который создал досье величайшего актера, которого когда-либо знал мир международного терроризма? Досье несравненного Джейсона Борна?

– Если речь обо мне, – сказал Вебб, – то меня нет. Я здесь всего лишь предмет интерьера.

– Сколько, Круппи?

– Ради бога, старик, ты ведь обучал рекрутов для конкретного задания, для единственной миссии. Я же собираюсь изменить целую жизнь!

– Сколько?

– Это ты скажи мне, Алекс. Речь идет о моей жизни – какой бы незначительной в геополитической схеме вещей она ни была, – это все же моя жизнь.

– Мы обеспечим все, что понадобится, – перебил Дэвид Вебб, из-за раненого плеча которого выглядывал невидимый образ Джейсона Борна.

– Два года на то, чтобы сделать это хорошо, три – чтобы сделать лучше, – заверил Дмитрий Крупкин.

– Они у вас есть, – сказала Мари.

– Причард, – сказал Сен-Жак, повернув голову. – Подлей-ка мне, будь добр.

Эпилог

Они шли по залитому лунным светом пляжу, изредка касаясь друг друга, чтобы дать проявление чувству возбуждения от близости, будто разлучивший их мир никак не выпускал из своего кошмарного водоворота, постоянно затягивая в свое огненное ядро.

– У тебя был с собой пистолет, – тихо сказала Мари. – Я и не подозревала, что он у тебя был. Ненавижу оружие.

– Я тоже. Даже не уверен, что знал о нем. Он просто был при мне.

– Рефлекс? Привычка?

– И то и другое, наверное. Это было неважно, мне все равно не пришлось им воспользоваться.

– Но ты мог бы, не так ли?

– И снова, не уверен. Если бы тебе и детям что-либо угрожало, я бы без сомнений воспользовался им, но не думаю, что стал бы палить без разбору.

– Ты уверен, Дэвид? Не заставит ли тебя малейший признак опасности для нас выхватить пистолет и начать стрелять по теням?

– Нет, по теням я не стреляю.

Шаги. Сзади на песке! Шорох волн и несомненные признаки вторжения человеческого существа, разрывы через естественные промежутки времени – звуки, хорошо знакомые Джейсону Борну по сотням пляжей! Он развернулся, с силой оттолкнув Мари в сторону от линии огня так, что она не удержалась на ногах, и присел, вскидывая пистолет.

– Пожалуйста, не убивай меня, Дэвид, – проговорил Моррис Панов, осветив его фонариком. – Это было бы просто бессмысленно.

– Боже, Мо! – воскликнул Вебб. – Какого черта ты здесь?

– Пытаюсь вас разыскать, только и всего... Ты не хочешь помочь Мари?

Вебб подчинился и поднял жену на ноги. Они оба жмурились от луча фонарика.

– Боже, да ты действительно крот! – вскричал Джейсон Борн, снова поднимая оружие. – Ты знал каждый мой шаг!

– Кто я?! – взревел психиатр, опустив фонарик. – Если ты веришь этому, застрели меня, сукин сын!

– Не знаю, Мо. Я уже ничего не знаю!.. – голова Дэвида запрокинулась назад от боли.

– Тогда плачь от всей души, ублюдок! Плачь, даже если не делал этого никогда раньше! Джейсон Борн мертв, кремирован в Москве, и это действительно так! И либо ты примешь это, либо я не хочу больше иметь с тобой ничего общего! Усвоил ты это, высокомерное, великолепное создание?! Ты сделал это, и все кончено!

Вебб упал на колени со слезами на глазах, дрожа и стараясь не издать ни звука.

– С нами все будет в порядке, Мо, – сказала Мари, садясь рядом с мужем и обнимая его. – Знаю, – согласился Панов, кивнув, почти невидимый в свете опущенного фонарика. – Две жизни в одной голове – ни один из нас не знает, каково это. Но теперь это в прошлом. Это действительно в прошлом.